

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

БАЛТО-СЛАВЯНСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

≈ 1984 ≈

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ И БАЛКАНИСТИКИ

БАЛТО-СЛАВЯНСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

1984

Ответственный редактор
доктор филологических наук
Вяч. Вс. ИВАНОВ

МОСКВА
"НАУКА"
1986

О МИФОПОЭТИЧЕСКИХ ОСНОВАХ ЛАТЫШСКИХ ДАЙН

Сборник содержит статьи по различным вопросам языковых и этнокультурных связей балтов и славян в историческом и ареальном планах. Ряд статей посвящен знаменательным датам в истории латышской культуры.

Исследования продолжают программную для этого издания концепцию комплексного историко-филологического подхода к балто-славянской проблематике.

Рецензенты: Р.А. Агеева, Т.В. Булыгина

Редакционная коллегия:

Вяч.Вс.Иванов, К.П. Корсакас, В.П. Мажюлис,
Л.Г. Невская, В.П. Нерознак, М.К. Рудзите,
Т.М. Судник (отв. секретарь),
А.Е. Супрун, В.Н. Топоров, О.Н. Трубачев

В латышской народной песенной традиции, известной прежде всего благодаря изданиям Кр. Барона, сохранены многие мифологические архаизмы, древность которых вызывает изумление ученых. Одним из первых внимание на это обратил замечательный английский этнолог Р. Харрис, с именем которого А.М. Золотарев правильно связывает весь последний период в изучении дуалистических культов¹. В своей книге, где предлагался новый (и во многом оказавшийся верным) подход к этой области исследований, проницательный Харрис посвятил целую главу "близнецам в латышских народных песнях"². В ней он писал: "Очень неожиданно, что так много из незапамятного прошлого могло сохраниться в фольклорных песнях" ("It is very surprising that so much can have been preserved in folk-songs out of the immemorial past"³).

Харрис имел в виду главным образом мифологический образ двух обожествляемых близнецов в их соотношении с деревом (священным дубом в дайнах). Его идеи были подтверждены последующими исследованиями, в особенности, книгой Уорда⁴, сопоставившего соответствующие латышские народные песни с ведийскими гимнами, греческими гомеровскими текстами и сведениями о близнецном мифе у древних германцев. Это сравнение подтвердило архаизм сюжетных мотивов и атрибутов, связывавшихся с божественными близнецами.

Прежде всего латышская пара близнецов *Dieva dēli* 'Божьи сыновья' функционально (и по этимологии первого слова и по внутренней форме всего сочетания⁵) соответствуют лит. *Diēvo sūnēliai* 'сыновья бога', др.-инд. вед. *Divo parātā* (дв.ч). 'два потомка бога Неба (*Dyáuḥ*)', греч. гом. *Διοσκόροιοι* 'Диоскуры, дети бога Ясного Неба Зевса (*Ζεύς*)'. В этой двусложной комбинации во всех указанных языках сохраняется первый элемент — индоевропейское имя главного бога 'Неба' — 'Света', который именовался Бог Солнца-Отец: ср. др.-инд. вед. *Dyāus pitā*, греч. зват. п. *Zeū pāter*, лат.

¹ Золотарев А.М. Родовой строй и первобытная мифология. М.: Наука, 1964; ср. также: Иванов Вяч.Вс. Дуальная организация первобытных народов и происхождение дуалистических космогоний. — Советская археология, 1966, №4; Он же. Близнецный культ и двоичная символическая классификация в Африке. — В кн.: Африканский этнографический сборник. Africana, т. II. М.: Наука, 1978.

² Harris R. Boanerges. Cambridge, 1913, ch. XXXI, p. 297–303.

³ Ibid., p. 299.

⁴ Ward D. The divine Twins: An Indo-European myth in Germanic tradition. University of California Folklore Studies, 19. Berkeley-Los Angeles, University of California Press, 1968.

⁵ Иванов В.В. Отражение индоевропейской терминологии близнецного мифа в балтийских языках. — В кн.: Балто-славянский сборник. М., 1972.

Кр. Барон (1835–1893)

Jūpiter, Diēspiter, умбр. *Iupater* (ср. также с заменами одного из элементов — лув. *tatiš tiqaz* 'Отец — Бог Солнца', пал. *tiqaz* . . . *rapaz* 'Бог Солнца-Отец', др.-рус. *Стрибожь* < *ptrei-bogъ)⁶.

Сходство простирается и на отношения детей Бога Солнца (Неба) с их сестрой — 'дочерью Солнца', лтш. *saules meita*, лит. *saulės dukrė*, др.-инд. вед. *duhitā sūryasya*. В этом случае в литовском и древнеиндийском совпадают оба элемента исходного сочетания (разница заключается только в характере флексии родительного падежа, различившейся в этих индоевропейских диалектах). Поэтому может быть восстановлена праформа конструкции **s(a)uHel-* + **Gen. sg.* + **d^hug^hHtē(r)* (последняя словоформа реконструируется в виде диалектной формы со значением *Nom. sg.*, т.е. представляет собой трансформ **d^hug^hHter-* + **Nom.sg.*), где

Gen. sg. семантически эквивалентен любому древнему виду выражения синтаксической связи, каким могло быть и *io, ср. вероятную праформу для ведийского **s(a)uHel-io-s-io*, где второе *io представляет собой показатель синтаксической связи (возможно, этимологически и соотносящийся с суф. *-io-* именной основы, хотя это и необязательно), присоединенный к древнему "эргативу" (= "активу") для трансформации его в генитив⁷.

В латышских дайнах *Dieva dēli* 'Божьи сыновья' выступают в качестве ухаживающих за *Saules meita* 'дочерью Солнца':

Sudrabiņa gaiļi dzied
Zeltupītes maliņā;
Tie piecēla Dieva dēlus
Saules meitas preciniekus (389–34008)

'Серебряные петухи поют /на берегу Золотой речки; /Они будят Сыновей Божьих, /Ухаживающих за Дочерью Солнца'.

Этот мотив ухаживания может быть символизирован конями Божьего сына — тем атрибутом, который объединяет латышских Божественных

⁶ Гамкрелидзе Т.В., Иванов Вяч.Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы: Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры, II. Тбилиси, изд-во ТГУ, 1984, с. 777.

⁷ Там же, I, с. 270, 376; Иванов Вяч.Вс. Заметки по категории притяжательности. VII. К реконструкции исходного синтаксического прототипа балто-славяно-германского сочетания прилагательного с местоименным элементом — "удалителем" в притяжательной функции. — В кн.: Категория притяжательности в славянских и балканских языках: Тезисы совещания. М.: Наука, 1983.

Близнецов с ведийскими Ашвинами и греческими Диоскурами:

Kam tie sirmi zirgi stāv
Pie Saulītes nama durīm?
Dieva dēla sirmi zirgi,
Saules meitas precenieka

'Чьи серые кони стоят /Перед дверью дома Солнышка? /Это серые кони Божьего сына, /ухаживающего за Дочерью Солнца'.

В недавнее время выяснено, что отношения конных персонажей древнеиндийского близнечного мифа — Ашвинов к 'дочери Солнца' Сурье, ставшей их женой, в точности аналогичны отношениям других пар близнецов в древнеиндийском и древнегреческом эпосе к женщине, связанной с ними родством или свойством⁸. К той же группе фактов принадлежит и замечательное кельтское предание 'Недуг уладов', где женщина *Macha*, побеждающая в конных состязаниях, родит близнецов — мальчика и девочку, чем объясняется и название местности *Emain Macha* (от *emain* 'близнецы')⁹. В соответствующем древнеиндийском мифе близнецы Ашвины, выигрывая в состязании, тем самым завоевывают себе Сурью.

Иногда в дайне дается только намек на сюжетные отношения, связывающие Божьего сына и Дочку Солнца:

Saules meita mazgājās
Straujupītes līkumā;
Dieva dēls lūkojās
Zelta kārkli krūmiņā. (BW 33728)

'Дочь Солнца купается / в излучине быстрой речки; /Сын бога пригнулся / за золотым плетением куста'.

Ухаживание приводит к обручению:

Dieva dēlis, Saules meita
Pār Daugavu rokas deva;
Tik tie zelta gredzentini
Nesabira Daugavā. (33757)

'Сын божий, Дочь Солнца / над Даугавой обручались; /только те золотые перстеньки /в Даугаву не посыпались'. Свадебные дары для них кует божественный кузнец:

Kalējs kala debešis,
Ogles bira Daugavā;
Saules meitas šaktu kala,
Dieva dēla zobentiņu. (33728)

'Кузнец ковал на небе; /Угли в Даугаву сыпались. /Он ковал украшение для Дочки Солнца, /сабельку — для Сына бога'.

Далее в варианте сюжета, который можно было бы назвать "стандартным", все приготовления к свадьбе увенчиваются успехом. Но во время

⁸ Chakravarty U. The Heavenly Twins and a Maiden. — In: Fifth World Sanskrit Conference (Varanasi, India, October 21–26. 1981). Summaries of Papers. Delhi, p. 130–132; Иванов Вяч.Вс., Топоров В.Н. К проблеме лтш. *jumis* и балтийского близнечного культа. — Балто-славянские исследования 1982. М.: Наука, 1983, с. 142, прим. 3; с. 164, прим. 61.

⁹ Ирландские саги. 2-е изд. М.: Academia, с. 76–80; Похищение быка из Куалнге: (Лит. памятники). М.: Наука, 1985, с. 7–9, 447.

самого свадебного праздника неожиданно возникает тема Месяца, который становится счастливым соперником:

Dieva dēli, Saules meita
Vidu gaisa kāzas dzera;
Mēnešiņš tecēdams,
Tas pārmija gredzenīnus (362–33763)

‘Божьи сыновья и Дочь Солнца /праздновали небесную свадьбу; /Передвигаясь, Месяц/поменялся с ней кольцами’.

Об этой же перемене рассказывается ретроспективно от имени дочери Солнца (в даине не названной):

Māte, mani auszēdama,
Sola Dieva dēliņam;
Kad uzaugu, tad nedeava,
Tad iedeava Mēnesim (373–33843)

‘Пока мать меня воспитывала, /она меня обещала Сыночку божьему. /Но когда я выросла, она не отдала меня (ему). /Тогда она отдала меня Месяцу’.

Следовательно, в латышских дайнах существует сюжет, одновременно соединяющий божьих сыновей (в некоторых песнях — одного из них) и дочь Солнца как женихов (жениха) и невесту и одновременно их разъединяющий: они не становятся мужем (мужьями) и женой. В самом латышском фольклоре этот сюжет дан как таковой (во фрагментах — в разных дайнах, описывающих части этой фабулы) без мотивировок. Сравнительно-историческое исследование показывает, что сюжет восходит к общеиндоевропейскому мотиву частично удающегося или совсем не удающегося брака божественных близнецов, который в латышском варианте осложнен перекрещиванием с астральной символикой.

Тот индоевропейский сюжет, который связан с этим мотивом, в других индоевропейских традициях обычно связывается с тем общеиндоевропейским названием ‘близнеца’ — др.-инд. *yamā*, авест. *ušta*-, ср.-ирл. *etuin* (вероятно, и лат. *geminus* ‘близнец’ с отражением архаической фонетической формы слова), которое в латышском отражается в форме *jumis*, сохраняющей набор архаических значений — от сдвоенного колоса, выступающего в качестве символа плодородия в согласии с универсальной типологической закономерностью (выявленной тем же Харрисом¹⁰, а следом за ним и рядом других ученых¹¹), до названия сельскохозяйственного божества¹². Исследованиями последнего десятилетия, которые были посвящены образу этого божества — Юмиса (лтш. *Jumis*) в дайнах, выявлено закономерное соответствие этого божества и его имени индоевропейским мифологическим близнецам персонажам, таким как вед. *Yama* ‘Яма; божественный близнец’. Особый интерес представляет несомненная близость латышских вариантов мифа об инцесте божественных близнецов

индоевропейским основам соответствующих индо-иранских мифов. Восточнобалтийский миф может быть реконструирован на основании сохранившихся в дайнах мотивов ухаживания ‘божьих Сыновей’ (лтш. *Dieva dēli*) или одного из них за ‘дочь Солнца’ (лтш. *saules meita*, лит. *saulės duktelė*), с одной стороны, наличия женской параллели Юмису — *Jume, Juma, Jumīte, Jumala* и т.п.¹³, с другой. Кажется вероятным, что во всяком случае для тех индоевропейских диалектных ареалов, где уже существовало (как в индо-иранском и балтийском) противопоставление грамматических форм мужского и женского рода, от индоевропейского названия ‘(обожеествляемого) близнеца’ наряду с формой мужского рода типа вед. *Yama*- и лтш. *Jumis* могли быть образованы и формы женского рода типа вед. *Yamī*, лтш. *Jumē, Juma* и т.п. Вторые могли в архаических мифологических текстах обозначать женский персонаж, который выступал в мифе в качестве сестры божественного близнеца. Следы именно этого мотива находим в таких латышских дайнах о Юмисе¹⁴, как

Jumīts meklēj Jumaliņas
Pa tīrumu staigādams;
Brālīts meklēj līgaviņas
No māšiņām vaicādams (L, 2)

‘Юмичек Юмаленьку ищет, / Расхаживая по пашне; / Братик невестушку ищет, / Спрашивая у сеструшек’.

Параллелизм *Jumīts* ‘Юмичек’ — *brālīts* ‘братик’, *Jumaliņas* ‘Юмаленьку’ — *līgaviņas* ‘невестушку’ — *māšiņām* ‘сеструшек’ очевиден и не позволяет сомневаться в изначальном тождестве с ситуацией, отраженной в ведийском гимне о Яме и его сестре Ями. Различие состоит, однако, в том, что в латышской даине на первом плане не сестра, помогающая любви брата, как в ведийском гимне, а брат, который ищет себе невесту. Кроме того, из-за грамматической трансформации, представляющей существительного рода во множественном числе (как это вообще характерно для балтийского и славянского фольклора), они несколько теряют в своей конкретности; обратное наблюдается в кельтской трансформации мифа, где с одной сестрой соотнесено три брата¹⁵, тогда как в хеттском варианте тридцать близнецов-сыновей женятся на своих тридцати сестрах¹⁶. Учитывая наличие множества мифологических персонажей во всех указанных вариантах, кроме ведийского, нельзя быть совершенно уверенным в его изначальности. В качестве исходного можно было бы восстановить и миф типа хеттского, где некоторое магическое число (3n, где n = 10 для древнехеттского, n = 1 для древнеирландского) братьев женится на таком же магическом числе сестер (в хеттском инициатива принадлежит не сестрам, а общей матери близнецов, не узнавшей своих сыновей; при известном сходстве с матерью в цитированной даине вероятно древневосточное происхождение этого мотива, как и всей асимметрической структуры, где у царицы-матери близнецов нет мужского соответствия, что напоминает

¹⁰ Harris R. Op. cit., p. 128, 129, 168, 301, 386–387, 401.

¹¹ Ср. в особенности параллели у догонов, а также на Фиджи: Иванов Вяч. Вс. К семиотической теории карнавала как инверсии двоичных противопоставлений. — В кн.: Труды по знаковым системам, VIII. Тарту, 1977.

¹² Neuland L. Jumis, die Fruchtbarkeitsgottheit der alten Letten. — Acta Universitatis Stockholmiensis. Stockholm Studies in comparative religion, 15. Stockholm, 1977.

¹³ Ibid., S. 12–13.

¹⁴ Иванов Вяч. Вс., Топоров В. Н. Указ. соч., с. 153, 163.

¹⁵ Dumézil G. Mythe et épopée. Types épiques indo-européens: un héros, un sorcier, un roi. Paris: Gallimard, 1971, p. 244–280.

¹⁶ Иванов Вяч. Вс. Хеттская и хурритская литература. — В кн.: История всемирной литературы, т. 1. М.: Наука, 1983.

о специфической роли царицы в этом ареале Древнего Востока). В таком случае в латышском варианте мифа отражается изначальная множественность сестер (и братьев — 'божжих сыновей'), в кельтском — множественность братьев, ведийский, как и латышский, отражает двоичность близнецов-мужчин (Ашвинов), но в мифе о Яме сводит их к одному брату и сестре (хотя этимологически ее имя *Jamī* можно истолковать как древнее собирательное¹⁷ на **iH > ī*, т.е. в этом имени можно было бы видеть след исходного варианта мифа, близкого к латышскому). В этом (с точки зрения реконструируемого прототипа упрощенном) варианте ведийский гимн излагает диалог Ямы и его сестры следующим образом. В начале сестра Ямы Ями предлагает ему соединиться, чтобы произвести потомство (RV X, 10, 1):

Ō cit sakhāyam sakhyā vavṛtyām tirāḥ purū cid arnavām jaganvān /
pitūr nāpātām ā dadhita vedhā ādhi kṣāmi pratarām dīdhyānah //

'Как хотела бы я подвинуть друга на дружбу, как бы далеко он не ушел за море, / Мудрец должен бы произвести внука для своих отцов, Имея в виду то, что (далее) будет происходить здесь на земле'//.¹⁸

Со сравнительной точки зрения особенно интересно то, что Ями здесь говорит о своем брате: 'хотя он и ушел далеко по морю' (*tirāḥ purū cid arnavām jaganvān*, RV X, 10, 1b). Это место, в ведийском контексте загадочное, кажется существенным для сопоставления с латышскими дайнами:

Div' šveātes jūrā dega
Sudrabiņā lukturoš;
Tās dedzina Dieva dēli,
Sauls meitu gaidīdami (365–33776).

'Два огонька горят на море/В двух серебряных светильниках; / Их зажгли Божьи сыновья, / Ожидая Дочь Солнца'.

Представляется существенным, что в обеих традициях море появляется именно в связи с мотивом ухаживания. Поскольку Уорду^{19–20}, именно этот мотив объединяет дайны с гомеровским эпосом, где Диоскуры — два огня на море, а третий огонь — Елена, и с Ведами, где Ашвины ездят, как и латышские божьи сыновья, на лодке, очевидно, речь идет об обломках индоевропейского текста, включавшего езду божественного близнеца по морю. Следует ли давать лодке и морю интерпретацию в духе древнеегипетской мифологии, где это — символы Солнца, или же можно высказать и гипотезы о земном приурочении этого мифологического моря, пока что сказать трудно. Но ввиду наличия целого ряда параллелей указанным текстам в хеттской мифологии следует заметить, что в архаическом

ритуале KUB XXIX 123–24 мотив моря и путешествия за море возникает в связи с хеттским священным царем, которому 'божество Трона принесло царствование из-за моря', что иногда сопоставляют с тем же рассказом о близнецах-сыновьях царицы Несы, которых их мать пустила плыть в горшках по реке, текущей к морю²¹. Но возможные хаттские связи этого обряда делают это сопоставление скорее всего чисто типологическим в отличие от сравнения с другими хеттскими и палайскими текстами, где солнце, встающее из-за 'моря' — *šara kan uwaši nepišaš DUTU-uš arunaz* 'вверх ты из-за моря приходишь, небесный бог Солнца', KUB VI 45 III 14 (*aruna-*, вероятно, родственно др.-инд. *arṇava-* 'море' в приведенном ведийском контексте) может иметь отношение к проблеме миграций индоевропейцев²², если не к следам общиндоевропейских представлений о географии макрокосма. Соответственно и о Яме в ведийском гимне, как и латышских 'божжих сыновьях', можно думать либо что он совершил путешествие по морю (за море) ритуально обусловленное, но связанное с какими-то исторически происходившими перемещениями, либо что он был соотнесен с общиндоевропейским образом Солнца у Моря. Самос название моря (прус. *iūrin*, лит. *jūra*, лтш. *jūra*, *jūra*) скорее всего относится к балто-(славяно-)германским²³ (ср. др.англ. *ēar* 'море') семантическим инновациям (при родственных обозначениях 'влаги, воды' в других диалектах), очевидно, связанным с общим расселением у моря носителей соответствующих диалектов. Тем более показательно сохранение семантемы 'море' при изменении лексического ее выражения в данном мифологическом контексте.

В ведийском гимне Яма отвечает отказом на посягательства своей сестры (RV X, 10, 2):

na te sakhā sakhyām vasy etāt salakṣmā yad viśurūpā bhāvāti/
mahās putrāso āsurasya vīrā divo dhartāra urviyā pari khyan//

'Твой друг не желает такой дружбы, которая женщину кровно родную превратила бы в неродную женщину./ Сыновья великого Асуры, те, что поддерживают Небо, смотрят кругом вдаль и виришь//'.

Начало этой строфы повторяет, но с другим смыслом, оборот, с которого начинается предыдущая строфа. Этот прием реплики на предшествующее высказывание Ями пронизывает весь диалог, построенный в этом отношении весьма искусно. Ями все время оказывается ведущей нападение, а Яма, отбиваясь от ее атаки, пользуется ее же словесным оружием, поворачивая его в своих целях. Он не хочет, чтобы женщина, 'имеющая те же признаки' (*salakṣmā* 'сестра') стала как бы ему неродственной; при этом использована характерная индийская животноводческая символика. Сестра образно обозначается как 'имеющая то же клеймо'; неродная женщина — как имеющая 'другой цвет' или как принадлежащая к другому стаду.

¹⁷ Lohmann J. Genus und Sexus. Eine morphologische Studie zum Ursprung der indogermanischen nominalen Genusunterscheidung (KZ, Ergänzungshefte, N 10). Göttingen, 1932.

¹⁸ Здесь и дальше использован в основном отличный русский перевод Т.Я. Елизаренковой: Риг-Веда. Избранные гимны. М.: Наука, 1972, с. 222–224 (и комментарий на с. 372–374; также учтена статья с переводом гимна: Schneider U. Yama und Yamī (RV X 10). — Indo-Iranian Journal, 1967, N 1, p. 1–32). Ср. к переводу и интерпретации текста в целом теперь: Panikkar R. Yama: a myth of a primordial man. — In: Essays in memory of Karl Kerényi/ Ed. E. Polomé. Journal of Indo-European Studies, Monograph series, N 4. Washington, 1984, p. 28–38.

^{19–20} Ward D. Op. cit., p. 11, 12, 15.

²¹ Neu E. Der Anitta-Text (Studien zu den Bógazköy-Texten, Hft. 18. Wiesbaden, 1974, S. 125, Anm. 303.

²² Sommer F. Hethiter und Hethitisch. Stuttgart, 1947; Puhvel J. Hittite Etymological dictionary (Trends in linguistics, Documentation 1), vol. 1–2. Berlin; N.Y.; Amsterdam, 1984, p. 181–182.

²³ Топоров В.Н. Прусский язык. Словарь. I – К. М.: Наука, 1980, с. 96–97.

Вероятно, что подобные скотоводческие образы, предполагающие различия в собственности на скот, типологически являются достаточно поздними и возникли на собственно индийской почве. Но "Ахтарваведа", с этой точки зрения изученная еще Харрисом, свидетельствует о сходстве представлений относительно двойни телят с отношением к близнецам у человека (типологически это сближение весьма широко распространено).

В 3-й строфе Ями продолжает настаивать (RV X, 10, 3):

uṣānti ghā té amṛtāsa ctād ēkasya cit tyajāsam mārtyasya/
nī te māno mānāsi dhāyū asmē jānyuḥ pātis tanvām ā vivīṣyāh//

'Разве бессмертные не требуют от тебя этого, — чтобы у единственного (пока) смертного был отпрыск?/ Да ляжет твоя мысль (сердце) в моей мысли (сердце). Теперь войди в тело своей жены как муж'.

Ями утверждает, будто бессмертные (*amṛtas*) хотят, чтобы у единственного смертного (*mārtya*) появилось потомство. Из этого места диалога отчетливо видно, что он отнесен к тому мифологическому времени, в котором Яма был Первочеловеком, первым смертным. Это налагает особый отпечаток на их спор с супружестве. Потомки могли появиться только от их брачного союза, если других смертных еще не было. Существование человечества, следовательно, предполагает, что когда-то инцест имел место. Спор между ними носит поэтому теоретический характер, более важный для установления будущих норм поведения. С этой точки зрения особенно существенна следующая строфа (RV X, 10, 4), где Яма говорит:

nā yāt purā cakṛmā kad dha nūnām jātā vādanto āntam rapema/
gandharvō apsv āpyā ca yōṣā sā no nābhīḥ paramām jāmi tān nau//

'Что же, мы станем делать теперь то, что раньше не делали? Мы, всегда (громко) говорившие об истинном, будем нашептывать неистинное?/ Гандхарва в водах и Женщина вод, это — наше общее происхождение (буквально: пупок), это — наше близкое кровное родство'.

Родство отсчитывается от предполагаемых общих мифологических предков — Гандварвы и Женщины вод (полагают, что это — описание нимфы *Ap-sara-*, соответствующее возможной этимологии ее имени). В своем ответе Яма говорит об их 'кровном родстве' (*jāmi*), которое заставило бы склониться к 'неправедному' (*ānṛta*) их, всегда говорящих 'правду' (*ṛta*). Это место обнаруживает разительное сходство с хеттским мифом о 30 сыновьях царицы Канеса (Несы). В конце мифа младший из сыновей предостерегает остальных от брака с их сестрами, говоря, что такой брак был бы неправеден (хет. *ṪUL ara* = *natta ara* 'не по закону'). Вероятно, что хет. *ara* 'по закону' родственно др.-инд. *ṛta* 'священный закон, установление', авест. **arata*, др.-перс. *arta-* 'закон', 'право, священное право', авест. *aša-* (**arta*) 'то, что соответствует закону', греч. *ἀροιον δίκαιον* 'справедливое, праведное'. Сопоставление ведийского контекста с хеттским позволяет утверждать, что они оба предполагают исходную индоевропейскую формулу **ne ar-(t)o* 'не по закону', обозначающую запрет инцеста. Это существеннейшее с этнологической точки зрения установление²⁴ и вводилось посредством этой формулы, включенной в состав мифа об инцесте божественных близнецов. 'Последний (младший)' из братьев в хеттском

мифе говорит: *nu le-e ṣa-li-ik-tu-ma-ri* [*ṪUL*] *a-a-ra* 'и не приближайтесь = не грешите (*ṣalik-*); не праведно!' (КВо XXII 2, 19). Учитывая историческое тождество др.-инд. *ṛta-*, индо-ир. **āra-* 'приличествует, подобает' (вед. *evāra* 'как раз подходящий', наречие *āram*, авест. *arām* 'подобающий', вед. *ardmati* 'правильная мысль', авест. гат. *ārmati* < **aramati-* и т.п.) и хет. *āra* (а-а-га)²⁵, лик. *arā* 'как должно', для этих слов можно предположить исходные праформы **ar-tó*, **āro*. Соответствующее отрицание отражено в привативном ведийском **n-ṛto* > *ānṛta*, греч. *ἀν-αρσιος* 'враждебный'. В хеттском соответствующая отрицательная формула расширена за счет трансформации **ne/o* + *t(o)* > *natta*, соответственно **n(e) aro* > *natta āra*. Значение хеттского сочетания было достаточно архаическим, судя по таким контекстам, как шумерское соответствие NÍ.G. GIG 'табу' в словаре КВо I 42 IV 7, MSL 13: 140, а также URU Hattuši-ma-at ṪUL a-a-ra 'в городе Хаттусае это не по закону' (в близком к мифу о сыновьях царицы Канеса контексте, где речь идет об отличиях нравов и брачных запретов хеттов от обычаев страны Хайясы), царский договор КВо V 3 III 34; в сходном вопросительном, а не отрицательном контексте: *ēṣhar INA KUR URU KU. BABBAR-ti āra* 'разве кровопролитие (в) стране Хатти подобает (приличествует = может быть по закону)?' KUB XIV 3 II 8, ср. в контексте правовых отношений с царем: *n-aṣ ANA DUTU-ŠI āra ēṣdu* 'и он будет в соответствии с законами Моего Солнца = царя', KUB XIII 7 I 10.

Для восстановления балтийских соответствий предполагаемой общеиндоевропейской формуле, отраженной в древнехеттском и ведийском вариантах мифа, ключевое значение имеют прусские факты. В прусском основа **ar-o-* представлена с суф. **-w-* > *-w-*: *arwis* 'действительный, настоящий, истинный, верный', *arwiskas* (и другие производные) — К III, 72, 14: *Sta aṣt fta arwis kērmens bhe krawia Noūso(n) Rikijas Jefu Christī* 'Es ist der ware Leib vnd Blut vnfers HERrn Jhesu Christī' = 'Tai yra tas tikras kūnas bei kraujas mūsų viešpaties Jėzaus Kristaus'²⁶ 'Это настоящее (подлинное) тело и кровь господа нашего Иисуса Христа'; К III 41, 16–17; 43, 24–26: *sta aṣt perarwisku (perarwiskai) arwi* (figura etymologica: *per-arwi-sku arwi*) 'Das ist gewißlich war' = 'Tai yra iš tikro tikra'²⁷ = 'Это воистину истинно' : К III 49, 1: *Deiwas Emnes aṣt arwiskai en sien sups Swints* 'GOTTES Name ist zwar an ihm selbs heylig' = 'Dievo vardas yra tikrai savyje pats šventas'²⁸ = 'Божье имя воистину само по себе свято' (переводчик перевел немецкое *zwar* по аналогии с *Wahr*, как и в других случаях); К III 43, 10–12: *As Druwē kai Jefus Christus isarwiskas Deiws esse Deiwan Tawan en prābutskan gemmons bhe diigi isarwiskas smunents...* 'Ich glaube das Jefus. Christus warhafftiger Gott vom Vatter inn ewigkeit geporn vnnd auch warhafftiger Mensch' = 'Aṣ tikiu, kad Jėzus Kristus tikras dievas, nuo dievo tėvo į amžinybę gimęs, ir diigi tikras žmogus'²⁹. . . = 'Я верю, что Иисус Христос — истинный бог, от бога Отца в вечность рожденный, и также истинный человек'. . . ; III 55, 16–17 *Deiws perbānda arwiskai niainonton* 'Gott verfuucht zwar niemandt' = 'Dievas (ne)išbando = (ne)išmėgina, (ne)gundo tikrai

²⁵ Puhvel J. Op. cit., p. 118–120.

²⁶ Maziulis V. Prūsų kalbos paminklai, II. Vilnius, 1981, p. 157–158.

²⁷ Ibid., p. 122, 125.

²⁸ Ibid., p. 128–129.

²⁹ Ibid., p. 123.

²⁴ Lévi-Strauss C. Les structures élémentaires de la parenté. 2me éd. The Hague; Paris, 1967.

nieka³⁰, 'Бога не испытывает поистине никто'; III 113, 4–5; *Perarwi as gerdawi iūmans* 'Warlich ich sage euch' = 'Iš tikro aš sakau jums'³¹ = 'Воистину я говорю вам'; III 57, 18–21: *sta aft arwi arwi* 'Tai yra tikra tikra'³², 'Это истинно, истинно'; III 87 *wirdan...*, *kawids arwis aft* 'dem wort das gewiß ist' = 'žodžio... koks teisingas yra'³³, 'слово... которое верно'; III 133, 5–6: *ifarwiskai* 'trewlicht' = 'ištikimiausiai', 'верно'. Для реконструкции соответствующей отрицательной формы существенно прусское место в катехизисе, являющееся вольным пересказом, а не переводом немецкого — К III 6718, 21–22: *Adder Deiwa engraudis as schlūfi ni ifarwi* [= *izarwi*, по В. Мажюлису³⁴] *maiāsmu Rikijan* 'Aber ich diene leyder vntrewlich meinem Herrn' = 'Bet, dieve pagailėk, aš tarnauju ne-ištikimai manam viešpačiui'³⁵, 'Но, Боже, сохрани'³⁶, я служу (*schlūsi* = /slūzi/, 1 л. = 3 л. ед.ч.³⁷) неверно своему (= моему) Господину'. Сочетание *ni ifarwi/ ni izarwi* продолжает древнюю бесприставочную отрицательную конструкцию, близкую реконструированной индоевропейской и продолжающей ее хеттской и древнеиндийской.

Для доказательства хронологической связи разбираемых форм наибольшее значение имеет историческое тождество лит. *arvas* 'свободный', родственного прус. *arwis*, и соответствующих анатолийских терминов, которые сохранились в обеих группах анатолийских языков — хеттской и лувийско-лийской. В древнехеттском *arawa-* употребляется в качестве специального термина, означающего освобождение от налогов и обязательной работы — в древнехеттских законах в § 51: (3) *ka-ru-ú ku-iš URU A-gi-in-na LUUS.BAR ki-i [-ša-at (Ú É-ZU a-ra-a-u-wa-an LÚMEŠ HA.LA.ŠU)]* (4) *Ú LÚMEŠ NI.ŠU.Ú.ŠU a-ra-u-e-eš ki-n [(u-na É-ZU-pát EL.LUM LÚMEŠ HA.LA.ŠU)]* (5) *Ú LU-MEŠ NI.ŠU.Ú.ŠU a-ra-u-e-eš kin [(u-na É-ZU-pát EL.LUM LÚMEŠ HA.LA.ŠU)]* (6) *Ú LÚMEŠ NI.ŠU.Ú.ŠU ša-aḥ-ḥa-an lu-u [(z-zi kar-pí-an-zi)]* 'Прежде дом того, кто становился (обрядовым) ткачом³⁸, был свободен (от повинностей) и люди его наследственной доли и его люди (= люди его дома-хозяйства) были свободны. Теперь же (только) его собственный дом свободен, а люди его (наследственной) доли и его люди (= люди его дома-хозяйства) должны нести повинность и исполнять службу'. Аналогичное словоупотребление реконструируется в поврежденном месте § 50 (где сохранен только первый знак а- в клинописной передаче интересующего нас слова) но достаточно ясно свидетельствуется и сходным § 56: (24) *A.NA BĀD-ni KASKAL LUGAL [(tāk-šu-wa-an-zi GIŠSAR. GEŠTIN)] tuḥ-su-u-wa-an-zi [(ŠA LUURUDU.NAGAR)] Ú.UL ku-iš-ki a-ra-u-wa-aš* 'Никто из медников (= металлургов) не свободен от участия [в работах] по крепости

во время царского похода и от подстригания виноградишков'. Из приведенных параграфов законов и других аналогичных текстов выясняется, что хет. *arawa-* относилось к освобождению от определенных или разных принудительных работ и от обложения налогами. Очевидно, термин 'свободный' преимущественно имел именно такое значение в хеттском обществе, регулировавшемся главным образом правилами феодального типа, которые обязывали вассала либо служить сюзерену, либо платить ему пошлину. Освобождение от того и другого передавалось термином *arawa-*.

Это же юридическое значение в лувийско-лийском доказываемось билингвой из Ксанфа, в которой лик. *epide arawa hāti* — *kmmētis* означает 'все те, кто отныне будут освобождены' (*δοοι ἄν 'απελευθεροι γενοται*, строки 20–21), 'eosqui = quos erunt liberti' с лийским соответствием явлению синтаксической аттракции³⁹. В строке 12 того же текста *arawā* означает 'свободное'; в декрете Арбинаса (строка 23) глагольная (?) форма *arawadi* может означать 'освобождает'. Соответственно лийский топоним *Epeva* = греч. 'Ελευθέρα интерпретируется как 'Freiburg', 'Вольный город' (что согласуется с контекстом древнехеттских законов, в которых 'свободные' — *arawēš* — от повинностей живут в определенных городах, ср. прусские топонимы с начальным *Arwi-*). Имена с первым элементом *Araw-* засвидетельствованы уже в каппадокийской ономастике Анатолии. По-видимому, Ларош правильно предположил связь с основой хет. **ara-*⁴⁰, но не в значении 'друг' (хотя и эта последняя основа, в индоевропейском имеющая значение, связанное со взаимным обменом⁴¹, в конечном счете может быть связана с тем же корнем), а в смысле хет. *ara* 'по закону'. Объединение группы хет. *ara* 'по закону', *arawa-* 'освобожденный (по закону) от повинностей, свободный' облегчает и установление дальнейших семантических связей этой группы слов с основой лит. *arvas* 'свободный', прус. *arwis* 'истинный'⁴². Следовательно, мифопоэтическая формула запрета инцеста, восстанавливаемая для общиндоевропейского по хетто-ведийскому соответствию, могла иметь в балтийском форму **ne ar-(w) o-*.

В 5-й строфе ведийского гимна (RV X, 10, 5) Ями возражает Яме, говоря, что еще во чреве матери их — близнецов — сделал супругами Создатель (Tvaṣṭṛ):

*garbhe nū nau janitā dampaṭi kar devās tvāstā savitā viśvárūpaḥ/
nākir asya prā minanti vratāni véda nāv asyā pṛthivī uta dyaúḥ//*

'Еще в материнском чреве нас супругами сделал бог Установитель и Создатель, все образующий./ Никто не нарушает его святыне законы. Свидетели в этом — земля и небо.//'

³⁹ Laroche E. L'inscription lycienne. — In: Xanthos VI. La Stèle trilingue du Létôon. Paris, 1979, p. 66, 69, 70, 103, 119.

⁴⁰ Ibid., p. 103. Другие гипотезы см.: Carruba O. Commento alle nuove iscrizioni di Licia. — In: Studia Mediterranea. Piero Meriggi dicata, I./ Ed. O. Carruba. Pavia, 1979, p. 89–91.

⁴¹ Иванов Вяч.Вс. Разыскания в области анатолийского языкознания. 2. — В кн.: Этимология 1971. М.: Наука, 1973, с. 298–306; Он же. История семантического поля слов, означающих дар и обмен, в славянском. — В кн.: Славянское и балканское языкознание. М.: Наука, 1975.

⁴² Топоров В.Н. Прусский язык. Словарь. А—Д. М.: Наука, 1975, с. 112.

³⁰ Ibid., p. 136 и примеч. 201.

³¹ Ibid., p. 215.

³² Ibid., p. 139.

³³ Ibid., p. 175.

³⁴ Ibid., p. 274.

³⁵ Ibid., p. 151.

³⁶ См. разбор этого перевода-пересказа: Топоров В.Н. Прусский язык. Словарь. Е—Н. М.: Наука, 1979, с. 42.

³⁷ Schmalstieg W.R. An Old Prussian grammar. The Pennsylvania State University Press. University Park and London, 1974, p. 218.

³⁸ Многократно высказывавшаяся гипотеза о культовом характере должности подтверждается ритуальными текстами, см.: Ардзинба В.Г. Ритуалы и мифы древней Анатолии. М.: Наука, 1982, с. 212.

Текст весьма интересен тем, что в нем отчетливо сказывается характерное для индийской традиции и особенно сложившееся в позднейшем буддизме представление о непрерывной преемственности между развитием эмбриона и последующей жизнью человека, что отчасти напоминает современные представления научного свойства. Ями использует эту мысль для обоснования своей цели. Здесь говорится и о необходимости следования священным законам (*vrātāni*, по-видимому, *vrta-/varta-* могло быть древним "Reimwort" к *rta-/arta-*), Ями призывает в свидетели такую древнюю мифологическую близнечную пару (общую для всех древневосточных мифологий и языков, где она оформляется как парное сложное слово двойственного числа), как земля и небо. Яма возражает (в 6-й строфе) (RV X, 10, 6):

kó asya veda prathamasyāhnaḥ ká īm dadarśa ká iha pra vocat/
bṛhān mitráśya váruṇasya dhāma kad u brava āhano vícya nṛṇ//

'Кто знает об этом первом дне? Кто его видел? Кто здесь может о нем возвестить? Высоки установления Митры и Варуны. Соблазнительница, что ты скажешь мужам прельстительного, чтоб их низвести?'

Яма говорит о значении установлений (*dhāman*) Митры и Варуны — пары божеств, из которых первое ведало в индо-иранской традиции всеми договорами и союзами, включая брачные. Ями в 7-й строфе продолжает ссылаться на уже состоявшийся брак, используя двойное значение *yoni* 'постель; чрево' и все настойчивее помогая соединению с братом (RV X, 10, 7):

yamāśya mā yanyāṇi kāma āgan samāné yónau sahaśeyyāya/
jāyéva pátye tanvām tṛcyām ví cid vṛheva ráthyeva cakrā //

'Ко мне, Ями, пришло желание с Ямой вместе лечь в одну постель./ Как жена мужу, я хочу отдать свое тело. Покатимся-ка, как колеса колесницы, взад-вперед!//'

В этом гимне многое указывает на собственно индийский возраст его словесной обработки: и эротическое словоупотребление, и самая образность, в особенности сравнение с колесами колесницы, восходящее (в том числе и в связи с близнечными мифами, как в "Недуге уладов") к общендоевропейскому, но в данном конкретном контексте напоминающее о ведийских образах колес и колесниц прежде всего. Яма в 8-й строфе снова говорит о 'сторожах богов' (*devānām spraśa*), их наблюдающих, и призывает ее с другим совершить то колесообразное движение, к которому она его зовет (RV X, 10, 8):

ná tiṣṭhanti ná ní miśanty eté devānām spāśa ihá yé cáranti/
anyéna mād āhano yāhi tūyam tēna ví vṛha ráthyeva cakrā //

'Не стоят на месте, не смыкают глаз те, кто как дозорные богов ходят здесь./ Соблазнительница, иди скорее к другому, не ко мне. Катайся с ним, как колеса колесницы, взад-вперед!'

Если Яма продолжает поворачивать против Ями ей же введенные образы, то она тоже не устает повторять снова и снова одно и то же. В строфе 9-й (RV X, 10, 9) Ями говорит:

rātrībhir asnā āhabhir daśasyet sūryasya cakṣur mūhur ún mimīyāt/
divā prthivya mīthunā śābandhū yamīr yamāśya bibhṛyād ājāmi //

'Ночами и днями хотела бы она его услаждать, на миг бы она обманула глаз солнца./ У близнечной пары такая связь, как у неба и земли. Ями взяла бы на себя нарушение уз кровного родства, совершенное Ямой'.

Терминология, использованная в этой строфе, и позднее была основной для описания близнечных и супружеских пар и обменов супругами. В этом плане особенно значим ведийский термин *mīthuna* 'пара'. Ями в 9-й строфе снова повторяет, что они должны соединиться как Земля и Небо. Эта ссылка имеет в виду то, что Земля и Небо в ведийской мифологии понимались одновременно и как кровные родственники, и как родители мироздания. Ями соглашается принять на себя вину нарушения запрета инцеста (*ājāmi*). В 10-й строфе Яма говорит:

ā gha tā gacchān úttarā yugāni yātra jamāyaḥ kṇāvann ājāmi/
ūpa barbhī vṛṣabhāya bāhūm anyām icchasya subhage pātīm māt //

'Придут, наверное, такие позднейшие поколения, в которых не по-родственному себя поведут и кровные родственники./ Крепко обними рукой мужа (буквально: быка), ищи себе, прекрасная, другого мужа, не меня!'

Бычья символика опять подтверждает наличие собственно индийских слоев в образности текста. Но противопоставление *jamāyaḥ* — *ājāmi*, построенное так же, как *rta* — *ánrta* и образованное от индо-ирано-греческого корня (ср. др.-инд. *jāmātar* 'зять' > авест. *zāmātar*, греч. *γαμβρός* 'свойственник', 'зять, шурин', *γαμέω* 'вступаю в брак', *γάμος* 'брак'), может быть весьма древним.

В 11-й строфе Ями повторяет и усиливает прежние доводы и находит новые (RV X, 10, 11):

kīm bhrātāsad yād anāthām bhāvāti kīm u svāsā yān nīrtir nigacchāt/
kāmamūtā bahv etād rapāmi tanvā me tanvām sám pipṛgdhi //

'Что за брат, если сестре приходится остаться беззащитной, И что за сестра, если должно наступить небытие?/ Охваченная желанием, я шепчу снова и снова: "Наполни мое тело своим телом!"//'

Кроме просьбы о защите Ями напоминает, что без продолжения рода разрушение-небытие должно наступить (*nīrti nigacchāt*, стилистический прием повторения одинаковых превербов при имени субъекта и глаголе). Сходная аргументация используется в кельтском близнечном мифе сестрой, уговаривающей трех своих братьев вступить с ней в кровосмесительный союз.

В 12-й строфе Яма снова отказывается от телесного соединения с сестрой:

ná vā u te tanvā tanvām sám papṛcyām pāpām
āhur yāḥ svāsāram nigacchāt/
anyéna māt pramūdaḥ kalpayasva ná te bhrāta
subhage vaṣṭy etāt //

'Никогда я не наполню твоего тела своим телом! Плохим (греховным) назовут того, кто вступает в свою сестру!/ Не со мной, с другим готовься к любовным утехам. Твой брат, прекрасная, не желает этого!//'

Частично Яма возвращается к фразеологии первых своих отповедей сестре. По его словам тот, кто *вступает* — 'приблизится' (тот же глагол *nigacchāt*, но в другом смысле) к своей сестре, совершит грех. Он снова советует ей найти другого.

В предпоследней 13-й строфе гимна Ями, рассердившись, грубо ругает брата, соглашаясь с тем, чтобы его получила другая, которая обовьется вокруг него как ползучее растение вокруг дерева:

bató batasi yama naíva te máno hṛdayam cavidāma /
anyā kīa tvām kaksyēva yuktam pari svājate libujeva vṛkṣam //

‘Ну и жалок же ты, Яма! Ни мысли у тебя, ни сердца мы не смогли отыскать./ Хорошо же, пусть другая обнимет тебя, как подруга – запряженного коня, как плющ вьется вокруг дерева.//’

Хотя символика коня, как и колесницы, свойственна всем индоевропейским традициям, где сохранились тексты, связанные с близнецным культом, тем не менее использование этой символики в диалоге Ямы и Ями остается собственно индийским, как и употребление образа плюща (лианы). В последней 14-й строфе Яма использует этот же образ (предвосхищающий поэтику “Chanson du mal-aimé” Аполлинера и “Поэмы конца” Цветаевой), но по отношению к сестре, желая ей образовать благословенный союз с другим (*saṁvidam subhadram*):

anyām ū śu tvām yamy anyā u tvām pári svājate libujeva vṛkṣam /
tāsyā vā tvām māna icchā sá vā tāvādhā kṛnuṣva saṁvidam subhadram //

‘Другого и ты. Ями, крепко (обними), и тебя другой пусть обнимет, как плющ – дерево./ Старайся покорить его мысль, а он – твою, и создай с ним благословенный союз.//’

До самого конца проводится прием повторения Ямой образов, до того введенных Ями, которая сквозь весь диалог остается ведущей наступление. Характерно, что в предпоследней строфе ее речам придана та горечь и обида, которых почти нет в словах Ямы. В какой-то мере здесь, как и в некоторых других местах, использованных в позднейшей индийской драматургии, можно видеть ответ изначальной мистериальной драмы, что особенно интересно для сопоставления с циклом дайн о Юмисе, также складывающихся в ритуальную драму.

Постоянные повторения как внутри двух “партий” диалога-речей Ямы и Ями, так и в парных строфах, где Яма использует образы, до того введенные Ями (колеса, лианы и т.п.), но в другом смысле, позволяют предположить, что диалог в его дошедшем до нас (в последней, относительно поздней X мандалы “Ригведы”) виде представляет собой результат развертывания по законам ведийской риторики некогда значительно меньшего по величине текста. К праформе этого текста могли принадлежать места, сближающие его с другими гимнами “Ригведы”, где Яма выступает как Первочеловек, культурный герой, проложивший путь всем остальным смертным, главное его свойство – приверженность к ‘закону’ (*ṛta*), отвержение им того, что ‘не подобает, незаконно’ (*ánṛta*). Соответственно реконструируемая формула, обозначающая действие ‘не по закону’, должна была входить в предполагаемый протекст ведийского мифа. Вместе с тем наиболее ранняя индо-иранская праформа мифа⁴³, по-видимому, отрази-

лась в осетинском нартовском эпосе, как полагал Дюмезиль, писавший: «В.Ф. Миллер отмечал, что у осетин центральная чета Нартов – Урызмаг и Сатана – повинна в кровосмешении. Урызмаг одновременно – и брат и муж Сатаны. Этот факт тем более примечателен, что он известен только осетинам... В.Ф. Миллер видит в этом явную черту иранства в Осетии. Разве Иран не “специализировался” на кровосмешении, разве почти не “узаконил” его у себя, тогда как в реальном быте осетин кровосмешение не встречается? Это верно. Но гораздо раньше того, как маздеистские жрецы вынуждены были (в каких пределах?) санкционировать и допустить это явление в быту, индоиранцы знали “мифическое кровосмешение” между братом и сестрой – Прачетой, которая могла быть прямым прообразом Урызмага и Сатаны. В ведической Индии, как и в авестийском Иране, первая (или одна из первых) человеческая чета: Яма–Ями или Йим–Йимак состоит из брата и сестры. Сестра старается склонить брата к союзу, который тому претит (больше по соображениям приличий, чем из отвращения). Но в конце концов она добивается своего, то прибегая к хитрости (Йим–Йимак), то к уговорам (Яма–Ями). Похожее происходит между Сатаной и Урызмагом. История этих двух Нартов вполне может продолжить старую арийскую легенду... В свете этого рассмотрим хитрость, которую пускает в ход Сатана, чтобы склонить Урызмага к союзу. Она заставляет его сесть задом наперед на осла в серебряной сбруе и серебряным седлом и прогуляться таким образом по деревне Нартов. Последние вначале покатываются со смеху, но на третий день уже находят представление совершенно естественным. Сцена – карнавальная во всех отношениях. Таким образом, кровосмешение и у нартовской четы в его основных чертах (почин сестры, сопротивление и согласие брата, карнавальное веселье) соответствует кровосмешению и ведической четы Яма–Ями, и маздеистской пары. И в то же время по развитию фабулы история кровосмешения нартовской четы непохожа на историю маздеистской. Напротив, весь эпизод оригинален: в нем участвует осел Бората – одна из самых своеобразных и красочных деталей в эпосе осетин»⁴⁴. Этот анализ, давно произведенный Дюмезилем, теперь позволяет доказать значительную древность всего эпизода близнечного инцеста в осетинском эпосе. Решающую роль играет именно осел. Проклиная свою сестру, нарты говорят: ‘Пусть осел Боратов (*Boiriaty-xaeraeg*) бросится на себя»⁴⁵. Этот же символ осла как знака плодородия в пережиточном виде сохранялся в древнегреческой и римской традициях, что на широком типологическом материале было полвека назад показано О.М. Фрейденберг, в особенности в посмертно изданной ее книге⁴⁶.

В истории гуманитарного знания за пределами сравнительно-исторического языкознания есть мало примеров такого полного подтверждения ранее произведенной на основании типологических умозаключений реконструкции, как это имеет место по отношению к гипотезе Фрейденберг о

⁴³ Christensen A. Le premier homme et le premier roi dans l'histoire légendaire des Iraniens, I-II. – Archives d'études orientales, 1918, t. 14, 1; 1934, t. 14, 2; Barnett L.D. Yama, Gandharva, and Glaucus. – Bulletin of the School for Oriental Studies. 1926–1928, vol. IV; Zahner R.C. The dawn and twilight of Zoroastrianism. London, 1961.

⁴⁴ Дюмезиль Ж. Осетинский эпос и мифология. М.: Наука, 1978, с. 79–80, ср. с. 246.

⁴⁵ Dumézil G. Op. cit., p. 512, 513.

⁴⁶ Фрейденберг О.М. От мифа к литературе. М.: Наука, 1978; ср. уже: Она же, Поэтика сюжета и жанра. М.: Гос. изд. худ. лит-ры, 1936, с. 99–100; Гамкрелидзе Т.В., Иванов Вяч. Вс. Указ., соч., т. II, с. 563.

первоначальной культовой роли осла, в частности, при вступлении в город. Вся гипотеза в целом была подтверждена текстом хеттского близнецного мифа, где осел производит культовый акт оплодотворения: *nu-ua ANŠE-iš arkatta 'и осел совершает акт оплодотворения'* (КВо XXII 2 Vs. 9–10; хет. *arka-* родственно греч. *ὄρχις* 'testiculus', авест. *arazi* (дв. ч.) 'мошонка', арм. *orji-k* 'testiculi', ср. ирл. *uirge*⁴⁷). Эта культовая сцена в древнехеттском мифе предшествует возвращению близнецов-сыновей царицы Канеса в родной город. Поэтому оправдывается предположение Фрейденберга, допустившей, что осел именно как символ плодородия сопровождает входу сакрального царя (или мифологического героя) в город или его открывает. Вместе с тем весьма существенно, что символ осла как знака сверхплодородия как бы вторично кодирует то самое значение сверхплодородия, которому подчинен близнецный миф, в хеттском варианте самим числом близнецов (30 братьев и 30 сестер) напоминающем об избытке плодородия. Разительное сходство символики хеттского и осетинского мифов заставляет задуматься над тем, не является ли самое предание о нартах (во всяком случае, в его осетинском – восточноиранском варианте, скорее всего изначальном, судя по вероятной индоевропейской этимологии имени нартов) трансформацией древнего мифа о множестве братьев-близнецов? В этом случае в осетинском варианте (если его глубокое сходство с хеттским не объясняется частично ранним малоазиатско-закавказским контактным взаимодействием в пределах одного ареала) могла сохраниться наиболее древняя версия мифа, преобразованного в позднейшей иранской традиции. Кажется поэтому несомненным, что и ранняя общеиндоиранская версия мифа о близнецах включала в себя и изложение мотива инцеста близнецов. Иначе говоря, исходный индоиранский миф, частично отраженный и в ведийском⁴⁸, был ближе к древнехеттскому, где наличествует (в форме, достаточно близкой к древнеиндийской, реконструируемой общевалтийской и праиндоевропейской) и данный в явном виде запрет инцеста, и самый миф об инцесте. Судя по повторяющемуся в ведийском гимне сопоставлению Земли и Неба с близнецной парой Яма и Ями, исходный прототекст отражал и бесспорное с этнологической точки зрения (в свете идей Золотарева и Хокарта⁴⁹) соотнесение близнецного мифа с дуальными мифологическими противопоставлениями, на которых основывалась ранняя балтийская и славянская мифологические системы. Соединение двух близнецов в браке было одним (но отнюдь не единственным) способом фиксации объединения (медиации) символизируемых ими бинарных оппозиций. Как показывает этнологическая типология, другим (и не менее широко распространенным) способом символизации такого

объединения в древних мифологиях мог быть образ андрогина – двуполого мифологического существа. Согласно глубокой идее, впервые высказанной Гюнтертом, посредством корня индоевропейского названия 'близнец' **jam(i)jós* (> лтш. *jumis*, др.-исл. *Ymir*) мог некогда обозначаться андрогин; Гюнтерту же принадлежит и сближение с лат. *imāgo* 'образ', повторенное в недавнее время Девото⁵¹ и позволяющее включить в ту же семью слов хет. *himma* 'культовое подобие' (со следом либо начального ларингального, либо другой индоевропейской поствелярной фонемы, которая могла бы объяснить и начало слова в лат. *geminus*, др.-ирл. *etuin*, а может быть, и в лит. *kemerjys*, *keimarjys* 'сросшийся плод'⁵²). Подчеркнем, что обе семантические интерпретации и.е. **H₂emo-/q'emo-* 'близнец'/'андрогин' представляет собой с точки зрения сравнительно-исторической мифологии и этнологии не две альтернативы, а разные варианты одного и того же исходного архаического представления. В основе этого образа лежит идея объединения оппозиций; конкретная форма этого объединения может варьировать от андрогина, физически совмещающего в себе оба полюса одного из главных противопоставлений, до близнецов, которые в браке друг с другом осуществляют объединение противопоставлений, ими символизируемых. В латышских дайнах многократно подчеркивается, что в Юмисе совмещены разные противоположности. При этом, как и в предполагаемом общеиндоевропейском источнике мифа, эта медиация осуществляется двояко: либо в самом Юмисе, носящем соответственно название 'двойчатки, двойного плода' (лтш. *jumis*), либо – в описании мифологического столкновения Юмиса с парным ему персонажем, чаще всего носящим женское имя, образованное (как и имя вед. *Yamī*, иран. *Йимак*) от того же названия 'близнеца, сдвоенного плода', но посредством другого суффикса. Для сравнения с ведийским спором Ямы и Ями, кончающимся их ссорой, кажутся особенно показательными такие описания в дайнах, как

Jumīts kūla Jumālīti
Aiz matiēm turēdams (BW 28533 141).

'Юмичек бил Юмаленьку, / Держа ее за волосы'⁵³.

Скорее всего в этой и подобных дайнах можно видеть в сниженной, но близкой к первоначальной гротескной форме продолжение той же традиции, риторический вариант которой сохранился в цитированном гимне "Ригведы". Современная этнология допускает разные виды соотношений между двумя подобными текстами. Исходным скорее всего должно было быть описание первоначального мифологического сюжета, более развернутое, чем в дайнах и уже содержащее основную мотивировку и итог

⁴⁷ Puhvel J. Op. cit., s.v. *arki-*; Watkins C. The Indo-European family of Greek *órkhis*: Linguistics, poetics, and mythology. – In: Indo-European Studies, II / Ed. by C. Watkins. Cambridge, 1975. p. 504 – 539.

⁴⁸ Hertel J. Die Himmelstore im Veda und im Avesta. – In: Indo-Iranische Quellen und Forschungen, II. Leipzig, 1924; Dandekar R.N. Yama in the Veda. – In: B.C. Law Volume, I. Calcutta, 1945.

⁴⁹ Hocart A.M. Kings and Councillors. Cairo, 1936 (2 ed. Chicago, 1970); Иванов Вяч.Вс. Чет и нечет. Асимметрия мозга и знаковых систем. М.: Сов. радио, 1978; Он же. Близнецные мифы. В кн.: Мифы народов мира. т. 1. М.: Сов. энциклопедия, 1980.

⁵⁰ Gölter H. Der arische Weltkönig und Heiland. Bedeutungsgeschichtliche Untersuchungen zur indo-iranischen Religionsgeschichte und Altertumskunde. Halle (Saale), 1923, S. 334.

⁵¹ Devoto G. Lat. *imāgo*. – In: Festschrift J. Pokorny. Innsbruck, 1967.

⁵² Иванов Вяч.Вс. Проблема происхождения и в начальном слове в балтийском в свете этимологических данных. – В кн.: Балто-славянские этноязыковые контакты. М.: Наука, 1980, с. 81–90; Иванов Вяч.Вс., Гамкрелидзе Т.В. Указ. соч., т. I, с. 132; т. II, с. 778.

⁵³ Некоторые другие варианты и комментарии к ним см.: Иванов Вяч.Вс., Голотов В.Н. Указ. соч., с. 153–154.

повествования — запрет инцеста. Иначе говоря, более близким к первоначальному мог бы считаться древнехеттский текст повести о сыновьях царицы Канеса (древней, как и в нартском эпосе и в ирландской саге, может быть и сама множественность — 3, 3·10 или 10² персонажей). Вместе с тем возможно и наличие в первоначальном прототексте тех гротескных элементов, которые характерны для приведенной цитаты из дайны о Юмисе, бьющем Юмалу. Ведийский диалог, как это вообще характерно для ведийских текстов, продолжает на более развернутом риторическом уровне состязание близнеца-брата (Ямы) с его сестрой (Ями). Состязание оказывается по существу почти исключительно словесным. Если предположить, что, как полагал Гюнтерт, представление индоевропейского медиатора бинарных оппозиций в виде андрогина было наиболее древним, то оказывается возможным соотнесение мифологической реконструкции с лингвистической. На самом раннем этапе и.е. *q'eto- ~ *H₂eto- могло означать 'андрогинное мифологическое существо', что согласовалось бы (в свете типологического сопоставления с догонской и целым рядом других индоевропейских мифологий) с его ролью Первочеловека, отраженной в древнеиранских представлениях о Йиме, древнеиндийских — о Яме, древнеисландских — о Имире. Соответствующая этому раннему мифологическому персонажу ритуальная идея его 'образа, подобия' отражена в хет. *ẖimta-* 'подобие (ритуальное)', лат. *imago* 'образ'. Можно было бы предположить, что именно хеттская мифология, изобилующая андрогинными персонажами (преимущественно неиндоевропейского — хаттского и хурритского — происхождения) и соотносящаяся с неразличением грамматического женского и мужского рода в хеттском языке, могла бы типологически проиллюстрировать те возможные соотношения языковых и мифологических различий и неразличений, которые реконструируются и для индоевропейского периода. В свете анатолийских данных подтверждается гипотеза Мейе о вторичном характере различия мужского и женского родов при большей древности различия актива и инактива⁵⁴. С этими языковыми реконструкциями соотносятся и наличие андрогинных мифологических образов. По мере развития оппозиции мужского и женского родов и становления соответствующих суффиксов возникают противопоставления мужских и женских мифологических персонажей, в том числе и близнецов с парными именами типа лтш. *Jumis* — *Juma*, *Jume*, *Jumala*, др.-инд. *Yamas* — *Yamī* (с семантическими соответствиями в иранском и т.п.). Но, как и различие мужского и женского родов, подобные пары окончательно оформляются уже в отдельных традициях и не могут быть возведены к общеиндоевропейскому. Следовательно, Юмис как персонаж, возводимый к андрогинному образу индоевропейской мифологии, значительно архаичнее, чем существенно более новая оппозиция мужского персонажа Юмиса и его женского соответствия типа *Jumala*. Но предлагаемая диахроническая типология относительна: уже в древнехеттском есть много

братьев-близнецов и много их сестер-близнецов, что напоминает множественность ипостасей Юмиса и членов его семьи в дайнах. Юмис как медиатор совмещал в себе разные полюсы сезонных сельскохозяйственных циклов и соответствующих временных противопоставлений, что отражено в дайнах:

Ej, Jumīti, nu uz lauku!
Garu ziemu izgulējis,
Sāci jaunu vasariņu,
Svētī mūsu labībiņu (BW 28524, 144)

Иди, Юмичек, теперь на поле! / Целую зиму ты проспал, / Начни новое леточко, / Освяти наши злакушки!'

Как представляется, с медиацией между оппозициями и с расщеплением некогда единого образа связано и то, что существует несколько ипостасей Юмиса — чаще всего упоминаются две, связанные со злаками — Ржаной Юмис (*Rudzu Jumis*) и Ячменный Юмис (*Miežu Jumis*). К ним присоединяется и третья его ипостась — Льяной Юмис (*Linu Jumis*). Троищность этих ипостасей можно было бы сравнить с тройственностью братьев-близнецов в индоевропейском, хеттском и древнеирландском мифах.

В остро современном контексте символику Юмиса как сельскохозяйственного божества возродил Имант Зиедонис в своей недавней поэме "Viddivārpā"⁵⁵. Несколько дайн, поставленных эпиграфами к главам поэмы, задают ей общий тон, Зиедонис верно уловил основную мировоззренческую идею образа Юмиса, сохраняющую ценность и для современного человека. Зиедонис проник в самую суть близнечного мифа. У него, как и в первоначальном индоевропейском мифе, главное заключается в объединении разных символических начал мира: светлого и темного, черного и белого. Люди в древности уже имели свою "преднауку", построенную так же, как и современная⁵⁶; они постигали умом и интуицией (в частности, мифопоэтической) те основные свойства мира, которые знаем мы. К числу этих черт мира в целом (в том числе и в современных физических и космологических теориях) принадлежит наличие двух противоположных полюсов. На техническом языке современной физики речь идет о несохранении четности при инверсии. Это требование остается главным ограничением, налагаемым на все теории "великого объединения", поэтому число измерений в соответствующих картинах мира предстает как $4n + 2$ ⁵⁷ (в частности, $4 \cdot 2 + 2 = 10$; "магия" числа 2, сходная с "нумерологией" многих древневосточных мифологий, обнаруживается и в других числах, кроме 4 и 8, играющих существенную роль в этих теориях, в том числе и 32 и т.п.; интересно соответствие и сходным числам в биологии). Поэтому именно в близнечных образах первобытной мифологии по праву можно

⁵⁵ Ziedonis I. Viddjvārpā. Neuzrakstīta poema. — In: *Damianu L., Ziedonis I. Maize. Rīga: Liesma, 1982, l. 21–61.*

⁵⁶ Lévi-Strauss C. La pensée sauvage. Paris, 1962.

⁵⁷ Green M.B. Unification of forces and particles in Superstring theories. — *Nature*, April., 4, 1985. О принципах супергеометрии см.: Манин Ю.И. Калибровочные поля и комплексная геометрия. М.: Наука, 1984; Он же. Новые размерности в геометрии. — *Успехи математических наук*, 1984, т. 39, вып. 6 (240), с. 47–73.

⁵⁴ Meillet A. Linguistique historique et linguistique générale. I. Leiden, Brill, 1948; *Idem*. Essai de chronologie des langues indo-européennes. La théorie du féminin. — *Bulletin de la Société de Linguistique de Paris*, 1931, t. 32, fasc. 1, p. 1–28; *Brosman P.W., Jr.* The Hittite gender of cognates of PIE feminines. — *The Journal of Indo-European Studies*, 1976, vol. 4, N 2, p. 141–159.

видеть высокое достижение первобытной науки. Сквозь эти образы как бы предчувствуется понимание такой картины мира, где частице противостоит античастица, материи — антиматерия. Противоположные начала мироздания, угаданные преднаукой и запечатленные в близнечных мифах, могут символизироваться и двумя разными цветами, и любыми другими противоположными друг другу признаками или парными предметами.

Из символов, существенных для сопоставления с другими близнечными образами как в других индоевропейских мифологиях, так и в самой латышской, особенно следует отметить конные символы, приурочиваемые к Юмису, как и к божьим сыновьям, но имеющим в латышской культовой (особенно строительной) символике и вполне самостоятельное значение. Два коня (или любое четное их количество, а в ряде случаев — и нечетное, чаще всего типа 3n, ср. выше о символике числа братьев-близнецов в мифе) являются, как и два божьих сына и как Юмис (и соотносимые с ним парные ему образы типа Юмалы), воплощениями двух полярных начал мироздания, двух членов оппозиций бинарного характера, двух дуально-экзогамных половин. Продвинувшиеся за последнее время работы по изучению народной латышской изобразительной символики⁵⁸ позволяют заключить, что большинство ее знаков характеризовались симметричным построением, чаще всего с зеркальной симметрией. Распространенный некогда по всей Латвии (как и в смежных восточно-балтийских — литовском, славянских и финно-угорских диалектных ареалах) символ двух коньков на крыше, сохранявшийся особенно в Курземе и некоторых других областях, согласуется с этой общей чертой семиотической системы. Вместе с тем он прямо продолжал древнюю индоевропейскую символику, в которой два коня были одновременно знаками двух близнецов и тех рядов семиотических противоположностей, которые в близнецах воплощались⁵⁹. Некоторые из этих архаических противоположностей, имеющих, как Солнце — Месяц, и сюжетное значение, в дайнах упоминаются рядом с конями. В частности, индоевропейским является мотив коней Солнца, как это показывают аналогии во всех древних традициях (не только в мифах и поэзии, но и в искусстве, и в материальной культуре):

Saule brauca gar debesī,
Div' dzeltenī kumeliņi.
— Ai, Saulīte, mīla, balta,
Kā tie tevīm nepiekusa?
— Lai tie svida, lai tie kusa,
Dusināt nevarēju,
Dusināt nevarēju,
Līdz uzlēca Mēnestiņš (Lt dz III, 7940)

⁵⁸ *Klētnieks V.* Latviešu Rakstaudzīs. — In: Archivs, E. Dunsdorfs, red. IV (2 izd.). Melburnā, 1973, l. 135–143; *Ibid.*, XXII, 1982, табл.; *Ginters V.* Senlatviešu simbolikas problemas. *Ibid.*, l. 203–233.

⁵⁹ *Иванов Вяч. Вс.* Опыт истолкования древнеиндийских ритуальных и мифологических терминов, образованных от *aśva* 'конь'. — В кн.: Проблемы истории языков и культуры народов Индии, М., 1974; *O'Flaherty M.* Women, androgynes and other mythological beasts. Chicago, 1982; в последней книге на древнеиндийском материале детально рассмотрено соотношение близнечных символов и андрогининов в связи с культом коня.

‘Солнце идет по небу, / Две желтых лошадушки. / — О, Солнышко, дорогое, хорошее⁶⁰, / Разве они у тебя не устали? / Пусть они вспотели, пусть они устали, / Я не могу отдыхать, / Я не могу отдыхать, / Пока не вззошел Месячик. /’

Оппозиция Солнца — Месяца здесь не выявлена прямо, но составляет подтекст дайны, ее живой мифологический фон. Солнце и Месяц соотношены с противопоставлением *день — ночь*:

Saule bāra Mēnestiņu,
Kam tas dienu nespīdēja.
Mēnestiņš atbildēja:
Tev dienina, man naksniņa (33909)

‘Солнце выговаривало Месячику, / Почему тот днем не сияет. / Месячик возражал: / Тебе денечек, мне — ноченька /’ (эта семиотическая оппозиция может быть выявлена и фабульно, и сюжетно).

Месяц и Солнце (в латышских дайнах — и Солнцева дочь) связаны в балтийской мифологии сюжетом Небесной свадьбы:

Visu nakti sveces deg
Sudrabiņa luktuross:
Mēnestiņš ceļu rāda
Saules meitu vedējiem (Lt dz III, 8196)

‘Всю ночь горят свечи / В серебряных светильниках; (Это) Месячик показывает дорогу / Свадебному поезду Дочери Солнца’.

Но Месяц совсем не ограничивается ролью осветителя в этой драме:

Kas to teica, kas redzēja,
Kad Saulīte meita bija?
Mēnestiņš tas redzēja,
Tas nojēina vainadzīņu (33810)

‘Кто это рассказал, что видел, / Что Солнышко было девушкой? / Это Месячик о том рассказывал, / Он с нее веночек снимал’.

Если в сюжетных дайнах дается намек (иногда раскрываемый и более пространно) на отношения между мифологическими персонажами, то в других дайнах выступают и собственно семиотические их характеристики. Они описываются на фоне всей той системы бинарных оппозиций и картины мира, которая является основным мифопоэтическим фоном для дайн.

В латышских дайнах, как и в мифологии восточных славян (в представлениях о Свароге), солнечный огонь связывается с образом божественного Кузнеца, кующего на небе. Само Солнце как бог и оказывается этим Кузнецом:

Kalējs kala debesīs,
Ogles sprāga jūrmalā.
Kas tas tāds kalējiņš,
Kam tik tālu ogles sprāga?
Ta jau mūsu silta Saule,
Savus tratus mētādama (Lt dz III 7980)

⁶⁰ О значении *balta* в этом тексте ср. МЕ, I, с. 258.

В небесах кузнец кует. / Угли сыпятся на берег моря. / Кто он, этот самый кузнец, / У которого только столько углей сыпется? / Это же наше теплое солнышко, / Мечущее свои лучи'.

Самый образ божественного Кузнеца, или бога-Кузнеца, является общеиндоевропейским. Но не во всех индоевропейских традициях его помещают на небо. Он кует в подземном мире не только у хеттов, испытавших в этом отношении влияние неиндоевропейцев — хаттов, у которых они позаимствовали имя этого бога *Hašamili*, но и у греков и даже у германцев, чья мифология некоторыми своими чертами особенно напоминает балтийскую. С небом и солнцем бога-кузнеца связывают именно славяне и балты.

Небесный кузнец как противник порождения нижнего мира, позднее переосмысленного как чорта, объединяет балтийский фольклор с эстонским и вообще прибалтийско-финским и скандинавским.

Божественный кузнец в дайнах вступает в битву с Йодом — воплощением темных сил, что видно из варианта:

Kalējs kala jūrmalē,
Drikstels sprāga debesīs.
Salasiju dzirkstelītes,
Nakalos zobentiņu.
Es nocirtu Jodam kaklu
Ar dzirkstelū zobentiņu (Lt dz III, 7907)

'Кузнец кует на берегу моря. / Искры сыпятся на небо. / Соберу я искорки, / Выкую мечик. / Я срублю Йоду голову / Искристым мечом'.

Цитированная дайна носит характер сокращенной героической саги. Весьма примечательны употребления, благодаря которым в дайнах бог Неба и его дом связывается и с Месяцем, и с другими мифологическими персонажами, такими как Мать ветров:

Apsagrieza Vēja māte
I vienādi, i otrādi,
Dieva namā slaucidama
Mēnestiņa istabiņu (Lt dz III, 8227)

'Проворачивается Мать ветров, / И в эту сторону, и в ту, / В Доме бога Неба она подметает / Светелочку Месячика'.

Усадьба бога Неба и других подобных персонажей одновременно описывается и как макрокосм.

Вместе с тем по отношению к таким явлениям, как Солнце и Луна / Месяц (и другие астральные тела), наряду с мифопоэтической и семиотической интерпретацией надо иметь в виду и астрономическую (или астрологическую), на необходимость которой внимание обращено в самое последнее время⁶¹, причем отмечается и необходимость сопоставления с археологическими материалами, допускающими возможность достаточно ранней датировки соответствующих знаний. Этот подход согласуется с предложенным выше пониманием дайн как памятников преднаучной мысли. Но, разумеется, следует с осторожностью подходить к возможнос-

тям астрономических истолкований: они остаются не более чем одной из нескольких вероятных интерпретаций, в особенности если речь идет не об очевидных небесных светилах, как Луна и Солнце, а о таких описательных выражениях, как 'божьи сыновья'.

Исследование этого аспекта, который Леви-Стросс в своих трудах по мифологии⁶² называет "астрономическим кодом" мифов, связано с другой проблемой, которая для современной науки оказывается актуальной. Речь идет о возможных отражениях в космологии дайн таких древних влияний, которые в конечном счете можно признать ближневосточными (унаследованными от общеиндоевропейского или воспринятыми в более позднее время). Несомненно, что реконструируемая древняя мегалитическая культура (или многочисленные однотипные культуры) Европы V–II тыс. до н.э., для которых характерны развитые астрономические представления и наличие первых каменных приспособлений для наблюдений за светилами, типологически близки к древнеегипетской и древнемесопотамской; были ли между ними культурные связи, пока сказать трудно.

Многие из мотивов, связанных в дайнах с Солнцем (*Saule*), могут достоверно считаться индоевропейскими, но при этом некоторые из них имеют древневосточные параллели. Так, с египетской мифологией сходно представление о лодке, на который плывет Солнце ночью, о чем оно рассказывает Месяцу:

Mēnestiņš tā vaicāja:
Kur, Saulīte, nakti guli?
Sak' Saulīte raudādama:
Vai es arī nakti guli?
Dienu teku zaļu birzi,
Nakti zelta laivā (33860)

'Месячик спрашивал у него / Где ты, Солнышко, ночью спишь? / Солнышко говорило, плача: / А разве я ночью отдыхаю? / Днем иду березовой рошей, / Ночью — в золотой лодочке'.

Об этой лодке говорится во многих дайнах:

Ik vakaris statījos,
Kā Saulīte norietēja:
Ka Saulīte norietēja
Zeltīta laivā (Lt dz III, 8136)

'Что ни вечер, — я гляжу, / Как Солнышко опускается, / Как Солнышко опускается / В золотую лодочку'.

Представление о том, что Солнце ночью плывет в лодке, отнюдь не является универсалией. Было бы заманчивым выяснить, каковы ареальные границы распространения подобного образа.

Вместе с лодкой упоминается и другой способ передвижения Солнца — колесная повозка, название которой восходит к индоевропейскому (колесные повозки Солнца в других древневосточных мифологиях скорее всего возникли под индоевропейским влиянием):

Kas īo teica, tas mēloja,
Ka Saulīte kājām tek:
Pār siliņu ratiņos,
Par jūriņu laivā (Lt dz III, 8134)

⁶¹ Kļētnieks J. Astronomiskie priekšlati latviešu tautasdziesmas. — In: Astronomiskais kalendārs 1985. Rīga: Zinātne, 1984, l. 158–176; *Idem*. Mana tautasdziesma uzrunā astronomu. — In: Dabas un vēstures kalendārs 1985. Rīga: Zinātne, 1984, l. 158–161.

⁶² Lévi-Strauss C. Mythologiques. T. 1. Le cru et le cuit. Paris, 1964.

‘Кто это говорил, тот наврал, / Будто Солнышко ходит пешком. / По лесочку — в повозочке, / По морюшку — в лодочке’.

Поспешным было бы предположение, что только езда Солнца на колеснице в этой даине (и других подобных) относится к древним и унаследованным мотивам. Очевидно, и идея суточного чередования колесницы и лодки могла быть достаточно ранней. Однако кони могут тоже иметь отношение к космическим водам, как об этом свидетельствует символика древнеиндийских Ашвинов.

Древней является и связь латышских коней Солнца с морем:

Saule savus kumelīņus
Jūrinā peldināja;
Pati sēd kalnīnā,
Zelta groži rocinā (Lt dz III, 7931)

‘Солнце своих лошадок, / В морюшке купало. / Само сидело на холмике. / С золотой вожжой в рученьке’.

В латышских дайнах, прямо в этом смысле продолжающих образность более ранних балтийских и индоевропейских поэтических текстов, ни один из используемых символов, таких как кони Солнца, море, холм, не следует понимать изолированно. Это части единой мифологической картины, которая по необходимости в каждой из дайн дается только в одном возможном ракурсе. Простое склеивание дайн в некоторую последовательность, их циклизация не может устранить этой принципиальной фрагментарности. О главных событиях, таких как небесная свадьба, может говориться столь же бегло, как и о некоторых деталях (например, пейзажных). По-видимому, предполагается, что общая картина может быть восстановлена по каждой даине и каждой детали. Остановимся на некоторых из деталей.

У ‘дочки Солнца’ серебряные грабельки:

Kas tur spīd, kas zvēro
Viņā lauka galiņā?
Saules meitas sienu grāba
Ar sudraba grābeklīti. (Lt dz III, 8028)

‘Что там сверкает, что блистает / На том дальнем лужочке? / Дочка Солнца ворошит сено / Серебряными грабельками’.

Соотнесение Солнца и его дочек с серебром встречается во многих дайнах. Солнце в серебро одевает своих дочек:

Aiz kalnīna ezerinš,
Aiz ezera ozolīnš;
Tur Saulīte savas meitas
Sudrabāi kaldināja (Lt dz III, 7990)

‘За холмиком озерко, / За озерком дубок: / Там Солнышко своих дочерей / Наряжает в серебро’.

Типологически в мифологической символической Солнца могли в самых разных традициях, где уже были известны благородные металлы, участ-

вовать и серебро, и золото⁶³. Универсальный характер этих связей затрудняет реконструкцию.

Судя по данным сравнительно-исторической мифологии, относящимся к садам Гесперид и родственным древнеисландским символам, образ золотых яблок Солнца, очевидно, также весьма древен, как и связь его с богом Неба⁶⁴:

Gauži raud Saulīte
Ābeļu dārzā:
Ābelei nokrita
Zeltītai ābols.
Neraudi, Saulīte,
Dievs dara citu,
Dievs dara citu —
No zelta, no vara,
No zelta, no vara,
No sudrabiņa. (Lt dz III, 7970)

‘Горько плачет Солнышко / В яблоневом саде: / С яблони упало / Золотое яблоко. / Не плачь, Солнышко, / Бог другое подарит, / Бог другое подарит / Из золота, из меди, / Из золота, из меди, / Из серебрушка’.

Контекст, где рядом с золотом и серебром дважды упомянута медь, делает несомненным реальный металлургический характер образов.

В описании жизни дочки Солнца у бога Неба ее золотая чаша идет рядом с двумя другими символами индоевропейской скотоводческой образности — коровами и конями, завершая этот ряд, как в некоторых древних ритуалах:

Pī Dīveņa lab’ dzeivōt, —
Trejs olūti pogolmā:
Viņā dziāra raibas gūvis,
Ūtrā sērmi kumeleni,
Trešajā Saules miaita
Zalta traukus balynōja (Lt dz III, 7688)

‘у бога (Неба) хорошо живется, — / В имении три источника: / Из одного пьют пегие быки, / Из другого — гнедые кони, / В третьем дочь Солнца / Моет Золотые чаши’.

Заметим, что именно в сфере фразеологических оборотов скотоводческого характера дайны обнаруживают заметные архаизмы. Так, лтш. *simti govī* ‘сто коров’ в свадебной даине (BW 4886) точно соответствует греческому названию гекатомбы — гр. *ἑκατόμη*=βη ‘жертва, жертвоприношение’ из названия *жертвы ста быков’, восходящему к общиндоевропейскому (др.-инд. *śata-gu* ‘владеющий сотней быков/коров’; др.-перс. *datagu-*, название страны из *имеющий сто быков’⁶⁵).

Согласно гипотезе, которая обосновывается в последнее время, индоевропейские диалекты испытали воздействие культур Древнего Ближнего Востока, на территории которого ищут теперь индоевропейскую праро-

⁶³ Иванов Вяч.Вс. История славянских и балканских названий металлов. М.: Наука, 1983, с. 10 (примеры золотых предметов, связанных в дайнах с золотом, см. выше).

⁶⁴ Гамкрелидзе Т.В., Иванов Вяч.Вс. Указ. соч., т. 2, с. 643.

⁶⁵ Thieme P. Studien zur Indogermanischen Wortkunde und Religionsgeschichte. Berlin: Akademie-Verlag, 1952, S. 62.

К РЕКОНСТРУКЦИИ ОДНОГО ЦИКЛА АРХАИЧНЫХ МИФОПОЭТИЧЕСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ В СВЕТЕ "LATVJU DAINAS"

(К 150-летию со дня рождения Кр. Барона)

дину⁶⁶. Поэтому не кажется невозможным видеть в созвучии некоторых представлений латышских песен (как выше было предположено и в отношении их астрономического кода) с древневосточными преобразенный отзвук этих связей. Это относится, в частности, к образу мудрого разума бога.

Augstak dzied cīrulīš
Aiz visiem putniņiem;
Dievam gudris padomīš
Par šo visu pasaulī? (33648)

Жаворонок поет выше, / Чем все другое птичье; / Мудрая мысль у бога (Неба) / Над всею Вселенною.

Так и в латышских дайнах бога Неба связывают с деревьями:

Pilna sēta vītoliņ
Sudrabiņa lapīnām.
Vai tei bija dievs dzīvājis,
Vai tie mani bālelīni. (3709. 1)

Полон двор ветелушек / С серебристыми листочками. / То ли там Бог (неба) поселился, / То ли родственники мои.

К тому же соединению макрокосма с микрокосмом по отношению к богу Неба ведут и употребляющиеся в дайнах обозначения принадлежащих ему диких животных: *dieva vērsī* 'дикие (божьи) быки', *dieva suns* 'дикая (божья) собака-волк', *dieva zuosis* 'дикие (божьи) гуси', индоевропейский характер соответствующих упоминаний следует из аналогичного хеттского употребления основы *šiu-*, родственной лтш. *diev-*, в хет. *šiu-naš huitar* 'божьи животные' применительно к набору священных диких животных, входивших в зверинец сакрального царя. Это показывает высокую степень архаизма терминологии, сохраненной в дайнах⁶⁷.

⁶⁶ Гамкрелидзе Т.В., Иванов Вяч.Вс. Указ. соч., т. 2.

⁶⁷ Группу слов и выражений, по-видимому связанных (если не этимологически, то анаграмматически) с лтш. *vefi* 'души усопших' и родственным индоевропейским обозначением загробного мира, исследует В.Н. Топоров в статье "Латышские народные песни как источник для реконструкции архаичных мифопоэтических представлений" (в кн.: Слово в нашей речи, вып. 5. Рига, 1985, с. 34–56). Особенно плодотворна гипотеза В.Н. Топорова об отражении в самой форме дайн, в том числе в метрических и анаграмматических их особенностях, некоторых черт древнейшего типа индоевропейской поэзии; сходные мысли обоснованы в последнее время в ряде работ Я.П. Курсите (*Kursite J. Aliterācija latviešu dainās. — Latvijas PSR Zinātņu Akadēmijas vēstis*, 1984, № 9, 1. 33–46). Из обнаруженных в недавнее время разительных сходств между мифологическими мотивами латышских дайн и хеттскими мифологическими текстами отметим прежде всего тему возможной опасности, возникающей и для богов в случае гибели всех людей. За повторяющимися в разных вариантах вопросом: Kur, dieviņ, tu paliksi, Kad mēs visi nomīsim? 'Где ты, боженька, останешься, Когда мы все перемрем?' следуют вопросы: ...Ne tev sievas, ne tev bērni Kas vecam maizī dos? 'Нет у тебя жены, нет у тебя детей, Кто старому даст хлеба?' ...Kas maizīti tev pelnīs, Kas zemītī rūsinās? 'Кто тебе хлебушка раздобудет, Кто тебе землицу обрабатает?' В точности те же вопросы в хеттских мифологических текстах ставят друг перед другом боги, обсуждающие невыгоды полного уничтожения людей: *Siegelová J. Appu-Märchen und Hedammu-Mythus* (Studien zu den Boğazköy-Texten, H. 14). Wiesbaden, 1971, S. 46, 47, 85.

Еще в начале публикации этого знаменитого собрания латышских народных песен (после выхода в свет второго тома из шести) Эндзелин, не боясь ошибиться, сказал, что "Latvju dainas" — monumentum aere perennius и латышскому народу, и самому Барону¹. Спустя 80 лет после этого ответственного утверждения (и через 70 лет после завершения публикации "Latvju dainas"), эти слова, которые в момент их появления могли казаться слишком смелыми и даже преждевременными, воспринимаются во всей бесспорности и непреложности уже совершившегося и имеющего пребывать актуальным и далее, пока жив латышский язык. Твердое убеждение в том, что "Latvju dainas" действительно двойной памятник, объясняет и ту высоко-торжественную ноту, которая окрашивает сегодняшнюю память о Бароне, и тот естественный и органичный переход от "Latvju dainas" к теме судеб латышского народа, его истории и культуры — от Слова к его воплощению.

Имя Кришьяна Барона выделяется даже на фоне других выдающихся зачинателей латышской фольклористики — собирателей, исследователей, организаторов науки, как Валдемар, Спрогис, Трейланд (Бривземник), Пушкайтис (Лерхис), Вольтер и др.; не покажется странным упоминание в этом ряду и Пумпура.

Латышская фольклористика знала два периода расцвета. Первый из них начался со второй половины XIX в. и особенно с рубежа 70–80-х годов. Второй относился к 20–30-м годам нашего века и связан с именами Берзиня, Лаутенбаха (их научная деятельность началась значительно раньше), Шмита, Страуберга, Янсона и других и их учеников. Соединительным звеном этих двух творческих периодов латышской фольклористики был прежде всего Барон. Но значение Барона не исчерпывается этой связующей ролью: его научная и публикаторская деятельность обрывает не только центр, но и в е р ш и н у в разработке латышского народно-поэтического наследия, которой он отдал всю свою долгую сознательную жизнь.

Связь Кришьяна Барона (31.X.1835–8.III.1923) с латышскими народными песнями началась с детства, проведенного в Курляндии. Предпо-

¹ Ср.: "Šis Barona mūža darbs būs visai latviešu un viņam pašam — monumentum aere perennius", см.: *Endzelins J. Kr. Barons un H. Visendorfs. Latvju dainas*, II. Pēterburgā, 1903. — *Austrums* 1904, VII, 1. 553 (= *Ceļi* 1935, VI, 1. 40; *Endzelins J. Darbu izlase*, I. Rīga, 1971, I. 671). Сходный мотив "quod non ... possit diruere ..." подчеркнут и в поздравительном письме, которое направил К. Барону по случаю завершения публикации "Latvju dainas" и его соиздатель и помощник Г. Виссендорф: "Sveicinu ar milzu darba pabeigšanu. Par to Jums tauta būs mūžam pateicīga ... Šīs dziesmas ir glābtas no pazūšanas un aizmiršanas".

сылкой этой связи была та особая роль, которую играли народные песни в жизни латышей². Образы и идеи этих песен составляли тот второй "язык" (наряду с естественным), с помощью которого формировалась одновременно картина мира в ее "внешнем" (мир объектов) и "внутреннем" (субъект как коллективная "личность") аспектах. Смысло-строительная и объяснительная функция этого "языка" определили и его роль в конституировании единства латышского социума и сопоставленного ему самосознания. Это свое значение народная песня вполне сохранила еще на рубеже XVIII и XIX вв. и в известной степени позже. Но у народной песни в это время было актуально и еще одно измерение — устремленность в будущее, непосредственно увязывавшаяся с необходимостью решить те задачи общенационального характера, которые все настоятельнее вставали перед латышами в течение XIX в. В этой обстановке отсутствие связи с миром песни было бы аномалией. Впрочем, есть и прямые указания на отношение к народной песне в том узком семейном круге, где рос и воспитывался Барон; так, известно, что большой любительницей народных песен была мать Кришьяна Барона (отец умер, когда мальчику было восемь лет); интересные сведения на этот счет сохранились о его сестре Марии³; вероятно, внимательное отношение к народному творчеству прививалось и первыми школьными учителями Барона Эрнстом Динсбергисом и Фридрихом Мальбергисом. Наконец, о своей любви к народным песням еще в детстве писал позже в своих воспоминаниях сам Барон⁴).

Годы учения Барона в Дерптском университете (1856–1860) знаменуют начало его осознанного отношения к народному творчеству и начало его деятельности как исследователя народной песни. Для актуализации отношения к латышскому песенному наследию, видимо, существенную роль сыграло знакомство с финноязычным народным творчеством, которому способствовало пребывание Барона в Эстонии. В 1857 г. в

² О роли песенного творчества у латышей сообщается уже в источнике, относящемся к первой половине XVII в., — в мениевской "Syntagma de origine Livonorum" (1632). Но и через два века авторитетный свидетель напишет: "Действительно, трудно было бы найти теперь в Европе народ, который в такой степени заслуживал бы имени народа певцов, и край, который в такой степени заслуживал бы имени песенного края, как латышский народ и латышский край" и несколько далее: "Каждый латыш природный певец, каждый складывает куплеты и песни, каждый умеет их петь". (Kohl J. Die deutsch-russischen Ostseeprovinzen, 2. Theil. Dresden; Leipzig, 1841, S. 119, 122). Перечень подобных свидетельств нетрудно продолжить.

³ Ср.: "Viņa māsa Marija ... zinājusi daudz tautasdziesmu un pulkā (svētkos u.c.) arvien bijusi pirmā dziedātāja, priekšdziedātāja" (из воспоминаний Фр. Дравниекса, сына сестры Барона). Цит. по: Arājs K. Krišjāņa Barona folkloristikās darbības meti. — In: Krišjāņa Barona piemiņai. Raksti. Latvijas Zinātņu Akadēmija. Valodas un literatūras institūts, XV. Rīga, 1962, l. 7.

⁴ Барон писал, что еще в детстве он почувствовал "... sevišķu mīlestību pret tautas rožēju — tautas dziesmām" (см.: Krišjāņa Barona atmiņas. Rīga, 1924, l. 183). Существенна внутренняя форма эпитета *sevišķs* 'особый, особенный', выявляемая из сопоставления с *sevis* 'себя', — "особое" как в себе самом коренящееся и из себя самого выводимое; связь с *mīlestība* 'любовь' отсылает к тому комплексу интимно-домашнего, родного (*heimisch*), в котором "особое" понимается как "свое", поскольку оно результат исхождения из самого себя и вслушивания в себя, в "свое".

"Mājas Viesis" появляется первая статья Барона, посвященная эстонским народным песням, — "Igaņu tautas dziesmas". Эта статья отражает интерес Барона к трудам эстонского фольклориста и писателя Ф. Фельмана. Большим событием для Барона в студенческие годы было знакомство с мюльберговским переводом Калевалы и догадками по поводу авторства этого эпоса⁵. Результатом отклика было стихотворение "Dziesmu iemantošana", написанное в том же 1857 г. и отражающее влияние поэтики "Калевалы" (ср.: *Kur es savas dziesmas ņēmu, kur dabūju meldijas?*).

Несомненно, очень важное значение для Барона в эти годы имело знакомство с Валдемаром, описанное позже Бароном в его "Воспоминаниях". Решению посвятить себя изучению народного творчества и быта латышей способствовало путешествие, которое предпринял Барон, когда летом 1859 г. он пешком обошел Видземе и Курземе. Итогом этого путешествия был сжатый очерк географического характера, написанный на латышском языке (впервые!)⁶. Этот первый опыт, видимо, послужил той основой, которая объясняет вскоре начавшуюся связь молодого ученого с Русским географическим обществом. Это сотрудничество сыграло, несомненно, положительную роль в становлении Барона как исследователя. И дело, пожалуй, не столько в "Указателе сочинений о коренных жителях Прибалтийского края", изданном РГО в 1868 г.⁷, сколько в той творческой атмосфере сотрудничества, обмена научными идеями, наметки планов будущих экспедиций и исследований, которая характеризовала Русское географическое общество в Петербурге и Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии в Москве в очень плодотворные для них 60-е годы. Именно в этот период сложились те отношения сотрудничества между латышскими этнографами и фольклористами и представителями русского ученого мира, которые принесли богатые плоды как для латышской, так и для русской науки. В этих условиях складывался тип Барона-исследователя, быстро ставшего крупным авторитетом в своей области. Неслучайно, что кандидатура Барона была предложена РГО для экспедиции в Латвию, предназначенной для сбора этнографического и фольклорного материала (по обстоятельствам внешнего характера Барон был вынужден отклонить это предложение). Долгие годы проводя за пределами своей родины — в Петербурге (где издавалась латышская газета "Pēterburgas Avīzes", 1862–1865), в Москве (где образовался кружок латышей-энтузиастов), в Воронежской губ. (где в течение четверти века Барон работал домашним учителем в семье Станкевичей⁸), Барон не терял времени даром. Он собирал из

⁵ См.: Mühlberg R. Probe einer estnischen und deutschen Übersetzung der Kalevala. — Verhandlungen der gelehrten Estnischen Gesellschaft zu Dorpat. Bd. I, Hft. 1, S. 25–37.

⁶ Ср.: "Mūsu tēvzemes aprakstīšana un dažī pielikumi īsumā saņemti".

⁷ Еще в 1866 г. Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии объявило конкурс на исследования по двум темам — "Описание какой-либо нерусской народности" и "История этнографического исследования народов, населяющих Россию". Работа Барона и была откликом на это предложение. См. о ней: Egle K. Krišjāņa Barona bibliogrāfiskais darbs. — Raksti. 1962, XV, l. 61–63.

⁸ В своих "Воспоминаниях" Барон особо говорит о знакомстве с Иваном Владимировичем Станкевичем, братом известного в анналах русской культуры Николая Владимировича Станкевича (а также Александра Владимировича). Ср. из недавних работ: Ласунский О. Кришьянис Барон на воронежской земле. — Даугава, 1984, № 7, с. 118–125.

Рис. 1. Обложка 1-го издания "Latvju dainas"

дания латышских и литовских фольклорных текстов, научную литературу в области фольклористики, занимался решением ряда практических задач (ср. участие Барона в разработке транскрипции латышских текстов для публикации фольклорных материалов). Вместе с тем Барон был в курсе дел в исследованиях народного творчества восточнославянских народов; не подлежит сомнению его знакомство с трудами Афанасьева, Буслаева, Шейна, Костомарова и ряда других ученых и творческое приятие тех передовых принципов, которые определили взлет фольклористики в эти десятилетия⁹.

На рубеже 70–80-х годов Барон почувствовал себя готовым к началу активной и вполне конкретной работы по собиранию и систематизации латышских народных песен. В это время ему шел пятый десяток. Он был признанным специалистом¹⁰, готовым к большому и долгому труду. Но едва ли он знал, что пройдет тридцать семь лет (с 1878 г.), прежде чем будет завершено издание "Latvju dainas" (рис. 1). Но и этим гигантским предприятием не исчерпывается вклад Барона в собирание, публикацию и исследование латышской народной песни, в частности, в популяризацию ее. В 1920–1924 гг. Барон публикует "Избранные латышские песни"¹¹. В это собрание вошла лишь небольшая часть песен из "Latvju dainas" – 9738 из 217 996, но значение этой публикации состояло в том, чтобы выделить наиболее ценные образцы песенного творчества в относительно легко обозримом виде. К сожалению, осталось незаконченным включенное в это собрание исследование метрической структуры латышских народных песен. Не следует упускать из виду и деятельность Барона как редактора, сформулировавшего принципы публикации известного сборника Я. Цимзе "Dziesmu rota"¹² в издании 1914 г. и проводившего значительную практическую работу по переработке песенных текстов для смешанного и мужского хоров¹³.

Трудами в области латышской народной песни не ограничивалась многообразная деятельность Кришьяна Барона¹⁴, но они были главным делом

⁹ Интересные детали к "московской" теме в связи с Кр. Бароном см. в статье: Bandrevičs A. Krišjānis Barons Maskavā. – Latvijas Vēstnesis (приложение), 1923, 7.

¹⁰ В 1881 г. Барон был избран действительным членом Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии по отделу этнографии.

¹¹ См.: Barons K. Latvju dainu izlase, I–IV. Rīga, 1920–1924.

¹² См.: Dziesmu rotas, I–VII, 1872–1884; с одной стороны, и: Cimze J. Dziesmu rota jauktiem koriem. Rīga, 1914; Idem. Dziesmu rota vīru koriem. Rīga, 1914.

¹³ См.: Greble V. Latviešu tautasdziesmu tekstu rediģēšanas galvenie principi "Dziesmu rotas" 1914 gada izdevumos. – Raksti, 1962, XV, 1. 50–60.

¹⁴ Общее представление о деятельности Барона можно составить как по списку его сочинений и публикаций, так и по обширной литературе о нем. Ср.: Latviešu pirmspadomiju literatūra. Bibliogrāfinis rādītājs Rīgā, 1980, 1. 44–54 (Dzeja. Proza. Saraksts, 1. 46–48); Krišjāņa Barona piemiņai. Rīgā, 1962; Unāms Ž. K. Barons un viņa mūža darbs. Rīgā, 1935; Jansons J. A. Kr. Barona vieta mūsu kultūras dzīvē. – Izglītības Ministrijas Mēnešraksts, 1935, 10; Karulis K. Latviešu grāmata gadsimtu gaitā. Rīgā, 1967, 1. 110 и др., не говоря уж о последних публикациях, появившихся в Латвии и за границей в связи с юбилейной датой (тема "Latvju dainas" многократно возникает в докладах последней международной конференции балтистов, см.: Ninth Conference on Baltic Studies. Montréal, 1984; далее – 9 Conf. BSt.). Следует иметь в виду и те многочисленные работы, которые посвящены влиянию трудов Кр. Барона на различные области латышской культуры. В связи с темой "Latvju dainas" особенно важно их отражение в музыкальной культуре, начиная от параллельных Барону опытов Анд-

его жизни и основанием его славы. Об этом подвиге помнили и те, кто в мартовскую ночь 1923 г. провожал великого труженика в последний путь:
Lai dus mierā latvju Burtnieks, bezgalības cēlinieks.

* * *

Барон не был первым, кто обратил внимание на латышские народные песни и стал собирать их. Отдадим должное немецким собирателям и издателям латышских народных песен. Они сделали многое в этой области, особенно в ранний, "добароновский" период, и достойно выполняли заветы человека, который едва ли не больше всех способствовал в свое время пробуждению интереса к народной словесности и прежде всего — песне, жителя Риги в 60-е годы XVIII в. Иоганна Готфрида Гердера (именно в Риге им делались наброски "Опыта истории поэзии")¹⁵. К сожалению, вклад этих первых старателей на ниве латышского народного творчества часто недооценивается или вообще сводится на нет под предлогом недостатков в этих ранних публикациях¹⁶. Долг справедливой исторической оценки предшественников Барона в издании латышских народных песен остается до сих пор невыполненным. И ни ошибки первых публикаторов, ни бесспорные преимущества "Latvju dainas" не дают оснований для забвения того, что было сделано в этой области в течение почти целого столетия¹⁷.

рея Юрьяна (ср. "Latvju tautas muzikas materiālu" 1894) через творчество Язепы Витола (ср. также хоровую песню "Upe un cilvēka dzīve" на текст Барона, 1903), Эмиля Дарзиня, Альфреда Калныня, Эмиля Мелнгайлиса и др. — вплоть до композиторов наших дней. См. подробнее: *Vitolis J. Tautasdziesma latviešu muzikas kultūrā un Kr. Barona saiknes ar latviešu muziku.* — Raksti, 1962, XV, 1. 44—49 и др.

¹⁵ Интерес Гердера к народной песне подтверждается целым рядом его работ ("Alte Volkslieder", 1774, "Volkslieder", 1778, 1779; "Stimme der Völker in Liedern" 1807); сам термин "народная песня" ("Volkslied") был введен именно им (ср. "Über Oasian und die Lieder alter Völker", 1773). Не подлежит сомнению знакомство Гердера и с латышскими народными песнями. Между прочим он упоминает об особенностях их исполнения в одной из работ рижского периода своей деятельности. См.: *Herder J.G. Fragmente über die neuere deutsche Literatur.* Bd. 1—3. Riga, 1766—1767.

¹⁶ Печальных примеров этого рода, к несчастью, много. Один из них — Озол А.Я. Методы фольклористической работы в области латышских народных песен во II половине XIX века. Рига, 1950 (Автореф. канд. дис., перепечатано в кн.: *Ozols A. Raksti folkloristikā.* Rīgā, 1968, 1. 179—180).

¹⁷ Ср. только основные издания: [Bergmann G.] Erste Sammlung lettischer Sinngedichte. Ruen, 1807; [Idem.] Zweite Sammlung lettischer Sinn- oder Stegreifs Gedichte. Ruen, 1808; [Wahr F.D.] Palmariešu dziesmu krājums. [Rūjienā, 1807]; [Buettner G.F.] Latviešu jaužu dziesmas un zīģes. Latviešu tautai un viņas draugiem sagādātas no Latviešu draugu biedrības. — MLLG, 1844, Bd. VIII (Mitau); [Zvaigzne J.] Sēta, daba, pasaule. Trešā grāmata. Tērbatā, 1860; *Cnopus I.* Памятники латышского народного творчества. Вильна, 1868; *Plater C., Manteuffel G.* Lettische Volkslieder. — MLLG, 1869, Bd. XIV, 2; *Бризвеникс Ф.* — Сборник антропологических и этнографических статей о России и странах, ей прилежащих, издаваемый В.А. Дашковым, кн. II. М., 1873; [Bielenstein A.] Latviešu tautas dziesmas, I—II. Leipzig, 1874—1875; [Wilson J.] Tautas dziesmas, sakrātas Ventas krastos, Leikmalē. Liepājā, 1876; *Āronu Matīss.* Mūsu tautas dziesmas. Rīgā, 1888; [Graudīnu Karlis] Rakstu krājums, izdots no RLB Zinību komisijas. 5. rakstu krājums. Latviešu tautas dziesmas. Jelgavā, 1889; Jelgavas Latviešu biedrības Rakstniecības nodaļas rakstu krājums, 1. Tautas dziesmu virknes. Jelgavā, 1890; *Вальтер Э.* Материалы для этнографии Латышского племени Витебской губернии, I. СПб., 1890. *Ulanowska S.* Łotysze Inflant Polskich, a w szczególności z gminy Welońskiej powiatu Rzeżyckiego, I—II. Kraków, 1891—1892 (= Zbiór antropologii

Но хотя Барон и не был первым собирателем и издателем латышских народных песен, сделанное им в этой области несравнимо со всем остальным, что делалось до него и после него. Собственно говоря, в этом двойном временном измерении — в ретроспективе прошлого и перспективе будущего — труд Барона и обретает свое подлинное значение. В первом случае — это блистательный итог, во много раз превышающий сумму слаженных и возносящий дело изучения латышской народной песни на совсем иную высоту. Во втором случае — это надежнее основание для первенствующего положения народной песни как объекта изучения латышской фольклористики¹⁸, для нового этапа в исследовании народной песни,

krajowej, XV). См. также: *Straubergs J.* Latviešu pirmās dziesmu grāmatas. Rīgā, 1936. — В этих изданиях (не считая сборника 1876 г., оказавшегося недоступным) содержится 16 848 текстов латышских народных песен, собранных из разных мест. Для уровня накопления материала к концу XIX в. эта цифра должна быть признана весьма внушительной. Наконец, следует помнить о музыкально-песенных публикациях (см. *Cimze J.* Op. cit., 1872—1884) и рукописных собраниях. Среди последних особое значение должно принадлежать "Kurische Nationallieder" (Ein Abschrift für das Bibliothek der Lettischen Literarischen Gesellschaft), рукописи пастора В.Ф. Вагнера, содержащей 412 песен и относящейся к периоду между 1808 и 1814 гг. В настоящее время рукопись хранится в Отделе редких книг и рукописей Фундаментальной библиотеки Академии наук в Риге (фонд № 5390a). Подлежащее большинство содержащихся в собрании Вагнера песен позже, в 30—40-е годы XIX в., вошло в битнеровскую рукопись "Lettische Volkslieder". Подробнее см.: *Grebbe V.* Latviešu tautasdziesmu manuskripti "Kurische Nationallieder" un tā gaitas. — Raksti, 1962, XV, 1. 64—73. — Издание неопубликованных сборников латышских народных песен, как и ранних из опубликованных, относится к числу насущных задач сегодняшней латышской фольклористики. — Пробудившейся в начале XIX в. интерес к песенному творчеству не ограничивался народной песней; ср. большой успех песен "латышского Гомера" — Слепого Индрикса (Ta neredzīga Indriks Dziesmas. Jelgavā, 1806; 2-е изд. — 1862), см.: *Karulis K.* Op. cit., 1. 66—67. — О первой публикации латышской народной песни см.: *Draviņš K.* Das älteste gedruckte lettische Volkslied. — Sprāklīga Bidrag, 1953, vol. 1, N3, S.65—69 (перепечатано в кн.: *Draviņš K.* Atletitische Schriften und Verfasser, I. Lund, 1965, S. 46—50).

¹⁸ Появление "Latvju dainas" вызвало исключительную интенсификацию собирательской, издательской и исследовательской работы в этой области и широкое распространение интереса (не только "потребительского") к народной песне и связанной с нею проблематикой. Здесь уместно назвать основные издания латышских народных песен в XX в. Ср.: *Latvju dainas* Kr. Barona un H. Viissendorffa izdotas, I—VI. Jelgavā; *Pētersburgā, 1894—1915* [*Хр. Барон и Г. Виссендорф.* Латышские народные песни, т. I—VI. Митава — Петербург, 1894—1915]; *Tautas dziesmas* (Papiļdinājums Kr. Barona "Latvju Dainām"). Prof. P. Šmita redakcijā, I—IV. Rīgā, 1936—1939 (в редактировании тома IV принимал участие К. Страуберг); *Endzellins J. un Klavinskis R.* Latvju tautas dainas, 1—12. Rīgā, 1928—1932; *Bērziņš L.* Latvju dainas. Pamatziesmas, 1—6, Rīgā, 1928—1932; *Latvju tautasdziesmas.* Izlase, 1—3. Rīgā, 1955—1957; *Latviešu tautasdziesmas,* 1—5. Rīgā, 1979—1983; *Latviešu tautas dziesmas.* Red. prof. *Švābe A., Straubergs K., Hauzenberg-Sturma E.,* I—XII. Kopenhagenā, 1952—1956 и др. — О латышской народной песне см.: *Lautenbachs J.* Latviešu literatūras vēsture, II daļa. Rīgā, 1928, 1. 110 ff.; *Ozols A.* Tautas dziesmu literatūras bibliogrāfija. Rīgā, 1938; из более поздних работ ср.: *Bērziņš L.* Ievads latviešu tautas dzejā, I daļa. Metrika un stilistika. Rīgā, 1948; *Niedre J.* Latviešu folklorā. Rīgā, 1948; *Idem.* Krišjāņa Barona "Latvju Dainas" un latviešu folkloristu uzdevumi. — Latvijas Zinātņu Akadēmijas Vēstis, 1948, 3; *Latviešu literatūras vēsture,* I. Rīgā, 1959, 1. 22—158 (с библиографией); *Ozols A.* Latviešu tautasdziesmu valoda. Rīgā, 1961; *Idem.* Raksti folkloristikā. Rīgā, 1968; *Arājs K.* Op. cit.; *Latviešu tautasdziesmas,* 1. sējums. Rīgā, 1979 ("Ceļavārdi dziesmai", I. V—XXI) и др.

для создания условий, когда новые материалы, идеи и творческие импульсы существенно влияют на развитие как смежных отделов фольклористики, так и других гуманитарных дисциплин — от лингвистики до поэтики и мифологических исследований.

Исторический подвиг Барона, делающий его имя особенно отмеченным, а его труд замечательным памятником латышской культуры в самом широком смысле, определяется сочетанием двух обстоятельств — необыкновенно полным обранием фольклорного материала и образцовым его изданием, с одной стороны, и тем, что именно в народной песне наиболее полно и адекватно выразил себя латышский мифопоэтический гений. Несколько заостряя проблему, можно сказать, что как раз песне суждено было стать тем языком, на котором творческому духу латышского народа удалось точнее и ярче всего выразить и "разыгрываемый" мир (объектная сфера), и самого себя, "разыгрывающего" этот мир (субъект). Этот язык во многих отношениях предопределил особенности мифопоэтического видения, характерного для латышской традиции — вплоть до "фольклоризма" как одного из важных аспектов современной латышской культуры. В этом смысле есть веские основания считать, что полнота и разнообразие латышского песенного репертуара и сохранение им глубокой архаики (или, точнее, минимальной дистанции между архаикой и инновациями) объясняются не случайностями исторического развития, а отражают насущную потребность данной традиции в фиксации достаточно обширного количества текстов, описывающих "весь мир", на данном языке. При таком взгляде акцент, естественно, перемещается: удивление перед фактом исключительной устойчивости латышской народной песни в отношении ко времени с его энтропическими тенденциями уступает место пониманию естественности и, более того, внутренней необходимости все новых и новых проекций "песенных" структур на мир, бесконечного репродуцирования мира на данном языке, т. е. как раз тех явлений, которые и свидетельствуют о том, что механизмы транспозиции "внешнего" содержания во "внутренний" мир песни еще недавно были живыми, как и соответствующая модель мира, и, следовательно, активно противостояли энтропическим тенденциям. В этой ситуации решающим является не то, что нечто помнят (некое ядро песен как совокупность текстов с относительно малой прагматикой, хотя и связанных по традиции с определенными событиями), а что это нечто знают и применяют это знание на практике¹⁹, каждый раз, когда нужно, захватывая знаковыми моделями "подзнаковую" реальность. "Захватываемая" и осваиваемая/усваиваемая в знаковой сфере реальность как раз и является основой для противоположного энтропии "экстропического" направления развития (ситуация, которую следует признать естественной при любом соприкосновении материи и духа и своеобразном обмене между соответствующими сферами), для великого противостояния времени в его "разрушительной" функции.

Насколько успешным было это противопоставление, можно судить не только (и, может быть, не столько) по самой латышской песенной тра-

диции, наиболее архаичное ядро которой характеризуется "почти" остановившимся временем, но и по широкому контексту родственных индоевропейских мифопоэтических культур. Только на их фоне с очевидностью выступает степень архаичности многих схем латышского песенного репертуара и роль этих схем в песенном наследии. Едва ли можно ошибиться, рассматривая латышскую народную песню как своего рода заповедное место, где с наибольшей верностью прошлому и с наибольшей нетронутостью сохраняются многие пережитки и н до е в р о п е й с к о й эпохи, утраченные в большинстве других традиций, доживших до наших дней, и лишь остаточные отраженные в древнейших из известных нам памятниках этих традиций. В этом смысле собрание песен, изданное Кр. Бароном, не только памятник национального масштаба, но событие, факт мировой культуры — и как открытие еще одного "лика" в духовной культуре человечества, и как открытие о с о б о г о "лика", позволяющего судить о чертах мифопоэтического сознания совсем иного временного горизонта, характеризующегося, в частности, редкой обнаженностью архетипического слоя и четкостью ряда сходных мифологических конструкций, известных обычно лишь в сильно вырожденных формах.

Но было бы, несомненно, ошибкой видеть в латышских народных песнях только заповедное место, где сохраняются архаизмы. Отношение этих песен ко времени значительно сложнее и в ряде случаев кажется парадоксальным. Язык и языковые тексты знают два противоположных способа хранения информации (в частности, архаичных элементов): п а с с и в н ы й, противостояние времени — "разрушительный" и а к т и в н ы й, такое сотрудничество с временем, когда оно выступает в функции "созидателя"²⁰. В первом случае удается сохранить архаические элементы, но уже только как своего рода *membra disiecta*: они утратили свои прежние системные связи и не вошли достаточно органично в новую систему, почему и выглядят они как раритеты, исключения. Во втором случае акцент ставится не на сохранении отдельных элементов в их, так сказать, неподвижности, а на сохранении отчетливо выраженной и более или менее легко проверяемой преемственности между "исходной" архаичной системой и системами, следующими за нею во времени и генетически выводимыми из нее. В этой последней ситуации меняются части ("блоки") старой системы, но основные отношения сохраняются, хотя и в трансформированном виде. "Старая" система живет и функционирует до тех пор, пока она используется для решения новых заданий (так продлевает свой век старинное здание, пока оно населено людьми, которые, забыв о его возрасте и о том, что здание нужно сохранять во что бы то ни стало, ради идеи "чистого" хранения, используют его в своих повседневных целях). И в этом случае приходится удивляться уже не архаичности латышских народных песен, а их динамичности, "современности", способности старыми средствами решать новые задачи, иначе говоря, поразительной жизнестойкости и гибкости (вплоть до протечности) архаичных схем, своеобразному синтезу статического и динамического

¹⁹ Происходящий при этом акт нахождение нового решения, рождения (уместно напомнить о глубинной связи идей "знания" и "рождения", кодируемых одним корнем — и.-евр. * *ḡen-*) в принципе отрицает энтропические тенденции.

²⁰ Ср. древнеиндийский синтетический мифологизированный образ трех функций времени — Тримурти (созидание — Брахма, хранение — Вишну, разрушение — Шива) в его отношениях к "вещной" структуре мира (творение).

начал. При этом латышские народные песни оказываются не только полем (пространством), где разворачивается взаимодействие этих двух начал, но и активным инструментом выработки указанного синтеза. Следовательно, и в этом отношении роль латышского песенного наследия, собранного и упорядоченного Бароном, исключительна.

Полвека назад, отдавая долг памяти Кришьяна Барона, другой великий латыш, Эндзелин, писал о его собрании песен как об "основе латышской филологии"²¹. По сути дела, нечто подобное может быть сказано и об отношении "Latvju dainas" к науке, изучающей мифопоэтическое наследие латышей²². Но, может быть, еще важнее их роль в связи со всей сферой мифопоэтического ("фольклорного", по более распространенной терминологии) как одного из существенных измерений этнического (а затем и национального) самосознания латышей, фактора, способствующего выработке принципов, которые определяют жизненную ориентацию. Важность указанной сферы все более полно осознается и внутри данной традиции (то же относится и к литовцам) и вовне, в позиции стороннего наблюдателя. Интерес к сфере мифопоэтического проявляется в последние годы многообразно, и, главное, он не ограничивается, так сказать, "археологическим" аспектом.

"Фольклоризм"²³ становится своего рода *credo*, жизненным руководством, помогающим восстановить связь с традицией, которая для балтийских народов еще недавно была живой (и, строго говоря, полностью никогда не отмирала), осознать свои собственные истоки. В этой ситуации понятие "фольклоризм" актуализирует не столько аспект "примитивности", некоей культурной периферийности, сколько той органичности, которая вытекает из глубинной соотнесенности — сообразности человека и мира (в частности, природы), чаемого и возможного, целей и средств.

Несомненно, что "фольклоризм", утверждающийся как некая жизненная позиция, находит поддержку в литературе балтийских народов, которая в лице наиболее ярких своих представителей была или органически связана с "фольклорным" началом (при наличии сосуществующего с ним "нефольклорного" начала) или вполне осознанно вторично возвращалась к нему²⁴. Достаточно в данном случае обозначить линии от Донелайтиса до Креве или от Пумпура до Райниса²⁵, не говоря уж о широко (а иногда и глубоко) распространяющемся "фольклоризме" литовской и латышской литератур последних лет²⁶, который еще ждет своего авторитетного исследователя. Но картина балтийского "фольклоризма" не была бы полной без учета более широкого, "внешнего" контекста. Нельзя игнорировать того обстоятельства, что балтийский вариант "фольклоризма" замечен вовне, и, более того, именно он вошел в моду (ср. так называемый "Le mythe balte" на Западе). Существенно многообразие его вариантов и форм. Наряду с попытками воссоздания этого мифа на латышском и литовском языках, хорошо известны опыты решения этой задачи средствами другого ("второго", т. е. не балтийского) языка — при том, что первый язык или вовсе отсутствует или известен писателю лишь отчасти, — авторами, которые биографически, этнокультурно и лингвистически связаны с балтийской стихией (иногда непосредственно в своем детстве, в других случаях опосредствованно, через прошлое своего рода). Наиболее яркий пример — Оскар Милош, писавший на французском языке и про-

²¹ "Uz šo Latvju Dainu pamata nu varēja rasties un rodos latviešu filoloģija" (Endzelīns J. Krišjāņa Barona nozīme latviešu filoloģijā. — Izglītības Ministrijas Mēnešraksts, 1935, N 11, l. 439. — Взгляд на "Latvju dainas" как на основу латышской филологии нуждается в некотором разъяснении. Они могут рассматриваться как основа по крайней мере в двух отношениях: как исходный материал (источник) — языковой, текстовый, фольклорный, — на котором прежде всего с наибольшими основаниями складывалась латышская филология, и как своего рода опытно поле, где вырабатывались, опробовались и получали санкцию методы и приемы лингвистического, текстологического, фольклористического и т. п. исследования, в сумме своей составляющие "инструментальную" основу филологической науки. Многочисленные исследования "Latvju dainas" (и примыкающих к ним песенных текстов) посвящены чаще всего их языку (между прочим, и выявлению степени аутентичности системы записи Барона реальному произношению в данном говоре), их роли в формировании латышского литературного языка, метрике, поэтике, проблемам классификации и разного рода интерпретациям этих песен. Помимо уже указанных работ ср.: Endzelīns J. Mūsu tautas dziesmu valoda. — Latvju tautas dainas, 10. Rīga, 1932; Arājs K. Par Kr. Barona "Latvju Dainās" iespiesto tautasdziesmu tekstu saskaņu ar oriģināliem. — Latvijas Zinātņu Akadēmijas Valodas un literatūras institūta raksti, 1958, XI sējums; Ozols A. Latviešu tautasdziesmu valoda. Rīga, 1961; Idem. Par latviešu tautasdziesmām. — In: Ozols A. Raksti folkloristikā. Rīga, 1961; Idem. Interpunkcija "Latvju Dainās". — Ibidem и др.; Breidaks A. Latgaliešu tautas dziesmu fonētikas jautājumi — Latvijas Zinātņu Akadēmijas Vēstis, 1974, N 10; Muizniece L. The poetic "I" and its relationship to other pronominal referents in Latvian Folk Songs. — 9 Conf. BSt; Rūķe-Draviņa V. The Apple-Tree in Latvian Folk-Songs. — Ibidem и др. — Заслуживают внимания начинающиеся опыты исследований "Latvju dainas" в аспекте информатики. Ср.: Freiberg I. Dépistage et accessibilité des Daines lettonnes dans la collection informatisée. — 9 Conf. BSt., l. 70; Vikis-Freibergis V. Identification, segmentation and clustering of texts and Barons' system of classification. — Ibidem., l. 73 и др.

²² О значении "Latvju dainas" для специалистов в области латышской мифологии (можно было бы прибавить — балтийской и индоевропейской) не раз упоминал Эндзелин, см.: Endzelīns J. Darbu izlase, I. Rīga, 1971, l. 678; II, 1974, l. 736; ср. также: Lautenbachs J. Op. cit., II; Smits P. Latviešu mitoloģija. Rīga, 1926 и др. Особо следует отметить значение этого песенного собрания для фундаментальных исследований Биезайса по латышской мифологии.

²³ Иногда в возрождении фольклора и приобщении к нему видят особый тип жизненного движения, ср.: "dzīves ziņas kustība" (Jaremkos Chr., Inguna G. The Folklore Movement as an Alternative Way of Life in Latvia. — 9 Conf. BSt., p. 12–13; и др.).

²⁴ При этом возвращении обычно учитываются и последние достижения науки и искусства, связанные так или иначе с обращением к мифопоэтическому — или в его основном локусе (архаичные традиции), или в аналогах мифопоэтическому в сфере бессознательного (архетипический слой).

²⁵ Ср.: Rudzītis J. Raiņa folkloristisko interešu un uzskatu izaugsme. — Raksti, 1962, XV, l. 152–172 и др. См.: Также: Birkerts P. Rainis ka folklorists. — Folklorā Instituta Raksti, 1950, I, l. 12 и сл.

²⁶ В ряде случаев "фольклоризм" ориентируется на достижения в области изобразительных искусств (ср. живопись Чюрлениса) или даже на искусствоведческие анализы конкретных произведений, стилей, школ. Иногда "фольклорное" и "научное" взаимно одаривают друг друга. Как историк искусства Юргис Балтрушайтис, сын поэта, многим обязан разным мифопоэтическим традициям. В своих искусствоведческих исследованиях (ср. Aberrations 1957, 1983; Le moyen âge fantastique, 1955; Réveils et Prodiges, 1960; Anamorphic Art, 1977 и др.) он как бы возвращает свой долг: "неофольклоризм" мог бы найти здесь для себя немало важного. Ср. недавний подступ к теме: Goštautas S. Jurgis Baltrušaitis: The Art Historian and the Fantastic. — 9 Conf. BSt., l. 45–46.

живший большую часть жизни во Франции, но пытавшийся пробиться к своим историческим (литовским и индоевропейским) корням и тем самым, хотя бы отчасти, воссоздать ту органическую целостность (непрерывность), отсутствие которой вызывает ностальгические настроения²⁷: *Dans un pays d'enfance retrouvée en larmes, | ... Quels mots, quelles musiques terriblement vieilles | Frissonnent en moi de la présence irréelle, | ... |Quelles musiques en écho dans le sommeil?* — Другой вариант, представленный, например, Ж. Моклером, предполагает иную ситуацию: отсутствие биографической связи с балтийской традицией, но хорошее ее знание и своего рода "посвященность" в нее²⁸. Еще один вариант представлен создателями "le mythe balte", так сказать, в чистом виде, когда авторы во всех отношениях отделены от реалий балтийского мира, но имеют о нем некоторую "idée générale", которая и лежит в основе разрываемых художественных текстов. Показательно, однако, что воссоздаваемый в них "балтийский миф", оказывается довольно однородным, и исследователи указывают общие черты в разных воплощениях этого мифа²⁹. "Фольклоризм" этого рода по сути дела предельно разведен с подлинным "фольклоризмом" латышской и литовской традиций. Несравненно более глубок вклад в "балтийский миф" в тех случаях, когда "прошлое" продолжает существовать для писателя в ностальгических переживаниях утраченной целостности и в тех императивах, которые выдвигает совесть³⁰.

²⁷ Обращает на себя внимание "двуступенчатость" воплощения "балтийской" темы у О. Милоша: собственная поэзия, в которой в силу строгих самоограничений "балтийское" отражается в минимализированном масштабе и нередко в виде неопределенного намека (и уж никак не "этнографически"), и "переводы" на французский язык литовских народных песен, сказок, преданий, в которых главной является установка на творческую рекреацию того, что лежит за переводимыми текстами. Ср. из последних работ: *Garnier P.* Les dainos, les contes lituaniens, la Lituanie dans l'oeuvre de O.V. Milosz. — 9 Conf. BSt., 1. 45; *Guiney M.* Milosz and the Symbolists. — Ibidem, 1. 46; *Troncone G.J.* Dainos — une étude stylistique. — Ibidem, 1. 51–52; *Vernier R.* Milosz: sa voix propre. — Ibidem, 1. 52–53 и др. Тем не менее разработка "литовской" темы в поэзии О. Милоша находится еще в самом начале. При распространности ностальгических вариантов мифа (а иногда и отсылающих к сфере мистического, ср. "ареально" близкую поэзию Ч. Милоша) известны и противоположные версии, ср. пьесы последователя Ионеско К. Остраускаса; см. *Gražytė-Mazilauskas I.* Variations on the Theme of Death and the Perversions of Language in the Plays of Kostas Ostrauskas. — 9 Conf. BSt., 1. 46.

²⁸ И в этом случае выступает уже указанная "двуступенчатость". С одной стороны, "Contes Lithuaniens" (1936, после чего последовало еще четыре издания), с другой, серия книг о Литве: "Sous le ciel pâle du Lithuanie" (1926), "Gens et Routes de Lithuanie" (1931), "Le pays du Chevalier blanc", "Littérature lithuanienne" (1938), "Le rayonnement de la France en Lithuanie" (1939). См. также: *Alssen L.* "Contes Lithuaniens": Lithuanian Folk Tales as Retold by Jean Maucière. — 9 Conf. BSt., 1. 11.

²⁹ Ср.: *Simenon G.* Pietri-le-Letton (1932); *Audiberti J.* Le Malcourt (1948). *Poirot-Delpech B.* La Folle de Lithuanie (1970), *Guignonat H.* Démon en Lithuanie (1973). См.: *Cap B.* Le Mythe balte dans la littérature française du 20-e siècle. — 9 Conf. BSt., 1. 43 и др. — Корни балтийского мифа этого типа в конечном счете восходят к XIV в., к Фруасару ("le mythe de la croisade"), см.: *Zembowski P.F.* Jean Froissart and his Meliador. Context, Craft, and Sense, 1983; *Idem.* Reflets chevaleresques du Nord-Est dans la littérature française du XIV-e siècle: Froissart et sa "re-se" lithuanienne. — 9 Conf., BSt., 1. 44.

³⁰ Ср. балтийскую топику в стихах и прозе Бобровского. См.: *Иванов В.В.* Пруссские и литовские мотивы в творчестве Бобровского. — Балто-славянские исследования 1983. М., 1984.

Тема "фольклоризма", естественно возникшая из рассмотрения "Latvju dainas", с которыми она органично связана, еще раз (и, можно сказать, с более широких позиций) подчеркивает исключительность значения песенного собрания Барона. Именно это обстоятельство дает повод — особенно в юбилейные дни великого труженика на ниве латышского народного творчества — поставить вопрос о том большом долге, который накопился у тех, кто изучает "Latvju dainas", и об ответственности за судьбу исследований этого огромного и ценнейшего материала. И здесь приходится, с глубоким сожалением, констатировать неблагоприятное положение в исследовании ряда ключевых проблем и даже целых дисциплин. В частности, за последние десятилетия в самой Латвии практически не изучается латышская мифология. Соответствующая традиция, представленная рядом славных имен, оказалась фактически прерванной³¹, и все, кто занимается балтийской, славянской, индоевропейской мифологией, живо ощущают образовавшуюся лакуну и надеются на ее восполнение. Возможно, эти надежды не окажутся тщетными. Во всяком случае появляются несомненные признаки понимания необходимости перемен в этой области. Показательно, что тема важности изучения латышского мифопоэтического наследия недавно была поднята (в связи с собранием Барона) в интересной статье К. Скуениека, богатой пронизательными конкретными наблюдениями и важными идеями общего характера³².

К сожалению, недооценка этого наследия во многих случаях приводит к нарушению принципов подлинного историзма и в публикаторской деятельности. Так, составители полезного во многих отношениях большого собрания латышских народных песен "Latviešu tautasdziesmas" (т. 1–5, 1979–1984) считают возможным вообще не выделять песен мифологического содержания, хотя они образуют не только ряд связанных друг с другом циклов³³, но и последовательность мифов, составляющих некое целое. Мифологическое содержание весьма значительного количества песен не просто дает основание для еще одной бесспорной ячейки в рубрикации песенного материала, но позволяет установить довольно непосредственную связь с ритуальными песнями благодаря наличию своего

³¹ Есть основания думать, что значение исследований в этой области недооценивается, а сами занятия ею не поощряются. Эта ситуация нуждается в изменении. Расцвет исследований по индоевропейской мифологии (кстати, существуют основательные работы и по латышской мифологии — Биезайс, Нейланд и др.) делает особенно необходимой организацию изучения латышских мифологических данных в Латвии.

³² См.: *Скуениек К.* Живая даль. Размышления о некоторых пластах народной песни. — Даугава, 1984, № 7, с. 103–109.

³³ О чем, например, можно судить по выборке соответствующих текстов из собрания Барона в кн.: *Les chansons mythologiques lettonnes.* Par M. Jonval. Paris, 1929. — Последовательность песен в этой книге, являющаяся результатом поставленных составителем практически-классификационных задач, неожиданно открывает и другой (наряду с восстановленным Пумпуром) тип эпоса — повествование о божественных деяниях, подлинностью, конечно, превосходящий реконструкцию, представленную "Лачплесисом"; в этом эпосе о божественных деяниях, как он представлен в названной антологии, не вполне достоверно лишь соединение отдельных песен в цепи, хотя в целом и оно представляется весьма вероятным. Разумеется, возможно и более широкое понимание всех текстов "Latvju dainas" в целом как эпосов: "Все эти четверостишия и шестистишия, вместе взятые, представляют собою грандиозную лирическую эпопею крестьянского быта прошлых столетий" (*Endzelins J.* Darbu izlase, II, 1. 733).

рода "мифо-ритуальных" скрещений (так, образы Юмиса, Усиньша, Яниса и др. отсылают как к мифологическим, так и к ритуальным/Gadskārtu ieražu dziesmas/песням), а через эту связь определить сакральную средцевину всего корпуса, непосредственно соотносимую с мифом и ритуалом, и даже еще точнее — с основным мифом и с основным годовым ритуалом. Результатом отказа от выделения мифологических песен (в отличие от собрания Барона) является шаг к разрушению того органического единства, которое было установлено "изнутри" самой латышской мифопоэтической традицией к разведению связанных друг с другом персонажей и мотивов, к понижению в ранге мифологических (исключительно или по преимуществу) персонажей, как Перконс, Солнце, Месяц и другие, до положения "природных" явлений (ср. 3. sējums. Darba dziesmas. Daba un darbs)³⁴.

Если для мифопоэтической традиции труд значим лишь постольку, поскольку он ритуализован (и, следовательно, сакрализован вхождением в высшую систему ценностей, выводимую из самого акта творения и его последующего развития), то для составителей "Latviešu tautasdziesmas" божественные персонажи и ритуалы, основная реальность для так называемых "mythologiques", оказываются низведенными до роли неких представителей природы и труда. Тем самым данной традиции по сути дела навязывается чуждое ей толкование, сделанное в угоду шлоскому позитивизму. Оно, будучи доведенным до логического конца, разрушит внутреннюю систему жанров народной песни и разорвет связи между данным кругом текстов и их "реальной" внетекстовой мотивировкой. И никакие ссылки на "легкость" нахождения данного текста не могут служить оправданием; каждый песенный текст больше, чем классификационный индекс, служащий для обнаружения этого текста: он всегда апеллирует к сущностям, нередко скрытым от исследователя; определение места текста в жанровом пространстве как раз и дает исследователю ключи к открытию этих сущностей. Разумеется, проблема классификации латышских народных песен не проста, и, видимо, при любом решении будут обнаруживаться те или иные слабые места. Но в такой неясной до конца ситуации более оправданным следует считать чисто эмпирические решения в размещении материала, как в издании Барона и Виссендорфа³⁵, когда эти решения опираются или на здравый смысл, или на интуицию исследователя, практически уже ставшего и носителем песен-

³⁴ Ритуальные песни также подверстываются в том "трудо-вых" песен (ср. 4. sējums. Darba dziesmas). Об основах этого собрания песен см.: Дарбиньшес Я.Б. Основные теоретические принципы подготовки научного издания "Латышские народные песни". — В кн.: Народное песенное наследие и современность. Рига, 1984, с. 81–92.

³⁵ В последние десятилетия не раз раздавались упреки в адрес именно классификации песен в сборнике Барона. Некоторые из этих упреков справедливы, хотя следует помнить, что эта классификация отличается практической трезвостью, превосходит (как правило) многие другие опыты этого рода и заслужила положительную оценку наиболее компетентных исследователей. Так, разбирая вопрос об основах классификации в "Latvju dainas", Эндзелин писал в 1916 г.: "Принцип группировки песен в зависимости от обстановки и времени их пения считаю в данном случае весьма правильным, так как при такой группировке уже само место, где помещена та или другая песня, до некоторой степени поясняет смысл и значение ее..." (Endzelins J. Darbu izlase, II. l. 732). Современная исследовательница, специально занимающаяся проблемами классификации в собрании Барона во всеоружии новей-

ного фольклора с необычайно широким его охватом. К сожалению, в новом собрании песни даны вне их непосредственной соотносимости с соответствующими номерами коллекции Барона, что, конечно, создает определенные трудности для исследователей [и, в частности, видимо, будет причиной путаницы в ряде случаев; вместе с тем следует весьма положительно оценить два подробных дифференцированных указателя, помещенных в конце издания — к "Latvju dainas" К. Барона (с. 265–305) и к коллекции народных песен в фольклорном фонде Института языка и литературы в Риге (с. 307–864)] — Собрание песен Барона является классическим и таковым оно останется всегда, независимо от качества дальнейших публикаций в этой области. Поэтому — как минимум — необходимы четкие правила пересчета текстов нового издания на нумерацию, принятую в "Latvju dainas". В противном случае вольно или невольно нарушается линия преемственной связи определенной научной и культурной традиции. Такой разрыв может принести только вред. Остается надеяться, что он не произойдет, и имя Кришьяна Барона послужит тем центром, вокруг которого будет происходить консолидация всего лучшего из прошлого и настоящего во славу латышской культуры.

* * *

В этой части статьи предстоит рассмотреть некоторые данные латышских народных песен с точки зрения возможности более далеко идущих реконструкций "индоевропейского" уровня (естественно, что предлагаемые ниже реконструкции не исключают "синхронного" прочтения тех же текстов, дающего, конечно, несколько иную картину³⁶).

Но предварительно — несколько слов о самой форме соответствующих латышских дайн. Принято считать, что дайны мифологического содержания, объединенные общностью сюжета или (и это в большей степени соответствует реальному положению вещей) известной "связанностью" мотивов, позволяющей говорить о едином сюжете, представляют собой о с т а т

ших методов информационного поиска и классификации, оценивает эту сторону деятельности Барона еще выше: "The system of classification and text referencing developed by Kr. Baron for publication of his *Latvju dainas* is a masterful solution to many practical problems posed by the sheer quantity of texts to be presented, as well as by their practically overlapping nature. In absence of anything resembling a theory of discourse to guide him, Baron's solution, while brilliant, was purely intuitive and empirical. 150 years later the unprecedented flexibility of text manipulation offered by information technology opens up new vistas of empirical analysis which promise to contribute to a better theoretical understanding of the structure of oral poetic discourse" (Vikis-Freibergis V. Op. cit., p. 73. — здесь же изложение техники "segmentation and clustering" текста в лаборатории, анализирующей различные аспекты структуры "Latvju dainas").

³⁶ Впрочем, и "синхрония" в ряде случаев оказывается слишком покладистой. Основная масса латышских народных песен возникла, согласно П. Шмиту (см.: Rakstu krājums, XIV, 101 сл.; Etnografisku rakstu krājums, I, 18 сл., 27 сл., 128 сл. и др.) и ряду других ученых, в XIII–XVI вв., что определяется, главным образом, по наличию некоторых "культурных" индексов в песнях, имеющих диагностическое значение в плане хронологии. Но в ситуации "почти" остановившегося времени эти новые элементы монтируются со старыми, возникшими несравненно раньше (в частности в индоевропейскую эпоху, когда они находились в рамках совсем иной синхронии). Отсюда — сопряжения в песнях совсем различных временных пластов (напр. Рига и Перконс–Диевиньш).

к и некогда единого мифологического текста, который в принципе с той или иной степенью полноты мог быть реконструирован содержательно. Однако на этом пути, как обычно считают, исследователя ожидает немало трудностей, прежде всего формального характера — неизвестны "выпавшие" части единого текста, иногда неизвестен порядок следования сохранившихся частей, неизвестен тот единый и самый архаичный вариант данного текста, который должен быть выбран, наконец, неизвестны в достаточной степени характеристики самой поэтической формы реконструируемого текста: его объем, строфика, метрические и ритмические схемы, ряд особенностей стилистического характера — от организации звуковых цепей до набора тропов и поэтических фигур. Действительно, незнание многих из этих особенностей существенно затрудняет реконструкцию. Тем не менее положение не должно оцениваться ни как безнадежное, ни как вызывающее пессимистическое настроение. Исследования последних лет (или ставшие доступными лишь недавно) дают основания для более оптимистичного взгляда.

Прежде всего следует напомнить, что Ф. де Соссюр в результате упорных занятий древнейшими образцами индоевропейской поэзии пришел к выводу, что ядром индоевропейской эпической традиции были очень короткие, чаще всего из четырех стихов, тексты, реализующие один мотив, связанный с данным мифологическим или эпическим персонажем. Латышскими материалами, насколько известно, де Соссюр не пользовался, и его выводы, как правило, сделаны на основе предположений о наиболее реальном типе, который мог предшествовать ранним из известных образцов эпоса (древнеиндийский, древнегреческий, древнегерманский и т.п.). Тем не менее оказывается, что наиболее точное воспроизведение этого типа "празднических" текстов (и притом в массовом масштабе) обнаруживается, видимо, именно в латышских мифологических песнях, которые (см. отчасти ниже) не только своей четырехстрочной строфой-текстом, но и своей поэтической техникой (построение звуковых рядов, анаграммирование и даже метрические особенности /!/ и т.п.) приближаются к тому, что сейчас реконструируется для древнейшего типа индоевропейской "эпической" поэзии. Действительно, наиболее распространенной формой латышской народной песни является четверостишие, и статистический вес этой схемы особенно велик именно в мифологических песнях³⁷.

³⁷ На основании выборки, сделанной Жонвалем из мифологических песен собрания Барона, легко заключить о преобладающем характере четверостиший. Так, в цикле Перконса они представлены 31 примером (шестистишия — 4 примера, восьмистишия — одно; один раз отменен текст из 22 стихов); в цикле Велю Мате 35 четверостиший (при двух шестистишиях и одном восьмистишии). При этом характерно, что более чем четверостишные тексты обычно выступают как варианты текстов из четырех стихов или же относительно легко выводятся из них с помощью операции "вставления" факультативных стихов. К сожалению, до сих пор не были должным образом проанализированы "длинные" песни (более чем восьмистишные), так и не выработавшие себе соответствующего стандарта в латышской традиции. По предварительным наблюдениям, эти "длинные" песни, нередко сохраняющие очевидные следы связи с короткими "стандартными" формами, бросают свет как на происхождение литовских мифологических песен (ср., напр., *Rėza* I, № 27: *Mėnesio svodba*, 62: *Aušrinė*, 78: *Saulė* и т.п.), так и на происхождение славянских форм мифологического эпоса.

Вместе с тем и столь мучившая исследователей проблема выбора "первоначального" варианта из множества наличных существенно упрощается в свете все более и более утверждающегося взгляда о реальности именно вариантов, а не некоего "исходного" по отношению к ним текста (ср. идеи К. Леви-Стросса и ряда других ученых, подчеркивающих, в частности, преимущественную роль не отдельных текстов, а отношений между вариантами). "Исходный" текст чаще всего оказывается фантомным конструктом, из чего, однако, не следует, что он утрачивает свою эвристическую ценность при реконструкциях, с одной стороны, и что все варианты равноценны и не нуждаются в стратификации, предполагающей "взвешенную" оценку их.

Наконец, складывающиеся в настоящее время представления о принципах монтажа эпических "микротекстов" в более обширные тексты и о прототипе "длинных" эпических нарративных форм как сочетании поэтических и прозаических частей³⁸, в котором прозаические части выступали, видимо, как своего рода "прослойки" вводяще-комментирующего характера, также, кажется, не противоречат формам представления латышских мифологических песен определенного (одного) цикла ни в самой народной традиции³⁹, ни в практике научного описания (напр., в работах по мифологии или в изложении содержания мифологических дайн, когда соединительный — между дайнами — авторский текст выступает как аналог прозаических прослоек в реконструируемом типе индоевропейского эпического нарратива).

К перечисленным выше примерам сохранения в латышской народной песне архаичных особенностей, понимание которых как таковых пришло (или, точнее, приходит) лишь сейчас, в свете прогресса знаний в области древнейших форм индоевропейской поэзии, следует присоединить еще один и при этом очень важный. Речь идет о метрической структуре латышских дайн. Как известно, стих дайн в подавляющем большинстве случаев

³⁸ См.: *Dillon M. Celts and Aryan. Indiana Univ.*, 1975 и др. — Следует обратить внимание еще на один способ разворачивания исходного ядра в "длинный" текст посредством серии повторяющихся в опросов (ср., напр., BW 32553: пять четверостиший с двумя вопросами в каждом; один из них — "сквозной": *Kā Dievīn? tev līdzēja?*).

³⁹ К сожалению, сведений этого рода явно не хватает, поскольку фольклористы чаще всего склонны фиксировать собственно текстовую часть, пренебрегая комментарием, подступом, мотивировкой — одним словом, все тем, что гетерогенно по отношению к поэтическому ядру текста. В этом проявляется различие между позицией собирателя-исследователя, слишком узко описывающего объект своего изучения, который иногда неоправданно изолируется от своей "родимой" среды (всего контекста ритуализованного поведения), и установкой самой мифологической традиции, рассматривающей текст лишь как часть (хотя иногда и наиболее важную) текстового и внетекстового целого. — О соотношении самостоятельности каждой из дайн и связи с целым трудно сказать лучше, чем это сделал сам К. Барон: "Еще раз настойчиво напоминаю, что каждая из наших кратких песен упорно отстаивает свою самостоятельность, как бы ни была она прочно связана с другими в одно ожерелье. Каждая имеет свое цельное, полноценное, круглое смысловое ядро, которое облачено, в свою очередь, в гладкое-прилегающую, круглую форму, что доступно лишь истинному поэту с безупречным вкусом. Каждая из них — литая, круглая песенная жемчужина, любое другое украшение рядом с нею нарочно и только нарушает ее подлинную красоту".

состоит из четырех хореических стоп (две диподии)⁴⁰; такое состояние характеризовало латышский песенный стих уже издавна (по крайней мере начиная с стабилизации ударения на начальном слоге), при этом главные ударения в стихе приходились на 1-й и 5-й слоги, а цезура после второй стопы была обязательной. Это очень простая и ясная метрическая структура (ее воспроизведение достигалось с довольно большой легкостью) была теснейшим образом связана с языком, в частности с синтаксисом (ср., напр., запрет для слова выходить за пределы одной диподии, предполагающий и запрет на длину слова сверх четырех слогов, требование наличия синтаксической законченности в пределах двух стихов и т.п.), а через синтаксис и со сферой поэтических приемов разного рода. В этом смысле хореический восьмисложник стал ритмической мерой всей латышской жизни — и в том смысле, что все входящее в состав "латышского" мифа может быть выражено этой мерой, и в том смысле, что эта мера просодического уровня определяет так или иначе структуру основных схем других уровней — звукового, морфологического, синтаксического, семантического, "референционного"⁴¹ в других регистрах — дифференцирующе-противопоставительном или отождествляюще-повторительном. Выделенность первого слога в хореической стопе имеет аналогии в подобной выделенности первой стопы, первой диподии, первого стиха, первой половины четверостишия. Без учета этой тенденции трудно понять распределение некоторых языковых элементов на разных уровнях⁴², в частности позиций в стихе, контролирующих аллитерационную игру, а иногда и анаграмматические опыты.

Названные выше особенности основной метрической схемы латышских дайн и так или иначе соотносенных с нею характерных черт языка и поэтики, безусловно, архаичны. Разумеется, было бы рискованно непосредственно соотносить их с наиболее ранними из реконструируемых типов индоевропейского стиха. Следы перестройки предшествующей системы вскрываются (хотя бы отчасти) при анализе латышского песенного стиха. И тем не менее эта перестройка была сравнительно с другими индоевропейскими метрическими схемами невелика и, главное, не настолько радикальна, чтобы исказить до неузнаваемости исходный тип. Более того, есть такой разряд индоевропейских метрических схем, который в латышском песенном репертуаре сохранился с достаточной полнотой и точностью. Речь идет о восьмисложниках, сохранившихся в разных индоевропейских традициях (древнеиндийской, древнегреческой, хеттской, славянской и т.д.), правда, в несколько различающихся вариантах. Недавние работы по

метрике⁴³ дали основание для реконструкции восьмисложника с метрически фиксированной клаузулой применительно к общеиндоевропейскому горизонту, что удостоверяется, в частности, "пригнанностью" эпических формул-клише к соответствующей метрической схеме. Особое значение в данном случае имеют два круга фактов: использование указанной метрической схемы в древнегреческом паронимическом стихе и происхождение эпического гекzamетра из монтажа более коротких стихов (в частности, 8 и 7-сложных⁴⁴), с одной стороны, и наличие восьмисложника типа латышского в литовских народных песнях (ср. типы *Sėjau rūtą, sėjau mėtą; Karvelėli mėlynasis; Dar gaideliai negiedojo; Oi tu sakal sakalėli* и т.п.⁴⁵) и в славянском песенном фольклоре (ср. в русских песнях: *Масленица загорела, | Всеми миру надоела ...; Уж я золото хороню, | Чисто серебро хороню ...; Мы ходили, мы гуляли ...* и т.п.)⁴⁶, что дает возможность говорить об общебалтийском восьмисложном стихе, как и о балто-славянском. Эти доказательства, идущие "сверху" и "снизу" навстречу друг другу, сводят риск ошибиться практически на нет. При этом особенно следует подчеркнуть, что восьмисложник в балтийской и славянской традиции преимущественно (а в некоторых категориях случаев, кажется, исключительно) появляется в жанрово и соответственно содержательно о отмеченных текстах, благодаря чему очерчивается с известным вероятием первоначальный локус восьмисложника в балто-славянской традиции, причем этот локус во многом совпадает с тем, что известно о функционировании восьмисложника в поэзии древних индоевропейских народов.

Подводя итог рассуждениям о форме латышских народных песен, можно сказать, что ее верность индоевропейской традиции значительнее, чем думают до сих пор, и вообще весьма велика безотносительно. Логичен и следующий шаг: форма латышской народной песни в ряде решающих отношений вернее воспроизводит исходный индоевропейский тип, нежели древнегреческие и древнеиндийские образцы поэзии. Тем самым значение латышских народных песен резко возрастает: они становятся одним из важнейших источников индоевропейских реконструкций структуры архаических поэтических текстов. Естественно встает вопрос о том, соответствует ли этой форме столь же архаичное содержание. Один фрагмент содержания и будет далее предметом анализа.

⁴⁰ Другой вариант — дактилическая схема — встречается значительно реже. Иногда хореические и дактилические стихи выступают попеременно в одной и той же песне.

⁴¹ Ср. частое противопоставление первой половины стихотворения второй (соответственно первого стиха второму) по признаку "природное" ("картинка") — "сюжетное" (действие субъекта), ср., напр.: *Saule brauca gar kalniņu ... | Pakāļ nāca Dieva dēlis ...* (восхождение солнца — возвращение Божьего сына) и т.п.

⁴² Ср. тяготение к схемам типа $x-y|x-z$ или $x-x|y-z$, напр.: *Žēlu ū, dievs! Žēlu ū, laime!* (BW 17349) или *preč manī preceņiki* (BW 15705) в одном случае и *balta, balta viešņa nāca* (BW 4976, 3 var.) или *Sper, Pēr koni, sausu koku* (BW 33716) в другом случае.

⁴³ Ср.: Watkins C. Indo-European metrics and archaic Irish verse. — *Celtica*, 1963, N 6, p. 194–249; Cole T. The Saturnian verse. — In: *Studies in Latin poetry*. Cambridge, Mass., 1969, p. 1–75; West M.L. Indo-European metre. — *Glotta*, 1973, Bd. 51, p. 161–187; Nagy G. Comparative Studies in Greek and Indic meter. Cambridge, Mass., 1974; Иванов В.В. К проблеме следов древнейшего литературного языка у славян. — *Славянское и балканское языкознание*. М., 1979, с. 24–25; Он же. Происхождение древнегреческих эпических формул и метрических схем текстов. — В кн.: *Структура текста*. М., 1980, с. 67–72 и др.

⁴⁴ Не случайно, что в латышских дайнах, наряду с восьмисложными стихами, появляются — в их черед — иногда и семисложные. Чаще всего, кажется, речь идет об одиночном семисложнике, открывающем текст песни. Ср.: *Kalējs kala debesīs (jur-mali)*, где нередко и второй стих имеет ту же схему в отличие от восьмисложных третьего и четвертого стихов (показательно, что семисложник в подобных случаях идеально вписывается в себя стандартную эпическую формулу), но *Kalējs kala jūriņā, Gaisā lēca dzirkstelītes* (BW 33730), т. е. 7 + 8.

⁴⁵ Ср.: *Sauka L. Lietuvių liaudies dainų eilėdara*. Vilnius, 1978, p. 172 сл.

⁴⁶ См.: Земцовский И.И. Мелодика календарных песен. Л., 1975, с. 147, 163 и др.

Вывод может быть предпослан анализу: вытекающая из предыдущего глубокая архаичность формы латышских мифологических дайн находит соответствие в столь же архаичных содержательных схемах, отраженных в этих дайнах. В частности, это относится к сюжету так называемого "основного" мифа, о котором много писалось в последние полтора десятилетия (конфликт между Громовержцем и его противником /**Perkūns*; **Vel-*, приводящий к поединку и победе первого; наказание жены и/или детей; смерть и возрождение и т.п.). Этот сюжет, реконструируемый по данным разных источников некоторых индоевропейских традиций (причем некоторые из этих источников вторичного и третичного характера), представлен в латышских народных песнях, хотя и неисчерпывающе, но с удивительной полнотой по сравнению с другими традициями, даже такими почтенными, как древнеиндийская. Любопытно соотношение источников "основного" мифа в латышской и литовской традициях. Последняя содержит обширный запас сведений о Перкунасе⁴⁷, но в нем песенного материала, если не считать нескольких текстов из сборника Резы, едва ли справедливо подозреваемых в подлинности (другое дело — возможность сохранения и даже некоторой актуализации этих текстов в соседстве с прусским ареалом, где могли существовать подобные песни, хотя достоверные сведения о прусских песнях мифологического характера отсутствуют). Особую ценность представляют латышские песенные данные, относящиеся к мотиву в роке событий "основного" мифа (сюжет "небесной свадьбы"⁴⁸ как предстории конфликта), к отдельным персонажам, так или иначе подключенным к этому сюжету (*Jānis*⁴⁹ в многочисленных /их более 3000/ т.наз. "*Jāņu dainas*" или *Līgotnes*⁵⁰; *Maņa*⁵¹ [иногда эти два

персонажа сочетаются в одном мотиве, ср. мифологему об Иване и Марье у славян, разрабатывающую тему нищета и проанализированную в другом месте.] ; *Laima* и т.п.), наконец, к персонажу, играющему главную (наряду с Громовержцем) роль в "основном" мифе, чье имя кодируется корнем **Vel-*. Характеристике данных латышских народных песен, относящихся к этому персонажу, с точки зрения реконструкции и посвящены следующие страницы.

Предпосылкой для рассмотрения этой темы является прогресс, достигнутый в последние 15–20 лет в реконструкции схемы сюжета, в установлении языковой формы, ключевых элементов этого сюжета (ср. и.-евр. **Vel-* как обозначение противника Громовержца, о котором речь пойдет ниже, а также же конкретные отражения: балт. *Vels*, *Velns*, *Velnias*/Velns, слав. *Veles* /*Volos*z/, герм. *Völundr*, *Wieland*, др.-инд. *Varuṇa*, *Vṛtra*, *Vala* и т.п.), в детальном определении характера славянского и в ерси и "основного" мифа и, наконец, в наметках основных черт балтийской и указании ее связей со славянской версией. Сделанное до сих пор дает основание для более подробных реконструкций и исследований балтийской версии этого сюжета. Правда, балтийская ситуация в ряде отношений сложнее, чем славянская, в силу большей своей разработанности принимаемая за эталон. Балтийские факты часто оказываются более разнородными, а иногда и просто разнонаправленными, что, конечно, объясняется и тем, что славянская версия сюжета, строго говоря, почти полностью результат реконструкции, тогда как латышские и литовские данные представлены не остатками и исключениями, а в некоей целостной системе, зафиксированной в значительной степени (ср. особенно латышскую традицию) в своем искомом мифопоэтическом локусе. Живая противоречивость или разноречивость балтийских фактов (во всяком случае такова нередкая их оценка при первом взгляде) иногда квалифицируется как недостаток или известное неудобство. Однако подобные "недостатки" и "неудобства" в ином контексте оказываются существенными преимуществами, поскольку они открывают путь к более глубокой внутренней реконструкции, а ее результаты подкрепляются их соотношением с внешними параллелями из других древних индоевропейских традиций. В данном случае (говоря в общем) специфика балтийской ситуации состоит в том, что элемент **Vel-* (**vel-*) имеет отношение и к обозначению чорта, выступающего как противник Громовержца (лтш. *velns*, лит. *velnias*)⁵², и к обозначению божества смерти, царства мертвых, самих покойников⁵³. Вместе с тем, как указывалось, в балтийской версии ядро

⁴⁷ См.: *Balys J. Perkūnas lietuvių liaudies tikėjimuose*. — *Tautosakos darbai*, 1937, III. Kaunas; *Idem. Griaustinis ir velnias baltoskandijos krastų tautosakoje*. — *Ibidem*, 1939, IV.

⁴⁸ См.: *Biezais H. Die himmlische Götterfamilie der alten Letten*. Uppsala, 1972 и др.

⁴⁹ *Jānis* фигурирует как сын, который является в отмеченный срок (утро, день, вечер, ночь *Jānis*'a), упоминаются его отец и мать (ср.: *Nāc ārā, Jāņa tēvs*. BW 32501; 32632; *Jāņa māte rudzus brīdā*. BW 32542; *Nāc ārā, Jāņu māte*. BW 32449), наконец *Jānis* прямо именуется Божьим сыном (*Vai, Jānīti, Dieva dēls*. BW 32903–32909); он связан с конем, коровами, с ритуальной пищей, огнем, водой; из мифологических персонажей с Лаймой и т.п. — Ср. довольно подробное изображение праздника Лиго (*Līgo svētki, Līgas nakts* — правда, без упоминания *Jānis*'a) в начале VI части "Лачплесиса": "*Par gadskārtu Līgo nāca* ..." (ср. отмеченность этого глагола — *nākt* 'приходить', 'наступать' — в песнях этого цикла, напр.: *Nāc nākdama, Jāņa diena* ... BW 32350; *Man atnāca Jāņu diena* ... BW 32360; *Badu, badu Jānīts nāca* ... BW 33031; *Sanāciet, Jāņu berni* ... TDz. 53853 и т.п.; сам первый стих VI части "Лачплесиса" фактически воспроизводит песенный зачин: *Jānīts nāca par gadskārtu*. BW 32937. Сочетание имени *Jānis*'a с *līg-* характерно для целого ряда песен. Ср.: *Jāņa bērniņsaluši, Jāņa nakts līgojot*; *... Pakuram ugunīpi* ... BW 32892; к теме возжигания ритуального огня (*kur-* & *ugun-*, ср. *deg-*: *Jāņa nakts muca dega* | *Augsta kalna galiņā* ... BW 32893) ср. у Пумпура: *Zilā kalna kalnagālā* | *Dega gaisas ugunīs* ... VI, 9–10, синтезирующего лексику и образы дайн. О дне Яниса в народной латышской традиции см.: *Winter A.C. Zur Symbolik der lettischen Sonnenwendfeier*. — *Baltische Monatsschrift*, 1903; *Līdeks O. Latviešu svētki*, Rīgā, 1940, I. 64–92 ("Jāņu diena"); *Šmits P. Latviešu tautas ticējumi*, s.v.; *Lauberte E. The Celebration of the Indo-European Summer Solstice among Latvians*. — 9 Conf. BSt., p. 13–14 и др.

⁵⁰ См.: *Latviešu tautasdziesmas*, 4 sējums. Rīgā, 1982, I. 166 сл. (*Vasaras saulgrīži — Jāņi*).

⁵¹ О ней см. в кн.: *Biezais H. Die Hauptgöttinnen der alten Letten*. Uppsala, 1955.

⁵² Кроме уже указанных работ И. Балиса ср.: *Vēliuss N. Mitinēs lietuvių sakmių būtybės*. Vilnius, 1977; *Idem. Laumių dovanos. Lietuvių mitologinės sakmės*. Vilnius, 1979; *Latviešu tautas ticējumi. Sakrājis un sakārtotais prof. P. Šmits, III. Rīgā, 1940, I. 1940–1965; Jonval M. Op. cit.*, p. 21–22, 218–223 и др., а также старую работу: *Mannhardt W. Letto-Preussische Götterlehre*. Riga, 1936. Из последних работ ср.: *Gimbutas M. The Lithuanian god Velnias*. — In: *Myth in Indo-European antiquity*. Berkeley; Los Angeles, 1974, p. 87–92; *Puhvel J. The Baltic Pantheon*. — In: *Baltic Literature and Linguistics*. Columbus. Ohio, 1973, p. 107; *Beldavs A.V. Velns/velni: a shape-shifting Latvian archetype*. — 9 Conf. BSt., p. 11–12 и др.

⁵³ Обоим этим аспектам мифологических персонажей, обозначаемых корнем **Vel-*, уделено внимание в кн.: *Greimas A.J. Apie dievus ir žmones*. — *Lietuvių mitologijos studijos*. Chicago, 1979, p. 47–48, 61–65, 70–73, 88–89, 101–102, 149–150 и др.

"основного" мифа помещено в более широкий контекст ("небесная семья", "небесная свадьба", "первая измена" и т.п.)⁵⁴. Поэтому балтийский материал и особенно латышский, представляющий особую ценность в связи с "небесной" предьсторией событий "основного" мифа, нуждается в более последовательном и пристальном анализе, который позволил бы корректно восстановить как самую балтийскую версию в целом, так и те связи, которые соединяют отдельные ее мотивы с аналогичными элементами других индоевропейских традиций, прежде всего со славянской.

В рамках "основного" мифа достаточно хорошо изученной оказалась та часть материала, которая изображает чорта (*Veln-*), нередко в духе более поздних представлений христианизированной "низовой" мифологии. Явно недостаточное внимание обращалось на использование того же корня (*vēl-*) в отнесении к "нижнему" миру, к царству мертвых. И если данные литовской традиции, связанные с *Vielona* (по определению Яна Ласицкого, "Deus animarum, cui tum oblatio offertur, cum mortui pascuntur"; это божество участвует в особом ритуале — лит. *Skerstuvės*, ср. также *vėlinės* 'день поминовения умерших', *vėliai* и под. — при лтш. *veļu laiks*)⁵⁵, привлекались к анализу в связи с данной темой, то данные латышской традиции, используемые в схеме "основного" мифа, фактически ограничивались ссылками на отдельные упоминания родственного персонажа у П. Эйнгорна и Г.Ф. Стендера. Богатейшие — и к тому же "первичные" — свидетельства латышских народных песен оставались практически в пренебрежении. Попытка использовать эти свидетельства показывает, как много (и каких важных) лакун удастся заполнить с их помощью. При этом особое

⁵⁴ См.: Šmits P. *Latviešu mitoloģija*. Rīgā, 1926; Biezais H. *Die himmlische Götterfamilie ...* и др.

⁵⁵ *Veļu nakts*, ночь памяти душ усопших, обстоятельно воспроизводится в III части эпоса Пумпура (начиная с *Veļu-laiks bija pienācis ...*) — украшение риги, накрывание стола, принесение ритуальной еды (*veļu ēdieni*), угощение, пение девиц с обращением к *Veļu māte* (*Velies viegli, Veļu māte, Manā tēva rījā ... | Es tev lūdzu, Veļu māte, Baudi mūsu mielastīgu ...*, ср. аллитерацию — *v-l* и разного рода сопереживания, напр., *m ā t e ↔ M a / n ā / t ē / v a / ...*, в обоих случаях с ориентацией на имя *Veļu māte*). Очень характерен мотив взаимоисключения душ умерших и нечисти, которым принадлежит в принципе общее пространство — рига: хозяевами в ней является нечисть, кроме *veļu nakts*, когда она принадлежит полностью душам усопших (*veļi*), ср. *Ziemā, kad labības kuļšana beigta, tukšajās rījās | Stomījās pusnaktīs visādi m o š k i, k ē m i un s p o k i. | Šonakt visiem šiem mājniekiem bija jāatstāj rīja, | Jāatdod vieta veļiem, cienīgiem miroņu gariem* (ср. не совсем точный переклад латышского перевода: "... Зимой как овсы обмолят, | В ригах пустых привиденья являлись и черти гуляли. | Ночью же вёлей все духи и черти бросаются в бегство, — | Место они отдают почитаемым душам усопших" — Лачплесис. Латышский эпос, воссозданный по народным преданиям. М., 1975, 116). Общий локус душ умерших и нечисти ("чертей") приобретает особый вес в силу общего языкового обозначения тех и других корнем **vel-*. Верность Пумпура народной традиции подтверждается сопоставлением указанной песни в ночь поминовения усопших душ (*Augšecīte, Zemlecīte, | Velies vilnas grozītā.*) с дайнами (ср. BW VI, 47; Tdz 55097, 55098 и др.) и автобиографическими записками о праздновании *veļu nakts* в Лиельюмпаве (в середине XIX в.), свидетелем которого был Пумпур в детстве; ср. Andreja Pumpura raksti, K. Bērziņa apgādībā, Rīgā, 1912, I. X, XLIX–L в пересказе Ю. Калнина). Однако возникающий в этом же месте мотив Перконса (*Pērkonis un dievi lai izveda visu par labu!*), соответствующий реконструкции *Perkūn(-on)- & Vel-*, тем не менее, кажется, не имеет надежных подтверждений в топике текстов, связанных с *Veļu laiks (nakts)*.

внимание обращено на отражение в дайнах мотивов, играющих важную роль в сюжете "основного" мифа. Параллели из других традиций сведены по необходимости к минимуму.

Главная отличительная особенность латышского мифологического персонажа, обозначаемого корнем **Vel-*, состоит в том, что он выступает как женщина — *Veļu māte* (: *velis, veļi*. Pl. 'души усопших', а также *vēļi, velānīeši, velēnīeši* и далее : *velns* и др.), тогда как в других традициях соответствующий персонаж выступает в отчетливо мужской ипостаси (ср. *Velesz* [*Volosz, Varuṇa, Vqlundr*, и др.; ср., однако, двусмысленное *Vielona* у Ласицкого: fem. по грамматическому роду, но "Deus", а не "Dea"!). Однако нет серьезных оснований удивляться этой особенности латышской мифологической традиции и тем более, как делают некоторые, ставить под сомнение ее связи с индоевропейскими параллелями. Народные песни этого цикла в несравненно более эксплицированном виде фиксируют то, что в других традициях представлено не до конца ясными намеками и, как правило, приобретает полновесность только в рамках реконструкции. Фактом фундаментального значения для латышской (шире — балтийской) традиции является расщепление исходного единого имени с корнем **Vel-* на два имени специализированных мифологических персонажей, противопоставленных по роду. С каждым из этих имен соотносился свой фрагмент "основного" мифа: **Veln-*, m. — ссора и поединок с Громовержцем; **Vel-*, f. — место наказания противника Громовержца, ставшее местом его обитания и соответственно царством мертвых. В рамках единого сюжета оба эти фрагмента органично соединяются друг с другом, свидетельствуя тем самым диахроническое тождество между **Veln-*, m. и **Vel-*, f. (в этой перспективе лит. *Vielona* благодаря своему *n* и флексии *-a* выступает как гибридная форма).

Но есть и другие основания, чтобы не считать образ *Veļu māte* исключением. Уже указывалась известная тенденция к параллельному удвоению персонажей "основного" мифа. Так, наряду с мужскими персонажами типа лит. *Perkūnas*, лтш. *Pērkonis*, русск. *Перунъ*, др.-инд. *Parjanya-* и т.п. засвидетельствованы однокоренные женские персонажи, которые в принципе могли пониматься как "жены" Громовержца (ср. лит. **Perkūnija* как персонафицированная гроза, [лит. *perkūnija*], молния, рус. *Перынь* как обозначение урочища, связанного с Перуном в Новгороде, др.-исл. *Fjörgyn* и т.п.). Такие же пары известны и в связи с противником Громовержца: др.-инд. *Varuṇāni* — жена *Varuṇa*'ы (ср. *Indrāni* : *Indra*, бог грозы), рус. *Волосыни*, название созвездия Плеяд (ср. мотив "астрализации" женского мифологического персонажа или целой серии — обычно из семи единиц — однотипных женских персонажей — жен, сестер, дочерей) при *Волосъ/Велесъ* (ср. еще рус. *Елесиха*)⁵⁶ при *Елс*, *Елс* как табуированном обозначении

⁵⁶ Ср. загадку: *Зарится — Елесиха на коня садится, рассветает — Елесиха с коня слезает* [Роса] (Загадки. Издание подготовила В.В. Митрофанова. Л., 1968, № 196). В связи с предположением о Елесихе как женской ипостаси Волоса ср. *конск* и *е* мотивы, также связанные с Волосом–Велесом. К *Елесиха*, *Елс* ср. фразу *Мыши е л е с и, идут хвосты повеса* из текста с лубочным картинкам цикла "Мыши kota погребают" (см.: Ровинский Д.А. Русские народные картинки. СПб. 1881, кн. I, с. 391–401; кн. IV, с. 256–269; кн. V, с. 156–160, а также: Семевский М.И. Царица Екатерина Алексеевна, Анна и Виллим Монс. 1692–1724. СПб.,

Волоса) и т.п. Но, возможно, существуют и более глубокие параллели. Во многом их достоверность зависит от реконструкции для балтийского первоначального значения корня **vel-*. Наличие в латышском имени *Vels* и *vels* 'чорт'; *velns* (ср. у Стендера *wella mehnness, wellu laiks* и т.п. или прямые указания типа "D e e w s. Der Gott der alten Letten, der bey ihnen auch es die Todten betraf, W e l s hiess, weil *Deewa deenas* Gottes Tage, und W e l l i von W e l s die Tage des Gottes der Todten bey ihnen einerley war"), наряду с *Veļu māte* (и лит. *Vielona*), дает, видимо, основание для реконструкции женского мифологического имени **Vela*, соотносимого с *Vels* как обозначение его жены и/или особого места, куда отправляются по смерти (ср. отчетливый локальный аспект рус. *Перынь* и многочисленные типологические параллели к тождеству имени жены бога и обозначения места с соответствующими функциями). В таком случае *veļi, velānieši* и т.п. — своего рода подданные богини смерти **Vela*'ы или обитатели царства мертвых, называющегося **Vela*. И, следовательно, *Veļu māte* может оказаться более поздней переделкой (или одним из вариантов) исходного **Vela* (> подданные **Vela*'ы, так сказать, ее семья > владычица подданных **Vela*'ы, т.е. М а т ь у с о п ш и х, М а т ь д у ш, *Veļu māte*), ср. наличие классифицирующего элемента *māte*, получившего значительное распространение в латышской мифологии.

Очень характерно, что при таком понимании *Veļu māte* оказывается тождественной в этом отношении Матери-Земле — *Zemes māte* (ср. в народных песнях частые варианты с меной *Veļu māte: Zemes māte*. BW 27699 и др. или *Veļu māte: Kapa māte*. BW 27434, 27519 и др., не говоря уже о *Zemes māte: Kapa māte*), откуда следует и дальнейшее весьма важное заключение по индукции: если Мать-Земля некогда была супругой Отца-Неба (ср. реконструкцию пары **Tēvs Debess* — **Māte Zeme*, соотв. *Dievs, Dieviņš*, даже — *Pērkons—Zemes māte* и т.п.), то и *Veļu māte*, чередующаяся с *Zemes māte*, могла быть супругой небесного Бога (*Dievs, Dieviņš*) или его трансформации — *Pērkons'a*. Последний вариант (супружеская связь двух "разведенных" по своим зонам персонажей — мужского **Perkūn-* и женского **Vel-*) как раз и подтверждается рядом другим индоевропейских версий, где, однако, участники такой пары трактуются как противники, участвующие в поединке, но не муж и жена (интересно, что жена в этих версиях остается безымянным или названным "по мужу" объектом — причиной конфликта между **Perkūn-* и **Vel-*). Если приведенные здесь соображения верны, то латышская *Veļu māte* оказывается п р а к т и ч е с к и у н и к а л ь н ы м источником для реконструкции "подлинного" (а не классифицирующе-описательного в лучшем случае) имени жены Громовержца в "основном" мифе — **Vela*. В свете этой реконструкции приобретают вес некоторые

другие факты, вторичным образом подтверждающие обоснованность реконструированной формы имени **Vela*. В частности лтш. **Vela*, достигаемое с помощью реконструкции, обнаруживает точную параллель (полное совпадение) в конкретно засвидетельствованном персонаже славянской мифологии, также уцелевшем только в песенном фольклоре. Речь идет о самовиле *Вела*, неоднократно выступающей в македонских народных песнях, причем как раз в сюжете, разрабатывающем один из мотивов "основного" мифа. Существенно, что в этих песнях *Вела* также не одинока: сюжетно она связана с кралевицем Марко, продолжающим в преобразованном виде образ Громовержца; вместе с тем Вела включена в семью, которая, очевидно, должна была носить имя того же корня **Vel-*. Ср.: *В е л и н и т е д у д в е снахи*, | *на В е л а си удегуварет*: | — *Ој хубава з'леу В е л о*, | *љу ти ли мома била*, | *љу тебе ли са брате дали*, | *брате дали, углавили?* ... | — *Ој хубава з'леу В е л о*, | ... *Ти си имаш ду два брата...* ("Убава мома Вела", 191)⁵⁷. Еще интереснее, что в хорватской песне "Девушка и Солнце"⁵⁸, записанной на острове Шипан (Šipan), вблизи Дубровника, и являющейся фрагментом сюжета небесной свадьбы, девица спорит с Солнцем, утверждая, что она краше его и всей его семьи, включая его племянников по имени *Vlašići* (персонифицированные Плеяды, от **Vels-*: **Vols-*). Принимая в расчет русские обозначения Плеяд типа *Волосыни*, *Власожелищи* и т.п. (: с.-хорв. *влашићи*), можно думать, что и спорящая девица, сопоставимая с макед. *Вела*, как-то была сюжетно связана с персонажами, составляющими Плеяды (ср., напр., сестру и семеро братьев), и, главное, ее имя (< **Vela*) соотносимо с рус. *Волосыни*, которое получает подтверждение и на уровне мифологических персонажей.

Связь *Veļu māte* со смертью образует одну из самых ярких и постоянных характеристик этого персонажа. *Veļu māte* — повелительница усопших, в реконструкции — сама смерть, царство смерти (как и *Kapu māte, Zemes māte*, см. выше; ср. характерную просьбу о сохранении тела: *Labvakar, Zemes māte*, | *Glabā manu augumiņu*. BW 27521). Мотив могилы, ключа от нее постоянен в связи с *Veļu māte* (*Veļu māte priedcāš*, | *Kapu virsu staigādama*: | *Man nomira jauns bāliņš...* BW 27540, ср. 27714). *Dod man kapi atslēdziņu*, | *Lai es varu kapu slēgt* | *Priekš tās vecas māmuliņas* (BW 27519) — обращаются к *Zemes māte* (или к *Meru mōte, Kōpu mōte*, ср. BW 4124, или даже к *Nāves māte*, выступающей в чередовании с *Veļu māte*, ср. BW 27533 и вар. 1) Еще более част мотив закрывания — открывания дверей (ворот): *Cep, māmīņa, kukulīti*, | *Veļos mani vadīdama*, | *Ko mīelošu Veļu bērnu* | *Par vartiņu vērumiņu*. BW 27434 (ср. вар. 2: *Lēļ vārtu vērejiņus* о воротах Лелиса); ... *Pēc pusdienas Veļu bērni* | *Veļu vārtus aizvēruši*. BW 27531, ср. 27531; *Vaļā manas nama duris*, | *Vaļā manas istabiņas*: | *Veļu māte aizviluse* | *Manu duru vē-rājiņu*. BW 27510 (ср. 4124). С *Veļu māte* связаны и другие сходные мотивы: закапывания (*Rokat mani priekš pusdienas*, | *Pēc pusdienas nerokat...* BW 27527, ср. 27526), глубокого рва (BW 27536), холма (*Tev, māmīņ, ne-ierasta* | *Pirmā nakts smiltainē*. BW 27713, вар. 2; ... *Lai var uzkāpt* | *Velīšu kalnā...* BW 27532, ср. 27368, вар. 6 [*Kapu kalnu*, но и *Veļu kalnu*]; 27804

⁵⁷ Цитируется здесь и далее по изданию: Любовни песни. Избор и редакција Душко Наневски. Скопје, 1971.

⁵⁸ См.: Hrvatske narodne pjesme, Knj. 5. Zagreb, 1909, N 17.

1884, с. 237). *Мыши елеси* как мыши Елса /**Елеса*/, Велеса—Волоса отсылают одновременно к обоим противникам "основного мифа" — как к **Vel-* (ср. связь мышей с царством мертвых и т.п.; сами мыши обитатели загробного мира, жители могил, подданные Матери Земли, *Zemes māte, Kapa māte, Veļu māte*, ср. балт. *pel-*: *Vēl-*), так и к **Per(k)-ūn-* (ср. мотив превращения в мышь как результат наказания со стороны Громовержца, см. в другом месте, и вообще связь мышей с ним, ср. лит. *pelū Perkūnas*, о том, кто любит шутить, 'kas mėgsta juokauti, krėsti rokštus'. LKŽ 9, 756: *Oi tu pelū perkūne!* — букв. 'мышиний Перкунас' в контексте сниженных образов Громовержца).

[*Augsta kalna galiņa*]; 27519, вар. 1; 27414; 27833 и др.). Во многих случаях *Veļu māte* дублируется другим женским персонажем по имени *Nelaima*, собств. 'Несчастье' (: *Laima* собств. 'Счастье'), который в свою очередь противопоставляется более дифференцированно описываемому положительному персонажу – *Laima*⁵⁹. Если *Nelaima* по отношению к ряду мотивов занимает положение сходное с *Veļu māte*, то *Laima*, напротив, в тех же мотивах выступает в противоположных по сравнению с *Veļu māte* и *Nelaima* позициях. В данной ситуации существенно, однако, что и положительный и отрицательный персонажи соотнесены с рядом общих мотивов и что логика конкретных противопоставлений иногда приводит к инвертированным схемам (ср.: *Laima sēd kalniņā* | *Nelaimīte lējiņā*. BW 1120: холм – низина). Соотнесение *Veļu māte* со смертью не отделяет, как часто думают, балтийские показания от славянских, а, наоборот, объединяет их, поскольку и в славянском мифологическом персонаже **Vel-* мотив связи со смертью, оказывается, играл несравненно большую роль, чем полагали раньше. Как показали исследования последних лет, этот мотив очевиден и в отношении к Велесу/Волосу, и в отношении к более поздней трансформации этого божества, Николе⁶⁰. Связь со смертью слов этого корня открывается и на иных путях. Ср., напр.: *Кладбище называлось: "Воля"*. | *Да! Песнь о воле слышим мы, | Когда могилычк бьет лопатой...* и далее: *Здесь, над могилою, на "Воле"...* (Блок "Возмездие"); польск. *wola* как топографический термин и *Wola* как топоним, действительно, нередко соотносимы с кладбищем. Вместе с тем лтш. *vaļa*, по сути дела, может относиться к п а с т б и щ у (о его связи с загробным миром уже говорилось), ср.: *Dievs dod vilkam stulbam būt, | ... Tad es savas, baltas aves | Vaļā laistu pavārtē*. BW 28851 (при таких употреблении слова, как *laid mani vaļā* 'пусти меня!', *laist vaļā* 'выпустить на волю', *durvis ir vaļā* 'дверь открыта' и т. п.). В той же степени указанная связь отражена и языковыми данными. Балт. **Vel-*: **vel-*, кодирующее обозначение царства смерти и самого покойника, обнаруживает надежные параллели в др.-исл. *valr* 'мертвый на поле боя' (ср. *valkyrja* | ср. *Veļu māte* | *valholl* 'жилище воинов, павших на поле боя'), тох. *a wāl-* 'умирать', лув. *ulant-*, то же, др.-греч. *ἡ λύσιον* (ср. *ἡ λύσιος* в сочетании с *λεϊμόν, πέδιον, χῶρος* в связи с аналогичным употреблением лтш. *Vel-*, *Veļu māte*) и др. Таким образом, разрыв балтийской традиции с другими индоевропейскими в этом пункте оказывается мнимым. Более того, именно латышские дайны содержат иногда очень точные переключки с архаическим индоевропейским образом царства смерти и мертвых как подземного луга, на котором пасется скот⁶¹. Ср.: ... *Tā māšiņa gaviļēja | Veļu govīs ganīdama*. BW 27714 '...Эта сестрица возликовала (издала крик), пася коров умерших душ' (где души умерших сопоставлены с коровами). Значение подобных параллелей

трудно переоценить. Пасение коров-душ и соотносимый с ним мотив еды, питья, кормления (ср.: *Visi ēda, visi dzēra, | Mūs' brālītis vien ne-ēda; | Kara māte bālēliņu | Baltu smilksu ēdināja*. BW 27623) теснейшим образом связывают лтш. *Veļu māte* и вообще. балт. **Vel-* как имя божества смерти с слав. Велесом/Волосом, "скот'ым богом", пасущим стада на земле и души мертвых (= скот) в подземном царстве (мотив смерти отражен и в лтш. *veļa kauls*, ср. лит. *navikaulis*, рус. *навья косточка* и т. п.).

Другим образом смерти в латышских дайнах с участием *Veļu māte* оказывается в о д а в разных ее видах, включая и слякоть, болото, море, влагу и т. п. Ср., в частности, мотив моря: *Dar', Dievi, nu, zelta sētu | Visgarāmi jūrās malas, | Lai nevar Veļa māte | Visu zemi zēgāt*. BW 27683. Судя по этому фрагменту, *Veļa māte* находится за морем (ср. также лтш. *Velna mate*); наконец, следует указать мотив, не привлекавший внимания специалистов ни сам по себе, ни в связи с "основным" мифом и засвидетельствованный в собрании Барона: *Sasatika Dievs ar Velnu | Vidū jūrās uz akmiņa; | Kažocīgi briku braku, | Zobētiņi šmigu šmigu*. BW 33692 'Встретился Бог с Чортом (Велнсом) Г Посреди моря, на камне; | Шубы – брик-брак, | Мечи – шмиг-шмаг' (поединок посреди моря). В таком случае латышский мифологический мотив (*Vel-* на море) до деталей совпадает со старочешским свидетельством о такой же локализации Велеса (ср. проклятие-отсылку XV в.: *někam k Velesu za moře. někam k Velesu pryč na moře*, подобно отсылке за море лихорадок, болезней и т. п. в русских заговорах). Мотив моря актуален и для ведийского Варуны (< **Vel-un-*), который, собственно, и воплощает собою Мировой океан, лежащий на периферии Вселенной и образующий ее рамку. В последнее время были приведены интересные соображения⁶² в пользу дополнительной связи Велеса с морем: упоминание этого божества в клятве князя Олега могло бы объясняться тем, что договор с греками был заключен за морем, и возвращение с дружиной и добычей должно было происходить по морю (в заговоре князя Игоря с греками, заключенным в других условиях, имени Велеса нет). Возможно, что некоторая актуализация мотива Велеса на море объясняется скандинавскими влияниями (ср. связь Велеса с кораблем, а также соотнесение символических изображений на норманнских кораблях с описанием "Сокола-корабля" в русском фольклоре). Характерно, что диахронический приемник Велеса русский Никола также относится к категории "морских богов". С темой воды в специфическом аспекте связана и *Nelaima*, о которой как своего рода двойнике *Veļu māte* говорилось уже выше. Вода оказывается и место обитания *Nelaima*-ы, и местом, куда она старается поместить людей или даже покойников. Ср. мотивы заталкивания-бросания ее в воду: *Ej, Laimiņa, tu papriekšu, | Grūd Nelaimi ūdenī*. BW 1219; *Griezies, Laimē atpakaļ, | Svied Nelaimi ūdenī*. BW 9212; *Nelaim' mana, nebēdnīca, | Man ieģrūde ūdenī...* BW 9247; *Ļaudis saka manu Laimi | Ūdenī noslīkušu...* BW 9223 (ср. также 9225–9228).

⁵⁹ См. о ней: Biezais H. Die Hauptgöttinnen; О Лайме в литовской традиции см.: Vėlius N. Op. cit.

⁶⁰ Иванов В.В., Топоров В.Н. Исследования в области славянских древностей. М., 1974; Успенский Б.А. Филологические разыскания в области славянских древностей. Реликты язычества в восточнославянском культе Николая Мирликийского. М., 1982 и др.

⁶¹ См.: Puhvel J. "Meadow of the Otherworld" in Indo-European Tradition. – KZ, 1969, Bd. 83, p. 64–69 и др.

⁶² См.: Мачинский Д.А. "Дунай" русского фольклора на фоне восточнославянской истории и мифологии. – В кн.: Русский Север. Проблемы этнографии и фольклора. Л., 1981, с. 110–171.

В контексте связи *Veļu māte* с водой показательны данные, относящиеся к уже упоминавшейся македонской Веле, в частности, мотив закрытия ("завязывания") вод. Здесь уместно напомнить два круга фактов, а именно: мотив открывания — закрывания дверей в царство мертвых ("развязывание" — "завязывание"), где царит *Veļu māte* и семантическую мотивировку имени *Laima* как "та, которая развязывает, разрешает" (соответственно *Nelaima* "та, которая не развязывает", т.е., напротив, "связывает"). Македонская Вела как раз и выступает как такая "закрывательница" вод: *што собрала до девет кладенци, | собрала гисена едно место, | затвори ги со железни врати, | турила е сребрени катанци!* ("Марко шета во гора зелена", 177; в другом месте говорится о 70 реках, 70 источниках и колодцах: *затвори и Вела самовила...* "Три дни шета Марко Кралевики", 182). Родственный персонаж *Вида-самовила* прячет 12 ручьев, заключая их в сухое дерево с зеленой вершиной. Но обладание Велы водой безблагодно: плодоносящие потенции воды остаются нераскрытыми (ср. мотив страдания от жажды кралевица Марко), и целью положительного мифологического персонажа становится освобождение вод, раскрытие их на благо растениям, животным и человеку. Именно этим мотивом, сопровождаемым убийством Велы⁶³, оканчивается сюжет о виле-водарице (водяной виле-Веле), обнаруживающий самую тесную связь с мифами о Вритре и Вале (**Vel-*), а также других демонических существах, удерживающих воду (ср. тему преграды, затора воды в мифе о ведийском Вритре, само имя которого выразит эти смыслы⁶⁴, и инвертированный вариант той же темы в BW 27683). Любопытно, что и лтш. *Velns* и лит. *Velnias* связаны с водой: с одной стороны, этот *Vel-* персонаж прячется от преследований Громовержца в воду, с другой, он сам, согласно ряду данных, доставляет воду, орошает ниву дождем и т.п.; он же связан с так называемыми "сырыми" деревьями⁶⁵ (ольха, ель и др.; а с елью связана и макед. Вела⁶⁶), см. выше мотив заключения воды в сухое дерево с зеленой вершиной. В этой последней ситуации уже просвечивает характерная амбивалентность самого образа воды (ср. различие живой и мертвой воды, т.е. воды жизни и воды смерти), которая хорошо прослеживается и в разных воплощениях мифологического персонажа сименом **Vel-* (ср. тему скота, растений, пищи, богатства, плодоносного дождя и т.п., отраженную косвенно и в латышских народных песнях, и в образе русского Велеса-Волоса, но здесь не рассматриваемую).

Та же амбивалентность постоянна в мотиве брака (жениха и невесты): брак как смерть и смерть как брак (ср. также сходные черты похоронного и свадебного ритуалов). Можно напомнить характерные фрагменты этой схемы: *Visi radeņi, nōcit, | Kad as jēmšu ļaudaveņu! ... Visi radeņi, nōcit, | Man' Veļos vadēdami.* BW 27431, вар. 3 или: *Tautu dēls lieljās: | Cerē mani tautu meita. | Cerē tevi Veļa māte, | Es gan tevi necerēšu.* BW 10789. Мотив преждевременной смерти в юности (*Ai, Dieviņ, ai, Laimiņ,*

|Kaut es jauna nomiruse! BW 27304) имеет тот же глубинный смысл парадоксального контакта жизни и смерти, что подтверждается дайнами типа BW 27798: *Lietiš ļija saulīte: | Velēnieši kāzas dzēra. | Mans bālīšs jauns nomira, | Veļas ņēma līgaviņu* (ср. вар. 1, где выступают дочери Солнца — *Saules meitas*). Эти факты приобретают тем большее значение, что одна из версий "основного" мифа как раз и разрабатывает тему преждевременной смерти ради будущего возрождения и процветания. Более того, во всех версиях этого мифа соответствующая идея составляет его главный смысл. В этой связи необходим учет и таких текстов, как BW 4975, в которых можно усмотреть инверсию этой темы (неслучайность подобных тем подтверждается многими аналогиями в ряде архаических традиций): *Bārīšs kāpa debesīs | Pa ozola zariņiem, | Pavaicāti Dieviņam, | Kur palika tēvs, māmīņa* "Сиротка влез на небо | По ветвям дуба | Спросить Бога, | Где остались отец, матушка". Отмеченная амбивалентность в дайнах с участием *Veļu māte* и родственных ей персонажей находит для своего выражения разные приемы, из которых здесь будут обозначены лишь два типа: ср. *Šūpo mani, māmuliņa, | Neba mani daudz šūposi, | Šūpos mani Zemes māte | Apakš zaļa velēniņa.* BW 27406 "Качай меня, матушка, | Не долго будешь меня качать; | Мать Земли будет меня качать | Под зеленой дерновиной". (ср. 9276, отчасти 1218 и др.) и: *Veļa māte priedcājš, | Kapu viršu dancodama: | Gan dēliņu arājiņu, | Gan meitiņu malējiņu.* BW 27537 "Мать усопших душ радовалась, | Пляша поверх могилы: | Довольно (у нее) сынков-пахарьков, | Довольно дочек — мукомолочек!" (ср. 27538—27540, 27699, 27799 и др.; в других случаях мотив радости уравнивается мотивом плача, горьких слез). Что же касается мотива качания, укачивания (в связи с "подвешенным" состоянием), пляски, то он не только отражает некую ритуальную реальность (ср. *līgo* как припев в латышских народных песнях, исполняемых на Иванов день, и соответствующий ритуал, ср. *līgot* "колыхать(ся)", "качать(ся)", "колебаться" и т.п.), но и находит точное соответствие в русск. *волноваться* (ср. лтш. *vilnīt*, лит. *vilnyti* "волноваться", о воде и др.), в котором в конечном счете скрывается тот же корень **vel-*, что и в рассматриваемых мифологических именах. Сочетание мотивов волнения (о водной поверхности) моря как первичных вод, ребенка (ср. щемящее: *Māmuliņa, māmuliņa, | Tavs bērniņš vairs nebušu: | Tikko acis kopā gāja, | Tūlīt Veļi aicināja.* BW 27364 "Матушка, матушка, | Я не буду больше твоим дитятей: | Как только закроются глаза, | Тотчас позовут души усопших"), взаимопроникновения жизни и смерти, эротического стремления ("воля — желание") и т.п., обнаруживаемое в разных версиях текстов о мифологическом персонаже **Vel-*, открывает — на большей глубине — перспективу соотношения этой темы со сходным комплексом идей ("прадитя", зародыш в волнующихся водах и т.п.), развитых, в частности, в связи с Дионисом, который и в других отношениях может отражать исходную схему, представленную и в и.-евр. **Vel-* (ср., между прочим, пару вода — огонь в обоих случаях)⁶⁷.

⁶³ Ср.: Бог да бие Вела самовила... 177; Бог ја убил Вела самовила... 183.

⁶⁴ См.: Benveniste E., Renou L. *Vṛtra* et *Vṛat* ragna. Paris, 1934.

⁶⁵ См.: Vēliuss N. Mitinēs... būtybes.

⁶⁶ Ср.:... ела највисока | вршијето њ злато позлатено! 177.

⁶⁷ См.: Jung C.G., Kerényi K. Einführung in das Wesen der Mythologie. Das göttliche Kind | Das göttliche Mädchen. Hildesheim, 1982.

Разумеется, вклад латышских дайн в общую панораму мотивов, связанных с **Vel-*, не исчерпывается сказанным выше. Впрочем, не подлежит сомнению глубокая укорененность продемонстрированных до сих пор примеров в общем наследии индоевропейских архаичных мифологических текстов. Она очевидна и на языковом уровне — от уровня поэтических фигур и формул до уровня звукового символизма. Вскрытым ранее примерам анаграмм и других звуковых притяжений в фрагментах текстов, относящихся к Громовержцу, могут быть поставлены в соответствие фрагменты с участием противоположного ему персонажа по имени **Vel-*⁶⁸, обнаруживающие сходные явления. Достаточно назвать лишь несколько примеров подобной звуковой "игры": *Valā manas nama duris*, | *Vala manas istabiņas*; | *Veļu māte aizvīluse* | *Manu duru verājiņu*, BW 27510; *Ai, bagāta Veļa māte*, | *Nokauj manu vira māti*, | *Tad man būs sava vala* | *Atsledziņas skandināt*, BW 23177 (ср. соотнесение Волоса через болезнь с божьей волей); *Es tā godu negaidīju*, | *Nevelēju galdautiņu*; | *Veļu māte, tā gaidīja*, | *Tā velēja galdautiņu*, BW 27432; *Citas meitas goda gaida*, | *Kāda goda es gaidīju?* | *Es gaidīju Veļu mātes* ... BW 10999 (ср. 27529, 27536 и др.) и т.п. Характерные сочетания *Veļu māte* с *vala*, *velēt* 'желать' и др. дополняются такими конструкциями в близком цикле, как лтш. *Laima & lemt* (*Vēl, Dieviņ, lemt, Laimiņ*, | *Man jel labu arājiņu*, BW 9486, вар. 1; ср. 28600 и др., ср. сам мотив, передаваемый как "*Laima nolemj meitai precinieku*"), которое в данном случае одновременно выступает и как формула важного мотива, и как *figura etymologica*. В свете

⁶⁸ Некоторые мотивы, безусловные в связи с **Vel-* как противником Громовержца в "основном" мифе, оказываются слабо намеченными или даже практически не выраженными в латышских дайнах. Так обстоит дело, напр., с соотнесением **Vel-* со змеей. Тем не менее и она приобретает все больше шансов на успех в свете нового материала и интерпретаций. Ср., напр., высказанное Велюсом предположение о связи и даже тождественности *Velnias'a* с *blukas* 'ом (собств., 'колода', 'бревно', 'толстая палка'), представляющим собой (во всяком случае во время ритуала) стилизованное изображение змея, аналогично бадняку — Бадняку (в литовском фольклоре *Velnias* нередко описывается и называется змеей, змеем, драконом), см. также: Толстой Н.И. Три обряда: лит. *kalādė*, укр. *колодий*, сербск. *бадняк*. — В кн.: Балто-славянские этноязыковые отношения..., с. 46–48. "Змеиные" связи Велы в македонской песне "Убава мома Вела" раскрываются в ее собственных словах: *mājka mi je zmej lūbila*, | *n' men gu je priķe dala*; | *kuga mene ķe zavedat*, | *k'šite мене да приведат*, | *pris Пирине, pris Планине*, | *ķe izlazi zmej гурини*, | *tuga мене ķe si грабни* (191) (инвертированный со сдвигом вариант см. в песне "Змија си Бога молеше" и др.). Возможно, получит подтверждение толкование миниатюры из Радзивилловской летописи, где изображается сцена клятвы Олега "Перуноу, богом своим и Волосом, скотым богом": Перуну соответствует антропоморфный идол, а Волосу — змея у ног Олега (Д.А. Мачинский). "Змеиный" слой в образе *Veļu māte* надежнее обнаруживается при анализе изофункциональных ей персонажей (в частности, они нередко носят те же имена, что змеи в соответствующих заговорах, ср. *Margrietiņa, Madaliņa* и др. BW 34119, вар. 1 и др.), о чем см. в другом месте, как и о возможности приурочения *Vel-* к обрядам на стыке Старого и Нового года (ср. зачин старой колядной песни *Vele, Vele*, о котором свидетельствует Матей из Градиште в 1436 г.; сюда же, конечно, и *Beli, Beli* в коляде, описанной в Пражской рукописи Яна из Голешова на рубеже XIV–XV вв.). См.: Топоров В.Н. Еще раз о Велесе-Волосе в контексте "основного" мифа. — В кн.: Балто-славянские этноязыковые отношения в историческом и ареальном плане. М., 1983, с. 50–56.

балтийских реконструкций заслуживает внимания точная параллель в литовской мифопоэтической и мифологизированной юридической традиции *Laima & lemti* как формула решения судьбы-счастья, проанализированная недавно Греймасом (*Laima lemti*)⁶⁹. Балт. формула **Laima & lemti* покрывает собой ту органическую метаморфичность жизни и смерти, счастья и несчастья, созидания и разрушения, творца и творения, которая так свойственна латышской мифопоэтической модели мира и, в частности, связана с корнем **Vel-*: **vel-*. Собрание латышских народных песен Барона открывает кратчайший путь к познанию и прочувствованию этого удивительного взгляда на мир.

Т.А. СУМНИКОВА

О СЛОВСОЧЕТАНИИ ЛЮТЫЙ ЗВЕРЬ В НЕКОТОРЫХ ПАМЯТНИКАХ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ

Словосочетание *лютый зверь* обычно не представляет трудности для понимания. Его смысл вытекает из семантики составляющих лексем. В древности оно могло означать 'свиный зверь', 'злой зверь' (ср. в говорах — *придут люты свахи*, т.е. 'недобрые, со злом') или 'страшный зверь', т.е. зверь, вызывающий страх (ср. — *предать лютой смерти*, т.е. смерти неестественной).

В 1877 г. в специальной работе "О лютом звере народных песен" В.Ф. Миллер обратил внимание на то, что *лютый, лютый зверь* может служить прямым названием конкретного животного: волка в украинском языке и льва в литовском (*liūtas*). Обратившись к конкретным памятникам древнерусской письменности, он определил *лютого зверя* в Слове о полку Игореве (далее: СПИ) и в летописном рассказе о видениях киево-печерского инок Исакия как название волка, а в Поучении Владимира Мономаха детям (далее: ПВМ), основываясь на мнении зоолога Урусова, полагал, что имеется в виду барс. Словарь И.И. Срезневского закрепил наметившуюся в работе В.Ф. Миллера тенденцию рассматривать это словосочетание в древних текстах как лексикализованное, обозначающее одного конкретного зверя. В статье *лютый* оно выделено со значением 'волк' и в иллюстрациях даны те же цитаты из СПИ и из ПВМ, что и у В.Ф. Миллера, хотя отождествление *лютого зверя* с волком ПВМ тот считал невозможным.

Так возникла проблема определения *лютого зверя* в древних текстах. Она осложнялась по мере того, как становились известными факты приращения этого словосочетания и к другим хищникам: к медведю — в XVI в. [3] и к бобру, т.е. к тигру или барсу, — в XIX в. [5], а также иноязычно-русские параллели в текстах XVI–XVII вв., где русское *лютый зверь* объясняется как французское *loup cervier* 'рысь' [40] или как немецкое *Louwe 'лев'* [55] или является переводом шведского *Lowe (Loffue)*.

⁶⁹ См.: Greimas A.J. Op. cit., p. 185–189. Интересно соотнесение Лаймы с Матерью жизни в BW 9284 и вар. 1: *Celies agri, man Laimi tē* ... при: *Celies, mana, m u-ž a māte*.

Определение значения осложняло еще и то, что исследователи пользовались методом подстановки известного к неизвестному, когда частный вывод, может и справедливый для одного текста, распространяется без достаточных оснований на употребление этого словосочетания в других памятниках письменности. При этом не принималось во внимание то, что словосочетание может быть свободным, на что впервые указал Б.А. Ларин.

В результате в литературе содержатся противоречивые определения этого словосочетания, употребляемого даже в одном древнем памятнике. Некоторые из них, по существу не доказанные, подкрепленные лишь авторитетом писавшего, послужили основой для более широких заключений и перешли в справочную литературу.

Так, в добавлениях к русскому переводу "Этимологического словаря русского языка" М. Фасмера О.Н. Трубачев, ссылаясь на Б.А. Ларина, сообщает, что *лютыи звѣрь* в ПВМ, в Парижском словаре московитов 1586 г. (далее: ПСМ) и в СПИ¹ означает 'рысь'. Утверждение В.Г. Гептнера о том, что *лютыи звѣрь* в ПВМ — 'тигр', послужило основанием для его же предположения о заходах этого животного в XI–XII вв. в южнорусские степи. Это в свою очередь закрепились как факт в "Каталоге млекопитающих СССР" [14]. В.К. Кузаков в книге "Очерки развития научных и научно-технических представлений на Руси в X–XVII вв." в перечень животных, на которых производилась в то время охота, со ссылкой на летописи, но без указания конкретных данных поместил и льва [21, 261]. При этом остается неясным, где именно, на какой территории и когда восточные славяне, по утверждению автора, охотились на львов.

Все это показывает, что, казалось бы, частный вопрос о значении и функции словосочетания *лютыи звѣрь* в древнем памятнике перерастает в более общие, в вопросы методики самого определения и отбора надежных для того критериев.

Предлагаемая статья ставит своей задачей показать возможность иного подхода к решению возникшей проблемы².

При определении семантики конкретной лексики по памятникам письменности обобщению, полагаем, должен предшествовать анализ каждого текста в отдельности. Но убедительные выводы можно получить в случае, если языковые и неязыковые данные будут подвергнуты взаимной проверке.

Сказанное попытаемся показать на примере нашего анализа некоторых текстов, на которых обычно делаются заключения о лексикализованном характере указанного словосочетания.

I

Итак, "Поучение детям" великого князя Владимира Мономаха (1053–1125). Оно написано им, как полагают, в 1117 г. [43, II, 431], но дошло до нас в единственном списке, в составе Лаврентьевской летописи 1377 г.

Приведем текст, где Владимир Мономах описывает свои охотничьи подвиги в бытность черниговским князем (с 1078 по 1113 г.) [44, I,

¹ Для СПИ Б.А. Ларин не исключал и волка.

² О мотиве *лютого зверя* в славянской мифологии см. в кн. В.В. Иванова и В.Н. Топорова [11, 55–61].

стлб. 204 и II, стлб. 275] и говорит, что *лютыи звѣрь* повалил его вместе с конем: *а се в Черниговѣ дѣяль есмь. конь диких своима руками связаль есмь. в пущах 10 и 20 живых конь. а кромѣ того иже по рови ѣздя ималь есмь своима руками тѣ же кони дикиѣ. тура мя 2 метала на розѣх и с конемъ. олень мя одинъ боль. а 2 лоси одинъ ногами топталъ. а други рогами боль. вепрь ми на бедрѣ мечь оттялъ. медвѣдь ми у колѣна подклада оукусилъ. лютыи звѣрь скочилъ ко мнѣ на бедра. и конь со мною поверже. и бѣ невреджена мя съблюде*³.

В тексте имеются описки, неоднократно отмечавшиеся в литературе: в пущах см. "в путах", *иже* вм. "и", *по рови* вм. "по роси". Б.А. Ларин предлагал еще одно исправление в части, непосредственно нас интересующей — "на забедры" вм. имеющегося в тексте *на бедра*: ... *Лютыи звѣрь скочилъ мнѣ на забедры и конь со мною поверже*. "Перевод тогда, — пишет он, — должен быть такой: 'рысь прыгнула на моего коня сзади и повалила меня вместе с конем'. Без этого исправления и общий смысл повествования становится сомнительным" [24, 194]. Ниже покажем, что в таком исправлении нет необходимости.

Наш перевод (с сохранением древних строчных знаков): "А вот что я делал в Чернигове. диких коней своими руками связывал. в путах по 10 и 20 живых коней. а кроме того и вдоль Роси езда. ловил своими руками тех же диких коней. 2 тура метали меня рогами вместе с конем. олень меня один бодал. а из двух лосей один ногами топтал. а другой рогами бодал. вепрь у меня с бедра меч сорвал. медведь у моего колена потник (чепрак) укусил. лютый зверь кинулся мне на бедра. и коня со мною опрокинул. и бог невредимым меня сохранил". Текст понятен. Неясно лишь, какой конкретный зверь опрокинул князя вместе с конем.

В.А. Воскресенский [4, 17], И.И. Срезневский [48, II, статья *звѣрь*], И.И. Ивакин [10, 282] и Н.В. Шарлемань в статье 1943 г. [50, 120] считали, что *лютыи звѣрь* здесь — волк; В.Ф. Миллер и Урусов [34, 19], В.В. Мавродин [31, 480–487], А.С. Орлов [38, 88] полагали, что это барс (леопард); Б.А. Ларин утверждал, что рысь [24, 191–200], льва называли Н.В. Шарлемань в 1964 г. [51, 293–296], Б. Сапунов [45] и вслед за Шарлеманем И.Э. Клейненберг [17]; В.Г. Гептнер в двух работах [5; 31, 79, 96] настаивал на отождествлении с тигром; С.В. Лобачев с указанием на такое же мнение С.В. Кирикова считал, что *лютыи звѣрь* — это медведь [30].

Приведенный перечень мнений показывает, что даже у охотоведов и зоологов (Урусов, Шарлемань, Сапунов, Гептнер, Лобачев, Кириков), мнения которых, казалось бы, должно быть единым, нет этого единства.

Представляется не случайным, что применительно к ПВМ Д.С. Лихачев в 1950 г. писал, что "*лютый зверь* — это хищник из семейства кошачьих" [43, II, 452], а в 1978 г. признал: "Что такое этот *лютый зверь* — неясно" [39, 463].

В Словаре-справочнике "Слова о полку Игореве" пример из ПВМ помещен под значением "эвфемистическая замена конкретного наименования зверя (льва, волка, рыси и т.д.)" [2, 117–118].

³ Текст перепечатан с издания, где переданы строчные знаки Лаврентьевской летописи [44, I, стлб. 251]. Графика издания упрощена следующими заменами: *ω* на *о*, *е* на *е*, *А* на *я*; надстрочные буквы внесены в строку.

Пестрота и несогласованность предложенных определений — следствие ряда причин. Кроме уже указанного метода подстановки известного к неизвестному это еще и недостаточное внимание к данным зоологии и зоогеографии в их историческом аспекте, к истории народа и к самому древнему тексту. (Сказанное относится к истолкованию данного словосочетания не только в ПВМ, но и в других древних текстах.)

Языковые особенности текста и древний строчной знак (точка) допускают двойное истолкование его в части, связанной с *лютым зверем*. В первом случае, если рассматривать предложение *лютыи звѣрь скочилъ ко мнѣ на бедра. и конь со мною поверже* как самостоятельное не только грамматически (имеется подлежащее и к нему два сказуемых), но и в смысловом отношении, т.е., если считать, что с предыдущим предложением оно не связано по смыслу, действительно, возникает вопрос, какого зверя называл так Владимир Мономах и, следовательно, предположение о лексикализованном характере словосочетания *лютыи звѣрь* получает основание. В случае же, если считать, что грамматически самостоятельное предложение по смыслу связано с предыдущим, где имеется слово *медвѣдь*, то определение роли словосочетания *лютыи звѣрь* и истолкование этого места в тексте облегчаются.

По нашему мнению, текст с достаточной долей вероятности поддается однозначному пониманию. Наиболее очевидным это станет после разбора "за" и "против" всех называвшихся в литературе зверей.

Полагая, что встреча Владимира Мономаха со зверем произошла в естественных условиях, будем в дальнейшем принимать во внимание как границы Древней Руси во времена княжения этого князя и ее ландшафт, так и места обитания животных в XI—XII вв., их особенности и повадки.

Южные границы Киевского и Переяславского княжеств и юго-восточная граница Черниговского — трех южнорусских княжеств, которыми в разные периоды своей жизни владел Владимир Мономах, исследованиями последних лет уточнены следующим образом. В пределах Киевской земли и прилегавшей к ней с востока Переяславской граница проходила по двум притокам Днепра: по Роси, включая узкую полосу ее правобережья, и по левому берегу Сулы. Граница Черниговской земли на юго-востоке проходила по правому берегу Сейма (левый приток Десны) восточнее Путивля, Севска, Болдыша [9, 78–80, рис. 2].

Древнерусское государство в целом было лесной страной. Лишь на юге и юго-востоке пролегла лесостепь: узкой полосой она тянулась вдоль Роси и раскинулась по левобережным притокам Днепра.

На Таманском п-ове располагалось Тмутараканское княжество, отделенное от основной территории половцами, кочевавшими в лесостепной и степной зонах от Дона до Дуная, включая Подонье и Приазовье [42, 265–274]. Это княжество было признано "отчиной" черниговских князей. Начиная с 1064 г. в нем княжили с небольшим перерывом потомки черниговского князя Святослава Ярославича.

Такие животные, как волк и рысь, были на Руси привычными, хорошо известными хищниками. Для их обозначения имелись слова *вълкъ*, *рысь*. Однако ни тот, ни другой хищник для ситуации, описанной в ПВМ, не подходит, так как не может повалить всадника с конем.

По свидетельству зоологов и охотоведов, волк в одиночку на лошадь

да еще со всадником не нападает. Это возможно лишь при нападении стаей [47, 10, 16–17]. Известен такой прием: один из преследующих волков хватается коня за хвост, но затем отпускает, в результате чего конь опрокидывается через голову, и уже тогда на него набрасываются остальные волки и, свалив, перегрызают горло. Преследуя жертву, волки, как собаки, рвут у нее бока в области паха. Мономах же описывает иную ситуацию да и пишет он об одном звере, а не о стае.

Вряд ли может иметься в виду и такой хищник евроазиатских лиственных и смешанных лесов, как рысь. Она охотится в одиночку, обычно ночью, нападает преимущественно сверху. Однако, будучи некрупным зверем (длина тела достигает 82 см. и крайне редко 109 см., а вес ее 12–32 кг [7, 393]), она промышляет в основном зайцами, некрупными копытными, глухарями, рябчиками, мышевидными грызунами [7, 431–432].

Остальные из называвшихся в литературе животных — лев, тигр, медведь (может быть, при каких-то особых условиях барс, леопард) — способны свалить всадника вместе с конем. Однако в данном случае лев, тигр и барс также должны быть исключены, хотя уже по другим причинам.

В XI–XII вв. экологическая обстановка на Восточно-Европейской равнине была, конечно, иной, чем в наше время: людей было мало, зверей много, полноводные водоемы изобиловали рыбой, липия лесов проходила значительно южнее, чем теперь [15]. Тем не менее нет оснований предполагать существование львов, барсов, тигров и охоту на них в окрестностях Чернигова, равно как и в других местах собственно Киевской Руси.

Лев в настоящее время — житель африканских саванн. Раньше он обитал в Европе и в Малой Азии: на Балканах — до I в. н.э., в Малой Азии — до XIX в., в Иране — до начала XX в. [14, 281]. В пределах нашей страны — в Закавказье — лев обитал до X века [14, 282; 7, 78–79]. Так что мы не видим оснований вычитывать значение "лев" в словосочетании *лютыи звѣрь* из ПВМ.

Такой представитель кошачьих, как барс (леопард), обитает в зоне субальпийских лугов, в густых зарослях кустарников в скалистых ущельях. Преследуя добычу, он может спуститься зимой в предгорные леса. Восстановленный для исторического периода "ареал обитания барсов на Кавказе занимает всю страну, кроме степных пространств" [7, 168]. "На западе ареал начинался у Туапсе, возможно, и несколько западнее, однако, не доходил до Новороссийска" [7, 166]. Следовательно, северная граница ареала отстояла далеко на юг от собственно Киевской Руси времен Владимира Мономаха.

Но, может быть, за пределами Киевской Руси этот хищник мог напасть на князя и опрокинуть его вместе с конем?

Большую часть своей жизни Владимир Мономах провел в походах. Они подробно исследованы историками [10; 52; 23; 20; 43]. До 1103 г. его пути проходят по территории Киевской Руси, лишь однажды, между сентябрем 1075 и февралем 1076 г. [23, 21–25], он выходит за ее пределы в юго-западном направлении — в походе в помощь ляхам на чехы, за Глогавы до Черного леса. В совместных походах русских князей против половцев 1103, 1107 и 1111 годов русские войска южнее Северского

Донца не спускались [44, I, стлб. 277–279, стлб. 281–282 и II, стлб. 264–268, а также 20, 91–92, 112–114].

Прямых свидетельств о пребывании Владимира Мономаха в местах обитания барсов или в непосредственной близости к таковым в бытность его черниговским князем в письменных источниках не содержится. Но летопись сообщает, что в течение полутора лет, с августа 1079 г. по 18 мая 1081 г. отец Владимира Мономаха великий князь киевский Всеволод Ярославич держал в своем подчинении Тмутаракань, посадив там своего посадника Ратибора [44, I, стлб. 204]. Допустимо поэтому предположить, что в течение этих лет Владимир Мономах мог наведаться на правах черниговского князя в Тмутараканское княжество, где можно было бы повстречаться со спустившимися к нижнему течению Кубани⁴ барсом.

Но даже при таком предположении отождествление словосочетания в ПВМ с названием барса представляется по ряду соображений маловероятным. В.Г. Гептнер решительно отверг такую возможность на том (и очень существенном) основании, что вес барса (по его наблюдениям — от 32 до 50 кг, по непроверенным слухам, — до 60 кг) недостаточен для того, чтобы свалить коня вместе со всадником [5, 43]. Можно было бы, конечно, предположить, что на Мономаха совершил нападение исключительно крупный, 60-килограммовый, барс и что прыгнул он сверху, в результате чего (сила удара при падении тела сверху увеличивается) сбил коня с ног и свалил вместе со всадником. Предположение о нападении сверху в свою очередь повлекло бы еще одно предположение, высказанное Б.А. Лариным по другому поводу, то, что текст в Лаврентьевской летописи содержит ошибку: *на бедра* см. ожидавшегося бы *на забедры*⁵.

Как видим, необходимых допущений оказывается слишком много (не случай на охоте, а неожиданное нападение на всадника с конем необычно крупного барса, к тому же непременно сверху где-то на юго-востоке Тмутараканского княжества, предположение о порче текста) для того, чтобы объяснение выглядело бы правдоподобным. К тому же возникнет еще трудно разрешимый вопрос. А именно: почему говоря о барсе первый и последний раз, автор, не боясь быть непонятным читателем (на юге Руси, как покажем ниже, *лютыи звѣрь* было одним из названий волка) отказался от употребления обычного для такого случая слова *рысь*?

Слово *рысь*, судя по приведенным в словаре И.И. Срезневского примерам, означало по крайней мере двух представителей отряда кошачьих, объединенных в сознании цветом (рыжий) и пятнистостью: 1) *рысь*, *Felis* и 2) барс, леопард. Первое значение подкрепляет пример из Жития Стефана Пермского: *бѣлки или соболи, или коуницы, или рыси и прочаа ловаА наша*. Второе — параллель *парбалис* к переводу из библейской книги Исход (XI, 6): *рысь пощеть с козлищемъ и юнецъ со львомъ* [см. там же], а также глосса *рысь* на полях к слову *пардоъ* в тексте (Иеремия, V, 6) из Геннадиевской библии 1499 г. [40, 75].

Рысь в значении 'барс, леопард' употреблял еще в XVII в. Симеон Полоцкий. В стихотворении "Лев" поэт использовал известный сюжет о вылечен-

ном беглым рабом льве, который по прошествии многих лет защитил своего спасителя, ставшего в Риме гладиатором, от выпущенного против него леопарда:

... лев же и познаше,
Начал есть ласкаться, к ногам припадати,
вместо жестоты любовь древнюю являти.
То кesarь чародѣство вознепщева быти,
повелѣ люта рыся на него пустити.
Рысь гладный вержеся на нь, но лев защитил есть,
самого рыся вскоре мертвѣ створил есть [46, 44]⁶

В свете всего сказанного отождествление словосочетания *лютыи звѣрь* ПВМ с названием барса представляется более, чем проблематичным.

Тигр в настоящее время обитает в азиатской части СССР. Иногда он заходит из Ирана в юго-восточную часть Азербайджана — в Талыш и в Ленкоранскую низменность — в места исконного его обитания [14, 282]. В XVIII в. местами оседлого обитания зверя было кроме того и западное побережье Каспия [7, 96]. "Есть основания считать, — пишет В.Г. Гептнер, — что в средние века, в частности в X–XII вв., может быть и позже, тигр постоянно жил в подходящих местах по всем равнинам Восточного Закавказья, местами, возможно, в предгорьях Большого и Малого Кавказа (подчеркнуто нами — Т.С.). Природная обстановка в это время была здесь для зверя более благоприятна, чем в последние столетия: человеческое население редкое, водоемы полноводны, тугай и всякого рода крепи были по всем рекам и озерам, местами и по морскому побережью и кабаны, олени, косули, куланы, джейраны многочисленны. Вдоль Каспийского побережья звери, очевидно, распространялись далеко на север" [7, 96]. Но северным пределом распространения В.Г. Гептнер называет "южнорусские степи", "может быть и лесостепь" [там же].

Что же могло толкнуть тигров на то, чтобы изменить своему привычному ареалу обитания — изобилующему кабанями и другими копытными Восточному Закавказью — и, преодолев многие сотни километров степных пространств (а расстояние от впадающей в Каспий реки Самур до устья Дона по прямой около 800 км [7, 43]), устремиться в несвойственные им в прошлом и в более позднее время приазовские и донские степи и леса Черниговщины?⁷ Ход рассуждений В.Г. Гептнера дает ответ на этот вопрос: ничто иное, как желание автора увязать как-то свое предположение о северной границе расселения тигров в XI–XII вв. с текстом ПВМ.

Ссылаясь на свою же статью 1969 г. "О любом звере Мономахова поучение детям", где словосочетание *лютыи звѣрь* он рассматривает как название тигра, В.Г. Гептнер пишет: "Есть основания принимать, что *лютый зверь* русского средневекового языка был не волк, не барс и не лев, как думали разные авторы, а тигр. Поэтому можно считать, что тигр

⁶ Определение семантики слова *рысь* в словаре И.И. Срезневского: "Животное из семейства кошачьих" нуждается, таким образом, в уточнении.

⁷ На карте [7, 96] район оседлого обитания тигра в X–XII вв. включает Талыш, Ленкоранскую низменность, низовья впадающих в Каспий Куры и Терека, западное побережье Каспийского моря до реки Самур. Как предел перемещения тигров указан Чернигов.

⁴ Река Кубань еще в XIX в. впадала не в Азовское, а в Черное море [1, 588].

⁵ В.И. Даль отмечает два значения у слова *забедры*: 1) 'заплечье, крестец, поясница', 2) 'крестец, конский круп, место позади седока' [8, 551].

занимал и равнину северного Предкавказья, притом не только прикаспийские тростники далеко на север, но и Терек, Кубань и азовское побережье. Он проникал и к устью Дона и в южнорусские степи, может быть, и в лесостепь (Черниговское княжество)" [7, 96].

Обратимся к статье В.Г. Гептнера [5]. Настаивая на соотношении словосочетания *лютыи звѣрь* в ПВМ с тигром, этот исследователь выдвинул следующие доводы: 1) способность напасть на лошадь со всадником, большой размер и вес, в силу чего тигр способен свалить обоих; 2) свидетельство XIX в. о том, что жители Приамурья *лютым зверем* или просто *лютым* называли тигра и барса, которых они, видимо, не различали; и как следствие — свое предположение о том, что тигры в XI–XII вв. могли обитать в северном Предкавказье и заходить в Подонье.

Эти доводы нельзя признать убедительными. Размером и весом, позволяющими завалить коня со всадником, характеризуется не только тигр, но и медведь — обычный представитель фауны Древней Руси. Название тигра и барса *лютым*, *лютым зверем* в XIX в. в Приамурье, т.е. в местах, где славянское население появилось поздно, не свидетельствует с необходимостью о таком названии тигра в Киевской Руси XII в., так как может получить иное объяснение (о чем ниже). Предположение же о заходах тигров в XI–XII вв. в Подонье по существу ничем не отличается от предположения Н.В. Шарлеманя об обитании в северном Причерноморье в X–XIII вв. льва. Н.В. Шарлемань опирался на сведения о найденной во время раскопок в древней Ольвии (X в.) шкуре льва, которую археологи относят, однако, к числу завезенных предметов. В.Г. Гептнер же ничем, кроме словосочетания *лютыи звѣрь* в тексте ПВМ, не располагал.

Заключение, что *лютый звѣрь* в ПВМ — 'тигр', не доказанное в статье 1969 г., В.Г. Гептнер выдвинул в монографии "Млекопитающие Советского Союза" для обоснования другого недоказанного предположения, а именно, возможности заходов тигров в XI–XII вв. в южнорусскую степную и лесостепную полосы.

В связи с вопросом о северной границе расселения тигров на территории нашей страны в древности заслуживает внимания "История" Аммиана Марцеллина (кн. XXIII 6, 50). Там приведены сведения о том, что в IV в. н.э. тигры в изобилии водились на южном побережье Каспийского моря и заходили в близлежащие районы [25, 1949, 3, 292], т.е. там, где их встречали и в XX в. Сведений же об обитании или присутствии тигров (равно как и львов) в Скифии и в Меотиде (Приазовье) в приводимых В.В. Латышевым выдержках из древних греческих и латинских авторов нами не отмечено⁸.

Итак, приходим к выводу, что предложенные в литературе отождествления словосочетания *лютыи звѣрь* в ПВМ с названием волка или рыси противоречат данным зоологии, а предположения о льве или тигре не согласуются с данными исторической зоогеографии. Весьма сомнительно, чтобы оно означало и барса: это противоречит данным зоологии, и вызвало бы необходимость в радикальной правке текста.

⁸ В каталоге млекопитающих СССР о тигре сказано: "... на Кавказ проник лишь в голоцене, отсюда мог заходить на север до Украины" [14, 282]. Вторая часть этого утверждения, со всей очевидностью, основана на весьма шатком — фактически и логически — заключении названной монографии.

Представление о лексикализованном характере словосочетания было основано на том, что предложение *лютыи звѣрь скочилъ мнѣ на бедра. и конь со мною поверже* издатели текста не связывали в смысловом отношении с предыдущим предложением, где имеется слово *медвѣдь*. Перед словом *лютыи* они обычно ставят точку (и пишут его с большой буквы) или (реже) точку с запятой⁹. При этом не учитывалось то, что употребление точки раньше не было строго регламентировано, она ставилась в значительной мере интуитивно, но все же можно сказать, что реже точка обозначала конец предложения, а чаще выделяла синтагмы (сравните употребление точки перед союзом *и* в том же предложении).

Если одно предположение — о смысловой изолированности предложения со словосочетанием *лютыи звѣрь* — лингвистическими данными не подтверждается, то, таким образом, степень вероятности смысловой связи этого предложения с предыдущим, включающим слово *медвѣдь*, возрастает. Более того, оно, видимо, становится единственно возможным еще и потому, что вполне согласуется с данными зоологии и зоогеографии.

Действительно, бурый медведь обитал в Киевской Руси повсеместно [16, 80]. Размер зверя до 2 м и вес до 300–350 кг [6, 427] позволяют ему свалить коня вместе со всадником. В монографии "Млекопитающие Советского Союза" сказано: «Случаи нападения медведя на человека крайне редки. Они обычно наблюдаются, когда человек оказался между медведицей и ее медвежатами или при встрече с раненым зверем. Нападают на человека также сильно истощенные, голодные и "шатуны", т.е. медведи, не легшие зимой в берлогу, не накопившие достаточного количества жира, а также иногда голодные звери (особенно ранней весной), потревоженные у свежей добычи» [6, 454]. На скот нападает медведь-шатун [6, 443].

Неоднократный свидетель охоты медведя-шатун на скот С.В. Лобачев так описывал в 1951 г. нападение медведя на корову: «Медведь громадными скачками гонится, хватает зубами за шею или спину, а когтями — за лопатки или грудь и валит корову. Если медведь мал, а корова велика, то он "едет" на ней... пока страшные раны и кровотечение не обессилят жертву» [29, 43]. Эти же наблюдения С.В. Лобачев привел и в заметке 1981 г. [30] для подтверждения догадки о том, что *лютыи звѣрь* в ПВМ — это медведь.

Соглашаясь с С.В. Лобачевым, мы рассматриваем ситуацию в тексте ПВМ как частный случай им описанного. По-видимому, в ПВМ говорится о медведе, который во время охоты на него, защищаясь и, следовательно, нападая, прокусил чепрак на лошади около колена Владимира Мономаха и, пытаясь вскочить на нее, оказался на бедре князя, но не удержавшись, собственным весом опрокинул обоих.

Если это так, то словосочетание *лютыи звѣрь* ПВМ выступает как свободное словосочетание, как парафраза к слову *медвѣдь* предыдущего предложения¹⁰.

⁹ Исключение составляют издание В.Л. Комаровича [13] и переводы А.С. Орлова [37] и Д.С. Лихачева [39], где перед словом *лютыи* поставлена запятая.

¹⁰ Ср. мнение зоолога Г.В. Сумарукова. В недавно вышедшей книге «Кто есть кто в "Слове о полку Игореве"» (МГУ, 1983) он пишет на с. 76: "Нам представляется, что у Владимира Мономаха через все его рассказы проходит тема трудностей и опасностей на охоте... Заключительный и самый детальный рассказ о медведе. Нападение

Остаются вопросы, на которые попытаемся ответить. Чем является *лютии звѣрь* в других памятниках письменности? Как относиться к *лютии* 'волк' в украинском языке и к *liūtas* 'лев' в литовском? Может быть в каких-то случаях все-таки можно говорить о лексикализации словосочетания в древности и, если можно, то в каких?

В 50-х – 60-х годах нашего века при рассмотрении вопроса о значении словосочетания *лютии звѣрь* решающая роль стала отводиться разнообразным иноязычно-русским параллелям, показателям словарей, руководств по русскому языку XV–XVII вв. На них опирался лингвист Б.А. Ларин, считавший, что *лютии звѣрь* в случае лексикализации словосочетания означало 'рысь', и историк И.Э. Клейненберг, полагающий, что в таком случае речь идет о льве.

Выводы этих авторов получили широкую известность, но сообщенные в них факты могут получить иное освещение. Поэтому представляется полезным остановиться на их работах.

Б.А. Ларин в статье "Из истории слов" говорил о необходимости различать два типа словосочетания *лютий звѣрь* в древности: словосочетание с "обобщенным значением" и словосочетание с конкретным значением, обозначающим определенное животное. Наличие в языке словосочетания с конкретным значением 'рысь, *Felis*' он обосновывал франко-русской параллелью *Ung loup cervier* – *Loutssyer* (*loute syver*) в Парижском словаре московитов 1586 г. "Значение французского *loup cervier*, – писал Б.А. Ларин, – хорошо известно – это рысь" [24, 194]. В *лютом звере* словаря он усмотрел "древнейшее эвфемистическое обозначение" рыси, возникшее в результате охотничьего запрета на прямое название животного [там же, 193].

Табуирование прямого названия зверя, на которого охотились, а также такого, который представлял опасность для человека или наносил ущерб его хозяйству, известно у многих народов, в том числе и у славян. Достаточно напомнить современное эвфемистическое *хозяин*, *он*, *сам* и другие, когда говорят о медведе.

Однако, эвфемистическая замена представляется нам скорее фактом речи. Лишь длительная традиция употребления нового названия животного при широком его распространении превращает это название в факт языка. Так произошло это у славян со словом **medǣdъ* 'поедатель меда' от **med-* и **ǣd-* (русское *медведь*), вытеснившим индоевропейское **r̥k̥ʰos* (греч. *ἄρκτος*) [49, 589]. Видимо, так же в результате табуирования прямого названия волка (**vǫlkъ*) у восточных славян появилось вторичное его название – характеризующая замена *лютии звѣрь*. Известно, что волки способны напасть на человека, а также причинить ему существенный вред,

этого сильного ловкого и свирепого хищника представляет для человека смертельную опасность. Не случайно, Владимир Мономах снабдил медведя выразительной характеристикой: *лютий зверь*. Поведение всех этих животных определялось в значительной мере самой княжеской охотой, на которой им обычно наносили ранения стрелами и загоняли, стараясь добить окончательно. Понятно, в таком безвыходном положении животные защищались каждый в силу своих возможностей. Их агрессивность была вынужденной".

поскольку давят скота больше, чем требуется для утоления голода. Замена эта идет, видимо, из глубокой древности, но закрепились в значении 'волк' на юге территории. Древнейшие примеры употребления *лютии звѣрь* для обозначения волка В.Ф. Миллер усматривал в СПИ, в тексте о видениях инока Исаакия. Сохраняется оно и в современном украинском языке (*лютии, лютии звірь*) наряду с литературным *вовк*. Осваивая Сибирь и Дальний Восток, потомки принесли туда этот эвфемизм, но в Забайкалье закрепили его за новыми для них и более опасными для охотника хищниками, тигром и барсом.

Древние тексты, взятые изолированно, по большей части не позволяют судить о том, является ли *лютии звѣрь* эвфемизмом, к тому же возникшим на почве табуирования прямого названия, или это свободное словосочетание.

Именно таким невыразительным в этом отношении текстом является, на наш взгляд, ПСМ. По признанию самого же Б.А. Ларина, издавшего этот словарь, в нем имеется "большое количество семантических отклонений русского перевода от французских вопросов, фраз и слов" [40, 9]. Как считает издатель, ПСМ составлен в Новых Холмогорах (в будущем Архангельске). Архангельская крепость находилась в северной лесной стороне, где рысь была привычным зверем и в языке имело для нее прямое название – *рысь*. В подтверждение сошлемся на уже приводившийся нами пример из Жития Стефана Пермского, написанного в XV в. в северном же лесном крае.

Как свидетельствует автор словаря Ж. Соваж, купцы с его корабля объяснялись с воеводой Архангельской крепости через переводчика. Б.А. Ларин полагает, что корабль Ж. Соважа был первым пришедшим в устье Северной Двины французским кораблем. "Совершенно невероятно, – пишет он, – чтобы там оказалось лицо, владевшее французским языком, как не могло быть и на корабле Ж. Соважа человека, объяснявшегося по-русски. Купцы (или их переводчики) могли знать английский или голландский язык, а уже с этого языка переводил русский толмач" [там же]. Этот двойной перевод и послужил, по мнению Б.А. Ларина, причиной "большого количества" несоответствий французской и русской частей в словаре.

Русскую параллель к французскому слову в ПСМ поэтому мы в отличие от Б.А. Ларина склонны рассматривать прежде всего как характеристику рыси. А вот была ли она случайной, т.е. появилась ли она в ПСМ как ответ на неточно поставленный спрашивающим или неверно понятый отвечающим вопрос, или же это – возникшее в результате табу на прямое название *рысь* новое описательное (характеризующее) название, которое при неизвестной нам ситуации употребил информатор Ж. Соважа, решить на основании ПСМ, на наш взгляд, не представляется возможным.

Однако к какому бы истолкованию данных ПСМ мы не склонялись, представляется принципиально неверным объяснение этой франко-русской параллелью значения словосочетания *лютии звѣрь* в других памятниках древней письменности, как это сделано в статье Б.А. Ларина. Он писал: "Я без колебания отношу объяснение Парижского словаря московитов 1586 г. к почти современному ему тексту Великих Четых Миней. Думаю,

что оно является лучшим из возможных объяснений и для ... фразы из Поучения Владимира Мономаха". И далее: «В приведенной выше цитате из "Слова о полку Игореве" (*Ты клюками подыпрься о кони и скочи къ граду Киеву, и дотечеса стружемъ злата стола Киевскаго. Скочи от нихъ лютым звѣремъ въ пльночи изъ Бѣлаграда — Т.С.*) можно переводить сочетание "лютым звѣрем" — и "рысью", и "диким (страшным) зверем"» [24, 194]. Пользуясь, как и его предшественники, методом подстановки "известного" (*лютыи звѣрь* 'рысь' на севере страны в XVI в.) к неизвестному, Б.А. Ларин отождествил с 'рысью' *лютого зверя* в древних памятниках иного времени (XI–XII вв.), и иной (южной) территории: ПБМ — 1113 г., СПИ — конец XII в., Великие минеи четьи (далее: ВМЧ) — сер. XVI в., но текст о видениях инока Исаакія, о котором идет речь, относится к XI в.

О *лютом звере* в ПБМ нами уже сказано. В СПИ *лютым звѣрем* — троп, подчеркивающий стремительность перемещений князя Всеслава. Поэтому сравнение с рысью здесь было бы менее убедительным, чем с волком, чья быстрота и выносливость в дневном и ночном беге общеизвестны.

Текст из ВМЧ сер. XVI века: *Паки ж устрахуть и в образѣ медвѣжи, овогда ж лютым звѣрем ли волкомъ, овогда ли змии ползяху к нему* [24, 193] — это фрагмент из рассказа об иноке Киево-Печерского монастыря Исаакіи и его видениях. В "Повести временных лет" этот рассказ помещен под 1074 г. В Лаврентьевском и Ипатьевском списках текст имеет существенные для нас отличия: *ово вълмъ вместо ли волкомъ: устрахуть и въ образѣ медвѣжи, овогда же лютым звѣремъ ово вълмъ, ово змиѣ ползяху к нему ово ли жабы и мыши и всякъ гадъ* [44, I, стлб. 197]. Изобличая далее бесов, Исаакій говорит им: *являетеса топерво въ образѣ звѣринѣмъ и скотѣмъ, и змѣями и гадом*. Изначальность слова *вълъ* (вол), таким образом, подкрепляется здесь словом *скотиѣ*. С течением времени переписчики или просто неверно прочли слово *волъ* и заменили его словом *волкъ*, или, заменяя, уточнили тем самым словосочетание *лютыи звѣрь*, и список ВМЧ отразил эту правку. Но для обоснования сознательности в замене необходимо было бы доказать, что многозначное *ли* перед *волкомъ* в ВМЧ — это союз с пояснительным значением 'или, иначе'.

Обстоятельная статья И.Э. Клейненберга "О *лютом звере* в печатях Великого Новгорода XV в." посвящена определению того, какое животное изображено на новгородских печатях сер. XV в. в связи с надписью на одной [53, № 716] — *а се люты звѣрь*.

Исследование проведено с широким привлечением разнообразного материала, но основной упор сделан на следующих данных, которые рассматриваются в статье как "билингвы". Это — данные Девгениева деяния (далее: ДД), переводного памятника XI–XII вв., параллель к слову *левъ* в "Лексиконе словено-росском" Памвы Берынды 1627 г. — *левъ: лютыи, царъ звѣрей*, и к *лютои звѣрь* — *Louwe* в Нижненемецком руководстве по русскому языку Тенниса Фенне, написанного в Пскове в 1607 г., перевод на русский язык в документах Посольского приказа 1627 г. имени шведского посла, принимавшего участие в заключении перемирия с Россией в 1487 г., *Christer Lowe (Loffue)* — *Костентин Лютои Зверь*, наконец, название льва в литовском языке — *liūtas* [17, 183–186].

Часть этих "билингв", действительно, позволяет рассматривать надпись на

новгородской печати XV в. (рис. 1) как пояснительную и считать, что на самой печати дано изображение льва.

Но автор не ограничивается определением изображенного. Статья завершается выводом о номинативной функции словосочетания в языке восточных славян от эпохи Киевской Руси до первой четверти XVII в. "В отношении решения проблемы *лютого зверя* в широком плане, — сказано в ней, — эти билингвы дают материал для подкрепления гипотезы, что *лют, лютый* и *лютый зверь* в русской речи населения Киевской Руси, а позднее, вплоть до первой четверти XVII в., на русском, украинском и белорусском языках обозначало льва, притом отнюдь не эвфемистически, а в качестве основного названия этого животного в устной народной речи, которое с течением времени все больше вытеснялось из употребления церковно-книжным *лев*.

Рис. 1

Кроме того, словосочетание *лютый зверь* в разные времена и в разных местах употреблялось эвфемистически для обозначения обитавших там самых лютых хищников (например, волка, медведя, рыси и др.)" [17, 189–190].

По крайней мере с первой частью этого вывода трудно согласиться. Известно, что слово *лев* (< *львъ*) в русском языке является заимствованием, пришедшим книжным путем, с переводной литературой. В древнерусской письменности слово *львъ* и его производные: *львицище, львицищъ, львичъ, львовищъ, львовъ, львовьскыи, львовьскы*, судя по словарю И.И. Срезневского и материалам Картотеки "Словаря древнерусского языка (XI–XIV вв.)", употреблялись с XI в. в переводных текстах как название для 'льва, Leo', в летописях же — в сравнениях *акы львъ*. Экзотичность животного для восточных славян подчеркнута в былине об Илье Муромце эпитетом *заморский (заморский лев)* [41, 40].

Свой вывод о *лютом звере* как прямой номинации льва в языке Киевской Руси И.Э. Клейненберг пытается подтвердить данными рассмотренного нами текста ПБМ, а также текстом ДД.

Ошибочность одного довода — отождествление Шарлеманя–Мавродина (*лютыи звѣрь* в ПБМ — 'лев'), к которому присоединяется И.Э. Клейненберг, — мы уже показали. Не подтверждает его, как покажем, и ДД.

По поводу ДД в статье сказано следующее: "Льву (*λέων*) или львице (*λέαινα*) греческих текстов в русском переводе по сп. Тихонравова (1744 г.) соответствует *лев, зверь, лютыи лев, лютыи зверь*, а в сп. Пого-

дина (рубеж XVII и XVIII вв.) — *лютыи зверь*. Вывод здесь может быть лишь тот, что для русского переводчика XI–XII вв. и для последующих переписчиков его произведения слово *лев* и *лютыи зверь* были синонимами” [17, 183–184].

Прежде всего отметим, что Тихонравовский и Погодинский списки включают в себе не один текст, а два разных текста с одним и тем же героем — Девгением. Первый отражает древнерусский перевод XI–XII вв., а второй — его дальнейшую переработку.

Перевод (в Тихонравовском списке) не отличается буквализмом. В нем, как отмечает В.Д. Кузьмина [22, 93–94], имеется немало случаев языковых отступлений от греческого текста при сохранении его содержания. Во фрагменте, где речь идет о единоборстве юного Девгеня со львом, *лев*, *зверь*, *лютыи лев*, *лютыи зверь* действительно обозначают одну и ту же реалию — льва. Но это еще совсем не значит, что разные названия одной реалии в тексте с непереносимостью должны быть синонимами в языке. Если, следуя за И.Э. Клейненбергом, принять *лев* и *лютыи зверь* за синонимы, то чем тогда по отношению к ним считать *зверь* и *лютыи лев* — тоже синонимами? Однако объем понятия у слова *зверь* шире, чем у названия конкретного животного — *лев*. Поэтому представляется более оправданным рассматривать *зверь* и *лютыи зверь* в этом тексте как парафразы к *лев* и *лютыи лев*, употребленные переводчиком по стилистическим соображениям. При этом *лютыи* в *лютыи лев* и в *лютыи зверь* мы склонны считать определением ‘страшный’.

Описание еще одного подвига героя — победы его над “змеем великим” о трех головах, где этот змей также назван *лютым зверем* убеждает нас в том, что *лютыи зверь* в Тихонравовском списке является свободным словосочетанием. Вот этот текст: *И пришедши им ко источнику, и сядоша около Девгеня и начаши мыти лице его и руце, он же рече: “Руце мои умываете, а еще им калатися”. И того слова юноша не скончав, абие змеи велик прилете ко источнику, яко человек явися троеглавой, и хотяше людей пожрети. И узре Девгеней, и вборме меч свой похвати, и против змея поиде, и 3 главы ему отсече, и начат руки умывати. И вси предстоящи почюдишася такой дерзости, юже юноша показа на лютом звери, и начаши хвалу богу воздавати* [22, 145–146].

Таким образом, в этом тексте *лютый зверь* означало ‘страшный зверь’. А страшным зверем для переводчика представлялся (это вытекало из содержания произведения) и реально существующий где-то, в иных странах, *лев*, и мифический трехглавый змей. Из этого можно заключить, что во-первых, *лютый зверь* в переводе употреблено так же, как употребил его применительно к медведю Владимир Мономах, описав в начале XII в. опасную для его жизни ситуацию, и, во-вторых, что Тихонравовский список ДД, равно как и ПВМ, не может подтвердить вывода о *лютом звере* как прямом названии льва “в русской речи населения Киевской Руси”.

В переработке перевода (Погодинский список) фабула произведения сохранена, но текст при этом существенно сокращен, и лев в рассказе о единоборстве Девгеня с дикими зверями вообще не упоминается. Дважды назван *лютый зверь*, потерявший, однако черты конкретного животного и оказавшийся в несвойственной льву среде. Он бежит из густого леса, а не подстерегает Девгеня в густых зарослях тростника, как это делал лев в

греческом тексте и в древнерусском переводе. К тому же в одном случае (из двух) — *и взяв . . . лютого того зверя . . . и удари его* [22, 11] — между определяющим и определяемым поставлено указательное местоимение — лучшее свидетельство свободного характера словосочетания. В переработке перевода действует, следовательно, неопределенный страшный (*лютый*) зверь, и вычитывать здесь значение ‘лев’ необязательно. Им может быть и *змей великий*, о котором тоже говорится в переводе, а мог быть и другой страшный зверь из разряда фантастических, которыми так богата была народная поэзия: например, *единорог* или *гривь*. Изображение последнего с надписью *гривь зверь лютой* имеется на изразцах Троицкой церкви 1645–1656 гг. в Костроме [32, № 70] (рис. 2).

Остальные “билингвы”, если принять во внимание характер их источников и рассмотреть в общем контексте лингвистических материалов энциклопедического и толкового содержания из памятников древней письменности, могут получить иное, чем у И.Э. Клейненберга, освещение и послужить основой для других предположений на этот счет.

Отсутствие льва в естественном состоянии в Европе уже с I в.н.э. не создавало предпосылок для широкого употребления слова *львъ* в быту во времена Киевской Руси и позже. Тем самым не было и условий для эфемистической замены и закрепления таковой (или создания на ее основе) в качестве прямого названия для понятия ‘лев’ “в языке славянского населения Киевской Руси”.

Однако при всем этом не подлежит сомнению и то, что словосочетание *лютыи зверь* могло в каких-то случаях ассоциироваться с понятием ‘лев’.

Самое убедительное тому свидетельство — указанный И.Э. Клейненбергом перевод имени шведского посла *Christer Lowe (Loffue)* как *Констен-тин Лютой Зверь*.

Приведем этот текст по публикации Описи архива посольского приказа 1626 г.: “Гл. 26. Книги свейские. Книга свейская с лета 6996-го году по лето 7045-й год: при великом князе Иване Васильевиче всеа Руси, как были у новгородских наместников от свейского князя Стен Стура послы Миколлай Раманов да Костентин Лютой Зверь били челом о перемирье

и учинили перемирия на 5 лет" [36, 243]. Для переводчика, судя по всему, не представлялось допустимым транслитерировать прозвище посла *Lowe* (*Loffue*) в дипломатическом документе. Слово *левъ* употреблялось и как мужское имя¹¹, в силу чего возникла бы неясность, идет ли речь об одном лице или двух. Из создавшегося положения переводчик нашел единственно возможный выход, переведя прозвище и выбрав для этого не древнее прямое название льва в языке восточных славян, как полагает И.Э. Клейненберг, а разъясняющую замену, связанную, как покажем, с символикой льва в церковной литературе¹². Очевидно и то, что такая замена (наряду с обычным словом *левъ*) была известна достаточно широко. Иначе она не попала бы на страницы словаря в Нижненемецком руководстве по русскому языку Тенниса Фенне: "лютои звѣрь — *Louwe*" [55, 73].

Употребление слова *левъ* в переводной литературе требовало объяснения того, что оно означает. Эта потребность удовлетворялась по-разному. Изборник 1073 г. помещает на л. 250 об. рисунок льва с подписью *левъ*. О том, что такое *левъ* и каков он, рассказывается во многих сборниках. Например, в сборнике середины XVI в. (ГПБ Соф. 1464) о леве сказано: *левъ зверь имѣеть три естества. Егда ражеть лвица дѣтя, то слѣпо и мертво родить. Седеть же ту и блюдетъ его до трехъ дней. И по трѣхъ днѣхъ приидеть левъ и дунеть в ноздрѣ его и оживетъ* [18, 218]¹³. Или в "Мериле праведном" к. XIV в. на л. 31 об: *занаць и своѣго стѣна боитьца незабытливъ добра песь . злопамѣтивъ вельблудъ . съ гнѣвомъ родитъ левъ . быстроскочива серна* [33, 62]. Максим Грек, объясняя в Азбуковнике греческое слово, так пишет: *левъ^н, а по руски левъ звѣрь е^с лю^т село; левъ^н, а по руски левъ звѣрь е^с лю^т село* [18, 323].

Известно, что средневековое мировоззрение предписывало библейским текстам иносказательный смысл [28]. В силу этого многие слова Ветхого и Нового заветов, в том числе и названия животных по традиции, идущей от творений отцов церкви, получали значения символов. Например, в Толстовской толковой псалтыри XI–XII вв. (ГПБ Ф. п. I. 23) символические значения льва 'смерть' и 'дьявол' (губит души): *Сѣси мя отъ устъ лвовъ: лва нарицаѣя съмѣръ, яко на высесильну сущу* (Пс. 21, л. 20), *Чрьновыя лвомъ съкрушилъ естъ ѿбъ, дияволъ лвъ бо, яко хыщныи* (Пс. 57, л. 97) [19, 173]. Или такой пример из "Книги нарицаемыхъ Изборникъ и о^тмногъ о^бъ тълкованы" XIII в. (ГПБ Q. п. I. 18, л. 20): *И лвъ тако волъ снѣсть плъвы Т* (т.е. толкование — Т.С.) *цѣрь съ простыми приметъ постъ* [19, 159], где лев является символом цесаря. Сведения о свирепости льва, его превосход-

стве в силе над другими зверями подтверждались рассказами путешественников.

Символические значения из толкований к текстам переносились прежде всего, как показала Л.С. Ковтун, в словари-приоточники, а из них позже в другие типы словарей.

Одним из таких словарей, включающим данные словаря-приоточника, как это явствует из предисловия и из помет к отдельным статьям, является "Лексикон словяно-росский" Памвы Беринды 1627 г., на данные которого ссылается в своей статье И.Э. Клейненберг.

Обращение к этому источнику показывает, что в нем на с. 57, где говорится о леве, имеется прямое указание на источник сведений — приоточник: *левъ: лютыи, царь звѣрей. при^ч: кв с^х.гѣ. зри левъ^н в че^т именехъ*. Для слова *леонъ* указана сфера его употребления и сомнений в том, что это личное имя, нет. В слове же *лютыи* И.Э. Клейненберг видит прямое и древнее название льва. Если принять эту точку зрения, то "Лексикон" П. Беринды нужно было бы признать единственным из известных нам древних словарей, где название льва *лютыи* было бы зафиксировано. Однако в справедливости такого вывода позволяет усомниться этот же "Лексикон". При объяснении заимствованного слова, для выражения понятия 'лев' Беринда использует не слово *лютыи*, как следовало бы ожидать, а обычное слово *лев* и его производные. Так, на с. 219 и 259: *левъпардъ: звѣрь з Пардъ и лва рожо^н* или на с. 232: *скѣмѣ^н — левъ молоды, дитѣ лвово: скѣмѣ^н — щенѣта лвовы, лвенѣта*. Поэтому мы видим в *лютыи* на с. 57 такое же символическое значение как и в *царь звѣрей*. Но взято оно было в словарь из такого толкования к тексту, где вместо словосочетания было употреблено только субстантивированное прилагательное. Примеры символического истолкования животного с помощью субстантивированного прилагательного содержит уже упоминавшаяся Толстовская толковая псалтырь XI–XII в.: *Тѣгда съжируетъся вѣлкъ съ агньцѣмъ, гърдыи съ кротъкѣмъ. И рысь почитетъ съ козлищѣмъ Т лукавыи съ мързъкѣмъ...* [19, 159].

Символические значения слова, идущие от осмысления текста Псалтыри, объяснения того, что такое лев, образовывали в сознании более или менее стойкое отождествление *лев* — *лютый зверь* (наряду с *дьявол*, *царь зверей*, *царь*). Результатом этого, как полагаем, явилось то, что объяснительная часть отождествления — *лютый зверь* (а с опущением определяемого — *лютый*) в каких-то случаях могла подменять слово *лев*, становясь своего рода окказионализмом. Но прямой номинацией льва она не была в начальный период древнерусской письменности, не стала ею и в более позднее время¹⁴.

Для этого мы не видим условий. В семантическом отношении слово *лев* вне текста Псалтыри и ее истолкования многозначностью не отличалось, и употребление его в обычном тексте обеспечивало однозначность сказанного. Словосочетания же *лютый зверь* могло прилагаться не только ко льву, но и ко многим животным: и к сказочным животным (*змей*, *гривъ*), и к любому отечественному хищнику, способному представлять опасность для человека или домашнего скота. Поэтому в случае употребления только словосочетания *лютый зверь* смысл сказанного становился неопределенным,

¹¹ См., например, в Комиссионном списке Новгородской I летописи младшего извода под 1398 г. — *Лев (Левушка) Федоров* — детский новгородского посадника, или под 1414 г. — *Лев* — игумен Колмовского монастыря в Новгороде [35, 393, 405].

¹² О символике льва в христианской литературе см. в статье "Лев" В.В. Иванова и В.Н. Топорова [12].

¹³ Далее следует текст о елене: *Елень звѣрь живеть. ѿ. (50) лѣтъ, а потомъ и деть на горы и ищеть змѣя. И аще наидѣтъ, то общедѣ трици и пожретъ ю. И шедъ пїеть воду, и того ради живеть и другую. ѿ. (50) лѣтъ*. Этот текст обращает на себя внимание как доказательство того, что в *левъ звѣрь* не слово *левъ* является определением (считают иногда кратким прилагательным), а слово *звѣрь*, будучи приложением, является определяющим к слову *левъ*, относящим льва к определенному разряду живых существ.

¹⁴ Как не стало прямой номинацией льва и слово *царь*. См. словарь начала XVII в. "Лексикъ с толкованием словенскихъ мовъ просто", где: *левъ — царь* [27, 185].

как, например, в переработке перевода ДД или в некоторых записях были об Илье Муромце [41, 8–9, 23].

Одним из доказательств существования прямого названия льва у восточных славян *лют*, *лютый* И.Э. Клейненберг считает наличие в литовском языке слова *liūtas*, в котором он видит заимствование из русского. "Преобладание в речи населения Киевской Руси и территорий, позже вошедших в состав Литовского государства, названия льва *лют*, *лютый*, — пишет он, — подтверждается заимствованием этого слова литовским языком. Вообще литовцы познакомились с понятием *лев* через русских и заимствовали из русского языка обозначение этого животного как книжное *лев* — литовское *levas*, так и народное *лют* — литовское *liūtas*" [17, 185]. Необоснованность первой части этого утверждения мы уже показали. В связи со второй его частью приходится отметить, что современный фундаментальный словарь литовского языка *Lietuvių kalbos žodynas* пометой "русское заимствование" сопровождает лишь слово *lėvas* [54, 387], *liūtas* в значении 'лев, Leo' такой пометы не имеет, правда, ее имеет омонимичное ему прилагательное со значением 'pleškus, žiaurus' (хищный, жестокий) [54, 629]. Оба слова — и *lėvas* (*liāvas*), и *liūtas* — образуют группы однокоренных слов, что свидетельствует о длительности их бытования в языке. Но вопрос о том, в каком отношении находится *liūtas* 'лев' к *lėvas* в истории литовского языка и являются ли они заимствованиями из русского, еще ждет своего исследователя.

ЛИТЕРАТУРА

1. Большая советская энциклопедия. 2-е изд., т. 23.
2. Виноградова В.Л. Словарь-справочник Слова о полку Игореве, вып. 2. Л., 1967.
3. Воронин Н.Н. Культ медведя в Верхнем Поволжье в XI в. — Материалы и исследования по археологии, 6, 1941.
4. Воскресенский В.А. Поучение детям Владимира Мономаха. СПб., 1893.
5. Гептнер В.Г. О лютном звере Мономахова поучения детям. — Охота и охотничье хозяйство, 1969, 4, с. 42–43.
6. Гептнер В.Г., Наумов Н.П., Юргенсон П.Б. и др. Морские коровы и хищные. М., 1967 (Млекопитающие Советского Союза / Под ред. В.Г. Гептнера и Н.П. Наумова, т. 2, ч. 1).
7. Гептнер В.Г. и Слудский А.А. Хищные (гиены и кошки). М., 1970 (Млекопитающие Советского Союза / Под ред. В.Г. Гептнера и Н.П. Наумова, т. 2, ч. 2).
8. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1955, т. I, с. 551.
9. Зайцев А.К. Черниговское княжество. — В кн.: Древние русские княжества X–XIII вв. М., 1975, с. 57–116.
10. Иваницкий И.И. Князь Владимир Мономах и его Поучение. М., 1901.
11. Иванов В.В., Топоров В.Н. Исследования в области славянских древностей: Лексические и фразеологические вопросы реконструкции текстов. М., 1974.
12. Иванов В.В., Топоров В.Н. "Лев". — В кн.: Мифы народов мира (Энциклопедия), т. 2. М., 1982.
13. История русской литературы. М.; Л., 1946.
14. Каталог млекопитающих СССР. Плиоцен — современность / Под ред. И.М. Громова и Г.И. Барановой. Л., 1981.
15. Кириков С.В. Изменения животного мира в природных зонах СССР XIII–XIX вв.: Степная зона и лесостепь. М., 1960.
16. Кириков С.В. Изменения животного мира в природных зонах СССР XIII–XIX вв.: Лесная зона и лесотундра. М., 1960.
17. Клейненберг И.Э. Лютый зверь в печатях Великого Новгорода XV в. — В кн.: Вспомогательные исторические дисциплины, II. Л., 1969.
18. Ковтун Л.С. Лексикография в Московской Руси XVI — начала XVII в. Л., 1975.
19. Ковтун Л.С. Русская лексикография эпохи средневековья. М.; Л., 1963.
20. Кудряшов К.В. Половецкая степь. М., 1948.
21. Кузак В.К. Очерки развития естественно-научных и технических представлений на Руси X–XVII вв. М., 1978.
22. Кузьмина В.Д. Девгениево деяние. М., 1963.
23. Кучкин В.А. Поучение Владимира Мономаха и русско-польско-немецкие отношения 60–70 годов XI в. — Советское славяноведение, 1971, 2, с. 21–34.
24. Ларин Б.А. Из истории слов. — В кн.: Памяти академика Льва Владимировича Щербы. ЛГУ, 1951.
25. Латышев В.В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. — Вестник древней истории, 1947, 1–4 (XIX–XXII); 1948, 1–4 (XXIII–XXVI); 1949, 1–4 (XXVII–XXX).
26. Лексикон словенороский Памви Беринди / Підготовка тексту, вступна стаття В.В. Німчука. Київ, 1961.
27. Лексисъ съ толкованіемъ словенскихъ мовъ просто. — В кн.: Лексис Лаврентія Зизанія. Синоніма славянороска / Підгот. текст в пам'яток и вступні статті В. Німчука. Київ, 1964.
28. Лихачев Д.С. Средневековый символизм в стилистических системах Древней Руси и пути его преодоления. — Сб-к статей к шестидесятилетию акад. В.В. Виноградова. М., 1956.
29. Лобачев С.В. Охота на медведя. М., 1951.
30. Лобачев С.В. О лютном звере Мономахова Поучения. — Охота и охотничье хозяйство, 1981, 4, с. 31.
31. Мауродин В.В. Тур, лютый зверь и пардус древнерусских источников. К вопросу об охотничьей терминологии Киевской Руси. — В кн.: Сб-к статей, посвященных 75-летию проф. С.И. Валька. Л., 1964.
32. Маслих С.А. Русское изразцовое искусство XV–XIX вв. М., 1976.
33. Мерило праведное по рукописи XIV в. / Изд. под наблюдением и со вступ. статьей акад. М.П. Тихомирова. М., 1961.
34. Миллер В.Ф. О лютном звере народных песен. М., 1877.
35. Новгородская I летопись старшего и младшего изводов / Под ред. и с предисл. А.Н. Насонова. М.; Л., 1950.
36. Опись архива Посольского приказа 1626 г. ч. I. Подгот. к печати В.И. Гольцов. / Под ред. С.О. Шмидта. М., 1977.
37. Орлов А.С. Владимир Мономах. М.; Л., 1946.
38. Орлов А.С. Древняя русская литература XI–XVI вв. М.; Л., 1937.
39. Памятники литературы Древней Руси XI — нач. XII в. М., 1978.
40. Парижский словарь москвитов 1586 г. Dictionnaire moscovite 1586 / Перев., исслед. и комментарий Б.А. Ларина. Рига, 1948.
41. Песни, собранные П.В. Киреевским, ч. I, вып. 1. М., 1860.
42. Плетнева С.А. Половецкая степь. — В кн.: Древние русские княжества X–XIII вв. М., 1975, с. 260–300.
43. Повесть временных лет, т. I–II. М.; Л., 1950.
44. Полное собрание русских летописей, т. I и II. М., 1962.
45. Сапунов Б. Первый охотничий рассказ. — Охота и охотничье хозяйство, 1965, 12, с. 40.
46. Симеон Полоцкий. Избранные сочинения. М.; Л., 1953.
47. Соколов А.А. Волк. М., 1951.
48. Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка, т. I–III. СПб., 1895–1903.
49. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка, т. II. М., 1967.
50. Шарлемань Н.В. Из комментария к Слову о полку Игореве. — Труды Отдела древнерусской литературы, т. VI. М.; Л., 1948, с. 111–124.
51. Шарлемань Н.В. Загадочный зверь Древней Руси. — Зоологический журнал, т. 43, вып. 2, 1964.
52. Шляков К.В. О поучении Владимира Мономаха. СПб., 1900.
53. Янин В.Я. Актовые печати Древней Руси X–XV вв., т. II. М., 1970.
54. Lietuvių kalbos žodynas, т. 7. Vilnius, 1966.
55. Tönnis Fenne's Low German Manual of spoken Russian, vol. 1/Ed by L.L. Hammerich and R. Jakobson. Copenhagen, 1964.

ЛИТОВСКОЕ *LIŪTAS* 'ЛЕВ'

Лит. *liūtas* 'лев' употребляется уже в самых ранних письменных памятниках литовского языка: в сочинениях М. Мажвидаса, Й. Бряткунаса, М. Даукши, К. Сирвидаса, М. Пяткявичюса, в так называемой Вольфенбютельской Постилле и др. Ср.:

... kaip ir *liutas* sawa pūnaie 'как и лев в своей норе' (МЖ, 524, 15¹); Jeib nesusgautu kaip *liutas* duschias mana 'Чтобы не поймал, как лев, душу мою' (МЖ, 515, 2); ... kaip *liutas* drąsus 'смелый, как лев' (DP, 79, 35); ... *liūta* ošioie 'в норе львов' (DP, 125, 17); ... duobeia *liūtuosiąmp* alkstanciam 'в яме львов голодающему' (DP, 523, 5); ... apgaleiau *Liuta* 'победил льва' (BP, I, 263, 16).

В древней письменности литовского языка употребляется также и имя прилагательное *liutas* 'лютый'. Ср.:

Nuog *Lutu* wilku argints bus 'От лютых волков будет защищен' (МЖ, 335, 8); ... bus rustus / ... / piktemus, kaip ir *lutas* lewas 'будет суровым / ... / для безнравственных, как лютый лев' (WP, 8, 26).

Имя прилагательное *liūtas* 'лютый' иногда встречается и в сочинениях писателя XIX в. С. Даукантаса.

Как лит. *liūtas* 'лев', так и лит. *liūtas* 'лютый' являются славянскими заимствованиями, ср. блр. *люты* 'лютый, жестокий, зверский, ярый', рус. *лютый*².

Уже в первых литовских письменных памятниках употреблялось и другое название льва славянского происхождения *lewas*, ср. блр. *лев*, польск. *lew*.

Иногда оба слова употребляются как синонимы. Ср.:

Liutai (*Lewai*) (BB 2 Sam. I 23, ср. Skardžius, Lw., 123); *lawayti* / *luta* (PK, 80, 10); *lewas* angu (=или) *lutas* (WP, 217 b, 6, ср. Skardžius, Lw., 120).

В Постилле М. Даукши, судя по индексу Ч. Кудзиновского, четыре раза встречается слово *liūtas* и два раза слово *lewas*³.

В переводе Нового завета С.Б. Хилинского употребляется только слово *lewas*⁴.

Но уже в старой литовской письменности наблюдается некоторая тенденция отдать предпочтение слову *liūtas*. Эту тенденцию, по-видимому, показывает словарь К. Сирвидаса. В первом издании этого словаря (около 1620 г.) слово *liūtas* совсем отсутствует: там зафиксировано только слово *lewas*⁵. В издании 1642 г. уже находим слово *liūtas* и производные от него слова. Ср.:

¹ Второй цифрой обозначается строка.

² Brückner A. Die slavischen Fremdwörter im Litauischen. Weimar, 1877, S. 105; Skardžius P. Die slavischen Lehnwörter im Altlitauischen. Kaunas, 1931, S. 123; Fraenkel E. Litauisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg; Göttingen, 1955–1966, S. 382.

³ Kudzinowski Cz. Indeks — słownik do "Daukšos Postilė". Poznań, 1977, s. 412, 421.

⁴ Kudzinowski Cz. Biblia litewska Chylińskiego. Nowy Testament, t. III — Indeks. Poznań, 1964, s. 70.

⁵ Pirmasis lietuvių kalbos žodynas, parengė K. Pakalka. Vilnius, 1979, p. 758.

Lew/ Leo. Lewas/ Luta s (SD, 152)⁶; Lwi. Leoninus. Lewo/lutinis/lewinis (SD, 159); Lwica. Lea. leana. Lewee / lutee (SD, 159); Lwiątko / Lwie / Scymnus. Lewaytis / lewitis / lutitis (SD, 159)⁷.

Слово *liūtas* употребляется и в современном литовском литературном языке. Другие балтийские языки такого названия льва не знают, так как латышское *laiwa* является заимствованием из немецкого (ср.-н.-нем. *louwe*), а в памятниках древнепрусского языка название этого зверя вообще отсутствует.

СОКРАЩЕНИЯ

- BB — Biblia tatau estis Wissas Schwentas Raschtas Lietuwischkai pergulditas per Janą Bretkuną... Karaliaucziui (1590 г., рукопись).
BP — Postilla tatau estis Trumpas ir Prastas Ischguldinias Euangeliu... Per Jana Bretkuna... Karaliaucziui... 1591.
DP — Postilla Catholica... Per Kuniga Mikaloiv Davksą... Wilniui... 1599.
MŽ — Mažvydas. Seniausieji lietuvių kalbos paminklai iki 1570 metams. Spaudai parūpino J. Gerullis. Kaunas, 1922.
PK — Polski z Litewskim Katechizm... Málcherá Pietkiewiczá... W Wilnie... 1598.
SD — Dictionarium trium linguarum... Constantino Szyrwid... Tertia editio... Vilnae... M. DC. XLII.
WP — Yschgvidimas Fvangeliv per wisvs Metvs, svrinktas Dalimis isch Davgia Pastillv (рукопись Вольфенбютельской библиотеки 1573 г.)

ВЯЧ.ВС. ИВАНОВ

К ПРОБЛЕМЕ 'ЛЮТОГО ЗВЕРЯ'

Основным остается вопрос, не является ли слово *лютый* в его древнерусской форме и литовском соответствии этимологически независимым следом древнего названия льва (см.: Гамкрелидзе Т.В., Иванов Вяч.Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы, т. 2. Тбилиси, 1984, с. 508, 511). При допущении древности основы типа **liu-* (общегерм. **liuaz*), которая может быть общей для германского, балтийского и славянского или ранним заимствованием в балтийском и славянском, по этимологическим причинам было бы вероятно считать, что эта основа обозначала 'льва', но достаточно рано (в частности, при присоединении суф. *-to-* или при контаминации с формами, имеющими этот суф.) стала обозначать и других хищников, относившихся к тому же семантическому полю. В этом случае нужно вернуться ко многим выводам В.Ф.Миллера.

⁶ Ibid., p. 250.

⁷ Ibid., p. 257.

ИНДООЕРОПЕЙСКИЙ РИТУАЛЬНЫЙ ТЕРМИН

SOUH₁-ETRO- (-ETLO-, -EDHLO-)

Недавно была предпринята попытка рассмотрения балто-славянского глагола, представленного лит. *šauti*, лтш. *šaut*, слав. *sovati/*sunoti и т.п. в рамках операций, составляющих ядро архайчного обряда трупосожжения¹. Исходным пунктом послужило объяснение имени *Совий*, принадлежавшего первому человеку, который после ряда неудачных захоронений, был, наконец, сожжен. Этиологический рассказ с участием Совия, объясняющий происхождение этого обряда и всей традиции трупосожжения (*совица*), содержится во вставке, сделанной в 1261 г. западноевропейским переписчиком "Хроники" Иоанна Маталы. В имени Совий, ранее толковавшемся небедительно, следует видеть апеллатив типа балт. **šovēj(a)s*/**sovēj(a)s*, представляющий собой помен *agentis* от глагола *šauti/*sauti в значении 'совать, толкать' ('двигать, бросать' и т.п., не говоря о специализированном значении 'стрелять', также ср. лит. *šaudyti*, лтш. *šaudīt* 'бить'). Реальная мотивировка подобного обозначения объясняется тем, что оно относится к главному жрецу похоронного ритуала, который в -с о в ы в а е т (помещает) труп в огонь, в печь. Номенклатура жрецов обряда трупосожжения предполагает участие в церемонии жреца именно с такой функцией. Реконструируемое же его обозначение в точности подтверждается такими формами, как лит. *šovėjas* (: *šauti*) и лтш. *šāvėjs* (: *šaut*), относящимися к тому, кто сует, толкает и т.п. Следовательно, на известной глубине восстанавливается тавтологическое сочетание типа "сующий сует" (лит. *šovėjas šauna* и т.п.). Это ядро схемы нуждается в ряде дополнений, после которых вся конструкция становится полным описанием операционного смысла ритуала. Среди этих дополнений одно очевидно. Речь идет об объекте действия. Им является покойник (мертвец, труп, тело, человек и т.п. или — в метафорическом смысле — хлеб, о чем см. ниже). Другое дополнение связано с определением места, на которое ориентировано действие. Наиболее естественным образом оно реализуется как огонь, печь, костер и т.п. Так, в рассказе о Совии он был предан огню (сътворивъ крадоу ѿгненоу великоу и в р ъ же и на ѿ г н ъ). Это событие легло в основу будущей традиции в качестве некоего сакрального прецедента. Именно с этих пор жрецы — "совии" (**šovēj(a)s*) стали помещать 'совать' умершего в огонь.

Здесь уместно несколько расширить круг ситуаций (и соответственно примеров), когда реализуется сочетание "совать" & "в огонь" ("в печь"). При этом обнаруживается, что подобные употребления этого сочетания несут на себе отпечаток терминологичности, определенной клишированности, отсылающих к отмеченной (по-видимому, ритуальной) ситуации. Менее всего распространен и наименее выразителен тип "сунуть" & "в моги-

лу" ("в гроб", "в яму", "в воду" и т.п. места захоронения), но он существует; косвенно о нем свидетельствуют и такие термины, как рус. диал. *сунуться* 'умереть' (ср.: *сунулся беденькой*, пермск., см. Даль IV³, 343²). Более интересен другой тип — "совать" & "хлеб" & "в печь" ("в огонь"), широко представленный как в славянском, так и в балтийском. Ср. лит. *šauti* & *duona* (Acc.) & *ugnis, krōsnis* (i + Acc.); лтш. *šaut* & *maize* (Acc.) & *uguns, krāsns* (Loc. direct.); напр., лит. *Atsargiai šáu k duoną i p ē č i ū . . . Duona jau įrigo — laikas šauti; duona i pecių (i krōsnį) šauja* и т.п. (LKZ, s.v. *šauti*); лтш. *šaut maizi krāsni; maizīt(i) šāvū pašā krāsnes dibenā* (BW 35606, ср. BW 6896, 8117, 2; 10723 и др.) и т.п. Это устойчивое сочетание, центром которого является глагол, может быть реконструировано и для балто-славянского, несмотря на различия в названии хлеба. Каркас схемы образуют *šauti/šaut/sovati* & ХЛЕБ & *ugnis/uguns/ogņ* & *krōsnis/krāsns* (V *pēciūs/pečь* и т.п.).

Но в печь (в огонь) помещают (суют, засовывают) не только хлеб. В русских сказках определенной группы особо важную роль играет мотив попытки засовывания Бабой-Ягой героя в печь, в огонь, и параллельный, но в противоположном направлении развивающийся мотив засовывания героем в печь самой Бабы-Яги (ср. Афанасьев № 107—111 и др.). Прежде всего следует обратить внимание на соотношение Бабы-Яги и Совия. Оба они прямо или косвенно принадлежат к жрецам, связанным с огнем. Совий был первым, кто прошел через обряд трупосожжения; этот прецедент дал начало традиции жреца, руководящего трупосожжением и являющегося как бы наследником и трансформацией Совия. В этом смысле Совий и соответствующий жрец, носивший, вероятно, то же имя, "разыгрывают" субъектно-объектную схему: тот, кто сжигает и тот, кого сжигают. По сути дела, то же можно сказать о Бабе-Яге, в образе которой уже раньше отмечались характерные черты руководительницы "огненного" ритуала (подобной хеттской "старой женщине" — *SALŠU.GI*, непосредственно выступающей в указанной функции в текстах, описывающих ритуал трупосожжения у хеттов): как "жрица", она помещает человека в огонь, но в итоге она сама оказывается в огне и сгорает в нем, и виновником этого выступает предназначенный для сожжения герой сказки (←→ ритуала). Подобный параллелизм действий Бабы-Яги и Совия позволяет и этот женский персонаж трактовать как своего рода "Совию" (ср. лит. *šovėja*, лтш. *šāvėja*), как двойника руководителя обряда трупосожжения у балтов. В этой связи показательно значение ст.-сл. *СОВАТИ*, определяемое (как в Супрасльской ркп.) соотносительностью с *рѣцѣи п в р ѣ* (значение глагола — 'раздувать' /огонь/, разжигать, жарить' и т.п.)³.

Возвращаясь к параллелизму образов человека (покойника) и хлеба, засовываемых в печь (в огонь), уместно обратиться к данным языка и соответствующих текстов. Приведенная выше схема "сующий

² Здесь и далее указывается лишь тип примера (подробнее см. в указанных работах).

³ Сочетание *рѣцѣи п в р ѣ* при том, что *рѣцѣ* обозначает 'метание', 'бросок', 'натиск', объясняет отчасти такие обозначения костра ("огненной крады" в рассказе о Совии), как польск. *stos* (при нем *Holzstoß*, но *Stoß* 'толчок': *stoßen*). К мотивировке названия костра как "насованного" (т.е. того, куда суют дрова, хворост, а потом и покойника) ср. нем. *Scheiterhaufen: häufen* и т.п.

¹ Ср. статьи автора: Мифологизированные описания обряда трупосожжения и его происхождения у балтов и славян. — В кн.: Балто-славянские этнокультурные и археологические древности. М., 1984; К реконструкции одного балтийского ритуального термина. — In: Festschrift V. Rūķe-Draviņa (в печати).

сует" выступает не только как контекст, в котором произошла "онимизация" и мифологизация апеллиатива, со значением деятеля (тот, кто *šáuna/šáun* 'сует' → *šovėjas/šávėjs* → **šovėjas/*šávėjs*, т.е. Совий), но и как локус, описывающий исполнителя другого ритуала — печения хлеба; ср. лит. *šovėjas* — 3. *Kas šáuna, kiša duoną į krosnį* (LKŽ, s.v. *šovėjas*), ср. также *šovikas* — 2. *kas duoną šáuna į krosnį* 'тот, кто хлеб сует в печь'. Русские сказки не раз акцентируют связь этих двух действий, в частности, в описании инструмента для засовывания хлеба или человека в печь (в огонь). Ср. при изложении намерения Бабы-Яги засунуть героя сказки в печь *...взявши лопату, што хлеб сажают...* Афанасьев, № 109; *...узяла лопату, що в пічку хліб сажають...* № 110; именно на такую лопату, предназначенную для сажания хлеба в печь, уговаривает Баба-Яга сесть героя. Тем самым человек и хлеб, помещаемые в огонь оказываются с известной точки зрения соотношенными друг с другом, более того, синонимичными образами одной большой идеи. Речь идет о принесении в жертву (сожжении) человека (покойника) и хлеба с целью достижения новой жизни, увеличения плодородия и витальности, воскресения, понимаемого как обретение "усиленной" жизни через смерть, с которой связано уничтожение или коренное изменение прежней субстанции того, что приносится в жертву (ср. зерно → тесто, сырое → вареное, если говорить о хлебе)⁴.

Эта же идея в конечном счете лежит в основе известного мифа о Громовержце, поражающем своего противника, в результате чего открывается доступ к скрывавшимся богатствам или же достигается высшее плодородие ("основной" миф). Тем интереснее, что и в этом случае действие Перкунаса (Перконса, Перуна) или — в инструментальном плане — грома и молнии, сжигающих (поражающих) свою жертву, может кодироваться тем же глаголом (лит. *šáuti*), который дал имя Совию и который стал своего рода *terminus technicus* для обозначения помещения покойника и хлеба в печь, в огонь. Ср. лит. *Perkūnas šáuna* или *Perkūnija grumen, grum, griau, dunden, bild, trenk, šaun* (LKŽ IX, 1973, 834, ср.: *Tikt kai trečioji praslino diena, šovimo liovė perkūnija*. Rėza. Dainos) и примеры употребления *šáuti* в значении 'trenkti' в связи с *Perkūnas*, ср.: *kad tave Perkū-*

⁴ Подобное отождествление символов двух параллельных рядов — принимающего "огненную смерть" человека и хлеба — в сочетании с другим уподоблением — жрец как жертва — с удивительной наглядностью и силой представлено в виршах "Винограда Российского" Семена Денисова, своеобразного мартиролога мучеников за старую веру, многие из которых добровольно приняли смерть в "гарях":

Так отец Варлаам огнем испечется
и яко хлеб сладчайший Богу принесется.
Божий бо священник сый, прежде Христа жряще,
потом же и сам себе в жертву возношаше.

См. в связи с мифо-ритуальным и символическим отождествлением хлеба и жертвы: Фрейдберг О.М. Поэтика сюжета и жанра. Л., 1936, с. 55–59, 61–62, 66, 81, 84, 101, 173, 225, 229 и др. — К уподоблению смерти разламываемому хлебу: *... идите, сие есть тело мое еже за вы ломимое во оставление грехов* в известной литургической формуле.

nas šaut! (LKŽ XIV, s.v.) и блр. *каб цябе Пярун сунуў!*⁵. Связь Перкунаса с *šáuti* (*šáuna/šovė* → *šovėjas*) показательна в том отношении, что связывает два основных предиката Громовержца — "сжигать" и "стрелять" (ср. *šáuti, šáudyti* 'стрелять'⁶), с одной стороны, и позволяет на одном уровне отождествить сжигание (поражение) молнией, производимое Перкунасом, с помещением покойника-жертвы или хлеба в огонь, с другой стороны. В обоих случаях, жертва подвергается такому действию огня (удара), которое приводит к результату, расцениваемому в конечном счете как сверхположительный.

Если учесть некоторые маркированные обозначения места, на которое направлено соответствующее действие (*šáuti/šáut/sovati*)⁷, то выстраивается очень выразительная и в высокой степени диагностическая цепь

⁵ Инструментальный аспект этого глагола, вытекающий уже из того, что на основании *Perkūnas šáuna* восстанавливается как одно из обозначений Перкунаса именно **šovėjas*, подтверждается случаями типа др.-рус. *соунѣти копиемъ* (Летописец Переясл. Сузд. 12, 4); *насуноуша копии оканѣши* (Сказание о Борисе и Глебе); *сунѣ оружие* (Чтение о Борисе и Глебе) или ц.-сл. *соулицами совахомъ* (Минея Михановича, 260), где оба слова одного корня и, следовательно, образуют фигура *etymologica*.

⁶ Мотив "стрельяния" ("помещения в огонь") Перкунаса делает оправданным обращение к имени прусского божества врачевания — *Auschauts* "der Gott der Gebrechen Kranken vnd Sunden"; der Gott der gebrechen der Kranken vnd gesunden" и т.п., по сообщению старых источников) из **au-šaut*, собств. 'отсоединение, отталкивание, отстреливание болезней' (ср. лит. *nu-šauja*: *Nuo-šiautas, nušovėjas*, см. *Būga K. Rinkiniai raštai*, II. Vilnius, 1959, p. 98) или, наоборот, 'давление, ссуживание здоровья' (ср. связь нем. *schießen* 'стрелять' и *vor-schiessen* 'ссужать, давать в долг' — при прус. *auschautins* 'долг' и т.п.). Наличие общего предиката у Перкунаса и Аушаута дает основания для предположения об их более глубокой связи: скорее всего, Аушаутс был некогда одной из ипостасей Перкунаса со специализированной функцией "отстреливания" болезней (ср. соответствующие русские заговоры).

⁷ Весьма отчетливы эротические ассоциации ряда действий, передаваемых глаголами *šáuti/sovati*, в ритуале и вне его (ср. рус. *сунуть* 'futuere' и т.п., *совало, совач* и др. как ном. instrum.), а также соответствующих образов — могила как женское лоно (аналогично смерти — соитие, ср.: бодлеровское *La Débauche et la Mort sont deux aimables filles*...), печь — *vagina*, вкушение пищи как *coitus* (отсюда — символика рта) и т.д. В корвайном обряде, когда коровай (образ плодородия, нередко украшенный символами с отчетливой семантикой, напр., шишками удлиненной формы) в с о в ы в а ю т в печь, трактуемую как лоно, участницы обряда, "корвайницы", поют: *Печь регоче, бо коровай хоче...* Те же ассоциации присутствуют и в мотиве засовывания героя в печь, совершаемого Бабы-Ягой (ср. также тему песта-пехтиля и ступы в действиях Бабы-Яги). Ср. также "совать хлеб в печь" — "совать хлеб в рот" в связи с образностью соития. — Реконструкция открывает и в этом звене новые аспекты интерпретации. В "основном" мифе, в одном из вариантов, Громовержец наказывает (бьет, поражает) свою жену. Конкретно в балтийской (и отчасти славянской) версии, где восстанавливается супружеская пара **Perkūn(-on-)*, м. и **Vel-*, ф. (ср. *Veļu mātē*, при слав. **Perun- & *Vela-*), мотив поражения жены мог бы быть записан, в частности, как **Perkūn(-on-)*, Nom. & **šáuna & *Vela-* (**Veluona-* и т.п.), Асс. В этом случае глагол имплицитно выражает возможность и другого понимания этого "поражения" (ср. рус. *сунуть* в указанном смысле; к наличию двух значений у глагола *совать/сунуть* 'толкать' и 'futuere' ср. сходную ситуацию в глаголе **peis-/*pis-*, от которого образовано название *vulva*; в рус. *толкать* и т.п.). Сходный мотив отмечен в украинской мифологической песне с участием практически тех же персонажей: *Десь наш Бог Посвистач став, Чи в Мокоши гуляв...*

локусов — печь (огонь), могила (гроб), *vagina*, *rot*⁸, где каждый элемент этой цепи является важным мифопоэтическим символом, и все они вместе относятся к одной семантической сфере, так или иначе связываемой с идеей смерти.

Но ядро этой схемы "сующий (сователь) & сует" может быть расширено еще одним образом. Предполагается, что наряду с персонифицированным субъектом действия (Совий, жрец и т.п.) может выступать при том же глаголе и вещь — инструментальная причина действия, *poten instrumenti*⁹. Если нет специальных запретов на подобный альтернативный способ выражения (а в данном случае их нет), то выведение второго типа из первого оказывается более или менее автоматической процедурой. Впрочем, когда речь идет об обозначении инструмента (или приспособления), с помощью которого осуществляется действие в-совывания, помещения чего-либо в указанные локусы, в распоряжении исследователя оказывается достаточное количество конкретных примеров. Для этих примеров существенно, что они образованы от того же корня, что и соответствующий глагол и, следовательно, *poten agentis*, во-первых, и, во-вторых, что часть их используются при описании ритуалов, между прочим, связанных с помещением в огонь человека (покойника) или хлеба. Так, в русских сказках в этом мотиве (и тогда, когда участвует Баба-Яга) действие нередко производится с помощью *сов* и *еще чаще лопаты* (ср.: *взяла лопату... и сунула ее в печь*. Афанасьев, № 111, ср. № 109, 110 и др.)¹⁰. Лит. *šauk-štas* 'ложка', чья этимология верно объяснена Сабалаяuskасом (из *šāustas*, ном. instr. от *šāuti*, следовательно, с той же мотивировкой, что и рус. *совок*; *совать*)¹¹, также обнаруживает ритуальные и мифопоэтические связи (ср. *figura etymologica: šāuti šaukštą...*).

Однако из всего множества ном. instr., образованных от рассматриваемого корня, здесь придется остановиться лишь на одном, по сути дела, словообразовательном типе, несомненно, наиболее архаичном среди других и представленном в целом ряде индоевропейских языков (с суф. *-tra-/ -tar/*, *-tlo-*, *-dhlo-*). Но предварительно — два замечания. Первое из них относится к суффиксам, которые только что перечислены. В соответствии с научной традицией в сравнительно-историческом индоевропей-

ском словообразовании и исходя из значительного звукового и полного функционального подобия этих суффиксов, а также из их распределения по языкам, близкого к дополнительному, эти способы словопроизводства рассматриваются далее как варианты практически единого суффиксального комплекса (во всяком случае для определенного хронологического пласта). Второе замечание связано с известной проблемой объяснения *š-* в анлауте балтийских слов этого корня (при и.-евр. **s-* в соответствующих словах других языков, включая сюда и анатolianские примеры с графическим *š-*). Покорный (I, 954–955), изолирующий балтийские и славянские факты и лишающий их по сути дела индоевропейской перспектив, выводил их из и.-евр. **skēu-* 'werfen, schießen, stoßen'. В той или иной степени призраком **skēu-* как первоисточника тяготел и над некоторыми другими учеными в силу двух обстоятельств: балт. *š-*, действительно, может быть объяснено из **sk-*, и в германских языках известны формы типа гот. *skewjan* 'идти', др.-исл. *skœva* (ср. Trautmann BSW 300; отчасти Fraenkel LEW 969). Однако при принятии этой точки зрения в объяснении, которое едва ли могло бы быть найдено, нуждались бы и славянские и другие индоевропейские факты, отсылающие к **š-* в анлауте. Кстати, никто из специалистов не разводит в стороны балтийские и славянские примеры на основании несводимости звуков в анлауте. И в этом, бесспорно, проявляется спасительная в данном случае трезвость. Как бы ни объяснять указанное различие, в дальнейших рассуждениях им можно пренебречь, не рискуя вовлечься в искажающие перспективу наблюдения. Тем не менее существенно подчеркнуть, во-первых, что объяснения нужно искать для балт. *š-*, а не для *s-* в других языках в словах этого корня, и, во-вторых, — как это ни парадоксально, — что уникальность балтийской картины может объясняться именно ее преимущественной древностью. Структура балт. *šau-t-*, *šau-n-* отличается от слав. **sovati*, **sujq* в исторически засвидетельствованных примерах (в реконструкции **su-tej* < **sou-t-*) или от др.-инд. *sū-*, *suvāti* (ср. *pra-sūti-*, *fem.*), и в этом смысле она может хранить черты некоей первичности¹²; наконец, наличие префиксов с исходом на *-u* (ср. *tu-*, *au-*, *su-*) могло бы в свою очередь объяснить возникновение *š-* из **s-* в определенных позициях и дальнейшее обобщение *š-* в анлауте¹³. Но помимо всех возможных объяснений различий в начальном звуке слов этого корня, которые могли бы привести к единой форме общего источника всех относящихся сюда примеров, подлинное единство этой семьи слов обеспечивается соотношением смыслов, представленных ими, и подобием словообразовательной системы слов этого корня в разных индоевропейских языках. При-

⁸ Ср. в десакрализованном и деритуализованном варианте обозначение замкнутого пространства, предназначенного для хранения, — сундук, ларь, шкатулка, ящик, футляр, карман, сумка, мешок и т.п., иногда — в контексте темы смерти: *Ты держишь меня, как изделие, | И прячешь, как перстень, в футляр* (Пастернак).

⁹ В известном смысле такая ситуация может возникнуть уже при элементарной синтаксической трансформации: *Perkūnas*, Nom. Sg. & *šāuna*, 3. Sg. & ... → *perkūni*, Instr. Sg. & *šāuna* & ... , где Instr. Sg. может быть понят и как 'Перкунасом бьет (сует)' ... и как 'громом (ударом) бьет (сует)' ..., особенно, если в последнем случае будет обозначен и деятель (напр. Громовержец).

¹⁰ Рус. *лопата* имеет, видимо, свое соответствие — и языковое и ритуальное — в хет. *lappa*, особая лопатка (или шипцы) с помощью которой руководительница обряда трупосожжения SAL.SU.GI собирает кости покойника в сосуд (в слав. *lopata* элемент *-ta-*, видимо, вторичен). Интересна возможность связи *lappa-* с глаголами *lap-* 'гореть, пылать', *lapnu-* 'помещать в жар (в огонь)', *lappinai-*, ср. также *lapiti* 'жар, пыл' (Friedrich HWb., 127 и др.). Во всяком случае хеттская ситуация очень напоминает соотношение *совок* : *совать*, в значении, засвидетельствованном в Супр. ркп. (см. выше).

¹¹ См.: Sabaliauskas A. Dėl lie. *šaukštas* kilmės. — Baltistica, 1965, I, 1, p. 83–84.

¹² В частности, уместно принятие в расчет исходного корня **sēu* > балт. **sjēu-* > **sjau-* > **šiau-* > **šau-* как одного из путей к объяснению.

¹³ Есть и еще один резерв объяснения. Кажется, до сих пор не обращали внимания на семантическое подобие (при различии конкретных мотивировок) ряда индоевропейских корней с анлаутом **s-* и **sk-* (иное дело: **sk-* и **k-*, проблема *s-mobile*). Ср.: **ser-*: **sk'er-* 'сacare' (см. Pok. 909–910, 947); **sel-*: **sk'el-* 'прыгать' (Pok. 899, 929); **slek-*: **sk'lek-* 'влажный' (Pok. 957); **sei-* (**soi-*): **sk'ai-* 'тень' (Pok. 917). В этом ряду, возможно, нашла бы себе место и пара **seu-*: **sk'eu-*, объясняющая и балт., и другие и.-евр. формы, однако практически постулирование этой пары в данном случае едва ли целесообразно.

нимая это единство как данное, можно по-новому и несравненно полнее переписать соответствующее место в словаре Покорного, однако в этой заметке этого сделать не придется (впрочем, отдельные указания на пути переосмысления состава этой лексической семьи будут ясны из дальнейшего).

Среди ном. instr., образованных от и.-евр. **seu-* (именно в таком виде восстанавливается он здесь с двумя, говоря, в общем, отличиями от **seu-* у Покорного¹⁴) и отличающихся своим "активным" характером (в языках типа енисейского кетского эти слова входили бы в класс активных неодушевленных вещей)¹⁵, наиболее прозрачны ранее не привлекавшиеся в этой связи анатolianские примеры. Речь идет прежде всего о хет. *šāqitira-* 'рог', выводимом из и.-евр. **souh₁-etro-*¹⁶ и обнаруживающем суф. *-tra* ('активность'), который, имея надежные индоевропейские параллели (при обозначении деятеля и/или орудия действия), в хетском до сих пор не был замечен. Ср. также (SI)¹⁷ *šaqatar-* 'рог' (как музыкальный инструмент) HWb. 189; SI 'рог' (ср. хет. *karayar-*, аккад. *qarnu*). Эти слова, несомненно, соотносимы с глаголом *šūāi-* 'stoßen', 'drängen', 'schieben'; 'verstoßen', 'verdrängen', 'haften' (?) (см. HWb 200)¹⁸, который, нужно полагать, не отделим от глагола, дающего всегда как нечто изолированное, — *šūāi-* 'наполнять' (ср. иерогл.-хет. *suwa-* то же); в качестве семантической параллели ср. слав. *sovati*, совмещающее в себе значения 'толкать' и т.п., с одной стороны, и 'наполнять' (*насовывать*, *набивать* и т.п.), с другой. Естественно, что хет. *šūāi-* 'наполнять' (а, следовательно, и *šūāi-* 'толкать', 'гнать' и т.п.) связано с *šūa-* 'вспухать', 'увеличиваться в объеме' (этот последний глагол уже объяснялся как Med. Pass. к *šūāi-*; ср. 3 Sg. Praes. *šūattari*). О ритуальном значении рога, в частности, об особой его связи с идеей плодородия, соития (ср. распространенную сексуальную символику рога), говорить излишне. Тривиальна и семантическая мотивировка хет. *šāqitira-* 'рог': *šūāi-* 'толкать', 'бодать', 'тыкать', 'прогонять' и т.п., ср. *бодѣц* — *бодать* и т.п. Вместе с тем значение 'рог' не порывает связи с тем, которое характерно для рус. *совок*, ср. *рожок* как особый вид совка¹⁸. Из других анатolianских языков с хет. *šāqitira-* можно сопоставить палайск. *ša-a-ú-i-ti-ra-an* (-*šāqitiran*, ср. *šāqidār* : *ša-a-ú-i-da-a-ar*); при этом в палайском известен глагол этого же, как показано выше,

¹⁴ Во-первых, из **seu-* : **su-*; **seu-* : **sū-* (Pok. 914) следует, видимо, исключить примеры со значением 'сверлить' (типа др.-ирл. *sō/a/id* < *soy-eje-ti); во-вторых, к этой статье нужно добавить примеры, объединенные Pok. 954–955 под корнем **skē-*.

¹⁵ В основе слов этого типа (**seu-* в ном. instr.) обнаруживаются такие смыслы, как толкание (подталкивание), побуждение, приведение в движение, быстрота-подвижность, ударность и т.п.

¹⁶ См.: Oettinger E. *šāqitira-* 'Horn', ein hethitisches **-tro-* Bildung. — In: Hethitische und Indogermanische, Innsbruck, 1979, S. 197–204.

¹⁷ Характерны значения и приставочных глаголов, ср. *arha š.* 'wegstoßen', 'verdrängen', 'verjagen'; *aḥan arha š.* 'vertreiben'; *para š.* 'hinaustreiben', 'hinausjagen', 'verstoßen'.

¹⁸ Использование рожка как инструмента кормления младенцев, возможно бросит луч света на хет. *šāqitir-* 'сосунок' при *šāqitiršāi-* 'сосать' (пользоваться рожком?). См. HWb 189. — Известны попытки такого понимания имени славянского бога Сварога, которые делают реальным выделение элементов, существенных в связи с темой данной статьи, ср. вариант *Соварог* как сумму 'сов-ать' и 'рог'.

корня со значением 'наполнять' — *šuna-*, ср. *šūanta*, *šūanda* — причастие; *šunnuttilla* 'наполнение'¹⁹; глагол *šuna-* вполне может быть соотнесен с слав. *sunoti, как и хет. *šunna-* 'наполнять', *šuniša-* 'то же' (но и специально 'набрасывать', 'насыпать', ср. *насовывать*), ср. *šunnumeššar* 'наполнение' (?)²⁰. Наконец, весьма соблазнительно с хетским названием рога и палайским *šāqitiran*, *šāqidār* сопоставить лувийское слово *šu-wa-a-ta* [r] (ср. [š]u?-wa-at-ra. KBo IV 11, 40), остающееся в DLL 88 без объяснения, и название сосуда DUG *šuwatra* (см. DLL 177: Appexe IV, § 6); последнее слово могло обозначать что-то вроде рожка, сосуд из рога и т.п. Эттингер для хетского и палайского слова исходит из *šaqetran*, формы, возводимой им к и.-евр. **souh₁-etro-* 'Instrument zum Stoßen'.

Анатolianские формы, и сами по себе взятые, и в индоевропейской перспективе, ближайшим образом соотносятся с древнеиндийскими фактами, прежде всего с *savitār-*²¹, обозначающим, строго говоря (и во всяком случае первоначально), того, кто побуждает, понуждает, приводит в движение, стимулирует, оживляет; эти значения присутствуют и в префиксальном помен *agentis pra-savitār-* (ср. RV IV, 53, 6; VII, 63, 2); о них можно судить и по другим образованиям, ср. *nomen actionis savā-*, *sāvana-* (в конечном счете сюда же и *sāvimān-*) или причастные формы типа *prā-sūtā-*, *nī-sūtā-* 'мужами (в данном случае — жрецами) побужденный' (: авест. *ma'nyu. šūta-* 'духом побужденный', ср., видимо, *hunāti*) — все в связи с глаголом *sū-*, Praes. *suvāti* 'приводит в движение', побуждает, 'оживляет', 'толкает' и т.п. В этом контексте имя известного ведийского божества *Savitār-*, которому в "Ригведе" посвящено 11 гимнов, представляет собой обозначение персонифицированного и "деизированного" деятеля (впрочем, граница между именем собственным и аппеллятивом не всегда ясна). Функции Савитара, как они описываются в "Ригведе", в точности соответствуют словообразовательной модели этого имени и значению лежащего в его основе глагола. Савитар выступает как своего рода персонификация абстрактного принципа стимулирования: он побуждает мир и богов, приводит в движение небо и землю, торопит солнце; другие космологические функции Савитара также подчеркивают его стимулирующую роль [поэтому его и называют "Господином творения" (RV IV, 53, 2; VII, 38, 6), "Господином мира" (IV, 53, 6)]. Особенно характерен мотив широкопростирающихся рук Савитара (ср. *prthū-pāṇi*. II, 38, 2), этого инструмента "подталкивания" бога "сователя" (если соотносить внутреннюю форму имени с русскими эквивалентами). Наконец, нельзя пройти мимо др.-инд. *sāvitṛ-*, которое обозначает не только 'принадлежащий Савитару' (Adj.), но и 'полный кубок определенного типа', 'определенное жертвоприношение' (ср. выше о балтийских и славянских фактах этого рода). Сходное толкование см.: Dandekar R.N. New Light of the Vedic God Savitr. — In: Selected Writings, I. Delhi, 1979, 1–27.

¹⁹ См.: Kammenhuber A. Esquisse de grammaire palaïte. — BSL, 1959, t. 54, p. 18 и сл. (§ 5,6).

²⁰ Ср. лув. *šūwa* 'наполнять' (?); *šūu-wa-ru* 'полностью'. Adv. (Laroche DLL 1959, 88).

²¹ В этом слове и объясняется обычно принадлежность слова к корню — *set-* — **seḥa-* (др.-инд. *śat*), ср. Praes. **suḥé-* (др.-инд. *suvā-*). См.: Mayrhofer KEWAi. Lief. 24, 1972, S. 488–489.

Оставляя в стороне данные некоторых других языков, как не вполне ясные²², уместно вернуться к фактам славянских и балтийских языков. Наиболее близки к указанному выше типу пом. instr. славянские образования с суф. *-dlo*, присоединяемым к элементу *suu-/sov-*. Естественно, что особенно показательными оказываются западнославянские примеры типа польск. *suwadło* 'ползун' (технич.) (ср. также *suwadka* 'лопатка для размешивания извести', 'колышек в ткацком станке' и иные типы: *suwak*, *suwacz* и т.п.: *suwać*); в.-луж. *suwadło* 'Schieber', 'Riegel', 'Laufgewicht' (ср. еще *suwak*, *suwaćk*, *suwanćko* и т.п.: *suwać*). В чешском от этого глагольного корня известно лишь *sudlice* 'сулица', 'рогатка', отсылающее к кругу пом. instr. несколько иного типа (ср. рус. *сулица*, ц.-сл.-серб. *сулица*, словен. *sūlica* 'пика' и т.п. — из праслав. **sudlica*). Поэтому в конечном счете более показательны формы типа рус. *совало* (ср. *совач* 'шест', 'совень', 'башмак' /технич./, *совень* 'засов', 'задвижка', 'человек, который везде суется' и т.п., *совкий* 'охотник соваться всюду', 'суетливый', 'опрометчивый', *засов*, *совня*, 'сулица', 'рогатина', *совник* и т.п., не говоря уже о ранее упоминавшемся *совок* и др. — все от *совать*); укр. *совало* 'сующий', 'двигающий' (ср. 'спускание срубленных деревьев по особым желобам с гор вниз'. Гринченко IV, 165) при *совати*; блр. *сувала* (: *суваць*)²³; болг. *совалка* 'приспособление в швейной машине' и т.п.

Из балтийских примеров, реализующих подобную же словообразовательную модель, наиболее интересны лит. *šovėklis*, *šoviklis* и новообразование, обязанное своим возникновением языковому творчеству "аушриников" — *šovyklė* (1884) вместо *šautuvas* 'винтовка', 'ткацкий челнок', ср. также *šautuvas*, *šiautuvus* 'засов' и т.п. при уже отмечавшемся *šovėjas* (ср. жемайт. *šavėjas*²⁴: *šauti* и ряд других типов — *šovikas*, *-ė*, *šovinyš*, *-ynė*, ср. *šovā* и т.п. В широкой перспективе, образуемой преимущественно анатolianскими и ведийскими формами, может оказаться интересным лит. *šauterė* 'дуло' (: *šauterėti* 'стрельнуть'), впрочем, допускающее и иные объяснения. Этот последний пример находит близкий себе, но более широкий контекст в латышском слове: *šautra*, *šāūter* 'ein hölzerner Pfeil'; 'ein Stock', 'Knüttel', 'ein Türriegel' и даже 'Brottschaukel' (ср. хет. *šauitra*, *šauitar* 'por', при рус. *совок* и т.п.): *šautrēt* 'mit Holzknütteln werfen'; сюда и другие примеры, сохраняющие в конечном счете и.-евр. *-tr-* (и тем самым несколько нарушающие принцип дополнительного распределения суффик-

сов): *šautris* (и **šautre*) 'Holzknüttel'; 'Holzspieß zum Aufhängen von Fleisch', *šautrs* 'ein Stück Holz zum Hineinschieben', 'Holzschieber', 'Holzknüttel', 'Holzscheit' (ср. *šautrs* 'locker'; 'unbeständig' [ср. рус. совкий и др.], 'munter', 'frisch, fröhlich', 'schnell', 'flink': [ср. *šautruoš iet* 'волочиться' в свете славянских обозначений особой походки от корня *sov-*]), см. ME IV, 10—11; Erg.-Hf. 623—624. Параллельно отмечаются в латышском и словообразовательные типы с суф. *-kl-* (< *-tl-*), как в уже приводившемся литовском новообразовании *šovyklė*; ср. лит. *šaveklis* 'Schiessgewehr'; 'Geschoss', *šavėklis* 'Türriegel'. ME IV, 13. Разумеется, в более широкий круг включаются и такие образования, как *šavėjs* (: *šaut*, ср. латг. *saūt*, *saut*), *šaviēns*, *šavienis*, *šavenis*, *šavains*; *šautava*, *šautėve*, *šautuva*, *šautuve*; *šautene*; *šāva* и т.п. (ME IV, 10—13; Erg.-Hf. 623—624; Erg. izl. vārdn. 3, 476 и др.). Тем не менее особенно существенным нужно считать, что балтийские (и отчасти славянские) языки, наряду с многочисленными новообразованиями от корня **sau-/sov-*, верно и надежно сохраняют архаичное индоевропейское ядро (**seu-/sou-tr-*) или выстраивают предельно близкие словообразовательные типы (*-kl-* < *-tl-*, ср. слав. *-dl-* < **dhl-*). Тем самым анатolianские и древнеиндийские модели оказываются в тесной связи с балтийскими и славянскими, чем окончательно удостоверяется общиндоевропейский характер использования этой модели применительно к анализируемому здесь корню. Не последнюю роль в сохранении этого архаичного словообразовательного типа сыграло, видимо, то обстоятельство, что реализующее его слово относилось к сфере ритуальной лексики, что особенно наглядно демонстрируют балтийские и славянские формы корня **sau-/sov-*: **su-*. В итоге можно более полно восстановить звенья цепи, описывающей главную операцию ритуала рассматриваемого типа, — "С о в а т ь (сующий)" & "в - с о в ы в а е т" & "с о в к о м" & нечто (покойник, хлеб и т.п.) & в отмеченное место (огонь, костер, печь и т.п.).

Ю.В.ОТКУПЩИКОВ

О МНИМЫХ СЛАВИЗМАХ В БАЛТИЙСКИХ ЯЗЫКАХ

Хорошо известно, что в балтийских языках имеется значительное количество славизмов, особенно в области лексики, связанной с христианской религией. По большей части это заимствования сравнительно поздние, самые ранние из них, как правило, не более, чем тысячелетней давности, чаще же всего они относятся к еще более позднему времени. Столь же поздними являются также заимствования из балтийских языков в западно- и восточнославянские. Несомненно, что взаимное проникновение лексики в балто-славянском ареале имело место и в более древнюю эпоху. Но до сих пор не найдены достаточно надежные критерии, по которым балтийские славизмы этой эпохи могли бы быть четко отделены от славянских балтизмов и от исконно родственных слов.

Давняя традиция, восходящая по крайней мере к первой половине XVIII в. рассматривала литовский и латышский языки не как самостоятель-

²² Ср. англ. *shovel* 'совок', 'лопата' (*shover*, ср. др.-англ. *scoft*): *shove* 'с о в а т ь', 'толкать', 'вливать' и соответствующие примеры из других германских языков (др.-в.-нем. *scūf/a-la*, нем. *Schaukel* и т.п.; гот. *af-skiuban*, др.-англ. *scēofan*, *scūfan*, др.-в.-нем. *scīoban* /нем. *schieben*/, др.-исп. *skūfa*, *skūfa* и др.), выводимые из и.-евр. **skeu-b-*, **skeu-bh-* (Pok. 955; Vries ANWb 506 и др.), ср. лит. *skūbti* и т.п.

²³ Особого рассмотрения (но в более широком контексте) заслуживают некоторые восточнославянские факты типа рус. *шевырка* 'деревянная ложка', 'хлебалка', *шевырялка* 'мешалка', *шевыря* 'ворошила' при *шевырять* (ср.: *шевырять* 'ожогом, кочергой в печи; не шевыряй в укладке! Даль³ IV, 1416; ср. также *шевырять* и проч.) или блр. пом. ггорг. типа *Шаўла* (ср. *шаўлиць*, *шаволиць* *шаўлюга* и т.п., рус. *шавить*, *шавля*), *Шаўра*, *Шавура* (ср. рус. *шавреть*, *шаврять* и др.), расширяющие круг возможностей в реконструкции отношений внутри всей этой семьи слов.

²⁴ См.: *Vitkauskas V. Šiaurės rytų dūnininkų žodynas*. Vilnius, 1976, p. 366.

ную группу индоевропейских языков, а как ответвление славянского¹. Многие факты балтийских языков нередко объяснялись сквозь славянскую "призму", значительная часть исконной литовской и латышской лексики интерпретировалась как заимствования из славянского. Крайнюю позицию в этом отношении занимал А.Брюкнер, который считал славизмами очень многие исконно балтийские слова — например, такие, как лит. *prašyti*, *remėšas*, *šamas*, *vilna* и даже числительные *devini* и *tūkstantis*². Более того, немалое число слов, заимствованных из литовского в западно- и восточнославянские языки, А.Брюкнер считал славизмами в литовском языке (лит. *ariūdas*, *dirsà*, *kuñpis*, *pūkulos*, *skliūta(s)*, *šūlas*, *veñteris* и др.)³. Свою позицию А.Брюкнер пытался обосновать сомнительным тезисом о значительном культурном превосходстве славянских племен над балтийскими — что, по его мнению, предопределило одностороннюю направленность заимствований из славянских языков в балтийские. Многие ошибки А.Брюкнера были исправлены усилиями как его современников, так и ученых последующих поколений (в частности, П.Скарджюса и Э.Френкеля), но целый ряд его объяснений продолжает по традиции переходить из одного этимологического словаря в другой.

В наши дни идеи А.Брюкнера по вопросу о характере балто-славянских лексических связей наиболее последовательно продолжает О.Н.Трубачев. Он также многие исконно балтийские слова склонен считать славянскими заимствованиями, включая случаи, когда мы имеем дело, напротив, с заимствованиями из балтийского в славянский (например, лит. *kaušas* → рус. *ковш*)⁴.

Подобная позиция обосновывается аргументами, во многом напоминающими доводы А.Брюкнера. "Отличие славянской материальной культуры, — пишет О.Н.Трубачев, — довольно точно отраженное языком, терминологией, состоит в относительно более высоком уровне культуры, в том числе обработки дерева у славян сравнительно с балтами. Достаточно сказать, что, например, латыши были вынуждены заимствовать у немцев название такого важного орудия, как тесло — лтш. *slīmests* < н.-нем. **snīd(e)misset*, ... Славяне располагали исконным древнейшим названием тесла — праслав. **teslo*, **tesla*..."⁵. Здесь прежде всего следует отметить, что и лтш. *slīmests*, и н.-нем. **snīd(e)misset* означают не 'тесло' (д.-в.-нем.

dehsala, совр. нем. *Dechsel*), а 'скобель, резец' (совр. нем. *Schneidmesser*), т.е. бондарный инструмент в виде ножа с двумя ручками⁶, в отличие от тесла — плотничьего топора — инструмента, который употребляется в совершенно иных целях. Затем, исконному славянскому (как и германскому) названию тесла соответствует также исконное его балтийское название: лтш. *iēšu*, *test* 'тесать' → *teslis* 'тесло', лит. *tašyti* 'тесать' → *tašiklis* (= *tašytuvas*) 'тесло'. Причем в балтийских языках название тесла имеет более развернутые словообразовательные связи, чем в славянских. Следовательно, в этом плане у нас нет оснований противопоставлять славянские языки балтийским.

Против идей, изложенных в приведенном высказывании О.Н.Трубачева, справедливо возражала А.Рекена⁷. Однако и она считает лтш. *slīmests* германизмом. Между тем это предположение, вслед за А.Биленштейном⁸ принятое в словаре К.Мюленбаха—Я.Эндзелина⁹, вызывает целый ряд сомнений. Прежде всего н.-нем. **snīd(e)misset* — это всего лишь реконструкция. Такого слова нет ни в словаре братьев Гримм, ни в нижненемецком словаре К.Шиллера, А.Люббена и К.Вальтера. А.Биленштейн гипотетически создал нижненемецкое слово, которое, по его мнению, должно было послужить источником заимствования лтш. *slīmests*, исходя из н.-нем. *snīden* 'резать' и *misset* 'нож'. Чтобы быть точным, эту форму следовало приводить, как и всякую реконструкцию, под звездочкой. Между тем, попав в словарь К.Мюленбаха—Я.Эндзелина, н.-нем. **snīd(e)misset* стало механически переходить из одной работы в другую как реальное нижненемецкое слово. Никто не удосужился проверить его по словарям или хотя бы внимательно прочитать А.Биленштейна, который писал, что слово, послужившее источником лтш. *slīmests*, в нижненемецком "müsste es snīd(e)misset geheissen haben"¹⁰. Слов нет, и в латышском, и в славянских языках немало ремесленных терминов германского происхождения. Но это совсем не значит, что до германизации соответствующей терминологии у балтов и славян не было аналогичных орудий и инструментов. Конечно же, скобель древнее бондарного ремесла, поэтому название этого инструмента вполне может быть у латышей исконно балтийским.

Реконструкция А.Биленштейна — очень маловероятна в фонетическом отношении. Она предполагает синкопирование двух гласных в процессе заимствования, и на месте четырехсложного немецкого слова оказывается двусложное латышское. Ни одного другого подобного примера А.Биленштейн не приводит. То, что первое *e* в н.-нем. **snīd(e)misset* поставлено в скобки — сделано совершенно произвольно, ибо все без исключения нижненемецкие композиты на *snīde-* сохраняют это *e*¹¹. Вот почему утрата *d* в этом случае оказывается непонятной. Наконец, изменение *snī-* > *slī-* ре-

¹ См. например: *Ruhig Ph. Betrachtung der Littauischen Sprache in ihrem Ursprunge, Wesen und Eigenschaften. Königsberg, 1745* (славянский язык — "eine Mutter der Littauischen" — S. 9). Ср. также: *Watson K. Fr. Ueber die Abstammung der lettischen Sprache von der slavisch-russischen...* "Jahresverhandlungen der kurl. Gesellschaft für Literatur und Kunst", Bd. II. Mitau, 1822; *Pott A.F. Etymologische Forschungen der Indo-Germanischen Sprachen*, Bd. 1^a, Lemgo, 1833, S. XXXIII.

² *Brückner A. Die slavischen Fremdwörter im Litauischen. Weimar, 1877*, S. 121, 125, 140, 153, 80, 147 (в дальнейших ссылках: *Brückner FW*).

³ Там же, с. 68, 80, 99, 114, 143, 132, 152.

⁴ *Трубачев О.Н. Ремесленная терминология в славянских языках. М., 1966*, с. 302–303. О происхождении балтийских слов см.: *Откупщиков Ю.В. К этимологии лит. kaušas*, лтш. *kaušs* 'черепа; ковш'. — *Baltistica*, VI, 2. Vilnius, 1970, с. 185–192. О критериях, определяющих направление заимствования из балтийского в славянский см.: *Откупщиков Ю.В. Лексические заимствования в условиях двуязычия. — Рус. яз. в нац. школе*, 1973, № 3, с. 10–18.

⁵ *Трубачев О.Н. Указ. соч.*, с. 167.

⁶ См. рисунок в кн.: *Kagaine E. Ērdģemes izloksnes vārdnīcā* 3, Rīga, 1983, l. 386.

⁷ *Rekena A. Amatniecības leksika dažās Latgales dienvidu izloksnēs un tās sakari ar atbilstošajiem nosaukumiem slāvu valodās. Rīga, 1975*, l. 70–71.

⁸ *Bielenstein A. Die Holzbauten und Holzgeräte der Letten*, I–II, St. Petersburg–Petrograd, 1907–1918, S. 319–320.

⁹ *Mühlenbach K. — Endzelin J. Lettisch-Deutsches Wörterbuch. Riga, 1923 ff.*, Bd. 3, S. 936 (в дальнейших ссылках: *M. — Endz.*; 2 тома дополнений обозначаются как т. 5 и 6).

¹⁰ *Bielenstein A.*, *Op. cit.*, S. 320.

¹¹ *Lübben A., Walther C.H.F. Mittelniederdeutsches Handwörterbuch*, Bd. II¹. Leipzig, 1888, S. 360.

конструируется ad hoc, ни одно немецкое слово на *sn-* не изменилось в процессе заимствования в латышский язык в *sl-*¹². Н.-нем. *sn-* дает в латышском иногда *sn-* (н.-нем. *snikke* → лтш. *snikis* 'паром' — М.—Endz. 3, 976), чаще же — *šn-* (н.-нем. *snibbe* → лтш. *šnibe* 'бекас', н.-нем. *snor* → лтш. *šnuore* 'шнур' — М.—Endz. 4, 88, 90). Главное же: при действии н о м заимствовании нижненемецкого слова с корнем *snīd-* мы имеем н.-нем. *snīder* (совр. нем. *Schneider*), *sniddeln* → лтш. *sniderēt* 'нарезать' (М.—Endz. 4, 89). То есть *sn-* → *šn-*, а не *sl-*, корневое *d* никуда не исчезает, а количество слогов не только не сокращается, но даже увеличивается (очевидно, немецкий глагол воспринимался как **snideren*).

Подобным образом обстоят дела с таким важным фактором, как фонетическая субституция в процессе заимствования. Кроме того, гипотеза о немецком происхождении лтш. *slīmešs* не учитывает такой архаической формы слова, как *slīmesis*, ср. лтш. *remēšis* 'плотник', *lemesis* 'лемех', *puvesis* 'гной', лит. *remēsis* 'плотник', *ēdesis* 'жратва' и др. Все это — давно утратившие свою продуктивность редкие образования с расширенной древней индоевропейской основой **-es*¹³. Трудно себе представить, чтобы во II тысячелетии н.э. в латышском языке могло возникнуть такое архаическое образование в результате какого-то переосмысления заимствованного немецкого слова. Кстати, формы *slīmesis* и *slīmešs* относятся одна к другой так же, как *remesis* и *remešs* 'ремесло' (= лит. *remēsis*: *remēstas*). Здесь мы имеем дело с явно древними общепалтийскими словообразовательными связями, которые не могли сформироваться в сравнительно позднее время — независимо в латышском и литовском языке — в результате преобразования заимствованной лексики.

Наконец, при освещении вопроса об этимологии лтш. *slīmešs/slīmesis* совершенно было оставлено в стороне важное слово *slīmēt* — с двумя значениями: 1) 'скоблить' и 2) 'бездельничать' (М.—Endz. 6, 527). Именно как производные этого глагола должны рассматриваться лтш. *slīmešs* и *slīmesis* — и опять в двух значениях: 1) 'скобель' и 2) 'бездельник', семантически ср. лтш. *teslis* 'тесло' и *teslis* 'лентяй, бездельник'¹⁴.

Но если бы даже лтш. *slīmešs* действительно оказалось заимствованием из немецкого, то и в этом случае нельзя подобными аргументами обосновывать высший или низший культурный уровень того или иного народа. Иначе английский язык, в котором более 50% лексики из самых разных областей материальной и духовной культуры составляют романские заимствования, свидетельствовал бы о крайне низком культурном уровне

англичан, особенно по сравнению, например, с исландцами, в языке которых количество заимствований крайне невелико. Кроме того, трудно сказать, где мы найдем больше немецких заимствований в области бондарного ремесла — в латышском языке или в славянских. Вель и рус. *бондарь*, и *бочка*, и многочисленные названия бондарных и плотничьих инструментов — как в русском, так и в других славянских языках — немецкого происхождения¹⁵. Отнесение к "древнейшим терминам славянского бондарного дела" таких "праславянских новообразований", как **obrъčь*, **obvōdъ*, **klepati*¹⁶, также не убеждает. Ибо (пользуясь терминологией самого О.Н.Трубачева) ни один из этих терминов не является "генуинным", ср. др.-рус. *оброучь* = лит. *apūrankis* 'браслет', лтш. *apruocis* 'манжета', рус. обод = лит. *āpvadas* 'обод (колеса)', ср. также рус. диал. *кленить* 'отбивать косу' и лит. *klėpyti* 'стучать'. Следовательно, речь здесь должна идти не об исконной славянской б о н д а р н о й терминологии, а о сравнительно поздних переносных значениях слов, исходные значения которых восходят к эпохе более древней, чем праславянская.

Наконец, несколько слов об уровне культуры обработки дерева у славян и у балтов. А.Биленштейн в своем фундаментальном труде наглядно показал исключительную близость строительной техники и плотничьего ремесла у латышей (гесп. литовцев) и славян¹⁷. Азами плотничьего искусства славяне и балты овладели, разумеется, задолго до II тысячелетия н.э. А археологические памятники балтов и славян VII–IX вв. отражают настолько сходный уровень материальной культуры, что археологи сплошь и рядом не в состоянии отличить древностей балтов от древностей славян¹⁸. Более того, наряду с несомненными заимствованиями из славянских языков в балтийские, мы встречаемся именно в области обработки дерева и строительного дела со значительным числом заимствований из балтийских языков в славянские (главным образом, в польский, белорусский и русский). Сюда можно отнести названия таких орудий труда, как *склют* 'тесло' (рус., блр., укр., польск.), *кушпель* 'короткий нож' (блр., польск.), польск. *skaptik* 'нож для изготовления ложек' и др. Названия построек и их частей: *аруд* 'закром' (рус., блр., польск.), *свірон* 'амбар' (рус., блр., укр., польск.), *пуня* 'сарай' (рус., блр., польск.), *прімен* 'сени' (блр., укр., польск.), *шүло* 'столб' (рус., блр., укр., польск.), *атрама* 'балка (в избе)' (блр., польск.) и т.д. Названия деревянных сосудов: *ковш*, *яндовя*, *жлукта* (рус., блр., укр., польск.), *вондера* 'бочка для зерна' (блр., польск.) и др. Литовское название плотника *dailidė* было заимствовано в ст.-блр. *доилица*, блр. *дойлід* (также в укр. и польск.), ср. еще *скултоаила* 'плотник' и *ратодаила* 'колесник'¹⁹. Все это плохо вяжется с представлениями об отста-

¹² Если не считать совершенно фантастической реконструкции А.Биленштейна: **snī(d)beņķis* → **slībeņķis* → *stribeņķis* 'волоочильный станок бондаря' (Bielenstein A. Op. cit., p. 319). На самом деле лтш. *stribeņķis* было заимствовано из н.-нем. *strikenke* (М.—Endz., 3, 1091). См. также: Kagaine E. Aizgūvumi no ģermāņu valodām Ērgemes izloksnē. — In: Veltījums akadēmīķim Jānim Endzelīnam 1873–1973. Rīga, 1972, 1. 173 (где среди фонетических вариантов латышских германизмов нет ни одного случая с вариантом *sn-/sl-*).

¹³ Endzelin J. Lettische Grammatik. Riga, 1922, S. 275; Skardžius P. Lietuvių kalbos žodžių daryba. Vilnius, 1943, p. 312–313.

¹⁴ Важно отметить, что подавляющее большинство латышских германизмов моносемантичны, на их основе обычно не развиваются производные значения. См.: Kagaine E. Op. cit., p. 184.

¹⁵ Трубачев О.Н. Указ. соч., с. 168. Ср. в то же время исконные лтш. *stīpa* 'обруч', *stīpnazis* 'скобель' (= *slīmešs* — Raķēna A., Op. cit., p. 70), *stīpnieks* 'бондарь' и др.

¹⁶ Там же, с. 167.

¹⁷ Bielenstein A. Op. cit., p. 11.

¹⁸ См., например: Ляпушкин И.И. Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства. Л., 1968, с. 89 и сл.

¹⁹ Примеры даны по словарю: Лауцоте Ю.А. Словарь балтизмов в славянских языках. Л., 1982. Орфография приводится в форме какого-либо одного славянского языка. См. также: Лауцоте Ю.А. Терминология обработки дерева. — Lietuvių kalbotyros klausimai, XVI. Vilnius, 1975, с. 145–161. В последней работе — именно на основании анализа славянских балтизмов — делается убедительный вывод о "высоком уровне культуры обработки дерева у древних балтов" (с. 157).

лости балтов в области искусства обработки дерева и об односторонней направленности заимствований из славянских языков в балтийские.

Сто лет тому назад языковая ситуация в Литве в условиях царского самодержавия сложилась так, что литовский язык оказался близким к вымиранию. Выражения типа *pojezdąs opozdavo* вместо *traukinys pavėlavo* стали все чаще встречаться в речи литовцев. Литовский язык все более и более утрачивал свои позиции. Психологически можно понять носителей литовского языка, которые в условиях все возрастающего проникновения славянской лексики в их родной язык стали всякие созвучные слова воспринимать как славизмы. И когда позднее наступил период господства гиперлуристических тенденций, большое число исконных литовских слов, имеющих близкие соответствия в славянских языках, было объявлено "славизмами", и многие литовские интеллигенты избегали их употребления. Против этой ошибочной тенденции решительно выступил К.Буга, писавший, что *prašyti* — такое же литовское слово, как *просить* — русское. Он перечислил большое количество исконных литовских слов, которые без всяких оснований изгонялись из письменного литовского языка²⁰.

Мне уже приходилось отмечать, что число предполагаемых славизмов и германизмов в балтийских языках и в наши дни сильно преувеличено²¹. Парадоксально, что нередко давая балтийскому или германскому слову, исследователи считают, что соответствующие балтийские слова были заимствованы из германского (resp. славянского), хотя они естественно вписываются в рамки тех фонетических, словообразовательных и семантических закономерностей, которые лежат в основе предложенной этимологии²².

Все эти факты заставили меня обратиться к публикации серии статей, посвященных анализу мнимых славизмов в балтийских языках. Предпочтение при этом будет отдаваться рассмотрению тех слов, славянское происхождение которых практически признано всеми или многими исследователями.

1. ЛИТ. *PRĀSTAS*, ЛТШ. *PRASTS* 'ПРОСТОЙ, ПЛОХОЙ'

Большинство авторов считают балтийские слова славизмами (Brückner FW, 121; Skardžius LW, 176; Фасмер 3,380; Fraenkel, 646 и др.)²³. Исконными их признавали К.Буга (RR II, 110—111) и В.Кипарский²⁴. Этимология славянских слов (рус. *простой* и др.) обычно объясняется, исходя из балтийского материала (Фасмер, 3,380). Ср. лит. *ap-stas* и *ap-stūs* 'обильный', *āt-stas* 'отдаленный', **nuõ-stas* 'удаленный'. ср. лтш. *nuõ-stan* 'прочь'

²⁰ Būga K. Rinktiniai rašai, t. II. Vilnius, 1959, p. 165 сл. (в дальнейших ссылках: Būga RR).

²¹ Откупщиков Ю.В. Из истории индоевропейского словообразования. Л., 1967, с. 212.

²² Он же. О древнем названии хлеба в балтийском, славянском и германском. — Latvijas PSR Zinātņu Akadēmijas Vēstis, 2 (307), 1973, с. 86.

²³ Skardžius LW: Skardžius P. Die slavischen Lehnwörter im Altlitauischen. Kaunas, 1931; Фасмер: Фасмер М. Этимологический словарь русского языка, т. I. IV. М., 1964—1973; Fraenkel E. Litauisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg; Göttingen, 1955—1965.

²⁴ Kiparsky V. Russische historische Grammatik, Bd. III. Heidelberg, 1975, S. 44.

и лит. *nuõ-stais* 'be naudos'. Сюда же следует добавить также *pā-stas* 'последний'. Лит. *prā-stas* естественно входит в этот же словообразовательный ряд (приставка плюс глагольная основа **stā-/sto-* 'стоять'). В славянских языках нет подобной словообразовательной модели, которая должна была бы дать **об(ъ)-стъ*, **от(ъ)-стъ*, **на-стъ*, **но-стъ*. Слово *про-стъ* в этом отношении представляет собой (в отличие от балтийских языков) изолированный случай.

Исключительная продуктивность балтийской основы *prast-* в словосложениях и суффиксальных производных, отражающих весьма архаичные словообразовательные типы, также свидетельствует в пользу исконности балтийских слов. Обращает на себя внимание многозначность лит. *prāstas* и его производных, причем сумма этих значений отнюдь не совпадает со славянскими. Производные основы *prast-* широко представлены в специальной терминологии: *prastymai* 'особый вид выделки ткани', *prastynā* 'неунавоженное поле, на котором ничего не растет', *prastinys* 'домашняя двунитная ткань'. Показательно, что в тех случаях, когда словообразовательное оформление совпадает в балтийском и славянском, четко проступают существенные семантические различия: лит. *prastynā* 'неунавоженное поле' — рус. диал. *простина* 'простота', лит. *prastuoti* 'есть простую пищу' — рус. *простать* 'освобождать'. Это свидетельствует о самостоятельном развитии форм и значений в балтийском и славянском.

В литовском языке весьма распространен древний индоевропейский тип образования прилагательных на **-i-os* (например, **svet-i-as* > *svēčias* 'чужой'). Этот же тип засвидетельствован и у прилагательных на *-stas*: *ap-stas* = *āpsčias*, *prāstas* = *prāščias* и др. Основа *prasč-* имеет довольно широкое распространение: *prasčiūgas*, *prasčiōkas* (= *prastōkas*) — с превосходной степенью *prasčiokiāusias* и др.

Весьма показательным является сопоставление лит. *prastōkas* 'простоватый' и рус. *простак* (также блр. и польск.). В русском языке имена, обозначающие *nomina agentis* на *-ак* обычно или заимствования (*батрак*, *байбак*, *лайдак*, *казак*), или образованы не от прилагательных (*рыбак*, *чудак*, *ведьмак*, *дурак*, *бурсак*, *мастак*; ср. также *гусак*, *рысак* и др.). Кажется, только *простак* и явное новообразование *левак* соотносимы с соответствующими прилагательными. В то же время, практически любое литовское прилагательное на *-as* может иметь производное на *-ōkas* — с несколько ослабленным значением основного прилагательного²⁵: *baltōkas* 'беловатый', *mažōkas* 'маловатый' и т.д. Образуют такие производные и литовские прилагательные на *-stas*: *prāstas* → *prastōkas* 'простоватый' = *apstas* 'обильный' → *apstōkas* 'довольно обильный' = *ātstas* 'далекий' → *atstōkas* 'далековатый' и т.п. В результате субстантивации прилагательное 'простоватый' естественно приобретает значение 'простак' (лит. *prastokas*).

Очень интересными представляются образования на *-ata(s)*, восходящие к прилагательным на *-stas*. Здесь в модели *ātstas* 'от-, удаленный' → *atstatā* 'удаление' → *atstatyti* 'удалять', в силу явно глагольного значения абстрактного производного на *-atā*, происходит переосмысление мотивации, и существительное *atstatā* начинает восприниматься как производное от *atstatyti* (особенно — во вторичных значениях). В то же время, славянские образования типа рус. *краснота*, *кислота*, *немота*, *прямота* и т.п. говорят

²⁵ Lietuvių kalbos gramatika, t. I. Vilnius, 1965, p. 564.

о том, что производящей основой этих существительных были соответствующие прилагательные. У производных типа *apstatà* 'обилие', а особенно — *įstata*, *įstatà* 'правило, установление', *priestata* 'пристройка', *ūzstata* 'залог' и др. — еще отчетливее выступает связь с индоевропейским глагольным корнем **stā-/stē-*, ибо лит. *-statas* = греч. *στατός*, лат. *status*, а также окончательно укрепились мотивационная связь с глаголами на *-statyti* — уже в силу того, что не сохранились прилагательные **įstas*, **priestas*, **ūzstas*. Что касается лит. *prastatà* 'плохое питание', то это слово передает типичное для литовского языка конкретное значение — сравнительно с абстрактным рус. *простота* (ср. в этом плане также лит. *prastynà* 'неунавоженное поле' и рус. диал. *простина* 'простота'). Из неотмеченных в литературе балто-славянских изоглосс среди производных *prast-/prost-* можно указать на лит. *prastūnas* 'простой, необразованный человек' и рус. диал. *простыня* (тверск. — Даль) 'простак; смирный или глуповатый', укр. *простиня* 'простой, негордый человек' — Гринченко III, 481)²⁶. Заимствование в том или ином направлении здесь исключено по фонетическим причинам (в литовском заимствование дало бы **prastuinis*, а в русском — **простун*).

Итак, лит. *prāstas*, лтш. *prasts* убедительным образом этимологизируются на балтийской почве, они неразрывно связаны со сложной системой словообразовательных отношений, в то время как рус. *простой* и другие родственные славянские соответствия этимологически оказываются совершенно изолированными. Однако из этого не следует делать вывода о том, что перед нами — заимствование из балтийского в славянский, подобно тому как наличие пары лит. *renkù* 'собираю' → *rankà* 'рука' и этимологически изолированное положение слова *рука* в русском и других славянских языках не может служить достаточным основанием для того, чтобы считать слово *рука* балтизмом²⁷.

Наконец, в словаре К.Мюленбаха—Я.Эндзелюна в статье *prasts* приводятся возражения против не очень удачной этимологии К.Буги. В этой связи, в очень осторожной форме ("wohl eher") высказывается предположение о возможном заимствовании балтийских слов из славянского (М.—Endz. 3, 378). М.Фасмер (III, 380), ссылаясь именно на это место латышского словаря, уже в категорической форме пишет о заимствовании. К сожалению, подобная практика — обычна даже в солидных этимологических словарях.

2. ЛИТ. *KUODĖLIS* 'КУДЕЛЬ. ПРЯДЕВО; ХОХОЛОК, ЗАВИТОК', ЛТШ. *KUODELIS* 'КУДЕЛЬ; ПРЯЛКА, ВЕРТЕНО'

Славянское происхождение балтийских слов по существу общепризнано (см. Фасмер II, 399 и Fraenkel, 311 — со ссылками на литературу). Однако убедительных аргументов в пользу заимствования из славянского в балтийский никем приведено не было. В основном дело сводилось к попыткам объяснить некоторые затруднения, возникающие при допущении славян-

ского источника балтийских слов. Но в этом случае возникает еще больше затруднений, на которые обычно просто не обращали внимания.

Прежде всего в литовских славизмах русского (resp. блр., польск.) у, восходящее как к *ou*, так и к *ʃ*, последовательно передается посредством *ū*, реже — *u*, но не *uo*: *дума* — *dūmà*, *кануста* — *kopūstai*, *кумъ* — *kūmas*, *умъ* — *ūmas*, *худъ* — *kūdas*, *куколь* — *kūkālīs*, *судъ* — *sūdas* и др. (ср. также *рубешъ* — *rubėžius*). В плане четко выраженной фонетической субституции пара *кудель* — *kuodėlis* явно выпадает из приведенного ряда. Во всей книге П.Скарджюса (Skardžius LW) имеется только один пример передачи славянского (блр. или рус.) у посредством литовского *uo* — это *kuodėlis*.

Особую трудность при обосновании гипотезы о заимствовании балтийских названий кудели из славянского представляет наличие простых непроизводных образований (лит. *kuōdas* 'чуб, хохол', лтш. *kuoda* 'кудель'), которых нет ни в одном славянском языке. Выход был найден в предположении, что лит. *kuōdas* — вторичное образование от "мнимо" уменьшительного *kuodėlis* (М.—Endz. 2, 340 — под знаком вопроса, Fraenkel, 311 — уже без колебаний). Подобного рода регрессивная деривация, в принципе, возможна (хрестоматийный пример: голл. *zondek* 'прикрытие от солнца' → рус. *зонтикъ* → *зонть*). Однако подобные случаи составляют весьма незначительный процент сравнительно со случаями прямой деривации, и предложенное объяснение отличается скорее своим остроумием, нежели убедительностью.

Показательно, что простая основа *kuod-* очень продуктивна в литовском языке (в латышском она совпала с омонимичной основой *kuod-* 'кусать; моль'). В русском языке нет глаголов, образованных от простой основы *куд-*, а только от производной основы *кудел-*: *кудельить (ся)*, *кудельничать*. В литовском языке подобные глаголы есть, причем они отличаются своей многозначностью: *kuodyti(s)* 'драть (ся)', 'быстро есть', *kuoduoti* 'бить, таскать за волосы; гордиться' и др. (всего 8 значений). Если русское слово *кудель* было в качестве специального термина заимствовано в литовский и латышский языки, затем в каждом из них в отдельности — в результате ошибочной регрессивной деривации — возникли образования с простой основой *kuod-*, то почему лит. *kuōdas* 'чуб, хохол' не сохранило никаких следов своего терминологического значения? Более того, лит. *kuody's* 'хохлатый жаворонок' и *kuōdena* 'хохлатка (утка)', 'растреп' свидетельствуют о глубокой древности значения 'чуб, хохол'. Чрезвычайно важным здесь является слово *kuōdena* 'хохлатка'. П.Скарджюс особо подчеркивает исключительную древность, редкость и очень раннюю утрату продуктивности литовских образований на *-ena*²⁸. Это полностью исключает возможность вторичного образования *kuōdas* из *kuodėlis*, сравнительно поздно заимствованного из русского или белорусского языка.

У рус. *кудель* до сих пор нет удовлетворительной этимологии. Ссылка на лит. *kedėnti* 'теребить, трепать' (М.—Endz., 2,359 — вслед за Э. Бернекером) была справедливо отвергнута Э. Френкелем (Fraenkel, 233) и О.Н. Трубачевым²⁹. Последний предлагает новую этимологию: *кудель* и *кудло* он делит на префикс **kē-* плюс корень *dēl-, del-, dyl-* и сопоставля-

²⁶ Гринченко Б. Словарь української мови, т. I—IV, Київ, 1908—1909.

²⁷ Как это считают, например, Я.Розвадовский и Н.И.Толстой. См.: Rozwadowski J. O pierwotnym stosunku wzajemnym języków bałtyckich i słowiańskich. — Rocznik slawistyczny, t. V, 1912, s. 25; Толстой Н.И. (Ответы на анкеты). — В кн.: Лексичныя балтызмы ў беларускай мове. Мінск, 1969, с. 47.

²⁸ Skardžius P. Lietuvių kalbos žodžių daryba, p. 228—229.

²⁹ Трубачев О.Н. Славянские этимологии 24—27. — Езиковедско-этнографски изследвания в памет на акад. Ст. Романски. София, 1960, с. 140—141.

ет их с *кудерь*, *кудри* и т.д., которые также рассматриваются как образования с тем же префиксом плюс корень *der-*, *dyr-*, *dr-*. Слово *кучерявый*, как полагает О.Н. Трубачев, "не имеет сюда никакого отношения", а *кужель* = *кудель* вообще не рассматривается³⁰. В другом месте тот же автор, вслед за Микколой, принимает реконструкцию *кужель* < **krōžel*³¹ — под влиянием слова *кудель*. К сожалению, во всех этих построениях и предположениях многое не убеждает. Прежде всего выделение "префикса" ку- в словах *кудель* и *кудерь* предлагается ad hoc. Автор не приводит ни одного славянского примера с этим префиксом. Затем, если *кудель* 'кудель, пучок пряжи' и *кудерь* 'завиток волос' вполне сопоставимы, то почему следует резко разграничивать *кудерь*, мн. число *куд(е)ри* и *кучери*³², хотя они обладают одним и тем же значением? Обращает на себя внимание тот факт, что из 8 значений, приведенных для слова *кужель* в СРНГ, 7 значений совпадает со словом *кудель* (*куделя*). А восьмое значение — 'часть прялки' — очень близко к значению 'прялка', засвидетельствованному для соответствий рус. *кудель* в целом ряде славянских языков. Формы *кудель*, *кужель*, *кудерь* и *кучерь* (из мн. числа *кучери*) объединяет не только близость или даже идентичность значений, но и общность их производных, также обладающих одинаковыми значениями (например, *кужлеватый* = *кудреватый*, *кужлявый* = *кудрявый* = *кучерявый* и др.). При сопоставлении слов *кудель* и *кудерь* речь, очевидно, должна идти о мене суф. -л- и -р-. То же самое относится к случаям типа *куже-л-ь* = *куже-н-ь* (ср. рус. диал. *буче-л* = *буче-н-ь* 'выпь'). Сложнее обстоит дело с расхождениями между *д* (*кудель*, *кудерь*), *г* > *ж* (*кужель*) и *к* > *ч* (*кучери*). В принципе, можно было бы считать, что форма с *ž* представляет собой праславянский диалектизм, получивший широкое распространение (ср. рус. *кудель*, польск. *kądział*, н.-луж. *kužel*). Однако распространенные в балто-славянском ареале суффиксальные чередования типа лтш. *skabar̃d-a* = *skabar̃g-a* 'щепка'³³, лит. *stan-d-ūs* 'тугой' — *stan-g-ūs* 'упругий' (Fraenkel, 895 предполагает здесь наличие суффиксальных вариантов) позволяют подойти к вопросу о соотношении *кудель* и *кужель* иначе³⁴. И здесь вновь придется обратиться к балтийскому материалу.

³⁰ Там же.

³¹ Трубачев О.Н. Ремесленная терминология..., с. 98.

³² Здесь и ниже примеры из русских диалектов (там, где нет ссылок на Даля) даны по "Словарю русских народных говоров". (М.): Л., 1965 сл. (в дальнейших ссылках: СРНГ). Балтийский материал всюду приводится по словарю К. Мюленбаха—Я. Эндзетина и по "Литовскому академическому словарю" (LKŽ).

³³ Specht F. Der Ursprung der indogermanischen Deklination. Göttingen, 1944, S. 219.

³⁴ Подробнее о балто-славянском чередовании суффиксальных *d/g* см. в кн.: Откупщиков Ю.В. Из истории индоевропейского словообразования, с. 156 слл. Там же приведены и другие — как балтийские, так и славянские — примеры. Здесь не место подробно останавливаться на вопросе о происхождении этих чередований. Как показывает указанное в предыдущем примечании фундаментальное исследование Ф. Шпехта, в индоевропейских языках суффиксальные чередования имели очень широкое распространение. Если же эти чередования в балто-славянском вторичны по своему происхождению и в их основе лежат фонетические изменения (точка зрения О.Н. Трубачева, см. "Этимологический словарь славянских языков", вып. 5. М., 1978, с. 127 — применительно только к слову *дрозд*), то обращает на себя внимание полное совпадение в направленности этих фонетических изменений в балтийских и славянских языках — в отличие от всех других индоевропейских языков.

Наряду с *kuõdas* 'чуб, хохол', в литовском языке значительное распространение имеют названия снопа или небольшой копны сена: *kúodis* (*kuõdis*), *kuõdė*. В словообразовательном отношении приведенные слова различаются не более, чем лит. *kaĩdas* = *kándis* (*kandis*) = *kandė* (*kandė*) 'моль'. Причем показательно, что *kuõdis* имеет параллельную форму *kuõgis*, а *kuõdė* — *kuõgė* и *kúogė* (LKŽ VI, 904—906). Связь между значениями 'сноп, копна' и 'чуб, хохол' отчетливо выступает у лит. *kuõgė* 'голова с растрепанными волосами' (ср. типологически: рус. *копна волос*). Следовательно, соотношение между лит. *kuõdė* = *kuõgė* полностью совпадает с соотношением рус. *ку-д-ель* = *ку-ж-ель*.

Лит. *kuõdas* 'чуб, хохол' этимологически можно сопоставить с *kúokštas* 'пук, пучок, клоч'. Поскольку литовский суф. -st- (после *g* и *k*: -št-) часто 'наслаивается' на слово, не меняя его значения (например, *baĩgas* = *bangšt-as* 'буря', *darbūs* = *darb-št-ūs* 'работающий' и т.д.), мы можем по этой модели реконструировать лит. *kuokas (= *kúok-št-as*). Косвенно надежность этой реконструкции подтверждается наличием лтш. *kauka* 'чуб' — слова, которое еще Р. Траутманн сопоставил с рус. *кучери*³⁵ (для соотношения *uo* и *ai* ср. лит. *gúožtis* = *gaũžtis* 'сжегиваться', *kúogė* = *káugė* 'сноп' и мн. др.).

Таким образом, в балтийском можно выделить не только основы *kuod-* и *kuog-*, но также и *kuok-*, в полном соответствии с рус. *ку-д-ель*, *ку-ж-ель* и *ку-ч-ери*. Тем самым балтийский языковой материал не только доказывает исконность лит. *kuodėlis* и лтш. *kuõdelis*, но и проливает свет на соотношение славянских родственных слов, которые не обладают столь обширной суммой словообразовательных связей, как это имеет место в балтийских языках.

3. ЛИТ. BĖDÓKAS 'БЕДНЯГА'

Принято считать, что это литовское слово было заимствовано из польск. *biedak* idem (LKŽ I, 710). Однако это предположение трудно считать убедительным. Прежде всего этому противоречит фонетика. Славянское *běd-* при заимствовании в литовский весьма последовательно дает *bied-* (например, *biėdnas*, *biednėti*), а форма корня *bėd-* — характерная особенность исконно литовских слов (Fraenkel, 38). Как и во многих других случаях, исключительная близость балтийской и славянской словообразовательной системы привела к тому, что среди производных корня *bėd-/bied-* имеется большое количество изоглосс: лит. *bėdũ* лтш. *bėda* = ст.-слав. БѢДА (и другие славянские соответствия), лит. *bėdinas* = др.-рус. бѣдѣныи, лит. *bėdyti* = др.-рус. бѣдити 'мучить', лит. *bėdingas* 'несчастный' = рус. диал. бѣдѣга (Даль), укр. бідѣга, лит. *bėdningas* idem = рус. бедняга, лтш. *bėdnieks* = др.-рус. бѣдѣникъ, укр. бідѣник, чеш. *bídňík*, серб.-хорв. бѣдѣник³⁶, лит. *bėdũs* 'тяжелый', *bėdũ* 'тяжело' = рус. диал. *бѣдѣкий 'тяжелый', бѣдѣко

³⁵ Trautmann R. Baltisch-slavisches Wörterbuch. Göttingen, 1923, S. 121.

³⁶ Если лтш. *-ieks* восходит к прабалтийскому **-enkas*, а не **-ei-kas* (см.: Endzelin J. Lettische Grammatik, S. 265), то лтш. *bėdnieks* в словообразовательном плане следует сопоставить с рус. *бѣдѣник*, а не с укр. *бідѣник*.

'тяжело'³⁷. К этому же списку изоглосс следует отнести и лит. *bėdókas* — польск. *biedak*, чеш. *bídač*, укр. *бідак*. В сербохорватском языке слово *бѣдак* имеет несколько отличное (явно вторичное) значение: 'дурак, глупец'. В русском языке слово фактически отсутствует. Единственная фиксация рус. диал. *бѣда́к* (знач.?), в связи с ареалом (новгородск.), заставляет предполагать заимствование из польского или скорее — из литовского (место ударения!), нежели видеть здесь реликтовое слово. Об этом свидетельствует, в частности, тот факт, что в литовском языке *bėdóti* → *bėdókas* входит в весьма распространенную словообразовательную модель: *klajóti* → *klajókas* 'скиталец', *maróti* → *marókas* 'обжора' и т.д.³⁸. В русском языке нет глагола *bėdát, к тому же указанная модель дает в русском языке не *nomina agentis*, а *nomina instrumenti*: *tesat* → *тесак*, *chernat* → *черпак* и т.д. В то же время, в западнославянских языках имеются девербативные *nomina agentis* на -*ak*: чеш. *zpívati* 'петь' → *zpěvák* 'певец', *pásati* 'пасты' → *pasák* 'пастух'³⁹, польск. *biadać* 'страдать' → *biedak* 'бедняга' (в плане огласовки корня ср. польск. *biada* = *bieda*).

Приведенные факты убедительно говорят о том, что перед нами — изоглосса, охватывающая лишь часть славянского и часть балтийского ареала (среди балто-славянских лексических соответствий количество такого рода изоглосс особенно велико). И у нас нет никаких оснований считать лит. *bėdókas* заимствованием из польского языка.

4. ЛИТ. *LATĀKAS*, ЛТШ. *LATAKA* 'ЖЕЛОБ'

Почти все исследователи считают эти балтийские слова славянскими заимствованиями (Brückner FW, 102; Skardžius LW, 118; Фасмер, II, 523; Fraenkel, 342 и др.). Между тем детального анализа балтийского материала до сих пор никто не проводил. А такой анализ с неизбежностью приводит к выводу об исконности балтийских слов, о чем свидетельствуют следующие аргументы.

1) И лит. *latākas*, и рус. (диал.) *лоток* — многозначные слова. Причем, сумма значений — как совпадающих, так и расходящихся — очень велика. Совпадают, например, такие значения, как 'желоб', 'водосток', а также лит. *latākas* 'канавы для стока воды на ржаном поле' — рус. диал. *лоток* 'борозды для стока воды на поле с озимыми'. В то же время, значения 'струя', 'сосулька', 'лука', 'полоса земли' отсутствуют у русского слова, а значения 'деревянная посуда, корыто', 'лодка-плоскодонка', 'совок' — не засвидетельствованы у балтийских слов. Все это говорит скорее об исконном родстве с последующим самостоятельным развитием значений, нежели о заимствовании.

2) Ареал: слово засвидетельствовано в обоих балтийских языках — с одной стороны и только в восточнославянском и польском — с другой. Подобное ареальное распределение является типичным для славянских балтизмов⁴⁰, а не для балтийских славизмов, хотя оно нередко встречается и в случаях исконного родства.

3) Словообразовательная изолированность славянского слова — в отличие от большого количества типично балтийских словообразовательных вариантов, особенно — в литовском языке.

а) Прежде всего следует отметить известное индоевропейское чередование *e/*o в составе суффикса. Для суффиксального -*t*-, например, это чередование можно отметить в лит. *válketa* = *válkata* 'бродяга', а также в рус. *ленета* = *ленота* и др. Для суф. -*k*-: лтш. *līdēka* = *līdaka* 'шука'. Это же чередование (отсутствующее в данном случае в славянском) засвидетельствовано у анализируемых слов в обоих балтийских языках: лтш. *latēka* = *lataka* 'желоб', лит. *latēkas* = *latīkas* 'поток, струя'.

б) То же чередование *e/*o одновременно в корне и суффиксе: лит. *lėteka* = *latākas* 'желобок или трубочка для стекания березового или кленового сока', лтш. *lētēka* = *lataka* 'сосулька', ср. лит. *letėkas* — с тем же значением. Древность подобного чередования, давно утратившего свою продуктивность, косвенно подтверждается наличием подобного же реликтового чередования в славянском, ср. рус. *ленет* (ать) и *лопот* (ать)⁴¹.

4) Как отметил К. Буга (RR I, 457), обе балтийские аблаутные формы (лит. *latākas* и *letėkas*) нашли совершенно адекватное отражение в финских заимствованиях: *lotakko* и *lätäkko* 'лука, лужица'. Поскольку балтийские заимствования в прибалтийско-финские языки древнее германских и намного древнее славянских заимствований⁴², ставить вопрос о заимствовании лит. *latākas* и лтш. *lataka* из славянского (причем, в сравнительно позднюю эпоху) — просто некорректно.

5) Что касается этимологии рассматриваемых слов, то уже К. Буга сопоставил их (в древних значениях 'поток, струя; лука') с лат. *latex* 'влага, жидкость, сок' (RR I, 457). Основа латинского слова *latek*- полностью совпадает с лит. *latek-as*. К. Буга приводит также ряд литовских гидронимов с основой *Lat*-. Правда, К. Буге остались, видимо, неизвестными географические названия, которые совпадают с интересующими нас словами не только в корне (*Lat*-), но и в суффиксальной части. Это, в первую очередь, названия рек *Latakā* и *Latekšna*⁴³, причем древность последнего гидронима подтверждается полным совпадением его основы с основой лат. *latex* 'жидкость'. Поскольку в литовском языке имеется четкий деривационный тип *rūkti* 'морщиться' → *rukšna* 'угрюмец'

⁴⁰ Лаучюте Ю.А. Словарь балтизмов в славянских языках, с. 9–26, где рассматриваются балтизмы именно этого ареала (восточнославянские языки и польский).

⁴¹ Лит. *ledīškas* и лтш. *lėd(s)teka* 'сосулька' — типичный пример народной этимологии, ибо из значения 'сосулька' едва ли можно вывести остальные значения балтийских слов, а из значения 'водосток' значение 'сосулька' выводится естественно (по месту образования).

⁴² Обычно балтийские заимствования в прибалтийско-финские языки датируются II тысячелетием до н.э. См.: Основы финно-угорского языкознания. Прибалтийско-финские, саамские и мордовские языки. М., 1975, с. 116 и 119.

⁴³ Vanagas A. Lietuvių hidronimų etimologinis žodynas. Vilnius, 1981, p. 182.

³⁷ Соотношение между *bėdūs* и *bėdūi (из *bėdka*) аналогично весьма многочисленным случаям (около 100 примеров), когда литовские прилагательные на -*ūs* имеют точные славянские соответствия на -*ak*-. лит. *saldūs* — ст.-слав. СЛАДЪКЪ, *glodūs* — ГЛАДЪКЪ, *gramūs* — рус. диал. грузкий, *lavūs* — рус. ловкий и др. См. в связи с этим: Откупщиков Ю.В. Балтийские и славянские прилагательные с -*u*-основой. — Baltistica, XIX, 1, 1983, с. 23–39.

³⁸ Другие примеры см. в кн.: Skardžius P. Lietuvių kalbos žodžių daryba, p. 132.

³⁹ Бернштейн С.Б. Очерк сравнительной грамматики славянских языков. Чередования. Именные основы. М., 1974, с. 279.

ЕСТЬ ЛИ ТАКАЯ ФОРМА: *UNDUO* 'ВОДА'?

(= 'тот', кто морщится'), *veřkti* 'плакать' → *vérkšna* 'плакса', *vilgti* 'сыреть' → *vilgšnas* 'влажный' — тип, отличающийся большой древностью⁴⁴, — гидроним *Latekšna (ùpė)* 'текучая (река)' можно возвести к глаголу **latekti* 'течь', ср. типологически *Tėkančioji (ùpė)*. Конечно, заманчиво было бы вторую часть реконструированного таким образом глагола сопоставить с **tekti* > рус. *течь* и слит. *tekėti* 'течь', но начальное *La-* в этом случае остается неясным. Поэтому логичнее будет, вслед за К. Бугой, выделить корень **let-/*lot-* 'течь' (с суффиксальным **ek-/ok-*), причем, быть может, к нему следует отнести рус. диал. *лететь* 'течь (о ручье, крови, дожде)', см. СРНГ, 17, с. 16. Наконец, К. Бугой не отмечен важный топоним в юго-восточной Литве *Latākiškiai* (в польской передаче — *Łotakiszkī*)⁴⁵ — с широко распространенным в литовской топонимике суф. *-išk-*, ср., например, *kálnas* → *Kalniškiai* и *latākas* → *Latākiškiai*. В пользу изложенной этимологии К. Буги говорит также типологическая общность гидронимов *Tekupys* (к *tekėti* 'течь' и *ùpė* 'река') и *Latupys* (к **let-/lat-* 'течь' и *ùpė* 'река')⁴⁶. Широкое распространение гидронимических основ *Lat-*, *Latak-* и *Latek-* в литовской топонимике — еще одно свидетельство в пользу как древности, так и исконности рассмотренных выше балтийских слов.

* * *

Настоящая статья в известной мере является продолжением поисков исконной балтийской лексики среди литовских и латышских слов, традиционно или отдельными исследователями относимых к германизмам и славизмам. Ранее автор выдвигал аргументы в пользу исконного, а не заимствованного характера таких слов, как лит. *keřstas* = *kařstas* 'гроб', лтш. *ķirsts* 'ящик, сундук, гроб', лтш. *ķindala*, *šķendala* 'щепка', лит. *stařdas*, *stařnas* 'стойло, конюшня'⁴⁷, лит. *kliępas*, лтш. *klāps* 'хлеб'⁴⁸, лит. *kařšas*, лтш. *kauss* 'ковш'⁴⁹, лит. *remęsis*, лтш. *remesis* 'плотник', лит. *remęslas* и *remęstas* 'ремесло'⁵⁰, лит. *guřbas* 'корзина'⁵¹. Приведенные в статье примеры являются лишь выборочными. Они будут продолжены в серии последующих публикаций.

Индоевропейцам известно высказывание К. Буги об одном диалектном варианте имени существительного *vanduo* 'вода': "Форма *unduō*, имеющая такой же вокализм, как и пр. *unda-* и лтш. *ūdens* 'вода', известна только западной, приморской части северо-западного жемайтского наречия (*Lenkīmai*, зап. часть прихода *Salantai, Darbėnai*, т.е. говоры писателей Довконт и Волончевского), — той части, которая некогда была заселена корсью (куронами, лит. *kuřšiai*). Жем. с-зап. диал. *unduō* (собств. *ūndū*) я считаю куронизмом"¹. Так же думал и Я. Эндзелин, который тоже усматривал здесь связь с латинским языком и, разумеется, с прусским²; в последнее время это положение вновь встречается в переизданных трудах Я. Эндзелина³. Не останавливаясь подробно на последующей истории этого вопроса, укажем лишь на новейшие работы В. Смочинского⁴ и М.Т. Адемолло-Галлиано⁵. В первых томах академического Словаря литовского языка довольно часто приводились (из жемайтских диалектов, а также из произведений авторов, писавших на этих диалектах) формы с корнем *und-*, например *undens* 'воды', *undenie* 'в воде' (Гегренай) — LKŽ V 331, *undeniuose* 'в водах' (Пабрежа) — LKŽ VI 101, *undinelio* 'водички' (С. Даукантас) — LKŽ VI 101; ср. формы с таким же корнем из аукштайтских восточных диалектов, например, *undenio* 'воды' (Купишкис) — LKŽ V 9, (Палевяне) — LKŽ VI 120, (Віжуонос) — LKŽ VI 934; *unduo* 'вода' (Судейкяй) — LKŽ VI 130; *undenio* 'воды' (Швянчионис) — LKŽ VI 869; *undenelio* 'водички' (Палевяне) — LKŽ VII 447 и др.

В правильности данных положений и форм, а также в их истинности и аутентичности выразил сомнение В. Кипарский⁶; З.Зинкявичюс в данном случае говорит лишь об утрате согласного *v* в начале слова⁷.

Каково же на самом деле положение и происхождение формы *unduo* 'вода'? Действительно ли в говорах литовского языка есть слово с корнем *und-*, которому присущи общие черты с соответствующими ему словами в латинском, прусском и латышском языках?

1. В говорах жителей восточной Литвы (так называемых "пунтиников" — паневежцев, утянцев, вильнюсцев), произносящих *unduō* / *ūnda* / *ūndo*. / *uñ.da* / *undō*. и др., фактически есть корень *vand-*, поскольку

¹ См.: *Būga K. Rinktiniai raštai*, t. 2. Vilnius, 1959, p. 663 (ср. еще: т. 3, p. 602, 959, 996).

² *Mölenbachs J. Latviešu valodas vārdnīca, rediģējis un papildinājis J. Endzelīns*. IV. sējums. Rīga, 1929–1932, l. 405.

³ *Endzelīns J. Darbu izlase*. T. 4, 2. daļa. Rīga, 1982, l. 331.

⁴ *Smoczyński W. Indoeuropejskie podstawy słownictwa bałtyckiego*. — *Acta Baltico-Slavica*, XIV (1982), s. 214 (несомненно, автор слово *unduo* 'вода' взял из трудов К. Буги и Э. Френкеля; см. LFW, t. 2, S. 1163, 1195; ср. еще: *Wörterbuch der litauischen Schriftsprache*. 42. Lieferung. Heidelberg, 1965, S. 10.

⁵ *Ademollo-Gagliano M.T. Le corrispondenze lessicali balto-latine*. — *Estratto dall' Archivio Glottologia Italiano*, vol. LX, III — Fasc. 1–2 (1978), p. 27–28.

⁶ *Kiparski V. Die Kurenfrage*. Helsinki, 1939, S. 449.

⁷ *Zinkevičius Z. Lietuvių dialektologija*. Vilnius, 1966, p. 179.

⁴⁴ *Skardžius P. Lietuvių kalbos žodžių daryba*, p. 219.

⁴⁵ *Sulimierski F., Chlebowski B., Walowski W. Słownik geograficzny królestwa Polskiego i innych krajów słowiańskich*, n. V. Warszawa, 1884, s. 740.

⁴⁶ См.: *Vanagas A. Lietuvos TSR hidronimų daryba*. Vilnius, 1970, p. 252, 102.

⁴⁷ Все эти примеры см. в кн.: *Откупщиков Ю.В. Из истории индоевропейского словообразования*, с. 211–212 и 182.

⁴⁸ См. примеч. 22.

⁴⁹ См. ссылки на две статьи автора в примеч. 4.

⁵⁰ *Откупщиков Ю.В. Из истории балто-славянских лексических отношений*. — *Baltistica*, VII, 2, 1971, с. 123–128.

⁵¹ Он же. К этимологии лит. *guřbas*. — *Baltistica*, XII, 1, 1976, с. 65–72.

для этих говоров характерно явление $an > un$ (происхождение *und-* связано с утратой согласного *v* в начале слова в формах подобного рода: например, *ũ.ŋta ~ vānta* 'банный веник', *ũ.sas ~ vāšas* 'крюк, крючок')⁸.

2. В жемайтских говорах это явление весьма разнообразно. В южных жемайтских говорах (от Расейний до Вайнутаса и Куртувенай) имеется только форма *vandũ*. Южные жемайтские — так называемые варняйцы — произносят *võndũ* (Кведарна, Швекшна, Паюрис, Тенений, Варняй), *võndũ* || *õndũ* || *õndũn* 'вода' (Павандяне), но в винительном падеже ед. числа *ũ.ndini* 'воду'⁹ (Ужвянтис, Павандяне), *ũndũ* 'вода', *ũndens* || *vũndens* 'воды' (Куршенай), *undũ* || *vandũ* 'вода' (Шаукенай). В данном случае тоже представлен корень *vand-*, начальное *v* которого в тех говорах, где $an > on/un$, обычно утрачено. В тех северных и южных жемайтских говорах, где действует закон регрессивной ассимиляции гласных¹⁰, наряду с формой единственного числа именительного падежа (*võnd* в некоторых падежах (например, в вин. ед. числа, род. и вин. мн. числа) произносят корень *und-*: *õndõ* 'вода', *ũ.ndini* 'воду', *ũ.ndinũs* 'воды' (Моседис, Сяда, Тришкяй, Рауденай, Акмяне и др.), но *õ.ndõ* 'вода', *õ.ndeni* 'воду', *õ.ndenũs* 'воды' (Кретинга, Плунге), *võ.ndõ* 'вода', *võ.ndeni* 'воду', *võ.ndenũs* 'воды' (Эндриевас, Кулай, Гаргждай, Вейвирженай и др.). Как свидетельствуют "Lietuvių kalbos tarmės (Хрестоматия)" (в дальнейшем — ЛКТ) и наблюдения автора этой статьи, в упоминаемых К. Бугой говорах около Лянкимай, Салантай в настоящее время произносятся только *õ.ndõ* 'вода', *õ.ndẽns* 'воды' Лянкимай — ЛКТ 57, Дарбенай — ЛКТ 70, *õ.ndõ* 'вода', *õ.ndẽns* 'воды' — Салантай; по данным картотеки ЛКЖ такие же формы были зафиксированы А. Салисом в 1932 г. Возможно, что форма *unduo* 'вода' в этих местностях является результатом какого-то транспонирования или совпадения гласного *q* с *u*, поскольку аукштайтские, в особенности восточные, весьма затрудненно различают эти жемайтские гласные в безударной позиции.

3. В западных жемайтских говорах употребляется: *vā.ndõ* 'вода' (Клайпеда, Кретинга, Пликая, Довилай), *vā.ndõ* || *vandõ* 'вода' (Саугос), *vandõ* 'вода' (Кинтай, Шилуте, Русне). В современных западных жемайтских говорах нет ни малейшего намека на форму *unduo* 'вода', упоминаемую старыми лексикографами из Прусской Литвы Руйгисом и Куршайтисом¹¹.

Еще следовало бы обратить внимание на формы *undũ* 'вода', *undini* 'в воде', *su undiniu* 'с водой'¹², которые встречаются в трудах С. Даукантаса и М. Валанчюса. Звукосочетания *qm*, *qn* в жемайтских диалектах орфографически неодинаково фиксировались (в особенности в сочинениях С. Даукантаса), поэтому весьма рискованно опираться на орфографию этих авторов, ср. такие примеры, как: *giwenqntiũ* 'проживающих' "Budas Senowęs Lėtuwũ" ("Образ древних литовцев", в дальнейшем — Образ), р. 5, *ejtqnt*

'если пойти' там же, с. 5, *welqqtios* букв. 'свисающие' там же, с. 6, *qmziusi* 'в веках' там же, с. 6, *tqnkej* 'часто' там же, с. 7, *qntej* 'зашли', букв. 'зашедшие' там же, с. 8, *atsidqnginis* 'переселившиеся' там же, с. 12, *omsdejs omsditi* букв. 'дуть в трубы' "Giwatas Didiuų Karwaidũ" ("Жизнь великих воевод", в дальнейшем — Жизнь), 1846, предисловие, *qndeni pradieie mesty* 'воду начали наливать' (букв. 'бросать, кидать') "Pasakas Massiũ" ("Сказки масс") 1835, с. 31 и т.д. (ср. еще такие слова С. Даукантаса: *vandeniomi* 'водой' "Ugnies knygele" ("Книжка об огне"), 1849, с. 20, *andu* 'вода' "Naudinga bittiu knygele" ("Полезная книжка о пчелах"), 1846, с. 103). Подобным было написание этих звукосочетаний и в сочинениях М. Валанчюса, например, *Tankiej* 'часто' "Žemajtiu Wiskupiste" ("Жемайтское епископство", в дальнейшем — Епископство) 1848, ч. 1, с. 3, *priderqntej* 'надлежащим, подобным образом', там же, с. 3, *ne atnauinqnt* 'не возобновляя' там же, с. 3, *qmzie* букв. 'веки' там же, с. 4, *qzmbes* 'сохами' там же, с. 6, *lqngajs* 'окнами' там же, с. 9, *Pawqndene* 'Павандяне' там же, с. 11, *bqdos* 'стада' там же, с. 20, *sqnteklie* 'в слиянии, стечении (рек)' там же, с. 25, *gierbqns* 'уважающий' там же, с. 42, *pabqngos* букв. 'конца' там же, с. 47, но ср. *anuodums* 'их обоих' там же, с. 43, 49 (диал. *anõudõ.ms*), *tumsibiesi* 'во тьме' там же, с. 43, *bęguntęs* 'заканчивая' там же, с. 49, *sumdininkaj* 'наемники' Епископство, ч. II, с. 15 (и *sqmdininkaj* 'наемники' там же, с. 20), *tums* 'нам' (диал. — *mõ.ms*) там же, с. 170, даже *trqmpajs* 'с короткими' (диал. *trũmpõs*) и т.д.

В целом же труды этих авторов XIX в. свидетельствуют лишь о неустановившемся правописании фонем *e*, *q*, в особенности о смешении *u* и *o*. Например, *mažums* 'малость' (диал. *mažõ.ms*) Жизнь, с. 169, *ugnes* 'огонь' (диал. *õ.gnes*) Образ, с. 5, *lubas* 'потолок' "Ugnies knygele" ("Книжка об огне"), с. 10, *tur* 'имеет' там же, с. 11 и *tor* 'имеет' там же, с. 13, *munimi* 'мною' там же, с. 107 и *mąna* 'моего' "Naudinga bittiu knygele" ("Полезная книжка о пчелах"), с. 107 и др. То же явление наблюдается и в сочинениях М. Валанчюса: *kunęs giwenus Tituwienusi* 'ксендз, проживающий в Титувенай' (диал. Лянкимай, Салантай *kõ.nęks gi.vẽ.nos titovienũ.sę*) Епископство, ч. II, с. 100, *imāņņs* 'находящийся в состоянии, способный' (диал. *imã.nos*) там же, с. 146 и т.д. Эти примеры, носящие отнюдь не фрагментарный характер, свидетельствуют лишь об орфографическом варьировании жемайтской фонемы *o*, *u* и звукосочетаний *qn*, *qm* / *un*, *um*.

На основе имеющегося в настоящее время материала по литовскому языку можно сделать следующие выводы:

1. В существующих говорах литовского языка есть только слово с корнем *vand-* и различные его фонетические варианты, а именно закономерные варианты во всех северных жемайтских говорах, в южной части жемайтских говоров (варняйских) и в некоторых восточных аукштайтских говорах (в определенной части паневежского региона, на всей территории утянского и вильнюсского поднаречия).

2. Возможно, что старые тексты весьма гипотетически свидетельствуют о том, что когда-то в жемайтских говорах существовал корень *und-*. На основе несовершенной, неустановившейся орфографии, а также в результате различных колебаний ничего определенного нельзя установить. Говоры современного литовского языка этого не поддерживают. Категорическое утверждение некоторых языковедов о том, что в жемайтских говорах

⁸ Zinkevičius Z. Op. cit., p. 178. Ср. еще: Lietuvių kalbos atlasas. T. 2. Komentarai. Vilnius, 1982, p. 83, 84, 114; Grinaveckis V. Žemaičių tarmių istorija. Vilnius, 1973, p. 330.

⁹ Būga K. Rinktiniai raštai, t. II, p. 663.

¹⁰ О территории распространения регрессивной ассимиляции гласных см.: Lietuvių kalbos atlasas, t. 2. Vilnius, 1982, карты 19, 20.

¹¹ Būga K. Op. cit., p. 663 (как показывают скобки, сам Ф. Куршайтис этого слова не слышал).

¹² Būga K. Op. cit.

(по данным материалов LKŽ и восточных аукштайтских говоров) якобы существует *unduo* 'вода', необосновано фактами говоров, в результате чего его можно считать только гипотетическим, априорным. В настоящее время в литовском языке существует слово, составной морфемой которого является только корень *vand-*. Наряду с ним наблюдаются разные его образования, утратившие начальный согласный *v* (перед *u*, *u*, *o*) в определенной части говоров литовского языка. Думается, что при выяснении истории слова *vanduo* 'вода' остается правильным все, что сказано о нем Э. Френкелем¹³ (за исключением приводимого им факта *unduo* как не обоснованного).

Я. ЯНАВИЧЕНЕ

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В ЖЕМАЙЧЮ НАУМЕСТИС

Жемайчу Науместис (Литовская ССР) в лингвистическом отношении — сложный регион. Его диалект занимает небольшую территорию в северо-восточной части Шилутского р-на, что находится у самой границы бывшего Клайпедского края. Он распространен в Жемайчу Науместис и в 27 расположенных вокруг городка деревнях (примерно 8 км от Дягучай до Ужлауке, около 10 км от Сугинтай до Гирининкай и около 14 км от Паландрай до Мяшкине). В основном здесь живут местные жемайты и свыше 600 так называемых летувининков, т.е. литовцев лютеранского вероисповедания, большинство которых являются переселенцами с территории бывшей Восточной Пруссии. В деревне Сугинтай проживают русские, переселившиеся сюда в начале XX в. Кроме того до второй мировой войны в Жемайчу Науместис жило немало немцев и евреев. Итак, лингвистическая ситуация здесь была и до сих пор остается весьма сложной.

Говор местных жемайтов, составляющих большинство населения, весьма своеобразен. Они сохраняют тавтосиллабические сочетания *am*, *an*, *em*, *en*. В их речи нет ретракции ударения с последнего слога. От своих южных и восточных соседей они особенно отличаются концентрацией циркумфлекса на первом компоненте дифтонга, напр. *kāltis*, *kān* вместо литературного литовского *kaltas* 'виновен', *kā* 'что'. Примыкая к Клайпедскому краю и будучи удален от культурных центров Литвы, до второй мировой войны местный жемайтский диалект был довольно сильно изолирован от влияния других диалектов. На него не оказывал существенного влияния и литературный язык. Местный диалект сильно насыщен немецкими заимствованиями, особенно из области домашнего обихода, ремесел, быта, много и строительных терминов. Приводим некоторые примеры: *būoni* (нем. *Bahne*) 'поезд', *pūrmuons* (нем. *Fuhrmann*) 'извозчик', *dikts* (нем. *dicht*) 'крепкий', *šlèkts* (нем. *schlecht*) 'плохой', *bilderis* (нем. *nom. pl. Bil-*

der) 'картина, фото', *štūlė* (нем. *Stuhle*) 'стул', *bėnkis* (нем. *Bank*) 'скамейка', *būolė* (нем. *Ball*) 'мяч', *prīstekis* (нем. *Frühstück*) 'завтрак', *kiežas* (нем. *Käse*) 'сыр', *āncūks* (нем. *Anzug*) 'костюм', *giliūkis* (нем. *Glück*) 'счастье, удача', *šimelis* (нем. *Schimmel*) 'конь с подпалинами', *ūrlūps* (нем. *Urlaub*) 'отпуск', *gėilgėi* (нем. *geh*) 'иди' и много других. Большинство глаголов, прилагательных и даже наречий образованы от основ немецких слов при помощи литовских суффиксов (порой славянского происхождения) и окончаний, напр., *bilderiuoti* 'снимать', *liustavoti* 'веселиться', *malia-voti* 'рисовать, красить', *dūneriūti* (< герм. *donnern* 'греть') 'ругаться', *prīstekiauti* 'завтракать', *šlektiūti* 'плохо себя чувствовать, болеть', *giliūkīngā* 'счастливо, удачно', *rūndins* 'круглый' и т.п.

С точки зрения социолингвистики Жемайчу Науместис и его окрестности представляют особый интерес тем, что здесь издавна жили вышеупомянутые летувининки, сохранившиеся со времен Реформации (XVI в.) или в разное время переселившиеся сюда из бывших немецких владений (Клайпедского края и Восточной Пруссии). Речь тех и других сейчас ничем не различается, с течением времени она полностью слилась воедино. Когда началось их переселение на данную территорию, установить нелегко. Особенно интенсивным оно стало после 1810 г., когда в Восточной Пруссии было отменено крепостное право и проведена земельная реформа. Положение литовских крестьян тогда стало ухудшаться. Крестьяне были вынуждены до половины своих участков вернуть помещикам, изгонялись из своих собственных усадеб. У помещиков в то время появились первые сельскохозяйственные машины, минеральные удобрения и т.п. Большая часть лесов и земельных угодий была превращена в охотничьи заповедники, пользоваться которыми литовским крестьянам было строго запрещено. Все это привело к тому, что литовские крестьяне вынуждены были искать дополнительные доходы. С этой целью они стали перебираться через границу в Жемайčiu, особенно в окрестности Жемайчу Науместис, где со времен Реформации было немало местных жителей лютеранского вероисповедания, где издавна была лютеранская церковь. Здесь находилось много крупных хозяйств, где на хороших условиях нанимались поденные крестьяне. Многие из них оставались здесь, купив участок неплодородной земли. Здесь они строили себе дома, шли на заработки к состоятельным землевладельцам. Другой причиной миграции была интенсивная германизация территории Восточной Пруссии (Малой Литвы) в XIX в., спасаясь от которой литовцы бежали через границу. Ведь примерно с 1872 г. литовский язык в Восточной Пруссии был запрещен во всех деревенских школах. Исключение иногда делалось только для преподавания религии.

Переселившись в Жемайčiu Науместис и его окрестности, бывшие подданные Восточной Пруссии — они называли себя летувининками — жили довольно изолированно от местных жемайтов, которые их стали называть (и до сих пор называют) "немцами" или "пруссам". В начале нынешнего столетия летувининки вместе с немцами составляли более половины всего населения Ж.-Науместис. Особенно много летувининков поселилось в поросшей кустарником болотистой местности в пяти километрах от Жемайчу Науместис, в д. Паупарай. С местным населением летувининки мало общались, редко заключались смешанные браки. Позже стали встречаться браки между летувининками и русскими переселенцами начала XX в. Дело в том,

¹³ Fraenkel E. Op. cit., p. 1194—1195. В своей книге "An Old Prussian Grammar" (1974) В.Р. Шмальштиг уже не сравнивает факт прусского языка *unds* литовским *unduo* (с. 41, 48).

что те и другие считали, что православное вероисповедание и лютеранство имеют много общего, и это их связывало. Язык таких семей представлял собой смесь местного жемайтского говора и говора летувининков, причем встречались лишь некоторые русские слова. Потомки таких семей становились лютеранами.

В общем летувининки, хотя и селились изолированно, с местными жемайтами, а позднее и с русскими переселенцами жили дружно, приглашая друг друга на семейные праздники, помогая в беде. Но это не помешало летувининкам сохранить особенности своей речи. Этому во многом способствовала их религиозная литература. И по сей день у них в ходу книги, отпечатанные готическим шрифтом (чужим для жемайтов) на архаическом литовском языке, употреблявшемся прежде на территории Восточной Пруссии.

Прислушавшись к речи пожилых летувинок, нетрудно определить, что большую часть этой этнической группы составляют потомки бывших носителей западноукштайтского диалекта Восточной Пруссии. В речи современных летувинок мы легко узнаем особенности литовского языка, зафиксированного в грамматиках А. Шлейхера и Ф. Куршата. Это наиболее ярко прослеживается в беседах на религиозные темы: часто встречаются такие архаизмы, как *aš esmì* вместо *aš esù* 'я есть', *esmè* вместо *ėsame*, *dengūn* вместо *į dangų* 'в небо', *manĭespi* вместо *prie manęs* 'ко мне', *pažītumbim* вместо *pažĩntume* 'узнали бы' и т.д. Изучение таких архаизмов и вообще приписанной и сохранившейся старинной речи летувинок имеет большое значение для исследования становления современного литовского литературного языка.

Для фонетики летувинок характерно сильное сужение гласного е, даже превращение его в дифтонг *ie*, напр., *ėžers, iėžers* вместо *ėžeras* 'озеро', *mies* вместо *mēs* 'мы', *gyvėnims, gyvėnims* вместо *gyvėnimas* 'жизнь'. Взрывные согласные летувинок произносятся с более яркой аспирацией, чем жемайты (возможное влияние немецкого языка). Палатализация согласных слабее, чем у жемайтов и других литовцев. Встречаются случаи озвончения глухих согласных, напр.: *žvāgė* вместо *žvākė* 'свеча', *žvagūtė* вместо *žvakūtė* 'маленькая свеча', *šiugžlės* вместо *šiukšlės* 'мусор', *augžlė* вместо *aūkšlė* 'название рыбы'. Сильная редукция некоторых форм, напр., 3 л. наст. вр. *kėt* (= *ketina*) 'собирается', вин. п. ед. ч. *kīt* (= *kitą*) 'другого', наречия *mėnk* (= *menkai*) 'немного', *prām* (из *prādėm*) 'сразу', *tėi* (= *taip*) 'так', *šali* (= *šalia*) 'рядом'. Окончание им. п. ед. ч. причастия прошедшего времени действ. залога произносится с дифтонгом *ei* вместо *e*, напр.: *susirinkėi* (= *susirinkę*) 'собравшиеся', *atvažiavėi* (= *atvažiavę*) 'приехавшие'. В корнях отдельных слов на месте *a* представлено *e*, напр.: *katalikas* (= *katalikas*) 'католик', 1 л. ед. ч. прошед. вр. *tarneváu* (= *tarnavaui*) 'я служил', *krėutuvė* (= *krėutuvė*) 'магазин', *dengūs* (= *dangūs*) 'небо'.

Из морфологических особенностей следует указать на частое несовпадение тематических основ у существительных, напр.: *debesē* (= *debesis*) 'облако', *rūkà* (= *rūkas*) 'туман', *žusē* (= *žusis*) 'гусь', *nėrvos* (= *nėrvai*) 'нервы', *šulinė* (= *šulinys*) 'колодец', *kėpenos* (= *kėpenys*) 'печень'. В речи летуvinинков употребляется множество деминутивов, особенно с суффиксами *-ītis*, *-aitis* > *-aitis*, напр.: *ožkītis* || *ožaitis* 'козлик', *antītis* 'утенок', *erītis* || *jeraitis* 'ягненок', *kalakutītis* 'индюшонок', *versāitis* 'теленок', *višītis* 'цыпленок'.

vežimātis 'повозка' и множество других. Распространено двойственное число, причем встречаются странные формы, напр.: *jūdau abūdau* 'для вас обоих', *anīedvi* (вин. п. жен. р.) 'их двух', *anīedviau abīdviau* (дат. п. жен. р.) 'для них обеих', *mūdviau abīdviau kvētē* (вин. п. жен. р.) 'приглашали нас обеих'. Часто употребляются сложные формы местоимений (*jvardziuotiniai jvardžiai*), причем у них много параллельных вариантов, напр., им. п. мн. ч. м. р. *jiėjai* || *jiē* || *jijai* 'они', ж. р. *jōsēs* || *jōsios*, род. п. мн. ч. *jūju* 'их'. Форм винительного п. ед. ч. жен. р. отмечено даже тринадцать вариантов: *jēj* || *jāj* || *jāje* || *jājq* || *jēje* || *jējei* || *jēji* || *jēj* || *jīj* || *jān* || *jēn* || *jījei* || *jē*. Формы футура образуются без *i* (атематические), напр., 1 л. ед. ч. *ēisu* 'пойду', мн. ч. *ēisme* || *ēisma* 'пойдем'. Часто употребляются глагольные формы без приставок вместо приставочных форм, напр.: *aš tau sakīšu* вместо *pasakyšiu* 'я тебе скажу' и т.п.

В синтаксисе много немецких конструкций. Наиболее характерно сочетание предлога *ī* 'в' с вин. п. вместо локатива, напр.: *ī tūrgā* (= *tuŕguje*) *buváu* 'я был на базаре', *gūl ī lóva* (= *lóvoje*) 'лежит в кровати'. Эти конструкции употребляются не только с глаголами состояния, но и со всеми другими, причем данная конструкция стала вытеснять локатив. Приведем некоторые другие конструкции немецкого типа: *prilīgino nūo dvijū vaikū* (= *dāve palýginitq apiē dū vaikūs*) 'дал сравнение о двух детях', *pasākē ant tō brólio* (= *pasākē apie tē brólį*) 'сказал о том брате', *ant ilga laika* (= *ilgám laikui*) 'на долгое время', *manies dēl* (= *dēl manšs*) 'для меня'. Часто сказуемое помещается в конце предложения, напр., *žmoniū dāug susirinkei buva* (= *...buvo susirinkę*) 'было много народу', *nugrisáu šemī sviēti būti* (= *igriso būti šiamē pasaulyje*) 'надоело жить в этом мире' и т.п.

В лексике летувиновичков очень много немецких заимствований, которые сильно адаптированы, т.е. оформлены литовскими суффиксами и окончаниями, обычно произносимыми на жемайтский лад, напр.: *berštūoti* 'тереть мочалкой', *drīveliūti* 'болтать по-немецки' (обычно произносятся *berštūti*, *drīveliūti*) и т.п. Однако встречаются и неадаптированные лексемы, напр.: *mamā* 'мама', *ūmamā* 'бабушка', *ūpapā* 'дедушка', *fariūcht* || *faricht* 'глухой'. У таких лексем отсутствуют падежные окончания, ср. *koks ūmamā vārds* 'как зовут бабушку', *dok ūpapā pēli* 'дай дедушке нож', *ėik su papā i lauka* 'иди с папой во двор', *jis senėi faricht* 'он давно не в своем уме'. Иногда даже литовские слова переделываются на немецкий лад, напр., *kiauleriņi* (ср. нем. *Schweinerei*) 'свинство'.

Речь летувинок подвергалась также очень сильному жемайтскому влиянию. Одно и то же слово часто произносится на западноаукштайтский и жемайтский лад. Так, краткие гласные *u, i* произносятся узкими (как в аукштайтских говорах), широкими (как в местном жемайтском диалекте), встречается даже средний вариант. Дифтонги *uo, ie* сохраняются без изменений (как в аукштайтских говорах) или могут быть монофтонгизированы в долгие узкие гласные *ū, ī* (как в местном жемайтском говоре), притом иногда даже встречаются монофтонги *ō, ē* (как в окрестностях Клайпеды), напр.: *susūo* || *sesō* || *sesū* 'сестра', *pīens* || *pēns* || *pīns* 'молоко'. Варьирование еще увеличивается ввиду смешения аукштайтских *o, ē* с жемайтскими *uo, ie*. Особенно часто дублисты появляются в разговорах на бытовые темы. Тогда преобладает жемайтское произношение, а исконное аукштайтское встречается лишь изредка.

Летувининки заимствовали от жемайтов даже такой устойчивый элемент, как флексия, напр., наряду с унаследованным окончанием дат. п. ед. ч. *-ui* они сейчас употребляют и жемайтское окончание *-ū* (в аукштайтском говоре ему соответствовало бы *-uo*), напр., говорят *vīlkū* || *vīlkui* 'волку', *tūrgū* || *tūrgui* 'базару' и т.п. В настоящее время жемайтское окончание *-ū* встречается у них даже чаще, чем собственное *-ui*. Столь же часто жемайтское окончание локатива ед. ч. *-ie* (по-аукштайтски было бы *-ē*) на месте их исконного *-ujė*, напр., *akīe* наряду с *akēj(ė)* 'в глазу'.

Местный жемайтский говор также испытал некоторое влияние речи летувининков, но оно гораздо слабее, чем жемайтское влияние на речь летувининков. Очень интересна интерференция в области произношения кратких гласных *u, i*. Местные жемайты *u, i* в настоящее время произносят иначе, чем их ближайшие соседи с севера и с запада. Местные жемайты сейчас обычно произносят широкие *u, i*, но не превращают их в *o, e* (как их соседи). Совсем яркое произношение *o, e* можно услышать только в отдельных местах к северо-западу от Жемайчу Науместис. В общем произношение *u, i* варьирует, напр., можно услышать *kīts* || *kīts* || *kēts* 'другой', *mūnī* || *mūnī* || *mōnī* 'для меня' (*u, i* — немного уширенные *u, i*). Причины такого разноречия — смешение речи жемайтов и летувининков. Следует полагать, что до начала этого смешения местные жемайты *u, i* произносили как *o, e*. В результате влияния летувининков они стали их сужать. Так в речи местных жемайтов появились *u, i* и даже *u, i*. Переход наглядно виден из примеров, в которых *u, i* (*u, i*) вместо общежемайтских *o, e* другого происхождения (не из *u, i*), напр., *pradžī* вместо *pradžīa* 'начало' (здесь *-ia* из **-iā*), *sauli* вместо *saulė* 'солнце' (*-ė* из **-ē*) и др.

Из морфологических особенностей большой интерес представляет очень широкое употребление форм двойственного числа. Соседние жемайтские говоры свидетельствуют о том, что в прошлом двойственное число в окрестностях Жемайчу Науместис не было столь распространено. Оно стало часто употребляться под влиянием речи летувининков. Но самое своеобразное состоит в том, что с течением времени в говоре летувининков двойственное число стало исчезать, и в настоящее время формы двойственного числа в нем менее употребительны, чем в говоре местных жемайтов, где возникли различные новые формы двойственного числа (неизвестные языку летувининков), напр., род. п. м. р. *jūdaus* 'вас двоих', дат. п. ж. р. *jūdau* 'вам двоим', твор. п. м. р. *su jūdau abūdau* 'с вами обоими', ж. р. *su jūdviau abīdviau* 'с вами обоими'.

Под влиянием летувининков (а возможно, и местных немцев) жемайты вместо локатива стали широко употреблять конструкцию *į+аккузатив*, а также и другие синтаксические конструкции немецкого происхождения. Многие лексические германизмы, судя по их фонетическому облику, были получены жемайтами опять-таки через посредство летувининков.

Как упомянуто выше, с начала нынешнего столетия в Жемайчу Науместис и в его окрестностях появились русские переселенцы, которые были переселены сюда царским правительством из окрестностей Каунаса как опора против немецкого влияния¹. На льготных условиях они покупали или арендовали землю, изъятую у разорившихся помещиков. Это были

крестьяне, которые занимались обработкой своих небольших участков, работали на заготовках и вывозке леса за границу. С соседними жемайтами и летувининками жили дружно, несмотря на языковой барьер. С течением времени они усвоили местную жемайтскую речь, но сохранили и свой родной язык. В настоящее время многие из них переселились в города. Раньше же русские поселенцы образовывали яркий языковой остров в местном жемайтском говоре (так, например, в с. Сугинтай они составляли большинство населения). По социолингвистической квалификации их двуязычие можно считать контактным двуязычием местного значения. В семье они и в настоящее время разговаривают на своеобразном русском языке (с элементами белорусского), а с жемайтами и летувининками — на местном жемайтском наречии. В их лексике много литовских элементов из речи жемайтов и летувининков. Однако в фонетике и грамматической структуре литовское влияние не отмечено.

Во время Великой Отечественной войны отступавшие немцы силой угнали многих летувининков в Германию. После войны большинство из них вернулись в свои родные места, где живут и поныне.

В настоящее время исконная речь летувининков заметно исчезает. Лучше всего ее сохранили представители старшего поколения. На речь летувининков, особенно младшего поколения, стал еще сильнее влиять местный жемайтский диалект, а в последнее время и литературный язык. Поэтому сейчас лишь изредка можно услышать отдельные элементы произношения, грамматической структуры и лексики западных аукштайтов быв. Восточной Пруссии. Замкнутость этой этнической группы сейчас постепенно исчезает, особенно среди молодежи. В последнее время они, невзирая на конфессиональные различия, создают смешанные семьи. Речь молодого поколения летувининков быстро приближается к литовскому литературному языку. Этому способствуют школа, радио, телевидение и другие средства распространения культуры.

Изложенные данные о языке жителей Жемайчу Науместис и прилегающих к нему сел показывают, что на крохотном пространстве происходили и в настоящее время происходят очень сложные и очень интересные с точки зрения социолингвистики языковые процессы.

Автору хотелось обратить на них внимание лингвистов, с тем чтобы способствовать их дальнейшему изучению. Детальное исследование межъязыковой (литовский, немецкий, русский) и междиалектной (местный жемайтский говор и говор летувининков) интерференции представляет интерес не только в плане социолингвистики, но и с точки зрения истории становления современного литовского литературного языка.

¹ Станкевич А. Русские поселения Ковенской губернии. Вильна, 1909, с. 51.

**ПРАСЛАВЯНСКОЕ РАСПРЕДЕЛЕНИЕ АКЦЕНТНЫХ ТИПОВ
В ПРЕЗЕНСЕ ТЕМАТИЧЕСКИХ ГЛАГОЛОВ
С КОРНЯМИ НА НЕШУМНЫЕ
(Материалы к реконструкции)**

IV. Материалы к реконструкции распределения акцентных типов у глаголов на -ne- с корнями на гласные и сонанты¹.

Даже если бы не было прямых свидетельств о наличии а.п. с у рассматриваемой группы глаголов, мы должны были бы реконструировать этот акцентный тип, опираясь на косвенные свидетельства. Имеется в виду аномальное соответствие рефлексов а.п. *b* у ряда глаголов данной группы в сербо-хорватском, чакавско-кайкавском XVII в. (Ю. Крижанич) и словенском сокращенному рефлексу первичной долготы корневого гласного в западнославянских языках.

Нормально сокращенный рефлекс первичной долготы корневого гласного у глаголов на -ne-/nq- в западнославянских языках указывает на первичную а.п. *a*, что подтверждается и южнославянскими соответствиями.

**А.п. *a* у глаголов на -ne-/nq-
с корнями I морфонологического класса**

1. схрв. (RJA) *dūnuti*, 1 sg. praes. *dūnēm* (aor. 2, 3 sg. *dūnū*, part. praet. pass. *dūnūt*), pf. 'flare', (PCA) *ḍūnuti*, 1 sg. praes. *ḍūnēm*, (RJA) *nāḍunuti*, 1 sg. praes. *nāḍunēm*, чак.-кайк. XVII в. (Ю. Крижанич) *ḍbнем* (Гр. 92²), *ḍунем* (Гр. 215, сов.в.), *ḍадунем* (Гр. 215, сов.в.); словен. *dūniti*, 1 sg. praes. *dūnem* pf. 'stossen' ~ др.-чеш. *duńiti*, 1 sg. praes. *duni* (Geb. III, 245; в примерах 3 sg. praes. *dune* ŽKlem 147, 18, *neudune* Stf Mus 34^a, Stf Jes. 62², l-part. *dunul* t. Moys 10).

2. схрв. *zīnuti*, 1 sg. praes. *zīnēm* (сов.в.) 'открыть, разинуть рот', диал. ст.-черногор. *zīnūt*, 1 sg. praes. *zīnēm* (сов.в., Пешикан, 240); *ḍbzīnuti*, 1 sg. praes. *ḍbzīnēm* (сов.в., Вук) 'begähnen, obhio (?)'; чак.-кайк. XVII в. (Ю. Крижанич) *zīнем* (Гр. 92², 93²; 199: сов.в.); словен. *zīniti*, 1 sg. praes. *zīnem* pf. 'den Mund (das Maul, den Rachen) öffnen' ~ др.-чеш. *zīnūti*, 1 sg. praes. *zīni* (Geb. III, 258; в примерах l-part. *pozīnula ny* ŽKlem 123,4), чеш. диал. (Zlinsko) *obzīnūt* 'uloviti, dostati', l-part. *obzīnūt* = 'pro sebe ziskal' (Bart Sl, 247, Bart D 1, 238).

3. схрв. *pīnuti*, 1 sg. praes. *pīnēm* (сов.в.) 'столкнуть, оттолкнуть, отбросить', *pīnuti se*, 1 sg. praes. *pīnēm se* (сов.в.) 'ринуться, броситься; удариться, стукнуться', *nārinuti*, 1 sg. praes. *nārinēm* 'ринуться, броситься; нахлынуть', *zārinuti*, 1 sg. praes. *zārinēm* (сов.в.) 'втолкнуть, всадить', *ḍōrinuti*, 1 sg. praes. *ḍōrinēm* (сов.в.) 'добросить, дотолкнуть', *pōrinuti*, 1 sg. praes. *pōrinēm* (сов.в.) 'толкнуть, оттолкнуть, столкнуть' и под.; диал. ст.-черногор. *pīnūt*, 1 sg. praes. *pīnēm* (сов.в., Пешикан, 274); чак.-

кайк. XVII в. (Ю. Крижанич) *pīнем* (Гр. 92²); словен. *rīniti*, 1 sg. praes. *rīnem* impf. 'schieben, drängen; sich drängen, dringen', *rīniti se*, *rīnem se* impf. 'sich drängen, dringen', *porīniti*, 1 sg. praes. *porīnem* pf. 'einen Schub geben, hinschieben, stoßen', *narīniti*, 1 sg. praes. *narīnem* pf. 'aufdringen, aufzwingen', *zarīniti*, 1 sg. praes. *zarīnem* pf. 'hineinschieben' и под. ~ чеш. *řinouti se*, 3 sg. praes. *řine se* (несов.в.) 'струиться, литься'; словац. *rinút* sa, 3 sg. praes. *rinie sa* (несов.в.) 'бить ключом, стремительно течь'.

4. схрв. *plūnuti*, 1 sg. praes. *plūnēm* (сов.в.) 'плюнуть, выплюнуть, сплюнуть', диал. ст.-черногор. *pīnūt*, 1 sg. praes. *pīnēm* (сов.в., Пешикан, 267); чак.-кайк. XVII в. (Ю. Крижанич) *Пльнēm* (Гр. 92²; 190, сов.в.); словен. *pljūniti*, 1 sg. praes. *pljūnem* pf. 'spucken' ~ др.-чеш. *pl'umūti*, 1 sg. praes. *pl'unu* (Geb. III, 251, в примерах: l-part. *plynul* Comest. 93^a, *wyplynul* Otc. 224^a; part. praet. act. *plynuw* Krist. 70^a, *plinuw* Koř. Mark. 8, 23); современные формы перестроены: чеш. *plivnouti*, 1 sg. praes. *plivnu* (сов.в.) 'плюнуть', словац. *pl'uvnút* (сов.в.) 'плюнуть'.

5. схрв. (RJA) *sūnuti*, 1 sg. praes. *sūnēm* pf. *rīnuti*, *tisnuti*, *turnuti*; *metnuti*; *srnuti*; *sūnuti* pf. 'pasti ili doći u pamet'; чак.-кайк. XVII в. (Ю. Крижанич) *снēm* (Гр. 92², 96¹, 190: сов.в.), *Заснēm* (Гр. 190, сов.в.); словен. *sūniti*, 1 sg. praes. *sūnem* pf. 'einen Stoß versetzen, stoßen', *zasūniti*, 1 sg. praes. *zasūnem* pf. 'hineinstoßen', *posūniti*, 1 sg. praes. *posūnem* pf. 'ein wenig stoßen', *odsūniti*, 1 sg. praes. *odsūnem* pf. 'durch einen Stoß entfernen, wegstoßen' и др. ~ чеш. *sunouti*, 1 sg. praes. *sunu* (несов.в.) 'двигать, продвигать, передвигать', *zasunouti*, 1 sg. praes. *zasunu* (сов.в.) 'всунуть, засунуть, вложить; задвинуть', *posunouti*, 1 sg. praes. *posunu* (сов.в.) 'подвинуть, передвинуть', *odsunouti*, 1 sg. praes. *odsunu* (сов.в.) 'отодвинуть, отставить'; словац. *sunút* (несов.в.) 'передвигать', *zasunút* (сов.в.) 'задвинуть, вдвинуть', *posunút* (сов.в.) 'продвинуть', *odsunút* (сов.в.) 'отодвинуть' и под.

6. схрв. *plānēm* (1 sg. praes., сов.в.) 'вспыхнуть, воспламениться' (с вторичным ударением в инф.: *plānuti*), диал. ст.-черногор. *plānēm* (1 sg. praes., сов.в., инф. *plānūt*, см. Пешикан 267); *preplānēm* (1 sg. praes., сов.в.; инф. *preplānuti*) 'загореть, покрыться загаром; побагроветь, вспыхнуть (от возмущения и т.п.); ожечь'; словен. *plāniti*, 1 sg. praes. *plānem* pf. 'auf-flammen' ~ чеш. *planouti*, 1 sg. praes. *planu* (несов.в.) 'пылать, гореть', *vzplanouti*, 1 sg. praes. *vzplanu* (сов.в.) 'вспыхнуть, запылать', словац. *planút*, 3 sg. praes. *planie* (несов.в.) 'пылать', *vzplanút* (сов.в.) 'вспыхнуть', *splanút* (сов.в., = *vzplanút*), польск. *plonąć* (несов.в.) 'пылать, гореть', *zapłonąć* (сов.в.) 'вспыхнуть, загореться, воспламениться; запылать, воспылать', *splonąć* 'сгореть, покраснеть, залиться румянцем'.

7. схрв. *pōčinuti*, 1 sg. praes. *pōčinēm* (сов.в.) 'отдохнуть; остановиться; сделать паузу; почить', диал. ст.-черногор. *pōčīnūt*, 1 sg. praes. *pōčīnēm* (сов.в., Пешикан, 269); *opōčinuti*, 1 sg. praes. *opōčinēm* (сов.в.) 'начать отдыхать, начать отдых', *otpōčinuti*, 1 sg. praes. *otpōčinēm* (сов.в.) 'отдохнуть; начать отдых, перестать работать'; чак.-кайк. XVII в. (Ю. Крижанич) *Почнēm* (Гр. 92², 214: сов.в.); словен. *počīniti*, 1 sg. praes. *počīnem* pf. 'ausruhen, ausrasten', *opočīniti se*, 1 sg. praes. *opočīnem se* pf. 'ausrasten', *odpočīniti*, 1 sg. praes. *odpočīnem* pf. 'ausrasten, ausruhen' ~ чеш. *odpočinouti si*, 1 sg. praes. *odpočinu si* (сов.в.) 'отдохнуть', *spočinouti* (сов.) 'лечь, склониться', др.-чеш. *čīnūti*, 1 sg. praes. *čīnu* (Geb. III, 245, в примерах: 1 sg. praes. *otpozynu* ŽWittb. 54, 7; 3 sg. praes. *odpozine* ŽKlem. 14, 1; inf. *otpozynuti*

¹ 1 часть работы см. в сб.: Балто-славянские исследования 1981. М., 1982, с. 205–261; II и III части опубликованы в сб.: Балто-славянские исследования 1982. М., 1983, с. 3–67.

'requiescere' ŽWittb. 73, 8; l-part. sg. f. *otpoznynula* ŽWittb. 75, 9; part. praet. act. *odpoznynwffe* Krist. 29^a); словац. *odpočinút*, 3 sg. praes. *odpočinie* (сов.в.) 'отдохнуть', *spočinút*, 3 sg. praes. *spočinie* (сов.в.) 'отдохнуть; остановиться'.

Примечания. 1. В ряде этимологических словарей (см. Преображенский II, 349, Фасмер III, 804, Mashek 485 и др.) в качестве схрв. соответствия основе 5 приводится схрв. *сунути*, 1 sg. praes. *сунѣм* (сов.в.) 'немного влить, налить, плеснуть; немного всыпать, насыпать, подсыпать'. Последний глагол, однако, является вторичным производным от **suti* (< **sup-ti*), 1 sg. praes. **ърр* (ср. схрв. *посѣти*, 1 sg. praes. *посѣм* 'посыпать, засыпать; поливать, облить' и под.), что совершенно правильно отмечает RJA, ср.: "2. *sunuti, sūnuti, sūnēm* pf. malko uliti, usuti. U rječniku Vukovu s naznač. akc. (ein wenig giessen, schütten; fundo) i u Ivekovićevu (*su[p]nuti*, kao *usuti*, ispor. *suti, spem*; v. impf. *prosti sipati*). Od koj. *sup*, od kojega je *suti* (*supti*)"². Ср. также Skok, III 240, sub v. *sipati*. Оба глагола (**sūnuti* 'толкнуть, сунуть' и **sūniti* 'насыпать, плеснуть') в совр. литерат. схрв. языке подверглись контаминации с распространением просодики второго на первый (ср. Skok III, 362, sub v. *sūnuti*) и приводятся в словарях обычно в одной словарной статье (так, например, в РСХНС), что, впрочем, не оправдывает их безоговорочного смещения при этимологизации. Первичное ударение глагола *sūnuti* устанавливается в RJA в основном по показаниям старых (до Вука Караджича) источников. Такое же ударение отмечено М. Решетаром у данного глагола с значением 'прийти в голову' (Rešetar štok. Dial., 295, см. также RJA sub v. 3. *suti*, где также отмечается явное генетическое тождество последней лексемы с 1. *sūnuti* 'сунуть, толкнуть'). Это указывает, по-видимому, на сохранение до настоящего времени в некоторых штокав. диалектах у схрв. рефлекса **sūnqti* первичной акцентовки³.

2. В качестве схрв. соответствия основе 1 иногда бывает представлена форма *dūnuti*, 3 sg. praes. *dūnē* (так, например, у П. Скока, см. Skok I, 462 sub v. *dūti*), приводимая рядом схрв. словарей, начиная с Вука Караджича: "дунути, дунѣм v. pf. *blasen*, flo, spiro" (Вук 151). Этот просодический вариант является результатом фонетического развития развитого перфектива *дѹхнути*, 1 sg. praes. *дѹхнѣм* 'дунуть, подуть' от глагола несов. вида *дѹхати*, 1 sg. praes. *дѹхѣм*, 'дуть' (ср. ст.-слав. *доххати* 'дышать, дуть', чеш. *douchati* 'дуть, веять', словац. *dúchat* 'дуть' и под.) или контаминации с ним, ср. противоположное направление просодического выравнивания, по акцентовке **dūnqti* в схрв. просодическом варианте *дѹхнути* 'повеять, подуть' и в словен. *dūhniti*, 1 sg. praes. *dūhnet* pf. 'hauhen, wehen', в последнем случае с распространением рефлекса акута на имперфектив: *dūhati*, 1 sg. praes. *dūham* 'hauchen' (особую проблему представляет акцентовка словен. *dūhati*, 1 sg. praes. *dūham* 'riechen, einen Geruch empfinden'). Богатый материал, свидетельствующий о праславянском характере по крайней мере части образований от основы *дохати* представлен в ЭССЯ 5, см. sub v. **дохати* (с. 151) и sub v. **дохпѣти* (с. 151–152), где, однако, не оправдано помещение просодического варианта схрв. *дѹхнути* в статью **дохпѣти* при сохранении в статье **dūnqti* (там же, с. 157) схрв. *дунути*, восходящего к *дѹхнути* или, во всяком случае, контамината к последнему.

3. Соответствие к основе 6 в чак.-кайк. диалекте XVII в. (Ю. Крижанич) *Плѣнем* (гр. 92^a; 204, 217: сов. в.) обнаруживает отклоняющуюся от ожидаемой акцентовку, которая, по-видимому, является результатом влияния имперфектива *Плѣсам* (гр. 206, 217) и даже, возможно, результатом частичной контаминации с перфективом до последнего (**Плѣнем*), см. Гр. 206 и 217, где *Плѣнем* рассматривается как

"Једнократни" к *Плѣсам*, причем в Гр. 204 наряду с синонимичным (?) возпалѣнем (Гр. 204, без ударения), ср. словен. *plāsniti*, 1 sg. praes. *plāsnem* pf. 'aufflammen, entzündet werden' ~ *plāsati*, 1 sg. praes. *plāsam* impf. 'lodern, heftig brennen', где, очевидно, противоположное направление просодического выравнивания в результате частичной контаминации с словен. *plāniti*, 1 sg. praes. *plānem*.

Наряду с представленным выше нормальным рядом соответствий в рассматриваемой группе глаголов имеется еще ряд соответствий, который выглядит совершенно аномальным с точки зрения наших знаний об отражении праславянских долгот в западнославянских языках и его связи с акцентными типами.

ЮЖНОСЛАВЯНСКАЯ А.П. b В СООТВЕТСТВИИ С СОКРАЩЕННЫМИ РЕФЛЕКСАМИ ПРАСЛАВЯНСКИХ ДОЛГОТ В ЗАПАДНОСЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ (ГЛАГОЛЫ НА *-ле-* С КОРНЯМИ I МОРФОЛОГИЧЕСКОГО КЛАССА)

1. схрв. *помѣнути*, 1 sg. praes. *пѹмѣнѣм* (сов.в.) 'упоминать, напоминать, помянуть', *спомѣнути*, 1 sg. praes. *спѹмѣнѣм* (сов.в.) 'упоминать, помянуть', *напомѣнути*, 1 sg. praes. *напѹмѣнѣм* (сов.в.) 'напоминать, заметить, сделать примечание' и под.; чак.-кайк. XVII в. (Ю. Крижанич) *Помѣнем* (Гр. 233), *возпомѣнем* (Гр. 233), *запомѣнем* (Гр. 233), *напомѣнем* (Гр. 233), *Спомѣнем* (Гр. 92^a; 217, сов. в.); словен. *spoméniti*, 1 sg. praes. *spoménem* pf. 'erinnern; erwähnen, anführen', *spoméniti se* 'sich erinnern, gedenken' ~ чеш. *vzpomenouti*, 1 sg. praes. *vzpomenu* (сов. в.) 'вспоминать; отметить, ознаменовать', *napomenouti*, 1 sg. praes. *napomenu* (сов. в.) 'сделать замечание', *zapomenouti*, 1 sg. praes. *zapomenu* (сов. в.) 'забыть', др.-чеш. *-manúti*, 1 sg. praes. *-manu* (Geb. III, 249, в примерах: 1 sg. praes. *nezpomanu* ŽGloss. 136, 5; *zapomanu* NRada 773, *nezapomanu* ŽKlem. 118, 116, *rozpomanu* ŽWittb. Ezech. 15, *když se rozpomanu* Alx V. 800, *když se rozpomnyenu* Modl. 4^a; 2 sg. praes. *rozpomienes* ŽKlem. Hab. 2, *wzpomeneff* Pass. (část mladší) 81; *když se rozpomnyeneff* Modl. 181^a, *když se rozpomaneff* Modl. 107^b; 3 sg. praes. *zapomyene* ŽWittb. 76, 10, Alb. 53^b, 61^a, *nezapomyene* Modl. 110^a, Alb. 53^b, *wzpomane* Hrad. 139^a, *zpomane* Alx V. 597, *zapomane* Alb. 37^a, NRada 735, *zapomene* Pass. (část mladší) 175, NRada 1914; 3 pl. praes. *rozpomanu* ŽKlem. 21, 28, *zapomanu* ŽWittb. 58, 12, Modl. 110^a; а также ряд примеров на формы императива, имперфекта, аориста и неличные формы, см. Geb. III, 249–250); словац. *napomenút*, 3 sg. praes. *napomenie* (сов.в.) 'предупредить кого-л., призвать к чему-л., напомнить', *upomenút*, 3 sg. praes. *upomenie* (сов.в., = *napomenút*); польск. (старое) *wzpomniać* 'вспоминать, упоминать' (с аномальным, сокращенным рефлексом первичного долготого, ср. Brückner 641, sub v. *wzpomniać*: 'o < *e).

2. схрв. *минути*, 1 sg. praes. *миѣм* (сов.в.) 'миновать, пройти; истечь (о сроке)', диал. ст.-черногор. *миѣт*, 1 sg. praes. *миѣм* (сов. в., Пешикан, 256); *преминути*, 1 sg. praes. *прѣмиѣм* 'пройти, миновать; скончаться, умереть', *проминути*, 1 sg. praes. *прѹмиѣм* 'миновать', *разминути се*, 1 sg. praes. *размиѣм се* 'разойтись, разминуться' и под.; чак.-кайк. XVII в. (Ю. Крижанич) *Миѣнем* (Гр. 92^a, 214, 217: сов.в.), *Обмиѣнем* (Гр. 214: сов.в.); словен. *minúti*, 1 sg. praes. *minem* pf. 'vergehen, ein Ende nehmen'; *preminúti*, 1 sg. praes. *preminem* pf. 'vorübergehen, vergehen' ~ чеш. *mi-*

² RJA, XVII, с. 21 (sub v. 2 *sunuti*).

³ На наличие у этого глагола первичного нисходящего краткостного ударения (*sūnuti*) в ряде хорватских диалектов указывал также проф. Д. Брозович в своем выступлении в дискуссии по докладу Р.В. Булатовой, В.А. Дыбо, А.А. Зализняка "Теоретические основы праславянского акцентологического словаря" на IX Международном съезде славистов (Киев, 1983). Соответствующий пример из Жумберака *sūniti*, 1 sg. praes. *sūnēm* 'stossen' (см. Skok III, 262, sub v. *sūnuti*) остается, однако, за пределами собственно штокавской диалектной зоны.

nouti, 1 sg. praes. *minu* (сов.в.) 'пройти, миновать, минуть', *prominouti*, 1 sg. praes. *prominu* (сов.в.) 'пройти, миновать', *prominouti*, 1 sg. praes. *prominu* (сов.в.) 'простить, извинить', др.-чеш. *minúti*, 1 sg. *minu* (Geb. III, 250; в примерах 1 sg. aor. *mynu*ch ŽWittb. 36, 36, 3 sg. aor. *mynu* LMar. 15; l-part. *minula* Hrad 55^a, *minuli* ODub. 86; part. praet. act. *minuwſſe* ApS. 103, part. praet. pass. *minute věci* Tkadl. 2, 24, см. Geb. III, 241–243); словац. *minút*, 3 sg. praes. *minie* (сов.в.) 'пройти, минуть, миновать', *rominút* (sa) 'пройти, миновать'.

3. схрв. *vinuti*, 1 sg. praes. *vinēm* (сов.в.) 'вильнуть (напр., хвостом), взметнуть, подбросить', *zavinuti*, 1 sg. praes. *zavinēm* (сов.в.) 'завернуть, завертеть, закрутить', *savinuti*, 1 sg. praes. *savinēm* (сов.в.) 'согнуть, перегнуть; сложить, свернуть; завернуть, повернуть' и под.; чак.-кайк. XVII в. (Ю. Крижанич) *Винем* (Гр. 92), *Завинем* (Гр. 214, сов.в.), *Свинем* (Гр. 214, сов.в.) ~ чеш. *vinouti*, 1 sg. praes. *vinu* (несов. в.) 'навивать, мотать', *vinouti se* (несов. в.) 'навиваться, виться; извиваться', *zavinouti*, 1 sg. *zavinu* (сов. в.) 'свернуть, обвить, намотать; завернуть, закрутить', *svinouti*, 1 sg. praes. *svinu* (сов.в.) 'свить, смотать, свернуть; скрутить' и под.; др.-чеш. *vinúti*, 1 sg. praes. *vinu* (Geb. III, 258; в примерах 3 sg. aor. *zwinu* ApS. 37, *przywynu* NRada 27; l-part. *obynul se jest* Progr. Isa. 37. 1; part. praet. act. *obynuwſſe* Krist. 103^b; part. praet. pass. *fwynuto* ŽWittb. Ezech. 12); словац. *vinút* sa, 3 sg. praes. *vinie sa* (несов. в.) 'извиваться, виться', *zavinút* (сов.в.) 'завернуть', *zvinút* (сов.в.) 'смотать, свернуть', *odvinút* (сов.в.) 'отмотать, смотать' и под.

4. схрв. *linuti*, 1 sg. praes. *linēm* (сов.в.) 'хлынуть, полить; плеснуть, пролить (немного)'; чак.-кайк. XVII в. (Ю. Крижанич) *Линем* (Гр. 92², 199: сов.в.), [Про(?)] *Линем* (Гр. 214: сов.в.) ~ чеш. *linouti se*, 3 sg. praes. *line se* (несов.в.) 'литься, разливаться, струиться'; словац. *linút*, 3 sg. praes. *linie* 'величаво) нестись'.

5. схрв. *plīnuti*, 1 sg. praes. *plīnēm* (сов.в.) 'разлиться, затопить', *isplīnuti*, 1 sg. praes. *isplīnēm* (сов.в.) 'испариться, выветриться', *poplīnuti*, 1 sg. praes. *poplīnēm* (сов.в.) 'залить, затопить, наводнить', *rasplīnuti*, 1 sg. praes. *rasplīnēm* (сов.в.) 'распустить, дать растечься, разлиться', ~ *se* 'растечься, разлиться, расплыться; рассеяться, испариться'; чак.-кайк. XVII в. (Ю. Крижанич) *Плинем* (Гр. 92²), *Возплинем* (Гр. 212: сов.в.) ~ чеш. *plynouti*, 3 sg. praes. *plyne* (несов.в.) 'течь, литься', *rozplynouti se*, 1 sg. praes. *rozplynu se* (сов.в.) 'растопиться, растаять, раствориться', *splynouti*, 1 sg. praes. *splynu* (сов.в.) 'слиться, соединиться с чем-л.', *vyplynouti*, 3 sg. praes. *vyplyne* (сов.в.) 'проистечь, явиться следствием, получиться'; др.-чеш. *plynúti*, 1 sg. praes. *plynu* (Geb. III, 251, в примерах 3 sg. praes. (Nil) *pline* Mand 16^a, *koráb plyne* KabK. 2^b, *ne splyne* 'non defluet' ŽWittb. 1, 3; 3 pl. praes. (cestovatelé) *plynu* Mand. 83^a; 1 sg. aor. *když odtad plynu*ch, *przyplynu*ch na místa *plná nebezpečnstvie* Troj. 224^b; l-part. *deset dní biele plynul* Apoll. 134^a, *zloději byli przyplynuli k městu* Apoll. 145^a); словац. *plynut*, 3 sg. praes. *plynie* (несов.в.) 'течь, протекать', *rozplynúť sa*, 3 sg. praes. *rosplynie sa* (сов. в.) 'рассеяться', *vyplynúť* (сов.в.) 'вытечь'.

6. схрв. *obmanuti*, 1 sg. praes. *obmānēm* (сов.в.) 'обмануть' (схрв. *manuti*, 1 sg. praes. *mānēm* 'махнуть, покинуть', *zamanuti* 'замахнуться, смахнуть', *smanuti* 'сдуть, снести, сорвать, отсечь' неотделимы от соответ-

ствующих вариантов *махнути*, *заманнути*, *смахнути*, хотя, возможно, являются результатом контаминации с последними формами форм с исконной основой **man-*, поэтому они не могут быть использованы в акцентологическом сравнении); (?) чак.-кайк. XVII в. (Ю. Крижанич) *Манем се* (Гр. 217: сов.в., сомнение связано с неустановленностью лексического значения) ~ чеш. (Trávniček SJČ 884) *manouti*, 1 sg. praes. *manu* (сов.в.) = *dostati se, tanouti*; *manouti se* (сов.в.) 'мелькнуть, шевельнуться, подвернуться, представиться', *namanouti se* (сов.в.) 'подвернуться, открыться, представиться, попасться', *zamanout se* 'прийти в голову', *umapnouti si* (сов.в.) 'вздумать, вбить себе в голову'; др.-чеш. *manúti*, 1 sg. praes. *manu* (Geb. III, 248–249, в примерах 3 sg. aor. *i manu* Kat. v. 649); словац. *namanút* 'sa' 'появиться, возникнуть' (*namanula sa mu myšlienka* 'его осенила мысль'), — подробно анализ этого глагола и его окружения см. в Опыт III₁, с. 35–42.

7. чак.-кайк. XVII в. (Ю. Крижанич) *Слинем* (Гр. 92²; 212: сов.в.), *Прослинем* (Гр. 212: сов.в.) ('Еднократније' формы к Слову Гр. 212) ~ чеш. *slynouti*, 1 sg. praes. *slynu* (несов.в.) 'славиться, быть известным чем-л.'.

Примечание. Все рассматриваемые глаголы с корнями I морфонологического класса (на гласные и сонанты) относились, по-видимому, к категории глаголов однократного (мгновенного) действия. На это указывают данные южнославянских и восточнославянских языков. В ряде случаев в западнославянских языках у соответствующих бесприставочных глаголов обнаруживается несов. вид, что должно было бы служить серьезным препятствием для их генетического отождествления с южнославянскими глаголами сов. вида (во всяком случае, для акцентологического сравнения), если бы не явное тождество в большинстве таких случаев (или очевидная близость) приставочных словообразовательных гнезд, которое не оставляет сомнения в том, что мы имеем дело с генетически тождественными образованиями. Видовые различия, по-видимому, являются здесь результатом чисто семантического исторического развития, а не указывают на первичное различие словообразовательных типов (имеется в виду различие словообразовательных типов инхотативных глаголов несов. вида и глаголов единичного действия сов. вида с омонимичными суф. *-nq-* / *-ne-*). Причины этого семантического развития требуют специального выяснения, здесь же позволю только высказать предположение, что в западнославянских языках бесприставочный глагол был вторично осмыслен как имперфектив в условиях функционирования параллельных рядов близких по значению и частично синонимичных приставочных перфективов от первичного глагола и глагола на *-nq-*, при котором глагол на *-nq-* был отождествлен в видовом отношении с первичным глаголом (этот процесс можно рассматривать и как "извлечение" из приставочного перфектива на *-nq-* соответствующего ему имперфектива, тождественного по форме первичному глаголу однократного действия. Один такой случай, наблюдающийся в данной группе в восточнославянских языках (несов. вид глагола *мануть*), был подробно рассмотрен нами в Опыт III₁, с. 35–40. Согласие в данном отношении всех западнославянских языков и материалы памятников дают основание для ранней хронологизации предполагаемого процесса.

Такие (достаточно редкие) исключения из описываемого соотношения, как словен. *viniti*, 1 sg. praes. *vinem* pf. 'verrenken' (так же *izviniti*, 1 sg. praes. *izvinem* pf. 'verrenken, verstauchen', *zaviniti*, 1 sg. praes. *zavinem* pf. 'einbiegen, einlenken') или схрв. диал. (ст.-черногор.) *linút*, 1 sg. praes. *linēm* (сов.в.) 'почти лить' (Пешикан, 253), не могут, конечно, указывать на первичную а.п. а всей этой группы глаголов, которая по какой-то причине была заменена на а.п. b в южнославянских языках (это исключается не только наличием в восточнославянских языках соответствующего

подразделения, отличающегося местом ударения от а.п. *a*, но и полным отсутствием в южнославянских языках каких-либо оснований для такого процесса), и должны рассматриваться как вторичные (например, как результат перестройки по акцентовке презенса или инфинитива производящего глагола, что для словенского должно было произойти, по-видимому, довольно рано).

Таким образом, характер аномальности II группы соответствий заключается в том, что а.п. *b* южнославянских языков в западнославянских языках в глаголах с первично долготным корнем соответствует краткость, а не долгота, как это наблюдается в других группах глаголов.

Проемонстрируем нормальное соотношение рядов соответствий на примере инхотативных глаголов на *-нѣ* с корнями второго морфонологического класса (корни на шумные), оставаясь в основном в пределах группы глаголов, представленных в табл. 90 "Славянской акцентологии" (Дыбо СА, 211 — преимущественно глаголы, имеющие внеславянские соответствия). В число инхотативов включен, в известной степени условно, ряд глаголов "перемены положения". Такое объединение оправдывается наличием у последних с первыми такой общей акцентологической характеристики, как отсутствие а.п. *c*: независимо от первичной маркировки их корней эта категория, по-видимому, получала неподвижный акцентный тип так же, как соответствующие глаголы "перемены положения" с носовым инфиксом (*lęgo, *sędo), т.е. корни с первичной (—)-валентностью получали, по-видимому, (+)-маркировку. Напротив, с глаголами единичного действия их объединяет сов. вид.

РЕФЛЕКСАЦИЯ ИНХОАТИВОВ А.П. *a* В ЮЖНОСЛАВЯНСКИХ И ЗАПАДНОСЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ

1. схрв. *вѣнути*, 1 sg. praes. *вѣнѣм* (несов. в.) 'вянуть, увядать'; диал. ст.-черногор. *вѣнѣм* (несов. в., с вторичным ударением инфинитива *венѣт*, см. Пешикан, 226); чак.-кайк. XVII в. (Ю. Крижанич) *Венем* (Гр. 216: несов. в.), *Увенем*, *Уведнем* (Гр. 216: сов. в.), словен. *vēdniti*, 1 sg. praes. *vēdnet* impf. 'welken', *uvēdniti*, 1 sg. praes. *uvēdnet* pf. 'verwelken' ~ чеш. *vadnouti*, 1 sg. praes. *vadnu* (несов. в.) 'вянуть, увядать', словац. *vädnúť*, 3 sg. praes. *vädne* (несов. в.) 'увядать', польск. *wieđnąć* 'вянуть, увядать'.

2. схрв. *навѣкнути*, 1 sg. praes. *навѣкнѣм* (сов. в.) 'привыкнуть, приучить', *прѣвѣкнути*, 1 sg. praes. *прѣвѣкнѣм* (сов. в.) 'приучить, привыкнуть'; диал. ст.-черногор. *навѣкнѣт*, 1 sg. praes. *навѣкнѣм* (сов. в., Пешикан, 227); чак.-кайк. XVII в. (Ю. Крижанич) *Вѣкнем* (Гр. 216, несов. в.), *Обѣкнем* (Гр. 93¹, 214, 216: сов. в.); словен. *navikniti se*, 1 sg. praes. *naviknem se* pf. 'sich angewöhnen', *obikniti*, 1 sg. praes. *obiknem* pf. 'sich gewöhnen', *privikniti se*, 1 sg. praes. *priviknem se* pf. (= *privaditi se*) ~ чеш. *navyknouti*, 1 sg. praes. *navyknu* (сов. в.) 'приучить', *navyknouti si* 'привыкнуть, приучить себя, приучиться', *privyknouti (si)*, 1 sg. praes. *privyknu (si)* 'привыкнуть'; словац. *navyknúť*, 3 sg. praes. *navykne* (сов. в.) 'научить; привыкнуть', *privyknúť (si)* 3 sg. praes. *privykne (si)* 'привыкнуть'.

3. схрв. *обвиснути* (се), 1 sg. praes. *обвиснѣм* (се) (сов. в.) 'повиснуть на чем-л.', диал. косовско-метох. *обвиснут*, 1 sg. praes. *обвиснѣм* (Елезович II,

3-4) 'suspendi'; словен. *obísiniti*, 1 sg. praes. *obísnet* pf. 'hängen' ~ словац. *odvisnúť* 'повиснуть' (ср. Machek 568 sub v. *viseti*).

4. схрв. *гаснути*, 1 sg. praes. *гаснѣм* (несов. в.) 'гаснуть, тухнуть'; чак.-кайк. XVII в. (Ю. Крижанич) *Гаснем* (Гр. 216, несов. в.; Угаснем Гр. 216, вероятно, под влиянием итератива Угасам Гр. 216); словен. *gásniti*, 1 sg. praes. *gásnem* impf. 'allmählich erlöschen' ~ чеш. *hasnouti*, 1 sg. praes. *hasnu* (несов. в.) 'гаснуть, тухнуть'; словац. *hasnúť*, 3 sg. praes. *hasne* (несов. в.) 'гаснуть, тухнуть'; польск. диал. 3 sg. praes. *gaśnie* (Kusała, 34).

5. схрв. *гинути*, 1 sg. praes. *гинѣм* (несов. в.) 'гибнуть, погибать', диал. ст.-черногор. *гинѣт*, 1 sg. praes. *гинѣм* (Пешикан, 229); чак.-кайк. XVII в. (Ю. Крижанич) *Гибнем*, *Гинем* (Гр. 216: несов. в.), *Згинем*, *Згибнем* (Гр. 216, сов. в.); словен. *giniti*, 1 sg. praes. *gímet* impf. 'dahinschwinden' ~ чеш. *hynouti*, 1 sg. praes. *hynu* (несов. в.) 'гибнуть, погибать, умирать'; словац. *hynúť*, 3 sg. praes. *hynie* (несов. в.) 'погибать, портиться, исчезать'.

6. схрв. *клѣкнути*, 1 sg. praes. *клѣкнѣм* (сов. в.) 'упасть на колени, стать на колени', диал. ст.-черногор. *клѣкнѣт*, 1 sg. praes. *клѣкнѣм* (сов. в., Пешикан, 246); чак.-кайк. XVII в. (Ю. Крижанич) *Клѣкнем* (Гр. 93¹); словен. *naklěkniti*, 1 sg. praes. *naklěknem* pf. 'das Knie beugen, niederknien; in einer gewissen Menge hinknien', *poklěkniti*, 1 sg. praes. *poklěknem* pf. 'die Knie (das Knie) beugen, niederknien', *sklěkniti*, 1 sg. praes. *sklěknem* pf. 'wanken; eine hinkende Bewegung machen, straucheln, einen Fehltritt thun, von einem Vorhaben absteigen; zusammenstürzen, verenden, sinken' ~ чеш. *kleknouti (si)*, 1 sg. praes. *kleknu (si)* (сов. в.) 'стать, опуститься, упасть на колени'; словац. *kl'aknúť (si)*, 3 sg. praes. *klakne (si)* (сов. в.) 'стать, упасть на колени'; польск. *klęknąć (si)*, 3 sg. praes. *klękne (si)* (сов. в.) 'стать, упасть на колени'; диал. малопольск. (Kusała, 174) *klęknąć*, 1-part. *p^hoklęknu* (глагол "перемены положения").

7. схрв. *киснути*, 1 sg. praes. *киснѣм* (несов. в.) 'мокнуть; закисать; подниматься (о тесте), киснуть, прокисать'; чак.-кайк. XVII в. (Ю. Крижанич) *Киснем* (Гр. 216: несов. в.), *Укиснем* (Гр. 216: сов. в.); словен. *kisniti*, 1 sg. praes. *kisnem* impf. 'sauer sein, in das Saure ziehen' ~ чеш. *kysnouti*, 1 sg. praes. *kysnu* (несов. в.) 'киснуть'; словац. *kysnúť*, 3 sg. praes. *kysne* (несов. в.) 'киснуть'.

8. схрв. *мрзнути*, 1 sg. praes. *мрзнѣм* (несов. в.) 'мерзнуть, замерзать; холодеть, коченеть', диал. ст.-черногор. *мрзнѣт се*, 1 sg. praes. *мрзнѣм се* (несов. в., Пешикан, 257-258), *омрзнѣт*, 1 sg. praes. *омрзнѣм* (сов. в., Пешикан, 257); чак.-кайк. XVII в. (Ю. Крижанич) *Мерзнем* (Гр. 216: несов. в.), *Замерзнем* (Гр. 216: сов. в.); словен. *namrzniti*, 1 sg. praes. *namrznem* pf. 'ein wenig erfrieren'; *omrzniti*, 1 sg. praes. *omrznem* pf. 'kalt werden', *potmrzniti*, 1 sg. praes. *potmrznem* pf. '(nach einander) erfrieren', *premrzniti*, 1 sg. praes. *premrznem* pf. 'durchfrieren', *primrzniti*, 1 sg. praes. *primrznem* pf. 'anfrieren', *umrzniti*, 1 sg. praes. *umrznem* pf. 'vom Froste völlig durchdrungen werden, ausfrieren', *zmrzniti*, 1 sg. praes. *zmrznem* pf. 'gefrieren, erfrieren', *zamrzniti*, 1 sg. praes. *zamrznem* pf. 'zufrieren, einfrieren, sich mit Eis überziehen' ~ словац. *mrznúť*, 3 sg. praes. *mrzne* (несов. в.) 'мерзнуть, замерзать'; польск. диал. *maźnąć*, 1-part. *f. zamaźca* (Kusała, 39, 173).

9. схрв. *мркнути*, 3 sg. praes. *мркнѣ* (несов. в.) 'темнеть, смеркаться, меркнуть', *омркнути*, 1 sg. praes. *омркнѣм* (сов. в.) безлич. 'смеркнуться; быть застигнутым темнотой'; диал. ст.-черногор. *омркнѣт*, 1 sg. praes. *омркнѣм* (сов. в.); чак.-кайк. XVII в. (Ю. Крижанич) *Меркнем* (Гр. 216, несов.

в.), Помёркнем (Гр. 216, сов. в.); словен. *mŕkniti*, 1 sg. praes. *mŕknem* pf., impf. 'sich verfinstern', pf. 'blinzen' ~ словац. *mrknúť*, 3 sg. praes. *mrkne* (сов. в.) 'моргнуть, подмигнуть'.

10. схрв. *meknuti*, 1 sg. praes. *meknem* (несов. в.) 'делаться мягким, размякать, обмякать'; чак.-кайк. XVII в. (Ю. Крижанич) Мекнем (Гр. 216: несов. в.), Умекнем (Гр. 216: сов. в.); словен. *mekniti*, 1 sg. praes. *meknem* pf. 'weich werden' ~ чеш. *meknouti*, 1 sg. praes. *meknu* (несов. в.) 'становиться мягким, размякать, смягчаться'; словац. *máknúť*, 3 sg. praes. *mákne* (несов. в.) 'становиться, делаться мягким'; польск. *mięknąć* (несов. в.) 'становиться мягким, размягаться'.

11. схрв. *stignuti*, *stijhi*, 1 sg. praes. *stignem* (сов. в.) 'догнать, настичь; прибыть, приехать, достичь; успеть; хватать, быть достаточным', диал. ст.-черногор. *stijh*, 1 sg. praes. *stignem* (сов. в., Пешикан, 281); чак.-кайк. XVII в. (Ю. Крижанич) Достигнем (Гр. 93¹); словен. *stigniti*, 1 sg. praes. *stignem* pf. 'langen, erreichen, ankommen' ~ чеш. *stihnouti*, 1 sg. praes. *stihnu* (сов. в.) 'догнать; застать, застигнуть; постичь, постигнуть; успеть'; словац. *stihnúť*, 3 sg. praes. *stihne* (сов. в.) 'постичь, постигнуть; поймать кого-то, попасть на что-л.; успеть' (глагол 'перемены положения').

12. схрв. *stjnuti*, 3 sg. praes. *stjñe* (сов. в.) 'погаснуть, затухнуть; замереть, застыть'; *stjnuti se* (сов. в.) 'охладиться, остыть; сгуститься, затвердеть (о масле, сале и т.п.)'; чак.-кайк. XVII в. (Ю. Крижанич) Студнем (Гр. 216, несов. в.), Остуднем (Гр. 216, сов. в.) ~ чеш. *stydnouti*, 1 sg. praes. *stydnu* (несов. в.) 'стынуть, стыть; остывать; застывать, замерзать'; словац. *stydnuť*, 3 sg. praes. *stydne* (несов. в.) 'холодеть, застывать' [неясен статус чак.-кайк. варианта (?) Стинем Гр. 92², Стиднем Гр. 216 (несов. в.), Остиднем, йнем, Обстиднем, йнем Гр. 216 (сов. в.)]. Результат междиалектного заимствования? Контаминации?]

13. схрв. *patjnuti*, 3 sg. praes. *patjñe* (сов. в.) 'перестать, прекратиться', диал. ст.-черногор. *patjñut*, 1 sg. praes. *patjñnem* (сов. в., Пешикан, 265); чак.-кайк. XVII в. (Ю. Крижанич) Тихнем (Гр. 217, несов. в.), Утихнем (Гр. 217, сов. в.); словен. *utihniti*, 1 sg. praes. *utihnem* pf. 'still werden, verstummen; sich legen, aufhören (veter je utihnil)', *utihniti*, 1 sg. praes. *utihnem* pf. = nehati (posebno o dažju, o vetru in viharju): *daž je utihnil*. ~ чеш. *tichnouti*, 1 sg. praes. *tichnu* (несов. в.) 'утихать, стихать, затихать, смолкать', *utichnouti*, 1 sg. praes. *utichnu* (сов. в.) 'утихнуть, стихнуть, затихнуть, замолкнуть' (неясную долготу показывает словацкий *tichnúť* (несов. в.) 'утихать', *stichnúť* (сов. в.) 'стихнуть, притихнуть, утихнуть', *utichnúť* (сов. в.) 'утихнуть, стихнуть, улежся, умолкнуть').

14. схрв. *niknuti*, *nihi*, 1 sg. praes. *niknem* (сов. в.) 'прорасти, вырасти; возникнуть', диал. ст.-черногор. *niknúť*, 1 sg. praes. *niknem* (сов. в., Пешикан, 260); чак.-кайк. XVII в. (Ю. Крижанич) Никнем (Гр. 93², 216, несов. в.), Вникнем (Гр. 216, сов. в.); словен. *nikniti*, 1 sg. praes. *niknem* pf. 1. 'entspringen, hervorkeimen', 2. 'hervordringen' (impf.?: *vлага nikne iz dreves*), *vznikniti*, 1 sg. praes. *vzniknem* pf. 'aufgehen, aufkeimen' ~ чеш. *vzniknouti*, 3 sg. praes. *vznikne* (сов. в.) 'возникнуть, появиться', словац. *vzniknúť* (сов. в.), 3 sg. praes. *vznikne* (сов. в.) 'возникнуть, зародиться, появиться; произойти' (глагол 'перемены положения')?].

15. словен. *nabrėkniti*, 1 sg. praes. *nabrėknem* pf. 'anschwellen, aufdunsen' (также *nabrėkniti*, 1 sg. praes. *nabrėknem* pf. 'anschwellen machen; schwellen

gein'), *obrėkniti*, 1 sg. praes. *obrėknem* pf. 'schwellen, aufdunsen', *zabrėkniti*, 1 sg. praes. *zabrėknem* pf. 'ein wenig aufdunsen, verschwellen' ~ польск. *brzęknąć* 'набухать, вздуться' (Brückner, 45: 'nabrzmiwać'), *obręknąć* 'опухнуть, распухнуть', ср. также польск. *nabrzękły*, *obrękły* 'опухший, одутловатый' (по-видимому, дескриптивным характером основы или ее вторичной дескриптивизацией объясняется неустойчивость ее тональной характеристики, проявляющаяся в схрв. отклонении: *brėknuti*, 1 sg. praes. *brėknem* 'набухать, разбухать' (РСА II, 145), *nabrėknuti*, 1 sg. praes. *nabrėknem* 'набухнуть, разбухнуть, раздуться', *zabrėknuti*, 1 sg. praes. *zabrėknem* 'разбухнуть, забухнуть', диал. ст.-черногор. *zabrėknúť*, 1 sg. praes. *zabrėknem*, сов. в., см. Пешикан, 224).

16. чеш. *prahnouti*, 1 sg. praes. *prahnu* (несов. в.) 'сохнуть, высыхать; страдать от жажды, жадать чего-л.'; словац. *prahnúť*, 3 sg. praes. *prahne* (несов. в.) 'жаждать чего-л.'; польск. диал. 1 sg. praes. *nie pragne*, 3 sg. praes. *nie pragne* (Kusařa, 237). Основа зафиксирована лишь в западнославянских языках (и в восточнославянских, но здесь она, возможно, заимствована из польского), предположение об акуте коренного согласного поддерживается показаниями южнославянских каузативов: схрв. *prājiti*, 1 sg. praes. *prājim* 'трещать (о ружьях), взрываться (о звуке)', обл. 'жарить, поджаривать'; словен. *prāžiti*, 1 sg. praes. *prāžim* impf. 'schmoren, rösten, prāželn', — и внеславянскими соответствиями (см. Дыбо СА, 211), а акц. тип достаточно надежно устанавливается инхоативным характером глагола; форма Ю. Крижанича *Prāgnem* (Гр. 216, несов. в.) из-за его пометы Лех. не может считаться формой чак.-кайк. диалекта XVII в.

Примечание. У ряда основ этой группы в словенском обнаруживается неустойчивость в рефлексии первичной а.п., что отражается в наличии у них расходящихся акцентов, ср. с приведенными выше: 1. *vėniti*, 1 sg. praes. *vėnem* impf. 'welken', *zvėniti*, 1 sg. praes. *zvėnem* pf. 'verwelken', *uvėniti*, 1 sg. praes. *uvėnem* pf. 'verwelken', *povėniti*, 1 sg. praes. *povėnem* (также варианты *povėdniti*, *povėhniti*) pf. 'abwelken, nacheinander verwelken', *prevėniti*, 1 sg. praes. *prevėnem* pf. 'durch und durch welk werden, durchwelken; abdorren', *odvėniti*, 1 sg. praes. *odvėnem* pf. 'verwelken und abfallen, abwelken', *obvėniti*, 1 sg. praes. *obvėnem* pf. 'trocken werden', *ovėniti*, 1 sg. praes. *ovėnem* pf. 'verwelken, etwas trocken werden', *navėniti*, 1 sg. praes. *navėnem* pf. 'anwelken' (ср. равные по значению соответствующие словообразовательные варианты: *venėti*, *im*; *zvenėti*, *im*; *povenėti*, *im*; *ovenėti*, *im*); 2. *klėkniti*, 1 sg. praes. *klėknem* pf. 'eine knickende, wankende Bewegung machen'; *preklėkniti*, 1 sg. praes. *preklėknem* pf. 'den Platz des Kniens ändern', *priklėkniti*, 1 sg. praes. *priklėknem* pf. 'hinzuknien', *uklėkniti*, 1 sg. praes. *uklėknem* pf. 'eine wankende Bewegung machen, wanken, fehltreten', *oklėkniti*, 1 sg. praes. *oklėknem* pf. 'umfallen (von Saaten)'; 3. *mŕzniti*, 1 sg. praes. *mŕznem* impf. 'frieren, zu Eis werden'. Причины этих колебаний требуют специального изучения.

РЕФЛЕКСИЯ ИНХОАТИВОВ А.П. Б С ПЕРВИЧНОДОЛГОТНЫМИ КОРНЯМИ В ЮЖНОСЛАВЯНСКИХ И ЗАПАДНОСЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ

1. схрв. диал. (Brusje) *zavėznuti* 'zapasti nogom između dva oštra i nepomična kamena' (см. Skok III, 583); чак.-кайк. XVII в. (Ю. Крижанич) Вѣзнем (Гр. 93¹, 215: несов. в.) Увѣзнем (Гр. 215, сов. в.), 1-part. *Ѡвѣзѣл*, [Ѡв]ѣзел, [Ѡв]ѣзла, [Ѡвѣз]ло (Гр. 93¹); словен. *uvėzniti*, 1 sg. praes. *uvėznem* pf., (tr.) 'einklemmen', (intr.) 'stecken oder hängen bleiben', *zavėzniti*, 1 sg. praes. *zavėznem* pf. 'mit einem umgestürzten Gefäß bedecken; mit einem Deckel zudecken; den Ofen (durch Vorstellung einer Platte) verschließen' ~ чеш. *váznouti*,

1 sg. praes. *váznu* (несов.) 'застрывать, задерживаться', *uváznuoti*, 1 sg. praes. *uváznu*, диал. *uvíznouti*, 1 sg. praes. -и (сов. в.) 'увязнуть, завязнуть, застрять'; словац. *viaznuť*, 3 sg. praes. *viazne* (несов. в.) 'вязнуть, увязать, застрывать', *uviaznuť*, 3 sg. praes. *uviazne* (сов. в.) 'завязнуть, увязнуть', *zaviaznuť*, 3 sg. praes. *zaviazne* (сов. в.) 'застрять'; польск. (SJPD) *wiąznąć* устар. 'вязнуть, застрывать', ст.-польск. (SJPD) *nawiąznąć*, *uwiąznąć*, *zawiąznąć*.

2. чак.-кайк. XVII в. (Ю. Крижанич) Зёбнем (Гр. 92²; 216, несов. в.), Озёбнем (Гр. 92²; 216, сов. в.), 1 sg. aor. Озёбнѣх (Гр. 92²), 1-part. Озёбнѣл, Озёбел (Гр. 92²) ~ чеш. *zábnuoti*, 3 sg. praes. *zábne* (несов. в.) 'зябнуть, стынуть, мерзнуть', диал. *zíbne mně* (Bart D. 2, 174), *ozábnuoti*, 1 sg. praes. *ozábnu* (сов. в.) 'замерзнуть, озябнуть', диал. *ozíbnuť* (Bart D. 2, 43); словац. *ziabnuť* (несов. в.) 'зябнуть', *vyziabnuť*, 3 sg. praes. *vyziabne* (сов. в.) 'прозябнуть; похудеть'; польск. диал. *ziąbnąć* (несов. в.) (несов. в., Kusała, 173; 2 sg. imper. *zóbniżę*), *oziąbnąć* (сов. в., Kusała, 38; 3 sg. praes. *uozóbnie*), *uziąbnąć* (сов. в., Kusała 173 sub v. *ziąbnąć*; 1-part. pl. *uozóbni*).

3. схрв. *mǔknuti*, 1 sg. praes. *mǔknēm* (несов. вид) 'хрипнуть, терять голос; замолкать', *izmǔknuti*, 1 sg. praes. *izmǔknēm* 'охрипнуть', *promǔknuti*, 1 sg. praes. *promǔknēm* 'охрипнуть, осипнуть'⁴, чак.-кайк. XVII в. (Ю. Крижанич) *ǔmólknem* (Гр. 93²) ~ словац. *mĺknuti* (несов. в.) 'молкнуть', *umĺknuti*, 3 sg. praes. *umĺkne* (сов. в.) 'умолкнуть', *zamĺknuti*, 3 sg. praes. *zamĺkne* (сов. в.) 'смолкнуть, умолкнуть', *zmĺknuti*, 3 sg. praes. *zmĺkne* (сов. в.) 'смолкнуть'.

4. схрв. *prěgnuti*, 1 sg. praes. *prěgnēm* (сов. в.) 'приняться, решиться, решительно взяться (за что-л.)', *naprěgnuti*, 1 sg. praes. *naprěgnēm* (сов. в.) 'напрячь', *zaprěgnuti*, 1 sg. praes. *zaprěgnēm* (сов. в.) 'запрячь', *priprěgnuti*, 1 sg. praes. *priprěgnēm* (сов. в.) 'запрячь, впрячь; припрячь', *спрěgnuti*, 1 sg. praes. *спрěgnēm* (сов. в.) 'запрячь в пару', *распрěgnuti*, 1 sg. praes. *распрěgnēm* (сов. в.) 'распрячь, выпрячь', *испрěgnuti*, 1 sg. praes. *испрěgnēm* (сов. в.) 'выпрячь, распрячь', *отпрěgnuti*, 1 sg. praes. *отпрěgnēm* (сов. в.) 'отпрячь, распрячь; выпрячь', *унпрěgnuti*, 1 sg. praes. *унпрěgnēm* (сов. в.) 'запрячь, впрячь, заложить (лошадей)', диал. ст.-черногор. *унпрěgnūt*, 1 sg. praes. *унпрěgnēm* (сов. в., Пешикан, 270); чак.-кайк. XVII в. (Ю. Крижанич) *Запрěгнем* (Гр. 93¹) ~ чеш. *napřáhnouti*, 1 sg. praes. *napřáhnū* (сов. в.) 'протянуть (руку)', *zapřáhnouti* (сов. в.) 'запрячь', *připřáhnouti* (сов. в.) 'припрячь, подпрячь', *spřáhnouti* (сов. в.) 'запрячь (вместе)', *rozpřáhnouti* (сов. в.) 'расставить, раскинуть, развести (руки и под.)', *vyupřáhnouti* (сов. в.) 'выпрячь, распрячь', *odpřáhnouti* (сов. в.) 'отпрячь, распрячь'; словац. *zapria-hnuti*, 3 sg. praes. *zapria-hne* (сов. в.) 'запрячь, заложить (лошадей)', *pripria-hnuti* (сов. в.) 'припрячь', *spria-hnuti* (сов. в.) 'связать', *vyupria-hnuti* (сов. в.) 'распрячь, выпрячь', *odpria-hnuti* (сов. в.) 'отпрячь'; польск. (SJPD, устар.) *zaprzęgnąć*, диал. *zapřęgnąć koła* (Kusała, 104) (возможно, глагол "смены положения")).

5. схрв. *dosěgnuti*, 1 sg. praes. *dosěgnēm* (сов. в.) 'достать (рукой)', достигь, добраться', *posěgnuti*, 1 sg. praes. *posěgnēm* (сов. в.) 'посягнуть';

⁴ Требуется специального изучения нормативное распределение *izmǔknuti*, *promǔknuti* ~ *umǔknuti*, *zdmǔknuti* (так у Вука и т.д.). Хотя оно явно не охватывает всей штокавской области, но по характеру позиций представляется довольно старым и, возможно, связано с неустойчивостью долготы слоговых сонантов после первично долготных приставок.

потянуться, протянуть руку (чтобы взять); двинуться, направиться', *on-segnuti*, 1 sg. praes. *on-segnēm* (сов. в.) 'обхватить, обнять, захватить', *pre-segnuti*, 1 sg. praes. *pre-segnēm* (сов. в.) 'схватить, перехватить; перевесить, получить преобладание, превесить', *prisegnuti*, 1 sg. praes. *prisegnēm* (сов. в.) 'присягнуть, принять присягу; привести к присяге (кого-л.)', взять клятву', диал. ст.-черногор. *dosěgnūt*, 1 sg. praes. *dosěgnēm* (сов. в., Пешикан, 277) (По утверждению Дж. Даничица, см. Даничић 117, этот глагол употребляется только с приставками; бесприставочная форма, приводимая Вуком и вслед за ним другими словарями, *сěgnuti се*, 1 sg. praes. *сěgnēm се*, сов. в., 'потянуться за чем-л., протянуть руку', ср. диал. ст.-черногор. *сěgnūt*, 1 sg. praes. *сěgnēm*, сов. в. 'трюнуть' — Пешикан, 277, — по-видимому, является региональной и представляет собой новое образование от имперфектива *сєзати се* или во всяком случае обязана последнему своей акцентуацией); чак.-кайк. XVII в. (Ю. Крижанич) *Сєгнем* (Гр. 93¹) ~ чеш. *sáhnouti*, 1 sg. praes. *sáhnū* (сов. в.) 'трюнуть, потрогать (рукой)', коснуться (рукой), дотронуться (рукой)', *dosáhnouti*, 1 sg. praes. *dosáhnū* (сов. в.) 'достать (рукой) до чего-л.; достичь (дойти, доехать, долететь, доплыть); достигнуть', *obsáhnouti*, 1 sg. praes. *obsáhnū* (сов. в.) 'охватить, обхватить', *presáhnouti*, 1 sg. praes. *presáhnū* (сов. в.) 'превысить, превзойти'; словац. *siahnuti*, 3 sg. praes. *siahne* (сов. в.) 'достать', *dosiahnuti*, 3 sg. praes. *dosiahne* (сов. в.) 'достать', *obsiahnuti* (сов. в.) 'объять, охватить; постигнуть, постичь; достигнуть, добиться чего-л.', *presiahnuti* (сов. в.) 'превысить'; польск. *osiągnąć* (сов. в.) 'достигнуть, достичь, добиться', диал. *uosiągnonąć zagarnąć* (Kusała, 86, sub v. *zaosiągnąć*), *zaosiągnąć zagarnąć* (Kusała, 86; *zaosiągnonąć*, устар. (SJPD) *dosiągnąć*, *zasiągnąć*, диал. (SJPD) *posiągnąć*, *zasiągnąć* (глагол "смены положения")).

6. схрв. *osěknuti*, 1 sg. praes. *osěknēm* (сов. в.) 'отхлынуть, отойти, отступить; ослабеть, обессилеть'⁵; ? чак.-кайк. XVII в. (Ю. Крижанич) *Осєкнем* (Гр. 93², сомнение вызвано неустановленностью лексического значения) ~ чеш. (Trávníček SJČ) *sáknouti* (несов. в.) 'zvolna otekati, podirati se, ztráceti se' (*voda sákně do písku*), *vsáknouti* (сов. в.) 'впитать', ~ *se* 'впитаться' (Trávníček SJČ: *vsáknouti do země*), *nasáknouti* (сов. в.) 'пропитаться, стать пропитанным, насыщенным чем-л.', *prosáknouti* (сов. в.) 'просочиться, проникнуть; пропитаться; намокнуть, промокнуть'; словац. *siaknuti* 'sáknouti' (Machek, 438), *vsia-knuti*, 3 sg. praes. *vsia-kne* (сов. в.) 'впитаться', *nasia-knuti* (niečím) 'впитать в себя что-л.', *presia-knuti* (сов. в.) 'просочиться, проникнуть; пропитаться, промокнуть'; польск. *nasiąknąć* 'пропитаться, напитаться (влагой)', *prze-siąknąć* 'просочиться', *wy-siąknąć* 'просочиться; иссякнуть', *w-siąknąć* 'впитать, впитаться', диал. *w-siąknąć* 'zginąć' (*kaśi fśistkě baby fśękny* — Kusała 51). Не входит в рассматриваемую группу омонимичная основа *sěknuti 'высморгаться', тождественная приведенной как с точки зрения сегментного состава, так и просодически. Она представляет собой глагол однократного (мгновенного) действия сов. вида и может быть связана с *sěknuti 'течь, сочиться' лишь достаточно отдаленной связью.

⁵ Словен. *osěkniti*, 1 sg. praes. *osěknem* pf. 'ebben' так же, как и словен. *osěka* f. 'die Ebbe' (см. Bezljaj II, 255), очевидно, заимствовано (с соответствующей перестройкой) из схрв.

7. схрв. *трнѹти*, 1 sg. praes. *трнѣм* (несов. в.) 'цепенеть, затекать, неметь, мертветь; затухать, остывать' (*трнѹ ми зуби* 'я набил оскомину'), *претрнѹти*, 1 sg. praes. *претрнѣм* (сов. в.) 'оцепенеть, обмереть (от страха, от холода и т.п.); одеревянуть, затечь, зайти'; *протрнѹти*, 1 sg. praes. *протрнѣм* (сов. в.) 'затечь, онеметь', *утрнѹти*, 3 sg. *утрнѣ* 'онеметь, окоченеть, одеревянуть' (о руке, ноге и т.п.)⁶ ~ словац. *ітрнѹти*, 3 sg. praes. *ітрнѣ* (несов. в.) 'затекать (о руке, ноге), цепенеть (от страха)', *стїрнѹти*, 3 sg. praes. *стїрнѣ* (сов. в.) 'затечь (о руке, ноге); замереть (от страха)'; польск. диал. *ściernąć* (*żaze zęby ściernąć*, Kusała, 172, sub v. *ściernąć*; *ścїrнѹ zъmbу*, Kusała, 189, sub v. *oskomina*), *ściernąć* 'ściernąć, zdrętwieć' (*ścїrнѹнѣ*, Kusała, 188, sub v. *skoleńczeć*).

8. схрв. *натѣгнути*, 1 sg. praes. *натѣгнѣм* (сов. в.) 'натянуть, перетянуть, затянуть', *потѣгнути*, 1 sg. praes. *потѣгнѣм* (сов. в.) 'потянуть, протянуть', *затѣгнути*, 1 sg. praes. *затѣгнѣм* (сов. в.) 'затянуть, натянуть, стянуть', *стѣгнути*, 1 sg. praes. *стѣгнѣм* (сов. в.) 'стянуть, затянуть; сжать, сдвинуть' (также с приставками: *до-*, *из-*, *испо-*, *о-*, *попри-*, *поу-*, *пре-*, *при-*, *про-*, *раз-*, *са-*, *у-*, *завз-*); диал. ст.-черногор. *потѣгнѹт*, 1 sg. praes. *потѣгнѣм* (сов. в.), Пешикан, 170); чак.-кайк. XVII в. (Ю. Крижанич) *Потѣгнем* (Гр. 93¹); словен. *tėgniti*, 1 sg. praes. *tėgнем* impf. 'liefern, geben'; 'Zeit haben', *tėgniti se* 'sich strecken', *natėgniti*, 1 sg. praes. *natėgнем* pf. 'anziehen, spannen; genug zukommen lassen', *potėgniti*, 1 sg. praes. *potėgнем* pf. 'einen Zug thun, ziehen', *zatėgniti*, 1 sg. praes. *zatėgнем* pf. 'durch Ziehen schließen, zuziehen, zuschnüren', *stėgniti*, 1 sg. praes. *stėgнем* pf. и под. ~ чеш. *táhnouti*, 1 sg. praes. *táhnѹ* (несов. в.) 'тащить, тянуть', *potáhnouti*, 1 sg. praes. *potáhnѹ* (сов. в.) 'обить, обтянуть' и под.; словац. *tiahnut*, 3 sg. praes. *tiahne* (несов. в.) 'тянуть', *potiahnut*, 3 sg. praes. *potiahne* (сов. в.) 'потянуть; обтянуть, обить (чем.-л.)', и под., польск. *ciągnąć* (несов. в.) 'тянуть; тащить, везти; тянуться, двигаться', *ociągnąć* (сов. в.) 'потянуть, привлечь, увлечь', и под., диал. *ciągnąć* (*ćognąć*, Kusała, 92; 3 pl. praes. *ćognę*, Kusała, 114).

9. словац. *hriaznut*, 3 sg. praes. *hriazne* (несов. в.) 'погрязать'; др.-чеш. *-hřáznuiti*, 1 sg. praes. *-hřáznu* (Geb. III, 247, наряду с *-hřáznuiti*); польск. диал. *grzqznąć* (Sławski I, 372), *zagrziqznąć* (SJPD), эта же огласовка в языке XVIII в. (наряду с *grziqznąć*, см. Sławski I, 372). Ср. также вариант с другой ступенью аблаута: чеш. диал. *hrúznuti* (Bart D 2, 319; 3 sg. praes. *hrúzne*, *l-part. zahruznuti*), польск. диал. (SJPD) *grqznąć* (также в литературе со II пол. XVII в., см. Sławski I, 372). Наличие исключительно рефлексов а.п. *a* в южнославянских языках заставляет предполагать уже на праславянском уровне просодический вариант этой основы а.п. *a*, ср. схрв. *грѣзѹти*, 1 sg. praes. *грѣзнѣм* (несов. в.) 'вязнуть, погрязать; подниматься, набухать (о тесте, хлебе и т.п.)', *огрѣзѹти*, 1 sg. praes. *огрѣзнѣм* (сов. в.) 'погрязнуть; погрузиться, потонуть; разлиться'; *поогрѣзѹти*, 1 sg. praes. *поогрѣзнѣм* (сов. в.) 'погрязнуть, погрузиться; ввалиться', *угрѣзѹти* = *огрѣзѹти*; чак.-кайк. XVII в. (Ю. Крижанич) *Грѣзем* (Гр. 93¹; 216 : несов. в.), 1 sg. аог. *Ѣгрѣзнѣх* (Гр. 93¹), *l-part. Грѣзнѣл*, *Грѣзел* (Гр. 93¹), *part. praet. act. Ѣгрѣзнѣвши* (Гр. 93¹); словен. *grėzniti*, 1 sg. praes. *grėzнем* impf. 'einsinken', *pogrėzniti*, 1 sg. praes. *pogrėzнем* pf. 'versenken; unter eine

Flüssigkeit tauchen', *p. se* 'sich untertauchen', *ugrėzniti*, 1 sg. praes. *ugrėzнем* pf. 'einsinken, versinken', *zagrėzniti*, 1 sg. praes. *zagrėzнем* pf. *l. tr.* 'versenken', *z. se* 'versinken', 2. intr. 'versinken', — с которыми согласуются и др.-чеш. краткосложный вариант, и польский нормативный вариант *grzeznąć*.

Примечание. В последней группе форм при полной регулярности соответствия чешских и словацких долгот рефлексам а.п. *b* глаголов с долготным корнем в схрв. (штокавском) и чак.-кайк. XVII в. (Ю. Крижанич) обнаруживаются, по-видимому, инновационные отклонения в двух диалектных областях.

А. Диалектная область, к которой восходит словенская нормативная акцентовка (видимо, лишь южнословенская зона), где мы наблюдаем у большинства рассматриваемых глаголов первичной а.п. *b* словенский рефлекс а.п. *a* : 1. словен. *vėzniti*, 1 sg. praes. *vėzнем* pf. 'stecken bleiben' (но ср. приставочные глаголы выше); 2. словен. *ozėbniti*, 1 sg. praes. *ozėbнем* pf. 'vom Frost Schaden erleiden, erfrieren', *zazėbniti*, 1 sg. praes. *zazėbнем* pf. 'durch Frost beschädigt werden'; 3. словен. *umōtkniti*, 1 sg. praes. *umōtkнѹт* pf. 'verstummen, stille werden', *zamōtkniti*, 1 sg. *zamōtkнѹт* pf. 'verstummen; die Sprache verlieren; sterben'; 4. словен. *sėgniti*, 1 sg. praes. *sėgнем* pf. 'den Arm nach einem Ziele ausstrecken, langen' *dosėgniti*, 1 sg. praes. *dosėgнем* pf. 'langen, erreichen', *posėgniti*, 1 sg. praes. *posėgнем* pf. 'langen', *prisėgniti*, 1 sg. praes. *prisėgнем* pf. 'schwören, einen Eid ablegen'; 5. словен. *osėkniti*, 1 sg. praes. *osėkнем* pf. 'trocken werden', *posėkniti*, 1 sg. praes. *posėkнем* pf. 'austrocknen'; 6. словен. *usėkniti*, 1 sg. praes. *usėkнем* pf. 'schneuzen', *usėkniti luč* 'das Licht putzen'; 7. словен. *otřpniti*, 1 sg. praes. *otřpнем* pf. 'erstarren', *utřpniti*, 1 sg. praes. *utřpнем* pf. 'erstarren'. Такого рода отклонения словенский нормативный показывает и за пределами очерченной группы инхотативных глаголов. Ими охвачен также и ряд глаголов однократного действия, в которых схрв. (штокавский) регулярно обнаруживает рефлекс а.п. *b* : 1. словен. *būkniti*, 1 sg. praes. *būknем* pf. 'losbrechen, einfallen, losstürzen, ausbrechen' (? схрв. *бўкнути* 1 sg. praes. *бўкнѣм* 'вспыхнуть, вспылить'); 2. словен. *hrākniti*, 1 sg. praes. *hrākнем* pf. 'sich (einmal) räuspern' (схрв. *хрākнути*, 1 sg. praes. *хрākнѣм* 'харкнуть, отхаркнуть'); 3. словен. *kīhniti*, 1 sg. praes. *kīhнем* pf. 'einmal niesen' (схрв. *кїнути*, 1 sg. praes. *кїнѣм*, *kīхнути*, 1 sg. praes. *kīхнѣм* 'чихнуть'); 4. словен. *māhniti*, 1 sg. praes. *māhнем* pf. 'eine schwingende Bewegung machen' (схрв. *мāхнути*, 1 sg. praes. *мāхнѣм* 'махнуть'); 5. словен. *ffkniti*, 7 sg. praes. *ffkнем* pf. 'huschen, schwirrend entfliegen; einen leichten Schlag versetzen' (схрв. *фрākнути*, 1 sg. praes. *фрākнѣм* 'вспорхнуть, улететь; фыркнуть'); 6. словен. *pūhniti*, 1 sg. praes. *pūhнем* pf. 'hauhend oder wehend stoßen' (схрв. *пўхнути*, 1 sg. praes. *пўхнѣм*, *пўнути*, 1 sg. praes. *пўнѣм* 'дунуть; испорхнуть воздух, навонять'); 7. словен. *smūkniti*, 1 sg. praes. *smūkнем* pf. 'huschen, schlüpfen, gleiten, schießen, abstreifen' (схрв. *смўкнути*, 1 sg. praes. *смўкнѣм* 'выхватить, выдернуть, обнажить (оружие); шмыгнуть, прошмыгнуть, высочить'); 8. словен. *sīniti*, 1 sg. praes. *sīнем* pf. 'erstrahlen, zu scheinen anfangen' (схрв. *сїнути*, 1 sg. praes. *сїнѣм* 'сверкнуть, блеснуть'); 9. словен. *sřkniti*, 1 sg. praes. *sřkнем* pf. 'einen Schlurf thun' (схрв. *срākнути*, 1 sg. praes. *срākнѣм* 'хлебнуть, отхлебнуть'); 10. словен. *vīkniti*, 1 sg. praes. *vīkнем* pf. 'aufschreien, rufen' (схрв. *вїкнути*, 1 sg. praes. *вїкнѣм* 'крикнуть, позвать, окрикнуть') и др. Характерно, что в диалектах, относимых нами к "севернословенскому акцентологическому типу"⁷, в той мере, в какой позволяет материал, эта инновация не обнаруживается, и они показывают акцентовку, соответствующую штокавской как в "инхотативной группе" (а), так и у глаголов однократного действия (b), ср.: (a) 1. пригор. *muknāti*, *zamuknāti* (Rad 118, c. 73), загор. (Бедня) *vmōuknāti* (HDZb. 1, c. 314); 2. пригор. *segnāti*, *disegnāti* (Rad 118, c. 73), загор. (Бедня) *dosėgnāti* (HDZb. 1, c. 314); 3. пригор. *seknāti se* 'destillationem narium abstergere' (Rad 118, c. 73), загор. (Бедня) *sāknāti sa* (HDZb. 1, c. 314); (b) 1. пригор. *buknāti* (Rad 118, c. 73); 2. пригор. *raknāti* 'hrakniti', *izraknāti* (Rad 118, c. 73); 3. пригор. *kināti* (Rad 118, c. 73); 4. пригор. *manāti* 'mahnuti', *pre-*, *zamanāti* (Rad 118, c. 73),

⁶ Схрв. диал. ст.-черногор. *трнѹт*, 1 sg. praes. *трнѣм* (несов. в.), Пешикан, 285). вероятно, связано с неустойчивостью долготы слогового сонанта.

⁷ Выделение "севернословенского акцентологического типа" см.: Дыбо В.А. О некоторых акцентологических изоглоссах словенско-кайкавской языковой области. — HDZb, knj. 6. Zagreb, 1982, c. 101–134. — В Дыбо СА (с. 220–229) диалекты "севернословенского акцентологического типа" обозначены как "восточнословенский".

загор. (Бедня) *māōhnūti* 'mahnuti' (HDZb. 1, с. 314); 5. пригор. *frknāti* (Rad 118, с. 73), загор. (Бедня) *fērknūti* (HDZb. 1, с. 314); 6. пригор. *punāti* 'puhnuti', *po-, za-, napunāti* (Rad 118, с. 73), загор. (Бедня) *pēyhūti* 'puhnuti' (HDZb. 1, с. 314); 7. пригор. *smuknāti* (Rad 118, с. 73), загор. (Бедня) *smēykūti* 'smuknuti' (HDZb. 1, 314); 8. пригор. *sināti* (Rad 118, с. 73); 9. пригор. *srknāti, posrknāti* (Rad 118, с. 73), загор. (Бедня) *sērknūti* 'srknuti' (HDZb. 1, 314); 10. пригор. *viknāti, po-, zaviknāti* (Rad 118, с. 73) и под.

Б. Большинство польских соответствий южнославянским глаголам а.п. *b*, представленных выше, относится или к старопольскому, или к польским диалектам (весь локализованный нами диалектный материал малопольский). В современном польском литературном почти в том же круге глаголов, в котором литературный словенский показывает аномальный рефлекс а.п. *a*, обнаруживается аномальный рефлекс лехитской краткости, который может указывать на а.п. *a* (или а.п. *c*). Важно отметить, что сходные результаты дают и кашубские говоры. Ср.: 1. польск. литер. *więznąć, uwięznąć*; кашуб. *uivqzncq, 3 sg. praes. uivqznie pf. 'hängen bleiben, stecken bleiben'* (PW III, 917); 2. польск. литер. *zizgnąć, ozięgnąć, naziegnąć, przeziegnąć, wyziegnąć, zzięgnąć*; кашуб. *zqbnqc impf. 'frieren', uizqbnqc pf. 'vor Kälte ganz erstarren', zazqbnqc pf. 'sich erkälten', zezqbnqc pf. 'sich erkälten'* (PW III, 1043); *zabnqc, -nq, -heš, -nq, zib, zabta impf. 'kalt werden, frieren; kühlen, abkühlen', nazabnqc pf. 'etwas kalt werden', pzezbncq pf. 'sich sehr erkälten', l-part pzezb, pzezb; pzezbti, pzezbti; pzezbnti* и др. приставочные глаголы и их формы (см. PW III, 1080); 3. польск. литер. *sięgnąć* 'протянуть, достать', *dosiegnąć* 'достать, достичь, добиться; постичь', *przysiegnąć* 'присягнуть', *zasięgnąć (radu)* 'обратиться (за советом)', *zaprzysięgnąć* 'присягнуть, поклясться' (но *osięgnąć*, см. выше); кашубские диалекты в этом глаголе, по-видимому, повсеместно сохраняют долготный рефлекс а.п. *b*: *sgnqc* (PW II, 319), *signqc* (PW II, 242) и *sagnqc, 1 sg. praes. signq, l-part signqi* (PW II, 232); 4. польск. литер. *zaprzęgnąć (się), wyprzęgnąć (się), odprzęgnąć, doprzęgnąć, sprzęgnąć (się), wprzęgnąć (się), rozprzęgnąć (się)*, в кашубских диалектах эта основа, по-видимому, отсутствует (нет ее и в словенском); 5. кашуб. *sqknqc impf. 'sickern', vsqknqc pf. 'einsickern', но в l-part. обнаруживаются, по-видимому, реликты а.п. *b*: -sqk — vsuqkto, vsqkto* (PW II, 206); в совр. польск. литер. отражается а.п. *b*, но в старопольском встречались формы с отражением лехитской краткости: (SJPD) *przesiegnąć, wsiegnąć*; 6. кашуб. *scēpnqc, 3 pl. praes. scēpnq impf. 'ermatten, erstarren', scēpnqc, 3 pl. praes. scēpnq pf. 'ermatten, erstarren'* (PW I, 88), adj. *scēpiti* 'abgequält, ermattet, erschöpft, kraftlos; abgemagert' (PW II, 208); польск. литер. *ciępnąć* нерелевантно. Характерно, что в обеих инновационных зонах устойчивый рефлекс а.п. *b* в данной группе глаголов сохраняет лишь основа *tēgnqi: словен. *tēgniti, 1 sg. praes. tēgnem* (так же приставочные: *do-, iz-, od-, po-, pre-, pri-, raz-, s-, u-, za-tēgniti, za-tēgnem*); польск. литер. *ciągnąć* (так же приставочные: *do-, na-, od-, o-, ob-, po-, pod-, po-ws-, prze-, przy-, roz-, s-, u-, w-, wy-, za-ciągnąć*); кашуб. *ciępnqc* (так же приставочные: *do-, na-, nad-, pře-, pṛa-, pṛo-, pṛod-, roz-, s-, zob-, yod-, ci-, v-, vṛ-, na-vṛ-, za-ciępnqc, см. PW I, 96–98*), ср. сходное положение в восточнославянских языках, ср., например, рус. *тянуть, тяну, тянешь*, но: *взнуть, взну, взнешь; забнуть, забну, забнешь; умолкнуть, умолкну, умолкнешь; терпнуть, терпну, терпнешь* и под.

Характер отношения между указанными инновационными зонами, равно как и их отношения к соответствующему явлению в восточнославянских языках требует дополнительного изучения. Не исключено, в случае доказательства древнего характера рассматриваемых инноваций или исходных преобразований, стимулировавших эти инновации в каждом из указанных регионов или в части их, что эти инновации можно будет рассматривать в ряду древних изоглосс праславянского⁸. Однако для нас в данном случае важно, что наличие таких инновационных зон и параллельных (или генетически тождественных) преобразований в них не меняет установленное для праславянского соотношение акцентных парадигм "инхоативной группы" глаголов и их рефлексов в "архаических" зонах и тем самым не влияет сколько-либо на наши

дальнейшие рассуждения. Следует лишь отметить, что отсутствие малопольских материалов (или материалов из каких-либо лехитских диалектов заведомо "не инновационной зоны") по основе *bręknąć* 'набухать, вздуваться' делает польские примеры в сближении 15 а.п. *a* "инхоативной группы" не вполне надежными; по аналогичным причинам ненадежно и словенское соответствие: *brękniti, bręknem* и др. (во всяком случае для выбора одного из двух решений: а.п. *a* или а.п. *b*). Ненадежность последнего усугубляется наличием кайкавской пригорской формы ("севернословенский акцентологический тип") *nabreknāti* (Rad 118, с. 73), по-видимому, соответствующей схв. (штокавскому) *nabreknuti* 'набухнуть' (впрочем, во всех этих случаях нет полной уверенности в правомерности отклонения указанных данных как нерелевантных). Поэтому реконструкцию первичной а.п. *a* для сближения 15 следует рассматривать как альтернативную и требующую дальнейших подтверждений⁹.

Продемонстрированный материал достаточно наглядно показывает разницу в рефлексации "нормальных" *-nq*-глаголов а.п. *b* ("инхоативной группы") с долготными корнями в западнославянских языках (в чешском и словацком, а также в малопольских диалектах польского) и глаголов на *-nq-* с корнями I кл. (т.е. с корнями на нешумные), которые в южнославянских языках обнаруживают рефлекс а.п. *b*. Краткостный рефлекс долготы в западнославянских языках у последней группы глаголов свидетельствует о том, что в данном случае мы имеем дело не с отражением а.п. *b*, а с отражением какой-то иной акцентной парадигмы. Переход всей этой группы глаголов из первичной а.п. *b* в а.п. *a* в западнославянских языках маловероятен из-за абсолютно регулярной их рефлексации, что не характерно для процессов, в которых действующим фактором изменения является аналогия. Предположение о появлении у этих глаголов в южнославянских языках вторичной а.п. *b* в качестве замены а.п. *a* отклоняется уже тем, что в восточнославянских языках они также регулярно имеют акцентовку, отличную от рефлексов а.п. *a*, т.е. акцентовку, которую можно рассматривать или как продолжение праславянской а.п. *b*, или как продолжение а.п. *c*. Поэтому единственно реальным будет предположить, что у этой группы глаголов первичной акцентной парадигмой была а.п. *c*, которая в западнославянских языках давала фонетически закономерный краткостный рефлекс праславянской долготы, совпадающий в актуальных для данных категорий позициях с рефлексом а.п. *a*, а в южнославянских перешла в а.п. *b*. Переход а.п. *c* в а.п. *b* представляет собой массовое явление, которое совершалось неоднократно в разных группах глаголов и в различных славянских языках в течение их истории.

Реконструкция для рассматриваемой группы глаголов праславянской а.п. *c* действительно подтверждается реликтами у них этой акцентной парадигмы в ряде славянских диалектов маргинальных регионов славянской языковой области, на которые из-за их периферийности и плохой описанности обычно не обращалось внимание исследователей, и материалом древних акцентированных текстов русского и болгарского языков, не многочисленным в силу жанровой специфики этих текстов и малой частотности соответствующих глагольных лексем, но достаточно показательным.

⁸ Реконструкция А.А. Зализняком ("От праславянской акцентуации к русской". М., 1985, с. 137) в раннедревнерусской акцентной системе а.п. *b* для ряда рассматриваемых здесь глаголов может отражать в действительности состояние лишь части архаических в данном отношении древнерусских диалектов.

⁹ О балтийских соответствиях, предполагающих у данного класса глаголов праславянскую а.п. *a*, см. Дыбо СА, с. 211.

Реликты а.п. с сохраняются, по-видимому, на всей территории словенских и кайкавских диалектов "севернословенского акцентуационного типа", но в большинстве диалектов в презенсе рефлекс этой парадигмы "перекрыты" фонетической оттяжкой ударения и проявляются лишь в акцентовке неличных форм глагола: в инфинитиве, супине и в причастиях (особенно, в *l*-причастии), — материал по которым нами уже публиковался.¹⁰ Только в прекмурском диалекте (угорском словенском) оттяжка в презенсе не произошла, вследствие чего в нем сохранились явные остатки а.п. с *нq*-глаголов с некоторой тенденцией распространения этого акцентного типа на морфологически близкие основы данной группы. Немногочисленные реликты а.п. с в презенсе показывают восточноболгарские диалекты (в основном изолированный от остальных банатский говор). Среднеболгарские тексты позволяют увеличить материал не столько в отношении количества глагольных лексем, сколько для установления архаической акцентовки таких глагольных форм как аорист и причастия. Относительно хорошо первичный состав *нq*-глаголов а.п. с (и соответственно а.п. а) позволяет устанавливать украинский язык, сохранивший первичную акцентовку в презенсе (с соответствующими морфологическими выравниваниями) почти в первичном лексическом распределении особенно, по-видимому, в своих западных говорах. Его показания полностью согласуются с данными юго-западнорусских текстов XVI–XVII вв. Важный материал специально для некоторых глаголов, позднее выпавших из языка, содержится в древне- и старорусских текстах, которые, как и среднеболгарские тексты, позволяют также получить представление о первичной форме акцентных кривых презенса и неличных категорий глагола: *l*-причастия, действительного причастия прош. вр. и под.

СЛОВЕНСКИЙ ПРЕКМУРСКИЙ ДИАЛЕКТ
(УГОРСКО-СЛОВЕНСКИЙ) И ДРУГИЕ ДИАЛЕКТЫ
"СЕВЕРНОСЛОВЕНСКОГО АКЦЕНТУАЦИОННОГО ТИПА"

А. п. а

Из-за необозначенности ударения на кратких гласных в угорско-словенских текстах материал по этой а.п. незначителен. М. Валявец приводит следующие примеры.

1. *sunqti: 2 sg. praes. *sûneš — *sûneš* trpl. 44, 58; 3 sg. praes. *sûne — *me ne sûhne* trpl. 29; 3 pl. praes. *sûnejo — *sûnejo* trpl. 20. nagfl. 89, 101, 158, gön. 92, *sûhnejo* trpl. 90, *ne sûnejo* trpl. 20.

2. (с краткостью в корне, акцент не обозначен) *pljunqti: 3 sg. praes. *pljûne — *oplûne* küzm. 147; 3 pl. praes. *pljûnejo — *oplûnejo* küzm. 84.

Состав данной а.п. в пределах рассматриваемой группы глаголов в диалектах "севернословенского акцентуационного типа" довольно полно

представлен соответствующими формами в описаниях диалектов Пригорья и Загорья (Бедня):

1. пригор. *sûnati*, *zasûnati* (Rad 118, 71), загор. (Бедня) *sêynuti* (HDZb. 1, 313).
2. пригор. *pljûnati* (Rad 118, 71), загор. (Бедня) *pljûynuti* (HDZb. 1, 313).
3. пригор. *zînati* (Rad 118, 71), загор. (Бедня) *zêynuti* (HDZb. 1, 313).
4. пригор. *rînati* (Rad 118, 71, Zb. 13:105³⁶), *porînati, *narînati, *izrînati* (Rad 118, 71), загор. (Бедня) *perêynuti* (HDZb. 1, 313).
5. пригор. *plânati* (Rad 118, 71).

А. п. с

1. *pomęqti: 1 sg. praes. *pomeném — *opomeném* küzm. 429, *se spomeném* trpl. 34; 2 sg. praes. *pomeněš — *se spomeněš* küzm. 7, gön. 73; 3 sg. praes. *pomené — *opomené* küzm. 305, nagfl. 78, *spomené se* küzm. 57, *se spomené* trpl. 7, 15; 1 pl. praes. *pomenémo (с оттяжкой ударения с конечного краткостного слога на предшествующий долгий) — *spomenémo* küzm. 341, bar. 38; 2 pl. praes. *pomenéte (с оттяжкой ударения) — *ne spomenéte se* küzm. 78, *se ne spomenéte* küzm. 31, *naj se spomenéte* küzm. 420; 3 pl. praes. *pomenéjo (перестроенная форма) — *opomenéjo je* nagfl. 74 (Rad 65, с. 59).

2. *minqti: 3 sg. praes. *miné — *miné* nagfl. 187, *prijatel* 1878, 26, *ne miné* trpl. 45, *preminé* bar. 3, *i preminé* küzm. 225; 3 pl. praes. *minéjo — *minéjo* *prijatel* 1878, 25, *ne minéjo* *prijatel* 1878, 46, *preminéjo* küzm. 420; 3 du. praes. *minéta — *minéta* *prijatel* 1877, 80 (Rad 65, с. 59).

Из других диалектов "севернословенского акцентуационного типа" акцентную кривую а. п. с в презенсе сохранил, судя по описанию, загорский беднянский говор (приводимые ниже формы порождены по указанию: "imadu akcente i duljinu kao glagol klāiti", — см. HDZb 1, 314):

1. *spemāñti* (inf.): praes. sg. 1 *spemāñāš, 2 *spemāñāš, 3 *spemāñā; pl. 1 *spemāñāma, *spemēñāma, 2 *spemāñāta, *spemēñāta, 3 *spemēñū.

2. *minūti* (inf.): praes. sg. 1 *mēñāš, 2 *mēñāš, 3 *mēñā; pl. 1 *mēñāma, *mināma, 2 *mēñāta, *mināta, 3 *minū*.

3. *svinūti* (inf.): praes. sg. 1 *svēñāš, 2 *svēñāš, 3 *svēñā; pl. 1 *svēñāma, *svināma, 2 *svēñāta, *svināta, 3 *svinū.

Формы 1 pl. praes. *spemāñāma, *mēñāma, *svēñāma и 2 pl. praes. *spemāñāta, *mēñāta, *svēñāta возникли явно в результате выравнивания по формам sg., первичное место акцента отражено в формах 1 pl. praes. *spemēñāma, *mināma, *svināma и 2 pl. praes. *spemēñāta, *mināta, *svināta, т. е. оттяжка ударения с конечного краткого на предшествующий специфически долгий тематический гласный (полудолгий?) в беднянском говоре (в отличие от прекмурского) не происходила. В прекмурском диалекте и в полосе говоров на юг от Прекмурья и на восток от беднянского говора тематический гласный, по-видимому, трактовался уже как обычный долгий и перетягивал на себя ударение с конечного краткостного слога. Причем в этой полосе уже с XVI в. (Пергошич) мы встречаемся также с оттяжкой ударения с тематического гласного на предшествующий долгий слог корня, во всяком случае в формах sg. praes. Поэтому здесь а. п. с в презенсе практически неотличима от а. п. б: у Пергошича в тематической группе глаголов в а. п. с лишь формы 3 pl. praes. сохраняют первичное место ударения.

¹⁰ См.: Дыбо В.А. Реконструкция ударения *l*-причастия от глаголов на *нq*- и *i*- в праславянском (Южнославянские и восточнославянские акцентные системы). — В кн.: Исследования по сербохорватскому языку. М., 1972, с. 86–104 (специально с. 87–88); Он же. О некоторых акцентологических изоглоссах словенско-кайкавской языковой области. — HDZb. 6, с. 101–134 (специально 125–128).

ния (в них долгий гласный корня перед новоакутовым долгим слогом, как известно, издавна сокращался и оттяжка с долгого новоакутированного слога на предшествующий сокращенный не происходила). Для рассматриваемой группы у Пергошича отмечена форма 3 pl. praes. a. п. с: *oropeniŭ* (Пергошич 39²⁴), ср. 3 sg. praes. с оттянутым ударением: *poténe* (Пергошич 222²⁷). Замена старой формы 3 pl. praes. перестроенной формой приводит к полному совпадению а. п. с с а. п. б в презенсе тематических глаголов, что мы и наблюдаем в Пригорье. Однако состав а. п. с рассматриваемой группы глаголов в Пригорье еще легко устанавливается по ударению инфинитивов и l-причастий: 1) *spomenáti* (Rad 118, 73; Zb. 12 : 278¹⁷); 2) *mináti, premináti* (Rad 118, 73); 3) *svínáti, navínáti, prevínáti, zavináti* (Rad 118, 73); l-причастия см. в указанных выше публикациях, ср. с составом а. п. с в беднянском говоре (см. выше). В прекмурском диалекте состав а. п. с *нр*-глаголов с корнями I кл. расширен за счет вторичного вхождения в нее двух глаголов, первично относившихся к а. п. а: 1) *počínē pti: 1 sg. praes. *počiném* kŭzm. 298 (Rad 65 : 58); 2 sg. praes. *i počínēs* kŭzm. 27 (Rad 65 : 59); 3 sg. praes. *ne počínē* trpl. 67 (Rad 65 : 59); 3 pl. praes. *počinėjo* kŭzm. 454 (Rad 65 : 59); 2) *ringti: 3 pl. praes. *odrinėjo* bar. 10 (Rad 65 : 59). Относительно *нр*-глаголов с корнями II кл. (корни на шумный), входящих в а. п. с в диалектах "севернословенского акцентуационного типа", см. ниже примечание.

БОЛГАРСКИЙ ЯЗЫК

В современных болгарских диалектах у рассматриваемой группы глаголов сохранились лишь единичные реликты а. п. с. Наиболее представительным является банатский говор: 1. банат. *спуменѣ, спуменѣ се, да се спуменѣ, спуменѣт* (с. 220). 2. банат. *мынѣ* (сов. в., с. 141), *менѣ, менѣт* (сов. в., с. 138–139, s. v. *менувам*), *замынѣ* (сов. в., с. 85, s. v. *замыневам*), *изменѣ, изменѣш, изменѣ* (сов. в., с. 94, s. v. *изменѣвам*), *применѣ, пременѣт* (сов. в., с. 183), *пурменѣ, прурменѣ, прурменѣт* (сов. в., с. 193). Ср. а. п. а: банат. *зына, зыни* (сов. в., с. 89). Вторично рефлекс наподвижного акцентного типа представлен в банат. *манѣ* (сов. в., с. 136, s. v. *манвам*).

По количеству представленных лексем не на много больше и материал среднеболгарских текстов.

А. п. а

1. inf. (зап.) *ѡринѣти* (Ис. Сир., 146); praes. sg. – 2(вост.) *ѡринѣши* (Сб. № 19, 2236), (зап.) да не поринѣши (Ис. Сир., 149а); 3(вост.) *ѡринѣтъ* (Пс. Кипр., 676), (зап.) *ѡринѣтъ* (Ис. Сир., 106); pl. 1(вост.) *ѡринѣмъ* (Григ. № 1703, 1а), 3(вост.) *ѡринѣхъ* (Сб. № 20, 176).

2. praes. sg. 3(вост.) *въсплѣнетсѣ* (Пс. Кипр., 14а).

3. part. praet. act. (вост.) *ѣ плѣнѣхъ* (Ев. Григ., 986).

А. п. с

1. inf. (зап.) *помѣнѣти* (Ис. Сир., 6а, 6б), не по *мѣнѣти* (ib., 396); praes. sg. 1(вост.) *въспомѣнѣхъ* (Зогр. сб. № 171 (103), 400а^{12–13}), *въспомѣнѣхъ* (ib., 400а²⁴), *помѣнѣхъ* (Пс. № 309, 46а), *не помѣнѣхъ* (Сб. № 758,

1116)¹¹; 2(вост.) *помѣнѣши* (Сб. № 20, 70а; Вас. Вел., 1016, 1416), (макед.?) *помѣнѣши* (О письм., 61а), *помѣнѣши ме* (ib., 61а); 3(вост.) *помѣнѣхъ* (Пс. Кипр., 1036), *ѣ не помѣнѣтсѣ* (ib., 75а), *въспомѣнѣтъ* (Вас. Вел., 1606 [киноварь], 2056), да *въспо мѣнѣтъ* (ib., 1416), да *въспомѣнѣтъ* (ib., 146а), *ѣ въспомѣнѣтъ* (ib., 159а), да *въспомѣнѣтъ* (ib. 606), (макед.?) *въспомѣнѣтсѣ* (О письм., 566); pl. 1(вост.) *въспомѣнѣмъ* (Вас. Вел., 44а), (зап.) *помѣнѣхъ* (Ис. Сир., 1246); ср. аог. 2 sg. (вост.) не *помѣнѣхъ* | *ли* (Сб. № 764, 2446) и др., отмеченные в предшествующих публикациях.

2. praes. sg. 3(макед.?) *минѣтъ* (О письм., 386); part. praet. act. (вост.) *минѣхъ* | *шѣмъ* (dat. pl., Зогр. сб. № 171 (103), 397а), *минѣхъ* | *шѣмъ* (dat. pl., ib., 398а).

3. inf. (зап.) по *винѣтисѣ* (Ис. Сир., 40а); praes. sg. 3(зап.) *повинѣтсѣ* (Ис. Сир., 5а), ср. аог. 3 sg. (вост.) *пѣвинѣхъ* (Зогр. сб. № 171 (103), 54¹²⁶), *повинѣхъ* (Сб. № 758, 212а).

Уже в среднеболгарских диалектах существовала тенденция устранения а. п. с из этой группы, о чем свидетельствуют следующие отклонения от первичной акцентовки: (вост.) 1 pl. praes. *прѣмѣнемъ* (Вас. Вел., 1466), (зап.) *повинѣтсѣ* (Ис. Сир., 98а).

Среднеболгарский материал важен для установления первичной формы акцентных кривых а. п. с в данной группе глаголов и особенно первичной акцентовки аориста (о чем см. соответствующие публикации).

ДРЕВНЕРУССКИЕ И СТАРОРУССКИЕ ПАМЯТНИКИ

А. п. а:

1. inf. *ѣзриноу* | *рити* (sic !, Чуд., 79²); praes. sg. 3 *ѡринѣтъ* (Пс. № 62, 82а); l-part. *ѡриноуль* (Чуд., 1046, bis), *ѡринѣл ны ѣси* (Пс. № 62, 786), part. praet. act. *ѡриноу* | *вше* (Чуд., 136²). В Чуд. отмечены также аномальные формы: *ѣзриноу* (3 sg. аог., 63¹), *ѣзрили* во | *нѣ* (imper. 2 sg., 153²), — влияние юго-западнорусской традиции?

2. *соуѣтъ* (3 sg. praes., Ратн., 376).

Для состава класса ср. также:

3. аог. sg. 3 *плѣноу* (Чуд., 46²); pl. 2 ни *ѡплѣ* | *ноустѣ* (ib., 123³), 3 *плѣноушъ* (ib., 24⁴), *всплѣноуша* (ib., 15²); part. praet. act. *ѣ плѣнѣхъ* | *нѣ* (ib., 15⁴).

4. аог. sg. 3 *вдоуноу* (Чуд., 52¹).

А. п. с

1. inf. *і помѣноу* | *ти* (Чуд., 26³); praes. sg. 1 *пѣмѣнѣхъ* (Пс. № 62, 486), *непомѣнѣхъ* (ib., 141а); 2 *помѣнѣши* (Пс. № 62, 165а), *въспомѣнѣши* (Ег. ев., 386), 3 не *помѣнѣтсѣ* (Цв., 138а), да *въспомѣнѣтсѣ* (Цв., 1306); pl. 3 *въспомѣноутсѣ* (Ег. ев., 526); part. praet. act. *въспомѣноувъ* (Чуд., 86²); ср. также: аог. sg. 3 *помѣноу* (Чуд., 147³), *ѣ помѣноу пѣ* (ib., 15²), *ѣ*

¹¹ В этом же памятнике встречается и конкурирующая акцентовка данной формы: *въспомѣнѣхъ* (Сб. № 758, 219а–б). Об ударении этой формы и вообще 1 sg. praes. глаголов а. п. с в Норовской псалтыри см.: Балто-славянские исследования 1982. М., 1983, с. 3–5.

поману́ пѣ (ib., 39⁴), и поману́ имъ (ib., 156³), И вспоману́ пѣ (ib., 24³), вспоману́са (ib., 155⁴); pl. 3 Поману́ша (ib., 42¹).

2. praes. sg. 3 минѣть (Улож., 2406), минѣтса (Ратн., 2116, Улож., 131a); part. praet. act. И минову́ши (dat. f. sg., Чуд., 25¹), минову́шенѣ (acc. n. sg., ib., 85²), минову́ши (instr. sg. m., ib., 77²), в минову́ | шаа (acc. pl. m., ib., 68³).

3. praes. pl. 2 оби́ | нетѣса (Чуд., 147¹), ср. также aor. sg. 1 оби́ноу́хса (Чуд., 73³), не бо́ оби́ноу́х | са (ib., 73³).

4. praes. sg. 3 повинѣтса (Пс. № 62, 636), ср. также aor. sg. 3. пови́ноу (Чуд., 115¹); pl. 1 пови́ноу́хомъса (Чуд., 122²); 3 повѣ́ | ноу́ша же са (Чуд., 62¹), не по́ | ви́ноу́ша са (ib., 104²).

Для состава класса ср. также:

5. inf. не ѿманѣти (Ратн., 206), ѿбманѣти (ib., 236); part. praet. pass. ѿманѣнь (Ратн., 213a); part. praet. act. поману́вшю́ ёмоу (dat. sg. m., Чуд., 76³); aor. pl. 3 і пома́ | ноу́ша (Чуд., 28³).

Уже с самых ранних текстов встречаются многочисленные отклонения и колебания акцентовки с тенденцией перехода в а. п. б, ср.: praes. sg. 1 не поману́ (Чуд., 145⁴), вспоману́ (Ратн., 35a); pl. 1 вспоманѣмъ (Ратн., 35a), 3 поманѣтъ (Цв., 1926), поманѣтса (Цв., 120a); part. praes. act. вспо́ | ману́увъ (Чуд. 86²). По-видимому, с XVII в. а. п. б в этой группе глаголов становится господствующей для великорусской языковой области¹².

УКРАИНСКИЙ ЯЗЫК И ЮГО-ЗАПАДНОРУССКИЕ ТЕКСТЫ XVI–XVII вв.

Украинский язык в основном сохранил первоначальную акцентовку глаголов рассматриваемой группы, проведя (по-видимому, довольно рано) морфонологическое выравнивание акцентной кривой а.п. с¹³. Остальные изменения единичны.

А.п. а

1. укр. ду́нути, praes. sg. 1 ду́ну, 2 ду́неш, ср. юго-западнорус. XVI–XVII вв. дѣ́нѣ (1 sg. praes., Гр. См. Р. 56);

2. укр. (Желеховский) зівну́ти, форма перестроенная, но, по-видимому, сохраняет акцентовку первичной, ср. юго-западнорус. XVI–XVII вв. зѣ́нѣ (1 sg. praes., Гр. См. Р. 56);

¹² В связи с процессом перехода в русском языке данной группы глаголов в а. п. б ряд приведенных неперзентных форм с точки зрения определенной "точечной" системы, конечно, неоднозначен, но ввиду результатов, полученных внешним сравнением, указывающих на неперзентность а. п. б у данной группы, эти формы занимают достаточно весомое место в системе доказательств. Отнесение к а. п. с приводимых ниже форм 1 sg. praes. из юго-западнорусских текстов, формально также неоднозначных, подтверждается, как правило, современным состоянием акцентки украинских форм, хотя, разумеется, когда отсутствуют формы других лиц из того же текста (той же "точечной" системы), всегда остается какой-то момент неопределенности, впрочем, полностью неустранимый даже при работе с синхронным состоянием современного языка.

¹³ О реликтах первичной акцентки 1 sg. praes. а.п. с в некоторых западно-украинских диалектах см.: Дыбо В.А. О реконструкции ударения в праславянском глаголе. – ВЯ, 6, 1962, с. 11–12.

3. укр. зрі́нути, praes. sg. 1 зрі́ну, 2 зрі́неш; відрі́нути, praes. sg. 1 відрі́ну, 2 відрі́неш; в юго-западнорусской письменности XVI–XVII вв. обнаруживается, возможно, книжная акцентовка этой основы, происхождение которой остается неясным: praes. sg. 1 ѿри́нѣ (Лекс. Зиз., 85¹), ѿры́нѣ (П Бер., 146²), 2 ѿринѣши (Гр. гр., 46); part. praet. act. ѿзринѣвши (Гр. гр., 36, ѿлб), ср. вариант в Чуд. и соответствующую прекмурско-словенскую форму;

4. укр. плі́нути, praes. sg. 1 плі́ну, 2 плі́неш, ср. юго-западнорус. XVI–XVII вв. плі́нѣ (1 sg. praes., Гр. См. Р. 56);

5. укр. суну́ти, praes. sg. 1 суну́, 2 сунѣш (несов. в.); просуну́ти, praes. sg. 1 просуну́, 2 просунѣш; следует, по-видимому, рассматривать как вторичное ударение глагола суну́ти; praes. sg. 1 суну́, 2 сунѣш, 3 сунѣ; pl. 1 сунемо́, 2 сунетѣ́, 3 суну́ть (сов. в.).

А.п. с

1. укр. пом'яну́ти; praes. sg. 1 пом'яну́, 2 пом'яне́ш, 3 пом'яне́; pl. 1 пом'янемо́, 2 пом'янетѣ́, 3 пом'яну́ть; ср. юго-западнорус. XVI–XVII вв. въспоманѣ́ (1 sg. praes., ПБер., 87²), вспоманѣ́ (1 sg. praes., Гр. гр. 3a);

2. укр. мину́ти; praes. sg. 1 мину́, 2 минѣ́ш, 3 минѣ́; pl. 1 минемо́, 2 минетѣ́, 3 мину́ть; (Гринченко) помину́тися; praes. 1 помину́ся, 2 поминѣ́шся; (Гринченко) промину́ти; praes. 1 промину́, 2 проминѣ́ш; ср. юго-западнорус. XVI–XVII вв. преминѣ́т (ПБер., 11¹).

3. укр. (Гринченко) розвину́ти; praes. sg. 1 розвину́, 2 розвинѣ́ш; (Гринченко) розвину́тися; praes. sg. 1 розвину́ся, 2 розвинѣ́шся; (Гринченко) завину́ти; praes. sg. 1 завину́, 2 завинѣ́ш; (Гринченко) завину́тися; praes. sg. 1 завину́ся, 2 завинѣ́шся, (Желеховский) завину́ти; нормативные формы типа (Погрібний) розві́нути, praes. 1 розві́ну, 2 розві́неш, по-видимому, вторичны.

4. укр. лину́ти 'политься, налить'; praes. sg. 1 лину́, 2 линѣ́ш, 3 линѣ́; pl. 1 линемо́, 2 линетѣ́, 3 лину́ть.

5. укр. (Желеховский) плину́ти 'fliessen', (Желеховский) поплину́ти 'fortschwimmen'; ср. юго-западнорус. XVI–XVII вв. плынѣ́ (1 sg. praes., Гр. Зиз., 556), поплы́нѣ (1 sg. praes., Гр. Зиз., 556, Гр. гр. 3a), поплынѣ́ (1 sg. praes., Гр. гр. 3a). Все формы неоднозначны, но в целом они свидетельствуют о вторичности зафиксированного у Гринченко баритонного ударения этой основы.

6. укр. (Гринченко) підману́ти; praes. sg. 1 підману́, 2 підманѣ́ш; (Гринченко) заману́тися; praes. sg. 3 заманѣ́ться; ударение (Погрібний), так же как и форма обману́ти; praes. sg. 1 обману́, 2 обманѣ́ши явно в результате контаминации с обманѣ́ти, praes. sg. 1. обману́, 2 обманѣ́ши¹⁴.

П р и м е ч а н и е. Остается нерешенной проблема а. п. с в пр-глаголах от кор-ней II кл. (корни на шумные). В инхотивах этой а.п., по-видимому, не было. Но глаголы единичного действия в нескольких языковых системах показывают следы

¹⁴ Подробно о проблемах, связанных с взаимодействием этих основ см. Опыт III, 35–40.

а.п. с. В русском языке данный акц. тип обобщен по акцентовке имперфективов, и его первичное место в системе не удается установить. В ср.-болг. текстах соответствующие факты единичны и в ряде случаев, по-видимому, вторичны. С наибольшим основанием на праславянский характер могут претендовать некоторые примеры из словенских и кайкавских диалектов "севернословенского акцентуационного типа". К ним относятся прежде всего глаголы *gъ(t)ngti* и *уъ(t)ngti* и некоторые другие¹⁵. Реликтовый характер этих форм как будто свидетельствует об их первичности. На отражение а.п. с. могут указывать также некоторые соответствия схрв. глаголов а.п. *b* с долготным корнем сокращенным рефлексам в чеш. и словац., например: 1. схрв. *ужаснути*, 1 sg. праес. *ужаснѣм*, чак-кайк. XVII в. (Ю. Крижанич) *ужаснем се* (Гр. 93²) ~ чеш. *žasnouti*, словац. *užasnúť*; 2. схрв. *гънути*, 1 sg. праес. *гънѣм* ~ словац. *hŕnúť*, польск. диал. (малопольск.) *garnęć* (Kusała, с. 92), подобные рассмотренным выше.

Сложность (запутанность) отношений в корпусе компаративных идентификаций в этой категории глаголов, может быть, вызвана уже изначальной сложностью акцентуационной кривой, связанной с наличием в данной группе (или вторичным вхождением в нее) форм без суф. *-ng-*, в которых акцентовка, как и у других тематических глаголов с корнями II кл. (на шумные), зависела от первичной ("балто-славянской") интонации корня, например: *usĕknĕti, но *usĕkti. При дальнейших перестройках эти формы не только сами влияли на акц. кривую "нормальных" форм, но и усиливали возможность акцентологического взаимодействия с соответствующими имперфективами. Многосторонность взаимовлияний, по-видимому, и создает разнообразие затруднения для однозначного решения проблемы. Впрочем можно надеяться, что при достаточно полном охвате диалектологического и исторического материала она окажется разрешимой*.

К.К. БОГАТЫРЕВ

К ВОПРОСУ О СЕВЕРОЛЕХИТСКОЙ АКЦЕНТОЛОГИЧЕСКОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ

Непроизводные имена существительные в словинском

1. В настоящей работе рассматриваются непроизводные имена существительные в словинском — одном из вымерших поморских (северолехитских) диалектов с разноместным ударением, по материалам, приводимым в исследованиях Фридриха Лорентца¹.

Задача работы — установить, насколько в распределении двух акцентологически обусловленных параметров — акцентного типа и качества корневого гласного — обнаруживаются следы праславянской акцентной системы.

2. Как известно, каждый праславянский гласный, за исключением *ъ и *ь, а также сочетания славянских кратких и редуцированных с сонанта-

¹⁵ Наиболее полный список *-ng-* глаголов а.п. с по диалекту Пригорья см.: Дыбо В.А. О некоторых акцентологических изоглоссах словенско-кайкавской языковой области. — HDZb, 6, с. 101–134 (специально 125–128).

*Окончание статьи, содержащее дополнительные материалы по среднеболгарским говорам, а также список принятых сокращений, см. в следующем томе ежегодника.

¹ Имеются в виду работы Лорентца (грамматика), Лорентца (словарь), а также Лорентца (сборник текстов). Подробнее об источниках материала и диалектах см. в Приложении А, в конце настоящей статьи.

ми в закрытых слогах, представлены в словинском двумя различными рефлексами (или двумя группами рефлексов) с одинаковым распределением: гласные *â, ô, ê, î, û, ę* выступают в перестроенных слогах² перед звонкими согласными (см. Лорентца, 75), а также на месте праславянских долгих гласных с интонацией нового акута (см. Кульбакин, 115–116, Лорентца, ibid.), прочие (*a, o, e, ě, i, u, q*) — во всех остальных позициях. Аналогичная ситуация наблюдается во многих лехитских диалектах; гласные первого типа, отражающие, очевидно, общелехитские (общезападнославянские?) долготы принято называть *суженными*³.

3. В словинском именном словоизменении различаются два акцентных типа: неподвижный (а.т. 1), — у существительных ударение во всех падежных формах падает на один и тот же слог основы, и подвижный (а.т. 2) — ударение в одних формах приходится на основу, в других — на первый слог окончания (при односложной основе), или на последний слог основы (если основа многосложная). При этом независимо от акцентного типа, ударение в некоторых формах (а именно — в тех, которые в подвижном типе имеют конечное ударение) переносится на проклитику⁴.

Далее принадлежность к одному из акцентных типов определяется по указаниям словаря (а.т. 2 — при наличии хотя бы одной конечноударной формы, иначе — а.т. 1; см. Лорентца, II–III), а также по спискам, приводимым в грамматике (Лорентца, 171–201). В нескольких случаях данные словаря не подтверждают указаний грамматики, или даже противоречат им; такие случаи оговариваются особо⁵.

4. Итак, нам известны два параметра — суженность/несуженность гласных и подвижность/неподвижность ударения, — которые, как принято считать, определенным образом связаны с праславянскими акцентологическими отношениями. В последующих разделах делается попытка проследить характер этой взаимосвязи на материале словинских непроизводных существительных.

Реконструкция праславянских просодико-квантитативных характеристик основывается на акцентологической концепции, разрабатываемой в исследованиях Хр. Станга, В.М. Иллич-Свитыча, В.А. Дыбо и А.А. Зализняка⁶. Автор глубоко признателен В.А. Дыбо за консультации и ряд ценных указаний.

5. Далее будут рассмотрены три группы существительных мужского, среднего и женского рода, примерно соответствующие славянским *о*- и *а*-основам⁷; основная масса лексем имеет односложный корень. Внутри

² Т.е. таких, за которыми следовал слог, содержащий слабый редуцированный (см. Зализняк, сн. 14).

³ Или "наклонными" (польск. *pochylone*); у Ф. Лорентца — "долготными" (*langstufige*).

⁴ Подробнее см. Лорентца, 171–201, 223, Бубрих, 62–194.

⁵ Для слов, относимых к а.т. 1 по данным словаря, не всегда ясно, чем объясняется отсутствие конечноударных форм в словарной статье: принадлежностью лексемы к неподвижному акцентному типу, или отсутствием соответствующих форм в материалах автора.

⁶ См., в частности, следующие работы: Станг; Иллич-Свитыч; Дыбо; Зализняк, 113–165.

⁷ Вторично в эти группы вошли некоторые имена с другими типами основ. В работе не рассматриваются требующие специального анализа славянские *і*-основы, представленные в словинском особым типом склонения.

морфологических классов материал разбит по праславянским акцентным парадигмам; существительные с разными сочетаниями акцентологически значимых параметров приводятся раздельно.

МУЖСКОЙ РОД

6. Славянская баритонированная парадигма (а.п. а) представлена (за единственным исключением) существительными с несуженным корневым гласным в открытом слоге и/или перед звонкими согласными.

Семь существительных из этой группы относятся к неподвижному акцентному типу:

1) *bjč* 'бич' — а.п. а : чак. (Нови) *bīč*, [*bīča*]⁹ (Белич, 208), словен. *bīč*, *bīča*; см. также Зализняк₃; — производное от *bīti, 1 л. Sg *bījō* (а.п. а) : см. Дыбо₄, 204; Дыбо₆, 39; ср. однако, серб. *būč*, *būča*;

2) *brat* 'брат' — а.п. а : польск. диал. *brat*, *brata*⁸ (Кульбакин, 7), *brat*, N Pl *braća* (Kucała); серб. *brāt*, *brāta*; словен. *brāt*, *brāta*; а.п. а в др.-рус. (Зализняк₃); непонятна краткость в чеш. *bratr*; (< *brātrь); см. Дыбо₃, 223, Иллич-Свитыч, 150, а также Дыбо₂; Дыбо₄, 24, 62; van Wijk, 16;

3) *dīm*, *dēmū* 'дым' — а.п. а : словац. *dym*, чеш. *dým*, чак. (Нови) *dīm*, [*dīma*] (с удлинением в закрытом слоге перед сонантом; Белич, 208); серб. *dīm*, *dīma*; словен. *dīm*, *dīma*; а.п. а в др.-рус. (Зализняк₃); см. Иллич-Свитыч, 153; Дыбо₂;

4) *xlēb*, *xlēba* 'хлеб' (старое заимствование; см. Фасмер, ЭССЯ) — возможно, а.п. а : польск. диал. *chlip*, *chleba* (Кульбакин, 14); чак. (Нови) *hľib*, [*hľiba*] (Белич, 208), серб. *xlēb*, *xlēba*; а.п. а в др.-рус. (Зализняк₃); но в нескольких языках — рефлекс а.п. б : словац. *chlieb*; чеш. *chléb*; словен. *hlēb*, *hlēba*; см. также Дыбо₂;

5) *xlop* 'мужчина, муж; самец' — а.п. а : польск. диал. *x^uop* (Kucała), польск. *chłop*; серб. *xlān*, *xlāna*; рус. *холон*, а.п. а в др.-рус. (Зализняк₃); неясно чеш. *chláp*; словен. *hlāp*; см. также Дыбо₄, 168; van Wijk, 16;

6) *rāk* 'рак' — а.п. а : польск. диал. *rak* (Kucała); словац. *rak*; серб. *rāk*, *rāka*; словен. *rāk*, *rāka*; а.п. а в др.-рус. (Зализняк₃); неясно чеш. *rak*; см. Дыбо₄, 125, 160, 166; а также van Wijk, 16;

7) *vjātēr*, L Sg *vjētĕř* 'ветер' — вероятно а.п. а : польск. диал. *ŷatr*, *ŷatra* (Кульбакин, 14); а.п. а в др.-рус. (Зализняк₃); в словац. *vietor* (и, очевидно, чеш. *vítr*), словен. *vēter*; чак. (Нови) Sg G *vētra* при N *vētār* по-видимому, вторичное удлинение; см. Дыбо₂, а также van Wijk, 14.

У пяти слов, также принадлежащих к а.п. а, ударение в словинском подвижное:

⁸ Здесь и далее без указания падежа дается форма G Sg., непосредственно следующая за формой N Sg.

⁹ В квадратных скобках даются сегменты, отсутствующие в цитируемом описании, но полученные по приводимым в нем правилам.

1) *čas* 'время' — а.п. а : польск. диал. *čas* (Кульбакин, 7); словац. *čas*; чак. (Нови) *čas*, *časa* (Белич, 208), серб. *čas*, *časa*; неясно чеш. *čas*; в др.-рус. вторично а.п. б (Зализняк₃); см. Дыбо₂; а также van Wijk, 26;

2) *grox* 'горох' — а.п. а : польск. диал. *grok* (Kucała); словац. *hrach*, чеш. *hrách*; в.-луж. *hróch*, *hrócha* (см. Дыбо₁, 69); серб. *grāx*, *grāxā*; словен. *grāh*, *grāha*; рус. *горóх*, а.п. а в др.-рус. (Зализняк₃); см. также van Wijk, 25;

3) *mārz*, *mārzū* (наряду с *mróz*, L Sg *mrozū*) 'мороз' — а.п. а : польск. *mróz*, *mroza*; чеш. *mráz*; в.-луж. *mróz*, *mróza* (см. Дыбо₁, 68); серб. *mrāz*, *mrāza*; словен. *mrāz*, *mrāza*; рус. *морóз*, а.п. а в др.-рус. (Зализняк₃); см. также van Wijk, 26.

4) *pāry*, L Sg *parŷū* 'порог' — а.п. а : польск. *próg*, *proga* (см. Дыбо₁, 69, там же — относительно в.-луж. *próh*, *proha* с отражением краткости); словац. *prah*, чеш. *práh*; серб. *prāg*, *prāga* (акцентовка L Sg *prāgu* видимо вторично), рус. *порóг*, укр. *porіg*, *porógu*; а.п. а в др.-рус. (Зализняк₃); см. также van Wijk, 26;

5) *žid*, *žēda* 'еврей, иудей' (старое заимствование, см. Фасмер) — возможно а.п. а : словац. *žid*, сербск. *жид*; словен. *žid*, *žida*, а.п. а в др.-русском (с позднейшими отклонениями в сторону а.п. с : см. Зализняк₃); см. Дыбо₂.

В одном случае суженный корневой гласный (при неподвижном ударении) наблюдается во всех падежных формах: *klīn*, *klīna*/*klīnū* 'клин' — а.п. а : чак. (Нови) *kľin*, *kľina* (Белич, 208); серб. *клін*, *клїна*, словен. *klīn*, *klīna*; а.п. а в др.-рус. (Зализняк₃).

7. Отражение в словинском общеславянской окситонированной парадигмы (а.п. б) зависит от праславянской долготы/краткости корневого слога: для долготных корней обычен неподвижный акцентный тип при суженном корневом гласном во всех падежных формах, для кратких — подвижный акцент при несуженном корневом гласном в диагностических позициях.

Существительные с праславянским долготным корнем (ударение во всех случаях неподвижное):

1) *bīk* 'бык' — вероятно а.п. б : словац. *bŷk*, чеш. *bŷk*, серб. *būk*, *būka* (с вариантом *būka*); а.п. б в др.-рус. (Зализняк₃); неясно чак. (Нови) *bīk* (Белич, 208); относительно словен. *bīk*, *bīka* см. Дыбо₄, 162;

2) *drog*, [*drǫ*] *ga* 'палка, жердь' — а.п. б : польск. диал. *drǫk*, *drǫga* (Kucała); польск. *drąg*, *drąga*, ст.-чеш., чеш. *drouh*; неясно словен. *drǫg*; см. Иллич-Свитыч, 138;

3) *dřōn* [*dřǫ*] *nū* 'терновник' — а.п. б : словац. *drieň* ('кизил'), ст.-чеш. *dřien*, чеш. *dřín*, в.-луж. *dřěň*, *dřěna* (см. Дыбо₁, 69), чак. (Нови) *dřēn*, *dřēnā* (Белич, 214), серб. *дрѣн*, *дрѣна*, рус. *дерѣн* (Даль), укр. *дерен* (ср. Зализняк₃); словен. *dřēn*, *dřēna* вторично; см. Иллич-Свитыч, 127;

4) *fiāx* 'птица' (< *pŷtakъ) — а.п. б : польск. диал. *ptāk* (Kucała, 221), словац. *vták*, чеш. *pták*;

5) *gnāt* 'кость' — а.п. б : польск. диал. *gnāt* 'наковальня; часть мельницы' (Kucała); словац. *hnat*, чеш. *hnát*, неясно словен. *gnāt*/*gnjāt* 'окорок';

6) *grqd*, [*grq̃*] *da* 'луг' — а.п. *b* по данным ст.-польск. *grqd*, *grqda* и укр. *груд*, *грудá*¹⁰; см. Иллич-Свитыч, 139;

7) *gr̃ex* 'грех' — а.п. *b*: польск. диал. *gr̃uk*, *gr̃uxu* (Куцафа); *gr̃ych* (Кульбакин, 14), словац. *hriech*, чеш. *hřích*, серб. *грѣх*, *грѣха*, словен. *gr̃eh*; а.п. *b* в др.-рус. (Зализняк₃); см. Дыбо₃, 226, Дыбо₂; а также Дыбо₄, 78; van Wijk, 11;

8) *xl̃ev*, *xl̃eva* 'хлев' — а.п. *b*: польск. диал. *xlyf*, *xlyva* (Куцафа); (но также — *chlif*, *chleva* — Кульбакин, 14) словац. *chliev*, чеш. *chl̃ev/chl̃iv*, словен. *hl̃ev*; а.п. *b* в др.-рус. (Зализняк₃);

9) *xr̃ost* 'хворост' — а.п. *b*: польск. *chrust*, *chrustu*, чак. (Нови) *hr̃ást*, *hr̃ástu* (Белич, 214), серб. *р̃аст*, *р̃аста* 'дуб'; укр. *хворóст* (неясно рус. *хворост*); см. Дыбо₄, 156;

10) *xr̃ost* 'майский жук' (ср. также *xr̃os̃* — старое производное от первого; см. ЭССЯ) — а.п. *b*: словац. *chrúst*, ст.-чеш. чеш. *chroust*;

11) *kl̃ěš̃* 'жук дровосек' — а.п. *b*: словац. *kliest* ст.-чеш. *kl̃ěš̃*, чеш. *kl̃íst*, рус. *клец*, *клеца* (словен. *kl̃ěš̃*, *kl̃ěša* вторично);

12) *kl̃iūš̃* 'ключ' — а.п. *b*: словац. *kl̃iūš̃*, ст.-чеш. *kl̃iūš̃*, чеш. *kl̃iš̃*, чак. (Нови) *kl̃iūš̃*, *kl̃iūš̃a* (Белич, 214), серб. *кљѣш̃*, *кљѣша*, словен. *kl̃iūš̃*; а.п. *b* в др.-рус. (Зализняк₃);

13) *k̃ot* 'угол' — а.п. *b*: польск. диал. *k̃ot* (Куцафа); польск. *k̃ot*, словац. *kút*, чеш. *kout*, чак. (Нови) *kút*, *kūtā* (Белич, 214), сербск. *кѹт*, *кѹта*, укр. *кут*, *кута*; см. Иллич-Свитыч, 118; van Wijk, 11;

14) *kr̃ol*, *kr̃ola* 'король' — а.п. *b*: польск. *król*, *króla*, словац. *král*, ст.-чеш. чеш. *král*, чак. (Нови) *krāj*, *krājā* (Белич, 214), серб. *кр̃аљ*, *кр̃аља*, словен. *krāj*, рус. *корóль*, а.п. *b* в др.-рус. (Зализняк₃); см. также van Wijk, 11;

15) *kr̃iž*, [*kr̃iža*] 'крест' — а.п. *b*: словац. *kríž*, чак. (Нови) *kríž*, *krížā* (Белич, 214), серб. *кр̃иж*, *кр̃ижа*;

16) *l̃in* 'линь (рыба)' — а.п. *b*: словац. *lieň*, ст.-чеш. *lín/líň*, чеш. *lín*, рус. *линь*, *линя*; неясно словен. *linj*;

17) *ml̃ěš̃* (наряду с *ml̃ōš̃*) 'рыбьи молоки' — а.п. *b*: словац. *mlieč*, чеш. *ml̃iš̃*, чак. (Нови) *ml̃iš̃*, *ml̃iš̃a* (Белич, 214), серб. *мл̃еч*, *мл̃еча*; неясно словен. *ml̃eč*, укр. *мóлоч*; см. Дыбо₁, 69;

18) *pl̃āš̃* 'плащ, пальто' — а.п. *b*: польск. диал. *p̃āš̃*, *p̃āš̃a* (Куцафа); словац. *pláš̃*, чеш. *pláš̃*, чак. (Нови) *pláš̃*, *pláš̃a*, серб. *пл̃аш̃т*, *пл̃аш̃та*; словен. *pláš̃*, рус. *плащ*, *плаща*;

19) *pr̃iš̃* 'прыщ, волдырь' — а.п. *b*: словац. *prýš̃t*, серб. *пр̃иш̃т*, *пр̃иш̃та*, словен. *pr̃iš̃*; а.п. *b* в др.-рус. (Зализняк₃);

20) *š̃ēt* 'ледяная глыба' — а.п. *b*: словац. *š̃tít*, чеш. *stít*, серб. *шт̃ит*, *шт̃ита*, а.п. *b* в др.-рус. (Зализняк₃); словен. *š̃ēt*, *š̃ēta* вторично; см. Иллич-Свитыч, 127–128; Дыбо₂;

21) *sm̃ēx* 'смех' — а.п. *b*: польск. диал. *š̃mich* (Кульбакин, 14), словац. *smiech*, чеш. *smích*; изредка — а.п. *b* в др.-рус. (при обычной для этого слова а.п. *c*: см. Зализняк₃); неясно серб. *см̃ēх*, *см̃ēха*, словен. *sm̃ēh*; см. Арефьев, 54;

22) *sq̃d*, [*sq̃*] *dū* 'суд' — а.п. *b*: польск. диал. *sq̃t*, *sq̃du* (Куцафа); польск. *sq̃d*, *sq̃du*, словац. *súd*, чеш. *soud*, чак. (Нови) *súd*, *sūdā* (Белич, 214), серб. *сѹд*, *сѹда*; а.п. *b* в др.-рус. (Зализняк₃); см. Дыбо₂, Дыбо₄, 79; а также van Wijk, 12;

23) *sl̃up* 'столб'¹¹ — а.п. *b*: польск. *slup*, словац. *sl̃p*, чеш. *sloup*, серб. *ст̃уп*, *ст̃упа*; а.п. *b* в др.-рус. (Зализняк₃);

24) *tr̃qd*, *tr̃qda* 'трутень' — а.п. *b*: польск. *tr̃qd*, *tr̃qda* 'проказа'; словац. *trúd*, ст.-чеш. *trút*, неясно серб. *тр̃ут*, *тр̃ута*, словен. *tr̃ôt*;

25) *tr̃ud*, *tr̃udu* 'труд' — а.п. *b*: чак. (Нови) *trúd*, *trūdā* (Белич, 214), серб. *тр̃уд*, *тр̃уда*; а.п. *b* в др.-рус. (Зализняк₃); но словац. чеш. *trud*, словен. *trūd*; см. Дыбо₂, Дыбо₃, 233;

26) *ṽud*, *ṽuda* 'бедро' — данные ряда языков указывают на а.п. *b*: словац. *úd*, чеш. *úd*, словен. *úd*; ср., однако, серб. *ѹд*, *ѹда*; а.п. *a* с переходом в *c* в др.-рус. (Зализняк₃);

27) *ž̃al*, *ž̃alu* 'сожаление' (старая *i*-основа) а.п. *b*: польск. диал. *ž̃al* (предикативное наречие), словац. *ž̃al*, чак. (Нови) *ž̃al*, *ž̃alā* (Белич, 214); неясно чеш. *žal*; см. Арефьев, 63.

28) для слова *xl̃qd*, [*xl̃q̃*] *dū* 'жердь' не исключается а.п. *b*: чеш. *chloud*, словен. *hl̃qd*; ср., однако, ст.-польск. *chłqd*, *chłqdu*.

Существительные с краткостным корнем (ударение во всех случаях подвижное):

1) *b̃as* 'бузина' — а.п. *b*: в.-луж. *bóz* (Дыбо₁, 80), словен. *b̃az̃*, *b̃az̃a* (из **b̃az̃a*); ср. van Wijk, 25;

2) *b̃ob*, *b̃obu* 'боб' — а.п. *b*: чак. (Нови) *b̃ob*, *b̃oba* (Белич, 214), серб. *б̃об*, *б̃оба*, словен. *b̃ob*, *b̃oba*, а.п. *b* в др.-рус. (см. Зализняк₃, Васильев, 110, 111, 113); см. также van Wijk, 24;

3) *dṽor*, [*dṽóra*] 'двор' — а.п. *b*: чак. (Нови) *dṽor*, *dṽora* (Белич, 214), серб. *д̃в̃ор*, *д̃в̃ора* (с вторичным удлинением), словен. *dṽor*, *dṽora*; а.п. *b* в др.-рус. (Зализняк₂, 63; Зализняк₃; Васильев, 110–115); см. Иллич-Свитыч, 124, Дыбо₂; а также van Wijk, 24;

4) *j̃ēž*, *j̃ēža* 'еж' — а.п. *b*: словен. *j̃ēž*, рус. *ёж*, *ежа* (ср. Дыбо₄, 125–127); серб. *ј̃ѣж*, по-видимому, вторично, см. Даничић, 25; см. Дыбо₁, 82, а также van Wijk, 24;

5) *k̃oš* 'корзина' — а.п. *b*: словац. *k̃oš*, ст.-чеш. *k̃oš*, чак. (Нови) *k̃oš*, *k̃ošā* (Белич, 214), словен. *k̃oš*, *k̃oša*; а.п. *b* в др.-рус. (Зализняк₃); см. также van Wijk, 24;

6) *ñož*, *ñoža* 'нож' — а.п. *b*: чак. (Нови) *ñož*, *ñožā* (Белич, 214), словен. *ñož*, *ñoža*; а.п. *b* в др.-рус. (Зализняк₃, Васильев, 110, 111); серб. *н̃ож*, видимо, вторично; см. Дыбо₂ а также van Wijk, 24;

7) *r̃oj*, *r̃ójū*¹² 'пчелиный рой' — а.п. *b*: словен. *r̃oj*, *r̃oja*; а.п. *b* в др.-рус. (Зализняк₃); (серб. *р̃oj*, видимо, вторично); см. Иллич-Свитыч, 137–138;

8) *sñop*, *sñopa*¹³ 'сноп' — а.п. *b*: чак. (Нови) *sñop*, *sñopa* (Белич, 214), серб. *с̃н̃оп*, *с̃н̃опа*, словен. *sñop*, *sñopa*, а.п. *b* в др.-рус. (Зализняк₂, 63; Зализняк₃); ср. Васильев, 110); см. Дыбо₄, 156, а также van Wijk, 24;

¹¹ Ср., однако, вариант *sl̃up*, *sl̃ēpa* (с подвижным ударением); чередование в корне, возможно, указывает на влияние слова **st̃alb* (с конечным звонким согласным).

¹² Вариант *r̃ov*, *r̃ovjū*.

¹³ Отнесено к а.т. 2 по указанию грамматики (Lorentz, 174); в словаре конечноударные формы отсутствуют.

¹⁰ Реконструкция осложнена контаминацией со славянским *grudъ (см. ЭССЯ).

9) *vógeń, vógla* 'огонь' (старая *i*-основа) — а.п. *b*: серб. *ògањ, ògња*; а.п. *b* в др.-рус. (Зализняк₃); см. Иллич-Свитыч, 147; Дыбо₂;

10) *vól, vóla* 'вол' (старая *u*-основа) — а.п. *b*: серб. *вô* (<*vól), *вôла*, словен. *vól, vóla*; а.п. *b* в др.-рус. (Зализняк₂, 63; Зализняк₃; Васильев, 111); см. Иллич-Свитыч, 144, Дыбо₂.

Неподвижный акцент представлен у единственного слова:

kôń, kóna 'конь' — а.п. *b*: чак. (Нови) *kôń, kóna* (Белич, 214), серб. *кôњ, кôња*, словен. *kônj, kónja*; а.п. *b* в др.-рус. (Зализняк₃; Васильев, 100, 110–112, 114); см. Дыбо₄, 69; а также van Wijk, 15.

8. Для имен славянской подвижной парадигмы (а.п. *c*) в словинском характерен подвижный акцентный тип при несуженном (в открытых слогах и/или перед глухими согласными) корневым гласном. В приводимом ниже материале имена с долгими и краткими корневыми гласными для наглядности даются раздельно.

Славянские долготные корни:

1) *blqd, blqdu* 'заблуждение'¹³ — а.п. *c*: польск. *blqd, blqdu*, ст.-чеш., чеш. *blud*, серб. *блѹд, блѹда*, словен. *blqd*; а.п. *c* (с переходом в *b*) в др.-рус. (Зализняк₃); см. Дыбо₄, 46, 81, 88; Арефьев, 58, а также van Wijk, 18;

2) *břeg, břegu* 'берег' — а.п. *c*: польск. диал. *břyk, břegu* (Kusała); словац. *breh*, чеш. *břeh*, чак. (Нови) *brīg, nā brigi* (Белич, 209–210), серб. *брѣг, брѣга*, словен. *brēg*, рус., укр. *бѣрег*, а.п. *c* в др.-рус. (Зализняк₃); см. Дыбо₁, 71, а также van Wijk, 18;

3) *čoun, čouna* 'челн' — а.п. *c*: словац. *čln*, серб. *чѹн, чѹна*, словен. *čōtn*, а.п. *c* в др.-рус. (Зализняк₂, 63; Зализняк₃); см. также van Wijk, 19;

4) *dār, dāru* 'дар' — а.п. *c*: чеш. *dar*, чак. (Нови) *dār* (Белич, с. 210), серб. *дāр, дāра*, словен. *dār, dāra/dāru*; а.п. *c* в др.-рус. (Зализняк₂, 63; Зализняк₃); см. также van Wijk, 19;

5) *dlug, dlēgu* 'долг, debitum' — а.п. *c*: словац. *dlg*, чеш. *dľuh*, серб. *дѹг, дѹга*, словен. *dōlg, dōlga*; а.п. *c* в др.-рус. (Зализняк₂, 63; Зализняк₃); см. Дыбо₄, 81; а также van Wijk, 19;

6) *dqb, dqba* 'дуб' — а.п. *c*: польск. диал. *dqb, dębu* (Kusała); польск. *dqb, dębu*, словац. *dub*, ст.-чеш., чеш. *dub*, серб. *дѹб, дѹба*, словен. *dqb*; а.п. *c* в др.-рус. (Зализняк₃);

7) *glos* 'голос' — а.п. *c*: польск. диал. *g^uos* (Kusała); польск. *głos*, словац. *hlas*, чеш. *hlas*, серб. *гāс, гāса*, рус., укр. *гóлос*; а.п. *c* в др.-рус. (Зализняк₃; Васильев, 28, 29); см. Дыбо₁, 71; Дыбо₃, 205; Дыбо₄, 48; Иллич-Свитыч, 111, а также van Wijk, 19;

8) *gnjēv, gnjēvu* 'гнев' — вероятно а.п. *c*: польск. диал. *gnif, gneva* (Кульбакин, 14), словац. *hnev*, чеш. *hněv*; а.п. *c* в ср.-болг. (Дыбо₂; Дыбо₃, 204) и др.-рус. (Зализняк₃); словен. *gnēv, gnēva*; см. Дыбо₃, *ibid.*; Дыбо₄, 48; ср. van Wijk, 26;

9) *klos* 'колос' — а.п. *c*: польск. диал. *klos* (Kusała); польск. *kłos*, чак. (Нови) *klās* (Белич, 210), серб. *клāс, клāса*, словен. *klās, klāsa/klasū*, рус., укр. *кóлос*; а.п. *c* в др.-рус. (Зализняк₃); см. также van Wijk, 19;

10) *koul, kálu* 'грязь' — а.п. *c*: словац. *kal*, чеш. *kal*, чак. (Нови) *kāl*, (Белич, 210), серб. *каō, кāла*, словен. *kāf*; см. Дыбо₃, 199; Дыбо₄, 48; Зализняк₃, 252; а также van Wijk, 19;

11) *krqg, kręga* 'круг' — а.п. *c*: польск. *krqg, kręgu*, словац. *kruh*, чеш. *kruh*, чак. (Нови) *krūg* (Белич, 210), серб. *крѹг, крѹга*, словен. *krqg*; а.п. *c* в др.-рус. (Зализняк₃); см. также van Wijk, 19;

12) *ksqz, ksęza* 'ксендз, пастор, священник' (старое заимствование из германского) — а.п. *c*: польск. диал. *ksqz, ksęza* (Kusała); польск. *ksiądz, księdza*, словац. *kňaz*, ст.-чеш. *kněz*, серб. *кнѣз, кнѣза*, словен. *kněz*; а.п. *c* в др.-рус. (Зализняк₃); см. Дыбо₃, 201;

13) *kvas* 'квас' — а.п. *c*: польск. диал. *kfas* 'закваска' (Kusała); словац. *kvas*, чеш. *kvas*, чак. (Нови) *kvās* 'закваска' (Белич, 210), серб. *квāс, квāса*, словен. *kvās*; а.п. *c* в др.-рус. (Зализняк₃); см. Дыбо₃, 212, а также van Wijk, 19;

14) *kvjat, L Sg kvjécē* 'цветок' — а.п. *c*: польск. диал. *kf'at* (Kusała); *kvat, kvatu* (Кульбакин, 14), словац. *kvät*, чеш. *květ*, чак. (Нови) *cvět* (Белич, 210), серб. *цвѣт, цвѣта*, словен. *cvēt*; а.п. *c* в др.-рус. (Зализняк₃); см. Дыбо₄, 48; а также van Wijk, 19;

15) *las, L Sg lēsē* 'лес' — а.п. *c*: польск. диал. *las, lasu* (Kusała); Кульбакин, 14), словац. *les*, ст.-чеш., чеш. *les*, серб. *лѣс, лѣса*, словен. *lēs, lēsā/lēsū*; а.п. *c* в др.-рус. (Зализняк₃); см. также van Wijk, 19;

16) *lēst* 'лист; письмо' — а.п. *c*: словац. *list*, чеш. *list*, чак. (Нови) *lūst* (Белич, 210), серб. *лѹст, лѹста*, словен. *list, lista/listū*; а.п. *c* в др.-рус. (Зализняк₃); см. также van Wijk, 20;

17) *lūb, lēba* 'люб' — а.п. *c*: чеш. *lub*, серб. *лѹб, лѹба*, словен. *lūb*; см. также van Wijk, 20;

18) *mјex* 'мешок' — а.п. *c*: — польск. диал. *mēk, mēxa* (Kusała); словац. *mech*, чеш. *mech*, серб. *мѣх, мѣха*, словен. *mēh, mēha*; а.п. *c* в др.-рус. (Зализняк₃); см. Иллич-Свитыч, 111, Дыбо₄, 26;

19) *młot* 'кузнечный молот' — а.п. *c*: польск. диал. *m^uot*, (Kusała); польск. *młot*, словац. *mlat*, чеш. *mlat*, серб. *млāt, млāта*, словен. *mlāt*, рус. *мóлот*; см. также van Wijk, 20;

20) *prqt* 'прут' — а.п. *c*: польск. диал. *prqt* 'лезвие косы' польск. *pręt*, чак. (Нови) *prūt* (Белич, с. 210), серб. *прѹт, прѹта*, словен. *prqt*; а.п. *c* в др.-рус. (Зализняк₃); неясно словац. *prūt* (при чеш. *prut*); см. также van Wijk, 20;

21) *rqb, rąba* 'рубец, морщина' — а.п. *c*: польск. *rqb, ręba*, чеш. *rub*, чак. (Нови) *rūb* (Белич, 210), словен. *rqb*; см. Иллич-Свитыч, 140, а также van Wijk, 21;

22) *sqk* 'сук' — а.п. *c*: польск. диал. *sqk* (Kusała); польск. *sqk*, словац. *suk*, чеш. *suk*, словен. *sqk, sqka/sqkā*; см. Иллич-Свитыч, 144, а также van Wijk, 21;

23) *šin, sēna* 'сын' — а.п. *c*: словац. *syn*, чеш. *syn*, чак. (Нови) *sīn* (Белич, 210), серб. *сѹн, сѹна*, словен. *šin, sīna/sinū*; а.п. *c* в др.-рус. (Зализняк₃); см. Дыбо₄, 25;

24) *slēz, slēza* 'сельдь' (старая *i*-основа) — вероятно а.п. *c*: польск. диал. *ślyć, ślęza* (Kusała); словац. *sled*, чеш. *sled*; неясно серб. *слѣѣ*;

25) *tārg, tārgu* 'рынок' — вероятно а.п. *c*: словац. *trh*, серб. *трѣг, трѣга*, словен. *třg*; однако а.п. *b* в др.-рус. (Зализняк₃); см. Иллич-Свитыч, 143;

26) *strēp* 'струн' — а.п. *c*: чеш. *strup*, серб. *стрѹн, стрѹна*, словен. *strūp*; а.п. *c* в др.-рус. (Зализняк₃); см. Иллич-Свитыч, 111;

¹³Отнесено к а.т.2 по указанию грамматики (Lorentz, 174).

27) *vjek* 'век, возраст, время' — а.п. с: польск. диал. *ĕek*, *ĕeku* (Кульбакин, 14), словац. *vek*, чеш. *vek*, чак. (Нови) *vã vĭk* (Белич, 209), серб. *vĕk*, *vĕka*, словен. *vĕk*; а.п. с в др.-рус. (Зализняк₃); см. Дыбо₄, 82; а также van Wijk, 22;

28) *vlok* 'невод' — а.п. с: польск. *włok* (при варианте *włók*), чеш. *vлак*, словен. *vĭlak*, рус. *во́лок*, а.п. с в др.-рус. (Зализняк₃); см. Иллич-Свитыч, 111; а также van Wijk, 22;

29) *vlos* 'волос' — а.п. с: польск. *włos*, чеш. *vлас*, чак. (Нови) *vĭlās* (Белич, 210), серб. *vlās*, *vlāsa*, словен. *lās*, рус., укр. *во́лос*, а.п. с в др.-рус. (Зализняк₃); см. Иллич-Свитыч, 115¹⁴;

30) *voul*, *válu* 'волна, вал' (старая и-основа) — а.п. с: чеш. *val*, чак. (Нови) *vāl* (Белич, 210), словен. *vāl*, *valū*; а.п. с в др.-рус. (Зализняк₃); см. Иллич-Свитыч, 143–144;

31) *vřod*, *vřódú* 'нарыв' — а.п. с: польск. *wrząd*, *wrzodu*, словац. *vred*, чеш. *vřed*, в.-луж. *brjód*, *brjoda* (Дыбо₁, 71), рус., укр. *вѣред*, а.п. с в др.-рус. (Зализняк₃); словен. *vřed*, *vředa*, по-видимому, вторично; см. также van Wijk, 22;

32) *vřos* 'вереск' — а.п. с: польск. *wrzos*, словац. *vres*, чеш. *vřes*, в.-луж. *wrjós*, *wrjosa* (см. Дыбо₁, 71), серб. *vřēs*, *vřēsa*, словен. *vřēs*, рус. *вѣреск*, укр. *вѣрес*; см. также van Wijk, 22;

33) *znak* 'знак' — а.п. с: польск. диал. *znak* (Kusała); словац. *znak*, чеш. *znak*, чак. (Нови) *znāk* (Белич, 210), серб. *znāk*, *znāka*, словен. *znāk*; а.п. с в др.-рус. (Зализняк₃); см. также van Wijk, 22;

34) *zqb*, *zqba* 'зуб' — а.п. с: польск. диал. *zqr*, *zqbu* (Kusała); польск. *zqb*, *zqbu*, словац. *zub*, чеш. *zub*, чак. (Нови) *zūb* (Белич, 210), серб. *zūb*, *zūba*, словен. *zqb*; а.п. с в др.-рус. (Зализняк₃);

35) *zvjeř*, *zvjeřa* 'дикий зверь' (старая i-основа) — а.п. с: польск. диал. *zvíř*, *zvežu* (Кульбакин, 14) (неясно *zwyř*, *zwyža*: Kusała); словац. *zver*, ст.-чеш. *zvěř*, серб. *zvēr*, *zvēra*; ср. также словен. *zvēr*, *zverī* (ж. р.); а.п. с в др.-рус. (Зализняк₃); см. Дыбо₄, 25, 68, 71; а также van Wijk, 23;

36) *žlob*, *žloba* 'желоб, колея' — а.п. с: польск. диал. *żłob*, *żłoba* (Kusała); словац. *žl'ab*, ст.-чеш. *žleb*, в.-луж. *žlob*, *žloba* (см. Дыбо₁, 72), чак. (Нови) *žlīb* (Белич, 210), серб. *жлѣб*, *жлѣба*, словен. *žlěb*, *žlěba/zlěbu*, рус. *жѣлоб*, укр. *жѣлоб*.

Два слова, указания об акцентровке которых в грамматике отсутствуют, следует, судя по указаниям словаря, отнести к а.т. 1¹⁵:

śnĕg, *śnĕgu* 'снег' — вероятно а.п. с: польск. диал. *śnik*, *śhegu* (Кульбакин, 14), словац. *sneh*, серб. *снѣг*, *снѣга*, словен. *snĕg*, *snĕga*; а.п. с в др.-русском (Зализняк₃); неясно чеш. *snĕh* (при G Sg *snĕhu*); см. Дыбо₄, 126; Иллич-Свитыч, 117–118;

и *svjat*, L Sg *svjĕcĕ* 'мир, mundus' — а.п. с: польск. диал. *śfat*, *śfatu*, в. *śfĕce* (Kusała); *śfat*, *śvatu* (Кульбакин, 14), словац. *svet*, чеш. *svĕt*, серб. *свѣт*, *свѣта*, словен. *svĕt*, *svĕtā*; а.п. с в ср.-болг. (Дыбо₄, 46, 48, 49; Дыбо₂), и др.-рус. (Зализняк₃); см. Дыбо₃, 205, 207.

В трех случаях обнаружено неподвижное ударение при суженном (во всех позициях) корневом гласном:

dūx 'дух' — а.п. с: словац. *duch*, ст.-чеш., чеш. *duch*, словен. *dūh*; а.п. с в ср.-болг. (Дыбо₄, 46) и др.-рус. (Зализняк₃); В.М. Иллич-Свитыч предполагает здесь (как и в случае сербск. *дѹх*, *духа*) влияние приставочных производных (цит. соч., 112);

kij, *kija* 'палка' (старая и-основа) — а.п. с: словац. *kyj*, ст.-чеш., чеш. *kyj*, словен. *kij*; см. Иллич-Свитыч, 155, а также van Wijk, 12;

vjĭd, *vjĭdu* 'свет' (старая и-основа) — а.п. с: серб. *вѹд*, *вѹда*, а.п. с в др.-рус. (Зализняк₃); см. Иллич-Свитыч, 155, Дыбо₂); а также van Wijk, 12.

Славянские краткостные корни:

1) *bog*, *boga* 'бог' — а.п. с: серб. *бѹг*, *бѹга*, словен. *bōg*, *bōga*; а.п. с в др.-русском (Васильев, 24–25, Зализняк₂, 64; Зализняк₃); см. Дыбо₃, 199; Дыбо₄, 46, 48, 49; а также van Wijk, 18;

2) *bok* 'бок' — а.п. с: чак. (Нови) *bōk*, *bōka* (Белич, 209), а.п. с в др.-рус. (Васильев, 25, 29, Зализняк₃); неясно словен. *bōk*, *bōka*; см. также van Wijk, 18;

3) *bōr*, *bōru* 'сосновый лес, неиспользуемая земля' — а.п. с: словен. *bōr* 'ель, сосна'; а.п. с в др.-рус. (Васильев, 26–29, Зализняк₃);

4) *brōd*, *brōdu* 'брод' — а.п. с: чак. (Нови) *brōd*, *brōda*, *pō brodu* (Белич, 209), словен. *brōd*; а.п. с в др.-рус. (Васильев, 25–27; Зализняк₃); см. также van Wijk, 18;

5) *dōl*, *dōlu* 'дол, низ' — а.п. с: серб. *dōl*, *dōla*; а.п. с в др.-рус. (Васильев, 27, 29; Зализняк₃); ст.-чеш. *dōl*, *dūl*, чеш. *dūl* (наряду с *dol*) по-видимому вторично; см. Иллич-Свитыч, 143, Дыбо₃, 225; а также van Wijk, 19;

6) *dōm*, *dōmū* 'дом' — а.п. с: словен. *dōm*, ср. также наречие *domā*; а.п. с в др.-рус. (Васильев, 24–27, Зализняк₂, 63; а также van Wijk, 19;

7) *gnōj*, *gnōju* 'гной' — а.п. с: чак. (Нови) *gnōj*, *gnōja* (Белич, 209), словен. *gnōj*, *gnōja*; а.п. с в др.-рус. (Васильев, 24–27, Зализняк₃);

8) *gosc* 'гость' (старая i-основа) — а.п. с: серб. *gōst*, словен. *gōst*, *gōsta/gostū*; см. также: Дыбо₄, 48;

9) *grōm*, *grōmū* 'гром' — а.п. с: словен. *grōm* (вариант *grōm*, *grōma*); а.п. с в др.-рус. (Васильев, 24, 25, 27; Зализняк₃); см. Дыбо₃, 206,–207, Дыбо₄, 48; неясно серб. *grōm*, *grōma*;

10) *lōj*, *lōja* 'сало' — а.п. с: чак. (Нови) *lōj*, *lōja* (Белич, 209), словен. *lōj*, *lōja*; а.п. с в др.-рус. (Васильев, 25; Зализняк₃); ст.-чеш. *lōj*, чеш. *lūj* по-видимому вторичны;

11) *most* 'мост' — а.п. с: чак. (Нови) *mōst*, *mōsta*, *nā mosti*, *pōd mostōn* (Белич, 209), словен. *mōst*, *mōsta/mōstā/mōstū*; а.п. с в др.-рус. (Васильев, 24, 29, Зализняк₃); см. также: van Wijk, 20;

12) *nos* 'нос' — а.п. с: чак. (Нови) *nōs*, *nōsa* (Белич, 209), сербск. *nōs*, *nōsa*, словен. *nōs*, *nōsa/nōsā/nōsū*; а.п. с в др.-рус. (Васильев, 25, 26, 28, Зализняк₃); см. также van Wijk, 20;

13) *rōd*, *rōda* 'род, семья; пол, sexus'¹⁶ — а.п. с: чак. (Нови) *rōd*, *rōda* (Белич, 209), сербск. *rōd*, *rōda*, словен. *rōd*, *rōda/rodū*; а.п. с в др.-рус.

¹⁴ А.п. b в раннепославянском (см. Дыбо₄, 22).

¹⁵ Указания словаря представляются в данном случае не вполне надежными (см. выше, сн. 5).

¹⁶ А.т. 2 по указанию грамматики (Lorentz₁, 174); в словаре конечноударные формы отсутствуют.

(Васильев, 24–26, 28–30; Зализняк₂, 64; Зализняк₃); см. Дыбо₄, 46; а также van Wijk, 21;

14) *ròg, rógù* 'рог' — а.п. с: чак. (Нови) *ròg, ròga* (Белич, 209), серб. *pòg, pòga*, а.п. с в др.-рус. (Зализняк₂, 64; см. Иллич-Свитыч, 117);

15) *vòz, vòza* 'воз, повозка' — а.п. с: чак. (Нови) *vòz, vòza, nà pozì* (Белич, 209), словен. *vòz*; а.п. с в др.-рус. (Зализняк₂, 64; Зализняк₃); см. Иллич-Свитыч, 114;

16) *znòj, znòju* 'сильный холод' — а.п. с: серб. *znòj, znòja*, словен. *znòj*, а.п. с (но изредка также *b*) в др.-рус. (Васильев, 26, 28; Зализняк₃); см. также van Wijk, 22;

17) *zvòn, zvòna* 'колокол, часы' — а.п. с: чак. (Нови) *zvòn, zvòna* (Белич, 209), а.п. с в др.-рус. (Васильев, 26, 28); см. также: van Wijk, 22.

СРЕДНИЙ РОД

9. Имена акцентной парадигмы *a* представлены (за одним исключением) неподвижным акцентным типом при "несуженном" корневом вокализме:

1) *bjardo* 'борта лодки' — а.п. а: словац. *brdo*, серб. *br̂do*, 'часть ткацкого станка', рус. *бёрдо, бёрда*; относительно сегментной реконструкции см. также ЭССЯ;

2) *blóto* 'болото' — а.п. а: польск. диал. *błoto* (Kucała); польск. *błoto*, словац. *blato*, чеш. *bláto*, в.-луж. *blóto* (см. Дыбо₁, 67), серб. *bl̂ato*, словен. *bláto*, рус., укр. *болóто*, а.п. а в др.-рус. (Зализняк₃);

3) *garlo* 'глотка, горло' (< *gʷrdlo) — а.п. а: польск. диал. *garło* (Kucała); словац. *hrdlo*, серб. *g̃rlo, g̃rła*, словен. *gr̂lo*; а.п. а в др.-рус. (Зализняк₃);

4) *jáblo* 'яблоко' — вероятно а.п. а: словен. *jáblo*; ср. др.-рус. *яблѣко* (а.п. а: Зализняк₃); рус. *яблоко*;

5) *lato*, L Sg *lécě* 'лето'; L Du и I Pl 'годы' — а.п. а: польск. диал. *v leće* (L Sg; Kucała); *lato* (Кульбакин, 14), словац. *leto*, чеш. *léto*, серб. *lèto*, словен. *lèto*; а.п. а в др.-рус. (Зализняк₃); см. также Иллич-Свитыч, 133–134;

6) *máslo* 'масло' — а.п. а: польск. диал. *masłó* (Kucała); словац. *maslo*, чеш. *máslo*, серб. *m̃áslo*, словен. *máslo*; а.п. а в др.-рус. (Зализняк₂, 71; Зализняк₃);

7) *mědlo* 'мыло для бритья' — а.п. а: чеш. *mýdlo*, серб. *m̃ýlo*, словен. *mílo*;

8) *mjásto*, L Du *mjěscě* 'город' — а.п. а: польск. диал. *v mēscě* (L Sg; Kucała); *másto násto* (Кульбакин, 14), словац. *mesto*, чеш. *místo* 'место' (но *město* 'город'), серб. *m̃ěsto*, словен. *město*; а.п. а в др.-рус. (Зализняк₃);

9) *páto* 'бечева, за которую тянут сеть', видимо, а.п. а: серб. *p̃úto*, словен. *p̃óto*, рус. *п̃úто*; но ср. словац. *púto* (при чеш. *pouito*);

10) *právo* 'право' — а.п. а: польск. диал. *pravo* (Kucała); серб. *pr̃ávo, pr̃áva*, а.п. а в др.-рус. (Зализняк₃); неясно словац. *právo* (при чеш. *právo*), словен. *právo*;

11) *rádlo* 'род плуга' — а.п. а: польск. диал. *radło* (Kucała); словац. *radlo*, чеш. *rádlo*, серб. *r̃álo*, словен. *rálo*; а.п. а в др.-рус. (Зализняк₃);

12) *ráno* 'утро' — вероятно, а.п. а: польск. диал. *rano* (Kucała);

ср. также акцентуацию прилагательных и наречий: серб. *r̃áno* (Adv.), рус. *ра́но, ра́нный*; неясно словац. *ráno* (при чеш. *ráno*) (Adv.);

13) *šédlo* 'шило' — а.п. а: словац. *šidlo*, чеш. *šídlo*, серб. *ш̃ило*, словен. *šídlo*, рус. *ш̃ило*;

14) *vjéko* 'крышка' — а.п. а: польск. диал. *vékło* (Kucała); словац. *veko*, чеш. *víko*, словен. *véko*; а.п. а в др.-рус. (Зализняк₃);

Единственный пример с подвижностью ударения:

léko 'лыко; луб' — а.п. а: словац. *lyko*, чеш. *lýko*, серб. *л̃ыко*, словен. *líko*, рус. *лы́ко*.

В слове *zárno* 'зерно' (из *zǫrno — а.п. а: словац. *zrno*, серб. *з̃рно*, словен. *zr̃no*; а.п. а в др.-рус. (Зализняк₃); — суженный корневой гласный объясняется, очевидно, аналогией с перестроенным слогом (см. выше, п. 2 и сн. 2)).

10. Распределение в славянской *b*-парадигме зависит, как и в мужском роде, от исходной долготы/краткости корневого гласного. Праславянским долготным корням соответствуют словинские имена с "суженной" огласовкой и неподвижным акцентным типом; краткостные корни имеют вокализм "несуженного" типа, но при этом в отличие от разобранных выше masculina у четырех из пяти примеров с надежно восстанавливаемой а.п. *b* ударение неподвижное.

Славянские долготные корни:

1) *gnjǫzdo* 'гнездо' — а.п. *b*: польск. диал. *gnǫzdo* (Kucała); *ghozdo* (Кульбакин, 14), словац. *hniedzdo*, чеш. *hnízdo*, серб. *гн̃эздо*, словен. *gnězdo*; а.п. *b* в др.-рус. (Зализняк₃); см. Иллич-Свитыч, 121;

2) *jǫdro* 'ядро' — а.п. *b*: польск. диал. *jǫdro* (Kucała); польск. *jadro*, словен. *jádro*; а.п. *b* в др.-рус. (Зализняк₃); неясно словац. *jadro*;

3) *křídlo* 'крыло' — а.п. *b*: словац. *krilo*, чеш. *křídlo*, серб. *кр̃ило*, словен. *kr̂ilo*; др.-рус. *кр̃ило* (а.п. *b*: Зализняк₃);

4) *lěco* (также *lěcě*) 'цвет лица; внешность' — а.п. *b*: словац. *líce*, чеш. *líce*, серб. *л̃ице*, словен. *líce*, рус. *лицо́*, укр. *лице́*; а.п. *b* в др.-рус. (Зализняк₃);

5) *młóko* 'молоко' — а.п. *b*: польск. диал. *mlykło* (Kucała); *mliko* (Кульбакин, 48), словац. *mlieko*, чеш. *mlěko*, в.-луж. *mlóko* (см. Дыбо₁, 67), серб. *мл̃эко*, словен. *mlěko*, рус., укр. *молоко́*; а.п. *b* в др.-рус. (Зализняк₃);

6) *prǫchno* 'труха, труг' — а.п. *b*: польск. *próchno*, словац. *práchno*, чеш. *práchno*, рус. диал. *порохно́*;

7) *přismo* 'письменный текст' — а.п. *b*: словац. *písmo*, чеш. *písmo*, словен. *p̂ismo*, рус. *письмо́*; а.п. *b* в др.-рус. (Зализняк₃);

8) *plótno* 'полотно' — а.п. *b*: словац. *plátno*, чеш. *plátno*, серб. *пл̃áтно*, словен. *plátno*, рус., укр. *полотно́*; а.п. *b* в др.-рус. (Зализняк₃);

9) *plúto* 'поплавок' — В.М. Иллич-Свитыч предполагает здесь а.п. *b* на основании сближения словинского слова с сербохорватскими диалектными вариантами, указывающими на окситонезу (ср. напр. *плу́то* в диалекте г. Дубровник) при сербохорв. литературном *плу́то* (см. Даничић, 64, сн. 7); нормативное ударение, возможно, не соответствует реальному произношению (Иллич-Свитыч 129–130); эта реконструкция поддерживается балтийскими данными (Иллич-Свитыч, *ibid.*);

10) *riúno* 'шкура' — а.п. *b*: словац. *riúno*, чеш. *rouno*, серб. *руно*, словен. *riúno*, рус. *руно*, а.п. *b* в др.-рус. (Зализняк₃);

11) *siúlo* 'силок, пегля' — а.п. *b*: словац. *osidlo* (начальное *o* — вторично: Machek, 342; ср. Иллич-Свитыч, 121), а.п. *b* в др.-рус. (Зализняк₃); неясно чеш. *osidlo*; см. Иллич-Свитыч, *ibid.*;

12) *siřebro* 'серебро' (< **syrebró/serbro*; см. Дыбо₁, 67) — а.п. *b*: словац. *striebro*, чеш. *stříbro*, в.-луж. *slěbro* (см. Дыбо₁, *ibid.*), рус. *серебро*, а.п. *b* в др.-рус. (Зализняк₃);

13) *siúkno* 'сухно' (< *sukъno) вероятно а.п. *b*: серб. *су́кно*, рус., укр. *су́кно*, а.п. *b* в др.-рус. (Зализняк₃);

14) *vlókno* 'волокно' — а.п. *b*: польск. *włókno*, словац. *vlákno*, чеш. *vlákno*, серб. *вла́кно*, словен. *vlákno*, рус., укр. *воло́кно*.

Славянские краткостные корни.

Неподвижный акцентный тип:

1) *sódló* 'седло' — а.п. *b*: серб. *се́дло*, словен. *sédló*, рус. *седло́*, укр. *сідло́*, а.п. *b* в др.-рус. (Зализняк₃);

2) *vjósló* 'весло' — а.п. *b*: серб. *ве́сло*, словен. *veślò*, рус., укр. *весло́*, а.п. *b* в др.-рус. (Зализняк₃);

3) *vókno* 'окно' (< *okъno) — а.п. *b*: серб. *о́кно*, словен. *óknò*, рус. *о́кно*, укр. *ві́кно*; а.п. *b* в др.-рус. (Зализняк₃);

4) *zvjono* 'обод колеса' — а.п. *b*: рус., укр. *звено*, см. также Зализняк₃;

Подвижный акцентный тип:

čólo 'лицо' — серб. *че́ло*, словен. *čélò*, рус. *челó*, укр. *чолó*, а.п. *b* в др.-рус. (Зализняк₃).

Непонятно происхождение суженного корневого гласного в слове

pjóro 'перо' (а.п. 1) — а.п. *b*: чеш. *péro* (с долготой!)/*pero*, серб. *пéро*, словен. *péro* (наряду с *però*), рус., укр. *перó*, а.п. *b* в др.-рус. (Зализняк₃).

Акцентная парадигма с представлена, независимо от количества корневого гласного, "несуженным" вокализмом при подвижном ударении.

Славянские долготные корни:

1) *čálo* 'тело' — а.п. *c*: польск. диал. *čało* (Kucata); *čáto* (Кульбакин, 14), словац. *telo*, чеш. *telo*, серб. *тѣло*, словен. *telò*; а.п. *c* в др.-рус. (Зализняк₃);

2) *dřevo* 'дерево' — а.п. *c*: польск. диал. *žěvo* (Kucata); польск. *drzewo*, словац. *drevo*, ст.-чеш., чеш. *dřevo*, в.-луж. *drjevo* (см. Дыбо₁, 70), серб. *дрѣво*, словен. *drevò*, рус., укр. *дерево*, а.п. *c* в др.-рус. (Зализняк₃); см. также: Дыбо₂;

3) *jájo/jájě* 'яйцо' — а.п. *c*: польск. диал. *jaie* (Kucata); ср. также акцентуацию производных на **ъc(e)* с закономерной а.п. *b*: серб. *ја́йце*, рус. *яйцо́*, а.п. *b* в др.-рус. (Зализняк₃); серб. *ја́је*, по-видимому, объясняется влиянием акцентуации производных (подробнее см. Иллич-Свитыч, 152); см. Дыбо₄, 24;

4) *mjāso* 'мясо' — а.п. *c*: польск. диал. *męso* (Kucata); польск. *mięso*, словац. *māso*, чеш. *maso*, серб. *мѣсо*, словен. *mesò*; а.п. *c* в др.-рус. (Зализняк₃); см. Иллич-Свитыч, 152; Дыбо₄, 24;

5) *uúxo* 'ухо' — а.п. *c*: словац. *ucho*, чеш. *ucho*, словен. *uhò*; а.п. *c* в ср.-болг., диалекте Ю. Крижанича (см. Дыбо₄, 37) и др.-рус. (см. Зализняк₃; Дыбо₄, *ibid.*); неясно серб. *Ухо*.

Славянские краткостные корни:

1) *kólo* 'колесо, круг' — а.п. *c*: серб. *кóло*, а.п. *c* в диалекте Ю. Крижанича: *кóло* (Крижанич₁, 24), *Кóло* (Крижанич₂, 47); словен. *kolò*; а.п. *c* в др.-рус. (Зализняк₂, 71–72; Зализняк₃);

2) *vóko* 'глаз' — а.п. *c*: серб. *о́ко*, *о́ка*; а.п. *c* в ср.-болг. и диалекте Ю. Крижанича (Дыбо₄, 37); а также в др.-рус. (Зализняк₃; Дыбо₄, *ibid.*);

3) *njébo* 'небо' (старая *-es*-основа) — а.п. *c*: серб. *не́бо*, словен. *nebò*; а.п. *c* в др.-рус. (Зализняк₂, 72; Зализняк₃); см. Дыбо₃, 205–206;

4) существительное с двусложной основой: *jézoro* 'озеро' — а.п. *c*: серб. *је́зеро*, ср. также акцентуацию топонима *Језера* (Даничић, с. 66 и сн. 1; ср. Иллич-Свитыч, 133), а.п. *c* в др.-рус. (Зализняк₃); см. Иллич-Свитыч, 133–134.

ЖЕНСКИЙ РОД

11. Имена славянской *a*-парадигмы имеют в словинском как неподвижный, так и подвижный акцентные типы (при некотором преобладании неподвижного); в обоих случаях корневой вокализм "нссуженного" типа.

Имена с неподвижным акцентом:

1) *bába* 'старуха, баба; самка животного' — а.п. *a*: польск. диал. *baba* (Kucata); словац. *baba*, чеш. *bába*, серб. *ба́ба*; а.п. *a* в др.-рус. (Зализняк₃); см. также Дыбо₄, 22;

2) *břóza* 'береза' — а.п. *a*: польск. *brzoza*, словац. *breza*, чеш. *bříza*, следы а.п. *a* в в.-луж. (Дыбо₁, 65), серб. *брѣза*, словен. *brěza*, рус. *берѣза*, укр. *берѣза*, а.п. *a* в др.-рус. (Зализняк₃);

3) *čápla* 'цапля' — а.п. *a*: ст.-чеш. *čiere*, серб. *ча́пля*, рус. *ца́пля*, укр. *ча́пля*;

4) *gāba* 'рот; глоток, кусок' — а.п. *a*: польск. *gęba*, словац. *huba*, чеш. *houba* 'гриб, губка' (но *huba* 'рот')¹⁷; серб. *гу́ба*; а.п. *a* в др.-рус. (Зализняк₃), при совр. рус. *губа́*, укр. *губа́*;

5) *gnjida* 'гнида' — а.п. *a*: словац. *hnida*, серб. *гнйда*, рус. *гни́да*; неясно чеш. *hnida*; см. Дыбо₄, 22;

6) *gráblě* 'грабли' (Pl. tantum) — а.п. *a*: словац. *hrable*, чеш. *hrábe*, серб. *гра́бля*, словен. *gráblje* (Pl.), рус. *гра́бли*;

7) *gúba* 'складка' — вероятно а.п. *a*: словен. *gúba*, рус. диал. *гу́ба* 'полоса земли, вдающаяся в море', а.п. *a* в др.-рус. (Зализняк₃);

8) *xíčě* 'дом' — а.п. *a*: словац. *chúža*, чеш. *chůže*, серб. *хй́жа*, словен. *híža*, а.п. *a* в др.-рус. (Зализняк₃);

9) *jáma* 'яма' — а.п. *a*: словац. *jama*, чеш. *jáma*, серб. *ја́ма*, словен. *jáma*, рус., укр. *я́ма*, а.п. *a* в др.-рус. (Зализняк₃);

10) *klóda* 'бочка' — а.п. *a*: польск. *ktoda*, чеш. *kláda*, серб. *кла́да*, словен. *kláda*, рус., укр. *колóда*, а.п. *a* в др.-рус. (Зализняк₃);

11) *kúra* 'курица' — а.п. *a*: словац. *kura*, чеш. *koura*, рус. *ку́ра*;

12) *lápa* 'лапа' — а.п. *a*: польск. диал. *цара* 'часть прялки' (Kucata); словац. *tlapa*, чеш. *tlápa*, словен. *lápa*, рус., укр. *ла́па*; см. Дыбо₄, 22;

13) *láva* 'тропинка' — а.п. *a*: польск. диал. *цава* (Kucata); словен. *láva*, рус., укр. *ла́ва*; см. Дыбо₄, 22;

¹⁷ Предполагается общность происхождения для слов со значением 'губа' и 'гриб' (см. ЭССЯ).

14) *lěpa* 'липа' — а.п. а: словац. *lípa*, чеш. *lípa*, серб. *lǐpa*, словен. *lípa*, рус., укр. *lípa*, а.п. а в др.-рус. (Зализняк₃); см. Дыбо₄, 22;

15) *mąka* 'supplicium' — а.п. а: польск. *męka*, словац. *muка*, серб. *мұка*, словен. *mōka*, рус. *мұка*, а.п. а в др.-рус. (Зализняк₃); неясно чеш. *muка*;

16) *mąra* 'мера' — а.п. а: польск. диал. *m'ara* (Kucafa); *mara* (Кульбакин, 14), серб. *мєра*, словен. *měra*, рус. *мєра*, укр. *міра*, а.п. а в др.-рус. (Зализняк₃); ср. однако словац. *miera* при чеш. *míra*;

17) *mřěza* 'сеть' — а.п. а: словац. *mřeža*, чеш. *mříže*, серб. *мрєжа*, словен. *mřeža*, рус. *мерєжа*, укр. *мережа*;

18) *níva* 'нива' — а.п. а: словац. *níva*, чеш. *níva*, серб. *њи́ва*, словен. *níva*, рус., укр. *ни́ва*, а.п. а в др.-рус. (Зализняк₃);

19) *pjána* 'пена' — а.п. а: польск. диал. *papa* (Kucafa); словац. *pena*, чеш. *pípa*, серб. *пє́на*, словен. *pěna*, рус. *пéна*, укр. *пі́на*, а.п. а в др.-рус. (Зализняк₃);

20) *řeba* 'рыба' — а.п. а: словац. *ryba*, серб. *рї́ба*, словен. *riba*, рус. *ры́ба*, укр. *ри́ба*, а.п. а в др.-рус. (Зализняк₃); неясно чеш. *ryba*;

21) *řana* 'рана' — а.п. а: польск. диал. *rana* (Kucafa); словац. *rana*, серб. *ра́на*, словен. *rána*, рус., укр. *ра́на*, а.п. а в др.-рус. (Зализняк₃);

22) *saza* 'сажа' — а.п. а: словац. *sadza*, словен. *sája*, рус., укр. *са́жа*, а.п. а в др.-рус. (Зализняк₃); краткость в чеш. *saze*, по-видимому, вторична;

23) *sláva* 'слава' — а.п. а: серб. *сла́ва*; рус., укр. *сла́ва*, а.п. а в др.-рус. (Зализняк₃); имеется, однако, другой ряд соответствий, указывающий на а.п. b: ст.-польск. *slāwa* (см. Арефьев, с. 41)¹⁸, словац. *sláva*; чеш. *sláva*, словен. *sláva* в данном случае амбивалентны; см. также Дыбо₄, 72;

24) *slěva* 'слива' — а.п. а: словац. *slíva*, чеш. *slíva*, серб. *сли́ва*, словен. *slíva*, рус., укр. *сли́ва*, а.п. а в др.-рус. (Зализняк₃);

25) *slóma* 'солома' — а.п. а: польск. *stoma*, словац. *slama*, чеш. *sláma*, в.-луж. *stóma* (см. Дыбо₁, 66), серб. *сла́ма*, словен. *sláma*, рус., укр. *солóма*, а.п. а в др.-рус. (Зализняк₃);

26) *spjica* 'спича' — а.п. а: словац. *spica*, серб. *спї́ца*, словен. *špica*, рус. *спї́ца*, укр. *спї́ця*; чеш. *špice*, по-видимому, вторично;

27) *šata* 'тряпье' — вероятно, а.п. а: словац. *šata*, рус. укр. *ша́та*¹⁹;

28) *šěja* 'шея' — а.п. а: словац. *šija*, чеш. *šije*, серб. *шї́ја*, словен. *šija*, рус. *ше́я*, укр. *шї́я*; а.п. а в др.-рус. (Зализняк₃);

29) *ščuka* 'щука' — а.п. а: словац. *st'uka*, серб. *штї́uka*, словен. *ščuka*, рус., укр. *щу́ка*, а.п. а в др.-рус. (Зализняк₃);

30) *tąca* 'туча' — а.п. а: польск. *tęca*, серб. *ту́ча* 'град', словен. *tóča* idem, рус., укр. *ту́ча*, а.п. а в др.-рус. (Зализняк₃);

31) *várna* 'ворона' — а.п. а: польск. *wrona*, словац. *vřana*, чеш. *vřána*, в.-луж. *врї́на* (см. Дыбо₁, 66); рус. *врѣ́на*, словен. *vřána*, рус., укр. *ворóна*, а.п. а в др.-рус. (Зализняк₃); неясно польск. диал. *wřina* (Кульбакин, 48); ср. диал. вариант *wřona* (с вторичной назализацией; Kucafa).

Имена с подвижным акцентом:

1) *dróga* 'дорога' — а.п. а: польск. *droga*, в.-луж. *dróha*, (см. Дыбо₁, 66), серб. *дрѣ́га*, словен. *drága*, рус., укр. *дорóга*, а.п. а в др.-рус. (Зализняк₃); неясно польск. диал. *dróga* (Kucafa); словац. *dráha*;

2) *glěna* 'глина' — а.п. а: словац. *hlina*, чеш. *hlína*, серб. *гњї́ла*, словен. *glína*, рус., укр. *гли́на*, а.п. а в др.-рус. (Зализняк₃); см. Дыбо₄, 75;

3) *gřeva* 'грива' — а.п. а: словац. *hriva*, чеш. *hríva*, серб. *грї́ва*, словен. *gríva*, рус., укр. *грї́ва*, а.п. а в др.-рус. (Зализняк₃); см. Иллич-Свитыч, 153;

4) *króva* 'корова' — а.п. а: польск. *krowa*, словац. *krava*, чеш. *kráva*, в.-луж. *kruwa* (Дыбо₁, 66), серб. *крѣ́ва*, словен. *kráva*, рус., укр. *корóва*, а.п. а в др.-рус. (Зализняк₃); см. Дыбо₄, 166;

5) *laska* 'ласка' — а.п. а: польск. диал. *uaska* (Kucafa); серб. *ла́ска*, рус., укр. *ла́ска*, а.п. а в др.-рус. (Зализняк₃); неясно словац. *laška* при чеш. *laska*;

6) *múxa* 'муха' — а.п. а: словац. *mucha*, ст.-чеш. *múcha*, чеш. *moucha*, серб. диал. *мў́ха*, словен. *múha*, рус., укр. *мұ́ха*; однако а.п. b в ср.-болг. (Дыбо₂, 177), ср. сербохорв. *мұ́ха*;

7) *pjéga* 'вєснущка' — а.п. а: словац. *peha*, серб. *пє́га*, словен. *péga*;

8) *plóva* 'мякина' — а.п. а: словац. *pleva*, чеш. *plěva*, в.-луж. *plíwa* (Дыбо₁, 66), сербск. *пљѣ́ва*, словен. *pléva*, рус., укр. *полóва*;

9) *řepa* 'репа' — а.п. а: польск. диал. *žepa* (Кульбакин, 14), словац. *repa*, чеш. *řipa*, серб. *рє́па*, словен. *répa*, рус. *рéпа*, укр. *рі́па*, а.п. а в др.-рус. (Зализняк₃);

10) *stréga* 'ручей' — а.п. а: словац. *struha*, чеш. *strouha*, словен. *strúga*, укр. *стрї́га*.

12. У слов славянской а.п. b сегментные отношения остаются теми же, что и в рассмотренном выше материале. При этом, независимо от праславянского количества корневого гласного, встречается как неподвижный, так и подвижный акцентный тип с явным преобладанием последнего.

Славянские долготные корни.

Неподвижный акцент обнаружен у следующих имен:

1) *bjěda* 'нужда, бедность' — а.п. b: польск. диал. *b'yda* (Kucafa); *b'i-da* (Кульбакин, 14), словац. *bieda*, ст.-чеш. *bieda* (наряду с *běda*), чеш. *bída* 'бедность' (при *běda* 'беда'), серб. *бє́да*, *бє́ду*, словен. *běda*; а.п. b в др.-рус. (Зализняк₃); см. Дыбо₄, 78;

2) *dúpa* 'der Hintere, Arsch', вероятно, а.п. b: словац. *dúpa* 'нора, пещера, душло', ст.-чеш. *doupa*, словен. *dúpa* 'нора, пещера';

3) *ščěpa* 'щепка, кусок дерева' — а.п. b: польск. диал. *scypa* (Kucafa); следы а.п. b' в ст.-польск. (Арефьев, 41—42), чеш. *st'ipa*;

4) *třaska* 'щепка, заноза' — а.п. b: польск. диал. *ččaska* (Kucafa); следы а.п. b в ст.-польск. (Арефьев, 42), словац. *trieska*, чеш. *tríska*, рус. *треска́* (Даль), укр. *трі́ска*; неясно серб. *трє́ска*;

5) аналогично ведет себя суш. *prāca* 'работа' — вторичный баритонированный тип с j-вым суф. (из *pórtja < *portjā*, см. Stang., 57; Дыбо₁, 66): словац. *prāca*, чеш. *prāca*, в.-луж. *próca* (см. Дыбо₁, ibid).

Имена с подвижным акцентом:

1) *bārna* 'борона' — а.п. b: словац. *brána*, чеш. *brána*, в.-луж. *bróna* (см. Дыбо₁, 66), серб. *брѣ́на*, А Sg *брѣ́ну*; данные др.-русских памятников указывают на а.п. b или c (Зализняк₃);

2) *bārda* 'борозда' — а.п. b: польск. диал. *brōzda* (Kucafa); *bruzda*, (Кульбакин, 48), польск. *bruzda*, следы а.п. b в ст.-польск. (Арефьев, 39),

¹⁸ У некоторых кашубских авторов также встречается вариант *slāva* (Lozentz).

¹⁹ Вероятно, старое заимствование из германского (см. Фасмер).

словац. *brázda*, чеш. *brázda*, в.-луж. *brózda* (см. Дыбо₁, 66), чак. (Нови) *brāzdā*, A Sg [*brāzdū*] (Белич, 228), серб. *brázda*, A Sg *brāzdu*, а.п. *b* в др.-рус. (Зализняк₃);

3) *gvjǎzda* 'звезда' — а.п. *b*: польск. диал. *gvozdā* (Кульбакин, 14), следы а.п. *b* в ст.-польск. (Арефьев, 40), словац. *hviezda*, серб. *zvézda*, A Sg *zvézdu*; неясно чеш. *hvězda*; в др.-русском преобладает а.п. *c* (но встречается и а.п. *b*: Зализняк₃); см. Иллич-Свитыч, 106;

4) *xvála* 'похвала' — а.п. *b*: польск. диал. *chvála* (Кульбакин, 108) (наряду с *faua/kfaua*: *Kucafa*); словац. *chvála*, чеш. *chvála*, серб. *xvála*, A Sg *xválu*; а.п. *b* в др.-рус. (Зализняк₃);

5) *krása* 'цвет, краска' — а.п. *b*: словац. *krása*, чеш. *krása*, а.п. *b* в др.-рус. (Зализняк₃); см. Дыбо₄, 78;

6) *mǎzga* 'сок' — а.п. *b*: польск. диал. *mázga* (*Kucafa*); словац. *miazga*, чеш. *mížha*, серб. *mézga* A Sg *méžgu*;

7) *móka* 'farina' — а.п. *b*: польск. диал. *moka* (*Kucafa*); польск. *muka*, словац. *múka*, чеш. *mouka*, чак. (Нови) *mūkā*, A Sg [*mūkū*] (Белич, 228), серб. *múka*, A Sg *múku*, а.п. *b* в др.-рус. (Зализняк₃);

8) *řeka* (вариант с "несуженным" вокализмом в G Sg: *řeki/řeki* 'река': а.п. *b*: польск. диал. *žuka* (*Kucafa*); Кульбакин, 14, 108), словац. *rieka*; а.п. *b* в др.-рус. (с ранними отклонениями в сторону а.п. *c*: Зализняк₃); см. Дыбо₂; Дыбо₄, 156;

9) *střoda* (вариант с "несуженным" вокализмом в G Sg: *střodě/střodě*) 'суббота' — а.п. *b*: следы нового акута в ст.-польск. (Арефьев, 42), словац. *črieda*, чеш. *třída*, в.-луж. *črjoda*, (см. Дыбо₁, 67), серб. *чрѣда*, A Sg *чрѣду*, а.п. *b* в др.-рус. (Зализняк₃); неясно польск. *trzoda*, чак. (Нови) *črēdā*, *črēdu* (Белич, 238); см. Иллич-Свитыч, 106–107;

10) *tráva* 'трава' — а.п. *b*: польск. диал. *trāva* (*Kucafa*); словац. *tráva*, чеш. *tráva*, чак. (Нови) *travā*, A Sg [*trāvū*] (Белич, 228), а.п. *b* в др.-рус. (Зализняк₃).

Славянские краткостные корни.

Неподвижный акцентный тип:

1) *kóza* 'коза' — а.п. *b*: чак. (Нови) *kozā*, A Sg *kozā* (Белич, 226), следы а.п. *b* в др.-рус. (при раннем переходе в а.п. *c*: Зализняк₃, ср. Васильев, 32; ср. также серб. *кòза*, A Sg *кòзу*);

2) *sóstra* 'сестра' — а.п. *b*: чак. (Нови) *sestrā*, A Sg [*sestrū*] (Белич, 226), словен. *séstra*; а.п. *b* в др.-рус. (Зализняк₃); см. Иллич-Свитыч, 148–149, Дыбо₄, 22;

3) *vósa* 'оса' — а.п. *b*: серб. *òsa*, A Sg *òcy*, словен. *ósa*; а.п. *b* в др.-рус. (Зализняк₃).

Подвижный акцентный тип:

1) *stópa* 'стопа, нога' — серб. *стòпа*, A Sg *стòпу*, словен. *stópa*; а.п. *b* в др.-рус. (Зализняк₃); см. также Дыбо₂;

2) *sóva* 'сова' — а.п. *b*: следы окситонезы в др.-русском (с ранним переходом в а.п. *c*: Зализняк₃; ср. Васильев, 33–35), словен. *sóva*: неясно серб. *сòва*;

3) *vdóva* 'вдова' (< *vdova) — а.п. *b* в др.-рус. (Зализняк₃); см. Иллич-Свитыч, 103;

4) *žóna* 'жена' — а.п. *b*: чак. (Нови) *ženā*, A Sg *ženū* (Белич, 226), словен. *žéna*; а.п. *b* в др.-рус. (Зализняк₃); см. Дыбо₂; Дыбо₃, 221; Дыбо₄, 69.

13. Акцентная парадигма *c* представлена обоими акцентными типами при "несуженном" корневом вокализме.

Славянские долготные корни.

Неподвижный акцентный тип:

1) *bróda* 'борода' — а.п. *c*: польск. *broda*, словац. *brada*, чеш. *brada*, в.-луж. *brōda* (Дыбо₁, 70), чак. (Нови) *brādā*, A Sg *brādu* (Белич, 228), серб. *брáда*, A Sg *брáду* (вариант *брáду*: Даничић, 100 и сл. 2), а.п. *c* в др.-рус. (Зализняк₃);

2) *děša* 'душа' — а.п. *c*: словац. *duša*, чеш. *duše*, чак. (Нови) *dūšā*, A Sg [*dūšu*] (Белич, 228), серб. *дýша*, A Sg *дýшу*; а.п. *c* в др.-рус. (Зализняк₃); см. Дыбо₃, 223;

3) *grǎda* 'куриный насест' — а.п. *c*: польск. *grzędā*, словац. *hrada*, чеш. *hrada*, чак. (Нови) *grēdā*, A Sg [*grēdu*] (Белич, 228), серб. *грѣда*, A Sg *грѣду*; см. Иллич-Свитыч, 101.

Подвижный акцентный тип:

1) *glóva* 'голова' — а.п. *c*: польск. *głowa*, словац. *hlava*, чеш. *hlava*, в.-луж. *htowa* (Дыбо₁, 70), чак. (Нови) *glāvā*, A Sg [*glāvu*] (Белич, 228), серб. *гла́ва*, A Sg *гла́ву*, словен. *gláva*, *gláve*/*glavê* а.п. *c* в др.-рус. (Зализняк₃);

2) *rǎka* 'рука' — а.п. *c*: польск. *ręka*, словац. *ruka*, чеш. *ruka*, чак. (Нови) *rūkā*, A Sg [*rūku*], *vā ruku* (Белич, 228), серб. *ру́ка*, A Sg *ру́ку*; а.п. *c* в др.-русском (Зализняк₃); см. Иллич-Свитыч, 100–101;

3) *střoda* 'среда (день недели); пол в помещении' — а.п. *c*: польск. *środa*, чеш. *streda*, (вариант *střida*, по-видимому, вторичен), в.-луж. *srjeda* (Дыбо₁, 70), серб. *сре́да*, A Sg *сре́ду*, а.п. *c* в др.-рус. (Зализняк₃);

4) *zěma* 'зима' — а.п. *c*: словац. *zima*, чеш. *zima*, чак. (Нови) *zīmā*, A Sg [*zīmu*], *nā zīmu* (Белич, 228), а.п. *c* в др.-рус. (Зализняк₃); см. Иллич-Свитыч, 101.

Славянские краткостные корни:

Неподвижный акцентный тип отмечен в двух случаях:

1) *dǎska* 'доска' (*dǎska) — а.п. *c*: чак. (Нови) *daskā*, A Sg [*dāsku*] (Белич, 226), а.п. *c* в др.-рус. (Зализняк₃);

2) *smóla* 'смола' — а.п. *c*: серб. *смòла*, A Sg *смòлу*, а.п. *c* в диалекте Ю.Крижанича: *smolá*, A Sg *smólu* (Крижанич₂, 54), а.п. *c* в др.-русском (Зализняк₃); словен. *smóla*, чеш. *smůla* (вариант *smola*) по-видимому вторично.

В остальных случаях акцент подвижный:

1) *jégla* 'игла' (*jǫgla) — а.п. *c*: чак. (Нови) *iglā*, A Sg *iglu* (Белич, 226), а.п. *c* в др.-русском (Зализняк₃);

2) *kópa* 'копа, шесть десятков' — вероятно а.п. *c*: а.п. *c* в др.-русском (Зализняк₃; ср. Васильев, 32, 33);

3) *kósa* 'коса (орудие)' — а.п. *c*: подвижная парадигма в др.-русском (Зализняк₃) и в диалекте Ю.Крижанича: *Kósi* (N Pl; Крижанич₂, 48, 49); В.М.Иллич-Свитыч реконструирует для этого слова а.п. *b* с ранним переходом в а.п. *c* (под влиянием акцентуации омонима; цит. соч., 104);

4) *nóga* 'нога' — а.п. *c*: чак. (Нови) *nogā*, A Sg [*nōgu*] (Белич, 226–227), серб. *но́га*, A Sg *но́гу*; *nā noge* (Даничић, 102–104); а.п. *c* в др.-рус. (Зализняк₃); см. Иллич-Свитыч, 102;

5) *roša* 'роса' — а.п. с: серб. *roša*, А Sg *rošu*, а.п. с в др.-рус. (Зализняк₂, 80; Зализняк₃; Васильев, 32–34);

6) *vođa* 'вода' — а.п. с: чак. (Нови) *vođa*, А Sg [*vòdu*]; *nà vodu* (Белич, 226–227), серб. *vòda*, А Sg *vòdu*; *niz vodu* (Даничић, 102–104); а.п. с в др.-рус. (Зализняк₂, 80; Зализняк₃; Васильев, 32–33); см. Дыбо₄, 201–202;

7) *zēlja* 'земля' — а.п. с: чак. (Нови) *zemlja*, А Sg [*zèmlu*] (Белич, 226), сербск. *zēmla*, А Sg *zēmlu*; *nà zemlju*, *krōža zemlju* (Даничић, 102–104); а.п. с (изредка а.п. b) в др.-рус. (Зализняк₃); см. Иллич-Свитыч, 107–108.

14. Приведенный выше разбор можно, несколько огрубленно, проиллюстрировать следующими тремя таблицами:

Акцентная парадигма а:

	м.р.	ср.р.	ж.р.
Неподв. тип	1/7	1/14	0/31
Подв. тип	0/5	0/1	0/10

Акцентная парадигма b:

	долготные			краткостные		
	м.р.	ср.р.	ж.р.	м.р.	ср.р.	ж.р.
Неподв. тип	28/0	14/0	5/0	0/1	1/4	0/3
Подв. тип	0/0	0/0	10/0	0/10	0/1	0/4

Акцентная парадигма с:

	долготные			краткостные		
	м.р.	ср.р.	ж.р.	м.р.	ср.р.	ж.р.
Неподв. тип	3/0	0/0	0/3	0/0	0/0	0/2
Подв. тип	0/36	0/5	0/4	0/17	0/4	0/7

Слева от дробной черты приводится число лексем с вокализмом "суженного" типа, справа — с "несуженным" вокализмом. В подсчеты не включены некоторые сомнительные примеры.

Рассмотренные факты указывают на двойное отражение в словинском акцентной парадигмы *b* (в зависимости от количества корневого гласного) — на сегментном, и, насколько можно судить, акцентном уровнях. Различие в акцентуации двух классов славянских охутона следует, очевидно, объяснять перестройками акцентной кривой а.п. *b*; предположение П. Гарда (Garde) об отсутствии в словинском (и вообще в западносла-

вянском) перетяжки ударения, приведшей к расщеплению балтославянской неподвижной парадигмы на *a*- и *b*-парадигмы в славянских языках, следует на фоне рассмотренного материала считать маловероятным. Как показал В.А. Дыбо, словинский — не единственный диалект, переживший подобное расщепление *b*-парадигмы: в старохорватском чакавско-кайкавском диалекте, известном по рукописям Ю.Крижанича, наблюдается оттяжка иктуса с долгого (несокращенного) гласного на предшествующий долгий. Если предположить аналогичное правило и для некоторых западнославянских диалектов (кроме словинского в их число, вероятно, следует включить словацкий), то, очевидно, на некотором этапе акцентной эволюции у долготных имен а.п. *b* появились формы с предконечным ударением, с которых и начался процесс перестройки акцентных парадигм (Дыбо₇).

Приложения

А. Словинские говоры. Словинский диалект, представленный в описании Ф.Лорентца материалом семи весьма близких говоров, принято относить (вместе с кашубскими и саборскими диалектами) к поморской группе. Описание включает словарь (Lorentz₃), грамматику (Lorentz₁) и сборник текстов (Lorentz₂). (В этих работах Ф.Лорентц называет словинский диалект языком, а говоры отдельных деревень — диалектами, однако в более поздних работах отказывается от такого, явно неудачного, словопотребления). Подробнее о классификации диалектов см. в работах Lorentz₄ и Lorentz₅, 15–22.

Различия между говорами сводятся в основном к особенностям реализации фонем и не затрагивают более высоких уровней; исключения составляют некоторые окончания, а также рефлексация праславянских носовых (см. Lorentz₁, 3–8). В использованном источнике явно отражаются все различия в фонетике говоров, — даже в тех случаях (наиболее частых), когда они носят регулярный характер.

Цикл работ Ф.Лорентца является наиболее подробным из описаний поморских диалектов с разноместным акцентом. Материал словинских говоров содержится также в исследованиях М.Рудницкого (Rudnicki), и Ст.Рамулта (Ramult); см. о них Lorentz₅, 54–56. Из описаний других поморских диалектов следует отметить работу Г.Брониша о близком к словинскому былякском говоре деревни Heisternest (Bronisch). Словинский материал включен также в сводный словарь поморских диалектов Ф.Лорентца — Ф.Хинце (Lorentz₆), но в его первом томе сведения об ударении приводятся не полностью.

Б. Замечания о фонетике и транскрипции. В своих работах Ф.Лорентц использует исключительно детальную транскрипцию; очевидно, он стремился к максимально подробной передаче звукового строя вымирающего диалекта. Фонологическая интерпретация словинской звуковой системы у Ф.Лорентца отсутствует. Н.С.Трубецкой (Trubetzkoy, 63–64) обнаруживает в словинском противопоставление по долготности-краткости, различие высокого и низкого регистров (Hochton vs. Tiefton), соответствующее ударности-безударности в традиционных описаниях; а для гласных верхнего регистра (всегда долгих) — противопоставление восходящей и нисходящей интонаций (langsteigend vs. langfallend). При этом ударные гласные *ā, ō, ē, ī, ū, ȳ* (т.е. суженные) всегда выступают с падающей интонацией, а гласные *a, o, e, ä, i, u, q, ȳ* (несуженные) — с восходящей, что, в частности,

позволяет считать пары [i], [ĩ] и [u], [ũ] реализациями двух фонем: /i/ и /u/ в разных просодических условиях. Такая интерпретация акцентологически значимого противопоставления суженных и несуженных гласных (при этом суженные гласные характеризуются, помимо падающей интонации, сегментным признаком напряженности, в отличие от восходящих-ненапряженных несуженных; см. Trubetzkoy, 64, сноски 37) представляет большой интерес для изучения истории и типологии акцентно-интонационных систем и должна учитываться при интерпретации результатов сравнительно-исторического анализа. Однако для настоящей работы, задача которой сводится к оценке распределения акцентных классов, практически более удобной представляется транскрипция традиционного типа с единственным значком для ударения, получаемая путем упрощения системы Ф.Лорентца. Эти упрощения носят чисто графический характер и не претендуют на статус фонологической транскрипции.

Тип реализации ударения (фиксируемый в исходной системе пятью акцентными знаками) почти всегда выводим из сегментных (в интерпретации Ф.Лорентца) характеристик ударного гласного и/или его окружения, и, таким образом, восстановим даже с учетом предлагаемых ниже упрощений (которые, в свою очередь, восстанавливаются путем взаимно-однозначных замен или по контексту). Исключения составляют 2 случая — сегменты $\grave{\text{e}}, \grave{\text{i}}, \grave{\text{e}}, \grave{\text{i}}$ и $\acute{\text{e}}, \acute{\text{i}}$, для которых обозначения акцента не выводимы ни из контекста, ни из качества ударного гласного. В обоих случаях эти просодические (по Ф.Лорентцу) различия сведены к обозначениям сегментного типа. Отметим также, что $\grave{\text{e}}, \grave{\text{i}}$ относится к $\grave{\text{e}}, \grave{\text{i}}$ (и, вероятно, $\acute{\text{e}}, \acute{\text{i}}$ к $\acute{\text{e}}, \acute{\text{i}}$) как суженный гласный к несуженному (т.е. как $\acute{\text{e}}$ к $\acute{\text{e}}$, $\acute{\text{o}}$ к $\acute{\text{o}}$ и т.п.).

В предлагаемой рабочей транскрипции (в отличие от систем, принятых для других северолехитских диалектов) сохраняется эксплицитное различие двух сегментов "типа $\acute{\text{e}}$ ", передаваемых у Ф.Лорентца как $\acute{\text{e}}$ и $\acute{\text{ie}}$ (в наших обозначениях $\acute{\text{a}}$ и $\acute{\text{e}}$ соответственно), — поскольку соотношение " $\acute{\text{e}}$ после мягких, $\acute{\text{a}}$ после твердых" носит в словинцком лишь статистический характер, причем исключения не ограничиваются заимствованными словами. Следует также отметить, что в предлагаемой транскрипции сохраняются без упрощения написания pj, bj, mj, vj вместо принятых в некоторых системах обозначений мягкости p', b', m', v' .

Анализ позиций, в которых реализуются различные типы акцента, заимствован из "Словинцской грамматики": Lorentz₁, 17–32.

В. Правила пересчета. В разделе I объясняется переход от исходной транскрипции к принятой в данной статье рабочей; в разделе II — обратное преобразование. Эти правила применимы только к системе, применяемой в работах Lorentz₁₋₃ и только для восточнословинцкого говора деревни Kluki (нем. Klucken): как уже было сказано, отражение Ф.Лорентцем регулярных фонетических различий в говорах различных деревень приводит к тому, что в "Словинцском словаре" одному и тому же слову могут соответствовать две или несколько словарных статей, не обязательно смежных. О классификации и отличиях словинцских говоров см. Lorentz₁, 3–8.

В квадратных скобках дается избыточная информация, приводимая для наглядности, в круглых скобках даются правила, не имеющие строгих

формулировок (обычно они не касаются материала, разбираемого в данной работе). Порядок применения правил существен для обоих разделов.

I. Правила упрощения.

1.1. $\acute{\text{e}} \rightarrow \acute{\text{e}}$.

1.2. $\grave{\text{e}}, \grave{\text{i}} \rightarrow \acute{\text{o}}, \acute{\text{o}}; \grave{\text{e}}, \grave{\text{i}} \rightarrow \acute{\text{o}}, \acute{\text{o}}; \grave{\text{e}}, \grave{\text{i}} \rightarrow \acute{\text{o}}, \acute{\text{o}}$.

2. [Упрощение акцентных знаков:]

3.1. $\acute{\text{a}} \rightarrow \acute{\text{a}}; \acute{\text{o}} \rightarrow \acute{\text{o}}$ не в ауслауте; $\acute{\text{e}} \rightarrow \acute{\text{e}}; \acute{\text{e}} \rightarrow \acute{\text{e}}; \acute{\text{e}} \rightarrow \acute{\text{e}}; \acute{\text{o}} \rightarrow \acute{\text{o}}$;

$\acute{\text{e}} \rightarrow \acute{\text{e}}$.

3.2. $\acute{\text{e}}, \acute{\text{e}} \rightarrow \acute{\text{a}}; \acute{\text{e}} \rightarrow \acute{\text{e}}; \acute{\text{a}} \rightarrow \acute{\text{e}}; \acute{\text{a}} \rightarrow \acute{\text{e}}; \acute{\text{e}}, \acute{\text{e}} \rightarrow \acute{\text{o}}, \acute{\text{o}}, \acute{\text{u}}, \acute{\text{u}}$.

3.3. $\acute{\text{i}} \rightarrow \acute{\text{j}}; \acute{\text{u}} \rightarrow \acute{\text{v}}$.

4. Убрать [обозначения количества в безударных слогах] $\acute{\text{e}}, \acute{\text{e}}, \acute{\text{e}}$.

5. $\acute{\text{t}}, \acute{\text{d}} \rightarrow \acute{\text{t}}, \acute{\text{d}}; \acute{\text{f}} \rightarrow \acute{\text{f}}; \acute{\text{w}} \rightarrow \acute{\text{v}}; \acute{\text{k}}, \acute{\text{g}}, \acute{\text{x}}, \acute{\text{y}} \rightarrow \acute{\text{k}}, \acute{\text{g}}, \acute{\text{x}}, \acute{\text{y}}$.

6. $\acute{\text{h}} \rightarrow \acute{\text{k}}; \acute{\text{h}} \rightarrow \acute{\text{g}}, \acute{\text{x}} \rightarrow \acute{\text{x}}$.

II. Правила восстановления.

[а] Ударные гласные.]

1. $\acute{\text{a}} \rightarrow \acute{\text{a}}$ (за исключением сочетаний -апс, где $\acute{\text{a}} \rightarrow \acute{\text{a}}$).

2. $\acute{\text{a}}, \acute{\text{o}} \rightarrow \acute{\text{a}}, \acute{\text{o}}$ не перед $\acute{\text{r}}, \acute{\text{r}}$ [$\acute{\text{a}}, \acute{\text{r}}; \acute{\text{o}}, \acute{\text{r}}$ остаются без изменений].

3. $\acute{\text{a}} \rightarrow \acute{\text{e}}$ перед $\acute{\text{j}}$ иначе $\acute{\text{a}} \rightarrow \acute{\text{e}}$ перед $\acute{\text{s}}, \acute{\text{z}}, \acute{\text{c}}, \acute{\text{s}}, \acute{\text{z}}, \acute{\text{k}}, \acute{\text{x}}, \acute{\text{t}}$ в закрытых слогах; иначе $\acute{\text{a}} \rightarrow \acute{\text{e}}$.

4. $\acute{\text{e}} \rightarrow \acute{\text{e}}$ в словах $\acute{\text{s}}\acute{\text{e}}\acute{\text{r}}\acute{\text{t}}\acute{\text{c}}\acute{\text{e}}, \acute{\text{s}}\acute{\text{e}}\acute{\text{r}}\acute{\text{p}}, \acute{\text{s}}\acute{\text{e}}\acute{\text{r}}\acute{\text{s}}\acute{\text{e}}\acute{\text{n}}$ (а также в некоторых глагольных формах и заимствованиях); иначе $\acute{\text{e}} \rightarrow \acute{\text{e}}$.

5. $\acute{\text{e}} \rightarrow \acute{\text{e}}$ перед $\acute{\text{s}}, \acute{\text{z}}, \acute{\text{c}}$ в закрытых слогах; иначе $\acute{\text{e}} \rightarrow \acute{\text{e}}$ в открытых неоконченных слогах; [иначе — в закрытых слогах и в ауслауте — $\acute{\text{e}} \rightarrow \acute{\text{e}}$].

6. $\acute{\text{u}}, \acute{\text{i}} \rightarrow \acute{\text{u}}, \acute{\text{i}}$ в открытых неоконченных слогах; иначе $\acute{\text{u}}, \acute{\text{i}} \rightarrow \acute{\text{u}}, \acute{\text{i}}$ [в закрытых слогах и в ауслауте].

7. $\acute{\text{e}} \rightarrow \acute{\text{a}}$.

8. $\acute{\text{o}} \rightarrow \acute{\text{e}}$ (за исключением слов $\acute{\text{votc}}, \acute{\text{vot}}, \acute{\text{pod}}, \acute{\text{vot}}, \acute{\text{koc}}, \acute{\text{koc}}\acute{\text{o}}\acute{\text{s}}$, где $\acute{\text{o}} \rightarrow \acute{\text{e}}; \acute{\text{a}} \rightarrow \acute{\text{e}}$ перед согласными).

9. $\acute{\text{o}}, \acute{\text{o}} \rightarrow \acute{\text{e}}, \acute{\text{e}}; \acute{\text{o}}, \acute{\text{o}} \rightarrow \acute{\text{e}}, \acute{\text{e}}$.

10. $\acute{\text{u}}, \acute{\text{i}} \rightarrow \acute{\text{u}}, \acute{\text{i}}$ (за исключением некоторых заимствований, где $\acute{\text{u}}, \acute{\text{i}} \rightarrow \acute{\text{u}}, \acute{\text{i}}$).

[б] Безударные гласные.

1. $\acute{\text{a}} \rightarrow \acute{\text{a}}$ перед $\acute{\text{r}}, \acute{\text{l}}, \acute{\text{m}}, \acute{\text{n}}$ в конечных слогах; [иначе $\acute{\text{a}} \rightarrow \acute{\text{a}}$]; (ас $\rightarrow \acute{\text{a}}$ в окончаниях инфинитивов приставочных глаголов с неслоговым корнем).

2. $\acute{\text{a}} \rightarrow \acute{\text{e}}$ перед $\acute{\text{j}}$; иначе $\acute{\text{a}} \rightarrow \acute{\text{e}}$.

3. $\acute{\text{e}} \rightarrow \acute{\text{a}}$ в открытых слогах [включая ауслаут]; (за исключением род. и дат. падежа ед. числа местоимений $\acute{\text{lien}}$ и $\acute{\text{jien}}$, где $\acute{\text{e}}$); иначе $\acute{\text{e}} \rightarrow \acute{\text{e}}$ [в закрытых слогах].

4. $\acute{\text{o}} \rightarrow \acute{\text{e}}$.

5. $\acute{\text{ou}}, \acute{\text{oi}} \rightarrow \acute{\text{e}}, \acute{\text{e}}$.

6. $\acute{\text{u}} \rightarrow \acute{\text{u}}$ в открытых слогах; иначе $\acute{\text{u}} \rightarrow \acute{\text{u}}$ [в закрытых слогах].

7. $\acute{\text{i}} \rightarrow \acute{\text{i}}$ в открытых неоконченных слогах (за исключением нескольких изолированных случаев, где $\acute{\text{i}}$); иначе $\acute{\text{i}} \rightarrow \acute{\text{i}}$ [в закрытых слогах].

[в] Согласные.

1. $\acute{\text{j}}, \acute{\text{f}} \rightarrow \acute{\text{j}}, \acute{\text{f}}$ после гласных.

2. $\acute{\text{t}}, \acute{\text{d}} \rightarrow \acute{\text{t}}, \acute{\text{d}}$ после $\acute{\text{r}}, \acute{\text{r}}$.

3. $\acute{\text{k}} \rightarrow \acute{\text{h}}, \acute{\text{g}} \rightarrow \acute{\text{h}}, \acute{\text{x}} \rightarrow \acute{\text{x}}$.

4. k, g, x, γ → k', g', x', γ' после e, é, i, i', i.
 5. v → u после i, и в ауслауте после o; иначе v → w.
 [г] И, наконец, ei → e'i; -anc- → -a'nc- [не в ауслауте]; (er, eř (<*br) → e'g, e'ř за исключением слова šertca).

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

- Арефьев — Арефьев В.В. Отражение праславянской акцентологической системы в польских диалектах. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Москва, 1979.
 Белич — Белич А. Заметки по чакавским говорам. ИОРЯС, т. 14, кн. 2.
 Бубрих — Бубрих О.В. Северно-Кашубская система ударения. ИОРЯС, т. 27.
 Васильев — Васильев Л.Л. О значении каморы в некоторых древнерусских памятниках XVI–XVII веков. К вопросу о произношении звука o в великорусском наречии. Л., 1929.
 Даничић — Даничић Ђ. Српски акценти. Београд–Земун, 1925.
 Дыбо₁ — Дыбо В.А. Об отражении древних количественных и интонационных отношений в верхнелужицком языке. — Сербо-лужицкий лингвистический сборник. М., 1963.
 Дыбо₂ — Дыбо В.А. Материалы по исторической акцентологии болгарского языка. — Известия на института за български език. Книга XXII. София, 1973.
 Дыбо₃ — Дыбо В.А. Именное ударение в среднеболгарском и закон Васильева-Долобо. — СБЯ. Античная балканистика и сравнительная грамматика. М., 1977.
 Дыбо₄ — Дыбо В.А. Славянская акцентология. М., 1981.
 Дыбо₅ — Дыбо В.А. О некоторых акцентологических изоглоссах словенско-кайковской языковой области. — Hrvatski dijalektološki zbornik. Knjiga VI/1982. Zagreb, 1982.
 Дыбо₆ — Дыбо В.А. Праславянское распределение акцентных типов в презенсе тематических глаголов с корнями на нешумные. (Материалы к реконструкции). [Вторая часть] БСИ 1982. М., 1983.
 Дыбо₇ — Дыбо В.А. Лекции по славянской акцентологии (рукопись).
 Зализняк₁ — Зализняк А.А. Новые данные о русских памятниках XIV–XVII веков с различием двух фонем "типа o". — "Советское славяноведение", 1978, № 3.
 Зализняк₂ — Зализняк А.А. Акцентологическая система древнерусской рукописи XIV века "Мерило Праведное". — СБЯ. История литературных языков и письменность. М., 1979.
 Зализняк₃ — Зализняк А.А. От праславянской акцентуации к русской. М., 1985.
 Илич-Свитыч — Илич-Свитыч В.М. Именная акцентуация в балтийском и славянском. М., 1963.
 Крижанич₁ — Граматично изказанje ob rúskom jeziku, popá Jbuka Крижаница, prezvanjem Serbljanina, medju Kápoj8 i Bbnoj8 ríkami, vo šjedsz Bbñca gráda, okol Džbovica, Ozljá i Ribnik ostrbov. Písano v Sibíri Líta, zrod. M., 1859.
 Крижанич₂ — Крижанич Ю. Политика. М., 1965.
 Кульбакин — Кульбакин С.М. К истории и диалектологии польского языка. — Сборник ИОРЯС, т. LXXIII, №4, СПб, 1903.
 Фасмер — Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М., 1964–1973.
 ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. М., 1974 —.
 AJK — Atlas językowy kaszubszczyzny i dialektów sąsiednich. Wrocław — Kraków, 1964.
 Bronisch — Bronisch G. Kaschubische Dialektstudien. — AfSPh, XVIII, 1896.
 Brückner — Brückner A. Słownik etymologiczny języka polskiego. Warszawa, 1974.
 Garde — Garde P. Le paradigme accentuel oxyton est-il slave commun? — Communications de la délégation française au 7-me congrès international des slavistes. Paris, 1973.
 Kucala — Kucala M. Porównawczy słownik trzech wsi małopolskich. Wrocław, 1957.
 Lorentz₁ — Lorentz Fr. Slowinzische Grammatik. SPb, 1903.
 Lorentz₂ — Lorentz Fr. Slowinzische Texte. SPb, 1905.
 Lorentz₃ — Lorentz Fr. Slowinzisches Wörterbuch. SPb, 1908–1912.

- Lorentz₄ — Lorentz Fr. Geschichte der Pomoranischen (kaschubischen) Sprache. Berlin u. Leipzig, 1925.
 Lorentz₅ — Lorentz Fr. Gramatyka pomorska. Wrocław — Kraków, 1958–1962.
 Lorentz₆ — Lorentz Fr. Pomoranisches Wörterbuch. Berlin, 1958 —.
 Machek — Machek V. Etymologický slovník jazyka českého a slovenského. Praha, 1957.
 Ramuŕt — Ramuŕt St. Słownik języka pomorskiego czyli kaszubskiego. Kraków, 1893.
 Rudnicki — Rudnicki M. Przyczynki do gramatyki i słownika narzecza słowińskiego. — Materiały i Prace Komisji językowej, VI (1913).
 Stang — Stang Chr. Slawonic accentuation. Oslo, 1957.
 Topolińska — Topolińska Z. Stosunki iloczasowe polsko-pomorskie. Wrocław, 1964.
 Trubetzkoy — Trubetzkoy N. Zur allgemeinen Theorie der phonologischen Vokalsysteme. — Travaux du Cercle Linguistique de Prague, 1, Prague, 1929.
 van Wijk — van Wijk N. Zum baltischen und slawischen Akzentverschiebungsgesetz. — Indogermanische Forschungen, Bd. 40, Leipzig, 1922.

С.Л. НИКОЛАЕВ

К ИСТОРИЧЕСКОЙ МОРФОЛОГИИ ДРЕВНЕГРЕЧЕСКОГО ГЛАГОЛА

3. Мотивированность количественных чередований гласных в глагольном корне*

Выше нам приходилось встречаться с такими случаями, когда в корне (в том числе и модифицированном) наблюдается чередование долгого и короткого гласного (примеры см. в табл. 1)¹.

Как видно из приведенных примеров, чередование долгого гласного с кратким происходит как в тех случаях, когда корень не имеет модификации CVCV → CCV (ἔξας : ἔκέ-της), так и в модифицированном варианте корня (οἰῆ-μα : οἰέ-σις — корень < οἰε >; ἄρω-μα : ἀρο-τός).

Количественные чередования гласных в греческом глагольном корне см. в табл. 2².

Особых комментариев требуют чередования η/ε и η/α. Чередование η/α мы имеем в корнях, представленных в табл. 3.

Краткость в εὔρεθην, ἐρρέθην при εὔρηκα, ἐρρηκα (<*FéFρη-ка), скорее всего, вторична (см. стр. 167). Сокращение в ἀελλα <*āFe-λα при долготе в ἄημι по закону Остоффа. Чередование η/α³ см. в табл. 4.

Для описания этих чередований мы вводим две морфемы: <ē>, реализующуюся в чередовании η/ε, и <ā>, реализующуюся в чередовании η/α.

*1-я и 2-я части работы опубликованы в предыдущем выпуске ежегодника: Балто-славянские исследования, 1982. М., 1983 (далее — Николаев 1983). Там же список принятых сокращений и морфонологических символов.

¹ В настоящей работе мы не касаемся удлинения корневого гласного в итеративах типа τρωχάω при τρέχω, νωμάω при νέμω, στροφάω при στρέφω, τρωπάω при τρέπω, πωτάομαι при πέτομαι.

² В таблице не учитывается переход *ā в ē (η) во многих диалектах. Под ā подразумевается общегреческое *ā.

³ Сюда же относится στέψ-ται : σταν-ρός, так как στέψαι <*στέψ-μαι по закону Остоффа.

Таблица 1

Долгий гласный		Краткий гласный	
(1)	ἴξις	ἰκέ-της	
(2)	δέδαχ-α	δάκε-τόν, δάκ-νω	
(3)	σχῆ-μα, ἔσχη-κα	σχέ-σις, ἐ-σχέ-θην	
(4)	φα-μί, φή-μη	φα-μέν, φα-τός	
(5)	ἄρω-μα	ἄρο-τός, ἄρο-τρον	
(6)	δῶ-ρον, δίδω-μι	δό-σις, δίδο-μεν	

Таблица 2

Вид чередования	Примеры	Вид чередования	Примеры
α/α	κέκρᾱα : ἔ-κραγ-ον	ω/α	τρώγ-ω : ἔ-τραγ-ον
η/ε	δίδη-μι : δε-τός	ι/ι	πνύγ-ω : ἐ-πνύγ-ην
η/α	ῥήγ-νυμι : ἐ-ῥράγ-ην	υ/υ	ψύχ-ω : ἐψύχ-ην
ω/ο	δίδω-μι : δό-σις		

Таблица 3

Огласовка η		Огласовка ε	
(1)	εἰσ-πί-φρη-μι	εἰσ-φρέ-ω	
(2)	δίδη-μι, δάδη-μα	δέω, δε-τός	
(3)	τίθη-μι, θῆ-μα	τίθε-μεν, θε-τός	
(4)	θρη-νο-ς	θρέ-ω 'вопить'	
(5)	ἱή-μι, ῆ-μα	ἱέ-μεν, ἔ-σις	
(6)	νη-τός	νέ-ω	

Видимо, эти морфемы представляют собой долготные аналоги морфемем (ε) и (α), обоснования для введения которых приводятся ниже.

Чередование ω/α отмечено в двух корнях: τρώγ-ω/ἔ-τραγ-ον; τρώFω/траῦμα. В других корнях наблюдается нормальное чередование ω/ο⁴.

Чередование долгого гласного с кратким аналогично чередованию полной

⁴ Имеется еще архаичное производное δάνος (Anth.) 'заем'. Если это производное не от δᾶ(ν). 'делить, распределять', а от δίδωμι 'давать', данная форма будет третьим примером на чередование ω/α. Не исключено тогда, что старой реализацией ступени редукции ω является именно α, а чередование ω/ο (также очень редкое и устанавливаемое в основном по косвенным данным, например вид CCV торρ-, предполагающий исходную форму корня (τρε-)) следует считать инновацией. Альтернативой будет введение для описания чередований ω/ο и ω/α морфемем (ω) и (α).

Таблица 4

Огласовка η		Огласовка α	
(1)	τρή-σ-ω, ἔ-τρη-σ-α	τιτρά-ω	
(2)	ἔζη-κ-α, 2 ед. ζη-ῖς	ζά-ω	
(3)	λή-μα	λά-ω	
(4)	πίμπλη-μι	πιμπλά-ω	
(5)	2 ед. σμη-ῖς	σμά-ω	
(6)	κίχρη-μι	χρά-ω 'давать взаймы'	
(7)	ἔχρη-σ-α	χρά-ω 'прорицать'	
(8)	ἀμη-τῆρ	ἀμά-ω	
(9)	κίχη-μι (прич. κηεί-ς)	κηχά-νω	
(10)	2 ед. ψη-ῖς	ψά-ω	
(11)	инф. κνῆ-ν	κνά-ω	
(12)	ῥήγ-νυ-μι	ἐ-ῥράγ-η-ν	

Таблица 5

Полная ступень	Нулевая ступень	Полная ступень	Нулевая ступень
ερ	αρ/ρα (*ρ)	εμ	α (*μ)
ελ	αλ (*λ)	ελ	ι (*ι)
ευ	α (*ν)	εF	υ (*υ)

и нулевой ступеней инлаутных сочетаний ε + сонант⁵, последнее в общем виде можно представить как *eN/N₀ (где N – любой сонант). Реализацию этого чередования см. в табл. 5.

Например, полная ступень сонантных чередований выступает в инфекции, нулевая – в пассивном аористе на η-: ἔ-τάρη-ν при τέρη-ω, ἡλίφη-ν при ἀλείφ-ω, ἐ-ζύγη-ν при ζεύγη-νυ-μι и т. п.

У корней, оканчивающихся на ε + сонант, чередование проявляется в виде чередования полной и редуцированной/нулевой ступеней огласовки (редуцированная ступень появляется перед гласным, нулевая – перед согласным). Реализация этого чередования представлена в табл. 6 (дужкой под гласным обозначена редукция).

Например: δέρ-ω при ἔ-δάρη-ν, дар-τός/δρα-τός; κείρ-ω при ἔ-κάρη-ν; πείρ-ω при ἔ-πάρη-ν; φθείρ-ω при ἐ-φθάρη-ν; στέλλ-ω при ἔ-στάλη-ν, σταλ-τός; σπείρ-ω при ἔ-σπάρη-ν, спар-τός; τεір-ω при ἔ-τέρη-ν; θερ-ο-μαι при ἔ-θέρη-ν; στέρ-ο-μαι при ἔ-οτέρη-ν; εἰλλ-ω при ἐ-(F)άλη-ν; κλεί-ω

⁵ Автор сознательно отказывается в данной части работы от диахронической интерпретации устанавливаемой греческой морфонологической системы, поэтому использование традиционных терминов (в данном случае – названий ступеней аблаута) не всегда соответствует их применению в индоевропеистике.

Таблица 6

Полная ступень	Ступень	
	Редуцированный перед гласными	Редуцированный перед согласными
ερ	αρ, ερ (*ξρ)	αρ/ρα (*ρ)
ελ	αλ, ελ (*ξλ)	αλ (*λ)
ευ	ευ (*ξν)	α (*ν)
εF	υ (*ξF)	ι (*ι)
ει	ι (*ξι)	υ (*υ)

Таблица 7

Полная ступень	Редуцированная ступень
ρε	ρα, [ρε]
λε	λα, λε

при 'έ-κλυ-ο-ν; θει'ν-ω при 'έ-θεν-ο-ν, φα-τό-ς; аор. акт. 'έ-σσευ-α при мед. 'έ-σσυ-το; ποι-ν-ή (*k^uοι-ν-ā) при τί-νυ-μαι (*k^uι-).
 Внутри корня также наблюдается чередование полной и редуцированной ступеней инлаутных сочетаний *плавный + ε* (если это сочетание находится после согласного). Реализацию этого чередования см. в табл. 7.

Например: κλέπ-τ-ω при 'έ-κλάπ-η-ν; πλέκ-ω при 'έ-πλέκ-η-ν; στρέφ-ω при 'έ-στράφ-η-ν; τρέφ-ω при 'έ-τράφ-η-ν; τρέφ-ω при 'έ-τράφ-η-ν и т.п.

Как показывает материал, гласный *ε*-полной ступени в редуцированной ступени, находясь после плавного либо перед интервокальным плавным, может чередоваться то с *α*-, то с *ε*- (например, 'έ-πλέκ-η-ν при πλέκ-ω, 'έ-θέρ-η-ν при θέρ-ο-μαι но 'έ-κλάπ-η-ν при κλέπ-τ-ω, 'έ-кар-η-ν при кеір-ω).

Здесь мы имеем два типа чередований, сходных с чередованиями η/α (морфонема <ā> и η/ε (морфонема <ē>)). По аналогии с долгими морфонемами чередования ε/α и ε/ε в пассивных аористах мы описываем как реализацию кратких морфонем <ə> и <ε>. Кроме чередований ε/α и ε/ε, морфонемы <ə> и <ε> различаются по отношению к перегласовке ε→ο⁶.

Суффиксы отглагольных имен -ανθ-, -αλθ-, -αλθ-, -μθ-, -τθ- (существительных) и -Н- (перфекта) в некоторых корнях вызывают перегласовку ε→ο, в некоторых же сохраняют *ε*-. Обозначим морфонеми, реализующуюся в данной позиции в чередовании ε/ο, как <ə>, а не показывающую чередования — как <ε>.

⁶ Мы принимаем, что огласовка -ο- может присутствовать только в полной ступени чередования. Это хорошо видно из соотношения форм с -ο- и *ε*-огласовкой в перфекте. Огласовка -ο- выступает перед окончаниями, требующими полной, а *ε*- — перед окончаниями, требующими редуцированной ступени огласовки, например 'ένην-α, но 'ένην-ε-α (ср. μέμηλα : μεμαλῖα).

[В приводимом ниже материале, как правило, указывается источник ранней фиксации данной формы. Автор не ставил перед собой задачу выяснения самой древней фиксации каждой конкретной словоформы (тем более, что во многих случаях архаические формы, не сохранившиеся в литературных памятниках, встречаются в поздних диалектных надписях и у Гесиохия), и практическая цель ссылок — указать на то, что большинство рассматриваемых форм достаточно древние (в основном не позже V в., за исключением данных из Аристотеля и Гесиохия). Во многих случаях при парадигматических формах источник не отмечается, так как эти формы, являясь формально регулярными на всем протяжении исследуемого этапа развития древнегреческой морфологии (от Гомера до V в. до н. э.), даже будучи довольно поздно зафиксированными, релевантны для подтверждения вводимых нами правил.]

Суффикс -ανθ-.

Тип с перегласовкой: ξδανον (Soph, ξέω); ὄχανον (H+, ἔχω); χοδνη (H+), χδανος (H+, χέ(F)ω); ὄργανος (Eur+, (F) ἔρδω).

Наряду с приведенным выше ὄργανος имеется также ἐργάνη (Aesch+) 'работница'. Огласовка в ἐργάνη, скорее всего, возникла по аналогии с ἐργάτης 'работник'.

Тип без перегласовки: ἔρανος (H+, ἔραμαι); δρεπάνη (Hest+), δρέπανον (Hest+, δρέπω); ἐανός (H+, ἐννυμι); ἔδανον (Aesch, ἔδω); πέπανος (Anth, πέπω); σκέπανον, σκεπανός (Anth, σκέπω); στεγανός (Aesch), στεγάνη (Anth, στέγω); στέφανος (H+), στεφάνη (H+, στέφω); κτέανον при κτδομαι < *κτεδομαι (ср. κτεάτεω и т.п.); *δεικάνη в δεικανάω (H, δεικνῦμι).

Суффикс -αλθ-.

Тип с перегласовкой: τροχαλός (Hest+, τρέχω).

Тип без перегласовки: πέταλος (H+, πετάννυμι).

Суффикс -ια-.

Тип с перегласовкой: μοῖρα (H+, μείρω); μοῖσα < *μόνθια (H+, μανθάνω); ὄσσα (H+, εἶπον < *ἔ-FeFκ^u-ο-ν).

Тип без перегласовки: πεῖρα (Plat+, πένομαι); στεῖρα (H+, στέρομαι). К этому же типу принадлежат εἶρα (H, (F) εἶρω) и πείση (H, πείθω) с ионийским оформлением (в аттическом ожидалось бы *εἶρᾶ, *πείσᾶ).

Суффикс -μθ-.

Тип с перегласовкой: ἀλομός (Soph+, ἀλείφω); κορμός (H+, кеірω); ὄρμος (H+, εἶρω < *σέρ-ι-ω); φλογμός (Aesch+, φλέγω); στολμός (Aesch+, στέλλω); θρόμβος⁷ (Hest+, τρέφω); στρόμβος (H+, στρέφω); λοχημή (H+, λέγω 'кпасть'); ῥωγημή (Arst+, ῥήγνυμι).

⁷ Сочетание ауслаутного -φ корня и анлаутного -μ- суффикса в интервокале реализуется как -μβ-; ср. также κόρυρος : κόρυμβος. В других позициях такое сочетание реализуется как -(μ)μ-, например ἀλομῆφς < *ἀλομ-μ-ός.

Тип без перегласовки: ἀγερμός (Arst+, ἀγείρω); δεῖμος (H+, δέιμαι); ἔσμος (Aesch+, ἔζω); σεισμός (Thuc+, σείω); λευσμός (Aesch, λεύω); θέρμη (Thuc+, θέρομαι); κευθμός (H, κεύθω).

Суффикс -τῶ- (существительных)

Тип без перегласовки: γενετή (H+, γίγνομαι); τελετή (Pind+, τελέω); ἔμετος (Her+, ἐμέω); εἰρκτή < *ἐφερκτή (Her+, ἐ(F)έργνυμι); πλεκτή (Aesch+, πλέκω); δετή (H+, δίδημι); σκελετός (Anth, σκέλλω); ἐρπετόν (H+, ἔρπω); μελέτη (H+, μέλομαι).

Тип с перегласовкой: βρόχετος (Anth, βρέχω); τοκετός (Anth, Arst, τίκτω); ἀορτή (Arst+, ἀ(F)είρω); νόστος (H+, νόομαι); κοῖτος (H+), κοίτη (H+, κείμαι); ? ἄωτος (H+, ἄ(F)ημι).

Суффикс <H> перфекта⁸

Тип с перегласовкой: γέγονα (H+, γίγνομαι), ἐδλει (Pind, εἶλλω), *δέδ-Fora в δέδδα, δέδοικα (H+, δέιμαι), δέδορκα (δέρκομαι), οἶδα (H+, εἰδόμεαι), δέδρομα (аор. ἔδραμον), ἔολπα (H+, ἔλπομαι), ἔμμορα (H+, μείρομαι), κέχονδα (χαυδάνω), λέλοπα (H+, λείπω), πέποιθα (H+, πείθω), πέπομρα (πέμπω), πέπονθα (H+, πάσχω), πέπορδα (Agrp+, ἐρδομαι), ἐλήλουθα (H+, φyt. ἐλεύσομαι), ἐφθορα (φθειρώ), πέφορβα (φέρβω), ἔστοργа (στέργω), ἔστροφα (στρέφω), τέτροφα (τρέφω), ἔοικα/οἶκα (H+, εἴσκω), λέλογχα (H+, λαχάνω), ἔοργа (H+, ἔρδω), τέτοка (τίκτω).

Тип без перегласовки: βέβλεφα (βλέπω), δέδειχα (δείκνυμι), ἔξευχα (ξεύνυμι), κέκευθα (H+, κεύθω), πεπλεχα / πέπλοχα (πλέκω), πέφρευα (φρεύω), τέτευχα (H+, τεύχω).

В перфекте противопоставлены также реализации <ε> и <ᾠ>.

Тип с перегласовкой: ἔρρωγα (H+, ῥήγνυμι).

Тип без перегласовки: μέμηλα (μέλω).

Распределение морфем <ᾠ> и <ε> по определенным корням показано в табл. 8.

Таблица 8

Тип с перегласовкой (морфонема <ᾠ>)	Тип без перегласовки (морфонема <ε>)
ὄργανος, ἔοργа	πλεκτή, πέπλεχα
*δευκάνη, δέδειχα	μελέτη, μέμηλα
μοῖρα; ἔμμορα	κευθμός, κέκευθα
τέτοка, τοκετός	

⁸ Огласовки -ο- не бывает в перфектах на -κ-. Единственный пример - πέπτωκα (ср. πεπτεώς < *πεπτηώς). Эта форма, образованная от корня I класса, сама, видимо, является вторичной.

Таблица 9

Морфонема <ε>

(1)	στεῖρα < *στέρ-χα	ἐ-στέρ-η-ν
(2)	πλεκ-τή, πέπλεχα	ἐ-πλέκ-η-ν
(3)	θέρ-μη	ἐ-θέρ-η-ν

Таблица 10

Морфонема <ᾠ>

(1)	στολ-μός	ἐ-στάλ-η-ν
(2)	кор-μός	ἐ-κάρ-η-ν
(3)	στρόμβος < *στρόφ-μο-ς	ἐ-στράφ-η-ν
(4)	θρόμβος < *θρόφ-μο-ς	ἐ-τράφ-η-ν
(5)	βρόχε-το-ς	ἐ-βράχ-η-ν
(6)	ῥῥωγ-α, ῥωγ-μή	ἐ-ῥράγ-η-ν

Все исключения относятся к формам перфекта, где огласовка -ο- распространилась по статистической аналогии: πέποιθα при πείση; *δέδFora при δέιμος; γέγονα при γενετή. Показательна пара πέπλεχα/πέπλοχα.

Вернемся к чередованиям полной и редуцированной ступеней сочетаний *плавный + ε* и *ε + интервокальный плавный*. Оказывается, что установленная на с. 160 морфонема <ε> присутствует в корнях, образующих пассивный аорист на -η- с огласовкой -ε-, а морфонема <ᾠ> находится в корнях, образующих аорист с огласовкой -ᾠ-. В табл. 9 – 10 в левом столбце приведены формы, где морфемы <ε> и <ᾠ> определяются по наличию/отсутствию чередования ε/ο, в правом же – однокоренные аористы на -η-.

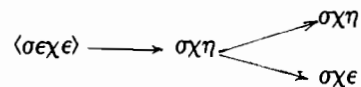
* * *

Очевидно, что явление редукции краткого гласного при сонанте (вплоть до нуля – когда образуются слоговые сонанты) и сокращение долгих гласных – явления одного порядка: происходит редукция гласных корней в некоторых позициях. В дальнейшем мы будем употреблять универсальные термины полной ступени чередования и редуцированной ступени чередования; последняя объединяет в себе ранее выделенные ступень краткости долгих гласных, нулевую ступень, и ступень редукции.

Выше нами были установлены чередования гласных. Теперь необходимо установить позиции, при которых корневой гласный имеет ту или иную ступень чередования.

В части I настоящей статьи была описана модификация CVCV→C(V)CṼ корней II кл. При этой модификации в позиции редукции находится инлаутный гласный. Материал приведен в: Николаев 1983, с. 80–89.

Помимо обязательной редукции инлаутного, при определенных суффиксах происходит также редукция ауслаутного гласного в структуре C(V)C $\bar{V}$. Морфонологически первичным является воздействие суффиксов, принадлежащих к I либо II кл.⁹ Сначала происходит модификация CVCV → C(V)C $\bar{V}$, и лишь затем, в зависимости от принадлежности суффикса к одной из перечисленных ниже групп, выбирается полная ($\bar{V}$) либо редуцированная ($\bar{V}$) степень огласовки:

(например, ἐχέτης, σχῆμα, σχέσις от корня ⟨σέχε⟩).

Ниже дается предварительное распределение прикорневых суффиксов обоих классов по признаку мотивирования полной либо редуцированной ступеней чередования гласных/сочетаний с сонантами.

Выделяются 3 основные группы прикорневых суффиксов:

(1) суффиксы, при которых регулярно появляется редуцированная степень огласовки: это -ε- тематического аориста, -η- пассивного аориста, конфикс -ν...ανε-;

(2) следующая группа суффиксов у одних корней мотивирует редуцированную, у других — полную огласовку: это — -ό-, -τῶ-, -τεFῶ- (прилагательные), -τήρ-, -τετρα-, -ρῶ-, -σκε- инфекта;

(3) эта группа суффиксов мотивирует полную степень огласовки; к ней относятся: -μῶ-, -μα-, -ό(ε)- аориста, <H> перфекта, -τωρ-, -ε- инфекта, -θ- инфекта, -θ- аориста, -ξε- инфекта.

Особую группу образуют суффиксы, так же, как и суффиксы 2-й группы, мотивирующие у одних корней редуцированную, у других — полную степень огласовки. Однако, в отличие от суффиксов 2-й группы, выбор огласовки не зависит от позиции сегмента в словоформе, а только в некоторой степени от структуры корня (CVCV, CVC и C $\bar{V}$). В целом эту группу суффиксов можно признать морфонологически лабильной. Сюда относятся: -τῶ- (существительных), -τρῶ-, -τας-, -ῶ-, -ος (-εος)¹⁰.

Группы 1-я и 3-я дополнительно распределены между собой относительно анлаута суффиксов: к 1-й группе относятся суффиксы с гласным, ко 2-й — с согласным анлаутом. Однако для удобства анализа будем рассматривать три группы отдельно.

⁹ Разумеется, имеется в виду не диахроническая последовательность воздействия суффиксов на огласовку корня, а последовательность операций в алгоритме порождения соответствующих форм на синхронном уровне. Однако не исключено, что частично это явление имеет историческую основу. Ср. мысль Вяч.Вс. Иванова: "Порядок применения правил в синтезирующей порождающей модели синхронного описания согласуется с реальным диахроническим порядком образования... форм (речь идет, конечно, не об абсолютной, а о статистической универсалии. С.Н.)". (Иванов Вяч. Вс. Славянский, балтийский и раннебалканский глагол: индоевропейские истоки. М., 1981, с. 39).

¹⁰ Интересно отметить, что почти все перечисленные выше суффиксы 1-й, 2-й и 3-й групп являются одновременно суффиксами II кл., в то время как все указанные "лабильные" суффиксы относятся к I кл. (см. о классах суффиксов в первой части настоящей работы).

Личные окончания глагола, а также показатели инфинитива, причастий и наклонений (т.е. аффиксы, стоящие на втором и далее на местах справа от корня) аналогично распределяются на две группы по их способности мотивировать полную либо редуцированную степень огласовки корня, если прикорневой суффикс не образует слога. Это происходит, например, при присоединении перечисленных ниже флексий и суффиксов к основам инфекта и аориста, образованных нулевыми суффиксами, перфекта с суффиксом <H> и т.д.

Аффиксы 1-й группы, требующие редуцированной огласовки корня: -μαι (1 ед. през. мед./пас.), -μᾶν (-μην) (1 ед. прет. мед./пасс.); *-σαι (2 ед. през. мед./пасс.); *-σο (2 ед. прет. мед./пасс.); -ται (3 ед. през. мед./пасс.); -το (3 ед. прет. мед./пасс.); -μεν (1 мн. акт.); -μεθα (1 мн. мед./пасс.); -τε (2 мн. акт.); -σθε (2 мн. мед./пасс.); -νται (3 мн. през. мед./пасс.); -ντο (3 мн. прет. мед./пасс.); *-ντι (3 мн. през. акт.); -ν (3 мн. прет. акт.); -ς, -θι (2 ед. имперф. акт.), -ναι (инфин.) и некоторые другие.

Аффиксы 2-й группы, мотивирующие полную степень огласовки корня: -μι (1 ед. през. акт.); *-σι (2 ед. през. акт.), *-τι (3 ед. през. акт.); -α (1 ед. през. акт. перф.), -θα (2 ед. през. акт. перф.); -ε (3 ед. през. акт. перф.) и др.

В настоящей работе мы не будем специально заниматься огласовками в образованиях с перечисленными группами окончаний. Важно для нас то, что мы можем судить об исходной (полной) огласовке перфекта, атематических аориста и инфекта только по формам с окончаниями 2-й группы: полная степень в 1 ед. инф. εἶμι, но редуцированная в 1 мн. инф. ἴμεν. При аффиксах 2-й группы полная огласовка бывает только в результате вторичного выравнивания, например, при регулярном ἄ(F)ημι вторичное ἄημεν (ожидалось бы *ἄεμεν).

Ниже приводится материал по трем выделенным группам прикорневых суффиксов и его анализ.

1-я группа суффиксов

Суффикс -ε- (тематического) аориста

Корни с долгим гласным: ἔ-δακ-ο-ν (δάκνω, H+, δέδαχα¹¹); ἰκ-ε-σθαι (H+, ἴκω); ἔκραγον (κράζω); ἔ(λ)αβον (H+, λαμβάνω, εἰλάρα); εἶαδον (ἀνδάνω, ἄδομαι); ἔκλαγον (κλάζω, κέκλαγα); ἔλακον (H+, λάσκω, λέλακα); ἔλαθον (H+, λανθάνω, λᾶθω); ἔμακον (H+, μέμακα); ἔμυκον (μέμυκα); κατ-ε-πτακον (πτάσσω); ἔσαπον (σᾶπω); δι-έτραγον (τρώγω); ἔπιον (H+, πίνω, πῖθι); ἔλυον (λύω, λέλυκα); ταρεῖν (H+, τέθαπα); редуцированные формы: κέκαδον (H+, κάδω); λελαβόμην (H+, λαμβάνω, εἰλάρα); πέπαλον (πάλλω, πέπαλα); λελακόμην (λάσκω, λέλακα); πέπαγον (πάγνυμι); λέλαθον (H+, λᾶθω); δέδακον (δάκνω, δέδαχα).

Нерегулярна долгота в ἐν-ἐνῖπον (H+, ἐνῖπτω); πέπληγον (πλάγνυμι). Видимо, это выравнивания по огласовке инфекта.

¹¹ Здесь и в дальнейшем, если в примере огласовка корня редуцированная, в скобках указывается не только словарная форма данного глагола, но и форма, имеющая полную огласовку корня, если словарная ее не имеет.

Корни с инлаутным сочетанием *е+сонант*: ἔδρακον (Н+, δέρκομαι); ἔδραθρον / ἔδραθρον (Н+, δαρθάνω; полная ступень огласовки реконструируется: *δερθ-); ἥρικον (Н+, ἐρείκω); ἥριπον (Н+, ἐρείπω); ἥρυγον (Н+, ἐρεύγομαι); εἶδον (Н+, *ἔ-*F*ιδ-ο-ν, εἶδομαι); ἔ(λ)λαχον (Н+, λαχάνω, λέλογχα); ἔκυθον (Н+, κεύθω); ἔχαδον (Н+, χανδάνω, κέχονδα); ἔλιπον (Н+, λείπω); ἔ(μ)μαθον (Н+, μανθάνω, μοῦσα < *μόνθ-μα); ἔπιθον (Н+, πείθω); ἔπαθον (Н+, πάσχω, πένθος); ἔπαρδον (πέρδομαι); ἔπραθον (Н+, πέρθω); ἐπυθόμην (Н+, πεύθομαι); ἔφυγον (Н+, φεύγω); ἔστιχον (Н+, στείχω); ἐταρπόμην (Н+, τέρπομαι); ἔτυχον (Н+, τυγχάνω, τεύξομαι); ἔλυθον (Н+, ἐλεύσομαι); редуцированные формы: πέπιθον (Н, πείθω); πεφιδόμην (φείδομαι); κέκυθον (Н, кеύθω); λέλαχον (Н, λαχάνω, λέλογχα); тетάρπετο (Н, τέρπω).

Корни с ауслутным *е+сонант*: ἐλεῖν (Н+) 'схватить'; кон. ἀέρω (Н, αἰρώ < *ἄ-*F*έρ-ω); инф. ἰέναι (Н+, εἶμι); ἐπνυον (πνέ(Ф)ω); ἔθενον (θείνω < *χ^нέν-ω); ἐκλυон (Н+, κλείω < *κλέ-*F*ω¹²).

Корни с инлаутным сочетанием *плавный+е*: ἔδραμον (ср. δρόμος); ἔδραπον (δρέπω); ἔστραфон (στρέφω); ἔτραπον (Н+, трéπω); ἔτραфον (Н+, трéρω).

Суффикс -η- пассивного аориста

Корни с долгими гласными: δι-επλάγην (πλάγνυμι); ἐκδάην (δαίω, δέδα(F)α); ἐρράγην (ρῆγνυμι); ἐρρύφην (ρίπτω); ἐκάην (Н+, καίω, κέκα(F)α); ἐμάνην (SopH+, μαίνω, μέμᾱνα); ἐπάγην (Н+, πᾶγνυμι); ἐπάλην (пάλλω, πέπαλα); ἐπνίγην (πνίγω); ἐψύχην (ψύχω); ἐφρύγην (φρύγω); ἐσάπην (Н+, σάπω); ἐτάκην (τάκω); ἐτμάγην (Н+, τμάγω); ἐтриβην (τριβω). Нерегулярна долгота в ἐπράγην (πράγνυμι); ἐплάγην — при регулярном ди-επλάγην.

Корни с инлаутным сочетанием *е+сонант*: ἡλίφην (ἀλείφω); ἐδράκην (Pind+, δέρκομαι); ἐξύγην (SopH+, ξεύγνυμι); ἐтάρпην (Н+, тέρπομαι); ἐμίγην (Н+, ме́γνυμι). Нерегулярна огласовка в ἐτέρσην (Н+, тέρσω); видимо, здесь выравнивание по инфекту (ср. аналогичные случаи выше).

Корни с ауслутным сочетанием *е+сонант*: ἐδάρην (δέρω); ἐкартн (κεῖ-ρω < *кёр-ω); ἐпарн (πεῖρω < *пёр-ω); ἐφартн (φθειρω < *φθёр-ω); ἐсаталн (SopH+, στέλλω < *стёл-ω); ἐспартн (σπεῖρω < *спёр-ω); ἐтёрн (τεῖρω < *тёр-ω); ἐθёрн (Н+, θέρομαι).

Корни с инлаутным сочетанием *плавный+е*: ἐκλάпην (κλέπτω); ἐплéкн/ (более позднее) ἐплáкн (πλέκω); ἐстрáрн (SopH+, στρέφω); ἐтрáпн (трéπω); ἐтрáрн (Н+, трéρω).

¹²Инфект κλύω, вопреки Strunk, S. 98, не поздняя форма с огласовкой, выравненной по аористу, ср. очевидно архаичные корневые аористы: имперф. κλύθι, κλύτε и редуцированная форма имперф. κέκλυθι, κέκλυте (Н+). Корень κλυ- — такая же пара к κλέ-*F*е-, как, например, θύ- 'мчать' и под. к θέ-*F*(V) 'бежать' и др. Рассмотрение корневых пар этого и других типов выходит за рамки настоящей статьи.

Конфикс -ν...αν- инфекта

Корни с долгими гласными: λαμβάνω (Н+, ср. εἴ'λαφα); ἀνδάνω (Н+, ср. ἔαδα); κλαγγάνω (SopH, ср. κέκλαγα).

Корни с инлаутным сочетанием *е+сонант*: δαρθάνω (Н+); ἐρυγγάνω (Eur, ср. ἐρεύγομαι); λαγγάνω (Н+, ср. λέλογχα); χανδάνω (Н+, ср. перф. κέχονδα, фут. χείσομαι < *χένд-со-); ἐκ-λμπάνω (Eur, ср. λείπω); μανθάνω (Н+, ср. μοῦσα < *μόνθ-μα); πυνθάνω (Н+, πεύθομαι); τυγχάνω (Н+, ср. τεύξομαι).

Материал по образованиям с 1-й группой суффиксов показывает крайне мало отклонений от сформулированного правила. Все исключения легко объясняются аналогическим влиянием огласовки основы инфекта.

2-я группа суффиксов

Суффиксы 2-й группы с согласным анлаутом, как было сказано выше (с. 164), у одних корней мотивируют полную, у других — редуцированную ступень огласовки. Появление той или иной огласовки регулируется следующими правилами:

а) если в данном образовании корень оканчивается на шумный, огласовка в нем полная (например, λειπ-τό-ς, πέρις < *пёрθ-σι-ς и т.п.). Редуцированная огласовка появляется в том случае, если на стыке ауслута корня и анлаута суффикса возникает сочетание шумного с плавным (muta cum liquida): σαρ-ρό-ς при σάπω. Огласовка также редуцированная, если на морфемном стыке образуется сочетание *сонант+согласный+гласный*: дар-τός при δέρω. Видимо, распределение полной/редуцированной ступеней связано здесь со старым распределением: полная огласовка перед сочетанием шумного с плавным (слог перед таким сочетанием был открытым и в историческую эпоху); также редуцируется сочетание *гласный+сонант* перед сочетанием *согласный+гласный*, так как оно не образовывало закрытого слога, будучи дифтонгом¹³;

б) не сокращаются широкие гласные (ā, η, ω) после плавных и носовых сонантов в ауслуте корня: κρᾱ-σι-ς, νη-τό-ς.

Особо ведут себя корни при инфектном -σκε-. При нем редуцированную ступень чередования имеют все виды корней, кроме предусмотренных в пункте (б).

Ниже приводятся материал и анализ исключений.

Суффикс -σι- (*-τι-)

Полная ступень огласовки: ἱς (Eur+, ἴκω); τμήσις (Plat+, τέμνω); ἔρψις (Plat+, ἔρπομαι); ἄλωσις (Hes+, ἀλίσκομαι); βρωσις (Н+, βιβρώσκω); δμῆσις (Н, δάμνημι); κλῆσις (Arph+, κικλήσκω); κρᾱσις (Aesch+, κίρνημι); πρᾱσις (Hes+, πιπράσκω); τρῆσις (Plat+, τιτράω); ῥῆσις (Н+, (F)εῖρω); ἄλειψις (Hes+, ἀλείφω); γεῦσις < *γεῦσ-σι-ς (Arst, γεύω); λῆψις (Thuk+, λαμβάνω, εἴ'λαφα); λῆσις < *λᾱθ-τι-ς (SopH+, λανθάνω); πῆξις

¹³В образованиях с суффиксами 1-й группы (т.е. имеющих гласный анлаут) гласный и сочетание гласного с сонантом находятся именно в двух указанных выше позициях, поэтому они и редуцируются.

(Plat+, πᾶννυμι); πλῆξις (Plat+, πλᾶννυμι); πρᾶξις (H+, πράσσω); σκῆψις (Her+, σκαῖπτω); τέρψις (Pind+, τέρπω); ἄμειψις (Pind+, ἀμείβω); ἄρηξις (Aesch+, ἀρήγω); ζεύξις (Her+, ζεύγνυμι); θλίψις (Arst+, θλίβω); λῆξις (Aesch+, λήγω); μέμψις (Soph+, μέμφομαι); πέμψις (Her+, πέμπω); πέρισ (Arst+, πέρθω); πλέξις (Plat+, πλέκω); πνύξις (Arst+, πνύω); πρῖσις < *πρῖω-σις (Arst+, πρίω); ῥῆξις (Alk+, (F)ῥήγνυμι); ῥῖψις (Plat+, ῥίπτω); σῆψις (Plat+, σᾶπω); σῆξις (Arst+, σίζω); τρῖψις (Her+, τρίβω); τρῶξις (Arst+, τρώγω); χρῖσις < *χρῖω-σις (Arst+, χρίω); γυνῶσις (H+, γιγνώσκω); κυῖσις (Plat+, κύαω, κύην); νῆσις (Plat+, νέω 'прямать'); ὀνησις (Soph+, ὀνύναι); τρῶσις (Arst+, τιτρώσκω).

Редуцированная ступень огласовки: σχέσις (Aesch+, ἔχω); καῦσις (Her+, καίω, ἔκα(F)α¹⁴); δύσις (H+, δίδωμι); θέσις (H+, τῶναι); ἔσις (Plat+, ἔημι); τῖσις (H+, τίνυμαι); δέσις (Plat+, δίδημι); βάσις (Aesch+, βαίνω, βίβαμι); βόσις (H+, βόσκω, βώτωρ); δύσις (Aesch+, δύω); κλίσις (Eur+, κλίνω); κρίσις (Aesch+, κρίνω); στάσις (Aesch+, ἵσταμι); φύσις (Aesch+, φύω); φθίσις (H+, φθίω), πόσις (H+, πέπωκα).

Нерегулярны формы с полной огласовкой: ἄησις (Eur+, ἄ(F)ημι); πτῆσις (Aesch+, πέτομαι); δέρῃσις < *δέρ-σις (Thuc+, δέρω); ἐγερσις (Plat+, ἐγείρω); νεῦσις (Arst+, νέ(F)ω 'плыть'); с редуцированной огласовкой: πύσις < *πύθ-τις (Thuc+, πεύθω); φύξις (H+, φεύγω); πίστις (Aesch+, πείθω); εὔρεσις (Plat+, εὐρίσκω, εὔρηκα).

Суффиксы -τῶ-, -τεFῶ- ('отглагольные прилагательные')

Полная ступень огласовки: στρωτός (Hes+, στῶννυμι); τμητός (Soph+, τέμνω); εὐκτός (Aesch+, εὐχομαι); θνητός (Her+, θνάσκω); δεικτός (Arst+, δείκνυμι); πλᾶτός (Aesch+, πλᾶναι); πρᾶτός (Soph+, πιπράσκω); тлητός (Hes+, тλᾶναι); тρητός (H+, τιτράω); ἄλωτός (Thuc+, ἄλωκομαι); βλητός (H+, βάλλω); κλητός (Soph+, κικλᾶσκω); ῥητός (H+, (F)εῖρω); γευστός (Anth.P., γεύω); κλεπτός (Arph+, κλέπτω); πηκτός (H+, πᾶννυμι); πлектός (H+, πλέκω); πρᾶκτός (Arst+, πράσσω); ῥηκτός (H+, ῥήγνυμι); στρεπτός (H+, στρέφω); τρωκτός (Her+, τρώγω); φευκτός (H+, φεύγω); βλεπτός (Soph+, βλέπω); εἰρκτός < *εἰFεργ-τός (H+, ἐ(F)έργνυμι); ἀκόρητος (H+, κορέννυμι); ἀληκτός (H+, λήγω); ἀκρητός (H+, κεράννυμι); ληпτός (Plat+, λαμβάνω, εἰλᾶρα); μεμπτός (Hes+, μέμφομαι); πεμπτός (Thuc+, πέμπω); πεωτός (H+, πείθω); σειωτός (Arph+, σείω); στειпτός (Soph+, στείβω); στερкτός (Soph+, στέργω); тегкτός (Arst+, τέγγω); τηкτός (Eur+, τᾶγω); крекτός (Aesch+, κρέκω); γνωτός (H+, γινώσκω); νητός (H+, νέω 'нагромождать'); πλωτός (Her+, πλώω); τρωτός (H+, τιτρώσκω).

Редуцированная ступень огласовки: ἄ-σπετος (H+, ἐνν-έπω); δοτός (H+, δίδωμι); ἐτός (H+, ἔημι); θετός (Pind+, τίθημι); дарτός/δρατός (H+,

δέρω); καυτός (Eur+, καίω, ἔκα(F)α); παλτός (Aesch+, πάλλω, πέπαλα); φθартός (Arst+, φθείρω); χυτός (H+, χέ(F)ω); φατός (H+, θείνω < *χ²ένιω); спартός (Aesch+, σπείρω); батός (Xen+, βίβαμι); βοτός (H+, βόσκω, ср. βώτωρ); λυτός (Plat+, λύω, λέλυκα); φατός (Hes+, φᾶμι), φυτός (H+, φύω); ποτός (H+, πεπωκα); τιτός (H+, τίνυμαι).

Нерегулярны формы с полной огласовкой: ῥυτός (H+, (F)έρύω); ἁ-δάпτος < *αη-то-ς (Hes+, δέδαα); ἐγερ-τός (Arst+, ἐγείρω); φερτός (Eur+, φέρω); μαχητός (H+, μάχομαι); формы с редуцированной огласовкой: φукτός (H+, φεύγω); πιστός (H+, πείθω); тукτός (H+, τεύχω).

Суффиксы -τήρ, -τεира

Полная ступень огласовки: ζωστήρ (H+, ζῶννυμι); θρεπτήρ (Eur+, трé-φω); καυτήр (Pind+, καίω, ἔκα < *ε-каF-α); λευστήр (Her+, λεύσσω); πρᾶκτηр (H+, πράσσω); στρεпτήр (H+, στρέφω); дμητήр (HH), дμήτεира (H+, δάμνημι); κλητήр (Aesch+, κικλᾶσκω); κрᾶκτηр (H+, κίρνημι); πρᾶκτηр (Plat+, πέρνημι); πλωτήр (Arph+, πλώω); θелктяр (HH, θέλγω); ρектяр (Hes+, (F)ρέζω).

Редуцированная ступень огласовки: δοτήр (H+, δίδωμι); βοτήр (H+, βόσκω); θυτήр (Aesch+, θύω); λυτήр (Aesch+, λύω); *άλιτήр в ἄλιτηρός, ἄλιτηριος (Soph+, ср. ἀλισταίνω, ἀλείτης – корень (ἀλει-)).

Нерегулярны формы с полной огласовкой: δωτήр (H+, δίδωμι) – при регулярном δοτήр (H+); ῥυτήр (H+, ἐρύω).

Суффикс -θη- пассивного аориста

Полная ступень огласовки: ἐτμήθην (τέμνω); ἐδέρχ-θην (δέρκομαι); ἐτρήθην (τιτράω); ἐκλήθην (κικлᾶσκω); ἐπλήθην (πλᾶναι); ἐβλήθην (βάλλω); ἐδμήθην (H+, δάμνημι); ἐβρώθην (βιβρώσκω); ἐπρᾶθην (πιπράσκω); ἐκρᾶθην (κίρνημι); ἐτρώθην (τιτρώσκω); ἡλείφθην (ἀλείφω); ἡμείφθην (ἀμείβω); ἐδείχθην (δείκνυμι); ἐξεύχθην (ζεύγνυμι); ἐζώσθην (ζῶννυμι); ἡλέγχθην (ἐλέγχω); ἡρείφθην (ἐρείπω); ἐλήφθην (λαμβάνω, εἰλᾶρα); ἐλεύσθην (λεύω); ἐρρώσθην (ῥῶννυμι); ἐκλέφθην (κλέπτω); ἐλείφθην (λείπω); ἐμέμθην (μέμφομαι); ἐπείσθην (πείθω); ἐπέμфθην (πέμπω); ἐπλέχθην (πλέκω); ἐπρᾶхθην (πράσσω); ἐσπείсθην < *ε-спένδ-θη- (спένδω); ἐспέρхθην (спέρχω); ἐσειсθην (σειώ); ἐстерхθην (στέργω); ἐстрéφθην (стрéφω); ἐтᾶхθην (тᾶκω); ἐтérφθην (H+, тέρπω); ἐтеύхθην (τεύχω); ἐтрéφθην (трéφω); ἐтрéφθην (трéπω); ἐώсθην ((F)ώ-θέω); ἐνῆθην (νέω 'прямать'); ῥηθέντι (H+, (F)εῖρω, (F)ῥῆμα – при поздне-м ἐρῥέθην).

Редуцированная ступень огласовки: ἐσχέθην (H+, ἔχω, σχῆμα); ἐκαύθην (καίω, ἔκα(F)α); ἐκτάθην (H+, κτείνω); ἐхύθην (H+, χέ(F)ω); ἐсσύ-θην (σεύω); ἐδόθην (H+, δίδωμι); ῆθην (ἔημι); ἐτάθην (H+, τεύω); ἐтéθην (τίθη-μι); ἐсτάθην (H+, ἵσταμι); ὠνήθην (ὀνύναι); ἐβάθην (βίβαμι); ἐφθίθην (φθίνω);

¹⁴ Старое фонетическое (а не морфологическое) сокращение долгих гласных в греческом происходило перед сочетанием *сонант+согласный*, например: 1 ед. аор. ἔφυν < *ε-φῶ-ν, 1 мн. аор. ἔφυν-μεν, но 3 мн. аор. ἔφυν < *ε-φῶ-ντ (закон Остгоффа) (Osthoff H. Philologische Rundschau. 1881, Sp. 1533ff). Появление форм типа πλῆντο (вместо *πλᾶντο) – позднейшее.

ἐπλύθην (πλύνω); ἐκρίθην (κρίνω); ἐτύθην (θύω 'жертвовать'); ἐκλίθην (Н+, κλίνω).

Нерегулярны формы с полной огласовкой: ἡγέρθην (Н+, ἀγείρω); ἡμέρθην (ἀμείρω); ἡγέρθην (ἐγείρω); ἐπλεύθην (πλέ(F)ω); с редуцированной огласовкой: εὐρέθην (εὐρίσκω, εὐρηκα); ἐστράφην (στρέρω); ἐτάρφθην (τέρπω); ἐτύχθην (τεύχω); ἐτράφθην (Н+, τρέπω).

Суффикс -р[⊕] (кроме -ρον)

Полная ступень огласовки: σκληρός (Aesch+, σκέλλω).

Редуцированная ступень огласовки: σχερός (Pind, ἔχω); ἐρῶθρος (Н+, ἐρεῶθω); κύδρος (Н+, κύδανω); λιβρός (Anth.P., λείβω); σάπρος (Agrpht+, σάπω); ψυχρός (Н+, ψύχω); σταυρός (Н+, στεῦμαι¹⁵); πικρός (Н+, πείκω).

Суффикс -νῦ- инфекта

Полная ступень огласовки: ξεύνυμι (Н+); ῥήγνυμι (Н+); ῥώννυμι < *ρωσ- (Eur+); ἐ(F)έργνυμι (Н+); ξώννυμι < *ξωσ- (Н+); πᾶγνυμι (Н+); ἐκ-πλήγνυμι (Thuc+); δείκνυμι (Н+).

Редуцированная ступень огласовки: τάνυμαι < *τγ- (Н); γάνυμαι (ср. γαίω < *γάF-ω, γᾶθέω < *γάFεθείω); *φθι-νῦ- в φθινύθω (Н+); τίνυμαι (Н+); ἄνυμι < *σγ-νῦ- (ср. аор. ἤνεσα¹⁶). Нерегулярная долгота в κίνυμαι (Н+).

Произведем анализ исключений из нашего правила. Исключения бывают двух типов.

А. Полная огласовка появляется вместо регулярной нулевой. Во-первых, среди нерегулярных примеров имеются случаи, когда форма образована корнем с протезой, это: ἄησις (ср. также ἄημεν вместо *ἄεμεν), ἐγериς, ἐγертός, а также ἡγέρθην (от ἐγείρω); ἡγέρθην (от ἀγείρω); ἡμέρθην (от ἀμείρω). Примеры на редуцированную ступень в корнях с протезой и плавным ауслаутом нам неизвестны¹⁷. Видимо, отсутствие редуцированной ступени в таких корнях — правило, а не исключение. Другая группа исключений — образования от корней, проводящих полную огласовку по всей парадигме (но не двусложных). Это νεῦσις; ῥυτός; φертός; ἐπλεύθην. Сюда же видимо, примыкают ἀδάητος, ἐν-ἐνύπον, и ἐγέρσην, и ἐπράγην. В следующих формах полная огласовка случайна (она появилась по аналогии с формами, где полная огласовка регулярна): πτῆσις (ср. πέπτασις и др.); δέρρις (ср. δартός/δартос и др.); πέπληγον, πλῆγην (последнее с параллельным регулярным δι-επλάγην). Форма δωτήρ встречается только у Гомера при регулярном δοτήρ (Н+); полная огласовка выравнена по δώτωρ¹⁸. Следует учесть, что большинство форм с нерегулярной полной огласовкой поздние.

¹⁵ *σπῆν-μαι по закону Остогаффа.

¹⁶ Без аугмента было бы *ενεα- < *ενε-σ-σ- (корень вида CVCV). О форме ἤνεσα см.: Strunk, S. 000.

¹⁷ Корни с протезой и ауслаутными сонантами ι, F регулярно показывают редуцированную огласовку: ἄλκτρος (с метрическим удлинением) при ἄλειτης.

¹⁸ См. еще: Benveniste 1941.

Б. Интереснее исключения второго типа (редуцированная ступень вместо регулярной полной). Здесь выделяются два вида исключений.

(а) Огласовка нерегулярна в пассивных аористах на -θη. Формы ἐτράφθην, ἐτάρφθην и ἐτράφθην имеют редуцированную огласовку возможно по аналогии с пассивным аористом на -η: ἐστράφη, ἐτάρπη, ἐτράπη. Нерегулярные формы имеют также регулярные пары: ἐστρέφθην, ἐτέρφθην, ἐτρέφθην. Аналогичным новообразованием можно было бы считать и ἐτύχθην при регулярном ἐτεύχθην (ср. аор. ἐτυχον), но ср. туктос. Нерегулярная краткость в ἐρρέθην, εὐρέθην (также εὐρεσις) возникает по аналогии с ἐτέθην и т.п.¹⁹, ср. регулярное ῥηθέντι (Н).

(б) Огласовка редуцированная и, таким образом, не соответствует приведенным выше правилам в следующих образованиях на -τ[⊕], -δι-: πύστις (Thuc+), πύστις (Aesch+), πιστός (Н+); φύξις (Н+), φυκτός (Н+); туктос (Н+), ἄ-λαπτος (Н+), ἄ-ιστος (Н+). Сюда же следует прибавить пактос 'укреплять' от πᾶγνυμι, подразумевающее *пᾶк-τ[⊕].

Все эти формы — древние: они встречаются у Гомера, в архаизированном языке афинских трагиков. Редуцированная ступень огласовки появляется в этих образованиях потому, что корни производных глаголов имеют вид CVCV. Подробное обоснование см. на с. 183—184, сейчас же важно заметить, что эти формы происходят из *φυγε-τός, *πίθε-τις и т.п. с последующей синкопой ауслаутного гласного корня и, таким образом, редуцированная огласовка объясняется положением срединного сочетания гласный+сонант в открытом слоге. "Регулярные" формы φευκτός, пейстос и др. — новообразования. Не исключено, что и некоторые (если не все) пассивные аористы с "нерегулярной" редуцированной огласовкой, приведенные выше, имеют эту огласовку по причине "двусложности" их корней.

3-я группа суффиксов

Суффиксы 3-й группы мотивируют полную огласовку корня. Особенность представляет собой поведение корней вида Cṽ при некоторых из этих суффиксов, поэтому материал и дополнительные морфонологические разъяснения по ним даются отдельно.

Ниже приводится материал по корням CVC(V).

Суффикс -ε- инфекта²⁰

Ὀρέγω (Н+); βρέχω (Het+); βρέμω (Н+); τρώγω (Н+); θάγω (Н+); θέρομαι (Н+); θέ(F)ω (Н+); θλίβω (Н+); трéχω (Н+); трéρω (Н+); ἔρρω < *Fερσ-ω (Н+); χρίω < *χρῖσ-ω (Н+); λᾶθω (Н+); λείβω (Н+); λείχω (Aesch+); λείπω (Н+); мῆδομαι (Н+); μέλδομαι (Н+); μέμφομαι (Pind+); νήφω (Sopht+); πείκω (Н+); πείθω (Н+); πέμπω (Н+); пέρδομαι (Agrpht+); пέρθω (Н+); πεύθομαι (Н+); плéκω (Н+); плé(Ф)ω (Н+); пνέ(Ф)ω (Н+); пνίγω (Agrpht+); прéπω (Н+); πρίω

¹⁹ Среди форм медиально-пассивного перфекта, материал по которому мы не приводим (редуцированная огласовка в нем вызывается не прикорневым суффиксом, а аффиксами, стоящими на втором месте справа от корня), также имеется подобная нерегулярная форма: μέμβλεται (Н+, μέλω).

²⁰ Здесь и далее приводятся корни с восстановленным греческим "ε".

< *πρίσ-ω (Soph+); ψεύδω (H+); ψύχω (H+); φέγγομαι (H+); φείδομαι (H+); φέρω (H+); φέρβω (HH+); φεύγω (H+); φλέ(F)ω (Aesch); φλίβω (H+); φρύγω (Her+); σάπω (H+); σμύχω (Arph); σμύχω (H+); σπεύδω (H+); σπένδω (H+); σπέρχω (H+); σείω < *σεισ-ω (H+); στείβω (H+); στείχω (H+); στέμβω (Aesch); στέ(ι)νομαι < *στένF-ο-μαι (H+); στέργω (Aesch+); στρέφω (H+); στρεύομαι (H+); στύρω (Arph+); τάκω²¹ (H+);τέρπω (H+);τένδω (Hes);τέγγω (Aesch+);τέρσω (H+);τεύχω (H+);τμάγω (H+);τρέπω (H+);τρέμω (H+);τρέω < *τρέσ-ω (H+);τρίβω (H+);άλέγω (H+);άλείφω (H+);άμείβω (H+);άλέ(F)ομαι (H+); прет. инф. έ-κλεε²²;άμέλγω (H+);άμέργω (Sappho+);άρήγω (H+);ά(F)είδω; βλέπω (Aesch+);βρώω (H+);βρύκω (H+);βρύχω (Anth);δρέπω (H+);είβω (H+);δεύω < *δεύс-ω (H+);έλέγχω (H+);ερείδω (H+);ερείκω (H+);ερείπω (H+);ερέρω (H+);ερεύομαι (H+);ερεύθω (H+);έρχομαι (H+);έρύκω (H+);(ε)θέλω (H+);έ(F)είδομαι (H+);έ(F)έλδομαι (H+);έ(F)έλπομαι (H+);έ(F)έργω (H+);ήκω (H+);εύδω (H+);γεύω < γεύс-ω (H+);λήγω (H+);λεύω (Soph+);εύω < *εύс-ω (H+);νέ(F)ω (H+);νύρω < *νύχμ-ω (H+);ρέμβομαι (Anth);ρέγκω (Aesch+);ρέπω (H+);άδω (H+);κέλομαι (H+);кеύθω (H+);κρέκω (Sappho+);хέ(F)ω (H+);φλέγω (H+);ξύω < *ξύс-ω (H+);στέρομαι (Hes+);μέλω (H+);πέλω (H+);άλέκω (Soph+);έρπω (H+);έлкω < *σFέлк-ω (H+);ίкω < *σFίкω (H+);(F)είκω (H+); конъюнкт. в знач. фут. βέομαι/βείομαι (H+, *βέί(F)ομαι); δέρκομαι (H+); δεύομαι 'не иметь'; νεύω (H+) 'кивать'; сеύω (H+); 'трясти'.

Нерегулярны инфекты на -ε- с редуцированной огласовкой: τράχω, τράφω, στίβω, στίχω. Все они имеют регулярные пары с полной огласовкой (см. материал)²³. Сюда же относится γράφω (эол. γρόφω, т.е. общегреч. *γραχ²⁴).

Суффикс -й- инфекта

Прет. инф. деато (H+); έραμαι (H+); κρέμαμαι (H+); είρμαι < *εFέρυμαι (H+) 'тащить'; είρμαι < *εFέρυμαι (H) 'защищать'; είμι (H+) 'идти'; γεύμεθα < *γευσ-(Pind); ηται (H+); кеїμαι (H+); 2. мн. φέρτε; στεύμαι (H+); έρχаο έρχου, пореύου (Hesych); ίπτημι (Wat+); κίкрημι. Нерегулярны редуцированные огласовки в βιόμεσθα (HH, ср. βέομαι) и διέμαι (H+, ср. δειμός). Относительно этих огласовок см. ниже, с. 183–184.

²¹ Исторически это инфект от корня τᾱН(Λ)-, ср. слав. *tǫjati. Морфонема (H-) здесь нормально реализуется как κ- в интервокале (см.: Николаев 1983, с. 76). Подобное образование представляет собой ηκω (ср. слав. *jati, лит. joti), которое, однако, судя по значению, может быть и вторично образованным от перфекта ηκα. Структура корня hēH- вполне вероятна, ср. предположение о и.-е. спряжении данного корня со второй серией окончаний, соответствующей хеттскому hī-спряжению, в кн.: Иванов Вяч. Вс. Славянский, балтийский и раннебалканский глагол: Индо-европейские истоки. М., 1981, с. 99. О возможном рефлексе окончаний, содержащих и.-е. *H- в греческих корнях на (H-) см.: Николаев 1983, с. 79, примечание.

²² См.: Strunk, S. 84.

²³ По попытка объяснения подобных нерегулярностей дана ниже, с. 183–184.

Суффикс -θ- аориста

Хотя по правилу при флексиях 2-й группы огласовка корня должна быть редуцированной, часто полная огласовка распространяется на всю парадигму (например, мίκ-το, но έ-κτᾱ-ν): έγεντο (Hes+, γίγνομαι); επλά-μην (H+, πλάναμαι); έσκλην (σκέλλω); επτᾱν (πέτομαι); έρρῦτο (είρύω₁); μην (H+, πίνωμαι); έβρων (βιβρώσκω); έβίωv (H+, βιώω); έάλων < *ε-σFᾱ-έρρῦτο (είρύω₂); έβρων (βιβρώσκω); έρρύνην²⁴ (H+, (σ)ρέ(F)ω); έβλήμην (H+, βάλλω); λωv (H+, αλίσκομαι); έρρύνην²⁴ (H+, (σ)ρέ(F)ω); έβλήμην (H+, βάλλω); έδάην (H+, διδάσκω); ηα < *ε-ει-α (H+, είμι 'идти'); εκᾱ(F)α (H+, καίω); έδάην (H+, διδάσκω); ηα < *ε-ει-α (H+, είμι 'идти'); εκᾱ(F)α (H+, καίω); в реду- критск. конъюнкт. аор. ката-σκενε в м. *κατά-σκενε с метатезой²⁵; в реду- цированной форме с окончанием 3 мн. έ-κτα-ν (H, κτείνω); έχε(v)α (H+, цированной форме с окончанием 3 мн. έ-κτα-ν (H, κτείνω); έχε(v)α (H+, χέ(F)ω); инф. πέρθ-αι (H, πέρθω); έσσευα (с "золийским" сохранением *F-) (H, σεύω). С закономерной редуцированной огласовкой при оконча- ниях 1-й группы: мίκτο (H+, мείγνυμι) – при выравненном по инф. мίκτο (вместо *μείκτο); πάλτο²⁶ (H+, πάλλω, πέπαλα); άμ-πνῦ-то с метрическим удлинением -ῦ- (H, άv (α-)πλέ(F)ω).

Суффикс -τωρ

Μελέτωρ (Soph, μέλω); ρύτωρ (Arph, έρύω); πλήκτωρ (Anth. P., πλάγνυμι); πράκτωρ (Soph+, πράσσω); θέλκτωρ (Aesch, θέλγω); πῆστωρ (H+, μήδομαι); δώτωρ (H+, δίδωμι); βώτωρ (H+, βοόσκω); μήστωρ (H+, μήδομαι); δώτωρ (H+, δίδωμι); βώτωρ (H+, βοόσκω); ονάτωρ (Pind, ουνᾱμι). Нерегулярна форма ά-(F)ίστωρ (H+, οίδα), огла- совка которой возникла под влиянием прилагательного ά-(F)ίστος (H+) 'неведомый, невидимый'.

Суффикс -θη- инфекта

Πελάθω (Eur); φλεγέθω (H+); *(F)εικάθω (Soph); κνήθω (Arst+); νήθω (Plat); πλήθω (H+); прήθω (H+); σήθω; τελέθω (H+); πύθω (H+, ср. δια-πύω); κλώθω (ср * κλώсκω у Гесиохия). О краткости в θαλέθω (при перф. τέθαλα) см. с. 183–184.

Суффикс -ι-ε- инфекта

Долгие гласные в корнях на сонант перед суффиксом -ι-ε- сокращаются по правилу Остгоффа.

Сочетание ауслаутного согласного корня с -ι-ε- реализуется особым образом. В табл 11 приводятся рефлексy этих сочетаний в трех литератур- ных диалектах.

Ниже приводится материал по инфекту на -ι-ε- (F)είρω (H+); θάλλω (Soph+, ср. τέθαλα); γείνομαι (H); κλείω < *κλέF-ιω (H+); άμείρω (Pind); βήσθω < *βήχ-ιω (Her+); βρύττω < *βρύκ-ιω; δαίω < *δαF-ιω (H+); δείρω < *δέρ-ιω (Her+); δρέπτομαι < *δρέπ-ιο- (Anth); ένίπτω/ένύσσω

²⁴ Эта форма является атематическим (с суф. -θ-), а не пассивным (с суф. -η-) аористом.

²⁵ См.: Schwyzler E. Griechische Grammatik, Bd. I. München, 1939. S. 326.

²⁶ Но, возможно, и из *παλ-το по закону Остгоффа.

Сочетание	Рефлекс		
	ионийский	аттический	эолийский ²⁷
*π ₁ , φ ₁ , β ₁	πτ	πτ	πτ
*γ ₁ ²⁸	ζ/σσ	ζ/ττ	
*δ ₁	ζ	ζ	ζ
*χ ₁ , κ ₁ , θ ₁ , τ ₁	σσ	ττ	σσ
*γ ₁ ^u	σσ	πτ/ττ	?
*χ ₁ ^u , κ ₁ ^u	σσ	πτ/ττ	?
*σ ₁	ι	ι	ι
*μ ₁	?	?	?
*ν ₁	ω	ω	νν
*ρ ₁	φ	φ	ρρ
*F ₁	ι	ø/ι	ø/ι
*λ ₁	λλ	λλ	λλ

< *ἐνίκ₁^u-ιω (H+); εἶρω < *σέρ₁-ιω (H+); μείρομαι < *σμέρ₁-ιω (H+); ῥήσσω < *Fρῆγ₁-ιω; ῥέξω < *Fρέγ₁-ιω (H+); καίω/κάω < *κάF₁-ιω (H+); κείρω < *κέρ₁-ιω (H+); κέλλω < *κέλ₁-ιω (H+); κλαίω/κλάω < *κλάF₁-ιω (H+); κλέπτω < *κλέπ₁-ιω (H+); κλώζω < *κλώγ₁-ιω (Dem); κνώσσω (H+); κρώζω < *κρώγ₁-ιω (Hes+); κτείνω < *κτέν₁-ιω (H+); χεῖω < *χέF₁-ιω (H+); λεύσσω < *λεύκ₁-ιω (H+); μαίνω < *μᾶν₁-ιω (H+, ср. перф. μέμᾶνα); ὠζω < *ὠγ₁-ιω (Aesch+); πῆσσω < *πᾶγ₁-ιω (Sext); πᾶλλω < *πᾶλ₁-ιω (H+); πείρω < *πέρ₁-ιω (H+); πλήσσω < *πλάγ₁-ιω (H+); πνείω < *πνέF₁-ιω (H+); πρᾶσσω < *πράγ₁-ιω (H+); πτήσσω < *πτάκ₁-ιω (H+); πῶσσω < *πτώκ₁-ιω (H+); πτῶσσω < *πτώχ₁-ιω (H+); φθείρω < *φθέρ₁-ιω (H+); φρίσσω < *φρίк₁-ιω (H+); σαίρω < *σᾶρ₁-ιω (H+); σκῶπτω < *σκῶπ₁-ιω (Xen+); στέλλω < *στέλ₁-ιω (H+); σπείρω < *σπέρ₁-ιω (Hes+); τεῖνω

²⁷См.: *Hamn E.-M. Grammatik zu Sappho und Alkaios*. Berlin, 1957, S. 16–17.

²⁸Сочетание *γ+ι имеет два вида рефлексов: а) *γ+ι > ζ (т.е. ведет себя как звонкий, ср. *δ+ι > ζ); б) *γ+ι > σσ (т.е. ведет себя как глухой, ср. *τ₁, *κ₁ > σσ). Первый рефлекс, как правило, имеют корни со значением 'издавать какие-либо звуки' например, βύζω 'выть', κλάζω 'издавать шум', γρύζω 'хрюкать' и мн. др.). Из глаголов с другими значениями по первому виду идут: ἄζομαι 'читать (божество)', ῥέξω 'делать', ῥέρω < *Fέрг₁-ιω 'делать', σκάζω 'хромать', σφύζω 'пульсировать', στάζω 'лить по каплям', στίζω 'покрывать порезами', ἀμέρδω < *ἀμέрг₁-ιω 'срывать'. По второму виду идут: ῥήσσω 'ломать, пробивать', μάσσω 'мять, месить', πῆσσω 'втыкать', πλήσσω 'бить', πρᾶσσω 'совершать', φράσσω 'огораживать', φρύσσω 'жарить, жечь', σάττω 'наполнять', τάσσω 'ставить в ряд', кат-(F)άσσω 'ломать, разбивать'. Для корней первого вида мы вводим ауслаутную морфему (γ), для корней второго вида – морфему (F).

< *τέν₁-ιω (H+); τέλλω < *τέλ₁-ιω (Pind+); τεῖρω < *τέρ₁-ιω (H+); ἐκ-τρῶζομαι < *τρῶγ₁-ιω (Arph); ἀμέρδω < *ἀμέρζω < *ἀμέрг₁-ιω (H+); δαίομαι < *δαί₁-ιω (H+); кνᾶίω < *κνᾶί₁-ιω; ἔρδω < *Fέρζω < *Fέрг₁-ιω (H+).

Суффикс -H- перфекта

Ниже мы не приводим форм с полным удвоением типа ὀλωλα (они в большинстве своем образованы от корней с гласным анлаутом), долгота в которых не корневая, а возникает при редупликации; эта долгота, однако, регулярно сокращается в формах с аффиксами 1-й группы.

Γέγονα (H+, γίγνομαι); τέτμηκα (H+, τέμνω); μέμβλωκα (βλώσκω); κέκμηκα (H+, κάμνω); τέτρωκα (H+, τитρώσκω); τέθνακα (H+, θνάσκω); πέπτωκα (πίτνω); δέδαχα (δάκνω); *δεδFοι-α в δέδοικα (H+); τέθαλα (H+, θάλλω); δέδορκα (H+, δέркоμαι); ἔσχηκα²⁹ (έχω); εἶλωκα (H+, ἀλίσκομαι); ἐρρύηκα < *σεорύη-ка (H+, ρέ(F)ω); κέκρᾶκα (κίρνημι); πέπρᾶκα (Dem, πέρνημι); βέβρωκα (H+, βιβρώσκω); ἔσκληκα (σκέλλω); τέτλακα (H+, аор. тлᾶναι); δέδαηка < *δεдаη-ка (HH+, διδάσκω); εὔρηка (Sopht, εὐρίσκω); βέβληка (βάλλω); βέβлека (βλέπω); βέβριθα (H+, βριθώ); βέβρυχα (H+, βρύχω); ὄδα < *Fοιδ-а (H+); δέδειχα (δείκνυμι); δέδροма (аор. драмеῖν); ἔξευχα³⁰ (ξεύνυμι); εἶληκα < *сэсλᾶ-ка (ламбάνω); γέγρᾶка³¹ (γράφω); ἔοла < *FέFολ-ка (H+, (F)έλπομαι); λέλογχα (H+, λαγχάνω); ἔμμοга < *сэсмор-а (H+, μείρομαι); ἔρρωга < *FέFρωга (H+, ῥήγνυμι); ἔρρῖга (H+, ῥίγέω); ἔррῖга (ῥίπτω); ἔада < *сэсFᾶд-а (H+, ἀνδάνω); ἔωθα/εἰωθα < *сэсFωθ-а (H+, ἔθω); кέкеυθα (H+, кеύθω); кέχονда (ханδάνω); λέлака (H+, λάσκω); λέлаба (H+, λανθάνω); лέлоица (H+, λείπω); μέμᾶка (H+, μακάομαι); μέμᾶна (H+, λανθάνω); лείлоца (H+, λείπω); μέμᾶка (H+, μακάομαι); μέμᾶна (H+, λανθάνω); πέпᾶга/пéпᾶга (H+, пᾶγνυμι); пéпᾶла (H+, пᾶλλω); пéпoиθa (H+, пείθω); пéпoμфa (пéμпω); пéпoυθa (H+, пᾶσχω); пéпoрдa (Arph, пέρδομαι); ἐлῆλoυθa (ср. фут. ἐλεῦσομαι); пéпoлxа/пéплexа (плéκω); пéпᾶxа/пéпᾶга (пᾶσσω); ἐφθωра³² (φθείρω); пéфopбa (φέρβω); пéфeyгa (φεύγω); пéфpῖка (H+, φρίσσω); сéсᾶпа (H+, сᾶπω); сéсᾶра (Arph+, ср. δια-саίρω); ἔскаῖка (σκάπτω); ἔсopгa (отέργω); ἔсopгa (отρέφω); тéтaка (H+, тᾶκω); тéтpгxа³³ (H+, тарάσσω); тéтeyчa (H+, τεύχω); тéтpогa (трéφω); тéтpῖгa (H+, τρίζω); тéθᾶпа (H+, таρεῖν); тéθᾶра (θᾶίρω); οἰка/έoика < *(F)έFoика (H+, (έ)ίσκω); μέμᾶла (мéλω).

Редуцированная огласовка в ἐλῆλoυθa, ἔскаpa — результат проникновения огласовки форм с окончаниями 1-й группы (ср. регулярные ἐλῆλoυθa, ἔскаpa).

²⁹Формы типа ἔсχηка, ἔсκληка < *сеσχн-, *сесклн-.

³⁰ἔξεука < *сэсдеука-а.

³¹Вместо *γέγpоpа.

³²Вторичная форма редупликации вместо *пéфopгa? Однако ср. ἔрθaка.

³³Редкий случай модификации CVCVC → CCVC, аналогичный CVCV → C(V)CV. Ср. тарάκ-της (образование с суф. I кл.).

Εἰλάμην < *σFελσ-; ἔξ- (H+, (F)εἶκω 'уступать'); ἐρψ- < *σερп-σ- (ἐρπω); (F)ερξ- (H+, (F)έρδω); νεμ- < *νεμ-σ- (H+, νέμω); δεμ- < *δεμ-σ- (H+, δέμω); μειν- < *μεν-σ- (H+, μένω); ἀγειρ- < *ἀγ-ερ-σ- (H+, ἀγείρω); ἔισα- < *ἐ-σFει-σ- (H, ἔισμαι); στρω-σ- (H+, στόρνυμι); γημ- < *γᾱμ-σ- (H+, γαμέω); γειν- < *γεγ-σ- (Hest+, γίγνομαι); κρησ- (H, *κρᾱ-σ-, κίρνημι); τρη-σ- (τιτράω); ρυ-σ- (έρυω₁); ρυ-σ- (έρυω₂); ἀλειψ- (H+, αλείφω); ἀμειψ- (H+, ἀμείβω); ἀμερ-σ- (ἀμείρω); ἀ(F)ειρ- < *ἀFερ-σ- (H+, αείρω); δειρ- < *δερ-σ- (H+, δέρω); δρεψ- (H+, δρέπω); ξευξ- (H+, ξεύγνυμι); ζωσ(σ)- (H+, ζώννυμι); ἐλεξ- (H+, ἐλέγχω); ἐρεισ- (ἐρείδω); ἐρειξ- (H+, ἐρείκω); ἐρειψ- (ἐρείπω); ἐρεψ- (ἐρέρω); ἦρξα < *ἦFεργ-σ- (H+, ἐίργνυμι); εἰρ- < *σερ-σ- (εἶρω); ἐ(ν)νευσα < *ἐ-σνεF-σ- (νέ(F)ω 'плыть'); ῥηξ- (H+, ῥήγνυμι); ῥεξ- (H+, ῥέξω); ῥωσ- < *ῥωσ-σ- (ῥώννυμι); кер-σ- (H+, κείρω); κωσ- (H+, κέλλω); κλειψ- (H+, κλέπτω); κτειν- < *κτεν-σ- (H+, κτείνω); κύρ-σ- (H+, κύρω); χρίσ- < *χρίσ-σ- (H+, χρίω); μησ- (H+, μήδομαι); παξ- (H+, πᾶγνυμι); пᾶλ- < *пᾶλ-σ- (H+, пᾶλλω); пейр- < *пер-σ- (H+, пейρω); пейс- (H+, пейθω); πεмψ- (H+, πέμπω); перс- (H+, пέρθω); пᾶξ- (H+, пᾶγνυμι); пᾶξ- (H+, пᾶσσω); пᾶξ- (H+, пᾶσσω); στρεψ- (H+, στρέφω); φθειр- < *φθερ-σ- (φθείρω); φθειγ- (H+, φθέγγομαι); στερξ- (στέργω); φειс- (φείδομαι); σᾶр- < *σᾶр-σ- (σαίρω); σκωψ- (σκώπτω); στείλ- < *στέλ-σ- (H+, στέλλω); σπειр- < *σπερ-σ- (σπείρω); σπεус- (H+, σπεύδω); тегξ- (τέγγω); спейс- < *спейс-σ- (H+, спένδω); теυξ- (H+, τεύχω); тᾶξ- (тᾶγω); сейс- < *сейс-σ- (H+, сείω); теи- < *теи-σ- (H+, теίνω); треψ- (H+, трéπω); трес- < *трес-σ- (H+, трéω); тᾶψ- (H+, тᾶίβω); θηξ- (H+, θήγω); тейл- < *тел-σ- (τέλλω); θελξ- (H+, θέλω); θᾶξ- (θᾶσσω); θρεξ- (H+, трéχω); θρεψ- (H+, трéφω).

Суффикс -μα (-ματ-)

Δέμμα (Arph+, δέ(F)ω); ῥῦμα (Aesch+, ἐρύω); τῥῖμα (Arph+, τιτράω); σχῆμα (Hest+, ἔχω); βῥῶμα (Thuc+, βιβρώσκω); βλῆμα (Soph+, βάλλω); ῥῆμα (Hest+, (F)εἶρω); γέννα³⁴ (H+, γίγνομαι); στῶμα (Arph+, στόρνυμι); τῆμα (Plat+, τέμνω); πῶμα (Soph+, πίτνω); δέμα (H+, δίεμαι); ἔργμα (HH+, (F)έρδω); εὔμα (H+, εὔχομαι); βρέμα (Batr+, βρέχω); ὄρεμα (Aesch+, ὀρέγω); φλέμα (H+, φλέγω); δῆμα (Aesch+, δάκνω); ἀγγεῖμα (Eur+, ἀγγέλλω); αἰсма (Hest+, ἀ(F)εἶδω); ἀλειμμα (Plat+, αλείφω); βλέμμα (Aesch+, βλέρω); γεῦμα < *γεῦс-μα (Eur+, γεύω); δειῖμα (Lyst+, δείκνυμι); δέρμα (Aesch+, δέркоμαι); δέρμα (H+, δέρω); δέμα < *δεῦс-μα (Pind, δεύω 'увлажнять'); ἐρειсма (Pind+, ἐρείδω); ἔрма (H) < *δέρ-μα (εἶρω); ξεῦμα (Eur+, ξεύγνυμι); ζῶμα < *ζῶс-μα (H+, ζώννυμι); θέρμα (Plat+, θέρομαι); θρέμμα (Soph+, трéρω); καῦμα (H+, καίω); κέρμα (Arph+, κείρω); ἦμα (H, ἴημι); χεῦμα (H+, χε(F)ω); χρίμα < *χρίс-μα (Aesch+, χρίω);

ψεῦсма (Plat+, ψεύδω); κλέμμα (Thuc+, κλέπτω); λειῖμα (Hest+, λείπω); λῆμμα (Lyst+, λαμβάνω); νεῦμα < *νεῦс-μα (Xen+, νεύω 'кивать'); ὄρεμα (Aesch+, ὀρέγω); πῆμα (Aesch+, πᾶγνυμι); πλέμα (Eur+, πλέκω); πλῆμα (Soph+, πᾶγνυμι); πνεῦμα (Aesch+, πνέ(F)ω); πνίμα (Arst+, πνίγω); πᾶμα (Aesch+, πᾶσσω); πρίсма (Anth.P., πρίω); ῥῆμα (Dem+, ῥήγνυμι); σκῶμμα (Arph+, σκώπτω); σπέρμα (Hest+, σπείρω); στρέμμα (Dem, στρέφω); τεῦμα (Anth.P., τεύχω); τῖμμα (Arph, τρίβω); ῥέμα (ῥέξω 'красить')

Суффикс -μθ-

Тῥῆμη (H+, τιτράω); ῥῦμός (H+), ῥῦμη (Thuc+, ἐρύω); βρέμα (H+, βρέχω); φλογμός (Aesch+, φλέγω); τῶμα³⁵ (Pind, τιτρώσκω); κορμός (H+, кείρω); οἶμος (H+, ιεμαι); ὄρμος < *ὄρ-μο-с (H+, εἶρω 'плести'); στολμός (Aesch+, στέλλω); ἀγερμός (Arst, ἀγείρω); ἀλοι(μ)μός (Soph+, αλείφω); кеуθμός (H+, кеύθω); κλωγμός (Plat+, κλώζω); κρωγμός (Anth.P., κρώζω); σειсμός (Thuc+, сείω); θέρμη (Thuc+, θέρομαι); ῥωγμή (Arst+, ῥήγνυμι). Нерегулярна редуцированная огласовка в ἐρυγμός (Arst+, ἐρεύγω), – видимо, выравненная по аор. ἐρυγον.

Суффикс -ανθ-

Ἐργάνη (Aesch+), ὄργανον (Soph+), ὄργανος (Eur+, (F)έρδω); δρεπάνη (H+), δρέπανον (H+, δρέπω); θηγάνη (Aesch+, θαγω); φρύγανον (Hest+, φρύγω); χοάνη (H+), χόανος (H+, χέ(F)ω). Нерегулярна огласовка в πῖθανός (Thuc+, πείθω).

* * *

Перейдем к образованиям с суффиксами 3-й группы от корней CV. Особенность их заключается в том, что перед перфектным суффиксом <H> в них часто возникает редуцированная ступень огласовки. Нерегулярная краткость sporadически встречается также и в образованиях с прочими суффиксами (особенно часто – в сигматическом аористе).

Перед приведением материала по образованиям от корней CV необходимо остановиться на определении морфонологического вида корней инфектов на -ε-, отмеченных начиная с Гомера: πλώω, τρώω, ῥώομαι, χώομαι и ζώω. В ауслауте этих корней находится -F-. Это видно как из диалектных данных (πλώFω и др., где -F-, однако, может быть и эпентетическим), так и из внутриморфологических фактов. Во-первых, мы имеем интересное производное τᾶῖμα (Aesch+, с парой τῶμα). Форма τᾶῖμα, правда, имеет нерегулярную редуцированную огласовку корня перед суффиксом -μα. Во-вторых, все анализируемые корни имеют пары среди корней с е-огласовкой и ауслаутным -F-(-): πλώω при плéFω, τρώω при τῥύω, ῥώομαι при ῥéFω, χώομαι 'сердиться' при χéFω (относительно семан-

³⁴См. о форме γέννα в ч. 1 настоящей статьи: Николаев 1983, с. 83.

³⁵Другой вариант – τᾶῖμα восходит к редуцированной ступени от τρωF-.

тики ср. лат. fundō при confundor), ζῶω (*gʷyow-ō) при βέομαι (корень *eFo-).

Однако во всех достаточно древних образованиях, кроме инфекта на -ε- и формы τραῦμα, корни этих глаголов ведут себя как обычные корни со структурой CṼ. Ср. от πλώω: πλωτός (H+), πλωτήρ (Arph+), послегом. ἑπλων, πέπλωκα, ἑπλώσα; ζῶω: позднее производное ζωτικός (Plat+); τρώω: ἑτρώσα (H+), τιτρώσκω, τετρωμένος (Xen); ῥώομαι: ἐρρώσασθην (H+); χῶομαι: (ε)χῶοτο (H+). Таким образом, в образованиях, где за корнем следует согласный, корневое -F- исчезает. Видимо, в др.-греч. на определенном этапе действовало правило, по которому -F- и χ- выпадали перед согласными после -ο-, причем это правило применялось до действия закона Остгоффа. На выпадение -F- см. материал выше, пример же выпадения χ- мы находим в κῶμη (*κῶι-μα³⁶) от κεῖμαι (*κη-μαι). После других долгих (а также всех кратких) гласных -F- и χ- не выпадают, и закон Остгоффа действует в них регулярно, например καῦμα < *καFμα, ср. ἑκαFα), στεῦμαι (*στῆF-μαι, ср. σταυρός) и др.

Так как в большинстве позиций данные корни ведут себя как нормальные корни CṼ, мы рассматриваем их среди последних. То же относится и к корням вида CṼH.

Ниже приводится материал по корням CṼ.

Суффикс -θ- инфекта

При окончаниях 2-й группы всегда полная огласовка: φαμί' (H+); прет. инф. ἔννη (H) 'ткать'; ἄ(F)ημι (H+); ἱοτάμι (H+), нередуцированная форма в ἐπί-σάμι (H+); редуцированная огласовка перед флексией 1-й группы: βίβᾱμι (H+); δίζημι < *δίδημι (H); κίχημι (H); κίχηρη (Hert+); 'одалживать'; οὐνᾱμι (H+); πῖμπλημι (H+); πῖμπρημι (Aesch+); ἱλάμι < *σίσλα-ми (H+); ἱημι < *híη-ми (H+); τίθημι (H+); δίδημι (H+); ἦμι' (H+) 'говорить'; δίδωμι (H+).

Суффикс -θ- аориста

При окончаниях 2-й группы всегда полная огласовка: ἔθηκα (H+, τίθη-ми); ἔδωκα (H+, δίδω-ми); ἦκα (H+, ἱη-ми); императ. λῦθι (H+, λύω); императ. πῖθι (H+, πῖπῖσκω); ἑῶν (H+, φαμί'); корень с редуцированной огласовкой при флексии 2-й группы: ἐφθίμην (H+, φθίνω); ἐφθᾶν (H+, φθάνω); ἐφῶν (H+, φύω); ἔδῶν (H+, δύω); ἔσῶν (H+, ἱοτάμι); ἑοβην (H+, οβέννυμι); ὠνᾶμην (H+, οὐνᾱμι); ἔδρᾶν (διδράσκω); ἔγνω (H+, γινώσκω); ἑπλων (πλώω); ἑπλητο (H+, πῖμπλημι).

Суффикс -μα (-ματ-)

Большинство образований имеют регулярную полную огласовку: βῆμα (HH+, βίβᾱμι); φῦμα (Hert+, φύω); θῦμα (Soph+, θύω); κῤῥμα (Aesch+, κρίνω); χῶμα (Hert+, χῶω); ἄμα (Soph+, ἄ(F)ημι); γνῶμα (Hert+, γινώσκω); δρᾶμα (Aesch+, δράω); κυῦμα (Arph+, κύω); κῦμα (Aesch+, κύω); λῆμα (Hert+, (F)λάω); νῆμα (H+, νέω 'прясть'); λῦμα (H+) 'грязь, нечистоты'; κάσσυμα/κάττυμα (Arph+, κασσύω/καττύω < *σιύω); πῶμα (Aesch+, πέπωκα). Нерегулярна краткость в δόμα (Plat+, δίδωμι) и πόμα (Hert+) — при регулярном πῶμα. Возможно, краткость здесь связана с особым ауслаутом корня (который мы обозначаем как <H->).

Корни <θηH->, <ηηH-> глаголов τίθημι, ἱημι образуют имена на -μα с регулярной полной огласовкой: θῆμα (Soph), ῆμα (H+). Однако образования с непродуктивным суффиксом -μη- показывают морфонологическое отличие корня <θηH-> от корня φα-: θέ-μη-ς (H+), но φᾶ-μη-ς (H+).

Суффикс -μη-

Все примеры с регулярной полной огласовкой: γνῶμη (Hert+, γινώσκω); φμη (H+, φαμί'); βωμός (H+, βίβᾱμι); θῦμός (H+, θύω 'стремиться'); λῦμη (H+) 'грязь, нечистоты'; θωμός (Aesch+, τίθημι).

Суффиксы <H-> перфекта и σ-/σε-аориста

Корни с широкими гласными (ᾱ, η, ω), находящимися после плавных и носовых, всегда имеют в данных аористе и перфекте полную огласовку.

Аорист: χρη-σ- (χράω 'приобретать'); χρη-σ- (χράω 'прорицать'); прη-σ- (πῖμπρημι); νη-σ- (νέω 'нагромождать'); οῖα-σ- (H+, οὐνᾱμι); μυη-σ- (H+, μυνήσκω); δρᾶ-σ- (δραίνω).

Перфект: πέπρηκα (πῖμπρημι); πέπλωκα (πλώω); ἔγνωκα (γινώσκω).

В образованиях от корней другого фонетического вида гласный в одних формах долгий, в других сокращается, причем количество гласных в перфекте часто не соответствует количеству гласного аориста данного корня. Интерпретировать это явление трудно. Возможно, что краткость каким-то образом связана с корнями на <H-> (см. выше о производных на -μα, но достаточных оснований для такого утверждения у нас нет. В табл. 12 приводится материал.

Суффикс -ε- инфекта

Корни на η, ᾱ регулярно сокращают гласный перед суффиксом: ζάω (H+); χράω (H+); (F)λάω (Arph+); δράω (H+); κνάω (H+); ψάω (Soph); ἀλάομαι (H+); ἀράω (H+); σάω < *σᾰίω, ср. διαττάω; *σᾰώ (гомер. σῶω, H+); χῶω (Hert+).

Корни на -υ в некоторых диалектах имеют краткость, в некоторых — долготу; так, в аттическом диалекте мы имеем обычно долготу, у Гомера — краткость: φύω (H), φῦω (атт.); λύω (H), λύω (атт.); δύω (II), δῦω (атт.); πτύω (II), πτύω (атт.); ἄλύω (II), ἄλῦω (атт.).

³⁶ Ср. лит. kaimas < *kōi-mos.

Таблица 12

	«-Н-» перфект	-σ-аорист	Словарная форма
(1)	Фут. перф. περή-σε-ται	—	φαίνομαι
(2)	τέθηκα	ἐθύσα (Н+)	θύω
(3)	λέλυκα	ἐλύσα (Н+)	λύω
(4)	πέπτυκα	ἐπτύσα	πτύω
(5)	κέκρικα	—	κρίνω
(6)	ἐρθίκα	ἐρθίσα/ἐρθισα (Н+)	ρθίνω
(7)	πέπλυκα	—	πλύνω
(8)	δέδεκα/δέδεκα	—	δίδημι
(9)	δέδωκα	—	δίδωμι
(10)	τέθηκα	—	τίθημι
(11)	εἶκα < *héhē-к-α	—	ἵημι
(12)	δεδυка (Н+)	εδυάμην (Н+)	δύνω
(13)	μέμυка (Н+)	ἐμυσα (Н+)	μύω
(14)	πέρυка (Н+)	ἐρυσα (Н+)	ρύω
(15)	ἔσταка (Н+)	ἐστασα (Н+)	ἵστημι
(16)	ἔζηка	ἐζησα	δίζημι
(17)	βέβαка (Н+)	ἐβασа (Н+)	βίβημι
(18)	—	ἐπια	πιπτακω
(19)	—	ἐθύσα	θύνω
(20)	ἔστυка	—	στύω

***

Несколько особняком стоит инфект на -σκε-. Этот суффикс принадлежит ко 2-й группе и сходен по своему воздействию на вокализм корней с остальными суффиксами этой группы. Различие заключается в том, что при суф. -ске- редукции подвергаются гласные в корнях всех морфонологических типов; не сокращаются лишь гласные конца корня, находящиеся после плавных и носовых сонантов (см. правило на с. 167).

Полная ступень огласовки: βιβρώσκω (Н+); κικλήσκω (Н+); γιγνώσκω (Н+); μιμνήσκω (Н+); θρώσκω (Н+); βλώσκω; θνάσκω (Н+); πιπράσκω 'продавать'; ῥησκομένων λεγομένων (Hesych.); -διδράσκω (Н+); τιτρώσκω; κλώσκων ἐπικλώθων (Hesych)³⁷.

Редуцированная ступень огласовки: πάσχω (<*пáθ-σκω < *пýθ-σκω, ср. πένθος); λάσκω (<*λák-σκω, ср. λέλακα); (ἐ)ίσκω < *(ἐ)Fík-σκω (Н+, ср. (F)οῖκα); ἀποθύσκειν ἀποτυγχάνειν (*θύχ-σκω, ср. τεύξομαι); βάσκω

³⁷ Судя по приводимому ниже материалу, κλώσκων не может производиться от вторичного корня κλωθ-, но только от κλω- (*κλώθ-σκω дало бы *κλόσχω).

(Н, ср. βίβωμι); φάσκω (Н+, ср. φάμι); βόσκω (Н+, ср. βώτωρ); χάσκω (Н+, ср. χήμη); ἀλύσκω (Н, ср. ἀλέ (F)ομαι).

Не исключено, что появление редуцированной ступени огласовки перед -ске- связано со слогоделением; этот вопрос требует дополнительного изучения. Во всяком случае, формы типа πάσχω — очевидные архаизмы.

Нерегулярна краткость в ἰλάσκω (Н+ < *σιολά-σκω) и ἡλάσκω (Н, ср. ἀλάομαι); в последнем примере нерегулярна также анлаутная долгота.

Морфонологически лабильные суффиксы

На с. 164–165 нами был дан список суффиксов, которые достаточно регулярно мотивируют полную или редуцированную ступень огласовки. Мы упомянули там также суффиксы, которые морфонологически лабильны, т.е. способны мотивировать как полную, так и редуцированную огласовку, причем нередко — у одного и того же корня.

Например, такими лабильными суффиксами являются суффиксы -φι- и -εσ- отглагольных имен. С ними засвидетельствованы однокоренные пары с разными огласовками (табл. 13).

Таблица 13

Полная огласовка	Редуцированная огласовка
στοῖχ-ος (m.)	στίχ-ος (m.)
πηγ-ός (m.)	πάγ-η (f.)
πένθ-ος (n.)	пáθ-ος < *πýθ- (n.)

Ниже приводится материал.

Суффикс -φι-

Полная ступень огласовки: ἀλέα < *ἀλέFa (Н+, ἀλέ (F)ω); ἀλοιφή (Н+, ἀλείρω); ἀμοιβή (Н+), ἀμοιβός (Н+, ἀμείβω); αἰοδή (Н+), αἰδός (Н+, α (F)είδω); ἀρωχή (Н+), ἀρωγός (Н, ἀρήγω); ἐνίπη (Н+, ἐνίπτω); θήκη³⁸ (Нer+, τίθημι); ἡχή (Н+, (F)αχέω); κύφος (Н+, κύπτω); λήθη (Нer+, λανθάνω); λοιπή (Aesch+, λείβω); λοιπός (Нer+, λείπω); ὄγκος (Нer+, ср. перф. ἐνεγκα); πηγός (Н, παγνυμι); πληγή (Aesch+, πλάγνυμι); πλόος (Н+, πλέ (F)ω); πνότη (Н+, πνέ (F)ω); πτωχός (Н+, πτώσσω); ῥιπή (Н+, ῥίπτω); ῥοή (Н+, ῥέ (F)ω); ῥόος (Н+, ῥέ (F)ω); *ῥόος (Arst, ῥέ (F)ω); ἑτοιμὴ (Arph, στείβω); στοῖχος (Нer+, στείχω); στῦφος (Arst, στῦρω); φθόη (Plat+, φθίω); φρίκη (Soph+, φρίσσω); χοή (Н+, χόος (Нer+, χέ (F)ω); ψυχή (Н+, ψύχω); πορδή (Arph, πέρομαι); ἀμολγός (Н+, ἀμέλγω); δρόμος (Н+, аор. δραμεῖν); θοός (Н+, θέ (F)ω); молπή (Н+, μέλπω); μομφή (Pind+, μέμφομαι); ὀλκή (Aesch+), ὀλκός (Нer+, ἐλκύω); πομπή (Н+),

³⁸ В этой форме -к- — рефлекс морфемы (Н).

πομπός (H+, πέμπω); σπονδή (H+, σπένδω); στροφή (Eur+, στρέφω); φθογή (H+, φθέγγω); φορβή (H+, φέρβω); τρόμος (H+, τρέμω); τροπή (H, τρέπω); τρόπος (Aesch+,), τροπός (H+) (τρέπω); τρόφος (H+, τρέφω); τροχός (Sopht+), τρόχος (H+, τρέχω).

Редуцированная ступень огласовки: βῖα (H+), βίος (H+, *βίομαι); δίκη (H+, δείκνυμι); λαβή (Aesch+, λαμβάνω); λαχή (Aesch, λαγχάνω); λύα (Pind, λύω); μάνη (Agrh, μέμνη); πάγη (Aesch+), πάγος (Sopht+) (πάγνυμι); πάθη (Pind+, πάσχω, ср. πένθος); στίβος (HH+, στείβω); στίχος (Agrh+, στείχω); τριβή (Aesch+, τρίβω); τριβος (HH+, τρίβω); τύκος (Her+, τεύχω); τύχη (Pind+, τυγχάνω, ср. фут. τεύξω); φυγή (Aesch+, φεύγω); φύη (H+, φύω); ἀλκή (H+, ἀλέκω).

Суффикс -εο- (среднего рода)

Полная ступень огласовки: δέος < *δFέος (H+, δίεμαι); εἶδος (H+, (ε)Fείδομαι); ἔλεγχος (H+, ἐλέγχω); ἔλκος (H+, ἐλκύω); εὖχος (H+, εὐχομαι); ζεύγος (H+, ζεύγνυμι); ἥδος (H+, ἀνδάνω); κεύθος (H+, кеύθω); κῆδος (H+, κήδομαι); κλέος < *κλέFος (H+, κλείω); кῦδος (H+, кῦδάνω); μῆδος (H+, μήδομαι); νεῖκος (H+, νεικέω); πένθος (H+, πάσχω); πνῖγος (Thust+, πνίγω); ρέος (Aesch+, ρέ(F)ω); ρῖγος (H+, ριγέω); τεῦχος (H+, τεύχω); τρέφος (Sopht, τρέφω); τρῦχος (Sopht+, τρῦχω); ψευδος (H+, ψεύδω); ψῦχος (H+, ψύχω).

Редуцированная ступень огласовки: μάθος (Aesch+, μανθάνω, ср. μοῦσα < *μόνθια); πάγος (Arst+, πάγνυμι); πάθος (Her+, πάσχω, ср. πένθος); τάφος (H+, ср. τέθῃα); θάλος (H+, θάλλω, ср. τέθῃα); θύος (H+, θύω, ср. τέθῃα); κύος (Arst+, κύω); δάκος (Pind+, δάκνω, ср. δέδαχα); кνύος (Hes, кνύω); λίβος (Aesch, λείβω).

Так же неопределен выбор огласовки у производных с суф. -τας, -трῃ-, -τῃ-, -θῃ-, -τῃ- (существительных):

Полная ступень огласовки

Μορτή (μείρω); ρέιτης < *ρεFέ-тās (H+), ρέεθρον (H) (ρέ(F)ω); κρᾱγέτας (Pind, κρᾱῖω); ἐργάτης (Xen, (F)έρδω); ἀήτης, ἀήτη (H+, ᾄ(F)ημι); ἀορτή (Arst+, ᾄ(F)είρω); κοντός (H+), κέντρον (H+); κολή (H+), κοῖτος (H+, кеῖμαι); [φόρτος (H+)], φέρτρον (H+, φέρω); αἰλείτης (H); δέρτρον (H+, δέρω); βελέτης (H, βάλλω).

Редуцированная ступень огласовки

Χυτός (H+), χύτρᾱ (Agrh+, χέ(F)ω); ἀλκέτας (H+, ἀλέκω); δύτης (Her, δύω); κτίτης (Eur, κτιμένος); πότης (Agrh), πότος (Plat+, πέπωκα); θέτης (Her+, τίτημι); δότης (H+, δίδωμι); τίτας (Aesch, τίνυμαι); λύτρον (Pind+, λύω); βίотος (H+), βιοτή (H+, βιόω); δάκετόν (Sopht+, δάκνω); νιφетός (H+, νίφω); δετή (H+, διδῃμι); ἱκέτας (H+, ἱκω); λύθρον (H), λύθρος (H+) 'грязь, нечистоты'.

Колебания между огласовками

Βότης (H) при су-βώτης (H) (βόσκω); βάτης (H+) при (ἐμ-πυρι)-βή-της (H+, βίβῃμι).

В следующих случаях полная огласовка мотивирована позицией: πλεκτή (Aesch, πλέκω); σκηπτός (Aesch+, σκάπτω); εὖστρα (Agrh, εὔω); ζώοτρον (H+, ζώννυμι); θέλκτον (Sopht, θέλγω); θρέπτρον (H, τρέφω); πληκτρον (Her+, πλάσσω); σεῖοτρον (Arst+, σεῖω); σκῆπτρον (H+, σκάπτω); ψήκτρα (Sopht+, ψήχω); εἰρκτή < *εFεργ-тᾱ (Her+, εἰργνυμι); κοῖτος (H+), κολή (H+, кеῖμαι).

При анализе приведенных выше образований на -ῃ- и -ος (-εο-) оказывается, что редуцированная ступень огласовки бывает в производных от корней двух видов: CV̄ и CVCV.

Корни CV̄: λύα, φυή, θύος (n), κύος (n), кνύος (n).

Корни CVCV: βῖα, βίος (ср. βίομαι), δίκη (ср. δέικετος), μάνη (ср. корневой аор. ἐμᾶνην), δάκος (ср. δάκετον), στίβος (ср. перф. ἐστίβημαι), τύχη (ср. ἐτύχησα), ἀλκή (ср. ἀλκέτης при ἀλέκω), θάλος (ср. θαλέθω). δάκετον).

Среди производных на -τας, -трῃ-, -τῃ-, -θῃ-, -τῃ- (существительные), имеющих редуцированную огласовку корня, также большинство образованы от корней вида CVCV и CV̄. Имеется лишь два исключения — χυτός, χύτρᾱ (от χέω, корень <χEF>³⁹) и τίτας (от τίνυμαι, ср. ποιμή). ποιμή).

Корни CV̄: δύτης, πότης, λύτρον, δετή, λύθρον, λύθρος, βάτης, βάθρον, βότης.

Корни CVCV: ἀλκέτας (ср. ἀλέκω), βίотος, βιοτή; δάκετόν, νιφетός, ἱκέτας.

Разумеется, есть много производных от корней CV̄ и CVCV, имеющих в рассматриваемых образованиях полную огласовку (см. материал). Важно то, что редуцированная огласовка не встречается в производных от корней вида CVC (см. материал выше).

Редуцированная ступень огласовки sporadически возникает у корней CVCV и в других образованиях, где регулярно появляется полная ступень, причем появляется она в образованиях с суффиксами I кл. Заметим, что и все анализируемые в разделе суффиксы принадлежат к I кл.: (1) βιόω, βίотος, βιοτή, βιόμαι (ср. βέομαι); (2) γαμέω, γαμέτας, γαμέτις, γαμετή, γάμος (ср. производные с суффиксами II кл. ἐγάμησα, γεγάμηκα и др.: они произведены от корня вида <γᾱме> или <γᾱ̄ме>). Если бы корень имел вид <γᾱме~γᾱ̄ме>, производные с суффиксами II кл. имели бы вид *ἔγμησα, *γέγμηκα и т.п.); (3) δίεμαι, δи́ω (ср. δέος, ἐδδεια); (4) δέ(F)ω 'не иметь' (корень <δEF>: ср. δέημα — ἐδέησα и под.; относительно долготы гласного ср. №2); (5) (ε)θέλω (ср. θελήτος); (6) θαλέθω, θαλος (ср. τέθηλα); (7) καπύω (ср. κέκηρα); (8) κλέ(F)ος (ср. κλειτός < *κλεFетός; корень вида <κλέFе> — вид

³⁹ Знак "E" обозначает, что нет данных, позволяющих установить, присутствует ли в данном корне морфонема (ε) или (ᾱ).

Таблица 14

	"Нерегулярная" редуцированная огласовка при суффиксах II кл.	Образования с суффиксами II кл.
(1)	πίστις, πιστός	πιθανός
(2)	φύξις, φυκτός	-φύγετον
(3)	πακτός	πάγη, πάχος
(4)	-(F)ιστός	-ειδέτης

(κλῆFe) реализовался бы как *κλῆε-τός); (9) κορέννυμι, ἐκορέσθην: образования с "расширителем" -σ- (ср. κεκόρημαι, κορέσκω и др. от корня (κορε)); (10) κρέμαμαι, κρεμάω, κρεμασ- (ср. κρήνημι); (11) μελέω, μελέτη (ср. με- μέληκα, μέλημα, ср. еще нерегулярное μέμβλεται, как бы приведенное от корня с краткостью (μελε), и перф. μέμηλα); (12) ἔμαι с заместительной долготой < *σFῆμαι (ср. ἔεισα, οἶμος); (13) στίβω (ср. στοβή, ἐστίβημαι); (14) στέρομαι, στερέω, σтереσ- (ср. στέρησις, ἐστέρηκα от корня (στέρε); ср. στρώσις, ἑστρωμαι от (σторе)).

Таким образом, можно утверждать, что редуцированная огласовка в корнях CVCV спорадически появляется в образованиях с суффиксами I кл. в тех позициях, где нормально ожидается полная огласовка, причем, видимо, только в тех случаях, когда ауслатный согласный корня находится перед гласным. Корни CVC в таких образованиях всегда имеют полную огласовку.

Итак, мы вправе говорить, что такие, например, производные, как φυγή (от φεύγω), πάθη, πάθος (от πάσχω при параллельном πένθος), στίχος, στίχων (при στείχω), и им подобные, образованы от корней вида CVCV, хотя не имеется прямых указаний на такую их структуру (другие производные одинаково могут быть образованы как от корней CVCV, так и CVC).

На с. 171 были приведены исключения особого типа: это πίστις; πιστός; φύξις, φυκτός; πακτός (*πακτός), сюда же надо присоединить ἄ-(F)ιστός от ἐείδομαι. Это образования с суффиксами II кл., в которых в данном случае огласовка должна быть полной. На с. 171 указывалось, что формы эти архаичные и вряд ли могут быть объяснены позднейшим аналогическим выравниванием. После того как нами было установлено, что производные с редуцированной огласовкой с суффиксами I кл. возможны только от корней CVCV (также CṼ, но они здесь явно не присутствуют), можно высказать гипотезу, что и формы типа πιστός, πίστις образованы только от корней CVCV, ср. табл. 14.

Исходя из этого, можно считать, что "нерегулярная" редуцированная огласовка в образованиях с суф. -σι-, -τφ- II кл. появляется только у корней CVCV. Корни CVC "нерегулярной" редуцированной огласовки в таких позициях никогда не имеют. Полностью читатель может убедиться в этом, изучив список корней и производных, приводимый во 2-й части настоящей статьи.

4. СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ КОММЕНТАРИЙ К НЕКОТОРЫМ ГРЕЧЕСКИМ МОРФОЛОГИЧЕСКИМ ЯВЛЕНИЯМ

Балто-славянские акцентные парадигмы и греческие корни CVCV двух классов

В недавно опубликованной работе "Парадигматические классы индоевропейских глаголов", написанной автором совместно с С.А. Старостиным⁴⁰, была сделана попытка показать, что двум морфологическим классам греческих глагольных корней вида CVCV соответствуют два класса глаголов в других индоевропейских языках. В частности, корни CVCV 1-го греческого класса регулярно соответствуют глаголам балто-славянской неподвижной акцентной парадигмы (АП), а корни 2-го класса – балто-славянским глаголам подвижной АП⁴¹. Благодаря тому, что при подготовке настоящей статьи удалось уточнить морфонологический вид большего, чем раньше, числа греческих корней, список глаголов, объединяемых регулярными морфонологическими характеристиками, можно расширить и уточнить. Ниже приводятся имеющиеся греко-балто-славянские параллели.

Греческие корни CVCV 1-го класса – балто-славянские глаголы неподвижной акцентной парадигмы

(1) (ἐ)ϝειδε- (1 кл.) 'видеть; знать': образования с суф. II кл. ἑισάμην, -ιστος. ~ Слав. *vidjo, viditi, неподвижная а-парадигма, напр., рус. вижу, видит, серб. видети, видѣти и т.д.

Несмотря на то, что в слав. представлена вторичная основа на -i/-ě- (так оформлялись старые атематические глаголы, ср. лит. атем. vėizdmi), "старый акут" в корне этого глагола дает основание предполагать балто-славянскую неподвижную АП.

(2) (ἐ)Fερν- (1 кл.) 'защищать, охранять': образования с суф. II кл. ἔρυσμα, перф. εἴρυσμαι. ~ Лит. vėr̃ti 'открывать; закрывать'. На б.-слав. неподвижность акцента указывает плавная интонация.

(3) σεδε- (1 кл.) 'сидеть', образования с суф. II кл.: ἐστωρ, ἔσμα, εἶσμος, ἔδρα, εἶσα, εἶστο, ἔζω. ~ Слав. *sędъ (неподвижная а-парадигма, см. Дыбо СА, с. 206). Несмотря на носовой инфикс, сопоставление с АП слав. глагола вполне корректно, так как имеется слав. *grędъ также с инфиксом (ср. лат. gradior), но подвижной АП. На неподвижный тип б.-слав. глагола указывает, видимо, и насуффиксальное ударение в лит. каузативе sėdinti⁴².

(4) κλῆFe- (1 кл.) 'слыть, слышать': образования с суф. II кл. – аор. ἐκλευσα, κλειτός < *κλεFετός⁴³. ~ Слав. *slъvъ, slъlъ (подвижная АП, см.

⁴⁰ В дальнейшем Николаев–Старостин 1982. См. еще: Николаев С.Л. Два класса глагольных корней вида CVC(C)V в древнегреческом. – Конференция "Проблемы реконструкции" (тезисы докладов). М., 1978, с. 113.

⁴¹ См. об акцентном аспекте противопоставления двух и.е. глагольных классов: Николаев–Старостин, 1982, с. 338–339.

⁴² Николаев–Старостин 1982, с. 317–318.

⁴³ См. Pokorny, Bd. I, где приводится такая же интерпретация формы κλειτός.

Дыбо СА, с. 204), однако неподвижный каузатив *sláviti* (там же, с. 260). Не исключено, что **slōvq*, судя по неподвижному каузативу, перешел в подвижную АП по морфонологической аналогии: в соответствующем неподвижном типе не реконструируются глаголы с таким типом огласовки презенса (все они оформлены суф. *-je-*, см. таблицу в Дыбо СА, с. 204)⁴⁴. Долгота в каузативе **sláviti* может быть поставлена в связь с долготой в греческом корне (при кратком *-ε-* ожидалось бы отглагольное прилагательное **κλύετος*).

(5) *τερπλ-* (1 кл.) 'радовать': образования с суф. II кл.: *ἐταρπόμην, τέρψις, ἐτέρφθη/ἐτάρφθη*. ~ Лит. каузатив *tirpinti*: на исконно неподвижную АП корня вроде бы указывает насуффиксальное ударение в этой форме. Парадигматически глагол *tīrpti, tīrpta* также принадлежит 1-му (неподвижному) классу.

(6) *τευκλ-/τευχλ-* (1 кл.) 'строить, создавать': образования с суф. II кл. *τυκτός, ἐτυχην/ἐτεύχθη, τέτευχα, ἔτευξα, τεύγμα, τιτύσκω*. ~ Слав. **tkǫ, *tkála, *tkǫti* (неподвижная АП, рус. (вариант нормы) *тку, тка́ла* – ср. *брала́, дра́ла* от подвижных глаголов⁴⁵).

(7) *тере-* (1 кл.) 'сверлить': образование с суф. I кл. *τόρμος*. Этот греческий корень следует отличать от схожих *τόρε-* (2 кл.) 'пробивать, вырезать (из тростника)' и *тере-* (также 2 кл.) 'ранить, повреждать, изнурять'. ~ Слав. **trǫ, *trǫla* (неподвижная парадигма: Дыбо СА, с. 203),

(8) *Нλᾱγγλ-* (1 кл.) 'брать, хватать': образования с суф. II кл. *ἔλ(λ)-αβον, λῆψις, ληπτός, ἐλήφθη, ἐίληφα, λῆμμα*. ~ Лит. кауз. *slōginti* 'давить, гнести' с несуффиксальным ударением, что, видимо, указывает на неподвижный акцентный тип производящего глагола (корня).

Нерегулярным случаем является следующий: *πευθλ-* (I кл.) 'расспрашивать, разузнавать': образования с суф. II кл. *ἐπυθόμην, πύθεις*⁴⁶. Слав. **blijǫdǫ* (подвижная АП, Дыбо СА, с. 208), кауз. **būdǫ, būditi* (также подв. АП: Дыбо СА, с. 260). Слав. неподвижный **bǫdnǫ*, от которого образован подвижный каузатив, акцентологически неинформативен, так как инхотативный суф. *-nǫ/-ne-* относится к "ортотоническим" и все образования с ним имеют неподвижную АП (Дыбо СА, с. 259).

Греческие корни CVCV 2-го класса – балто-славянские глаголы подвижной акцентной парадигмы

(1) **āro-* (2 кл.) 'пахать': образование с суф. II кл. *ἄρωμα* ~ Слав. **orǫ, orǫti* (подвижная АП: Дыбо СА, с. 204). ~ Лит. *art*, где прерывистая интонация – рефлекс подвижности.

(2) *ἐφέλ-* (2 кл.) 'окутывать; вращать': образования с суф. II класса: *ἐίλυμα, ἐίλυμα, ἱλλω < FίFίλω*. ~ Лит. *vēlti* 'валить (сукно, войлок); катить', где прерывистая интонация – отражение б.-слав. подвижности.

(3) *βεῖφο-* (2 кл.) 'жить': образования с суф. II кл. *ἐβιωσάμην, ἐβίω, βιωτός, βιώσκομαι*. ~ Слав. **živǫ, žila* (подвижная АП: Дыбо СА, с. 204), кауз. **gojiti* (также подвижная АП, см. Дыбо СА, с. 260).

(4) *βερο-/ε-* (2 кл.) 'пожирать': образования с суф. II кл. *βρώσις, βέβρωκα, βέβρωμα, βρώμα, ἐβρων, βιβρώσκω*. ~ Слав. **žbrǫ, *žbrēti, *žbrǫ, *žbrēti, *žbrala*. Подвижная АП: Дыбо СА, с. 204). ~ Лит. *dzėrti* 'пить'.

(5) *πελα-* (2 кл.) 'двигаться; быть около; приближаться': образования с суф. II кл. *ἐπλήμην, ἐπλήθη, πλάτος*. ~ Лит. *celti* 'поднимать' (ср. значение лит. *kelti* 'поднимать, за-/открывать, перемещать').

(6) *οτορε-* (2 кл.) 'стлать': образования с суф. II кл. *ἐοτρωμα, οτρώμα, οτρωτός*. ~ Слав. **stǫrǫ, *stǫrēti* (подвижная АП: Дыбо СА, с. 203).

(7) *φερε-* (2 кл.) 'говорить': образования с суф. II кл. *ῥήκομαι, ῥήσις, ῥήτος, ῥήτωρ, εἰρημα, ἐρρήθη*. ~ Слав. **vǫrǫ, *vǫrēti, *vǫrala* (подвижная АП, ср. рус. *врѹ, врала*⁴⁷).

(8) *τεμε-* (2 кл.) 'резать, рубить, рассекать': образования с суф. II кл. *ἐταμον (ἔτεμον), τμήμα, ἐτμήθη, τμήσις, τμητός, τέτμηκα, τέτμημα, τμήδην*. Нерегулярно оформление инф. *τέμνω*. ~ Слав. **tǫnǫ, *tonēti*⁴⁸ (подвижная АП, см. Дыбо СА, с. 203, 235).

Отражение двух классов корней CVCV в древнеиндийской морфонологии

Одной из важнейших проблем в реконструкции греко-арийской (и индоевропейской) морфонологии остается объяснение генезиса греческих "метатезированных" алломорфов корней CVCV. Термин "метатеза" для тех модификаций корней CVCV, которые записаны здесь справа от черты: *οτορε/οτρω, πελε/πλᾱ* (и под.), был введен И. Шмидтом⁴⁹.

Попытка установить генезис греческих "метатезированных" форм принадлежит также Ф. де Соссюру. Он предполагал, что, образуясь только от корней *-udatta* (-sēt, CVCV), "метатезированные" формы связаны преимущественно со слабой ступенью аблаута корня и, таким образом, генетически тождественны алломорфам типа *stir-, pur- ja-* др.-индр. корней *-set*, являясь рефлексам "долгих слоговых сонантов" в любой трактовке по-

⁴⁴ Ср. также **pláviti* (неподв. АП) при **plōvq* (подв. АП). Как **slōvq*, так и **plōvq* имеют нерегулярную подвижность и с точки зрения внешнего сравнения не только в свете греческих фактов: Николаев – Старостин 1982, с. 331.

⁴⁵ С неподвижной парадигмой глагола **tkǫ* связана также и нулевая ступень аблаута в презенсе. См. об этом: Дыбо В.А. Праславянское распределение акцентных типов в презенсе тематических глаголов с корнями на нешумные (материалы к реконструкции). – В кн.: Балто-славянские исследования 1981. М., 1982, с. 247.

⁴⁶ На и.-с. 1-й морфонологический класс указывают также др.-инд. данные, хотя и имеется противоречащий такому отнесению презенс *bōdhati*. См: Николаев – Старостин 1982, с. 326.

⁴⁷ Ср. Дыбо В.А. Праславянское распределение..., с. 245.

⁴⁸ Николаев – Старостин 1982, с. 324.

⁴⁹ Разумеется, с современными позиций термин "метатеза" представляется неудачным. Мы имеем в данном случае не перенос в ауслаут срединного гласного или его количества, а ослабление срединного гласного вплоть до выпадения и удлинение ауслаутного гласного (см. список "метатез". В 1-й части настоящей статьи, Николаев 1983.

Таблица 15

Образования с кратким *-i-*

Nº	-man	-tr	-tu и под.	Корень (в нотации Уитни)
1		avit _g (V)	ávitavē (V)	av
2		açit _g (AV)		aç
3		idit _g (AV)		id
4		arit _g (RV)		r
5		khanit _g (RV)		khan, khā
6			čaritavē (V)	car
7		čōdit _r (RV)		cud
8	janiman (V)	janit _g (V)	janitōs (V)	jan, jā
9		jarit _g (V)		jr
10		damit _g (RV)		dam
11		dravit _g (RV)		dru
12		panit _g (RV)		pan
13		mānthit _g (AV)		manth, math
14		marḍit _g (V)		mrḍ
15			yāmitavāi (RV)	yam
16		vānit _g (RV)		van, vā
17		vēdit _g (V)		vid
18		-vartit _g (V)		vrt
19		ṣamit _g (V)		ṣam, ṣim
20		ṣnāthit _g (RV)		ṣnath
21		sanit _g (V)	sānitva- (RV)	san, sā
22		svārit _g (RV)		svar

следних⁵⁰. Однако Соссюр не привлекал к сравнению другие метатезы — например, такие, которые образованы от корней вида βειFω-, σρεFe- (βειFω-, σρεFη-) и от корней на шумный (πετα/πτᾱ, τευχε/τυχη). Такие "метатезы" явно не могут быть рефлексами "долгих сонантов".

Сейчас мы можем определенно сказать, что корни, имеющие в греческом "метатезированные" алломорфы, действительно образуются только от корней вида CVCV (-корни- sēṭ, udātta), но лишь от одной их разновидности — корней 2-го класса, причем лишь при одном (II) классе суффиксов⁵¹. "Метатезированные" алломорфы встречаются не только в по-

⁵⁰ Мемуар, с. 546–547.

⁵¹ См. ч. 1 настоящей статьи: Николаев 1983, с. 75–85.

Таблица 16

Образования с долгим *-ī-*

Nº	-man	-tr	-tu и под.	Корень (в нотации Уитни)
1		grā(b)hīt _g (AV)		grabh, grah
2		-tarīt _g (V)	-tarītu (V)	tr, tīr, tur
3	dārīma (RV)			dr
4	dhārīman (RV)		-dharītu (RV)	dhr
5		pavīt _g (RV)		pū
6	pārīman (RV)			pr, prn, pūr
7			bhavītu (RV)	bhu
8	bhārīman (RV)			bhr
9		-marīt _g (RV)		mr, mrm
10	vārīman (V)	varūt _g (V)		vr
11			ṣarītōs	ṣr
12	sāvīman	-savīt _g (RV)		sū, su
13	sārīman (RV)			sr
14	stārīman (RV)		-starītavē (AV)	str
15	hāvīman (RV)		-havītu (RV), hāvītavē (RV)	hū, hvā

зициях, мотивирующих редуцированную (слабую) ступень аблаута корня, но и во многих суффиксальных образованиях, где регулярна греческая (и греко-арийская) полная огласовка корня.

Такими образованиями являются, например, формы на *-m(e)n (греч. -μα, др.-инд. -ma): греч. βλήμα, πτώμα, σχήμα, στροφμα (др.-инд. stārīma), ср. полную огласовку в δέρμα, σπέρμα, πείσμα, γέννα (др.-инд. janīma); ср. др.-инд. формы с регулярной полной огласовкой: brāhma, hōma, dāma и под. Также полную ступень огласовки мотивируют греч. -τωρ⁵², др.-инд. -tār (и-е. *-t(e/o)r): греч. ρύτωρ, κλήτωρ, ῥήτωρ (*Fρήτωρ) как δώτωρ (ср. др.-инд. dātār), βωτωρ, γενέτωρ (ср. др.-инд. janītār); ср. др.-инд. формы с полной огласовкой: cētār, hōtār, dhātār и под.⁵³

В др.-инд. образованиях на -ma (ср. p.), -tār, а также -tu- и его падежных производных (-tavē, -tōs и под.), требующих полную огласовку корня, корни -sēṭ- распадаются на две интересные морфонологические группы. Одни корни имеют, как рефлекс *-ā долгое *-ī-*, другие же имеют на этом месте краткое *-i-*. Материал (формы рассматриваются только ведийские) приведен в табл. 15 и 16. Оказывается, что формы с долгим *-ī-* образованы

⁵² В греческом имеется два суффикса, восходящих к и-е. -ter/-tor- — безударный -τωρ, огласовка корня при котором полная, и ударный -τήρ, который мотивирует редуцированную огласовку корня. Др.-инд. суф. -tār (-tr-, -tar-), могущий быть как ударным, так и безударным, регулярно мотивирует полную огласовку корня. Редуцированная огласовка корня при греч. -τήρ, видимо, вторична: она введена по аналогии с -τ- и другими ударными суффиксами 1/2 группы (см. ч. 3 настоящей статьи). Относительно разноместного ударения в греко-арийских образованиях на -t(e/o)r- см. еще: Benveniste E. Noms d'agent et noms d'action en indo-européen. Paris, 1941.

⁵³ Др.-инд. материал здесь и далее приводится по Whitney 1885.

от др.-инд. корней 2-го класса, исторически и материально соответствующих корням 2-го класса в древнегреческом. С другой стороны, глаголы, имеющие в указанных выше образованиях краткое *-i-*, принадлежат к др.-инд. 1-му классу, соответствующему глаголам греч. 1-го класса. Ниже приводится материал. Классы др.-инд. глаголов определяются по процедуре, предложенной С.А. Старостиным⁵⁴. Об определении классов греческих глаголов см. 1 и 2 ч. настоящей статьи⁵⁵.

Корни 1-го класса⁵⁶

(1) *īdītār* (AV) от *īttē* 'хвалить'. На 1-й кл. указывает през. I кл. *īttē*, *īdate*, *īdisva* ~ Греч. *αἰνέω* < *αἰδ-νέ-ω* (ср. *αἰδέω*), являющееся субститутом *āvēm, образованного от корня I кл. (см. ниже).

(2) *arītār* (RV) от *ṛñōti* 'идти, посылать'. На 1-й кл. указывают корневой и тематический аор. *ārta*, *ārat* ~ Греч. *ῥρε-* (1 кл.): образования с суф. II кл. *ῥρωρα*, *ῥρωτο*, *ῥρωτα*, *ῥρωα*. Структура CVCV по прет. инф. *ῥρέοντο* (H).

(3) *janīma* (V), *janītār* (V), *janītoṣ* (V) от *janati* 'рождать'. На 1-й кл. указывает корневой аор. *ajan* (Sutr.). Как производное от корня 1-го кл. акцентуировано "nomen passivum" *jāna-* 'человека, народ' ('рожденный')⁵⁷. Видимо, вторичны акт. сигм. аор. *ajāniṣta*, *jāniṣtām*. ~ Греч. *γενε-* (1 кл.): образования с суф. II кл. *γενέτωρ* (ср. др.-инд. *janītār*), *γενετήρ*, *γενεοῖς*, *γεννα* (др.-инд. *jānima*).

(4) *panītār* (RV) от *pananta* 'восхищать'. На 1-й кл. указывает мед. сигм. аор. *panīṣta* (3 ед.).

(5) *mardītār* (V) от *mṛdāti* 'быть милостивым'. На 1-й кл. указывает през. VI кл. *mṛdāti*.

(6) *yāmitavāi* (RV) от *yācḥati* 'достигать'. На 1-й кл. указывает през. *yācḥati* и аор. *yaṁsat*, *yāmiṣṭa*.

(7) *vanītār* (RV) от *vanōti* 'стремиться'. На 1-й кл. указывает корневой аор. *-vanta*, мед. сигм. аор. *vaṁsatē*, *vaniṣat*.

(8) *vēdītār* (V) от *vēti* 'знать'. На 1-й кл. указывает през. II кл. *vēti*, VI кл. *vidāti*, а также акцентуация "nomen passivum" *vēda-* (RV) 'священное знание, веда' ('результат знания, узнавания'). Также вид образований от корня 1-го кл. имеют формы, образованные от омонимичного корня *vid-* значением 'находить', восходящего, как и *vid-* 'знать', к единому и.-е. корню 'видеть, знать': през. VI кл. *vindāti*, II кл. *vittē*, атематический аор. *vēdi*, тематический аор. *āvidat*. ~ Греч. (ἐ)ϕεῖδε- (1 кл.) 'видеть; знать': образования с суф. I кл. *ἐπισώμνι*, *-ιστος*, *οἶδα* ~ Слав. *vidj, *vidēti* (неподвижная АП, см. с. 167 настоящей статьи). ~ Лат. *vidi*: удлинительные перфекты образуются только от и.-е. корней 1-го кл., см.: Николаев—Старостин 1982, с. 299—301.

⁵⁴ Николаев—Старостин 1982, с. 262—290.

⁵⁵ Николаев 1983.

⁵⁶ Здесь и далее без помет могут приводиться ведийские формы. Неведийские формы отмечаются особо.

⁵⁷ Открытие акцентного противопоставления др.-инд. nomina activa и nomina passiva и корреляции их акцентных типов с глагольными парадигматическими классами принадлежит С.А. Старостину. Подробнее см.: Николаев—Старостин 1982, с. 283—290 (ниже значение этих др.-инд. производных приводится по указанной статье).

(9) *-vartitār* (V) от *vartti* 'поворачивать'. На 1-й кл. указывают през. III кл. *vavartti*, II кл. *vartti* (при вторичном *vārtatē* I кл.), атематический аор. *avart*, тематический аор. *avṛtat*, мед. форма сигмат. аор. *avṛtsata*. ~ Лат. *vertō*, *verti*: корневой аорист образуется только от корней и.-е. 1-го кл.

(10) *ṣamītār* (V) от *ṣamant* 'трудиться до усталости'. На 1-й кл. указывает тематич. аор. *aṣamat* (Brahm.), мед. сигм. аор. *aṣamiṣṭhās* (RV)⁵⁸. ~ Греч. инфект *κάμνω* показывает, что корень *καμ-* относится к 1-му кл. (см. ниже). Единственное производное, указывающее на 2-й кл. — перф. *κέκμηκα* — является вторичным.

(11) *ṣnāthitār* (RV) от *ṣnathihi* 'протыкать'. На 1-й кл. указывает през. II кл. *ṣnathihi*, *ṣnathat*.

(12) *sanītār* (V), *sanitvā* (RV) от *sanōti* 'добывать'. На 1-й кл. указывает тематический аор. *asanam*, мед. сигм. аор. *saniṣanta* (вторичны формы *asāniṣam*, *saniṣat*).

(13) *ṛarītār* (V) от *gurātē*, *gṛṇāti* 'петь; приветствовать'. На 1-й кл. указывает аор. *gūrta*. Вопреки Николаев—Старостин 1982, с. 279, 331, презенс *gṛṇāti* регулярен (см. ниже, с. 198). ~ Слав. **zbr(j)ǫ*, *zbrti* (неподвижная АП: Дыбо СА, с. 203). ~ Лтш. *dziŕti*: шлавная интонация отражает б.-слав. неподвижную АП.

Корни 2-го класса

1) *grābhītār* (AV), *grāhītār* (AV) от *grbhñāti* 'хватать'. "Др.-инд. парадигма *grbhñāti*, аор. *agrbham*, *agrbhram* указывает на 1-й кл. Однако в др.-инд. имеется две пары производных имен: 1) *grāhā-* 'хватание; хищный зверь'; *grāha-* 'то, что можно погрузить в сосуд'; 2) *grābha-* 'столько, сколько можно схватить'; *grābhā-* 'захват, хватание силой'. Судя по акцентуации и семантике производных, производящий глагол для первой пары должен был относиться к 1-му кл., а производящий глагол для второй пары — ко 2-му кл. Весьма вероятно, таким образом, предположение о наличии двух исходных корней, противопоставленных фонетически (и, возможно, семантически), сконтаминировавшихся в одной глагольной парадигме в др.-инд., но продолжающих различаться в производных"⁵⁹. Оба др.-инд. производных на *-tār*, судя по долготе *-ī-*, формально образованы от корней 2-го кл., причем, видимо, вторична долгота *-ī-* в производном от корня с *-h-*. ~ Слав. *grēbq (подвижная АП), аор. **grēs*⁶⁰.

2) *-tarītār* (V), *-tarītu-* (V) от *tārati* 'переправляться'. На 2-й кл. указывают акт. сигмат. аор. *-atarit*, *tariṣat*. Как производное от корня 2-го кл. акцентуировано "nomen activum" *tāra-* (RV) 'перевоз (через реку)'

3) *dārīma* (RV) от *dārṣi* 'рвать'. На 2 кл. указывает акт. сигмат. аор. *-darṣat* ~ Слав. *dērq, *dēralā, *dērq подвижной АП: Дыбо СА, с. 204.

4) *pavītār* (RV) от *punāti* 'чистить'. На 2 кл. указывает акт. сигмат. аор. *-apāviṣus*.

⁵⁸ Презенс *ṣamñiṣe* (Brahm.), как будет показано на с. 198, не является нерегулярным, вопреки Николаев—Старостин 1982, с. 279.

⁵⁹ Николаев—Старостин 1982, с. 336.

⁶⁰ Относительно соотносительности сигматического аориста с глаголами подвижной АП см.: Дыбо В.А. Ударение славянского глагола и формы старославянского аориста. — КСИС, 1961, вып. 30, с. 33—38.

5) *pāṛīma* (RV) от *pṛṇāti* 'наполнять'. ~ В греческом формально данный корень имеет вид (πλῆ-): это определяется по производному с суф. I кл. πλῆθω. Однако имеется образование от корня (πελε-): *πέλεδρον*. Образования с суффиксами II кл. *ἐπλην*, *πέπλημι*, *πέπλημαι* формально могут быть производными как от корня (πλῆ-) так и от (πελε-) 2-го кл. В др.-инд. также сосуществуют два варианта корня — "двусложный" (и.е. *pela-* < **pelH-*) в през. *pṛṇāti*, аор. *pūrḍhi* (ср. греч. πλῆθι), отглагольном прилагательном *pūrīta-*, и односложный *prā-* (и.е. **pleH-*) в през. *prāsi*, аор. *aprāt* (ср. греч. ἐπλη), отгл. прилаг. *prātā-* (греч. πλητός возводится как к **plHto-*, так и к **plHto-*). Корневой вариант ("основа-2") **pleH-* как в др.-инд., так и в греч. относятся ко 2-му кл.: Николаев—Старостин 1982, с. 334.

6) *bhāvīva-* (RV) от *bhāvati* 'быть'. Корень относится к др.-инд. 2-му кл.: корневой аор. *ābhūt*, тематический аор. *ābhuvat* (класс определяется по огласовке аориста: Николаев—Старостин 1982, с. 278). ~ Лтш. *būt* — прерывистая интонация отражает б.-слав. подвижную АП. ~ Слав. прич. *bŭlъ, *bŭlā* (подвижная АП). ~ Лат. *futūrus*: сокращение корневой долготы происходит у корней вида CV, родственных б.-слав. корням подвижной АП⁶¹. Как образованное от корня 2-го кл. в др.-инд. акцентуировано "nomen passivum" *bhāvā-* = (AV) 'бытие, становление' (эндоактивное, т.е. непереходное действие).

7) *bhārīma* (RV) от *bhārati* 'нести'. Др.-инд. 2 кл. определяется по акт. аор. *abhar*, *bharṣat*. Также на 2 кл. указывает окситонирование "nomen passivum" *bhārā-* (RV) 'ноша, тяжесть' ('то, что несут') и баритонированное "nomen activum" *bhāra-* (RV) 'захватывание, взятие добычи'. ~ Греч. *φέρε-* (2 кл.): образования с суф. II кл. *φέρημι*, аор. *ῥήναι* ~ Слав. *běrgъ, *bьralā (подвижная АП: Дыбо СА, с. 204).

8) *marītār* (RV) от *mṛīhi* 'разрушать'. ~ Гр. *μάρναμαι*: инфекты на *-ā-* образуются только от корней 2-го кл. (см. с. 198 настоящей статьи, а также Николаев—Старостин 1982, с. 325).

9) *vārīma* (V) [при параллельном *vārīma* (V)], *varūtār* (V)⁶². Формы аор. *āvar*, *avṛta*, а также краткость *-i* в *vārīma* типичны для 1-го кл. Однако активн. аор. *varṣathas* (RV) и долгота ауслатного корневого гласного в *vārīma*, *varūtār* говорят о 2-м кл. корня. ~ Слав. *věrgъ, *verti (подвижная АП: например, серб. *заврѣти*, *заврѣм* — ср. огласовку в подобном глаголе неподвижной АП *затрѣти*, *затрѣм*). Напротив, лтш. *vērt* с плавной интонацией восходит к глаголу с б.-слав. неподвижной АП. Видимо, в др.-инд. и б.-слав. смешались рефлексy двух и.е. корней различных классов. Это подтверждается греч. данными, где существует два корня: (ἐ)φέρυ- (1 кл.) 'охранять': образования с суф. II кл. *ἔρῃμα*, *ἔρῃμαι* (*FeFérru-mai) и (ἐ)φέρυ- (2 кл.) 'тащить': образования с суф. II кл. *ἐρρῃσάμην*, *ῥῃμα*, *ῥῃμα*, *ῥῃμός*, *ῥῃτήρ*, *ἔρρῃτο*, *ῥῃτός*.

10) *ṣarītōs* (RV), ср. еще *ṣarīta-* (RV), от *ṣṛṇāti* 'разрушать'. Сигмати-

ческий акт. аор. *āṣarīt* указывает на принадлежность корня ко 2-му кл. От корня 2-го кл. образовано и "nomen passivum" *ṣarā-* (RV) 'трубка, стебель тростника, стрела' ('нечто рас- или отщепленное').

11) *sāvīma* (V), *-savītār* (RV) [но *savītār* (V)] от *sātē* 'порождать; приводить в движение'. На 2-й кл. указывают активные формы сигмат. аор. *-āṣvīt*, *sāvīṣat*.

12) *sārīma* (RV) от *sīsarti* 'течь'. 2-й кл. устанавливается по акт. сигмат. аор. *-sārṣat*. См. еще Николаев—Старостин 1982, с. 277.

13) *stārīma* (RV), *-starītū-* (RV), *stārītavē* (AV) от *stṛṇāti* 'простирает'. На 2-й кл. корня указывает аор. *astarīs*. В парадигме этого др.-инд. глагола имеются другие производные, образованные от корня 1-го кл., восходящего к и.е. **stel-*: Николаев—Старостин 1982, с. 276. ~ Греч. *στορε-* (2 кл.): образования с суф. II кл. *ἐστρωσα*, *ἐστρωμα* (ср. др.-инд. *stārīma*), *ἐστρωσις* и т.д. ~ Слав. *stěrgъ (подвижная АП: Дыбо СА, с. 203).

14) *hāvīma* (RV), *hāvītu-* (RV), *hāvītavē* (RV) от *hāvati* 'звать'. Др.-инд. 2-й кл. определяется по огласовке аор. *-āhūmahī*, *āhvāt* (см. Николаев—Старостин 1982, с. 278). На 2-й кл. указывает также акцентуация "nomen activum" *hāvā-* (RV) 'зов, призыв'. ~ Слав. *zōvъ (подвижная парадигма)⁶³.

Неясен следующий случай: *mānthitar* (AV) от *mathnāti*, *māthati* (*mntHeti) 'помещивать'. Данные презенсы указывают на принадлежность корня к 1-му кл., что регулярно соответствует краткости *-i* в *mānthitār*. Однако на 2-й кл. указывает акцентуация "nomen passivum" *manthā-* (RV) 'напиток, полученный в результате помещивания'. ~ Слав. *mětiqъ (подвижная АП). Относительно возможной вторичной подвижности АП здесь см. Николаев—Старостин 1982, с. 322, 325, 328.

Все исключения из предложенного нами правила относятся к образованиям, имеющим краткое *-i*.

1) *avitār* (V), *āvitavē* (V) от *āvati* 'благоприятствовать'. Акт. сигмат. аор. *āvīt*, *aviṣat*; акцентуация "nomen activum" *āva-* (RV) 'милость, благосклонность' (к кому-л. — экзотивное действие) однозначно указывают на принадлежность корня ко 2-му кл.

2) *damītār* (RV) от *dāmyati* 'управлять'. На 2-й кл. указывает "nomen passivum" *damā-* (Brahm.) 'самообладание, самоукротение' (эндоактивное, следовательно, непереходное действие). ~ Греч. *δαμα-* (2 кл.): производные с суф. II кл. *δέδμημαι*, *δμητήρ*, *δμητήρ*, *ἐδμήθημι*, *δμησις*, а также *δαμνάμι* (инфекты на *-ā-* образуются только от корней 2 кл.).

3) *khanitār* (V) от *khānati* 'копать'. О 2-м кл. корня говорит акцентуация "nomen passivum" *khanā-* (AV) 'яма'.

4) *ṣarītavē* (V) от *ṣarati* 'двигаться'. На 2 кл. указывает акт. сигмат. аор. *āṣarīt* ~ Греч. *πελα-* (2 кл.). ~ Лтш. *celti* 'поднимать'.

5) *ṣōditār* (RV) от *ṣōdati* 'приводить в движение'. На 2 кл. указывает как през. I кл. *ṣādati*, так и баритонеза "nomen activum" *ṣōda-* (RV) 'орудие погонщика, кнут'.

Один из источников появления нерегулярного краткого *-i* в данных образованиях от корней 2-го кл. — результат аналогического выравнивания: на 15 корней, имеющих образования с *-i*, приходится 26 с *-i* (см. табл. 15—16).

⁶³ См.: Дыбо В.А. Праславянское распределение ..., с. 245.

⁶¹ Дыбо В.А. Сокращение долгот в кельто-италийских языках и его значение для балто-славянской и индоевропейской акцентологии. — Вопросы славянского языкознания. М., 1962, вып. 6, с. 3—27.

⁶² Где *-i*, видимо, рефлекс финали *ya в корне 2 кл., ср. *-u* в греч. корне (ἐ)φέρυ-. О корнях такого типа см. Дыбо СА, с. 241—243.

Заметим, что 4 из 5 исключений приходятся на формы с суф. *-tār*, обладающие большой частотностью и поэтому подверженные генерализации.

Другим источником появления нерегулярных краткостей могут быть формы, суффиксы которых генетически и морфонологически соответствуют греч. суф. I кл., например, *-tra-* = греч. *-τρο-*. В них др.-инд. корни регулярно имеют краткое *-i-* (*-u-*), даже если в других образованиях появляется долгое *-ī-* (*-ū-*): *tārutra* (RV) при *-tarītār*, *-tarītu-* (*-u-* здесь такого же происхождения, как *-ū-* в *varūtār*); *pavitra-* (V) при *pañītār*; *bhāvitra-* (V) при *bhāvītva-*; *bharitra-* (RV) (ср. греч. *φέρетρον*) при *bhārīma*.

Из выше приведенного материала, помимо вывода о различной рефлексии конечного **a* в корнях разных др.-инд. классов корней, можно заключить, что в др.-инд., как и в греч., различались по крайней мере два класса суффиксов, при одном из которых (назовем его, по аналогии с греч. I кл.), конечный гласный корней — *sēt* 2-го кл. не удлинялся, причем корень находился в полной ступени чередования. Ср. греч. *ἄροτρον* (при *ἄρωμα*), *τέρετρον* (при *τρήμα*), *φέρетρον* (при *φρήναι*), *εὔρετρα* (при *εὔρηωρ*). Соответственно суффиксы, которые различают два морфонологических класса корней *-sēt* (в данном случае при них удлиняется ауслаутный гласный *-i-*), будем по аналогии с греческим называть суффиксами II кл.

Возвращаясь к перечисленным исключениям, можно по крайней мере для двух нерегулярных форм найти истоки краткости *-i-* в аналогическом выравнивании по форме на *-tra-*: *khanitra-* (V) при *khanitār* и *caritra-* (V) при *caritavē*.

Суммируем выводы, полученные при анализе образований с суффиксами II кл., мотивирующими полную огласовку корня:

1. Корни *-sēt* (CVCV) делятся в др.-инд. на два класса не только парадигматически и акцентологически, но и морфонологически.

2. В формах, образованных суффиксами II кл., требующими полную огласовку корня, др.-инд. корни *-sēt* разбиваются на два морфонологических класса.

а. В таких образованиях греческим алломорфам корней 1-го кл. со слабым (неудлиняющимся и склонным к апокопе) ауслаутным гласным соответствуют др.-индийские алломорфы корней 1-го кл. с кратким конечным *-i-*, генетически соответствующим греческому гласному. Например: др.-инд. *janitār* и греч. *γενέτωρ*, др.-инд. *janima* и греч. *γένμα*.

б. Греческим алломорфам корней 2-го кл. с долгим ауслаутным гласным соответствуют др.-индийские алломорфы корней 2-го кл. с долгим конечным *-ī-*, генетически соответствующим греческому конечному гласному. Например: др.-инд. *starīma* и греч. *στάρμα*.

Отсюда следует, что эти алломорфы корней *-sēt* существовали в греко-арийскую эпоху, причем тогда же существовало их распределение по двум классам суффиксов. Если отвлечься от генерализующих теорий структуры и.е. корня⁶⁴ и попытаться сделать адекватную реконструкцию фонетичес-

кого вида алломорфов корней *-sēt*, оказывается, что для объяснения появления долгих *-ī-* в *starīma*, *grābhitār*, соответствующих долгим греческим гласным в *στάρμα*, *ἐγρήγορα*, реально должны быть реконструированы алломорфы корней 2-го кл. при суффиксах II кл., мотивирующих полную огласовку корня с долгими конечными гласными, подобно следующим: **k^welā-*, **marā-*, **storē-*, **dheughē*⁶⁵. Различие конечных (а также срединных) гласных в греческом, которое, несмотря на многочисленные попытки, не удается снять методами внутренней и внешней реконструкции, заставляет предположить, что др.-инд. *-ī-* есть реализация греко-арийских **ē*, **ā*, **ō*, непосредственно различающихся в греческом, но в особой морфонологической позиции, именно в ауслауте корней *-sēt*, совпадающих в индо-иранском **ē*. Соответственно краткое др.-инд. *-i-* (индоир. **ə*) в образованиях от корней *-sēt* 1-го кл., а также от корней обоих классов при суффиксах I кл., мотивирующих полную огласовку корня, отражают греко-арийские краткие ауслаутные **a*, **e*, **o*⁶⁶.

Перейдем к модификациям корней *-sēt* в позициях, где суффиксы II кл. мотивируют редуцированную (слабую) огласовку. В греч. характерными примерами являются образования на *-то-* (отглагольные прилагательные), *-τήρ* (*nomina agentis*), *-σι-* (**ti-*) (отглагольные существительные). В др.-инд. такими суффиксами являются *-ta-* (греч. *-το-*), *-tī-* (греч. *-δί-*) и *-na-* (по значению идентичное *-ta-*).

По законам греческой морфонологии, поведение корней CVCV 1- и 2-го кл. при этих суффиксах принципиально не отличается от их поведения при суффиксах II кл., мотивирующих полную огласовку.

Различие заключается в двух пунктах:

а) у корней 2-го кл. на шумный при суф. II кл., требующих редуцированную огласовку корня, сокращается конечный гласный, удлинившийся в результате модификации CVCV → C(V)CṼ ("метатезы"), напри-

ных и их идейных последователей в реконструкции и.е. морфонологии, мы не можем не заметить, что названный подход, будучи последовательно реализован, порождает построения, которые либо вообще не объясняют последующее развитие праязыковой системы в системе языков-потомков, либо объясняют его таким числом оговорок о "выравниваниях по аналогии" и "генерализации", что объяснительной ценности практически почти не имеют. Плодотворным, по нашему мнению, может быть только индуктивный метод праязыковой реконструкции, классическим образцом применения которого является "Мемуар" Ф. де Соссюра.

⁶⁵ Судя по последовательному сохранению инлаутных гласных в подобных др.-инд. алломорфах, редуцированная (нулевая) огласовка инлаута в греч. может быть вторичной — она могла перейти сюда из форм корней CVCV при суф. II кл., мотивирующих редуцированную ступень аблаута.

⁶⁶ Гласный *-i-* (**ə*) в *dita-*, *dhitā-* и под. является, видимо, также не прямым отражением "вокализованного ларингала", а рефлексом любого "сверхдолгого" гласного в ступени редукции (см. о противопоставлении трех долгот в др.-инд. и и.е.: Николаев С.Л., Старостин С.А. Некоторые соответствия индоевропейских долгот и ударений. — Конференция "Проблемы реконструкции" (Тезисы докладов). М., 1978, с. 114–119). Таким образом, **dhēios* > греч. *θετός*, др.-инд. *dhitas* < **dhatos*; **dātos* > греч. *δατός*, др.-инд. *ditaś*; **st(h)ātos* > греч. *στατός*, др.-инд. *sthitās*. Разумеется, греко-ар. корни **dō-*, **dhē-*, **st(h)ā-* и т.п. могут в конечном счете восходить к и.е. **doH-*, **dheH-*, **stah-* (или **deH^w-*, **dheH-*, **steH-*).

⁶⁴ Дедуктивный подход к реконструкции морфонологии и.е. корня (и вообще к реконструкции праязыкового состояния), наиболее последовательно разрабатывался Э. Бенвенистом (см. его основополагающую работу: *Benveniste E. Origines de la formation des noms en indo-européen*. Paris, 1935) и Ю. Куриловичем (*Kurylowicz J. L'apophonie en indo-européen*. Wrocław, 1956). Отдавая должное заслугам этих уче-

мер, ἐχέτης : σχῆμα : σχέις, корни же на сонант сохраняют долготу: σπορέννυμι : σπορῶμα : σπορῶσις⁶⁷;

б) у корней 1-го кл. с инлаутным долгим гласным или сочетанием "гласный + сонант" это сочетание или гласный редуцируются, например τεύχη : τукτός (*τεύχημα : *тукетός).

Греческие формы корней 2-го кл. типа σπορῶ-, θνῶ-, τρη- в σπορῶσις, θνητός, τρητός генетически тождественны др.-инд. stīr-, kṛ-, śīr- и под. в stīrṇa-, -kṛti-, śīrṇā⁶⁷. Греч. μαχετέον при ἐμαχισμῶν (корень μάχε- 2-го кл.) аналогично др.-инд. gr̥bhītā- при grābhītār. Для корней на сонант в образованиях, подобных σπορῶτός, stīrṇās традиционно реконструируются "долгие слоговые сонанты" (ῆ, ῆ̄, ῖ, ῖ̄, ῑ, ῑ̄), фонологически интерпретируемые как сочетания слоговых сонантов со "шва" или "ларингалом" (ῆ̄ = ῆH, ῑ̄ = ῑH и т.д.). Таким образом, и.-е. праформами для греч. σπορῶτός и др.-инд. stīrṇā- будут *str̥to- и *str̥no- (-str̥Hto-/-no-). Однако в стороне остается немалое число корней -sēt̃ 2-го кл. на шумный, поведение которых в греческом, полностью аналогичное поведению корней на сонант, заставляет искать пути к такой реконструкции греко-арийской системы, которая однообразно объясняла бы рефлексацию корней -sēt̃ как с сонантным, так и с шумным ауслаутом одновременно в греческом и древнеиндийском.

Независимо от того, как обстояло дело в индоевропейском, для греко-арийского праязыка на основании имеющихся данных реконструируется следующая схема поведения корней -sēt̃ 1- и 2-го кл. при суффиксах II кл. (табл. 17).

Отсюда греч. γέννα и др.-инд. jānima (*gēne-mṇ), греч. γένεσις (gēne-tis) и др.-инд. jātās (*gēne-toṣ); греч. πείσμα (*bhēydhā-mṇ), др.-инд. vēditār (*weyde-tōr) и греч. ποτός (*bhēydhā-toṣ), др.-инд. viditās (*weyde-toṣ) от корней 1 кл. Греч. σπορῶμα, др.-инд. stār̥ma (*stōr̥e-mṇ) σπορῶτός (*stōr̥e-toṣ) и др.-инд. stīrṇās (*stōr̥e-noṣ); греч. σχῆμα (*sēghē-mṇ) и др.-инд. gr̥bhītār (*grābhīt-tōr), греч. σχέις (*sēghē-tis) и др.-инд. gr̥bhītās (*grābhīt-toṣ) от корней 2-го кл.

Итак, мы предполагаем, что в др.-инд. в редуцированной степени не различаются рефлексы корней с сонантным ауслаутом обоих классов, при этом ситуация эта вторична: в греческом корни 1 и 2 класса с любым ауслаутом последовательно различаются во всех позициях. Рефлекс "долгих слоговых сонантов" в др.-инд. восходят, согласно нашей гипотезе, к двум различным архетипам: *AR̥A и *AR̥Ā, отражения которых различаются в греческом⁶⁹. В позиции после шумных *ā в др.-инд., видимо, не сокращается,

хотя материала для точного доказательства этого явно недостаточно.

Ниже приводится материал, показывающий, что др.-инд. не различает редуцированные алломорфы корней обоих классов в образованиях с суф. II кл.

Производные от корней 2-го кл.: tīrṇās, -tūrtis; pūtās, pūrṇās, pūrtās, pūrtis; bhūtās, bhūtis; mūrṇās; gīrṇās, gūrtās; sūtās, sūtis; hūtās, hūtis; stīrṇās; kīrtis; -ūtās, ūtis; -kātis; gīrṇās; jīrṇās; nītās, nītis. Отклоняются svanitās и čaritās, образованные по аналогии с корнями на шумный. Производные от корней 1-го кл. jātās; -vātās; krātās; gūrtās, gūrtis sātās. Отклоняется panitās (форма построена по аналогии с шумными корнями).

Таблица 17

Корни	Суффиксы II кл.	
	с полной огласовкой корня	с редуцированной огласовкой корня
1-го кл.	CVCV̄- ⁶⁸	CVCV̄-
2-го кл.	CVCV̄-	CVCV̄-

Завершая данный раздел, мы хотели бы остановиться еще на одном интересном факте. Как известно, балто-славянские имена неподвижной АП генетически соответствуют греко-арийским и германским баритонированным (т.е. несущим акцент на первом слоге) именам, а балто-славянские имена подвижной АП соответствуют греко-арийским и германским окситонированным (несущим акцент на последнем слоге) именам. Как следует из Николаев—Старостин 1982, а также из материала, приведенного в настоящей статье, имеется однозначное соответствие между балто-славянскими акцентными парадигмами и классами греко-арийских корней -sēt̃⁷⁰. И здесь наблюдается замечательная аналогия с акцентными греко-арийско-балто-славянскими соответствиями. Корням б.-слав. неподвижной АП генетически соответствуют греко-арийские корни -sēt̃ 1-го кл., характерной особенностью которых, в сочетании с суф. II кл., является своеобразная морфонологическая "баритонеза" — сохранение силы инлаутного корневого гласного при возможном ослаблении ауслаутного. Напротив, корням б.-слав. подвижной АП соответствуют греко-арийские корни -sēt̃ 2-го кл., для которых в сочетании с суф. II кл. характерна морфонологическая "окситонеза" — сохранение силы и даже удлинение ауслаутного корневого гласного при возможном ослаблении инлаутного. Такое соотношение с исторической точки зрения не может быть случайным. Однако его интерпретация выходит далеко за рамки настоящей статьи.

⁷⁰ Иллич-Свитыч В.М. Именная акцентуация в балтийском и славянском. Судьба акцентуационных парадигм. М., 1963. Полный список соответствий см.: Дыбо С.А., с. 11—54. Относительно греко-арийских акцентных соответствий см.: Wheeler B. Der griechische Nominalaccent. Strassburg, 1885; а также: Николаев С.Л., Старостин С.А. Некоторые соответствия ..., с. 117—119.

⁶⁷ Видимо, следует считать вторичным сокращение долгот в таких формах от исконных корней -sēt̃, как σποτός при др.-инд. bhūtās, ср. bhāvītā- (краткость пришла из форм от корней CVC).

⁶⁸ Дужка под гласным означает его ослабление, черта — сохранение силы. Дужка в скобках стоит под теми гласными, которые реализуются как рефлекс редуцированных в греческом и как рефлекс сильных — в др.-индийском.

⁶⁹ Видимо, причины, приведшие к различию в греко-арийском *AR̥A и *AR̥Ā были индоевропейскими: кроме греч., двойные рефлекс "долгих слоговых сонантов" показывают кельто-италийские. Обращает на себя внимание корреляция двух типов "долгих слоговых" с б.-слав. АП. Традиционную точку зрения на эту проблему см., например: Мейе А. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. М.—Л., 1938, с. 146—148.

Ниже речь пойдет о проблемах, связанных с греческими инфектными суффиксами -vā-, -vē-, *vā-и конфиксе -v ... avē-, а также их др.-инд. соответствиях.

Ранее было высказано предположение, что исконно суффиксы -vā- (теперь сюда можно, видимо, добавить -vē-) образовывали инфект только от корней 2 кл., а суффикс -vē- — от корней 1-го кл.⁷¹ В синхронной части настоящей статьи (см. ч. 1—3) об этом не говорилось, так как старое распределение затемнено в греческом вторичными наслоениями, но оно достаточно четко выявляется при внешнем сравнении. Ниже приводим материал.

Суффикс -vā-

1) δάμναι 'уक्रошать'. Греч. 2-й кл. определяется по производным с суф. II кл.: δέδμηται, δμητήρ, δμητέρα, ἐδμήθη, δμηῖς ~ Др.-инд. "nomen passivum" damā-(Brahm.) 'самообладание, самоукрошение' (эндоактивное, следовательно, непереходное действие). Окситонеза этого образования указывает на принадлежность корня ко 2-му кл. Относительно вторичной краткости -i- в damitār- см. выше.

2) πέρναμι 'продавать'. Кл. 2-й по производным с суф. II кл.: πέπρακα, πέπραμαι, πρᾶτήρ, ἐπράθη, πρᾶσις, πρᾶξος, πιπράσκω.

3) κίρναι 'смешивать'. Ср. производные с суф. II кл.: κέρρακε, κέρραμαι, ἐκρῆσε, κρᾶτήρ, ἐκράθη, κρᾶσις, -κρητος, κίρμη, κρᾶμα.

4) κρήναι 'вешать'. 2-й кл. определяется по фут. κρεμήσομαι.

5) πίτναι 'распростирать'. 2-й кл. определяется по перф. πέπταμαι.

6) πίλναμαι 'приближаться'. 2-й кл. определяется по производным с суф. II кл.: ἐπλήμην, ἐπλήθη, πλάτος. Вторично выделились в отдельную парадигму формы со значением 'двигаться; быть около': πέλω, аор. ἐπλον. Синкопа инлаутного гласного в тематическом аористе также указывает на 2-й кл. Относительно др.-инд. и балто-слав. форм, указывающих на 2-й кл., см. выше.

7) μάρναμαι 'сражаться, бороться'. Внутригреческих данных, определяющих класс корня, нет. ~ В др.-инд. на 2-й кл. указывает долгота -i- в māritar.

Заметим, что инфекты на -vā- образуются только от корней с ауслаутным -а: δάμναι при δαμάω, -δάματος, -δάμας (*δάμανς) (корень дама-); πέρναμαι при πρᾶσις, πρᾶτήρ ("метатеза" пера → пра); κίρναι при ἀκρήματος, κεράννυμι, κρᾶτήρ, κρᾶσις ("метатеза" кера → кра); κρήναι при κρέμαμαι, κρεμάννυμι (корень крема-); πίτναι при πέπταμαι, πετάννυμι ("метатеза" пета → пта); πίλναμαι при πελάσσω, πλάτος ("метатеза" пела → пла) (ο)κίδναι при σκεδάννυμι, ἐσκεδάσαε.

Суффикс -vē-

О существовании инфектов на -vē-отглагольных корней 2-го кл. с ауслаутным -е- в дописьменную эпоху можно предположить по трем следующим формам, представляющим "вторичную тематизацию" старых атематических инфектов:

1) ἰσχνέω как субститут *ἰσχνῆμι < *σχῆμι, ср. δαμνάω при δάμναι. Данное образование произведено от корня 2-го кл. σεχε-: ср. образования с суф. II кл. ἔσχηκα, σχῆμα, σχέος, ἐσχον. Др.-инд. форма през. śahatē, sakṣi, аор. sahāná, sakṣat также образованы от корня 2-го кл. (Николаев—Старостин 1982, с. 333).

2) βινέω⁷² 'futurare'. Корень этого инфекта имел, видимо, облик βεε-. На вид CVCV указывает, кроме инф., нулевая огласовка инлаута в βιά 'жизненная сила; насилие, принуждение'. Формальных внутригреческих указаний на класс корня нет. ~ Др.-инд. jayati 'покорять' образует формы акт. сигм. аор. ajāt, jēṣat, что указывает на 2-й кл. Также от корня 2-го кл. образованы, судя по акцентуации, "nomen activum" jaya- (Panini) 'закливание для победы' и "nomen passivum" jayá- (V) 'победа' (как результат, семантически противопоставляемый предыдущему слову).

3) Фут. βαλλήσω образованный от инфектной основы *βαλ- vē⁷³. Инф. βάλλω может восходить как к *βάλω (в таком случае это вторичная субституция *βάλνυμι, ср. τέμνω, с. 201), так и к *βάλω. Корень принадлежит ко 2-му кл., ср. образования с суф. II кл. βέβληκα, βέβλημαι, βλήμα, ἐβλήμην, ἐβλήθη, βλητός, βλήθη. Отсутствие синкопы в ββαοи неинформативно (Николаев 1983, с. 86).

Суффикс -vē-

Статистический анализ греч. корней вида CVCV показывает, что в 1-м кл. больше корней на шумный, чем на сонант (38 на 17) и, напротив, во 2-м кл. превалируют корни на сонант (43 на 14). При этом корни с исходом на -α встречаются только во 2-м кл.⁷⁴ Такая статистика позволяет предположить, что в дописьменную эпоху часть корней на сонант по статистической аналогии могла перейти из 1-го во 2-й кл. и, напротив, часть корней на шумный перешла из 2-го кл. в 1-й кл.

При анализе корней на сонант оказывается, что если при наличии форм, образованных суффиксами II кл., указывающих на принадлежность данного корня 1-му кл., имеются и формы, указывающие на 2-й кл., вторичными оказываются именно последние. Это хорошо видно на примере омонимичных корней разных классов. Так, корень (ē) F eru- 'охранять', при сохранении архаичных έρμα, έρμαι (*FeFέρμαι), характерных для корней 1-го кл., имеет также έρβυσα, ρύτωρ, ρύτήρ, έρβυτο, образованные как бы от корня 2-го кл. Напротив, корень (ē) F eru- 'тащить', относящийся ко

⁷¹ Николаев—Старостин 1982, с. 324—325.

⁷² Долгий -i- в этой форме — результат стяжения *-i-, где -i- такого же происхождения, что и в κίρνυμι при κεράννυμι.

⁷³ Здесь мы принимаем анализ Вакернагеля (Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der indogermanischen Sprachen, N 30 (1890), S. 306).

⁷⁴ Подсчет сделан по спискам корней, приведенным во 2-й ч. настоящей статьи, Николаев 1983, с. 90—103.

2-му кл., все формы образует регулярно: $\epsilon\bar{\rho}\bar{\rho}\bar{\upsilon}\sigma\acute{\alpha}\mu\eta\nu$, $\rho\bar{\upsilon}\mu\alpha$, $\rho\bar{\upsilon}\mu\eta$, $\rho\bar{\upsilon}\mu\acute{o}\varsigma$, $\rho\bar{\upsilon}\tau\eta\rho$, $\epsilon\bar{\rho}\bar{\rho}\bar{\upsilon}\tau\omicron$, $\rho\bar{\upsilon}\tau\acute{o}\varsigma$. Также у корня $\nu\epsilon\mu\epsilon$ - (1 кл.) 'распределять' при нормальных $\epsilon\nu\epsilon\iota\mu\alpha$, $\nu\epsilon\mu\acute{\epsilon}\tau\omega\rho$, $\epsilon\nu\epsilon\mu\acute{\epsilon}\theta\eta\nu$, $\nu\acute{\epsilon}\mu\epsilon\iota\varsigma$ имеются $\nu\acute{\epsilon}\mu\eta\iota\varsigma$, $\nu\epsilon\nu\acute{\epsilon}\mu\eta\mu\alpha$, образованные по аналогии с корнем 2-го кл. $\nu\epsilon\mu\epsilon$ - 'пасти (съ)'. Так же дело обстоит с корнями $\mu\epsilon\lambda\epsilon$ - и $\delta\epsilon\delta\epsilon$ -. Формально относясь ко 2-му кл. (ср. $\mu\epsilon\mu\acute{\epsilon}\lambda\eta\kappa\alpha$, $\delta\mu\eta\tau\omicron\varsigma$, $\delta\acute{\epsilon}\delta\mu\eta\mu\alpha$), они имеют формы $\mu\epsilon\lambda\acute{\epsilon}\tau\omega\rho$, $\mu\acute{\epsilon}\mu\eta\lambda\alpha$ (с архаичной долготой); $\acute{\epsilon}\delta\acute{\epsilon}\iota\mu\alpha\tau\omicron$ (форма есть у Гомера), являющиеся типичными образованиями от корней 1-го кл. Видимо, оба эти корня приобрели формы, указывающие на 2-й кл., вторично, подчиняясь отмеченной выше статистической аналогии⁷⁵.

Перейдем теперь к анализу инфлектов на $-\nu\epsilon$.

1) $\delta\acute{\alpha}\kappa\nu\omega$ 'кусать', параллельная форма $\delta\alpha\kappa\iota\acute{\alpha}\zeta\omicron\mu\alpha$ (Aesch. +). Греческий корень $\delta\acute{\alpha}\kappa\epsilon$ - / α - относится к 1-му кл.: ср. образования с суф. II. $\delta\acute{\epsilon}\delta\eta\chi\alpha$, $\delta\acute{\epsilon}\delta\alpha\upsilon\mu\alpha$, $\delta\eta\gamma\mu\alpha$. Относительно ауслата ср. $\delta\acute{\alpha}\kappa\epsilon\tau\omicron\varsigma$, а также $\delta\acute{\alpha}\kappa\omicron\varsigma$ с сокращением долготы. ~ Др.-инд. през. $\acute{d}\acute{a}\zeta\alpha\tau\iota$ (* $\acute{d}\acute{n}\acute{k}\acute{e}\tau\iota$), первоначально VI кл. (оттяжка ударения по правилу Соссюра). Др.-инд. корень, в отличие от греч., восходит к и.-е. * $\text{d}\acute{a}\text{n}\acute{k}\acute{o}$.

2) $\pi\acute{\iota}\tau\nu\omega$ 'падать', параллельная форма $\pi\acute{\iota}\tau\nu\tilde{\omega}$ ($-\acute{\epsilon}\omega$?). Производные с суф. II кл., говорящие о 1-м кл. корня $\pi\epsilon\tau\epsilon$ -. $\acute{\epsilon}\pi\epsilon\sigma\alpha$, $\acute{\epsilon}\pi\epsilon\sigma\omicron\upsilon\upsilon$, $\acute{\rho}\omicron\tau\mu\omicron\varsigma$, $\acute{\epsilon}\pi\epsilon\tau\omicron\nu$. Однако есть и формы, относящиеся корень ко 2-му кл.: $\pi\acute{\epsilon}\pi\tau\omega\kappa\alpha$ / $\pi\epsilon\pi\tau\acute{\epsilon}\omega\varsigma$, $\pi\acute{\tau}\tilde{\omega}\mu\alpha$, $\pi\acute{\tau}\tilde{\omega}\iota\varsigma$ (огласовка $-\omega$ - из перфекта). По форме архаичнее образования от корня $\pi\epsilon\tau\epsilon$ - 1-го кл. Из образований по типу 2-го кл. архаичен, видимо, только перфект, остальные формы построены по $\nu\omega\mu\upsilon$. Др.-инд. корень pat- имеет значения 'летать' и 'падать'. В др.-инд. в одной парадигме совпали два различающихся в греч. корня – $\pi\epsilon\tau\epsilon$ - (1 кл.) 'падать' и $\pi\epsilon\tau\alpha$ - (2 кл.) 'летать' (ср. минимальную пару: аор. $\acute{\epsilon}\pi\epsilon\tau\omicron\nu$ 'упасть' и $\acute{\epsilon}\pi\tau\acute{o}\mu\eta\nu$ 'полететь'). На др.-инд. 2-го кл. указывает през. 1-го кл. $\acute{r}\acute{a}\tau\alpha\tau\iota$, но существуют и производные с суф. II кл. $\text{patit}\acute{a}$ - (AV), $\text{patitv}\acute{a}$ (AV), где краткость $-i$ говорит о принадлежности корня к 1-му кл.

3) $\acute{\alpha}\rho\acute{\epsilon}\lambda\omega$ < * $\acute{\alpha}\rho\acute{\epsilon}\lambda\nu\omega$ 'быть присужденным, обязанным'. Греч. формы $\acute{\alpha}\rho\eta\mu\alpha$, $\acute{\omega}\rho\lambda\eta\sigma\alpha$ и аор. $\acute{\alpha}\rho\lambda\acute{\epsilon}\upsilon$ (с синкопой инлаутного гласного) указывают на 2-й кл. корня $\acute{\alpha}\rho\epsilon\lambda\epsilon$ -. Однако о весьма вероятной вторичности этих форм говорит параллельный аор. $\acute{\alpha}\rho\epsilon\lambda\acute{\epsilon}\upsilon$, отсутствие синкопы в котором характерно для 1 кл. (о первичности таких образований см. выше, с. 199).

4) $\acute{\iota}\kappa\nu\acute{\epsilon}\omicron\mu\alpha$ 'приходить'. Видимо, представляет собой параллельную форму к исчезнувшему инфекту * $\acute{\iota}\kappa\nu\omicron\mu\alpha$ (ср. $\pi\acute{\iota}\tau\nu\tilde{\omega}$: $\pi\acute{\iota}\tau\nu\omega$). Корень H $\acute{\iota}\kappa\epsilon$ - относится к 1-му кл.: $\acute{\iota}\gamma\mu\alpha$, $\acute{\iota}\xi\omicron\nu$, $\acute{\iota}\kappa\tau\eta\rho$. $\acute{\iota}\kappa\tau\omega\rho$, $\acute{\iota}\kappa\tau\omicron$. $\acute{\iota}\xi\iota\varsigma$ (ср. $\acute{\iota}\kappa\acute{\epsilon}\tau\eta\varsigma$, $\acute{\iota}\kappa\acute{\epsilon}\tau\iota\varsigma$, указывающие на вид CVCV). Др.-инд. корень относится к 1 кл.: през. VI кл. $\nu\acute{\iota}\zeta\alpha\tau\iota$ 'приходить', аор. $\acute{a}\nu\acute{\iota}\zeta\alpha\nu$.

5) $\alpha\acute{\iota}\nu\acute{\epsilon}\omega$ 'выражать согласие, хвалить'. Также как $\acute{\iota}\kappa\nu\acute{\epsilon}\omicron\mu\alpha$ -вероятная пара к старому инфекту * $\alpha\acute{\iota}\nu\omega$ < * $\alpha\acute{\iota}\delta$ - $\nu\omega$. Корень $\alpha\acute{\iota}\delta\epsilon$ - без суф. $-\nu\epsilon$ - в $\alpha\acute{\iota}\delta\omicron\mu\alpha$, $\alpha\acute{\iota}\delta\epsilon\omicron\mu\alpha$ 'стыдиться; прощать', причем последнее производное указывает на структуру CVCV: ср. еще фут. $\alpha\acute{\iota}\delta\acute{\epsilon}\sigma\omicron\sigma\omicron\mu\alpha$, аор. $\eta\delta\epsilon\omicron\acute{\alpha}\mu\eta\nu$. Внутригреческие факты не позволяют установить класс корня. ~ Др.-инд. през. II кл. $\acute{\imath}\acute{\imath}\acute{\imath}\acute{\epsilon}$, $\acute{\imath}\acute{\imath}\acute{\imath}\acute{\epsilon}$ 'хвалить', а также краткость $-i$ в $\acute{\imath}\acute{\imath}\acute{\imath}\acute{\epsilon}$ (AV) указывают на принадлежность др.-инд. корня к 1-му кл.

6) $\kappa\acute{\alpha}\mu\nu\omega$ 'уставать'. На принадлежность корня ко 2-му кл. указывает лишь одно древнее производное с суф. II кл. перф. $\kappa\acute{\epsilon}\kappa\mu\acute{\alpha}\kappa\alpha$. Аор. $\acute{\epsilon}\kappa\alpha\mu\omicron\nu$ в данном случае амбивалентен, так как $-\alpha$ - в тематическом аор. не синкопируется⁷⁶. Корень оканчивается на $-\alpha$ (ср. $\kappa\acute{\alpha}\mu\alpha\tau\omicron\varsigma$), а таких корней в 1-м кл. синхронно нет, что, видимо, вторичное явление. ~ В др.-инд. данный корень относится к 1-му кл. (см. материал на с. 191).

7) $\acute{\omicron}\rho\acute{\iota}\gamma\nu\acute{\alpha}\omicron\mu\alpha$ 'устремляться; преследовать'. Вероятная пара к исчезнувшему инфекту * $\acute{\omicron}\rho\acute{\iota}\gamma\nu\omicron\mu\alpha$. Корень относится к 1-му кл., ср. производные с суф. II кл. $\acute{\omicron}\rho\acute{\epsilon}\xi\alpha$, $\acute{\omicron}\rho\acute{\omega}\rho\acute{\epsilon}\gamma\mu\alpha$, $\acute{\omicron}\rho\acute{\epsilon}\kappa\tau\acute{o}\varsigma$, $\acute{\omicron}\rho\acute{\epsilon}\gamma\mu\alpha$. ~ Др.-инд. през. VI кл. $\acute{r}\acute{h}\acute{\acute{\imath}}\acute{\acute{\imath}}\acute{\acute{\imath}}$, IV кл. $\acute{r}\acute{h}\acute{\acute{\imath}}\acute{\acute{\imath}}\acute{\acute{\imath}}$ указывает на 1-й кл. корня, ~ Противоречит лат. перф. $\text{r}\acute{e}\text{x}\acute{\imath}$ от $\text{reg}\acute{o}$: сигматические перфекты регулярно образуются только от и.-е. корней 1-го кл.

8) $\acute{\alpha}\mu\upsilon\nu\omega$ 'защищать, отражать', * $\alpha\mu\acute{\iota}\nu\alpha$ - μ в $\acute{\alpha}\mu\upsilon\nu\acute{\alpha}\theta\omega$ (Aesch. +). Корень $\acute{\alpha}\mu\epsilon\text{Fa}$ - принадлежит к 1-му кл.: образования с суф. II кл. $\acute{\alpha}\mu\acute{\epsilon}\upsilon\sigma\alpha\omicron\theta\iota$ (Pind.), * $\acute{\alpha}\mu\epsilon\upsilon\iota\varsigma$ в $\acute{\alpha}\mu\epsilon\upsilon\iota$ = $\rho\omicron\tau\omicron\varsigma$, $\acute{\alpha}\mu\epsilon\upsilon\iota$ = $\epsilon\pi\acute{\eta}\varsigma$ (Pind.).

Исключением является $\acute{\tau}\acute{\epsilon}\mu\nu\omega$ 'резать, разрубать'. Корень по всем производным относится ко 2-му кл. Относительно колебаний огласовки в $\acute{\tau}\acute{\epsilon}\mu\nu\omega$ / $\acute{\tau}\acute{\alpha}\mu\nu\omega$, $\acute{\epsilon}\tau\epsilon\mu\omicron\nu$ / $\acute{\epsilon}\tau\alpha\omicron\mu\omicron\nu$ см. Николаев 1983, с. 86. ~ Слав. * $\text{t}\acute{\text{b}}\text{h}\text{r}$ (отражение б.-слав. подвижной АП). Судя по внешним данным, инфект $\acute{\tau}\acute{\epsilon}\mu\nu\omega$ либо является субститутутом пезасвидетельствованного инфекта * $\acute{\tau}\acute{\epsilon}\mu\nu\eta\mu\iota$, регулярно образованного от корня 2-го кл., либо просто вторичен.

Конфикс $-\nu\ldots\text{ave-}$

В отличие от предшествующих суффиксов, конфикс $-\nu\ldots\text{ave-}$, оформляя корни вида CVCV, присоединяется к корням любого класса. Кроме того, этот конфикс мог, видимо, оформлять также корни вида CVC⁷⁷.

1) $\lambda\alpha\mu\acute{\beta}\acute{\alpha}\nu\omega$ 'брать, хватать'. Корень H $\lambda\acute{\alpha}\nu\alpha$ - принадлежит к 1-му кл.: образования с суф. II кл. $\lambda\eta\psi\iota\varsigma$, $\lambda\eta\pi\tau\acute{o}\varsigma$, $\acute{\epsilon}\lambda\lambda\eta\rho\theta\eta\nu$, $\acute{\epsilon}\lambda\lambda\eta\chi\alpha$, $\lambda\eta\mu\mu\alpha$. Структура CVCV определяется по сокращению долготы в $\lambda\alpha\beta\acute{\eta}$ (относительно этого признака корней CVCV см. выше, ч. 3, с. 184). ~ Лит. $\text{sl}\acute{o}\text{g}\acute{\imath}\text{nti}$: насуффиксальное ударение в каузативах на $-\text{in-}$, возможно, указывает на старую неподвижную АП (см. Николаев-Старостин 1982, с. 317).

2) $\acute{\alpha}\nu\delta\acute{\alpha}\nu\omega$ 'быть приятным'. Корень $\sigma\text{F}\acute{\alpha}\delta$ - либо $\sigma\text{F}\acute{\alpha}\delta\alpha$ -. ~ Др.-инд. през. I кл. $\text{sv}\acute{\acute{\alpha}}\text{d}\acute{\acute{\imath}}\text{t}\acute{\imath}$, $\text{sv}\acute{\acute{\alpha}}\text{d}\acute{\acute{\imath}}\text{t}\acute{\imath}$ указывает на 2-й кл. корня. В др.-инд. корень имеет вид $\text{an}\acute{\imath}\text{t}$. ~ Лат. сигматический перфект $\text{su}\acute{\acute{\alpha}}\text{s}\acute{\imath}$ (от $\text{suade}\acute{o}$) образован от и.-е. корня 2-го кл. Таким образом, все данные языков-потомков указывают на то, что и.-е. корень относился ко 2-му кл. (см. Николаев-Старостин 1982, с. 337, где он отнесен к разряду нерегулярных).

3) $\acute{\epsilon}\rho\nu\gamma\gamma\acute{\alpha}\nu\omega$ 'извергать'. Корень $\acute{\epsilon}\rho\epsilon\upsilon\gamma$ - либо $\acute{\epsilon}\rho\epsilon\upsilon\gamma\alpha$ -. ~ Лат. перф. $\text{e-}\acute{n}\acute{\imath}\chi\acute{\imath}$ (от $\text{e-}\acute{n}\acute{\imath}\gamma\acute{o}$) указывает на и.-е. 2-й кл. корня.

4) $\lambda\alpha\gamma\chi\acute{\alpha}\nu\omega$ 'получать по жребию'. Корень H $\lambda\epsilon\upsilon\chi\alpha$ - относится к 1-му кл., что видно из производного с суф. II кл.: перф. $\lambda\acute{\epsilon}\lambda\omicron\gamma\chi\alpha$. Структура CVCV определяется по нулевой огласке в $\lambda\alpha\chi\acute{\eta}$.

5) $\chi\alpha\nu\delta\acute{\alpha}\nu\omega$ 'вмещать; держать'. Корень $\chi\epsilon\nu\delta$ - либо $\chi\epsilon\nu\delta\alpha$ - (перф. $\kappa\acute{\epsilon}\chi\omicron\nu\delta\alpha$). Лат. перф. $\text{pre-hend}\acute{\imath}$ (от $\text{pre-hend}\acute{o}$) образован от корня 1-го кл.

⁷⁶ Николаев 1983, с. 86.

⁷⁷ Неверно в Николаев-Старостин 1982, с. 324.

⁷⁵ Ср. подобную ситуацию в др.-инд.: Николаев-Старостин 1982, с. 279, примечание.

Корни CVCV	Аффиксы			
	$\nu\bar{a}$	$\nu\bar{e}$	νe	$\nu, \dots, ave$
1-й кл.	--	-	+	+
2-й кл.	+	+	-	+

6) $\mu\alpha\nu\theta\acute{\alpha}\nu\omega$ 'учить, знать' корень $\mu\epsilon\nu\theta\Lambda$ - 1-го либо 2-го кл. Структура CVCV определяется по нулевой огласовке в $\mu\acute{\alpha}\nu\theta\sigma$. Класс корня установить не представляется возможным.

7) $\lambda\iota\pi\acute{\alpha}\nu\omega$ 'оставлять'. Корень $\lambda\epsilon\iota\pi$ - либо $\lambda\epsilon\iota\pi\Lambda$ -. Его структуру и класс определить невозможно. ~ Др.-инд. през. VII кл. $riṇákti$, корневой аор. $riktam$, $ariksi$, поздний тематич. аор. $arīcat$ указывают на 1-й кл. корня. В др.-инд. это корень $-anit$. ~ Лат.през. $linquō$, перф. $līquī$ также образованы от и.-е. корня 1-го кл. ~ Лит. $likti$, $liška$ неподвижной АП: в през. ударение не переносится на приставку, например $pa-liška$ от $palikti$, $išliška$ от $išlikti$ (ср. $pānēša$ от $panēsti$, $išnēša$ от $išnēsti$).

8) $\mu\upsilon\theta\acute{\alpha}\nu\omega$ 'спрашивать'. Образование с суф. II кл. $\mu\upsilon\theta\sigma$ указывает одновременно на структуру CVCV и 1-й кл. корня. ~ Др.-инд. през. IV кл. $būdhyate$, аор. $bōdhi$; $abudhran$, $budhanta$ говорят о принадлежности корня $budh$ 'узнать; будить' к 1-му кл. Аор. $bōdhiṣat$ указывает на то, что этот корень имеет вид $sēt$. ~ Относительно противоречивых слав. фактов см. выше.

9) $\tau\upsilon\chi\acute{\alpha}\nu\omega$ 'попадать; случаться'. Корень $\theta\epsilon\upsilon\chi\epsilon$ - относится ко 2-му кл., ср. образования с суф. II кл. $\tau\epsilon\tau\upsilon\chi\epsilon\alpha$, $\epsilon\tau\upsilon\chi\eta\sigma\alpha$.

10) $\theta\iota\gamma\gamma\acute{\alpha}\nu\omega$ 'касаться'. Корень этого глагола имел, видимо, структуру $\theta\epsilon\iota\gamma\Lambda/\theta\epsilon\iota\chi\Lambda$ -⁷⁸ (1 кл.). О структуре CVCV говорит нулевая огласовка в $\theta\acute{\iota}\xi\iota\varsigma$ (Arist. +)фут. $\theta\acute{\iota}\xi\omicron\mu\alpha\iota$, позднем аор. $\theta\iota\chi\theta\eta\iota\upsilon\alpha\iota$. Формы $\theta\acute{\iota}\xi\iota\varsigma$ и $\theta\iota\chi\theta\eta\iota\upsilon\alpha\iota$ указывают на принадлежность корня к 1-му кл. ~ Др.-инд. през. II кл. $dēgdhi$, $dihanti$ 'мазать' также говорит об отношении корня к 1-му кл. ~ Лат. $figō$ (ср. $fictus$ без носового инфикса) образован от и.-е. корня 1-го кл.⁷⁹.

Итак, распределение разобранных выше инфектных суффиксов относительно корней CVCV двух классов можно представить в табл. 18.

Первый содержательный анализ др.-инд. IX кл. презенса, генетически тождественного греч. инфектам с суф. $-\nu\bar{a}$ -, $-\nu\bar{e}$ - и, как мы покажем ниже, $-\nu\Lambda$ -, принадлежит Ф. де Соссюру. Его теория образования IX кл. др.-инд. презенса доньше сохраняет свою ценность. Соссюр предположил, что суф. $-\nu\bar{a}$ -, $-\nu\bar{e}$ -, оформляющий только корни $-\bar{s}ēt$, являющийся на самом деле сочетанием инфикса $-\nu\Lambda$ - (такого же, какой мы имеем в през. VII кл. у корней на шумный типа $riṇákti$ при $riktá$ -) с "сонантическим коэффициентом", рефлексом которого является $-i$ - в ауслауте др.-инд. корней $-\bar{s}ēt$ ⁸⁰. После появления ларингальной теории "сонантический коэффи-

ент" Ф. де Соссюра стал интерпретироваться как ларингальный (т.е. веларный или поствеларный) спирант, что нашло определенное подтверждение при внешнем сравнении⁸¹. В ларингалистской традиции презенсы типа $riṇāti$, $luṇāti$, $mṛṇāti$ возводятся к $*ru-ne-H-ti$, $*lu-ne-H-ti$, $*mṛ-ne-H-ti$, а корни этих и других подобных глаголов реконструируются как $*leṇH$ -, $*reṇH$ -, $*merH$ -. Греческие конечные гласные корней CVCV считаются рефлексами вокализированных ларингалов. Однако факты, приведенные выше, в особенности греко-арийское удлинение ауслаутных гласных корней $-\bar{s}ēt$ (удлинение вокализированных ларингалов?) заставляет заново пересмотреть теорию устройства и.-е. корней $-\bar{s}ēt$ в греко-арийской диалектальной зоне.

Др.-инд. суф. $-\nu\bar{a}$ - в отличие от $-\nu\bar{a}$ - и $-\nu\bar{e}$ - оформляет корни обоих классов⁸².

Следующие ведийские презенсы образованы от корней 2-го кл.: $dṛṇāti$ (аор. $darṣat$), $prīṇāti$ (аор. $prēṣat$), $grṇāti$ (аор. $garīt$, окситонированное "nomen passivum" $garā$ -) 'глотать', $puṇāti$ (аор. $apāviṣus$), $ṣṇāti$ (аор. $aṣarīt$), $strṇāti$ (аор. $astarīt$), $grbhnāti$ (?) $mathnāti$, $muṣṇāti$ (през. I кл. $mōṣatha$; о нерегулярной краткости $-i$ - в $muṣita$ - ср. выше, с. 193). От корней 1-го кл. образованы ведийские презенсы $ramnāti$ (аор. $rānti$, $araṇṣat$), $vṛṇitē$ (аор. $avṛta$, $avṛṣi$) 'выбирать', $kṣināti$ (аор. $kṣēṣṭa$), $mināti$ (аор. $mēṣṭa$), $ṣrathnitē$ (ср. $ṣrthitā$ -), $skabhnāti$ (ср. $skabhitā$ -), $stabhnāti$ (ср. $stabhitā$ -), $aṣnāti$ (ср. $aṣitā$ -), $iṣnāti$ (през. IV кл. $iṣyati$, VI кл. $iṣē$, производное имя $iṣitā$ -); архаичен более поздний презенс $ṣamniṣē$ (Brahm.; аор. $aṣamiṣthās$, $aṣamat$ (Brahm.)).

В отличие от др.-индийского, в греческом корни 1-го кл. не присоединяют суффиксов типа др.-инд. IX кл. Они оформляются тематическим суф. $-\nu e$ -. Также они присоединяют вторичные суф. $-\nu ee$ - ($*-\nu ee$ -) и $-\nu ee$ -. "Вторично тематизированные" пары типа $\mu\iota\tau\nu\omega$, $\delta\alpha\kappa\nu\acute{\alpha}\zeta\omega$, $\acute{\iota}\kappa\nu\epsilon\omicron\mu\alpha\iota$ к $\mu\iota\tau\nu\omega$, $\delta\acute{\alpha}\kappa\nu\omega$, $*\acute{\iota}\kappa\nu\omicron\mu\alpha\iota$, не встречающиеся у "нормальных" тематических глаголов (типа $\phi\acute{\epsilon}\rho\omega$, $\lambda\epsilon\iota\pi\omega$), заставляют предположить старую атематичность суф. $-\nu e$ -, $-\nu\bar{a}$ -. Иначе говоря, $\delta\alpha\kappa\nu\acute{\alpha}\zeta\omega$ также относится к $*\delta\acute{\alpha}\kappa\nu\acute{\alpha}\mu\iota$, как $\mu\epsilon\lambda\acute{\alpha}\zeta\omega$ к $\mu\epsilon\lambda\acute{\alpha}\mu\iota$, а $\mu\iota\tau\nu\omega$ так же относится к $*\mu\acute{\iota}\tau\nu\epsilon\mu\iota$, как $\acute{\alpha}\rho\omicron\omega$ к $\acute{\alpha}\rho\omicron\mu\epsilon\mu\epsilon\omicron\varsigma$ (форма от $*\acute{\alpha}\rho\omicron\mu\alpha\iota$). Инфекты $\mu\iota\tau\nu\omega$, $\kappa\alpha\mu\nu\omega$ так же относятся к $*\mu\acute{\iota}\tau\nu\epsilon\mu\iota$, $*\kappa\acute{\alpha}\mu\acute{\nu}\alpha\mu\iota$, как $\mu\epsilon\tau\omicron\mu\alpha\iota$ к $\mu\epsilon\tau\acute{\alpha}\mu\alpha\iota$, $\mu\acute{\epsilon}\lambda\omega$ к $\mu\epsilon\lambda\acute{\alpha}\mu\alpha\iota$.

Формально греческие инфекты на $-\nu\bar{a}$ -, $-\nu\bar{e}$ - и $-\nu\Lambda$ - можно интерпретировать как формы с инфиксом $-\nu$ -, находящимся между ауслаутным гласным корня и конечным согласным, причем корень ведет себя в таких образованиях как находящийся в сочетании с суффиксами II кл.⁸³, при которых удлиняется ауслаутный гласный корней 2-го кл., ауслаутный же гласный корней 1-го кл. остается кратким. Особенность данного инфикса заключается в мотивировании некоторого ослабления инлаута

⁸¹ Илич-Свитыч В.М. Опыт сравнения ностратических языков, т. 1, М., 1971; т. 2, М., 1976.

⁸² Относительно образований на $-\nu\bar{a}$ - см.: Николаев-Старостин 1982, с. 278–279, где было высказано, видимо, неверное предположение о связи $-\nu\bar{a}$ - с корнями на сонант только 2-го кл. и с корнями на шумный только 1-го кл.

⁸³ С исторической точки зрения формальное причисление этих суффиксов к I кл. (как в Николаев 1983, с. 83) вторично.

⁷⁸ Ср. $\tau\epsilon\acute{\iota}\chi\omicron\varsigma$, $\tau\omicron\delta\chi\omicron\varsigma$ 'стена'.

⁷⁹ Николаев-Старостин 1982, с. 299–301.

⁸⁰ Мемуар, с. 518–521.

корня, по своему рефлексу не совпадающего с обычным отражением редуцированных инлаутов (речь идет о переходе ϵ в $\tilde{\epsilon}$) (табл. 19).

Противоречие между др.-инд. и греческим заключается в том, что др.-инд. презенсы на $-nā-$ образуются от нулевой ступени чередования корня ($stṛnāti$, $grbhñāti$), в то время как греческий позволяет выводить данные образования из тех (несколько видоизмененных) алломорфов которые представлены в греч. $\beta\tau\rho\tilde{\omega}\mu\alpha$, др.-инд. $stārīma$ и под.⁸⁴ Другим фактом, не позволяющим проецировать результат греч. внутренней реконструкции прямо в греко-арийский, является то, что судя по др.-инд. VII кл. презенса, инфикс имел вид $-n\Lambda-$, а не $-*n-$ ⁸⁵ (вид $-n-$ он имел только перед окончаниями, требующими редуцированной огласовки основы).

Но независимо от этого, различая два класса корней $-sē\tilde{t}$ при носовом "инфиксе-суффиксе", греческий несомненно сохраняет архаизм: это связано с тем, что др.-инд., как было показано выше, провел унификацию редуцированной ступени аблаута корней $-sē\tilde{t}$ (проблематичным остается и различие этого вида корней $-sē\tilde{t}$ на шумный), в то время как греч. последовательно различает их во всех позициях.

Возвращаясь к реконструированным нами алломорфам корней $-sē\tilde{t}$ при суффиксах II кл. (с. 197), сделаем попытку образовать от них презенсы (инфекты) с "инфиксом-суффиксом" $-*n\Lambda-$ (табл. 20).

Доинфиксальная часть корня ослабляется полностью в др.-инд., откуда $vrñīṭe$ (1 кл.), $stṛnāti$ (2 кл.) и неполностью в греч., не давая там слоговых сонантов (однако не исключено, что эта ситуация вторична, и огласовка $-i-$ и $-e-$ в корнях на сонант появилась по аналогии с корнями на шумный), откуда $\beta\tilde{\tau}\tilde{\nu}\tilde{\epsilon}\tilde{\omega}$ ($*g^w\tilde{e}y-n(\Lambda)\tilde{e} > *β\tilde{\tau}\tilde{\nu}\tilde{\epsilon}\tilde{\omega} > \beta\tilde{\tau}\tilde{\nu}\tilde{\epsilon}\tilde{\omega}$), $κ\tilde{\iota}\tilde{r}\tilde{\nu}\tilde{\alpha}\tilde{m}\tilde{\iota}$ ($*k\tilde{e}r-n(\Lambda)\tilde{a} > κ\tilde{\iota}\tilde{r}\tilde{\nu}\tilde{\alpha}\tilde{m}\tilde{\iota}$), $\pi\tilde{e}\tilde{r}\tilde{\nu}\tilde{\alpha}\tilde{m}\tilde{\iota}$ ($*k^w\tilde{e}r-n(\Lambda)\tilde{a} > \pi\tilde{e}\tilde{r}\tilde{\nu}\tilde{\alpha}\tilde{m}\tilde{\iota}$). В греческом гласный инфикса всегда пропадает (видимо, не по фонетическим, а по морфологическим причинам, см. ниже, с. 205), а в др.-инд. сочетание гласного инфикса как с кратким, так и с долгим конечным $-Λ$ дает $\tilde{a}$ (в ступени редукции $\tilde{a}$). Сокращение $\tilde{a}$ в $-v\tilde{a}$ при окончаниях, мотивирующих редуцированную огласку (тип $\mu\tilde{a}\tilde{r}\tilde{\nu}\tilde{\alpha}\tilde{m}\tilde{\iota}$) скорее всего вторично (по греч. морфологическим законам, долготы после сонантов в ауслауте корня не сокращаются).

Таким образом, формально данный сегмент греко-арийской морфологической реконструкции не требует введения некоторых "коэффициентов" (сонантов либо шумных) на месте греческих и др.-индийских конечных гласных. Инфикс $-n\Lambda-$, согласно нашим правилам, помещается между ауслаутным согласным корня и ауслаутным гласным.

⁸⁴ Обычно приводимое тождество огласовок греч. $\mu\tilde{a}\tilde{r}\tilde{\nu}\tilde{\alpha}\tilde{m}\tilde{\iota}$ и др.-инд. $mṛñīṭe$, видимо, не совсем корректно. Греческий имеет в данном случае производное от корня $\mu\tilde{a}\tilde{r}\tilde{\nu}$, сходного с $\kappa\tilde{a}\tilde{r}\tilde{\nu}$, $\delta\tilde{a}\tilde{r}\tilde{\nu}$ (ср. $\kappa\tilde{a}\tilde{r}\tilde{\nu}\tilde{\omega}$, $\delta\tilde{a}\tilde{r}\tilde{\nu}\tilde{\omega}$).

⁸⁵ Ср. также хеттские данные (напр., $\tilde{h}ar-nin-k-$, где $-nin-$, видимо, вторично из $-*ne-$).

⁸⁶ Несколько особый статус суф. $-na-$ в отношении огласовки корня, проявляется в образованиях от корней на $-*mā$: $ramnāti$, $ṣamniṣē$, греч. $\kappa\tilde{a}\tilde{r}\tilde{\nu}\tilde{\omega}$: нормально ожидалось развитие $*mā$ перед следующим $-n-$, либо архаизм, указывающий на то, что греческий тип с "неполной" редуцированной огласовкой корня перед "инфиксом-суффиксом" заменен индоиранской новой "полной" редукцией в корнях с любым ауслаутом, кроме $-mā$.

Таблица 19

Исходный вид корня	Модификация при суф. II кл.	Вид с инфиксом $-v-$	Исходный вид корня	Модификация при суф. II кл.	Вид с инфиксом $-v-$
$\delta\tilde{a}\tilde{k}\tilde{a}$	$\delta\tilde{a}\tilde{k}\tilde{a}$	$\delta\tilde{a}k-v-a$	$\sigma\tilde{e}\tilde{x}\tilde{e}$	$\sigma\tilde{x}\tilde{e}$	$\iota\tilde{o}\tilde{x}\tilde{v}-\tilde{e}$
$\pi\tilde{e}\tilde{t}\tilde{e}$	$\pi\tilde{e}\tilde{t}\tilde{e}$	$\pi\tilde{t}\tilde{v}-\tilde{e}$	$\pi\tilde{e}\tilde{t}\tilde{a}$	$\pi\tilde{t}\tilde{a}$	$\pi\tilde{t}\tilde{v}-\tilde{a}$
$\tilde{H}\tilde{F}\tilde{i}\tilde{k}\tilde{e}$	$\tilde{H}\tilde{F}\tilde{i}\tilde{k}\tilde{e}$	$\tilde{H}\tilde{F}\tilde{i}k-v-\tilde{e}$	$\pi\tilde{e}\tilde{r}\tilde{a}$	$\pi\tilde{r}\tilde{a}$	$\pi\tilde{e}r-v-\tilde{a}$
			$\kappa\tilde{e}\tilde{r}\tilde{a}$	$\kappa\tilde{r}\tilde{a}$	$\kappa\tilde{e}r-v-\tilde{a}$

Таблица 20

Класс корня	Алломорф	Форма презенса
1	$\tilde{k}\tilde{a}m-$	$\tilde{k}\tilde{a}m-n\Lambda-a-$
2	$\pi\tilde{e}\tilde{t}\tilde{e}$	$\pi\tilde{e}\tilde{t}\tilde{e}-n\Lambda-\tilde{e}$

Таблица 21

Класс корня	Алломорф корня	Форма презенса с $-n\Lambda-$
1	$\tilde{k}\tilde{a}mHa-$	$\tilde{k}\tilde{a}m-n\Lambda-Ha-$
2	$\pi\tilde{e}\tilde{t}\tilde{e}H\tilde{e}$	$\pi\tilde{e}\tilde{t}\tilde{e}-n\Lambda-H\tilde{e}$

Однако если такое правило пригодно для синхронной морфонологии, с исторической точки зрения оно по меньшей мере странно. В корнях вида $\tilde{C}\tilde{V}$ при оформлении их носовым презентным суффиксом $-n-$ не происходит никакого инфигирования его между согласным и гласным (греч. $\beta\tilde{a}\tilde{i}\tilde{\nu}\tilde{\omega} < *g^w\tilde{a}\tilde{n}-y-\tilde{o}$, но отнюдь не $*g^w\tilde{n}-\tilde{a}-y-\tilde{o}$)⁸⁷. Также и другие и.-е. языки показывают многочисленные примеры инфиксации $-n-$ перед шумными (лат. $li-n-qui\tilde{o}$, слав. $*s\tilde{e}d\tilde{o}$, лит. $bu-\tilde{n}-da$, хетт. $\tilde{h}u-ni(n)-k-$), но инфиксации перед гласными мы не находим. Существует даже мнение, что первоначально носовой элемент инфигировался только перед заднеязычными (так обстоит дело в хеттском и тохарских)⁸⁸.

Исходя из вышесказанного, мы можем предположить, что на более раннем этапе развития греко-арийской прасистемы (либо еще в общиндоевропейском) корни, образовавшие греко-арийский презенс с "инфиксом-суффиксом" $-n\Lambda-$ (др.-инд. тип $stṛnāmi$, греч. $\delta\tilde{a}\tilde{r}\tilde{\nu}\tilde{\omega}$ и $*\pi\tilde{t}\tilde{e}\tilde{m}\tilde{i}$), имели вид $*storHe-$, $*damHa-$, $*pewH\tilde{a}$ и под.⁸⁹, где $*H$ — велярный или поствелярный.

⁸⁷ Тем более что при ларингаристской реконструкции таких корней, как $*g^w\tilde{a}H-$ и под. формы типа $g^w\tilde{a}-n-y\tilde{o}$ интерпретируются как $g^w\tilde{a}-n-H-y\tilde{e}$ с инфиксацией $-n-$ перед ауслаутным согласным $-H$.

⁸⁸ Иванов Вяч. Вс. Общеиндоевропейская, праславянская и анатолийская языковые системы. М., 1965, с. 177.

⁸⁹ В настоящей статье мы специально не занимаемся происхождением различия тембра инлаутных гласных в корнях, однако, по крайней мере в греко-арийской реконструкции, у нас нет оснований считать различие инлаутных (равно как ауслаутных) гласных в греческом вторичным. Это не означает, конечно, что в прасистему автоматически переносится система греческая. Этот вопрос требует дополнительного изучения.

ный спират, генетически тождественный хет. *h* (*h*). Такой вид имело и небольшое число корней на шумный: **petHe-*, **petHa-*, **mAntH-* и многие другие. В этом случае инфикс нормально вставляется перед последним согласным корня. Исходя из этого, схему, приведенную в табл. 20, можно представить табл. 21.

З а м е ч а н и е. В греческом, по всей видимости, инфикс очень рано приобрел вид *-h-*, выравнявшись по своей нулевой ступени, ср. соответствия др.-инд. основам типа *hāḥ-* греч. основ типа *hant-* в *hantōn*. Приведенные в таблице реконструированные формы отражаются в греч. через стадию **kamnHa-*, *pelnHe-* (либо то же без "ларингала").

Таким образом, мы путем внутренней реконструкции не только др.-инд., что было уже сделано Соссюром, но и греческого, пришли к результату, принципиально сходному с классическим выводом Ф. де Соссюра об образовании презенсов IX кл. Единственное, в чем наша реконструкция существенно отличается от реконструкции Соссюра — это в том, что мы считаем греческие ауслаутные гласные и др.-инд. *-i-* не рефлексам "сонантического коэффициента" ("шва", "ларингала" в другой записи), а отражениями реальных гласных, находящихся после "сонантического коэффициента" (возможно, заднеязычного спиранта).

Полным аналогом корней на *-hN* являются корни, в которых, В.А. Дыбо предлагает реконструкцию и.-е. финали **h⁹⁰*: такие корни в др.-инд. инфигируют *-nN* между согласным, предшествующим *-h* финали и *h⁹⁰*. К корням этого типа относятся такие, которые, будучи корнями *-seṭ*, образуют др.-инд. презенс с помощью суф. *-nō/-ni-*, являющегося субститутом старого **newi/-*nū-* (нулевая ступень суффикса сохранилась в иранских и греческом; в последнем в отличие от др.-инд. *-nū-* выступает и как субститут и.-е. **neṭ-*) и в которых окказионально сохраняются рефлекс *-h* после *-n*. Корнями этого типа являются, видимо, и те, которые имеют в греч. или др.-инд. конечное *-h*: греч. (ε) *ḡerū-* (ср. др.-инд. *vr̥ṇōti*, *varūtār*), (ε) *ḡerū-*, *ḡerpu-* "ползать" (при другом варианте корня — *ḡerpe* в *ḡerpetōn*), др. инд. *sanu-* в *sānitār* при *sanitār*, *taru-* в *tarūtara-* и др. Ларингалистская трактовка таких финалей, как *-hN* представляется нелепой. Греч. в корнях на *-hN*, как и в корнях на *-hN*, имеет различные ауслаутные гласные, ср.: *βεῖFo-* "жить" (2 кл.) < **g^wey⁹⁰wo-*, ср. др.-инд. *jinōti* как субститут **jinaviti* < **g^wi-nN-wə-*; *κλῆFe-* (1 кл.) "слышать", *κλῆFe-* (1 кл.) "слышать" < **klēwe-* (ср. др.-инд. *ḡr̥ṇōti* как субститут **ḡr̥⁹⁰naviti* < **kl-nN-wə-*).

Не исключено, что финаль **h⁹⁰*, предложенная В.А. Дыбо⁹¹, должна быть переинтерпретирована как *-h^wN*, где *-h^w* не абстрактный "оглубленный ларингал", якобы исчезающий в большинстве и.-е. языков, изменив тембр гласного *e* в *o*, а реальный и.-е. **h^w*, отражающийся в хетском как *h^w*, а в прочих языках совпадающий или дающий рефлекс, близкий к и.-е. **h*. В ауслауте *-h^w* должен в таком случае реконструироваться в *-h^wes-* "жить" (ср. хет. *h^weszi*), *-h^wek^w* "говорить" (ср. хет. *h^wek^w* "умолять"), *-h^wak^w/g-* "бить, убивать" (хет. *h^wek-*, ср. греч. *φαγ-*, лит. *vogti*), *-h^wel-* "валить; заворачивать" (хет. *arḡa h^wella-* "выскользнуть, развязаться", *h^wulali-* "пере-

матывать, обматывать"), *-h^wΛ⁹²-* "шерсть" (хет. *h^wulana-*, *h^wulija-*), *-h^wArg-* "колесо" (хет. *h^wurki-*), *-h^werg-* "поработать, делать зло" (хет. *h^wurkel-* "грех" — ср. семантику слав. **vōrgъ*), *-h^wrAn-* "окроплять" (хет. *h^wurna-/h^wurnija-*, ср. греч. *ῥάωω* < **wānyō*), *-h^wert-* "вертеть" (хет. *arḡa h^wuruta-* "прокидывать")⁹². Дальнейшее исследование хетского, видимо, позволит обнаружить корни, имеющие рефлекс как оглубленных, так и неоглубленных "ларингалов" не только в ауслауте, но и в ауслауте, причем у тех корней, где мы предполагаем их наличие в и.-е. на основании анализа греко-арийских образований с "инфиксом-суффиксом".

Как следствие из вышеизложенного возникает вопрос: не существовало ли корней с ауслаутным гласным, которому не предшествовал "ларингал" (*H)?

На с. 201–202 было показано, что греческий инфектный конфикс *-v...ave-* так же, как выше разобранные суффиксы, может оформлять корни CVCV обоих классов, причем лишь с шумным ауслаутом. Корни, образующие инфект с этим формантом, имея структуру CVCV в греческом, часто имеют вид *-anit* в др.-индийском. У нас нет оснований предполагать вторичность структуры CVCV тех греческих корней, которые имеют вид *-anit* в др.-индийском. Вторично корни CVCV в историческое время явно не возникали, скорее наоборот: тенденция шла к распределению всех корней по видам CVC и CV, причем корни CVCV 1-го кл. на шумный начинали вести себя как корни CVC. Так объясняется появление полной огласовки в формах типа *πεσός* и т. п. Видимо, подобный процесс, но еще более интенсивный, шел в др.-инд. Большое количество форм *-seṭ* сохраняется у корней, образующих презенс IX кл. (*-nū-*) (см. выше) и у некоторых других. Корни, образующие другие классы презенса, и особенно корни 1-го кл., сохранили единичные формы с *-i-*: аор. *bōdhiṣat* (RV, греч. *περδῶ* 1 кл.), аор. *veḡit* (RV, греч. *HFtke-* 1 кл.), *viditā-* (AV), *veditar* (V, греч. (ε) *Feide-* 1 кл.). Совсем не сохранили форм *-seṭ* корни, соответствующие греч. корням 1-го кл. *σεδε-*, *τερπε-*, *φλεγε-*, *δακε-/α-*, *δεκε-*, *δεκε-*.

Позиции нейтрализации др.-инд. корней *-seṭ* и корней *-anit* на шумный пока не исследованы, но очевидно, что ситуация будет схожа с греческой: скорее всего *-i-* лучше сохраняется в корнях 2-го кл. Устойчивее структура корней *-seṭ* 1-го кл. с сонантным ауслаутом, что справедливо также и для греческого.

Инфектный конфикс *-v...ave-* является объединением двух различных аффиксов: "инфикса-суффикса" *-vN*, о котором речь шла выше, и суф. *-ave-*, при котором огласовка корня полная (ср. греч. инфекты *ἰκάνω*, *ἐρῶκάνω*). В греческих инфектах с конфиксом *-v...ave-*, образованных от корней с ауслаутным гласным, инфиксальная часть конфикса ставится не перед гласным, как в *δάκνω*, отражающем старое **dak-v-(H)α-*, а перед согласным: *πυνθάνω*, отражающее старое **pu-v-ḡN-* от корня 1-го кл.; *τυγχάνω*, отражающее **du-v-xē-*. Ауслаутные гласные в этих образованиях так же поглощаются гласным суффикса, как в тематических аористах

⁹⁰ Дыбо СА, с. 235, 240–243, там же приведен материал.
⁹¹ Дыбо СА, с. 242.

⁹² Возможно, что в некоторых случаях *H⁹⁰* сохраняется в греч. в виде *h-*, что соответствует старой гипотезе Сепира. См.: Cowhill W.C. Evidence for laryngeals in Greek. — Evidence for Laryngeals. Austin, 1960, p. 118–123.

ἐπετον < *pēte-o-m (от корня 1-го кл.) и ἐπτόμην < *pētā-o-māN (от корня 2-го кл.). Видимо, именно корни CVCV на шумный, образующие инфект на -v...ave - в греческом, исконно имели вид *bhewdhΛ-, *dhewghΛ-, и под.

Морфонологическое поведение их в греко-арийском идентично поведению корней типа *petHa-, с одним важным различием: если у последних носовой инфикс ставится после конечного шумного перед ларингалом, то у первых (факты пока есть только греческие) он ставится перед конечным шумным. Возможно, что др.-инд. презентный VII кл. образован, наряду с корнями *anit*, старыми корнями -*sef* такого типа. Конечный гласный (отражаемый в др.-инд. как *ā > *i*, в греч. сохраняющий свое качество), как мы видим, на постановку инфикса не влиял.

Как известно, образований, подобных греч. *πυθάνω* и др.-инд. *riñākti*, не бывает у корней с ауслаутным сонантом. Поэтому, встретив корень -*sef* с ауслаутным сонантом, не образующий презенса с "инфиксом-суффиксом" -nΛ-, мы не сможем узнать, оканчивается ли он на -RHΛ или -RL. Видимо, последние находятся среди многочисленных греко-арийских корней, не образующих презенса с "инфиксом-суффиксом".

Корни на -RHΛ определенно имеют глаголы, имеющие в др.-инд. и греч. презенсы с носовым "инфиксом-суффиксом": греч. *κάμνω* и др.-инд. *śamñi-ṣē*; греч. *δάμνμι, πέρνμι, κρήνμι, πίτμι, ὀρίγνμι, πίλαμαι, κίρνμι, δύναμαι, μάραμαι, τέμνω, κέμνω, πίνω/πίνω, ῥέειω, ἰκνέω, ἰδχύνω, βῶέω, δάκνω*; др.-инд. *dṛñāti, priñāti, gñāti, ramñāti, vṛñāte, śṛāti, kṣiñāti, mināti* и др. Корни такого же типа образуют, видимо, пары, противопоставленные в греко-арийском и других и.-е. по "Schwebe-ablaut" 'у: *pelHe-/ *pleH(e)- (греч. *πελε-/πλη*, др.-инд. *parā-/prā-*); *ḡonH(Λ)/ *ḡnoH(Λ) (греч. *γυνω-*, др.-инд. *ñā-*, слав. *zna-*/герм. *kan-*; лит. *-žin-ti*); *ḡenHe-/ *ḡneH(e) 'рождать' (греч. *γενε-/γυνη*-др.-инд. *janā-/ñā-*, лат. *gen(i)/gnā-*) и многие другие. Такие пары, восходя к и.-е. уровню, не имеют ничего общего с греч. "метатезами": последние возникают только у корней 2 кл. при суффиксах II кл., пары же, приведенные выше, образуют свои парадигмы и происходят от корней любого класса. Впервые мнение о необходимости отделять греч. "метатезы" от пар типа приведенных выше и обоснование такого отделения были высказаны Ф. де Соссюром (Мемуар, с. 546).

Любопытно, что корни, в которых В.А. Дыбо предлагает реконструировать финаль *-*uə*, а мы *-*H^w*Λ, так же как корни на -HΛ, имеют пары, образованные "Schwebeablaut" 'ом, например **g^wēuH^wo-/g^wuēH^wo-* 'жить' (греч. *βελF o-/ζωF -*), **kēlH^w(e)/*kēlH^we-* (лат. *cul-* в *aus-culture*/греч. *κλῆF e-*), **serH^we/serH^we-* 'течь' (др.-инд. *sarā-/greceF e-*), **tōrH^we-/trōH^w(e)* 'пробивать и т. п. (греч. *τόρε-/τρο-*), **storH^we-/stroH^w(e)* 'протирать' (греч. *στορε-/герм. *straw-* в кауз. **straujana*) и др.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

Дыбо В.А. Праславянское распределение... — Дыбо В.А. Праславянское распределение акцентных типов в презенсе тематических глаголов с корнями на нешумные (материалы к реконструкции). — Балто-славянские исследования 1981. М., 1982.

Дыбо С.А. — Дыбо В.А. Славянская акцентология. Опыт реконструкции системы акцентных парадигм в праславянском. М., 1981.

Мемуар — Соссюр Ф. де. Мемуар о первоначальной системе гласных в индоевропейских языках. — Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. М., 1977, с. 302–562.

Николаев 1983 — Николаев С.Л. Морфонология древнегреческого глагола. Ч. 1–2. — Балто-славянские исследования 1982. М., 1983.

Николаев-Старостин 1982 — Николаев С.Л., Старостин С.А. Парадигматические классы индоевропейского глагола. — Балто-славянские исследования. 1981. М., 1982.

Benveniste 1941 — Benveniste E. Noms d'agent et noms d'action en indo-européen. P., 1941.

Pokorny — Pokorny J. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bern, 19 — 1959.

Strunk — Strunk K. Nasalpräsentien und Aoristen. Ein Beitrag zur Morphologie des Verbums im Indo-Iranischen und Griechischen. Heidelberg, 1967.

Whitney 1885 — Whitney W.D.W. The roots, verb forms and primary derivatives of the Sanskrit language. Calcutta, 1885.

В.Н. ТОПОРОВ

КЕЛЬТИБЕРСКАЯ НАДПИСЬ ИЗ БОТОРРИТЫ В СВЕТЕ БАЛТО-СЛАВЯНСКОГО СРАВНЕНИЯ

В последние десятилетия внимание индоевропейцев все больше привлекают "малые" языки, от которых осталось небольшое количество языковых данных в виде ограниченного числа однообразных надписей (ср. венетский, мессапский и некоторые другие) или личных и местных имен собственных по преимуществу (фракийский, иллирийский и др.). Данные этих языков позволяют до некоторой степени расширить и уточнить наши представления о деталях диалектных вариантов индоевропейской фонетики, словаря, иногда морфологии и даже синтаксиса, а, следовательно, и получить более дифференцированную картину диалектного членения позднеиндоевропейской эпохи. Не менее важны и выводы исторического характера, дающие возможность уточнить прошлое носителей данных "малых" языков и их этнокультурные связи (ср. данные о контактах фракийцев и иллирийцев с территориями, лежащими к северу и северо-востоку от Балкан).

Особый интерес в этом отношении представляют данные ранее совсем неизвестных образцов индоевропейской речи, открытые (или осмысленные как таковые) лишь в самое последнее время. Сейчас наиболее перспективным нужно считать разыскания в области ранних следов индоевропейской речи на Пиренейском полуострове. Речь идет об эпохе до римского завоевания Испании и тем более до утверждения латинского языка, по меньшей мере. Но иногда говорят и о "докельтских" индоевропейцах Испании¹, хотя практически вновь открываемые факты, как правило, целесообразнее относить к так называемому кельтиберскому (индоевропейскому) языку, сложному лингвистическому образованию, возникшему благодаря взаимным влияниям языка кельтов, проникших на Пиренейский полуостров в I тыс. до н.э., и языка автохтонного иберийского населения.

¹ См.: Schmoll U. Die Sprache der vorkeltischen Indogermanen Hispaniens und das Keltiberische. Wiesbaden, 1959 и др. Более широкая проблема "индоевропеизации" Испании отчасти затронута в книге: Tovar A. Die Indoeuropäisierung Westeuropas. Wiesbaden, 1982.

ния и локализовавшемуся в центре полуострова. Собственно кельтские диалекты сохранялись (и, видимо, довольно долго²) на севере и северо-западе, о чем, в частности, свидетельствуют кельтские элементы в топонимике Галисии, Астурии, Кантабрийских гор и в лексике (преимущественно сельскохозяйственной) северо-западных говоров испанского языка³. Во всяком случае в центре внимания в настоящее время находятся лингвистические факты, относимые к языку, который уже античные авторы называли кельтиберским и который представлен определенным количеством эпиграфического материала — известного ранее и открытого в последнее время⁴.

Среди новых кельтиберских материалов, обнаруженных в последние годы, первое место, бесспорно, занимает надпись, найденная в 1970 г. в Боторрите (Botorrita), в 20 км. к юго-востоку от Сарагоссы. Эта надпись, сделанная на обеих сторонах бронзовой пластины размером 40 × 10 см. так называемым "кельтиберским" шрифтом, содержит приблизительно 200 слов, из которых около трети пока не поддаются прочтению (данные до 1980 г.). Тем не менее и то, что прочтено и проинтерпретировано (хотя бы и в разных вариантах), — при том, что исследователей не оставляет надежда дешифровать и кое-что из "непрочтенной" части надписи, — уже делает надпись из Боторриты важнейшим источником сведений о кельтиберском языке, значение которого (учитывая быстрый прогресс в изучении этого текста) будет в ближайшее время возрастать, и — более того — одним из наиболее значительных древних памятников "материкового" кельтского (т. наз. Festlandkeltische)⁵. Надпись из Боторриты сразу же

² См.: Циркин Ю.Б. Испанские кельты и их романизация. — В кн.: Кельты и кельтские языки. М., 1974, с. 22–30. Во всяком случае варвары, вторгшиеся в Испанию в начале V в. н.э., еще застали остатки кельтоязычной речи (считается, что кельтами были галлаики, астуры и кантабры, жившие на северо-западе и севере Испании).

³ См.: Tovar A. Les traces linguistiques celtiques dans la Péninsule Hispanique. Celticum, t. IV. — Acte du III Colloque International d'Etudes Gauloises, Celtiques et Protoceltiques 1962. Rennes, 1963.

⁴ Среди наиболее общих и наиболее значительных работ по кельтиберскому языку ср.: Tovar A. Estudios sobre las primitivas lenguas hispánicas. Buenos Aires, 1949; *Idem*. Léxico de las inscripciones ibéricas (Celtibérico e ibérico). — In: Estudios dedicados a Menéndez Pidal II. Madrid, 1951, p. 273–323; *Idem*. La inscripción grande de Peñalba de Villastar y la lengua celtibérica. — Ampurias, 1955–1956, t. 17–18, p. 159–169; *Idem*. Das Keltiberische, ein neuer Zweig des Festlandkeltischen. — Kratylos, 1958, Bd. 3, S. 1–14; *Idem*. Las inscripciones celtibéricas de Peñalba de Villastar. — Emerita, 1959, t. 27, p. 349–365; *Idem*. The Ancient Languages of Spain and Portugal. N.-Y., 1961; Lejeune M. Celtiberica. Salamanca, 1955; *Idem*. Celtibère et lépontique. — In: Homenaje a Antonio Tovar. Madrid, 1972; Untermann J. Sprachräume und Sprachbewegungen im vorrömischen Hispanien. Wiesbaden, 1961; *Idem*. Personennamen als Sprachquelle im vorrömischen Hispanien. — In: Fachtagung für indogermanische und allgemeine Sprachwissenschaft. Innsbruck, 1962, S. 63–93; *Idem*. Die Endung des Genitiv singularis der o-Stämme im Keltiberischen. — In: Beiträge zur Indogermanistik und Keltologie Julius Pokorny... gewidmet. Innsbruck, 1967, S. 281–288; Firmat M. Albertos. Lenguas primitivas de la Península Ibérica. — Boletín "Sancho el Sabio". 1973, t. 17, p. 69 сл. и др. (ряд указанных работ оказался недоступным автору этих строк); ср. также: Schmoll U. Op. cit., и особенно работы, посвященные надписи из Боторриты (см. о них далее). Начата публикация фундаментального издания источников — Monumenta linguarum Hispaniarum. Bd. I. Die Münzenlegenden. 1. Text. 2. Tafeln. Wiesbaden, 1975.

⁵ По своим размерам (длине, определяемой количеством слов) надпись из Боторриты уступает только Календарю из Колиньи (Coligny), найденному в 1897 г. (галльский текст на бронзовой доске) и тексту из La Graufesenque.

привлекла к себе внимание специалистов. Уже в 1971 г. с сообщением о ней выступил А. Бельтран, а в 1973 г. он же опубликовал ее⁶. При этом Бельтран исходил из того, что язык надписи обнаруживает и б е р и й с к и й тип, и пытался продемонстрировать этот тезис рядом конкретных фактов. Однако это заключение в том же 1973 г. и в последующие 2–3 года было убедительно опровергнуто и опровергнуто⁷, и в настоящее время нет никаких оснований сомневаться, что надпись из Боторриты составлена на и н д о е в р о п е й с к о м языке кельтского типа, который применительно к испанской ситуации в настоящее время все специалисты согласно определяют как к е л ь т и б е р с к и й.

Открытие каждого нового древнего текста на индоевропейском языке, особенно когда текст написан на языке, который очень мало известен и вводится в индоевропеистику на наших глазах, дает основание и повод для уточнения (вплоть до пересмотра) ряда вопросов, касающихся диалектного членения позднейиндоевропейского и — более конкретно — определения тех или иных изоглосс. Надпись из Боторриты в этом отношении представляет собой благодарный материал. И, действительно, кое-что в этой области уже разъяснено, хотя сделанные наблюдения пока поневоле имеют характер предварительных и избирательных. Как и следовало ожидать, они относятся, так сказать, к самой ближней и самой дальней сфере сравнений — к кельтским языкам, с одной стороны, и к общиндоевропейскому (как он представлен прежде всего в словаре Покорного), с другой. В настоящей заметке предпринимается попытка осветить некоторые факты этой кельтиберской надписи сравнением со сходными балто-славянскими данными или, иначе говоря, обратить внимание на то, ч е м эта надпись может оказаться полезной для балтиста и слависта, пытающихся найти более точный и подробный контекст для тех или иных балто-славянских фактов в индоевропейской перспективе. Сразу же следует сделать оговорку. На этом этапе (разумеется, предварительном), — особенно принимая во внимание, что надпись из Боторриты открывает нам очень неполный инвентарь грамматических форм и всего лишь несколько десятков лексем, —

⁶ См.: Beltrán A. Martínez. Avance al estudio del bronce ibérico de Botorrita. — In: XII Congreso Nacional de Arqueología, Jaén 1971. Zaragoza, 1973; *Idem*. La inscripción ibérica sobre bronce de Botorrita. — In: Homenaje a D. Pio Beltrán, Anejos de Archivo Español de Arqueología, VII. Madrid, 1974, p. 73–85.

⁷ См.: Tovar A. Las inscripciones de Botorrita y de Peñalba de Villastar y los límites orientales de los celtiberos. — Hispania Antiqua, 1973, t. 3, p. 367–405; *Idem*. Ein neues Denkmal der keltiberischen Sprache: die Bronze von Botorrita. — ZfceltPh., 1975, Bd. 34, S. 1–19; Lejeune M. La grande inscription Celtibère de Botorrita (Saragosse). — Académie des Inscriptions et Belles-Lettres. Comptes rendus des séances de l'année 1973. Paris, 1974, p. 622–647; Firmat M. Albertos. Op. cit., p. 69 сл.; Hoz J. de, Michelena L. La inscripción celtibérica de Botorrita. Salamanca, 1974; Schmidt K.H. Historisch-vergleichende Analyse des keltiberischen Inschrift von Botorrita zu Grunde liegenden Morpheminventar. — In: Studies in Greek, Italic and Indo-European Linguistics offered to Leonard R. Palmer on the occasion of his Seventieth Birthday June 5, 1976. — Innsbruck, 1976, S. 359–371; *Idem*. Zum keltiberischen Inschrift von Botorrita. — Bulletin of the Board of Celtic Studies, 1976, vol. 26, p. 375–394; *Idem*. Der Beitrag der keltiberischen Inschrift von Botorrita zur Rekonstruktion der protokeltischen Syntax. — Word 1976, vol. 32, и др., не говоря о ряде более поздних работ о языке надписи из Боторриты (некоторые из этих работ оказались недоступными; с новой публикацией надписи с уточнениями текста на обеих сторонах А и В, см.: Annali del Seminario di Studi del Mondo Classico. Sezione ling. 2. Pisa, 1980/L. Motta/удалось познакомиться лишь на стадии корректуры).

любые заключения носят печать ограниченности и относительности. Поэтому и кельтиберо-балто-славянские параллели претендуют не на эксклюзивность, а всего лишь на х а р а к т е р н о с т ь на фоне разнообразия соответствующих языковых элементов в большинстве других индоевропейских языков. Наконец, в ряде случаев сами эти "характерные" параллели могут объясняться не только преимущественной диалектной близостью или особыми обстоятельствами ареальных связей, но и т и п о л о г и ч е с к и сходными тенденциями, действующими в пределах исходно единого языкового материала и, следовательно, приводящими к сходным результатам и на формальном уровне.

Подходя к указанному сравнению с этой точки зрения, уместно в наборе флексий имени, носящем в кельтиберском стандартный (в целом) индоевропейский характер (*ā*-основы: Nom. Sg. *-a*, Acc. *-am*, Gen. *-as*; Nom. Pl. *-as* /*-ʔ*/ и т.п.; *o*-основы: Nom. Sg. *-os*, Acc. *-om*; Gen. Pl. *-om*, Dat. *-ulbos* и т.п.), выделить три формы — Gen., Dat. и Loc. (?) Sg. основ на *-o*. История изучения первой из них (Gen. Sg.) показательна в том отношении, что, определив флексии практически всех других форм этих основ в обоих выделенных им вариантах кельтиберского (Osten — Westen), Шмоль не решился сформулировать положительным образом свои соображения о флексии Gen. Sg., ограничившись знаком вопроса (?)⁸. Поскольку в материале, проанализированном Шмолем, формы Gen. Sg. б ы л и, затруднения и сомнения исследователя должны быть в основном отнесены за счет н е о б ы ч н о с т и материального выражения этих форм. Действительно, ближайшие родственные языки обнаруживают в Gen. Sg. *o*-основ иную картину: лат. *lupī*, огам. *MAQI*, галльск. *Segomari* и т.п. отсылают к итало-кельтской флексии *-ī*⁹, имеющей, видимо, соответствия и за пределами этих языков (особые формы имени на *-ī* в двучленных композитах в санскрите, имеющие наречный характер). Кельтиберская же флексия этой формы *-o*, подтверждаемая и данными надписи из Боторриты (ср.: *sārniCio*: *Cue*: *śua*: *ComPalCes*... 'здание Сарникия', 1¹⁰), ориентирует, как показал Унтерман¹¹, на совсем другой круг связей. Правда, немецкий ученый делает ряд ограничительных замечаний. Исходя из анализа трех текстов, которые были известны до открытия надписи из Боторриты, он высказывает предположение, что весь кельтиберский материал может и не показать с такой ясностью наличия флексии *-o* в формах *o*-основ. Кроме того, "за многими формами на *-o* может укрываться и нечто совсем другое". Наконец, последовательное написание *-o* в этой флексии (при полном отсутствии *-u*) дает известные основания думать о к р а т к о м гласном *-ō*, тогда как в балтийских и славянских языках в этих формах, естественно трактуемых как генетически тождественные

или непосредственно связанные друг с другом, предполагается д о л г о е *-ō* (ср. лит. *diēvo*, лтш. *dieva* — из **deivō/d/*; слав. *bogu* < **bogō/d/*; но ср. прусск. *deiwas* < **deivōs*)¹². В самом деле, определенная сложность в соотношении к-либер. *-o* и б.-слав. *-ō* в одной и той же форме Gen. Sg. *o*-основ существует, но она касается не сути дела (единой исходной формы), а только способа объяснения этого в т о р и ч н о г о (хотя и минимального) расхождения. Не останавливаясь здесь на окончательном выборе этого способа, можно все-таки напомнить, что т а к о с же различие по долготе-краткости наблюдается в т о й же с а м о й форме Gen., но в Plur. между литовским языком (*ų* < **ōm*), с одной стороны, и славянским и некоторыми кельто-италийскими языками, для которых предполагается исходная флексия в виде **-ōm*, с другой. Теоретически не исключено, что в формах Gen. в обоих числах была обобщена краткая ступень гласного *-o*, причем индуцирующей могла быть форма Gen. Plur.¹³. Но также нельзя не считаться с возможностью исхода *-o* и в самом Gen. Sg. в свете некоторых сравнительно-исторических и типологических данных, в частности, относящихся к использованию в качестве Gen. чистой основы (ср. также семитский *status indeterminatus*), тем более, что чистая основа могла, видимо, выступать как аналог генитивной формы в первом члене сложных слов типа *tatpuruṣa*, где лишь позже *-o* было переинтерпретировано как соединительный гласный (ср. слав. **dobro-dějъ* 'делатель добра', но **dobra* & **dějъ* 'то же'; в первом случае — сложное слово, во втором — сочетание с Gen.; для известной эпохи это соотношение могло бы провоцировать квазиреконструкцию двух типов — **dobro-dějъ*, но **dobrō* & **dějъ*; ср. лит. *gera-dėjas* / *gera-darj̃s* /, но *gėro* *kurėjas* и т.п.)¹⁴. Следовательно, флексия *-o* в кельтиберском Gen. Sg., во-первых, имеет определенные основания в структуре индоевропейского склонения и, во-вторых, едва ли может быть отделена от указанных форм Gen. Sg. *o*-основ в восточнобалтийском и славянском. Но, разумеется, *-o* в этой форме в кельтиберском могло быть и относительно поздним результатом целенаправленного (так сказать, "волевого") обобщения ряда вариантных форм (*-ō*, *-ō*, *-u* и т.п.) с тем, чтобы четко различать флексии Gen. и Dat. Sg., учитывая, что в последней

¹² Впрочем, *-as* в Gen. Sg. в прусском иногда объясняют и иначе, напр., из *-os(i)/-o*, см. *Stang Chr. S. Vergleichende Grammatik der baltischen Sprachen*. Oslo, 1976, S. 188. Кстати, и Унтерман (Op. cit., S. 288) высказывает предположение о том, что формы типа и.-евр. **que-so* (др.-греч. *τεο*) или **to-sjo* (др.-греч. *τοῖο*) могли быть исходной точкой для кельтиберского *-o* в Gen. Sg.

¹³ Разумеется, следует помнить, что определение форм на *-om* как Gen. Pl. и т. ориентировано на более поздний узус. Характерно, что флексия Gen. Plur., единственная в парадигме, лишена показателя мн.ч. (ср. также известные случаи неразличения Gen. в Sg. и Plur.), а флексия Gen. Sg. вообще может не иметь самостоятельного выражения (ср. лувийский, ликийский); ср. также употребление Adj. в функции Gen. и т.п. См.: *Watkins C. Remarks on the Genitive*. — In: *To Honor Roman Jakobson*, vol. 2. The Hague, 1967, p. 2191 ff.

¹⁴ См.: *Топоров В.Н.* Несколько соображений о происхождении флексий славянско-го генитива. — In: *Bereiche der Slavistik: Festschrift zu Ehren von Josip Hamm*. Wien, 1975, S. 287–296. — Распространенное объяснение Gen. Sg. на *-o* как старое Abl. на *-ōd*, правдоподобное в ряде случаев, в целом только отодвигает решение проблемы вглубь, поскольку источник этой флексии (*-o-at* или *-oH₂-et* и т.п.) ставит вопрос о природе морфологической характеристики того же самого *-o*, предшествующего элементу *-at* (*-et*).

⁸ См.: *Schmoll U. Op. cit.*, S. 38.

⁹ Возведение *-ī* в древнеирландском к **-ešjo* (Семерены) в данном случае вызывает сомнение. При флексии *-ī* в Gen. Sg. некоторых других италийских и кельтских языков обнаруживаются и другие способы выражения — как ионновации (ср. оск. *-eis*, умбр. *-es* < **eis* из основ на *-ī*), так и архаизмы (ср. *-osio* < **osjo* в фаллисск. *Kai-siosio*).

¹⁰ Ср. 'des Sainikios Gebäude' (Шмидт). Текст дается по чтению Товара (1973). Следует помнить, что в иберийском алфавите не различаются *Tenuis* и *Mediae*.

¹¹ *Untermann J. Die Endung des Genitiv ...*, S. 281–288; ср. также *Schmidt K.H. Historisch-vergleichende Analyse...*, S. 363 и др.

форме при преобладании *и*-флексий (*-и*, *-ui*, *-ie*) отмечены и флексии с элементом *-o-* (*-o*, *-oi*, *-oe*).

Кельтиберские флексии Dat. Sg. *o*-основ многообразны (*-и*, *-ui*, *-ie*, *-o*, *-oi*, *-oe*; в надписи из Боторриты *-oi*, ср.: *šarniCioi: aCainaCuPoš| nePinTof...*, 1–10 'für den Sarnikios und die Acainacoi sollen sie nicht getötet werden') и в этом смысле, отклоняясь от обычно реконструируемой кельтской флексии *-ū* (ср. галльск. *Alisanu* и под.), перекликаются с подобным же многообразием балтийских форм Dat. Sg., особенно полно представленных в литовском. Но помимо самого факта многообразия флексий в этой форме заслуживают внимания и сходные принципы аранжировки этих флексий в балтийском и кельтиберском: наличие флексий с элементом *-i* и без него, во-первых, и соотношение *-o-*, *-и* в качестве определяющих гласных соответствующих флексий, во-вторых. Обычные объяснения литовских форм Dat. Sg. *o*-основ исходят из признания таких возможностей, как наличие исходных флексий **-ōi* и **-ō* (ср. лит. *vilkuo* < **vilkō*) на индоевропейском уровне; расширение флексии с помощью вторичного *-i* или, напротив, потеря первичного *-i* в флексии; заимствование *-и* из склонения *и*-основ и т.п.¹⁵. Похоже, что эти же объяснения более всего подходят и к кельтиберской мозаике форм Dat. Sg. Во всяком случае положение дел в этом вопросе и в кельтиберском, и в восточнобалтийском таково, что есть основание говорить не просто о диалектных (а в случае кельтиберского и графических) вариантах исходно единой флексии, а об известной не ста б и л ь н о с т и принципиального характера, обязанной своим происхождением ситуации нащупывания р а з н ы х способов выражения Dat. Sg. (иногда носящих характер почти импровизаций ad hoc), что свидетельствовало бы о том, что единый тип в это время еще не был выработан.

Третья любопытная параллель относится к формам так называемого "синтаксического" локатива. Примером их может быть сочетание *ToCoiTei: eni*, 4 в надписи из Боторриты, где *eni* — постпозиция, следующая за формой, совпадающей с Dat. (ср. *ToCoiTei*, 10 'für den Togoitis' и др.). Если эта интерпретация верна, то этот тип перекликается со славянским предложным локативом¹⁶ типа **vz & *gordě* 'в городе' из и.-евр. **n & *ghord-hoi* (данная реконструкция оправдана единственно ее экспликативным назначением), где **n* нулевая ступень и.-евр. **en* (ср. Рок. 1,311–312: **en*, **eni*), а *-oi* — флексия Loc. Sg. или — еще точнее — с прусскими конструкциями из предлога *en* 'в' с Dat. типа *en mattei*, *en mayiey krauwiey* и т.п. Различие между кельтиберскими и западнобалтийско-славянскими примерами заключается, если не считать частных, в п о л о ж е н и и эле-

мента **en* (**eni*) — в постпозиции или препозиции. Однако в литовском в Loc. Sg. этот элемент выступал, как и в кельтиберской надписи из Боторриты, после имени существительного, ср. лит. *miškė* 'в лесу', которое, как полагают¹⁷, из **miškīe & *en* (< **miškoj/-ei & *en*), т.е. из сочетания, аналогичного отмеченному кельтиберскому "синтаксическому" локативу и умбскому Lok. Sg. *o*-основ типа *kumne*, предполагающему стяжение локативной флексии с послелогом *en* (т.е. **-ei/ > *ē/ & *en*)¹⁸.

Каждая из приведенных здесь кельтиберо-балтославянских параллелей показательна и сама по себе (особенно при учете двух обстоятельств: они, если не эксклюзивны, то все-таки преимущественно отражены именно этими группами языков, во-первых; в пределах указанных групп они охватывают лишь часть языков каждой из групп, во-вторых), но в сумме эти параллели, почерпнутые все из области именно флексии (три косвенных падежа в основах на *-o*), выглядят, кажется, еще убедительнее. Во всяком случае они могут послужить основанием для дальнейших разысканий и соответствующих интерпретаций.

Глагольные формы в надписи из Боторриты (как, впрочем, и в других кельтиберских текстах) весьма ограничены, и уже поэтому они не дают возможности для сколько-нибудь широкого поиска параллелей. Тем не менее одна форма, встречающаяся как раз чаще других, оказывается существенной и с точки зрения внешнего сравнения. Речь идет о формах на *-tus* (ср.: *ušaPiTus*, 5, *PiseTus*, 5; *TinaTu/s*, 6; *šaTus*, 7; *TaTus*, 8, 10), трактуемых как "плюрализованные" императивы на *-tu*¹⁹ и сопоставляемых с соответствующими комплексами из глагольного *-t* (инъюнктив?) и частного *-и*, напр., в древнеиндийском или хеттском. Но значение этих "боторритских" форм (ср.: *Camanom : ušaPiTus*, 5 'sie sollen einen Weg oberhalb [?/] ausstechen'; ...*Tiris : maTuš : TinaTu/s*, 6 '...sollen drei Bären saugen'; ...*neiTo : TirnCanTam | eni : on ...šaTus*, 6–7 'in die Halle des Neitos sollen sie schicken' и т.п.), кажется, позволяет связать их и с вост.-балт. *-tu*, глагольным формантом модального наклонения (определяемого то как опатив, то как кондиционалис), расширенным элементом *-m*, а иногда и *-b* (восходящим к глаголу бытия), ср. лит. *būtu* (*būtumbiau* и т.п.), лтш. *būtu* (ср. *byutub*, *dūtub/u/* или *dātum/u/* и т.п.²⁰). Но это сравнение, верное в общем плане, конечно, менее специфично, чем сравнения в области именной флексии. Тем не менее оно интересно как раз в том отношении, что касается форм сравнительно позднего и скорее всего независимого происхождения в разных ветвях индоевропейской языковой семьи. И в этом случае характерно прежде всего схождение в поиске средств для выражения общего (или сходных) грамматического значения.

В области местоимений наиболее интересной и безотносительно важной

¹⁵ См.: Zinkevičius Z. *a(o)-kamienų daiktavardžių vienaskaitos naudininkas*. — Vilniaus Valstiebinio Universiteto Mokslo Darbai V. Istorijos-filologijos fakulteto Mokslo Darbai I. Vilnius, 1955, p. 187–195; *Idem*. Lietuvių dialektologija. Vilnius, 1966, p. 208–209; *Idem*. Lietuvių kalbos istorinė gramatika, I. Vilnius, 1980, p. 209; *Otrebski J.* Gramatyka języka litewskiego, III. Warszawa, 1956, str. 14; *Stang Chr. S.* Op. cit., S. 70, 181; *Kazlauskas J.* Lietuvių kalbos istorinė gramatika. Vilnius, 1968, 148–149, 411; *Мажюлис В.* К балтийскому и индоевропейскому дативу ед. ч. — Baltistica, II, 1966, p. 133–145; 3, 1967, p. 29–46; *Idem*. Baltų ir kitų indoeuropiečių kalbų santykiai. Vilnius, 1970, p. 106–127 (ср. Baltistica, X, 1974, p. 97: рецензия Хильмарссона на эту книгу Мажюлиса) и др., не говоря о более ранней литературе (Эндзелин, Шпехт, Плакис и др.).

¹⁶ Позднее возникновение предложного локатива в данном случае не имеет значения.

¹⁷ См.: Zinkevičius Z. Lietuvių kalbos istorinė gramatika, I, p. 209–210 (допускается и исходная форма **miškē & *ēn*); *Mažiulis V.* Op. cit., p. 127–160 и др.

¹⁸ В осском сохраняется исходное *-ei* в Loc. Sg. *o*-основ (ср. *tereī* 'comenei'). Ср., впрочем: *Statūs pūs set h ū r t ī n Kerriūn*,... (Agnone посвященная дощечка) **(Di) qui erecti sunt in lūco Cereali*, где *-in* в *hūrtin Kerriūn* из *-ēn*, *-ei-en*).

¹⁹ См.: *Lejeune M.* Op. cit., p. 647; *Schmidt K.H.* Op. cit., S. 367–368 и др.

²⁰ См.: *Endzelins J.* Latviešu valodas gramatika. Rīgā, 1951, l. 893 и сл.; *Idem*. Baltu valodas skapas un formas. Rīgā, 1948, l. 213–215; *Stang Chr. S.* Op. cit., S. 428–436; *Zinkevičius Z.* Lietuvių kalbos istorinė gramatika, II. Vilnius, 1981, p. 122–128 и др.

параллелью следует считать основу Pron. demonstr. *st-*, засвидетельствованную в надписи из Боторриты в форме Nom.-Acc. Plur. *sTena* 'эти' (ср.: *uTa : oscues : sTena : uer̃soniTi*, 3 'und wer diese [sc. Gebäude] hinzuzugewinnen sucht'; *iomlāsēTi [a]mPiTinCounēi : sTena*, 5–6 'während er dabei ist, diese [sc. Gebäudes] zu schützen...'), с одной стороны, и в прусских текстах (ср. *stas* 'этот', *stes; stan, sten; stēise/i; stēi/smu* и т.п., а также специально Nom. Plur. masc. *stāi, staey*, Acc. Plur. masc. *stans, stens*). Форма *sTena*, как уже было отмечено ранее²¹, напоминает ранее известную форму, видимо, этого же Pron. demonstr. *sTan* (Luzaga). Как в кельтиберском, так и в прусском характерно колебание вокализма *a : e*. Оба члена сравнения, до сих пор не постулированного, объясняются (порознь) контаминацией одних и тех же указательно-местоименных элементов — **so-* и **to-*²²; правда, в кельтиберском этот комплекс расширен с помощью *-eno* (в прусском же *-an, -en* появляются как показатель Acc.). При нередкости контаминаций в основе Pron. demonstr. этот тип, кажется, ограничивается в этом виде лишь кельтиберским и прусским (лат. *istum*, умбр. *estu* относятся к иной категории случаев; ср. также рус. диал. *эста* 'вот этот, вот', *эстый* 'этот'. СРНГ 9, 1972, 41, 43 — при *эстолечко, чики, ъкий к столъ*; ср.: *Растет она в четиры вершка, вот э ста к ень к а я вот будет*. Лесков. Некуда. Кн. 1, гл. 9). Тем не менее, сам этот тип очень показателен в том отношении, что основы **so-* и **to-*, как известно, сосуществуют в пределах одной и той же парадигмы: **so-* в Nom. Sg. masc. (**sos*) и fem. (**sā*), **to-* в остальных падежных формах. Если учесть, что **so-* и **to-* специализировались в их самостоятельном употреблении как разные типы дейкиса (ближний и дальний и т.п.), то кельтиберско-прусская основа *st-(en-)* должна вызвать особый интерес к себе²³.

В области лексики надпись из Боторриты обнаруживает немало элементов, дающих повод для сравнения с балто-славянскими фактами, но большей частью эти параллели малоспецифичны и носят характер обычных в индоевропейской этимологии соответствий общего типа. Значение таких параллелей в том, что их учет создает более полную картину связей данных лексем²⁴. Но некоторые сопоставления, предлагаемые далее и предпола-

гающие одновременное этимологическое решение некоторых лексем из надписи, найденной в Боторрите, могут оказаться весьма нетривиальными. Д в а из таких сопоставлений предлагаются ниже, в заключение этой заметки. Они различны по своему типу. Первое отсылает к существенным наблюдениям морфологического характера; цель второго в объяснении и установлении связи между совершенно изолированными лексемами. Различаются эти два сопоставления и по степени надежности. Первое представляется достаточно обоснованным; второе же имеет характер гипотезы, если угодно, характер этимологического эксперимента, проверка которого зависит от возможности обнаружения новых фактов, относящихся к данной теме.

В первых двух строках лицевой стороны (А) трижды появляется элемент *liTom* и однажды *neliTom*, естественно трактуемое как та же лексема с отрицанием. Эти четыре слова определяют структуру первых двух строк, задавая ей определенную ритмическую последовательность. Вместе с тем *neliTom* и *liTom*, несомненно, предопределяют смысл дальнейшего текста в очень существенной степени²⁵. Слово *liTom* включено в одну и ту же трижды повторяемую конструкцию, элементами которой, кроме *liTom*, являются отрицательный союз *neCue* и форма на *-unei*, образованная от глагольного корня: *...n e l i T o m [neCue]er̃Taunei : l i T o m : neCue : Taunei : l i T o m : masnaiTisaunei : l i T o m*²⁶. В этом контексте *neliTom* и *neCue...liTom* должны быть признаны равнозначными. С грамматической точки зрения эти формы могут быть определены как Nom. Sg. neutr. отглагольного прилагательного, с семантической как 'позволено', 'разрешено', 'можно' и т.п. (*liTom*) и 'не позволено', 'не разрешено', 'нельзя' и т.п. (*neliTom* и *neCue...liTom*). К.Х. Шмидт использует при переводе этих слов порознь соответственно 'es ist erlaubt' и 'nicht ist es erlaubt', а при переводе строки 2 в целом несколько иной вариант, не меняющий, впрочем, смысла целого: '...weder (*neCue*) ist es gestattet (*liTom*)[sie] durch Brand zu beschädigen, noch ist es gestattet, [sie] zu verbrennen, noch ist es gestattet, [sie] zu zerstückeln'. Тот же ученый, несомненно, правильно связал элемент *li-* с и.-евр. **lē(i)-* 'nachlassen' и т.п. (Pok. 1, 665–666)²⁷, но не указал каких-либо конкретных параллелей. Сейчас они могут быть приведены. Речь идет о балтийских и славянских отражениях этого индоевропейского корня (существенно, что следы его в кельтских языках отсутствуют или, точнее, не указывают-

формах с *u*) и т.п., но особенно др.-в.-нем. *silabar*, гот. *silubr* и т.п.; глаголы — *[u]er̃Taunei*, 2 (к и.-евр. **dāu-*, **dau-* 'жечь' при лит. *džiūti* 'сушить', лтш. *žaut* (**dēu-?*); *TinaTu[s]*, 6 'sie sollen saugen' (ср. др.-ирл. *den/a/id*, к и.-евр. **dhē(i)-* 'сосать', 'кормить') при лтш. *dēju, dēt* 'сосать', *at-diene*, лит. *diend, dienē*, слав. **dojg, dētъ* и т.п.; *satus*, 7 (к и.-евр. **sē(i)-* 'сеять' и т.п.) при лит. *sėti* 'сеять', лтш. *sēt*, слав. *sěja/ti* и др.; *amPiTiseT(i)*, 5 (< **mbhi-(s)tigh-s-e-t/i-*, от и.-евр. **steigh-* 'шагать', 'взбираться' и т.п.) при лит. *steigtis*, лтш. *steigt(iēs)*, слав. *stignoti* и т.п. и ряд других параллелей.

²⁵ Правы одни из первых исследователей текста, называя *liTom* "palabra clave de este bronce", "la palabra crucial para la interpretación de nuestro texto". См.: *Hoz J.de, Michelena L.* Op. cit., p. 34, 46.

²⁶ Об этой конструкции, в частности, об аналогии ей в архаичных латинских текстах, см.: *Hoz J.de, Michelena L.* Op. cit., p. 71, 89.

²⁷ Разные, но в целом неудачные варианты этимологического объяснения *liTom* дают в кн.: *Hoz J.de, Michelena L.* Op. cit., p. 46.

²¹ См.: *Lejeune M.* Celtibère et lepontique, p. 267; *Tovar A.* Sprachen und Inschriften. Amsterdam, 1973, S. 14; *Hoz M.de, Michelena L.* Op. cit., p. 80–81; *Schmidt K.H.* Op. cit., S. 369 и др.

²² Ср., напр.: *Schmalstieg W.R.* An Old Prussian Grammar. The Pennsylvania State University Press., 1974, p. 134–135 и др.

²³ Из других местоимений в надписи из Боторриты в свете внешнего сравнения внимания заслуживает основа *io-*, выступающая в соотносительных конструкциях типа *iomui...somui...*, 7 (Dat. Sg.), ср. *sōmei* 8 (Loc. Sg.), а также в виде союзных слов (*iom* 5, 7 'тогда как', 'в то время как', 'так как').

²⁴ Ср. несколько примеров: числительные — *Tiris*, 1 'три' (**trīs*) при лит. *trys*, лтш. *trīs*, слав. *tri; šes*, 5 'шесть' (< **sueks*) при лит. *šeši*, лтш. *seši*, слав. *šestъ* (ср. также *Cantom*, 4 'сто', *TirnCanTam*, 6 'триста', *TeCameTinas*, 8 'десятый' с соответствующими параллелями); предлог *es*, 6 'из' (в характерном сочетании *es : uerTai : enTaia* 'draußen, außerhalb [des Tores und] innerhalb') при прус. *iš*, лит. *iš*, лтш. *is*, слав. *iz* (*ъ*) (ср. рус. *изворот, изворачиваться, из ворот* [к 'вовне'], прус. *warto*, лит. *var̃tai*, лтш. *vārti*; ср. лит. *išvarta* 'выворот', 'бурелом', *išvėrsti* [*iš-vert-*], лтш. *izvārtīt, izvērst* [*iz-vērt-*] и т.п.; к *enTaia* ср. слав. **vьnъtrъ* и другие продолжения и.-евр. **en-tero-*); существительное *šilaPuī*, 3 'серебро' при лит. *sid̃bras, sidrabs* (не говоря о

ся обычно исследователями). При этом балтийские и славянские примеры фиксируют несколько разные стадии связи с этим корнем. Наиболее показательны архаичные русские факты, ср. рус. *леть* 'можно', 'позволено', *нелеть* 'не следует', 'неприлично' (СРНГ 17, 1981, 27; Даль II⁴, 730: 'лзя, можно, вольно, льготно, дозволено' и 'нелзя, заказано'; см. также ЭСР 2, 1967, 489); др.-рус. *лѣтъ* 'можно' (ср.: *Нѣсть ми лѣтъ сътворити* Остром. Ев. Мф. XX, 15; *Еѣпоу не е лѣтъ ѣсть на другоую [область] скакати* Ефр. Кормч. Апост. кан. 14; *Не лѣтъ ны естъ другъ другу прихватити стиховъ и пѣнию мятежъ творити не малъ*. Феод. Печ. 211; *...ихъ же не лѣтъ намъ писати, ни вамъ слышати*. Кир. Тур. Сл. на сб. св. от. 78; *Не лѣтъ ти естъ жены брата своего имѣти*. Златостр. 53; *Лѣтъ ли члѣкоу пустити женоу свою*. Никон. Панд. сл. 13 и др. Срезневский II, 79–80, ср. *лѣтъба* 'возможность'; Слов. ряз. XI–XVII вв., вып. 8, 221); блр. *лець*; ст.-слав. *лѣтъ* (ѣсть), *лѣтиѣ* ѣсть *ѣжеот* (Супр.); ст.-чеш. *le-tensvie*; польск. *lecieństwo* 'свобода' и др. Др.-рус. *лѣтъ*: *нелѣтъ* в принципе точно соответствует кельтибер. *liTom* : *neliTom*²⁸, и это соответствие может (в строгом смысле) считаться эксклюзивным. Этим не исчерпывается его значение. Может быть еще важнее то, что оно проясняет происхождение *ѣ* в этом слове в славянском (*oi : *ei : *i, ср. *liTom*), вносит важные коррективы в реконструируемый в качестве источника и.-евр. корень (у Покорного он дан в более чем условном виде), наконец, вводит кельтиберские и славянские факты в общую картину, которая дополнительно объясняется ими (ср. связующую роль этих фактов между грамматическими полюсами отражений соответствующего и.-евр. корня: глагол — союз, частица). В частности, эти факты подтверждают недавно предложенную реконструкцию того "частично-глагольного" комплекса, который определяется балт. *lai* и слав. *li*²⁹. И в этой широкой перспективе к паре *liTom* : *lěť должны быть подключены и категориально иные факты, характеризующиеся сочетанием **lai-/loi-* : **lei-* : **li-* (но иногда и **lě-*) с элементом *-t*. Ср., напр., чеш. *nalit'* (*na-li-t'*) при *nali* (< *nъ-ali)³⁰; ст.-чеш. *n a l i t' rozlični domové* и т.п.; латг. *neulēit* 'теперь же' (BW 16092), *nūlēt'* (BW 24246,1), лтш. *nulat*, *nulēt*, дающие основание для реконструкций б.-слав. *(*nu-*)-*lai-/lei-t* (та же комбинация подтверждается и лтш. *tālēit*. ME 4, 144). Разумеется, известные сложности и неясности остаются, как и продолжает быть пока не доказанным направление развития этого комплекса (выветривание глагола в союз, частицу, междометие или "достройка" частицы до глагола). Но в данном случае важнее то, что славянские и балтийские факты в одних случаях идеально соответствуют формам *liTom*, *neliTom* надписи из Боторриты (ср. *lěť — *nelěť), а в других освещают предысторию этих кельтиберских форм или их возможную участь в ходе дальнейшего развития.

²⁸ Есть известные основания допускать наличие в праславянском и таких форм, как *lěť — *nelěť или *lěto : *nelěto, но об этом — в другом месте. О возможной связи рус. *леть* с пермиссивным балт. *lai* писал В. Пизани (Paideia 1954, 9, № 2, p. 115).
²⁹ См. работы автора этих строк: О специфике балт. *lai* и его индоевропейских параллелей: на стыке морфологии и синтаксиса. — В кн.: Балто-славянские исследования 1983. М., 1984; Пруссский язык. Словарь, т. IV. М., 1984, с. 418–436.
³⁰ Ср. рус. диал. *nali*, *nale* и т.п. 'так что', 'даже', 'ажно', 'инно' (Даль II⁴, с. 1127–1128; СРНГ 20, 1985, s. vv.).

Последнее в этой заметке сопоставление, как уже отмечалось, носит гипотетический характер. Оно вызвано попыткой определить происхождение одного важного кельтиберского слова (*maTuš* в тексте из Боторриты, 6), встречающегося в фрагменте *Tiriš : m a T u š : TinaTu[s/]*, переводимом К.Х. Шмидтом как 'drei Bären sollen saugen'. Не останавливаясь на проблеме морфологической интерпретации *maTuš*, которой было уделено много внимания первыми исследователями надписи, достаточно лишь указать на принадлежность этого слова к и-основам (хотя иногда думают и о возможности истолкования его как о-основы³¹). Единственный раз отраженное в тексте надписи, это слово в виде основы *matu-* встречается не раз в кельтиберских именах собственных³². Значение 'медведь' связывается с этой основой, кажется, довольно надежно. Показательно продолжение "медвежьей" темы в двух следующих строках: ... *iomui : lišTas : TiTas : sisonti : somui : iom a r s i a s : PionTi : iom CušTaiCoš | a r s i a s...*, 7–8, трактуемых Шмидтом как 'da diesem, welchem sie die gesaugt Habenden (Acc. Plur.: *TiTas*) schicken, Bärinnen (? *arsias*; Nom. Plur.) sind, da ihm CušTaiCoš (viell. Gen. Sg.) Bärinnen sind'³³ 'da dieser... Bärinnen hat, da er...'. Это название медведицы *arsia* едва ли отделимо от кельтских обозначений медведя типа др.-ирл. и ср.-ирл. *art*, кимр. *arth*, брет. *krabanarz* 'bears-breech' (ср. галльск. *Artio*, богиня Медведица; *Deae Artioni*, о медвежьих богинях; а также Nom. propr. ирл. *Art*, *Art-gal*, *Art-bran*, кимр. *Arth-bodu* и др.³⁴), включая и кельтское заимствование в баскском *hartz* (ср. аквитан. Nom. propr. *Harsus* < *Harts). Весь контекст "медвежьего" фрагмента надписи из Боторриты отсылает к ритуалу и напоминает ритуальные тексты некоторых других древних индоевропейских традиций, в которых представлена медвежья тема (ср. хеттские тексты и т.п.). То обстоятельство, что медведь обозначается в кельтиберском языке этой надписи и н а ч е, чем медведица (иной лексемой), название которой передается очень широко распространенным и.-евр. корнем, делает вероятным предположение об о с о б о й отмеченности *matu-*, которое, рассуждая теоретически, могло бы быть или заимствованным словом или табуированным обозначением с четкой семантикой (описательного типа — признак, качество и т.п.).

Можно напомнить, что этот же тип лежал и в основе индоевропейского обозначения медведя *rdkos/**rtkos* и т.п., но со временем, видимо, утратил (или начал утрачивать) свою изобразительность и даже семантическую мотивировку (по крайней мере в некоторых языках). Естественно, что прежде всего необходимо проверить, существуют ли какие-либо в н у т р е н н и е связи в кругу и.-евр. языков у кельтиберского *matu-*, выглядящего как изолированное слово. В таких случаях лучшим проводником

³¹ См.: Tovar A. Ein neues Denkmal..., § 7.

³² См.: Firmat M.L. Albertos. La onomastica personal primitiva de Hispania Tarraconense y Betica. Salamanca, 1966, p. 151 и др. — Подобные имена не следует смешивать с именами, определяемыми теперь как "медовые", ср. кельтибер. *Medugeni*, отам. MEDDOGENI (№ 95), др.-ирл. *Midgen*, букв. 'рожденный медом'; см.: Schmidt K.H. Die Komposition in den gallischen Personennamen. Wiesbaden, 1957, S. 241; Королев А.А. Древнейшие памятники ирландского языка. М., 1984, с. 176–177 и др.

³³ См.: Schmidt K.H. Op. cit., S. 365.

³⁴ Особенно показательно имя валлийского царя *Arthgen* (< *Arto-genos 'сын медведя'), образующее параллель к кельтиберским Nom. propr. типа *Matugenus*, *Matuen-sis* и под.; ср. также: *Artaios* 'медвежий' как эпитет кельтского Меркурия.

к цели служит семантическая типология. В случае медведя, обозначения которого, как правило, всегда табуированы, самая распространенная характеристика, мотивирующая его названия, связана не с его цветом, силой, разрушительными способностями, любовью к меду и т.п., а с его шерстью, шкурой, волосатостью и их состоянием — взъерошенный, всклокоченный, со спутанной (сбившейся, мятой) шерстью, лохматый, косматый, кудлатый и т.п. Собственно говоря, именно эти признаки мотивируют и-евр. **rdkos/*rtkos*, что особенно очевидно проявляется в балтийских и славянских фактах: ср. прус. **tlōkis* (> *clōkis*) 'медведь', лит. *lokŭs*, лтш. *lācis*, латг. *lōcs* (все в конечном счете из **tlāk-*) при слав. **dlak-* (может быть, и **tlak-*), единственном практически точном соответствии балтийским названиям медведя, отраженном в с.-хорв. *dlāka* 'волос, шерсть', *dlāčica*, *dlākačav* 'волосатый', 'косматый', *dlākast*, *dlākavičica*, *dlākaviti se* 'обрастать волосами, покрываться шерстью' и т.п.; словен. *dlāka* 'волос (животного)', шерсть', *dlākačav*, *dlākast*, *dlāčica* и т.п.; макед. *dlaka* 'шерсть, щетина', *dlakačav*, болг. *dlāka* 'шерсть', 'шкура'; чеш. *dlaka* 'длинная шерсть', ст.-чеш. *tlaka*, 'растительность на теле как признак зрелости, возмужалости, силы, pubes' и т.п., не говоря уж, конечно, о втором члене сложного слова праслав. **vŕlko-dlākz*, которое — в разные периоды — могло обозначать и 'волчью шкуру' и 'волко-медведя' (ср. др.-в.-нем. *Wulf-bero* или др.-исл. *Ulf-biorn*)³⁵. Другая, может быть, более концентрированная и мифо-ритуально мотивированная иллюстрация той же семантической связи отражена в представлениях о том, что медведь выступает как териоморфная ипостась Волоса, который в свою очередь особенно интимно связан в своем культе с волосами³⁶ и шерстью. Эти представления, ставшие в последнее время предметом целого ряда обстоятельных исследований³⁷, оказываются наиболее сильным аргументом, мотивирующим мифопоэтическое отождествление медведя и волоса-шерсти и объясняющим соответствующие обозначения медведя (медведь как Волос, Волос как медведь, волосатый медведь).

В этом контексте семантическая связь между кельтибер. *maTu-* 'медведь' и б.-слав. **mat-* 'нечто наматанное, навитое, сплетенное, в частности, волосы, шерсть, пряжа, кудель, нитки', не покажется странной, что, однако, само по себе не может предрешать вопрос о генетической связи этих слов. Тем не менее, как гипотеза это предположение кажется заслуживающим внимания и, вероятно, перспективным. Поскольку *maTu-* является *ἀπαξ λεγόμενον*, расширение оснований для сравнения возможно пока только с балто-славянской стороны³⁸. Начать сопоставление, пожалуй, лучше

с тех примеров, которые включены в очевидную схему словообразовательных связей и наиболее надежно демонстрируют, как формируются те значения, которые выше определяют б.-слав. **mat-* В этом смысле внимания заслуживают такие примеры (отдельные слова и элементарные сочетания), как русск. *мот* 'прясть волос' (ср. др.-рус. *мотъ* 'часть пряжи, шелка, сматанная на пятинку или мотовило; моток', *моталина* 'спутанные в олосы или нити; вычески, непригодные для пряжи', *моталина* [?!] *Trica/e*). Лекс. словен.-лат., 466 /XVII в./, см. Слов. рус. яз. XI—XVII вв. 9, 1982, 277)³⁹ или польск. *motać włosy* 'путать волосы (также пряжу, нити и т.п.)'⁴⁰; ср. также употребление в ряде славянских языков продолжений праслав. **motākz* и под. в отношении к волосам, шерсти. Слав. **motz*, **motākz* и т.п. обнаруживают несомненную связь с глаголом **motati*, для которого восстанавливаются такие значения, как 'наматывать, накручивать, навивать', 'сплетать, путать' и т.п. (ср. рус. *мотать*, укр. *мотати*, блр. *матаць*; ц.-сл. *мотати(сѧ)*, болг. *мотая*, макед. *мота*, с.-хорв. *мдтати*, словен. *motāti*; чеш. *motati*, слов. *motat*, польск. *motać*, в.-луж. *motac*, н.-луж. *motas*), а через **motati* и с первообразным глаголом **mesti* (**met-*). Стоит заметить, что при стандартном характере операции *наматывать* нити, пряжи и т.п. сам моток нередко становится средством измерения длины, мерой по преимуществу (ср. рус. диал. *мот* 3. 'моток определенной величины как мера пряжи. СРНГ 18, 1982, 294—295. *В моту двадцать пасм*; ср. Даль II, 916: "обычно 5 пасм, по 80 нитей, или 800 аршин"/о моте/).

Сходный круг значений связывается с корнем **mat-* и в балтийских языках. Ср. архаичный литовский глагол *matoti* 'свивать, мотать, вить, сучить' и т.п. (ср. *Jema audeklą nuo mestuvų ir matoja*; *Greičiau mato ók virves*; *Ana matoja suktus siūlus, gijas iš špūlės į suvogas, tolkas* и т.п., см. LKŽ III, 1966, 922—923)⁴¹, *mataruoti* 'мотать, наматывать', 'махать' и т.п. (ср. лит. *matāras* 'устройство для витья веревок' и т.п., лтш. *matars*, -a, рус.: диал. *мотор* при *моторить*, в частности, и 'мотать', см. СРНГ 18, 301 и др.) и, видимо, вопреки обычаю изолировать этот глагол от приведенных выше, *matuoti* 'измерять' (ср. *mātas* 'мера', также и *mētas* и др.). Распределение латышских данных несколько иное. Отражение балт. **mat-* можно прежде всего видеть в редком глаголе *matuot*, II в значении 'спешить' (ср. лит. *matoti* 'быстро идти', 'спешить', и некоторые сходные употребления продолжений слав. **motati*), см. ME 2, 567; Erg.-Hf. 785. Судя по всему, это значение в глаголе *matuot* — на фоне лит. *matoti*, слав. **motāti*, взятых во всей совокупности их значений, — дает основание говорить о наличии не-

³⁵ Подробнее см.: Прусский язык. Словарь, т. 4. М., 1984, с. 69—78. Специально о табуированных названиях медведя по указанному признаку см. Зеленин Д.К. Табу слов у народов Восточной Европы и Северной Азии, ч. 1. Л., 1929, с. 99—104 и др.

³⁶ Ср. "волосатость" медведя как существенный признак в его описании (ср. LKŽ 7, 1966, 644: *lokŭs ... zool. stambus žvėris ilgais plaukais ir plačiomis kojų letenomis*).

³⁷ Последнее из них: Успенский Б.А. Филологические разыскания в области славянских древностей. М., 1982, с. 85 и сл., 166 и сл. (здесь же литература вопроса).

³⁸ Следует, однако, заметить, что и с этой стороны вопрос остается почти не разработанным. В словаре Траутмана **mat-* вообще отсутствует, а связанное с ним **metō* дается в несколько ином ракурсе.

³⁹ Лишь отчасти сюда относится рус. *мότηя* 'волосы и петли на бичевке, для ловли птиц' (Даль II*, 918), имеющее, видимо, несколько иную семантическую мотивировку.

⁴⁰ В более широком плане могут быть учтены и, казалось, бы далекие примеры. Ср. др.-рус. *Мотаясь вълнами*. Ев. Полоцк. (XIV в.) Мф. XIV, 24, о качании, колыхании на водной поверхности. Но реконструируемое на этом примере сочетание **mot- & *vŕlna* или **met- (*mesti) & *vŕlna* (ср. лтш. *vīļus mest* 'Wellen werfen', 2, 604) для определенной эпохи, несомненно, могло относиться и к другой сфере (технология навивания шерсти), ср. **motati & *vŕlnq*.

⁴¹ Поразительное подобие наблюдается и во вторичных значениях слав. **motati* и лит. *matoti*.

когда в латышском языке, позднее утраченного глагола **matuot* 'мотать, навивать' и т.п. (наличие *matara, matars* косвенно подтверждает это предположение). Но в латышском представлены и слова с корнем *mat-*, обозначающие 'измерение, меру', ср. *mats* 'мера вознаграждения за помол зерна; осьмина' ('die Metze in der Mühle', но и *mata*; ср. *matu, matus ņemt* 'die Metze nehmen, abmetzen'. ME 2, 567), *matuôt*, I 'die Metze in der Mühle nehmen', ср. также *mata*, диал. *mēta* 'возраст', 'размер' (*viņš jau tai m a t ā*. ME 2, 565–566). По сравнению с литовским и славянскими языками в латышском оказываются слабо представленными в словах с корнем *mat-* оба круга значений 'мотать, навивать' и др. и 'мерить'. Вместе с тем обращает на себя внимание точное формальное совпадение двух пар слов – *matuôt*, II (в реконструкции – **motāt, навивать*) и *matuôt*, I 'брать осьмину' (как бы – 'отмеривать ее'), во-первых, и *mats*, II 'мера вознаграждения, осьмина' и *mats*, I 'волос', во-вторых. Можно предполагать, что в латышском, как и в литовском и славянском, эти пары слов должны быть двояко связаны друг с другом – один член пары с другим и первая пара со второй. Если это так, то история слов с корнем *mat-* в латышском восстанавливается примерно в том же самом виде, что и в ближайше родственных языках. Важнейшими событиями этой истории следует считать формирование особого слова *mats* 'волос' (*mati*. Plur.)⁴², в котором значение 'волос' не может считаться диахронически первичным (оно возникло как результат экспликации глагола с корнем **mat-* в сфере объекта, ср. реконструированную фигура etymologica типа **matuôt & *matus* [Acc. Plur.], т.е. 'навивать навитое', 'наматывать намотанное', где со временем объект – навитое, намотанное – стал пониматься как 'волосы') и изоляцию этого *mats* от производного его глагола, практически вышедшего из употребления по крайней мере в его первичном значении. Тем не менее следы бывшей связи просматриваются или относительно легко реконструируются и на латышском материале, помимо указанных примеров можно сослаться на семантику первообразного глагола *mest* и производного от него существительного, ср. *mest* или *audeklu mest* 'das Grundgewebe auf den Webstuhl bringen, die Weberkette aufziehen' (ME 2, 604–605, ср.: *es mācētu plānu vērpī, gaŗu me s t a u d e k l i ņ u*. BW 28325; *māte m e t a, māte a u d a*. BW 7324 и т.п.), *mēti*. Plur. от *mēts* (ср. словен. *mēt* 'Wurf') 'das Grundgewebe, die Kette, das Aufzugsgarn' (Ср.: *zīda mē t i, zēlta a u d i*. BW 7474, ср. также *mēts mētuôt, mētu dziļa* и т.п. ME 2, 608)⁴³. Еще одним косвенным следствием нарушения первичных связей было формирование в латышском двух омонимов – *mats* 'волос' и *mats* 'мера'. Внимательный анализ позволяет тем не менее намечать линию генетической связи этих слов, отделив ее от поздних сбли-

жений в семантике соответствующих лексем (ср. идею точности как установления минимальной единицы меры /'на волосок'/, равно обслуживаемую обоими словами: напр., *uz mata* 'точь-в-точь', *mats matā* 'абсолютно точно' и т.п.)⁴⁴.

Для более полного понимания семантики производных от глагола **mot-* (: **met-*) в балтийском и славянском следует, видимо, учитывать двоякий характер самого этого действия, обозначаемого указанным глаголом, и его результатов. Речь может идти о "правильном" (или нейтральном) действии и соответствующем результате – навивание, наматывание, совершающееся равномерно, размеренно, одинаково в каждом своем цикле, и о "неправильном" действии, производимом стихийно, хаотически, и вытекающем из него результате – нечто неупорядоченное и беспорядочное: косматый, лохматый, мохнатый, со спутанными, сбившимися, слежавшимися волосами, шерстью и т.п. Если и-евр. **mot-*, действительно, легло в основу названия медведя (кельтибер. *maTu-*), то оно было скорее всего мотивировано именно "неправильным" действием (ср. многочисленные типологические аналогии именно в такой мотивировке обозначения медведя)⁴⁵.

Наконец, последнее замечание, относящееся к словообразовательному типу существительных с корнем **mat-* в балто-славянском. Уже на основании ряда славянских данных (ср. рус. в *моту*. Лос. Sg., *мотовья, мотовец, мотовый*, обилие слов с суффиксами, начинающимися с -у- и -ы-, и т.п.) можно сделать довольно верооятное предположение о принадлежности имен с этим корнем к типу и-основ. Обращение к балтийским фактам не только подтверждает сказанное, но и позволяет включить в сравнение некоторые важные новые факты. Речь идет о двух литовских прилагательных – *matūs* 'проворный, ловкий, живой' (ср.: *Kurs moka susi m e s t i, tas m a t ū s; M a t ū s arklys, kurs į šalis važiuojant m e š i o j a s*. LKZ 7,926; характерна этимологическая игра *matūs... mēt-*, ср. в словарном определении: *matūs* Зр. 'kuris greit nu m e t a nuo savęs ką') и *matūs* 'сильный', 'плотный', 'спрессованный', 'толстый' (ср.: *Avienos lajus labai m a t ū s – patrupinai kiek, ir viralas riebus; Karvės geriau pasērė, tai pienas ženkliai m a t e s n i s* и т.п.). Эти слова находят соответствие в рус. диал. *мóторный* 'проворный, расторопный, ловкий'; 'подвижный, живой, энергичный'; 'быстрый' (ср.: *В людях-то м о т о р е н, да дома каков?; Невестка у нас м о т о р н а я, все успевает; Хоть и немочен, да м о т о р е н*), но и 'сильный', 'храбрый' (СРНГ. 18, 301–302); ср. также *мóтор, мóторно, мóторить* и т.п.; *матору́й* 'силач' (18, 33). Элемент -р-, отличающий эти примеры от лит. *matūs*, не может быть препятствием для сравнения (ср. лит. *mātaras, matāras, matarūoti; mōturas, mōturti; matūrintis* и др.; лтш. *matara, matars* и т.п.). Интересно, что среди

⁴² См. о нем: ME 2, 566–567; Erg.-Hf. 785; Kagane R., Rage S. Ēģēmes izloksnes vārdnīca, 2. Rīga, 1978, I. 284 и др.

⁴³ В связи с семантикой балт. и слав. **mesti*, основное значение которых определяется как 'бросать', нужно помнить об архаичной традиции использования глаголов с этим значением в ткацко-прялильной сфере. Ср. англ. *to warp* 'сновасть', *warp* 'основа' (ткани) при нем. *werfen* 'бросать' и т.п.; характерен корневой элемент и-евр. **cer-* с нюансом кругового движения (ср. рус. *вороб* 'мотовило', *воробы* 'приспособление для разматывания пряжи'). Ср. также "технические" значения в словах *мóтыль, мотылка, мотовило* и т.п. (все из **mot-/ : *met-*).

⁴⁴ См. поучительную статью: Капулис К.А. Лтш. *mats* 'волос'. – В кн.: Балто-славянские исследования 1981. М., 1982, с. 98–100. Однако вывод о непосредственном перенесении значения 'мера' → 'волос' представляется слишком прямолинейным.

⁴⁵ Учитывая связь б.-слав. **mat-* с значением 'волос, шерсть' (**vel-* < и-евр. **vel-*), следует считать "неосознанно" показательными такие примеры, как лтш. *sa v ē l u š-ies mati* 'свалявшиеся волосы' или *kas v ē l n a m vienu matiņu atļauj, tam viņš rauj visu galvu* (Plud. Rakstn. I, 150. ME 2,567), где в связи с *matūs* 'волос' возникает слова с корнем *vel-*, которые в конечном счете тоже связаны с обозначением волос и противника Громовержца в "основном" мифе (*Velns, Velnias, Волос–Велес*, медведь как "волосатый" и т.п.).

табуистических названий медведя есть и такие, которые мотивируются значениями 'сильный' и даже 'ловкий, проворный'. Таким образом, реконструируемое б.-слав. **matu-* и фонетически, и морфологически, и словообразовательно абсолютно совпадает с *matu-* надписи из Боторриты. Что же касается семантической связи этих двух сравниваемых слов, то ей и посвящены последние страницы этой заметки^{4,6}.

ВЯЧ.ВС. ИВАНОВ

ПРОФ. М.Н. ПЕТЕРСОН И РАЗВИТИЕ БАЛТИЙСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

Михаил Николаевич Петерсон (22.IX.4.X. 1885 – 22.II.1962) принадлежал к Московской лингвистической школе, основателем которой был акад. Ф.Ф. Фортунатов. Сам М.Н. Петерсон дал обстоятельный очерк деятельности Фортунатова и его учеников – своих учителей, в заключении которого отметил: "Сравнительное языковедение в Московском университете не только достигло уровня западной науки, но во многих отношениях и превысило его. Изучение балтийско-славянских языков и особенно русского языка, его истории и диалектологии получило огромное развитие"¹. Образование самого М.Н. Петерсона падает на период деятельности школы, который в педагогическом отношении был особенно благоприятным. Как замечает Петерсон в той же статье, "В.К. Поржезинскому удалось организовать в Московском университете, при введении в 1906–1907 учебном году предметной системы преподавания, особое лингвистическое отделение, которое было упразднено министерством по случаю введения новых планов (окончательная ликвидация лингвистического отделения состоялась в 1913 г.)"². Первыми, кто учился на этом отделении и выступал весь курс многочисленных обязательных на нем индоевропеистических и славистических дисциплин у самого Поржезинского, а также и у других учеников Фортунатова – В.Н. Щепкина, Д.Н. Ушакова, М.М. Покровского, – был сам Петерсон и его товарищ по отделению Н.С. Трубецкой, с которым они поддерживали отношения и в 20-х годах, когда Петерсон получал от Трубецкого его оттиски статей (в том числе и некролог Поржезинскому). Между двумя выпускниками лингвистического отделения было и существенное различие, рано сказавшееся: Петерсон на протяжении всей жизни сохранял верность грамматическим идеям Фортунатова,

^{4,6} Впрочем, следует помнить о "неединственности" семантических мотивировок (хотя бы в потенции) даже для одного и того же формального элемента. Так, напр., теоретически возможно объяснение названия медведя из корня **mot-* (**mat-*) в значениях 'мотаться', 'ходить сюда и туда', 'шататься' (ср. *шатун*, о медведе и т.п.).

¹ Петерсон М.Н. Фортунатов и Московская лингвистическая школа. – В кн.: Учен. зап. МГУ, вып. 107. Роль русской науки в развитии мировой науки и культуры, т. III, кн. 2. М., 1946, с. 35.

² Там же, с. 33.

Трубецкой, усвоив методологическую четкость основ системы, в деталях от нее отошел и, начиная с первых своих докладов в Москве, порывает с традицией. Петерсон не в духе времени не любил словесных новшеств: ему ближе была традиция; в ее рамках он и достигал новых результатов. Они всегда строились на очень тщательном изучении всего ранее сделанного. Это видно уже в его диссертационной работе о двусловных базах, которой завершается его учеба в университете. Работа дает пространный обзор теории индоевропейского корня и свидетельствует о хорошем понимании всего того круга работ, которые подготовили новаторские исследования Куриловича и Бенвениста, появившиеся двумя десятилетиями позже.

Стоит задуматься над уроком кратковременного существования лингвистического отделения. И пражская фонология, и те течения структурализма (например, Ельмслев в 20-е годы), которые испытали воздействие грамматических исследований Петерсона, многим обязаны именно этому отделению. Очевидная аналогия напрашивается по отношению к ОСИПЛ (отделению структурной и прикладной лингвистики МГУ), созданному в 60-е годы в большой степени по образцу лингвистического отделения. ОСИПЛ также способствовал появлению целой школы ученых, сделавших в последние годы много нового в области индоевропейского, ностратического, северокавказского (и северокавказско-енисейско-сино-тибетского) языкознания.

По окончании отделения Петерсон был оставлен при университете, где с перерывами, зависевшими от многочисленных административных реформ, он продолжал преподавание всю жизнь. Мне довелось слушать его факультативные курсы по санскриту, сравнительно-исторической грамматике индоевропейских языков, литовскому языку начиная с 1947 г. В то время, когда все эти курсы находились за пределами учебных программ и им противоречили, преподавание начиналось с рукописного объявления, написанного самим Петерсоном, о месте и времени начала занятий. Петерсон был очень пунктуален, всегда неизменно точно приходил в назначенный час. У него занимались все те, кто потом стали видными специалистами по индоевропейскому, индийскому, балтийскому, славянскому языкознанию: напомним хотя бы имена В.Н. Топорова, Т.Я. Елизаренковой, Т.В. Булыгиной из слушавших его курсы в конце 40-х годов. О курсе литовского языка хорошее представление дает одноименная книга, опубликованная уже во время болезни ученого³.

В грамматических очерках русского, литовского, французского языков М.Н. Петерсон везде оставался одновременно и фортунатовцем, и предшественником структурализма в его крайне острой форме (что видно и по критичности отзывов его оппонентов). Соединение новаторства с традиционностью составляет его важнейшую особенность⁴.

³ Петерсон М.Н. Очерк литовского языка. М., 1955.

⁴ Программу сближения лингвистики и математики он обсуждал с акад. Н.Н. Лузиным. В 40–50-е годы свою программу выработки строгого лингвистического метода он неоднократно предлагал лингвистической общественности (см.: Проблема метода в языкознании. – Докл. и сообщ. филол. ф-та МГУ. Вып. 1, 1946). Следует пожелать переиздания общеязыковедческих курсов Петерсона, из которых последний (Введение в языкознание. М., 1952) размножен был тиражом в 100 экз. и давно стал недоступен.

400 ЛЕТ ЛАТЫШСКОМУ КАТЕХИЗИСУ

В декабре 1911 г. помощник библиотекаря Львовского университета Е. Барвинский известил доцента Петербургского университета Э.А. Вольтера о находке неизвестной до того времени книги на латышском языке "Catechismus Catholicorum" 1585 г.¹ Книга была найдена в Швеции в библиотеке Упсальского университета². Как она туда попала? Когда шведские войска под предводительством короля Густава II Адольфа занимали Видземе (Лифляндию; Рига капитулировала в 1621 г.), там сразу же началось наступление против католиков, особенно против иезуитов, которые имели сильные позиции в некоторых городах и сельских местностях. Одной из мер в борьбе с иезуитами была реквизиция всех принадлежавших им книг. Только в одной рижской иезуитской коллегии находилось (по списку) 893 сочинения. Эти книги уже в 1622 г. были вывезены в Стокгольм, а затем в Упсалу. Среди них был, вероятно, и латышский перевод катехизиса Петра Канизия (рисунок).

Катехизис Петра Канизия, изданный в 1585 г. в Вильнюсе, долгое время считался первой печатной книгой на латышском языке. Таково было мнение, например, доцента Э. Вольтера, который первым отметил значение этого издания в истории латышской книги и подробно проанализировал язык катехизиса³. Он указал на то, что в борьбе между католиками и протестантами католики первыми использовали печатную продукцию в качестве средства религиозной пропаганды. Но материалы последних десятилетий свидетельствуют о другом.

В 50-е годы в протоколах Любекского домкапитула ("actus capitulares") было найдено указание на лютеранские мессы, изданные еще в 1525 г. на трех языках Ливонии, в том числе на латышском⁴.

Новые материалы об идейной борьбе между католиками и протестантами находим в сравнительно недавно опубликованных документах главного иезуитского архива в Риме, а именно в сообщениях легата папы римского Антонио Поссевино о положении в Ливонии. А. Поссевино был в Ливонии дважды — в 1582 и 1584–1585 гг. После первого посещения Ливонии он сообщил папе Григорию XIII о намерении местных иезуитов издать католические книги на латышском и эстонском языках, между прочим указывая: "...nec enim nisi à Lutheranis conscripti, ac Lipsiae, Rostochi, et Stochholmae in Suetia impressi videbantur in hominum manibus" ('... до сих пор в руках людей [не: духовенства. — К.К.] видели только создан-

¹ Catechismus Catholicorum. Iscige pammacischen / no themis Papreksche Galwe gabblems Christites macibes. Prexskan themis nemacigems vnd iounems bernems. Cour Kungam Petrum Canisium / thaes Schwetes rakstes Doctor. Vilnius, 1585, [69] p.

² Шифр книги в библиотеке: 123.291.

³ Ср.: Вольтер Э.А. К истории первопечатных книг: Латышский катехизис 1585 года. Пг., 1915, 47 [37] (Сб. ОРЯС имп. Академии наук. Т. XCIV, № 2).

⁴ См.: Apinis A., Zemzaris J. Pirms 440 gadiem. — Karolis, 1966, Nr. 9, p. 154–156; Karulis K. Latviešu grāmata gadsimtu gaitā. Rīga, 1967, p. 39.

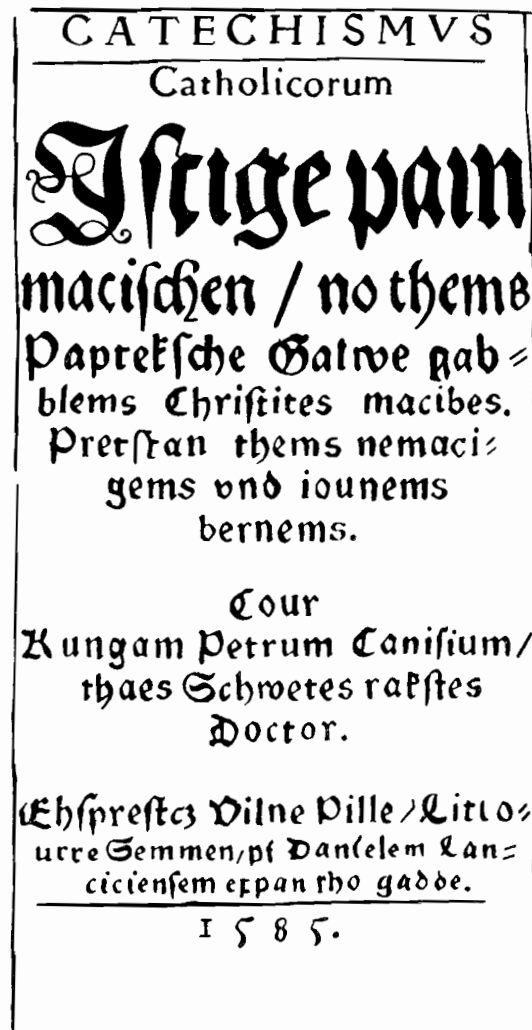

Рисунок. Латышский катехизис 1585 г. Титульный лист

ные лютеранами и напечатанные в Лейпциге, Росток и Стокгольме в Швеции [катехизисы]⁵.

Следовательно, в XVI в. существовали некоторые протестантские издания на латышском и эстонском языках.

Как же обстояло дело с католической литературой на этих языках? В том же докладе А. Поссевино сказано: "...hactenus a nullo catholico catholice Ruteni libri unquam editi fuerant" ('... до сих пор ни одним католиком никогда не издавались католические рутенские книги'). И дальше:

⁵ Archivum Societatis Jesu, Romae (ASJ), op. Nr. 326, fol. 283. Ср.: Kučinskis S. Par latgaliešu dialekta rakstu valodas sākumu. — Dzimtenes Balss (Eski/suna), 1954, Nr. 9, p. 24.

"Lotavici item ac Estonici catechismi imprimerentur" ("Будут печататься латышские, а также эстонские катехизисы").

Как видно, есть разница между тем, что сказано о славянских книгах, с одной стороны, и о латышских и эстонских книгах, с другой. В отношении рутенов и москвичей подчеркивается, что католические книги на этих языках до этого не существовали, но относительно латышей и эстонцев такого утверждения нет. Может быть, это всего лишь случайность? Но Антонио Поссевино был опытным дипломатом, и все высказывания в его корреспонденции были обдуманы и четко сформулированы. По нашему мнению, разница в тексте показывает, что печатные католические тексты на латышском и эстонском языках существовали и раньше, но только для нужд священников (для чтения текстов в церквях и для обучения людей религиозным формулам), но теперь — в противовес протестантам — иезуиты решили подготовить и напечатать духовные тексты для нужд народа, для самих латышей и эстонцев. Есть сведения, что среди тех и других уже тогда было немало умеющих читать. Именно поэтому предисловие к катехизису 1585 г. на латышском языке адресуется "Tam Christite Laszotajam" — т.е. христианскому читателю-латышу.

Уже в первой половине XV в. рижский архиепископ Геннинг (Henning Scharpenberg, 1424–1448) в своем церковном каноне приказал, чтобы 1) не могли быть допущены к бракосочетанию те, кто не знал "Отче наш", "Символ веры" и "Ave Maria", 2) не мог быть утвержден священником тот, кто не знал местного языка. Из этих распоряжений ясно, что католические духовные лица должны были иметь рукописные латышские переводы главных разделов катехизиса и евангелий. После ликвидации Ливонского ордена (1561) и объединения восточной части Латвии (Ducatus Ultradunensis, т.е. Видземе и Латгале) с Литвой (1566) и Польшей (1569) открылся путь к использованию типографий Вильнюса для печатания католической литературы для нужд населения Латвии. Это было как раз время развития типографского дела в Вильнюсе. Есть основания полагать, таким образом, что отдельные католические ритуальные книги на латышском языке были изданы в Вильнюсе — вероятно, малым тиражом — еще до печатания катехизиса 1585 г. — к концу XVI и в XVII вв.

Только в 1719 г. в Вильнюсе напечатана первая известная нам книга с ритуалом богослужения на латышском языке ("Rituale sacramentorum ac aliarum Ecclesiae ceremoniarum ... ad usum lotavice..."). Такого рода книга с ритуальным текстом на местном языке была более необходима для церковных церемоний, чем катехизис, и поэтому можно считать обоснованным высказанное П. Стродом мнение о том, что еще раньше — может быть, даже до 1585 г. — существовала печатная латышская книга "Rituale sacramentorum"⁶. Тот факт, что такая книга не дошла до нас, можно объяснить ее сравнительно малым тиражом, который в соответствии с числом приходов и священников мог составлять 100–500 экземпляров, а также интенсивным — даже ежедневным — использованием этим текстом.

Но если это так, то нам следует искать новые данные о более ранних латышских католических книгах. Конечно, эти книги могли быть отпечатаны и в иезуитском центре Пруссии — в Браунсберге. Учитывая политичес-

кое положение во второй половине XVI столетия в Ливонии, более вероятно первая версия. Итак: катехизис 1585 г. мы не можем с уверенностью считать первой латышской книгой, изданной в Вильнюсе.

Результатом первого посещения Ливонии легатом А. Поссевино было учреждение в Дерпте (Тарту) семинара переводчиков. По указанию легата из некоторых местных народов было отобрано по десять юношей для обучения их переводу на родной язык. Семинар ("Seminarium interpretum") открылся в апреле 1583 г. Его возглавил иезуит Феликс Людигк (Lüdigk) из Пруссии⁷, которому тогда было 27 лет. Он имел всестороннее образование, был раньше учителем и проповедником на латышском, польском и немецком языках, т.е. сам владел некоторыми языками. Написание фамилии (с *-igk*, как раньше часто передавали в немецком латышское окончание *-ik (is)*, но не немецкое *-ig*) показывает, что он не был немцем, а — вероятно — пруссом. (Корень *lūd-* от *lud-*, ср. прус. *ludis* 'хозяин', *ludys* 'человек'. По Эндзелину, промежуточное значение 'свободный человек'⁸. И так, **ludik-* 'из свободных'). Среди этих переводчиков не было Э. Толгсдорфа (которого иногда считают переводчиком катехизиса), а это значит, что он не мог участвовать в создании латышского текста катехизиса. Одним из лучших переводчиков был юноша Яков Кауленел, о котором каталог (Catalogus interpretum) от 9 августа 1585 года отзывается с похвалой: переводчик, которому тогда было 18 лет, владел латинским, немецким, эстонским, латышским, литовским и польским языками⁹. По мнению А. Гюнтера, именно он, а не Толгсдорф, переводил на латышский язык латинский текст катехизиса¹⁰. В этом усомнился А. Аугсткалнс: по его мнению, переводчику в Дерпте пришлось переводить, главным образом, на эстонский язык¹¹. Но это неверно: Seminarium interpretum был создан на более широкой базе, и там готовились тексты на многих языках¹². Поэтому следует принять мнение А. Гюнтера, но с поправкой: Кауленел не был единственным переводчиком на латышский, работа велась коллективно. Кауленел, видимо, был одним из тех латышских юношей, которых выбрали из местных жителей для обучения переводу. Кажется, его звали Kaulēnu Jēkabs, т.е. 'Яков из хутора Каулены'. Топоним Kaulēni встречается в Видземе, в бывш. волостях Вайдава и Вецпиебалга¹³. Суффикс *-el-* (уменьшительный), видимо, характеризовал малолетнего переводчика в прозвище его среди товарищей.

Еще о катехизисе. В 1585 г. А. Поссевино вернулся из Юрьева через Ригу в Вильнюс и взял с собой тексты катехизиса на латышском и эстон-

⁷ Catalogi personarum et officiorum Residentiarum Soc. J. in Latvia. Collegium Rigense. Anno 1603. — In: Fontes historiae Latviae Societatis Jesu. Pars II. Riga, 1941, p. 309 (Fontes historiae Latviae, vol. III).

⁸ Endzelīns J. Senprūšu valoda. Rīga, 1943, l. 206.

⁹ Possevino A. Pädagogische Schriften. Freiburg i. Br., 1901, S. 349.

¹⁰ Günther A. Op. cit., p. 19.

¹¹ Augstkalns A. Veclatviešu rakstu apskats. — RLB Zinību komisijas Rakstu krājums, 1930; 20. krāj., l. 93.

¹² Constitutum est ex interpretibus Seminarium, quorum nostri utantur opera ad explicationem doctrinae Christianae: iamque in eo sunt, qui Lotave, Estonice, Ruthenice, Latine, Germane, Lituane, Suetice ac Polonice norint: quae linguarum tanta varietas e variis finitimisque nationibus, quae huc conflunt, efficitur. — Annuae litterae Soc. Jesu, a. 1585, p. 225.

¹³ Endzelīns J. Latvijas PSR vietvārdi. 1. d., 2. sēj. Rīga, 1961, l. 65.

ском языках "a pluribus revisos"¹⁴, — таким образом, мы видим, что подготовка текстов к печати явилась коллективной работой, и тем самым не можем считать их язык созданием только одного человека.

О том, какое важное значение А. Поссевино (и ливонское высшее духовенство) придавал дерптскому семинару, говорит то, что он и в Риге занимался вопросами деятельности семинара¹⁵.

Немедленно после прибытия в Вильнюс А. Поссевино передал рукописи катехизиса в типографию для печатания¹⁶. По пути он побывал в Риге (8–11 ноября)¹⁷, так что катехизис был напечатан в Вильнюсе не раньше конца ноября, но скорее в декабре или даже в начале следующего (1586) года.

Из архива А. Поссевино узнаем также, что латышский катехизис отпечатан в 1002 экземплярах, из них 600 отправили в Ригу. Через Ригу были отправлены также 747 экземпляров эстонского и 1000 экземпляров рутенского катехизиса¹⁸. По указанию А. Поссевино катехизис распространялся среди населения не только с помощью ксендзов, но также через посредство рижских и юрьевских учеников и тех детей, которых в деревнях обучали миссионеры. Этим подтверждается тот факт, что местной молодежи грамотность в XVI столетии не была чужда.

Следующие известные нам католические книги с латышским текстом изданы в Браунсберге в 1620–1622 гг. Опять возникает вопрос: не было ли печатных книг в промежуточное время — между 1585 и 1620 гг.? Есть сведения, что упомянутый уже Э. Толгсдорф участвовал не только в подготовке перевода катехизиса, а составил также небольшой словарь (*ponenclatoges*), написал поучительные обращения (*conpciones*) и церковные песни (*hymnos et antiphones ecclesiae*) на латышском языке¹⁹. Где и когда они печатались? Вероятно, в Вильнюсе, так как Рижская и Цесисская коллегии, где работал Э. Толгсдорф (до смерти в 1620 г.), поддерживали тесную связь с Вильнюсом.

Очень тесной была связь латышской книги с Вильнюсом во второй половине XVII столетия, особенно благодаря деятельности Георга Эльгера, но этот период не относится к п е р в ы м латышским книгам.

Несколько слов по поводу изданных в 80-х годах XVI в. книг на латышском языке с книговедческой точки зрения. Через год после издания катехизиса в Вильнюсе, т.е. в 1586 г., печатался протестантский катехизис в Кенигсберге — "Малый катехизис" М. Лютера. Сравнение текста обоих изданий показывает (как уже известно), что в основе этих изданий лежит общая рукописная традиция. Полиграфический анализ показывает, что типографская работа в Кенигсберге велась более квалифицированно, чем

работа в типографии Д. Ленчицкого в Вильнюсе: строки там выравнивались лучше; расположению текста на странице и варьированию букв уделено больше внимания. Могло быть, что издание в Вильнюсе осуществлялось в спешке — на этом настаивал А. Поссевино, так как хотел, чтобы книга быстрее оказалась в руках читателей. Наверное, он знал, что в Курляндии подготовлен текст для нового издания протестантского катехизиса на латышском языке.

Язык катехизиса 1585 г. проанализирован некоторыми авторами. Подробно о нем писали Э.А. Вольтер, Э. Блесе, А. Аугсткалнс, Я. Эндзелин, А. Озолс²⁰, а также авторы некоторых изданий по истории латышской литературы. Общим для всех авторов является мнение, что для некоторых частей катехизиса существовали уже раньше рукописные тексты. Все авторы также считают, что переводчик (один?) катехизиса слабо владел латышским языком, именно поэтому в издании много неправильных латышских форм и конструкций. Кроме К. Мюленбаха, который предполагал, что в основе катехизиса лежат тексты на разных говорах (особенно на ливском диалекте), все остальные авторы считают, что тексты катехизиса представляют среднелатышский диалект с некоторыми отступлениями.

По нашему мнению, в катехизисе следует различать двойные тексты: во-первых, традиционные христианские тексты, которые, очевидно, были в обращении уже несколько столетий (например, "Отче наш"), и такие тексты, которые впервые пришлось переводить с латинского или немецкого текста Канизия (например, введение и некоторые молитвы). Ввиду строго догматического и консервативного отношения к ритуальным формулам, нет сомнений, что формы и конструкции основных религиозных текстов в издании 1585 г. не подверглись изменению, и в неправильности языка повинны не дерптские переводчики, а деятели прежних столетий, которые, вероятно, были иноземцами. Но что касается текстов второй части, то они отличаются своим более корректным языком и отражают стремление переводчиков точно и дословно передать на латышском языке тексты оригинала. И как раз стремление к этой буквальной точности привело к калькам. Неправильные конструкции, даже искажения латышских форм появляются, когда, например, латышские окончания приравниваются к латинскому образцу; это старое наследство. Ср. лат. *credo in* + асс. в одинаково неправильной передаче в катехизисе 1585 г. и в лютеранском издании 1586 г. с окончаниями *-m* и *-am*:

¹⁴ ASJ, op. Nr. 325, fol. 53.

¹⁵ Octavo Novembris anno 1585 venit Rigam R.P. Possevinus, ut ex commissione superiorum visitaret hoc collegium, ubi prius expeditisset fundationem et visitationem Derpatensis collegii seminarique interpretum, quod hac aetate Derpati instituerat, firmiora fundamenta iaceret, ad quod aliquos Braunsbergensis seminarii alumnos, qui essent aliorum forma, adducebat. — *Fontes historiae Latviae...*, p. 226.

¹⁶ ASJ, op. Nr. 325, fol. 53.

¹⁷ Доклад ректора рижской коллегии Л. Рубена. См.: ASJ, Germ., op. Nr. 165, fol. 174–176; ср.: *Fontes historiae Latviae...*, p. 226–230.

¹⁸ ASJ, op. Nr. 326, fol. 396–398.

¹⁹ *Sothvel N. Bibliotheca scriptorum Societatis Jesu. Romae*, 1676, p. 196.

²⁰ Вольтер Э.А. Указ. соч. (в приложении текст катехизиса в факсимиле); Блесе Э. *Latviešu rakstniecības pirmais piemineklis — 1585. g. izdotais latviešu katķisms. Dzintars (Maskava)*, 1918, l. 61–69; *Idem*. Mūsu rakstniecības pirmo pieminekļu valoda. — *Izglītības Ministrijas Mēnešraksts*, 1925, Nr. 8, l. 183–194; *Augstkalns A. Veclatviešu rakstu apskats. — RLB Zinību komisijas Rakstu krājums*, 1930, 20. krāj., l. 92–137; *Idem*. Piezīmes par veclatviešu rakstiem. — *Filologu biedrības Raksti*, 1970, 10. sēj., l. 97–112; *Idem*. Pirmie latviešu teksti un grāmatas. — In: *Latviešu literatūras vēsture*, 2. d. Rīga, 1935, l. 21–40; *Endzeliņš J. Piezīmes par 1585. gada katehismu. — Filologu biedrības Raksti*, 1931, 11. sēj., l. 202–206; ср.: *Darbu izlase. Rīga*, 1979, III sēj. l. d., l. 565–570; *Ozols A. Veclatviešu rakstu valoda. Rīga*, 1965, l. 69–93.

(1585)

Es titcz... exan Iesum Christum
wingam wenigam delam, musam
Kungam...

(1586)

Es titcz... exkan Iesum Christum,
wingam wenigem Dhelam, mussam
kungam...

Между прочим, такие же конструкции с "латинскими" окончаниями встречаются в трудах латыша Г. Эльгера еще в XVII в.

С другой стороны, тексты, которые заново переведены, звучат чисто по-латышски. Некоторые диалектные формы становятся понятны, если учесть, что работа над переводом была коллективной. Весь текст издания 1585 г. дает важный материал для исследования истории лексики и фонетики латышского языка.

В.Н. ТОПОРОВ

1685–1985

ПАМЯТИ ФЮРЕКЕРА, АДОЛЬФИ, ДРЕССЕЛЯ И ЛАНГИЯ

1685 год отмечен в истории латышской культуры появлением целого ряда важных произведений религиозной и лингвистической литературы. В этом году были впервые напечатаны или переизданы "Новый завет" ("Tas Jaunas Testaments") в переводе Глюка, Малый лютеровский катехизис ("Der kleine Catechismus..."), два варианта "Соломоновых притчей", "Книга Иисуса Сирахова сына" ("Das Haus-, Zucht-, und Leer-buch Jesus Syrachs"), два молитвенника ("Lettisches Gebet-Buch... aussgegeben, von Henrico Adolphi", "Pātaru grāmatas" Клейншмита), т. наз. "Улучшенное руководство" ("Vermehrte Lettisches Hand-Buch"), собрание духовных песен ("Lettische Geistliche Lieder Und Collecten"), причем большая часть этих изданий была осуществлена Адольфи. Но, может быть, не менее характерен этот год концентрацией лингвистических трудов по латышскому языку, до того представленных лишь очень редкими примерами. В 1685 г. было написано сразу три книги – "Erster Versuch, Einer kurtz-verfassten Anleitung, Zur Lettischen Sprache... von Henrico Adolphi (Mitau, 1685)", "Gantz kurtze Anleitung zur Lettischen Sprache... von Georgio Dressel" (Riga, 1685), латышско-немецкий словарь с краткой грамматикой латышского языка Я. Лангия (рукопись 1685 г., изданная только в XX в.¹). "Отмеченность" 1685 г. тем разительнее, что качество этих сочинений значительно превосходило то, что сохранилось от более раннего времени². Этот

¹ См.: Nīcas un Bārtas mācītāja Jāņa Langija 1685. gada Latviski-vāciskā vārdnīca ar īsu latviešu gramatiku... izdevis... E. Blese, Rīgā, 1936.

² Можно добавить, что в 80-е годы XVII в. вышли еще два важных языковедческих труда: "Dictionarium Polono-Latino-Lottaicum. Opus posthumum R.P. Georgii Elger" (Vilnae, 1683) и "Vocabularium in vier Sprachen... von G. Dressel" (Riga, 1688). – В середине 80-ых годов нашего века исполняется 400 лет со дня рождения Эльгера (1584 г.? 1583–1587 гг.?), см.: Karulis K. Pirmo latviešu valodnieku pieminot, Georga Elgera 400. dzimšanas gadā. – In: Latviešu valodas kultūras jautājumi (Rakstu krājums). 20. laidenis. Rīgā, 1984, l. 48–52. – Исторической заслугой Эльгера перед латышским языкознанием яв-

культурный "взрыв" через сто лет после первого периода, от которого дошли до нас самые ранние латышскоязычные сочинения ("Catechismus Catholicorum...", 1585; "Enchiridion. Der kleine Catechismus...", 1586; "Vndeutsche PSalmen vnd geistliche Lieder oder Gesenge...", 1587; "Evangelia und Episteln...", 1587; "Passio. Von dem Leiden vnd Sterben unsers HERN vnd Heilandes JESU Christi nach den Vier Evangelisten...", 1587), имел в качестве доминанты тему л а т ы ш с к о г о я з ы к а как языка культуры и орудия приобщения латышей к европейской цивилизации. Тема латышского языка, ставшая с 1685 г. важнейшим и непременным элементом всей латышской культуры и стимулом формирования национального самосознания, наиболее полно отразилась, с одной стороны, в глюковском переводе Нового завета и, с другой стороны, в указанных опытах описания грамматики и лексики латышского языка (рис. 1, 2, 3).

Предыстория изучения латышского языка очень коротка и очень небогата. Фактически она начинается с 30-х годов XVII в. и связана с именем пастора Георга Манцеля. В предисловиях к "Lettisch Vademecum" (1631) и к "Lettus, Das ist Wortbuch Sampt anhangendem täglichem Gebrauch der Lettischen Sprache" (1638)³ можно найти некоторые указания на фонетические и диалектные (или территориальные) особенности отдельных лексем. К числу заслуг Манцеля следует отнести и его интерес к орфографии, проявившийся в установлении определенного принципа письменной фиксации латышского языка (за образец были приняты принципы немецкой орфографии) и в исправлении орфографии (нередко и самого языка) более ранних изданий на латышском языке. Но особенно важны лексикографические и фразеологические собрания Манцеля – немецко-латышский словарь (более 200 страниц текста) и коллекция наиболее типичных фраз, необходимых для знакомства с латышским языком и для общения пасторов – немцев с латышами (все фразы – немногим менее 200 страниц текста – разбиты на 51 тематический раздел: "Von Gott vnd Geistern", "Von Menschen", "Von der Seele", "Von Leibe", "Von den Gliedern", "Von den vierfüssigen Thieren", "Von der Thiere Nahmen", "Von Vogeln", "Von Fischen", "Von Würmen vnd Vnzieffer", "Von der Kuchen", "Vom Backen", "Vom Mahlen", "Vom Braw-wercke", "Vom Milch", "Von Epffeln vnnd allerley Erd-Früchten", "Von Bäumen", "Nahmen der Bäume", "Von Kleidung", "Von Farben", "Von Gebäuden", "Mancherley Hausgerath", "Weiberzeug vnd Arbeit", "Weberzeug", "Jägerwerck", "Baderzeug", "Bawrenzeug", "Pferde-zeug", "Kriegs-zeug", "Spielwerck", "Von Kirchen vnd dero Gerähte", "Von Geld", "Maasse vnd Gewichte", "Von Büchern",

ляется фиксация им основных слоговых интонаций (в книге "Heistliche Catholische Gesänge..." /Braunsberg, 1621/, единственный экземпляр которой недавно был обнаружен в отделе редких книг Вильнюсского университета), как и составление указанного выше трехязычного словаря.

³ Переиздание этого словаря, как и другого труда Манцеля "Phraseologia Lettica, Das ist: Täglicher Gebrauch der Lettischen Sprache..." (1638), см. в кн.: Attlettische Sprachdenkmäler in Faksimiledrucken / Hrsg. von A. Günther, II. Bd. Heidelberg, 1929.

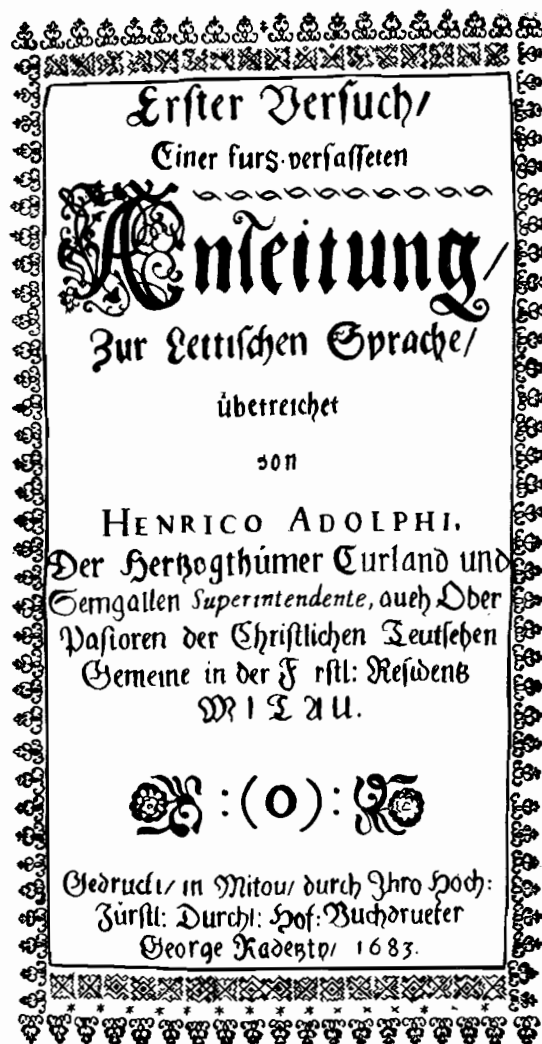

Рис. 1. Грамматика Г. Адольфи. Титульный лист

"Von den Elementen vnd was dazu gehöret", "Von der Zeit". "Von der Erden vnd Landschafften", "Von, Städten", "Von Wassern", "Von Metallen", "Von mancherley Kranckheiten", "Von Artzneyen", "Ehren Ampter Nahmen in der Kirchen", "Ehren Ampter Nahmen im Weltlichen Stande", "Andere Ampts Nahmen", "Soldaten Ampts Nahmen", "Von Handwerckern", "Verwandtnis-Nahmen", "Etlicher Bäche Nahmen in Semgallen / Churland vnd Liefeland etc.", "Etzlicher Städte / Schösser vnnd Höfe Nahmer in Semgallen / Chur- vnd Liefeland", "Vom Zehlen"). Лингвистические опыты Манцеля, несомненно,

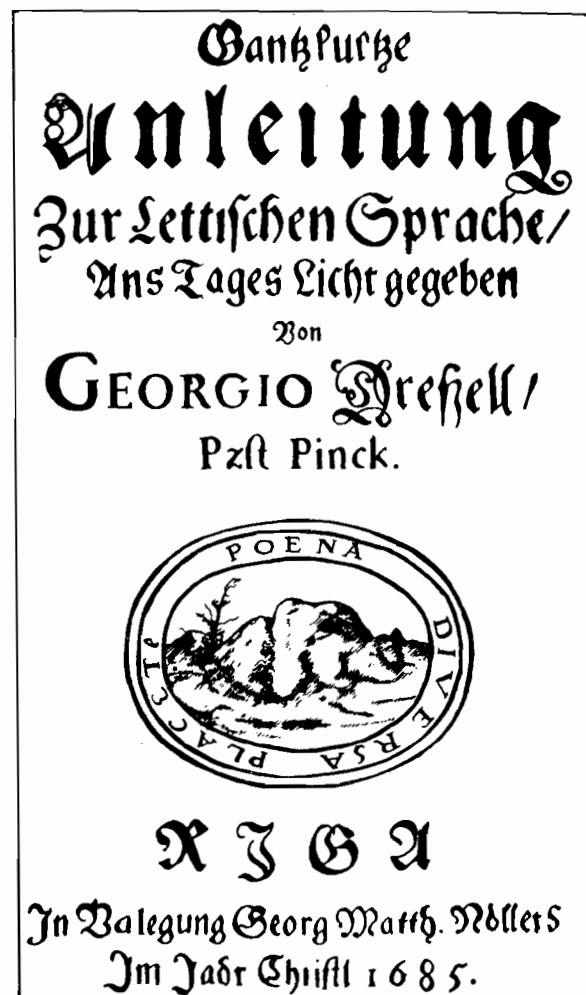

Рис. 2. Грамматика Г. Дресселя. Титульный лист

отражают более или менее широко распространенную в XVII в. и позже практику составления пасторами рукописных пособий (руководств) по латышскому языку⁴.

⁴ О лингвистических (прежде всего) трудах Манцеля (и отчасти о некоторых других опытах в этой области в XVII в.) см.: *Grabis R.* Pārskats par 17. gadsimta latviešu valodas gramatikām. – Valodas un Literatūras Institūta Raksti, 1955, V. 1. 205–266; *Grīble R.* 17. gadsimta gramatikas kā latviešu valodas vēstures avots. – Ibid., 1958, VII. 1. 245–255; Она же. Грамматики XVII в. как источник истории латышского языка. Автореф. канд. дис., Рига, 1958; *Zemzare D.* Latviešu vārdnīcas (līdz 1900. gadam). Rīgā, 1961, I. 11–63; *Ozols A.* Veclatviešu rakstu valoda. Rīgā, 1965, I. 152–204; *Juris Mancelis.* Rakstnieku sejas. Sērija skolai un jaunatnei. A. Dauges un V. Plūdoņa redakcijā. Rīgā, 1927; *Schwes J.* Juza Mancela Vademecum un dažī līdz šim nepazīstami apsvēkumi. – IMM 1925, V–VI, I. 441–446; Алт-леттische Sprachdenkmäler, II. S. 7–14 (Einleitung); *Bērziņš L.* Valoda un izteiksme Mancela rakstos. – IM, 1944, I, I. 8–12; II. I. 29–31 и др. В машинописном виде известна дипломная работа: *Priķņa V.* (Skujņa). Salikteni G. Mancela vārdnīca "Lettus" un krājums "Phraseologia Lettica". Rīgā, 1960).

Неудовлетворительность положения с грамматическим описанием латышского языка особенно очевидно проявлялась на фоне тех больших переводов важнейших текстов духовной литературы на латышский язык, которые были выполнены в 70-е — 80-е годы XVII в. Настоятельная необходимость в более полной и адекватной языку грамматике как раз и объясняет резкую активизацию лингвистического изучения латышского к середине 80-х годов, с несомненным повышением профессионального уровня описания.

Лучшей грамматикой латышского языка в XVII в. суждено было стать сочинению, которое вошло в обиход под названием "грамматики Адольфи" — "Erster Versuch einer kurtz-verfasseten Anleitung zur Lettischen Sprache überreicht von Henrico Adolphi" (Mitau, 1685)⁹. Проблема происхождения этой книги и ее авторства занимала многих специалистов. По этим вопросам высказывались разные мнения¹⁰, среди которых лишь одно было бесспорным — о значительной роли Христофора Фюрекера в создании этой книги, — а остальное более или менее далеко от ясности. Наиболее авторитетны и правдоподобны заключения К. Дравиньша, обстоятельно рассмотревшего "Erster Versuch" под этим углом зрения. Поскольку они у нас известны очень мало, целесообразно их суммарное изложение. Основной вывод Дравиньша состоит в том, что "Erster Versuch" должен носить не имя Адольфи, стоящее на титульном листе (Адольфи был курляндским суперинтендантом; ему обязана книга своей окончательной формой и своевременным ее изданием), а скорее — Фюрекера¹¹. Тем не менее эта грамматика в целом результат коллективного творчества четырех авторов. Фюрекер составил рукопись грамматики, которая была

обработана самим Адольфи и двумя его сотрудниками (первым из них мог быть прежний пастор из Добеле М. Мусман или учитель и пастор из Елгавы М. Шмидт; второй сотрудник, принимавший, видимо, меньшее участие в работе, остается неидентифицированным). Судя по всему, Фюрекер был автором не только разделов, посвященных склонению и спряжению, но и фонетики, а также заключительной части, где рассматриваются наречия, предлоги и т.п. Рукопись Фюрекера, попавшая в распоряжение Адольфи, скорее всего представляла собой к о п и ю. В ней было немало лакун и разного рода несовершенств. Между прочим, ее автор вводил в грамматику, помимо реально существующих форм, некоторые сконструированные им самим формы. Ни Фюрекер, составляя рукопись, ни Адольфи, подготавливая ее к печати, не знали латышской грамматики Рехехузена (1644). Напечатанный текст "Erster Versuch" изобилует ошибками, относящимися на счет некомпетентности издателя. Изменения текста фюрекеровской рукописи (вставки, перестановки, "правка" и т.п.), хотя и многочисленные, но едва ли обогащают ее в содержательном плане. Работа по изданию книги происходила в большой спешке¹²; поэтому Адольфи и его помощники не успели устранить многие неясности или внести новый языковой материал. Дравиньш предполагает, что возникновение этой (предположительной) копии фюрекеровской рукописи относится приблизительно к 1665–1675 гг. По топонимам, упоминаемым в грамматике, можно установить, что она была составлена в окрестностях Добеле¹³, что подтверждается, кажется, и совокупными показаниями хронологического и языкового характера. Должно предполагать, что Фюрекер около 1647 г. прибыл в Джуксте (нем. Siuxt); до этого какое-то время он провел в местности, где был употребителен верхнелатышский диалект.

Грамматика Адольфи (или Фюрекера) была наиболее подробной (264 страницы малого формата) и полной из аналогичных руководств XVII в. В каждом из своих разделов (фонетика, склонение, спряжение, неизменяемые части речи и даже синтаксис, наиболее бедный фрагмент книги) "Erster Versuch" существенно превосходит своих предшественников (и практически полностью отменяет их). Важно, что в книгу включен фонетический раздел с довольно полным инвентарем звуков (включая дифтонги), с описанием ударения (но не интонации). Более глубокое проникновение в структуру языка свидетельствуется обращением к "морфологической" сфере (в грамматике отмечен ряд чередований согласных при словоизменении и словообразовании) и стремлением выявить некоторые более специальные критерии различения классов слов (основы имен существительных, глагольные основы). В связи с последней задачей в грамматике предполагается ряд классификаций, хотя и не всегда удачных. Ценность представляют довольно многочисленные парадигмы. Впервые в истории изучения латышского языка важными становятся лингвистические тонкости, детали языковой структуры. И это стало возможным не только

¹² Есть основание думать, что Адольфи опасался, что рукопись Фюрекера могла быть известна другим лицам и издана ими прежде, чем это сделает он сам.

¹³ См. *Bērziņš L.* Op. cit., I. 36–37; ср. *Straubergs J.* Pa pirmā latviešu dzejnieka pēdām. — *Brīva Zeme* 1939 (29/7), Nr. 168; *Draviņš K.* Kristofora Fīrekera jaunības dzejoļi. — *IM* 1944, Nr. 6, I. 124–126; *Idem.* Christophor Fūreckers..., S. 60 и сл. и др.

⁹ Особенно много об этой грамматике писалось за последние сорок лет. Ср. из наиболее существенных работ: *Draviņš K.* Christophor Fūreckers, Adolphis und anderer Anteil an der lettischen Grammatik vom Jahre 1685. — *Språkliga Bidrag*, 1956, vol. 2, Nr. 6, S. 30–79 перепечатано в кн.: *Draviņš K.* Altlettische Schriften und Verfasser, I. Lund, 1965, S. 83–114; здесь же и другие заметки о Фюрекере: Christophor Fūrecker und die Taufe des Sohnes Martin Büchners im Jahre 1677, S. 60–67; Christophor Fūreckers Nachricht über das Singen der lettischen Volkslieder, S. 68–69; *Grabis R.* Op. cit., I. 228–240; *Grīle R.* Pārskats par 17. gadsimta...; *Eadem.* Konjugācija Adolphi gramatikā. — *Rīgas Pedagoģiskā institūta Raksti*, 1957, V, I. 39–59; *Eadem.* 17. gadsimta gramatikas...; *Eadem.* Грамматика XVII века...; *Niedre J.* Latviešu literatūra, I. Rīgā, 1952, I. 77; *Latviešu literatūras vēsture*, I. Rīgā, 1959, I. 403–405; *Ozols A.* Op. cit., I. 231–241 и др. В этой же связи существует ряд работ, относящихся к Фюрекеру и прежде всего: *Bērziņš L.* Kristofors Fīreckers un viņa nozīme latviešu literatūrā. — *FBR*, 1928, VIII, I. 145–224 и др.

¹⁰ Можно, помимо уже перечисленных работ, назвать еще несколько: *Dravnieks A.* Latviešu literatūras vēsture. Göttingen. 1946, I. 55; *Kārklīņš K.* Latviešu literatūras vēsture. I. Teil. Fischbach, 1947. I. 70; *Blese E.* Latviešu literatūras vēsture. Hanau, 1947, I. 83; *Johansson A.* Latviešu literatūra. Stockholm, 1953, I. 22 и др.

¹¹ "Nach alter Tradition trägt diese Sprachlehre den Namen "Adolphis Grammatik"; es wäre passender sie "die Fūreckersche Grammatik" zu nennen" (*Draviņš K.* Op. cit., S. 72). Впрочем подобный вывод был уже достаточно подготовлен в известной работе Л. Берзиньша о Фюрекере, ср.: "При чтении предисловия [к "Erster Versuch". — В.Т.] получаем впечатление, что Адольфи не работал над своей грамматикой, но что это труд Фюрекера: "bet ka tā ir Fūrekera darbs" (*FBR* 1928, VIII, I. 168). Наконец, показательно и то, что говорит сам Адольфи в своем предисловии: "Das meiste und beste, so in solcher Arbeit in die Feder gefasset und mir wissend ist, ist das so der seelige Hr. Christophorus Fūreckerus, die Declinationes und Conjugationes betreffend, hinter sich verlassen".

в силу более пристального и тонкого лингвистического анализа, но и потому, между прочим, что каркас грамматической структуры латышского языка в принципе был здесь уже выявлен¹⁴. В этом смысле, действительно, это был первый лингвистически состоятельный опыт описания латышского языка — "Erster Versuch", которому суждено было сохранять свое первенствующее положение в течение почти 80 лет, вплоть до "Neue vollständigere lettische Grammatik" Г.Ф. Стендера (1761; 2-е изд. — 1783), через которую труд Адольфи—Фирекера подверстывается к дальнейшей традиции грамматик латышского языка (Akielewicz, Rosenberger, Hesselberg, Bielenstein и т.д.).

Таким образом, к заслугам Фюрекера теперь можно прибавить еще одну — он был лучшим грамматистом своего времени из тех, кто занимался латышским языком в XVII в. Поэтому 1685 год как год выхода в свет "Erster Versuch" имеет самое непосредственное отношение к Фюрекеру, и ныне мы отмечаем трехсотлетие со дня выхода в свет этого важного языковедческого труда. Эту годовщину с известным основанием можно считать двойной: 1685 г. — также terminus ante quem верхней границы жизни Фюрекера (полагают, что он умер в начале 1685 или в конце 1684 г., в Тукумсе или в Слоке).

Несомненно, Фюрекер намного превосходил Адольфи, выросшего в Германии, и в знании латышского языка, которым он владел, хотя не безошибочно, но довольно основательно, а для немцев, интересовавшихся латышским языком, и вообще хорошо. В этом усвоении латышского языка сыграли свою роль и жизненные обстоятельства (Фюрекер родился в Лифляндии, воспитывался и жил всю жизнь в латышском окружении, сознательно учился у Фридрихи латышскому языку во время пребывания в Дерпте, 1632—1636¹⁵, поддерживал близкие отношения с другим знатоком латышского языка — Манцелем, наконец, сам совершенствовал латышский язык в своей поэзии, вершинном проявлении латышского художественного творчества в XVII в)¹⁶, и то удачное сочетание практического и теоретического интереса к латышской речи, которое, несомненно, характеризовало Фюрекера. Одним из свидетельств этого интереса была его лексикографическая деятельность¹⁷. В рукописном отделе фундаментальной библиотеки Академии наук в Риге хранятся рукописи двух латышско-немецких словарей, составленных

¹⁴ К сожалению, Адольфи не принял оригинальные фюрекеровские орфографические принципы, вернувшись к системе Манцеля, хотя и прокорректированной и дополненной. Эта "улучшенная" орфография просуществовала значительно более двух веков. Ср.: *Draviņš K.* Par Kristofora Fīrekera grafikas sistēmu un pareizrakstību. — *Sprāklīga Bīdrag*, 1957, Nr. 8, l. 42—93.

¹⁵ Есть мнение, что сам Фюрекер был домашним учителем.

¹⁶ Поэтическому творчеству Фюрекера предполагается посвятить особую статью в одном из ближайших выпусков настоящего издания.

¹⁷ О ней см.: *Plūdonis V.* Latvju literatūras vēsture, sakarā ar tautas vēsturisko attīstības gaitu. Jelgavā, 1909, l. 63—65; *Berziņš L.* Op. cit., l. 211—213; *Zēvers J.* Fīrekera vārdnīca. — IMM, 1935, I, l. 52—57; *Idem*, Latviešu vārdnīcās. — IMM, 1935, V—VI, l. 490—501; *Straubergs J. L.* Kannenberga vārdnīca un Fīrekera manuskriptu liktenis. — IMM, 1936, XII, l. 627—639; *Augstkalns A.* Par Vidzemes vārdu. — Latvijas Vēstures Institūta Žurnāls, 1940, II, l. 249—254; *Zemzare D.* Op. cit., l. 73—83; *Ozols A.* Op. cit., l. 221—229 и др.

Фюрекером — "Lettisches und Teutsches Wörterbuch zusahmen geschrieben und mit Fleiß gesamlet von Christopher Fürecker" и "Christoph Füreckers, Candidat des Predigtamts in Kurland lettisch-deutschen Wörterbuchs erster Theil: A—P, zweyter Theil: R—Z. Это большое (319 и 555 страниц) и ценное собрание лексики, в которое входят, в частности, слова, неизвестные из других старых текстов и вообще из письменных источников, или весьма редкие лексемы, так или иначе использовались последующими лексикографами (Дрессель, Делкин и др., в течение всего XVIII в.). Для истории языка существенное значение имеют фразеологические материалы, содержащиеся в этих словарных рукописях.

Фигура Фюрекера в истории латышской культуры, безусловно, очень значительна и, можно думать, ее масштабы со временем будут оцениваться еще выше. В его лице перед нами крупный, достаточно оригинальный и разнообразный поэт, автор около 180 духовных песен, изданных посмертно тем же Адольфи в том же 1685 г. ("Vermehrtes Lettisches Hand-Buch"). И это третье основание, чтобы почтить память Фюрекера в эти дни.

В 1685 г. были составлены и другие сочинения, посвященные латышскому языку. Перу пастора Г. Дресселя принадлежит вышедший в Риге еще один опыт описания латышского языка — "Gantz kurtze Anleitung zur Lettischen Sprache". Он не может выдержать сравнения с "Erster Versuch": грамматика Дресселя очень кратка (86 страниц очень малого формата), изобилует лакунами (нет фонетики, орфографии, словообразования), бедна содержанием и, более того, не вполне самостоятельна: исследователи отмечают в ней многочисленные совпадения с грамматикой Бюхнера и допускают, что в основе этих двух сочинений лежал некий общий источник. Лишь отдельные детали могут привлечь внимание к труду Дресселя (указание управления падежами при предлогах и т.п.). Можно напомнить, что в 1688 г. Дрессель издал "Vocabularium in vier Sprachen, teutsch, lateinisch, polnisch und lettisch" (Riga), в котором собрано около тысячи слов. Этот труд был учтен в изданном в 1705 г. "Wörter-Büchlein..." Л. Делкина (немецко-шведско-польско-латышский словарь)¹⁸. Несколько теряясь на фоне более ярких своих современников, изучавших латышский язык, Дрессель все-таки остается очень характерной фигурой той эпохи. Он один из ряда труженников в области латышского языка, и в этом смысле он рядовой "описатель" и собиратель, но сам этот ряд, как он сложился в 80-е годы XVII в., уже отличен от одиночек в нем ряда, характерных для предыдущего периода. Ряд создан, и им задан новый, более высокий уровень языковедческой практики.

Несомненно, более интересной фигурой был пастор Иоганн Лангий, также подвизавшийся в грамматике и лексикографии. В том же 1685 г.

¹⁸ См. о Дресселе: *Zemzare D.* Op. cit., l. 91—93; *Ozols A.* Op. cit., l. 242—245; *Grabis R.* Op. cit., l. 241—246 и др. Ср. также: *Dr. Trevor G. Fennell.* G. Dreszell's Gantz kurtze Anleitung Zur Lettischen Sprache: a reevaluation of its sources. — In: Ninth Conference on Baltic Studies. Montréal, 1984, p. 38—39 (помимо связи с грамматическим описанием Фюрекера, для труда Дресселя характерно следование "консервативной" линии в развитии латышской грамматики в XVII в., восходящей к "Manductio" Рехехуэна).

он составил рукопись латышско-немецкого словаря с приложением краткой грамматики, попавшую в конце-концов в библиотеку Гейдельбергского университета и изданную по фотокопии в Риге в 1936 г. — "Nīcas un Bārtas mācītāja Jāņa Langija 1685. gada latviski-vāciskā vārdnīca ar īsu latviešu gramatiku"¹⁹. Лангий был, видимо, внимательным и вдумчивым исследователем, опиравшимся прежде всего на опыт собственных наблюдений. При всей краткости грамматического очерка латышского языка он в ряде отношений оригинален. Лангий порывает с традицией выделения артиклей, как и с традицией растворения числительных в других классах слов (прилагательные). Особенно показателен его интерес к проблеме слоговых долгот (ср. особый раздел "Prosodia"), хотя в целом он с ней не справился. Несколько новых аспектов обнаруживается в описании Лангием латышского синтаксиса. Тем не менее в ряде случаев он спускается ниже уже достигнутого уровня. Грамматика Лангия представляет интерес с точки зрения исторической диалектологии: она ориентирована на говоры юго-западной Курземе. Вместе с тем она может рассматриваться и как немаловажный источник топонимической лексики. Еще с большим основанием то же может быть сказано о словаре Лангия. Достаточно обширный (около 7000 слов, 180 листов) и нетривиальный в некоторых отношениях (ср. отчетливость в ряде случаев этимологических мотивов при группировке слов одного корня и т.п.), словарь ценен отражением в нем диалектной лексики курземских говоров (курсниек), наличием значительного числа диагностически важных заимствований (литовских, славянских, немецких), топонимическими материалами и рядом других особенностей (в частности, достаточным богатством фразеологического материала). Несомненен интерес Лангия к латышской мифологии, к фольклору, к этнонимии и этнографии (ср. лексические данные, относящиеся к сфере материальной культуры). Из-за того, что в свое время рукопись Лангия не была напечатана, его труд не оказал того влияния, на которое он мог бы рассчитывать. Тем не менее, даже позднее "открытие" Лангия принесло добрый плод: его имя введено в историю науки о латышском языке, а его словарь стал важным источником для истории и диалектологии латышского языка²⁰. Контуры языка XVII в. и науки о нем становятся все более рельефными.

¹⁹ К изданию приложены заметки Э. Блесе о словаре и грамматике и очерк жизни и трудов Лангия (л. 445–568). Ср. также: Zēvers J. Johannes Langius. — IMM, 1924, VIII/IX, л. 244–248; Grabis R. Op. cit., л. 246–260; Zemzare D. Op. cit., л. 84–91; Ozols A. Op. cit., л. 245–259 и др.

²⁰ Верную оценку Лангия дал Э. Блесе (Jāņa Langija 1685. g. ... vārdnīca ... Rīgā. 1936, л. 568, ср. 577).

ЭРНСТ ГЛЮК, НЕМЕЦКИЙ ПОДВИЖНИК ЛАТЫШСКОГО И РУССКОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ

Есть между нами похвала без лести,
И дружба есть в упор, без фарисейства,
Почтимся ж серьезности и чести
На Западе, у чуждого семейства.

Чужая речь мне будет оболочкой ...

Он, действительно, отличался серьезностью, честностью, чувством собственного достоинства и сознавал важность этих черт. Но они не были для него самоцелью. Просто без них было бы невозможно исполнение того долга, который он ставил выше всего и которому он посвятил свою жизнь. Долг же свой Глюк видел в просвещении латышей и русских, приобщении их к европейской культуре и к тем духовным ценностям христианства, которых они, по его мнению, были лишены. Поэтому свою миссию он понимал как просветительскую и в светском, и в религиозном смысле. Совмещенный образ апостола и учителя-просветителя был его идеалом. Этой миссии он отдал не менее тридцати лет. Чтобы выполнить ее, он покинул родину и на чужбине испытал многие превратности того беспокойного времени в этом углу Европы. Ради этого жизненного дела он "ушел из немецкой речи" и выбрал языком своего творчества сначала латышский, а потом русский. Глюк с оптимизмом относился к возможности овладения чужими языками и передачи с их помощью высших идей. Он твердо верил, что истинный смысл может быть передан на любом языке, и поэтому он доверял чужим языкам. Конечно, он не знал мук русского поэта (*Не искушай чужих наречий, но постарайся их забыть — | Ведь все равно ты не сумеешь стекла зубами укусить...*) и не предвидел связанной с ними расплаты (*О как мучительно дается чужого клекота почет, | За беззаконные восторги лихая плата стережет*). Современник Лейбница, он исходил из равенства языков перед смыслом, из логической универсальности, с помощью которой можно свести разные языки к тому общему для всего человечества рациональному языку, на котором говорит сам Разум, сама Очевидность. Тайны языка Глюку были, кажется, неведомы, но сложности и секреты он усваивал быстро и неплохо. Ошибками в языке, видимо, не смущался, но не от равнодушия к ним, а от того, что верил в смысл, способный пробиться и сквозь несовершенство языковой формы, и в пользу своего дела. Он был прежде всего человеком дела, даже когда этим делом было Слово, деятелем практичным, трезвым, активным и целеустремленным — и совсем не был похож на близких нашему сердцу старых немецких знакомцев русской литературы, как Карл Иванович или Христофор Федорыч Лемм. Но и он бросил добрые семена в душу и разум наших праотцев, и мы благодарно храним память об Эрнсте Глюке и его трудном подвиге.

Эрнст Глюк (Glück, лтш. Gliks) родился 10 ноября 1652 г. в Веттине (Саксония) и умер 5 мая 1705 г. в Москве¹. Сын пастора, сам он изучал теологию в университетах Виттенберга и Лейпцига (кроме того, он учился и в Альтенбурге)². Много внимания уделял он и изучению восточных языков. Молодым человеком, в 1673 г. он оказывается в Лифляндии, в Видземе, где намеревался вести проповедническую деятельность³. Момент был выбран удачно. В 1672 г. начинается самостоятельное правление шведского короля Карла XI (Видземе принадлежала в это время шведской короне), ознаменовавшее расцвет абсолютизма. В 1673 г. король приглашает Иоганна Фишера (1633–1705), до того работавшего в Германии, стать суперинтендантом Видземе, а в 1675 г. делает его генералом-суперинтендантом. В эти годы резко усиливается активность лютеранских кругов, выступавших, в частности, с широкой программой культурной деятельности, направленной и на религиозное просвещение. Эти усилия сознательно приобщить латышей к лютеранству стимулировались и католической пропагандой в соседней Латгалии, которая по Андрусовскому перемирию 1667 г. снова перешла под власть Польши. В этих условиях особое значение приобретает задача быстрого и надежного перевода Библии. Фишер получает от шведских властей большую сумму в 7500 талеров для перевода Библии на латышский и эстонский языки. В 1675 г. орга-

¹ Из литературы о Глюке см.: *Hilners G. Ernsts Glücks, latviešu Bībeles tulks, miera darbos un kara briesmās. Rīgā, 1918; Ernsts Glüks. — Rakstnieku seas. Sērija skolai un jaunatnei A. Dauges un V. Plūdoņa redakcijā, N 3. Rīgā, 1927* (здесь же фрагменты перевода Библии); *Bērziņš L. Ernsts Gliks. Darba mūžs un mūža darbs. Rīgā, 1935; Virsnieks R. Ernsts Gliks (Ernst Glück) dzīvē un darbā. Rīgā, 1942; Niedre J. Latviešu literatūra, I. Rīgā, 1952, I. 71–72; Latviešu literatūras vēsture, I. Rīgā, 1959, I. 382–388, 417; Karulis K. Latviešu grāmata gadsimtu gaitā. Rīgā, 1967, I. 52–53; Latvijas enciklopēdija, 3. Rīgā, 1983, I. 546; Пекарский П.П. Введение в историю просвещения в России при Петре Великом. СПб., 1862, с. 126–132; Перетц В.Н. "Dies irae" в русских переводах XVIII в. — Литературный Вестник, 1901, № 8, с. 31–33; Он же. Историко-литературные исследования и материалы, т. III. СПб., 1902, с. 71–141, 289–343; 4–84 (второй пагинации); Белокуров С.А., Зерцалов А.Н. О немецких школах в Москве, в первой четверти XVIII в. (Документы Московских архивов. 1701–1715). — ЧОИДР, 1907, т. I, отд. I, с. III–IX; Берков П.Н. Из истории русской поэзии первой трети XVIII века: (к проблеме тонического стиха). — В кн.: XVIII век. Сборник статей и материалов, вып. I. М.; Л., 1935, с. 61–81 и др.*

² В диалоге-похвале Глюку, составленному его коллегой и преемником И. Паусом по случаю кончины Глюка, аллегорический персонаж Eugenia сообщает, что покойный был "genere sacerdotali nobilique; Patria erat Saxo, generosa gente oriundus".

³ Ср. об этом (и, в частности, о мотивах такого выбора жизненного пути) в том же диалоге, сочиненном Паусом в память Глюка: "...Postea accepit ipsum Lipsia, Musis itidem sacra urbs, quae reddidit politiore non quidem Patriae, non Saxoniae sed Livoniae. Cum enim nollet veluti dona porta doma latitare et focum sapere et paternum situm peregrinationibus se dando variorum hominum mores et urbes vidit, tandemque in Livoniam venit. Ibi curam sacrarum sibi commissam summa cum laude gessit. Pari modo ac mandato regis sui, fidem se praebeuit Interpretem, oracula sacrarum literarum, in plebis suae vernaculam transferendo, atque ita mentibus manibus caelica verba inserit. Pollebat enim jam tum temporis multipliciti doctrina, dexteritate, fidelitate, scientia Theologica aliisque virtutibus ad tantum negotium obeundum necessariis. Maximo adjumento sibi hoc in negotio fuit cognitio fontis, Scripturae S. Ebraeae, sine qua nemo feliciter in Theologia versari potest" — монолог, который произносит Genius.

низуется в Риге типография во главе с Вилькеном. В этих условиях естественно было обратить внимание на теолога Глюка, который, приехав в Лифляндию, в течение пяти лет упорно изучал латышский язык. Не исключено, что предложение о переводе исходило именно от него, как правдоподобно мнение, что в 70-е годы Глюк уже испытал себя в переводе отдельных частей Библии. Но, видимо, в это время сам Глюк не был еще готов к выполнению всей задачи в целом. Интересно, что слабым местом оказалось не знание латышского языка, но библейская экзегеза, связанная с конкретным знанием древнееврейского и греческого языков. Именно этим был вызван отъезд Глюка в Германию, где он в Гамбурге у известного востоковеда Эзарда изучает древние языки. В 1680 г. он возвращается в Лифляндию, в Ригу. С этого года он пастор в гарнизоне Даугавгривской крепости, с 1683 г. по 1702 — в Алуksне (с 1687 также пробст в Кокнесе). Но еще в 1681 г. он принимает решение переводить Библию: Фишер просит Глюка взять на себя этот перевод. Теперь Глюк был уже готов к выполнению этой задачи (за год до этого он перевел "Большой Катехизис", который потом использовался в школьном обучении)⁴.

Впрочем, к этому времени на латышский язык так или иначе был переведен ряд текстов, которые или непосредственно являлись фрагментами Библии (Евангелие, Псалмы и т.п.), или могли трактоваться как тематически близкие заготовки к тем или иным частям Библии (Катехизис, некоторые духовные песни и др.). Если отвлечься от конфессиональных различий и от вопроса о том, что из более ранних опытов в этой области могло быть непосредственно использовано Глюком при переводе Библии во всем ее объеме, то окажется, что "доглюковские" попытки в своей сумме довольно точно воспроизводят историю ранних этапов в сей латышской литературы⁵.

Цепь подобных попыток может быть начата с первой половины XVI в.⁶ — с двух ранних переводов "Отче наш" ("Tēvreize"), один из которых был относительно недавно обнаружен в латиноязычном тексте католической

⁴ Следует напомнить, что к этому времени у соседних народов Библия была уже переведена: на шведский в 1541 г., на датский в 1550 г., на литовский в 1590 г. (в 1657–1659 гг. вторично Библию перевел Хилинский, но ее издание, начавшееся в 1660 г., не было кончено) и т.п.; исключение составил эстонский перевод, появившийся лишь в 1739 г.

⁵ Ср. полезный хронологический список ранних текстов латышской религиозной литературы в кн.: *Ozols A. Veclatviešu rakstu valoda. Rīgā, 1965, I. 574–581; см. также: Misiņš J. Latviešu rakstniecības rādītājs, I (1585–1910). Rīgā, 1924; II. (1585–1925). Rīgā, 1937.*

⁶ Можно напомнить, что первые следы использования латышского языка в "с в е т с к и х" текстах относятся приблизительно к этому же времени. Ср. отдельные краткие записи, начиная с 1522 г. (особенно с 1532–1533 гг. и позже), относящиеся к документам профессиональных "братств" (прежде всего — к гильдии грузчиков). О них см.: *Arbuzovs L. Piezīmes par 16. gadu simtņa vecākajiem latviešu literatūras pieminekļiem. Visagrākie rokraksti latviešu valodā kopš 1558 g. — IMM, 1920, I. 34–48; Idem. Zwei lettische Handschriften aus dem 16. und 17. Jahrhundert (1532 ff. 1625). — Acta Universitatis Latviensis, 1922, II, I. 19–57 и др. См. также: Augstkalns A. Pirmie latviešu teksti un grāmatas. — Latviešu literatūras vēsture. Rīgā, 1935, II, I. 21–40.*

"Agenda" "ы" (так называемый "Upsalas Tēvreize") и датируется периодом между 1507–1540 гг. (скорее ближе к его началу), а другой содержится в рукописи "Хроники" Симона Грунау и написан, видимо, между 1526 и 1531 гг.⁸ Первые опыты в составлении духовных песен (*garīgās dziesmas*) на латышском языке, насколько известно, восходят к 1530 г. (и следующему за ним десятилетию). Они принадлежат пасторам церкви Св. Екаба в Риге Рамму (*Nikolavs Rams, Ramm*) и Эку (*Johans Eks, Eck*). Эти тексты долгое время существовали в рукописном виде и лишь в 1615 г. были напечатаны. Очень интересно предположение Страуберга, согласно которому эти духовные песни были напечатаны в первом латышском катехизисе 1530 г., не сохранившемся до наших дней (как и второй катехизис, составленный между 1535 и 1550 гг.).⁹ Строго говоря, никаких конкретных сведений об этих катехизисах нет, но конфигурация некоторых фактов не исключает правдоподобности этой гипотезы, выдвинутой латышским ученым. Тем не менее именно эти жанры — "Отче наш", духовные песни (включая псалмы) и катехизис — были основным наследием XVI в. на подступах к полному переводу Библии. В этом столетии не раз публиковались тексты "Отче наш". В частности, помимо текста, составленного около середины этого века и связываемого с именем Хазентетера (*Johans Hāzenteters, Hazentöter*), и его перепечаток в "Космографиях" Себастиана Мюнстера (начиная с 1550 г.) и Теве (1575), в "Польской хронике" М. Бельского (1564), стоит особо назвать и недавно найденный в Стокгольмской королевской библиотеке текст "Отче наш", написанный в конце XVI (Георг Бруно; ср. публикацию Биезайса). Жанр духовных

песен получил продолжение в сборнике из 58 псалмов и песен, вышедшем в 1587 г. под немецким заглавием "Undeutsche Psalmen vnd geistliche Lieder oder Gesenge" (2-е изд. — 1615 г.). Но, конечно, наибольшее значение для выработки языка будущего перевода Библии имели переводы Катехизиса, Евангелия и других религиозных и богослужебных текстов. Среди подобных изданий в XVI в. особо должны быть отмечены латышские переводы двух катехизисов — католического ("Catechismus Catholicorum Iscige /Istige/ pammacischen. . ." 1585)¹⁰, вышедшего в Вильне, и лютеранского ("Enchiridion. Der kleine Catechismus . . . ins undeutsche gebracht, 1586), напечатанного в Кенигсберге, а также перевод Евангелия и Посланий ("Evangelia vnd Episteln aus dem deutschen in undeutsche Sprache gebracht", 1587, также в Кенигсберге)¹¹. В том же 1587 г. появляется еще один текст, связанный с евангельской тематикой, — "Passio. Von dem Leiden vnd Sterben unsers HERN vnd Heilandes JESU Christi nach den Vier Evangelisten" (ср. также издание "Passio" в 1615 г. — "... Auss Deutschen Sprache in Undeutsche gebracht Durch Godthard Reymer Predi. zum Bouschenburg").

В XVII в. количество переводов религиозной литературы (канонические тексты, духовные песни и т.п.) возрастает, и, главное, некоторые из них имеют более непосредственное отношение к попыткам перевода Библии. Помимо текстов, изданных в Риге в 1615 г. в типографии Николая Моллина (*Nicolaus Mollin*), — Евангелие и Послания, Катехизис, духовные песни¹² — католической "Agenda parva" (1622, Brunsbergae), книги Псалмов Давидовых ("Dahwida Dseesmu Grammata". Rhiga. 1623? 1625?) и некоторых других сочинений¹³, следует особо выделить переводы на латышский язык, принадлежащие трем видным писателям этого столетия — Манцелю, Эльгеру и Рейтеру. Опыты именно этих авторов были наиболее существенны с точки зрения выработки оптимального варианта латышского языка переводной религиозной литературы к а н о н и ч е с к о г о типа (духовные песни Фюрекера, замечательные сами по себе и являющиеся высшим художественным достижением латышской литературы XVII в., естественно, играли меньшую роль в этом отношении).

Особое значение с этой точки зрения имели два издания Манцеля, претендующие на роль духовного руководства — "Lettisch Vade mecum" (1631, 2-е изд. — 1643, 3-е 1673, 4-е — 1685. Riga) и "Lang-gewünschte Lettische Postill" (1654, Riga). Первая книга включает в себя шесть разделов

⁷ См.: Biezais H. Der älteste Text des lettischen Vaterunsers. — Nordisk Tidskrift för Bok- och Biblioteksväsen, 1957, I. О других ранних текстах "Отче наш" см.: Arbusovs L. Latviešu tēvreize senos tekstos. — IMM, 1920, X, l. 357–362; Seja P. Vēl kāds latviešu tēvreizes teksts. — IMM, 1925, XI, l. 285; Zēvers J. Vecas tēvreizes latviešu valodas pieminekļi. — IMM, 1929, XII, l. 512–518; Augstkalns A. Par vecajām tēvreizēm. — IMM, 1930, I, l. 301–311; Biezais H. Ein neugefundener Text des lettischen Vaterunsers aus dem 16. Jahrhundert. — Nordisk Tidskrift för Bok- och Biblioteksväsen, 1955, 2, S. 47–54 (латышский текст — Jaunatrstas latviešu Tēvreizes teksts. — Ceļa Zīmes, 1955, 26, l. 281–285); Draviņš K. Das Hasentötersche lettische Vaterunser. — Studi Baltici, 1952, IX, S. 211–213; Idem. Das Ghisbertische Vaterunser im Verhältnis zu den anderen allerältesten lettischen Texten. — Scando-Slavica, 1959, V, S. 7–18; Idem. Die eingetragenen lettischen Texte in der Agenda siue benedictionale (1507), im Exemplar der Universitätsbibliothek zu Uppsala. — Språkliga Bidrag, 1959, vol. 3, N 12, S. 33–43 (mit A. Peetre); Idem. Die Quellen des Vaterunsers von Bruno. — Ceļa Zīmes, 1955, 28, S. 473–476 (перепечатано в кн.: Draviņš K. Altlettische Schriften und Verfasser, I. Lund, 1965, S. 19–42), ср. также: Eine unbeachtete Überlieferung des Lettischen Vaterunsers. — Språkliga Bidrag, 1959, N 12, S. 5–32; J.D. Wunderers lettisches Vaterunser und Nachrichten über Letten und Litauer im Jahre 1590. — Ibid, 1960, N 14, S. 47–59; Ozols A. Veclatviešu rakstu valoda. Rīga, 1965, l. 57–61 и др.

⁸ Не раз обсуждался вопрос о языковой принадлежности этого текста (латышский или прусский). См.: Hermann E. Ist Simon Grunaus Vaterunser lettisch? — NAWG. Phil.-hist. Kl. Jg., 1948, Nr. 1, S. 19–29; Schmid W.P. Zu Simon Grunaus Vaterunser. — IF, 1962, Bd. 67, S. 261–273.

⁹ См. Latviešu literatūras vēsture, I, l. 330, 334 (о лекциях Страуберга соответствующую тему). Ср. ["Der Unteutsche Catechismus". Lübeck, 1560], о чем см.: Zēvers J. Kas Zviedrijas bibliotēkās un arhīvos atrodams par seniem latviešu un igauņu valodas pieminekļiem? — IMM, 1929, XII, 496.

¹⁰ См. о нем статью К.А. Карулиса в этом сборнике.

¹¹ Очень любопытна находка (к сожалению, потом утраченная), имевшая место в 1560 г. в Свентайской церкви (Курземское герцогство, теперь на территории Литвы) ревизором Иоганном Функом. Речь идет прежде всего о Евангелии и Посланиях (как и некоторых других богослужебных текстах), написанных на куршском (!) языке ("alles in Curischer Sprache").

¹² Ср. их немецкие заглавия (на титульном листе): "Evangelia vnd Episteln aus dem Teutschen im Liefvländische Pawrsprache gebracht", "Enchiridion. Der kleine Catechismus: Oder Christliche Zucht . . . Durch D. Martin Luther. Nun aber aus dem Teutdschen in der Liefvländische Pawrsprache gebracht. . .", "Psalmen vnd geistliche Lieder oder Gesänge welche in der Kirchen Gottes zu Riga vnd anderen Örttern Liefvländes mehr in Liefvländischer Pawersprache gesungen werden. . ." (ср. 1-е изд. 1587) и др.

¹³ Ср.: Sihra Gudribas Gramahta [1625 ? Rhiga].

(где наряду с ранее издававшимися сочинениями есть и новые тексты): 1. "Evangelia vnd Episteln", 2. "Historia passionis Domini Nostri Iesu Christi", 3. "Der trawrige Historia der erbärmlichen Zerstörung der Statt Jerusalem", 4. "Lettische geistliche Lieder vnd Psalmen", 5. "Der kleine Catechismus D. Martini Lutheri", 6. "Das Hauss-, Zucht- vnd Lehrbuch Jesu Syrach's". Вторая книга (книга проповедей) — одна из наиболее основательных публикаций религиозной литературы XVII в. В течение полутора столетий книга выдержала шесть изданий (2-е изд. — 1675 (?), последнее — в 1823 г.). Обе эти книги¹⁴ сыграли едва ли не решающую роль в практическом утверждении определенного круга идей и латышского как языка религиозной литературы и богослужения¹⁵. Велика их роль и в развитии латышской литературы в целом (что, между прочим, объясняется широким диапазоном автора, совмещающего в своей книге довольно специальные и сложные общие идеи с конкретными образами народной словесности, ср., напр., использование пословиц и поговорок), и в привлечении внимания немецких пасторов к латышскому языку, и в стандартизации языка (исправление ошибок предыдущих публикаций, установление латышской орфографии — по немецкому образцу и т.п.).

Георг Эльгер, выходец из протестантской среды, обратившийся позже в католичество, перевел с латинского на латышский и издал в 1672 г. в Вильне книгу под названием "Evangelia Toto anno singulis Dominicis &

¹⁴ В 1637 г. Манцель выпускает Соломоновы притчи ("Die Sprüche Salomonis"), через год включенные в раздел фразеологии его знаменитого словаря: "Lettus, das ist Wortbuch..." (1638). Книга притчей была повторно издана в 1672 и дважды в 1685 г. В 1693 г. в Елгаве (Mitau) появилось издание "Die Spüche Salomonis", а в 1704 г. в Риге — "Salamana Wahrdi". В рукописи известен перевод "Притчей Соломона" (1678), сделанный Андреем Гецелем (Gecels), переведшим также и 150 псалмов (ср.: *Straubergs J. Andrejs Gecelis*. — IMM, 1933, I, l. 299–306; *Zēvers J.* Par dažiem XVII g.s. latviešu valodas pieminekļiem. — IMM, 1932, II, l. 137–145; III, l. 227–234; IV, l. 325–332; IX–X, l. 228–289; *Idem.* Vel kāds līdz šim nepazīstams Andreja Gecēļa (Getzel) latviešu valodas piemineklis. — IMM, 1934, V–VI, l. 423–424; *Ozols A.* Andreja Gecēļa manuskripti. — In: *Veclatviešu rakstu valoda*, l. 113–123). — О Манцеле, помимо общих курсов литературы, см.: *Шмидт П.* Особенности языка латышского писателя Г. Манцелия. — *Живая Старина*, 1895, вып. II, год пятый, СПб., с. 162–170, *Zēvers J.* Jura Manceļa "Vademecum" un daži līdz šim nepazīstami apsvērumi. — IMM, 1927, V–VI, l. 441–446; *Juris Mancelis* (Rakstnieku seas. Sērija skolai un jaunatnei A. Dages un V. Plūdoņa redakcijā, Nr. 1). Rīgā, 1927; *Birkerts A.* Jura Manceļa dzīve pēc dažiem mazievērotiem materiāliem. — *Kopotī raksti*, XIII. Rīgā, 1928; *Bērziņš L.* Valoda un izteiksmes Manceļa rakstos. — IN, 1944, I, 8–12; II, l. 29–31; *Ozols A.* Veclatviešu rakstu valoda, l. 152–204; *Draviņš K.* Eine Faksimileaufgabe der *Zehn Gespräche* von Georg Manzel. — *Ceļi*, 1961, 10, S. 19; *Idem.* Die einzige bekannte Abbildung Georg Manzels. — *Ceļa Zīmes*, 1955, 26, S. 275–276 (перепечатано в кн.: *Draviņš K.* Altlettische Schriften..., I, S. 56–59) и др.

¹⁵ Высоко оценивает значение "Vademecum" А. Аугсткалнс: "1631 г. составляет эпоху. В этом году поворачиваются пути латышского литературного языка (latviešu rakstu valoda); с этого года ведется отчет теперешнему латышскому литературному языку. Как позвал Манцелий — Vade mecum! Иди со мной! — так и следует за ним с тех пор литература" (*Augstkalns A.* Veclatviešu rakstu apskats. — *Rīgas Latviešu biedrības Zinību komisijas Rakstu krājums*, 1930, XX, l. 101).

festis diebus ... in Livonia Lothavis praelegi solita"¹⁶, дополнив ее текстом катехизиса ("Catechismus seu Brevis Institutio doctrinae Christianae...")¹⁷.

И, наконец, особого внимания заслуживает переводческая деятельность Рейтера (Jānis Reiters, Johannes Reuter, он же — Jānis Jātnieks), поскольку именно он предпринял ряд попыток перевода ветхого и новозаветных текстов и был, насколько известно, первым латышским автором, подвизавшимся на этом поприще. Если раньше были известны практически только теологические сочинения Рейтера ("Positiones philosophicae de mansuetudine" 1654; "Dissertatio theologica. Positiones philosophicae de Coena Dominica", 1656), сохранившиеся каждое в единственном экземпляре¹⁸, а ряд его переводов (в частности, Евангелия от Матфея и др.), как правило, оставались не найденными, то за последние тридцать лет положение существенно изменилось. И теперь в распоряжении исследователей есть 4 экземпляра латышского текста "Отче наш" (1675; издание 1662 г. не найдено) и очень ценные опыты перевода ряда мест из Ветхого и Нового заветов (1675; всего 24 страницы) — "Eine Übersetzungs Probe..."¹⁹, являющиеся откликом Рейтера на предложение о переводе Библии на латышский язык, сделанное еще в 1662 г. суперинтендантом Лифляндии И. Гезелиусом и одобренное тогдашней шведской правительницей²⁰ (экземпляр найден 1-го августа 1974 г. в Библиотеке университета в Упсале). Несомненно, что публикация этих опытов библейских переводов имела целью заявить свое право на полный перевод Библии. Но в этом Рейтер потерпел неудачу. Считают, что причинами могли быть известная неустойчивость Рейтера в лютеранской конфессии, некоторые черты его характера и, наконец, сам тип перевода, заметно отличавшийся от обычных образцов. Как бы

¹⁶ Ср. теперь: *Evangelien und Episteln ins Lettische übersetzt von Georg Elger. Nebst einem Register seiner geistlichen Lieder aus der Zeit um 1640. Bd. 1. Texte.* Hrsg. von K. Draviņš. Lund, 1961. Из других трудов Эльгера ср. "Evangelia..." (1620) и публикации латышских духовных песен — "Geistliche Catholische Gesänge" (1621, Braunsberg) и "Cantiones spirituales" (1673), переведенные с латышского, немецкого и польского. Об Эльгере см.: *Augustkalns A.* Veclatviešu rakstu apskats, l. 92 и сл.; *Ozols A.* Veclatviešu rakstu valoda, l. 124–131; *Zemzare D.* Latviešu vārdnīcas (līdz 1900. gadam). Rīgā, l. 67–72; *Draviņš K.* Eine Veröffentlichung zweier Handschriften von Georg Elger. Ein alter lettischer Autor in neuem Licht. — In: *Draviņš K.* Altlettische Schriften..., I, S. 51–55; *Kučinskis St. J.* Elgera mūža gājums. — *Dzimtenes Balss* 1953–1954, Jg. 8, N 11, S. 11–17; N 12, S. 21–26; Jg. 9, N 1, S. 28–35; *Karulis K.* Pirmo latviešu valodnieku pieminot. — In: *Latviešu valodas kultūras jautājumi* (Rakstu krājums), 20. laidenis. Rīgā, 1984, l. 48–52 и др.

¹⁷ Ср. также "Catechismus Letticus" (1662, Riga), связанный с именем И. Гезелиуса:

¹⁸ Текст третьего сочинения ("De creatione et providentia Dei") до сих пор не найден.

¹⁹ См.: *Jānis Reiters.* Tulkojuma paraugs. 1675. gadā Rīgā iznākušo latviešu bībeles tekstu faksimilspiedums. Ar B. Jēgera apceri. Stockholm, 1975 [1976]; см. также: *J. Reuter, Oratio Dominica XL linguarum*, Rostochii, 1675. Editio nova. Praefatus est B. Jēgers. Havniac, 1954. В качестве дополнения см.: *Draviņš K.* Textverbesserungen mit der Hand in einigen Exemplaren von Johann Reiters *Oratio Dominica*, 2. Auflage. Rostock, 1675. — *Sprāklīga Bidrag*, 1960, vol. 3, N 15, S. 126–131 (перепечатано в кн.: *Draviņš K.* Altlettische Schriften..., S. 79–82).

²⁰ Первым откликом на это предложение был упомянутый выше латышский перевод Евангелия от Матфея.

то ни было, предпочтение было отдано Глюку, и Рейтер должен был сойти со сцены²¹.

Глюк полностью оправдал возлагаемые на него в связи с переводом Библии надежды. Начав работу в 1680 г. (во всяком случае такого официальная дата), он уже в 1683 г. окончил перевод Нового завета²², который был напечатан ровно триста лет назад, в 1685 г., — "Tas Jauns Testaments Muhsu Kunga Jēsus Kristus". Этот год стал одной из важнейших вех в истории латышской культуры. В 1689 г. выходит латышский перевод Ветхого завета, а в 1692 г. — дополнительная книга апокрифов. В 1694 г. было закончено полностью печатание этого издания, и тогда же появился указ шведского короля о распространении латышской Библии. Книга была напечатана в количестве 1500 экземпляров; шестая часть их (250) была бесплатно роздана церквям, школам и важным персонам; остальные поступили в продажу; в 1739 г., когда вышло второе издание Библии, оставшиеся сто экземпляров первого издания шли в продажу по одному талеру за экземпляр. Само издание латышской Библии носило исключительный характер. Книга, напечатанная в рижской типографии Вилькена, насчитывала 2500 страниц; ничего подобного не печаталось в Латвии ни до этого, ни после (если не считать новых изданий Библии) — вплоть до начала XX в. Ряд документов сообщают интересные детали, связанные с материальными условиями работы над переводом²³. Существенно, что Глюку помогали два студента — Vitens и Klemkens. Переводчикам было предоставлено особое помещение, выделялось продовольствие, они снабжались бумагой. Работа была организована рационально и протекала, видимо, без серьезных помех.

В своем переводе Глюк опирался на опыт предшественников и современников — Манцеля, Рейтера, Фюркера, Адольфи и др., и в целом удачно

²¹ В 1681 г. Карл XI назначил Рейтера пастором в Унадице (Ингерманландия) и ассесором в консистории (Унадица упоминается с 1500 г.: *Въ великого князя селъ въ Вуночицахъ...*; *село Уночицы...* См.: Новгородские писцовые книги, изданные Археографическою комиссиею. Т. 3. Переписная оброчная книга Вотской пятины 1500 г. СПб., 1868, с. 555, 566; ср. также: *Vontitza By* — см.: *Jordeböcker öfver Ingermanland*. Писцовые книги Ижорской земли. Т. 1. Годы 1618—1623; Унадица находилась в Радчинском погосте Копорской земли — *Saporie Lähn*). С 1686 г. Рейтер становится пастором в Дудергофе (финск. *Tuutari*), в непосредственной близости от будущего Санкт-Петербурга, заложенного через шесть лет после смерти Рейтера (1697). Любопытно, что в 1670 г. Рейтер оказался лютеранским пастором в Москве, где, однако, пробыл не более года. — О жизни и трудах Рейтера см.: *Straubergs J.* Latviešu Bībeles tulkojumu mēģinājumi priekš Glikā. — IMM, 1935, II, 1. 312—320; *Idem.* Rīgas vēsture. Rīga, 1936, I. 362—365; *Idem.* Reiters Jānis. — *Latviešu Konversācijas vārdnīca*, 18. sēj. Rīga, 1939, I. 35258—35260; *Niedre J.* Op. cit., I. 73—75; *Latviešu literatūras vēsture*, I. 1. 375—381; *Dravinsk K.* Pirmais latviešu literāts; *Dr. Jāņa Reitera darbi*. — *Cela Zīmes*, 1953, 11, 1. 28—32; *Idem.* Par Jāņa Reitera iespīestiem darbiem. — *Ceļi*, 1969, 14, 1. 19—26; *Ozols A.* Op. cit., I. 205—210; *Jēgers B.* Zīņas par Jāņa Reitera tautību. — *Ceļi*, 1967, 13, 1. 3—15; *Dunsdorfs E., Jēgers B.* Jāņa Reitera dzīve avotu gaismā. — *Archīvs*, 1969, 9, 1. 45—72; *Kučinskis S.* Jānis Reiters kā katolis katoļu dokumentu gaismā (1665—1670?). — *Ceļi*, 1969, 14, 1. 3—18 и др.

²² Видимо, с окончанием этой части перевода связано начало пасторской деятельности в Алуksне.

²³ См.: *Straubergs J.* Kā noritēja Bībeles tulkošanas darbs. — IMM, 1943, 9; *Karulis K.* Op. cit., I. 52—53 и др.

выполнил свою задачу — и в плане аутентичности латышского текста оригиналу, и в плане лингвистической точности²⁴. Что означал глюковский перевод Библии для латышского языка и для духовного развития латышей? Прежде всего Библия как самый большой, самый разнообразный и самый ответственный текст, в котором был использован латышский язык, не могла не стать важнейшим источником знаний о самом языке, каким он был во второй половине XVII в. Сумма лингвистических свидетельств, содержащихся в переводе библейских текстов, существенно превышает все то, что известно по другим латышским текстам до 1685 г. (как известно, часть последних была не вполне полноценна как в силу "тематически-ситуационной" ограниченности этих текстов, так и по причине неполного, "частичного" владения переводчиками латышским языком). И объясняется это преимуществом глюковского труда не только его объемом, но и разнообразием топики, богатством смысловой и идейной структуры текста. До сих пор латышский язык использовался в письменных текстах с известной необязательностью, "вполсилы", постольку поскольку. Ему никогда не приходилось так напрягаться и в такой мере собирать свои внутренние резервы для того, чтобы быть достойным своего высокого задания, как в этом великом испытании. В этом смысле текст Библии не только свидетель (и иногда очень показательный²⁵) определенной стадии в развитии латышского языка (пассивный аспект проблемы), но и результат выполнения некоей лингвистической "сверхзадачи", в ходе которого язык "выходит" из самого себя, преодолевает себя в своей данной эмпиричности, делает заявку на большое будущее, на новые формы и модусы своего бытия. Сам язык Библии оказывается в равной степени и результатом предыдущего развития и одновременно процессом нахождения и осознания того ядра, из которого ему судено отныне развиваться. Этот процесс привел к языковому "прорыву", который воплощает уже

²⁴ В связи с переводом Библии на латышский язык см. кроме указанных выше следующие работы: *Vierhuff G.* Der Sprachforscher als Kritiker der Bibelübersetzung. — MLLG, 1865, XIII, 2, S. 1—12; *Döbner Th.* Die Geschichte der lettischen Bibelübersetzung. — MLLG, 1893, XIX, 2; *Smits P.* Glūka Bībeles valoda. — RLB, Zinību Komisijas 14. rakstu krājums. Rīga, 1908, I. 21—100; *Hilners G.* Op. cit.; *Янсон И.* Латышское общественно-культурное развитие и латышская литература. — В кн.: Сборник латышской литературы. Пр. 1916, с. 7 и сл.; *Bērziņš L.* Ernst Glīks. Darba mūžs un mūža darbs. Rīga, 1935; *Idem.* Ernsts Glīks tulkojuma darbā. — IMM, 1939, II, 1. 149—161; *Straubergs J.* Latviešu Bībeles tulkojumu mēģinājumi priekš Glikā. — IMM, 1935, X, I. 312—320; *Idem.* Kā noritēja..., I. 197—200 и др. — В более широком плане см.: *Bielenstein A.* Die lettische Sprache und die christlichen Begriffe. — MLLG, 1866, XIII, 3, S. 27—48.

²⁵ В первую очередь эта свидетельская функция выступает в тех ситуациях, когда фиксируются отклонения от нейтрального типа по шкале времени. В этом смысле заслуживают равного внимания и архаизмы (ср., напр., помещение возвратной частицы между префиксом и корнем, как в литовском: *at-sa-gahdajahs, is-sa-brihi-nijahs*; или флексию *i* в Dat. Sg. *i*-основ, ср. *Tawai azzi, Juhsai sirdi* и т.п.), и новообразования (их в переводе Библии немало, поскольку в ряде случаев Глюку приходилось работать "на чистом месте", решая ранее не возникавшие задачи; следует высоко оценить целый ряд предложенных им решений). Не менее важны представленные в языке перевода диалектизмы, локализмы, окказионализмы. О языке перевода см. *Smits P.* Glūka Bībeles valoda, I. 21—100; *Ozols A.* Op. cit., I. 260—311 и др. Тем не менее лингвистический аспект перевода Глюка заслуживает более подробного монографического исследования.

активный аспект роли языка в переводе и знаменует собой начало нового этапа в становлении латышского языка вообще и литературного языка в первую очередь. Но еще важнее, что благодаря переводу Библии на латышский язык, который выдержал "сверхнагрузки" смыслов источника, совершился другой прорыв — к сфере духовных ценностей. В истории культуры христианских народов перевод Библии всегда занимал особое место и играл исключительную роль, свидетельствуя о степени зрелости языка и соответствующей культуры. Благодаря глюковскому переводу и латышский народ приобщился к культуре христианского мира, сделал важный шаг к самосознанию себя как целостно-единого, но не в этноязыковом и культурно-историческом хаосе, а в тесном и организованном ряду "обращенных" народов, вставших на стезю цивилизации и просвещения. Сам язык латышской Библии оказался внутренне христианизированным и открыл возможность приобщения (принятия) к его логическим структурам и стоящим за ними духовным ценностям. Он заново формировал своего читателя (или слушателя), подобно тому как процесс перевода такого текста, развивая особые творческие энергии, формирует самого переводчика, проводя его через фазу внутреннего становления²⁶. И именно в этом прежде всего сказывается общенациональное значение перевода Библии. Наивно и неверно распространено до сих пор утверждение о том, что перевод предназначался только для немецких пасторов. И объективно и субъективно он был обращен и к латышскому народу, о котором Глюк не только помнил, переводя Библию, но и который он своим переводом хотел спасти, выводя его из тьмы к свету и указав ему тем самым новый путь²⁷. Перевод Библии на латышский язык был подвигом и главным делом жизни Глюка, для которого жизнь и труд существовали только в их слитности, = *darba mūžs un mūža darbs*²⁸, как сказал о жизни и трудах Глюка один исследователь²⁹.

²⁶ В этом смысле Глюк — не по природе, а в силу языкового преобразования — может рассматриваться как детище примененного им самим латышского языка. Но он же был и пестунем этого языка. Поэтому научное издание перевода Глюка с лингвистическими, текстологическими и историко-культурными комментариями — долг памяти об этом подвижнике. Вместе с тем такое издание отвечало бы насущным потребностям латышского источниковедения, понимаемого в самом широком смысле.

²⁷ Собственно, об этом же свидетельствует и начало предисловия к переводу Нового завета (автор предисловия И. Финер), обращенное к "возлюбленному латышу" с призывом стать с помощью этой книги истинным христианином. Ср.: *Tas ir Mīhlāis latweeti|kas man tew no schis Grahmatas bija jateiz. Zellees nu|tohpī gaisch|jo taws Gaischums nahk|un ta Kunga Gohdiba uzslez pahr tew. Esa: 6L|I. Ne paleezi ilgaki ceksch tahs pirmajas Nesipnas|bet pateizi Deewam no Sirds ka wi|nsch arri tew sawu Wahrdu tawā Walodā dewis lassint...*

²⁸ Буквально: "жизнь труда (в труде) и труд жизни".

²⁹ Можно напомнить, что просветительская деятельность Глюка не ограничивалась только переводом Библии. Известно, что в Алуksне, где он был пастором, им были организованы три латышских школы, воспитанников которых он в качестве учителей посылал в церковные приходы, где он был пробстом. В эти же годы Глюк создал одну русскую и одну немецкую школу и несколько других школ.

Будучи студентом в Лейпциге, Глюк мечтал попасть в Лифляндию. Оказавшись среди латышей, он почувствовал тягу к России, русскому народу, русскому языку и, повинаясь внутреннему императиву (*Dahin!*) и внешним обстоятельствам, он очутился в центре России, в Москве. Но служение на поприще русского просвещения началось раньше, в Лифляндии, и есть все основания думать, что последние 10–15 лет его пребывания в этой стране в неменьшей степени были посвящены русской культуре и просвещению. Известно, что еще будучи в Лифляндии, он начинает изучать русский и славянский (церковнославянский) языки, что он озабочен распространением школ, в частности, среди русских раскольников, нередких в восточных частях страны, что он обращается к властям с программой распространения просвещения среди русских³⁰. Так, в 1684 г. Глюк едет в Швецию и представляет на рассмотрение королю Карлу XI свой проект организации русских школ и перевода на русский язык ряда учебников. Король принимает проект, но его смерть в 1697 г. прерывает реализацию этого проекта. Но деятельность Глюка в этом направлении продолжается. Он имел, видимо, все основания написать в 1699 г. следующие слова: "Я, однако, не оставался праздным, и с упованием на милость Божию изготовил уже на русском языке школьные книги и содержу их в доме у себя, хотя с немалым издвигением русского пожилого священника, который служил мне помощником при переводе славянской Библии на простой русский язык, и твердо уповаю, что Господь Бог благословит, к славе его и спасению людей, и сии труды, по примеру подъятых на пользу латышей, а к сему поощряют меня письмами и из Германии, и из Москвы, особливо Головин, царский посланник"³¹. Но судьба этого русского перевода Библии была жестокой: все следы его потеряны. Допускают, что он погиб при взятии Мариенбурга (август 1702 г.), во время Северной войны, когда русскими был пленен сам переводчик. Вместе с тем имела хождение и версия, сообщенная Пекарским, о спасении перевода Глюком, который, "когда была потеряна всякая надежда на спасение этого города [Мариенбурга. — В.Т.], с семейством, слугами и некоторыми из горожан явился в русский лагерь, держа в руках русскую Библию"³². Однако больше об этом переводе слухов не было. Время было неспокойное, быстро меняющееся, чреватое неожиданностями. Глюк и Россия — каждый по-своему — шли навстречу друг другу. И 6 января 1703 г., за пять месяцев до основания Санкт-Петербурга, плененный в Мариенбурге и перевезенный в Псков, Глюк оказывается в Москве, куда он был направлен Б.П. Шереметевым, и вскоре возглавляет

³⁰ Возможно, что при этом учитывались интересы и православных латышей, богослужебные книги которых были написаны на церковнославянском языке, который они, естественно, понимали очень слабо.

³¹ Возможно, что "русский пожилой священник" был монахом Пичуговского монастыря, недалеко от ливонской границы. Приведенное высказывание Глюка интересно и с точки зрения хронологических выкладок: из него следует, что в 1699 г. русский перевод Библии был уже закончен.

³² Помимо указанной выше литературы о Глюке, ср. еще: *Словарь светских писателей митрополита Евгения*, т. I. М., 1838, с. 275–286.

школу Швимера в Ново-немецкой слободе (сам Швиммер стал работать переводчиком в Посольском приказе)³³.

О московской жизни Глюка известно довольно многое³⁴. Первые недели, были, видимо, тревожными³⁵. Глюка сначала содержали как пленника на подворье Костромского Ипатьевского монастыря (в Китай-городе, Ипатьевский переулочек между Варваркой и Ильинкой). Подъячему Т. Шишляеву предписывалось "того апта со всеми полоняниками надзирать со всею осторожностью". Сам же Глюк поступил в ведение Разряд-

³³ Русские, в частности, московские связи Глюка были достаточно влиятельны. Видимо, этим объясняется и отправление Глюка в Москву, и то положение, которое он занял почти сразу же по приезде. В связи с этим стоит напомнить еще об одном эпизоде из жизни Глюка. В Мариенбурге в его доме жила в качестве воспитанницы (приемной дочери) или няньки детей "schönes Mädchen von Marienburg" (как ее называли местные жители) Марта Скавронская, будущая жена Петра I и будущая русская царица Екатерина I. О характере отношений Глюка и Марты Скавронской ходили разные слухи (первым покровителем Марты был какой-то сержант, потом она попала к Шереметеву, а с конца 1703 г. — к Меншикову /Екатерина Трубачева/, уступившему ее Петру I и, видимо, использовавшему ее в своих попытках поссорить Петра с Анной Монс). Как бы то ни было, некое высокое покровительство Глюку во время его московской жизни ощущается с достаточной отчетливостью. Позже Екатерина Алексеевна оказывала покровительство сыну Глюка Христиану.

На основании донесений иезуитов о России можно составить представление и о том ренессансе, которое было у Глюка по приезде в Москву, и о покровительстве ему свыше, и о напряженной борьбе между католиками (иезуитами) и лютеранами (именуемыми часто еретиками) в области школьного образования. Ср.: "Так же школы не шли у русских так удачно (non succedebant), как им хотелось бы, то еретики посовещивали светлейшему царю пригласить какого-то, взятого в плен из Ливонии, проповедника, назначенного старшим пастором в Мариенбурге, разглашая, что это второй Соломон (aliquem e Livonia captivum praedicantem, dictum praepositum Mariaeburgensem, eum velut alterum Salomonem depraedicantem). Вследствие этого князь Меншиков (первый любимец светлейшего царя) основал лютеранскую академию (academiam lutheranam), дал ей много тысяч на библиотеку, на жалованье лютеранским учителям и проч., и назначил для этого заведения огромный каменный дворец; но вскоре оказалось, что все это будет бесполезно" (сообщение миссии, 1703 г.). "Из ереси исторгнут один (Haeresi ereptus fuit unus). На публичном споре тот вышеупомянутый мариенбургский пастор был пристыжен и показано было русским, что он не знает ни восточных языков, ни чего-либо другого. Это привело в большое замешательство весь лютеранский мир, который прежде так хвалился им. Вышеуказанная лютеранская школа затем превращена была в немецкую школу, чтобы в ней учились немецкому языку сыновья писцов и переводчиков" (сообщение миссии, 1704 г.; здесь же сказано: Excursum Peterburgum ad sinum Finnicum...). См.: Письма и донесения иезуитов о России конца XVII и начала XVIII вв. СПб., 1904. с. 185, 186 (= 361, 362). Ср. там же, с. 158 (= 338): "Нашей чести несколько не вредит открытая здесь и переданная ведению лютеран школы, так как после того, как мы смирили начальника этой школы..., и преемник его (ибо начальник умер) снова так был нами унижен, что решительно не пользуется никаким уважением" (письмо отца Франциска Эмилиана к отцу Иоанну Миллеру от 28 января 1707 г.; "униженный преемник", конечно, Паус).

³⁴ К сожалению, некоторые авторы при изложении деталей неточны. В других случаях отсутствуют указания на источники некоторых важных документов, и приходится полагаться на показания тех, кто их видел, но не потрудился точно обозначить.

³⁵ Необходимо учитывать, что Глюк не мог не слышать о трагической участи последователя бемовской теософии Квирина Кульмана и его товарища Нордермана, обвиненных в ереси и сожженных в Москве в 1689 г. На рубеже XVII и XVIII вв. разворачивается антипротестантская деятельность братьев Лихудов ("Слово о предопределении", 1701, ср. их более раннее сочинение "Лютеранские ереси").

ного, а через две недели — Посольского приказа, "для государева дела". Указывалось при этом, что он "умеет многим школьным и математическим и философским наукам на разных языках". Вторая московская "прописка" Глюка — Немецкая слобода, двор пастора Фагения. Здесь он был поселен (с конца января 1703 г.) без караула, но под расписку пастора. В феврале ему отдают в научение первых русских учеников — троих братьев Веселовских. Их велено было учить "с прилежным рдением, чтобы их научить не в продолжительном времени" немецкому, латинскому и другим языкам. Третий и последний московский адрес Глюка, с которым в наибольшей степени связана его просветительская деятельность, — палаты В.Ф. Нарышкина на Покровке³⁶, где была открыта школа, в которой Глюк стал директором³⁷.

Удивляют энергия Глюка и тот размах, который он придал своим просветительским планам. Набираются учителя из среды московских и приезжих немцев (среди них и верный ученик и помощник Глюка, многому у него научившийся, — Паус); делается все, чтобы расширить круг учащихся и заинтересовать их — и по сути дела и некоторыми привилегиями, связанными с учением³⁸; составляется программа обучения (в 1703 г. она была даже напечатана), носящая очень широкий и, может быть, даже не вполне реальный характер: в программу входит изучение географии, деятельной философии, "ифики", политики, "латинской риторики с ораторскими упражнениями и с изъяснением примеров из историков

³⁶ С.А. Белокуров локализовал двор В.Ф. Нарышкина, купленный последним в 1684 г. у княгини А.В. Голицыной (дочери боярина В.Б. Шереметева). Он находился на пространстве между Покровкой (позже — Маросейка), М. Златоустинским переулком и типичком, ведущим от Покровки к церкви Николы на Столпах (типичок просматривается частично и сейчас — напротив Петроверигского переулка). Палаты В.Ф. Нарышкина находились на этом участке на месте дома № 11, принадлежавшего позже сначала "Человеколюбивому обществу", потом Елизаветинской гимназии. После смерти Нарышкина здесь и была организована школа, переехавшая сюда из Немецкой слободы в марте 1704 г. Следует отметить, что и в XVII—начале XVIII в. и позже в этом районе отмечена концентрация иностранцев, прежде всего немцев (ср. лютеранскую кирху в Космодемьянском пер., немецкую аптеку в начале Покровки/угловой дом, в котором и сейчас существует аптека/, Посольский двор и др.) После того как первая "немецкая" слобода, в которой еще в 1564 г. были поселены ливонцы (до 3000), была разорена в Смутное время, ее обитатели, в частности, стали селиться и в этой части Покровки, что позже называлась Маросейкой. И хотя в 1652 г. последовало распоряжение иностранцам выселиться за пределы города, связи новой "немецкой" слободы с этим местом, видимо, были актуальными. Впрочем, это и естественно, учитывая, что Маросейка через Покровку непосредственно (по прямой) связана с Немецкой слободой (Ст. Басманная, Немецкая и т.п.).

³⁷ Собственно директором Глюк еще стал в школе Немецкой слободы 4 марта 1703 г. (с окладом 300 руб.).

³⁸ Ср. царский именной указ от 25 февраля 1705 г.: "... для общия всенародная пользы учинить на Москве школу на дворе В.Ф. Нарышкина, на Покровке, а в той школе бояри окольничих и думных и ближних и всякаго служилаго и купецкаго чина, детей их, которые своєю охотою приходят и в тое школу записываться станут, учить греческаго, латинскаго, итальянскаго, французскаго, немецкаго и иных розных языков и философской мудрости; а зато учение с тех учеников денежнаго и ни какаго и в его государеву службу неволею взятыя не будет, и о том по граским воротам прибить указы".

Курция и Юстина, а из стихотворцев — Виргилия и Горация"; философии картезианской, языков: греческого, еврейского и халдейского, французского, сирского, немецкого, латинского; арифметики, танцев, конной езды и обучения лошадей. Но Глюк не ограничивается деятельностью внутри самой школы: он старается привлечь внимание к школе и тех людей, от которых много зависело; уже в декабре 1703 г., через несколько месяцев после начала работы в школе, он обращается к царю с просьбой освидетельствовать ее и проверить знания учеников. В результате усилий Глюка школа значительно расширяется³⁹ и получает более высокий статус — становится первой московской гимназией. Царский именной приказ оформляет особое положение училища, возглавляемого Глюком. Важной составной частью просветительской деятельности было составление учебных пособий. Кое-что писалось самим Глюком, как, например, русская грамматика, частично сохранившаяся⁴⁰. Еще больше переводилось им. Среди прочего указывают сочинения Яна Коменского ("Vestibulum", "Orbis pictus", "Janua reserata linguarum"), лютеранский катехизис с ритуалом, молитвенник в рифмованных стихах и т.п. (кое-что, вероятно было переведено раньше). "Europäische Fama" (4. XXXV, 787 и сл.) сообщает, что Глюк кроме указанных религиозных текстов переводил, по повелению царя, и Новый завет; во всяком случае идея духовного просвещения, мыслившаяся как приобщение русских к лютеранству (Глюк называл его в своих русских текстах "православной верой" и вводил русский язык в лютеранское богослужение) не оставляла его до конца дней⁴¹.

Об образовательной программе Глюка, характере его отношений с учениками и особенностях его стиля с показательным смещением возвышенно-патетического и шутливого, "славянского" и просторечно-русского лучше всего можно судить по написанному Глюком собственноручно обращению к его юным ученикам, в котором говорится о пользе учения (в конце Глюком был приложен "Каталог учителей и наук"); ниже следующий текст цитируется по работе С.А. Белокурова.

³⁹ В.Н. Переплунский допускает, что сообщение "Ведомостей" о московских школах (1703) могло относиться именно к школе Глюка (другой вариант — к Славяно-греко-латинской академии). В нем отмечалось, что "московские школы умножаются", что "сорок пять человек слушают философию и уже диалектику окончили", что в математической школе учится более 300 человек. Возможно, конечно, что речь идет о том, что позже стали называть "приписками", но в данном случае важнее сам дух сообщения, просветительский оптимизм и пафос. Впрочем, известно, что в заведении Глюка было 28 учеников.

⁴⁰ Ср. *Delineamenta Domini Praepositi Gfukii, que de Ruthenica grammatica duxit magno hinc inde hiatu. De Etymologia prima grammatices parte vide alibi, hic tamen Coniugatione et syntaxi quaedam consignata videbis* (рукопись, написанная Паусом; II XX. K/6).

⁴¹ Более широкий контекст см. в кн.: Цветаев Д.М. Протестанство и протестанты в России до эпохи преобразований. М., 1890.

ПРИГЛАШЕНИЕ К РОССИЙСКИМ ЮНОМ АКИ МЯГКОЙ И К ВСЯЧЕСКОМУ ИЗОБРАЖЕНИЮ УГОДНОЙ ГЛИНЕ.

Здравствуйте, плодovитые, да токмо подпор и тычин требующие *дидивины*! По указу державнейшего вашего Монарха полюбится мне трети точию словесами вас с истъяснением разума вашего обучати.

Врата умудрения

ныне отпиралися:

Сиречь врата к торговле добрых наук, которым уподоблением Цицерон сыну своему в Афинской Академии Кратиппу Философу преданному школьные сладости прекрасно располагает в 3 книге служб. — Сия речь в российских пределах от древних времен не часто слышана, суетным папаротом и негодным куколом прилучие дана в нестроенных умах юнош корениться. Ныне же чтобы чаще у вас услышана, милость Божия благодатно вам в ползу установила: — вы сами в своей лазухе обрящете причины, для которых вам достоит покорно сие призвание внимати и послушно остроумие свое приклонити, и что полезно вниестъ принимати. Понеже младая юность *аки воск преобразится, | часто в злобу превратится*...

Благо одумайте, что благочестие не приражается, но пристязается. Нива бо не делана не носит пшеницу, но волчец и осоты. Подобае разум ваш очищати и саху прозорливого наказания прилагати; семена же благих наук посеяти сей чин есть и сей путь к жатве обильнейшей.

Сия же врата вам ныне отпираются.

Того ради внидите в тайное приятище премудрости и к благоухищенным и наче злата драгоценным сокровищам, и к приготовлению различных наук и ведомостей... Егда путь к сим вратам и к сим покрытым сокровищам не знаете, се десница готова немощных водити, плавающим помогати и всяким заблудящимся милостию Божиею светило предносити, и тако на сем пути целы будете от заблуждения, ниже со Иксионом, яко в пригчах поетических читаем, облако вместо богини Юно будете обнимати, но вместо простыя и лицемерныя ведомости прямую и истинную премудрость добудете.

Чтобы же познали, что от школьных труд наших в нашу ползу пригодится каталог учителей и наук сим росписом изъясняем, из которого увидите, что не пулные червы суть, которых отроки в бобах находят, ниже кропивы, которыми гряды разума вашего посеяны будут, но полезные науки, сколько их вам в ползу и в красоту пригодятся.

О том же паки и паки коегождо от вас охотника призываю словами Цицерониянскими от вышеупомянутого места: сколько умом своим возможете усиловать, сколько трудом умеете достигнути, толко сотворите, чтобы совершили да не повинитесь при простирании всея благия требности, да не слава о вас услышется, что вы свое благополучие сами примедлили.

Эрист Глюк лифлантский препозит, ныне полоняник.

В этом "Приглашении", несомненно, ощущается стилистика жанра проповеди, в котором Глюк был, видимо, наиболее силен как оригинальный писатель. Об этом же свидетельствует и сохранившаяся проповедь Глюка на Рождество Христово со сходной стилистикой в ряде мест⁴² и обилием стихотворных вставок. Некоторые исследователи довольно положительно оценивают ораторский дар Глюка и его русский язык, справедливо указывая, что проповедь дает и некоторые основания для суждения о языке

⁴² Ср., напр., в связи с явлением Моисею Неопалимой купины: "О человеце, человеце! не приближаясь к сему тайнству рождения Сына Божия, предобразенного зраком в купине... Ты да не приближайся, осквернен волными грехами, но изуй прежде сапоги нечистоты твоея сердечным покаянием..." и др.

перевода Библии⁴³. Тем более очевидны высокие дидактические качества Глюка и как проповедника, и, видимо, как педагога. Этот талант, несомненно, поддерживался другим даром — общительности и расположением к людям. Глюк в Москве всегда был на виду: учил, давал советы, убеждал, проповедывал, лечил⁴⁴, одним словом, помогал ближним.

Но есть еще одна область русской культуры, где заслуги Глюка отмечались уже давно (иногда и высоко), хотя и до сих пор остается не вполне ясным, насколько сделанное здесь Глюком дошло до его преемников, как бы заслонивших собою Глюка. Речь идет о стихотворных опытах немецкого просветителя — как оригинальных (длинная "Благодарственная песнь о всех Божиих добродетелях", представляющая собою акрости: *Борис Алексеевич Галицын*), так и переводных (песни из "Gesangbuch" на русском языке⁴⁵, в частности "Dies irae"⁴⁶), и даже, может быть, не о стихах как таковых, а об их метрике — о силлабо-тоническом (или, по терминологии В.Н. Перетца, "метротоническом") стихосложении этих песен.

Современный исследователь русского стиха и наиболее крупный авторитет в этой области называет силлабо-тонические опыты Глюка и его последователя Пауса "беспоследственным эпизодом становления русского стиха"⁴⁷ [разрядка наша. — В.Т.]. "Беспоследственность" инициативы Глюка, продемонстрированной на довольно значительном объеме текстов⁴⁸, не может быть поставлена ему в вину. В первые годы XVIII в.

⁴³ Ср.: "... можно сказать одно, что, если его проповеди по языку сходны с этой, — то они гораздо лучше и удобопонятнее его "цицеронианского" приглашения в школу. Имея в виду не только людей грамотных, знакомых с словесным языком, но и простых слушателей, которых, может быть, он надеялся склонить в лютеранство, Глюк старался говорить просто, избегая искусственных витиеватых оборотов речи... Судя по данной проповеди, в которой цитируются места из Библии, можно думать, что язык перевода, сделанного Глюком, но не дошедшего до нас — был сравнительно чист, прост, и отличался присутствием народных слов и выражений" (*Перетц В.Н.* Историко-литературные исследования... т. III, с. 82).

⁴⁴ Исследователи биографии Глюка сообщают о его умении врачевать.

⁴⁵ "Allerhand Lieder so der Propositus Glück in das Russische übersetzt" — перевод 53 лютеранских псалмов, приведенных параллельно с немецким текстом В.Н. Перетцем.

⁴⁶ Глюк дал первый русский тонический перевод (до этого было несколько переводов силлабическими стихами) этого знаменитого латинского гимна. Ср. несколько фрагментов: *Во истине день в близости — | Христос на суд скорится, | со огнем, всеми же ангелми | преславно явится || ... Звук трубный услышится, | всех мертвых оживляя; | народ воскреснет до конца, | в земли опочивая || ... Потом прочтутся росписи, | что люди сотвори[ли] | и книжи розгибаемы, | что стар и юн чинили || ... Ох горе тем, которые | речь Бога презирали, | И тоцию сокровище | истлеющее искали ...*

⁴⁷ *Гаспаров М.Л.* Очерк истории русского стиха. Метрика. Ритмика. Рифма. Строфика. М., 1984, с. 44 (ср. также с. 21, 32–33, 45).

⁴⁸ В этом отношении Глюк имеет преимущество перед другими авторами ранних силлабо-тонических опытов, которые к тому же следовали во времени за стихами Глюка, — И.Г. Спарвенфельдом, чье правильное тоническое стихотворение "Аз бо вам уста дават, и Мудрост из вишних послати..." появилось в книге лифляндского пастора Н. Бергиуса "Exercitatio..." (Holmiae, 1704–1709), и "студизусом" Иоанном-Генрихом Остервальдом ("Державнейший Монарх! твой секретарь трудится..." 1729; см. о них *Петровский Н.А.* *Analecta metrica.* — РФВ, 1914, № 1, с. 38–39; *Берков П.Н.* Из истории русской поэзии первой трети XVIII в. — в кн.: XVIII век. Сборник статей и материалов. М.; Л., 1935, с. 61–82 и др.

состояние русской стиховой культуры было таково, что она не могла усвоить этого новшества, потому что не была готова к его восприятию и, кроме того, еще далеко не исчерпала потенциальной силы, лучшие образцы которой появились только через четверть века. Именно эта причина глухоты к опыту Глюка подтверждается и тем в высшей степени правдоподобным предположением, что Глюк не мог не делиться (хотя бы в силу своего культуртрегерского темперамента) своими опытами с русскими учениками. Поэтому масштаб сделанного Глюком перехода к новой системе стихосложения в русской поэтической традиции заслуживает несколько более автономной оценки, не зависящей ни от его последующей судьбы, ни, пожалуй, даже от неизбежных ошибок в русском языке и от неумения обойти некоторые ритмические трудные ситуации (проблема длинных слов и разреженность ударений — вплоть до пропусков их на метрических константах). Эта независимая оценка сводится к тому, что Глюк открыл возможность приложения к русскому стиху нового метрического принципа и продемонстрировал, так сказать, более или менее стандартный вариант реализации этого принципа на примере многих и достаточно разнообразных поэтических текстов.

Здесь снова возникает вопрос о "беспоследственности" реформы Глюка, т.е. о том, действительно ли она была тупиком, и Тредиаковскому и позже Ломоносову пришлось начинать все на чистом месте. Окончательный и, следовательно, достаточно аргументированный ответ на этот вопрос дать трудно. Более того, каким бы он ни был, он не сможет опровергнуть тезис о решающей роли Тредиаковского и Ломоносова в силлабо-тонической реформе в истории русского стиха. И тем не менее принимая во внимание такие известные факты, как переход в 1726 г. Пауса на переводческую работу в Академию наук, передачу рукописей стихотворных опытов Глюка и Пауса в библиотеку Академии, четкое понимание в кругу иностранных ученых в Академии в конце 20- — начале 30-х годов XVIII в. несовершенств русского стиха и естественности его "тонизации"⁴⁹, с одной стороны, и правдоподобное знакомство Тредиаковского и Ломоносова, если не со стихами Глюка и Пауса, то, по крайней мере, с ходячим мнением о тонической переориентации системы, а также известную не полную откровенность (или частичную скрытность) этих писателей в отношении источников их реформы, с другой стороны, — приходится допускать, что опыты Глюка (и Пауса), хотя бы частично и опосредствованно, могли иметь следствия и в истории русского стихосложения (правда, неофициальной). Во всяком случае заслуживают внимания (хотя бы и со снижающими поправками) слова единственного (по сути дела) и весьма обстоятельного исследователя Глюка (и Пауса) и истории русского стиха на рубеже XVII–XVIII вв. В.Н. Перетца: "... Отныне первенство в сочинении русских метро-тонических стихов на русском языке должно принадлежать пастору Глюку, а вслед за ним магистру Паусу. Они, положив в основание немецкую форму и содержание дали первые

⁴⁹ Не раз цитировалось мнение Пауса в рукописи "Observationes, inventa et experimenta circa litteraturam et historiam russicam", представленной им в Академию наук, о том, что "их [русских. — В.Т.] на такой долготе построенные стихи нелепы (absurd) и стеснительны (gezwungen)".

образцы разнообразных форм строфы, хорейской и ямбической, из которых иными воспользовался и сам Тредиаковский, несмотря на откровенно высказывавшееся им отвращение к последнему виду стихов... Исследуя труды Глюка и Пауса, мы присутствуем как бы при зарождении новой формы русского стиха, дожившего до блестящего расцвета уже в первой четверти XIX столетия. От опытов Глюка и Пауса до Пушкина — одно столетие... И приходится удивляться талантливости и трудолюбию русских поэтов, успевших усвоить чужое и так быстро сделать его своим, родным⁵⁰.

Но Глюк достоин большего внимания не только как практик новой метрической системы. Он был интересным поэтом, в стихотворениях которого получило отражение совершенно новое для русской поэзии того времени содержание. Но и оно не было воспринято: идеи европейской духовной лирики XVII в. (прежде всего в варианте окрашенном протестантизмом), ее образцы и формы приписались не ко времени, оказавшись вполне чуждыми тому, чем жила в эти годы русская поэзия. Подробнейшим образом проанализировав одно за другим все стихотворения Глюка, В.Н. Перетц пришел к выводу о том, что, несмотря на целый ряд ошибок в русском языке, в переводе (некоторые неточности, иногда переход к пересказу общего типа или даже пропуск в русском тексте фрагментов немецкого текста) язык Глюка в целом "чист и прост", а перевод выполнен довольно квалифицированно⁵¹. Однако поэтика песен Глюка практически осталась без внимания и ждет своего исследователя. Закладывая страницы, посвященные Глюку как поэту, можно смело сказать, что его поэзия не оценена по заслугам. Недооценка или даже полное игнорирование ее сказывается хотя бы в том факте, что за последние 80 с лишним лет стихи Глюка, собранные Перетцем, ни разу не переиздавались ни полностью, ни частично. Эта несправедливость должна быть исправлена, а инерция последовательного изымания Глюка из истории русской поэзии преодолена. Среди стихов Глюка есть немало удачных строк и строф, и во всяком случае в целом она представляет определенный интерес на фоне небогатого русского стихотворства той поры⁵². Духовные песни Глюка могли бы оказаться

первым подступом к русскоязычному варианту той мистико-пиеетической лирики, которая была вскормлена протестантизмом и имела в своем ряду немало замечательных образцов. Но на русской почве эти опыты продолжения не имели.

Московская жизнь Глюка была короткой — менее двух с половиной лет. Сделано же за это время было много. Не обо всем нам известно. Несомненно, со смертью Глюка немало начинаний заглохло или получило искаженное развитие. В значительной степени это относится и к его школе⁵³. Большинство учителей (включая и Христиана Глюка) сплотились против Пауса. Самый близкий покойному наставнику человек, он был лишен места директора школы и со скандалом удален из нее после многих неприятностей и оскорблений. Но рукописное наследие Глюка он сохранил, передав его позже в архив Академии наук. Именно Паус, а не дети Глюка, стал фактическим душеприказчиком своего друга и руководителя. Вдова Глюка в 1711 г. получила пенсию и была отпущена в Ригу. Сам же Глюк был похоронен на старом немецком кладбище, недалеко от Марьиной рощи⁵⁴. Карамзин видел его надгробный памятник и донес до нас это свидетельство. Наверное он многое мог бы оценить, если бы был знаком с творчеством Глюка. Но ни у Карамзина, ни у других писателей (в том числе и ранних, которые могли бы с пользой обратиться к наследию Глюка) этого знакомства не состоялось. Глюк не был прочтен и усвоен русской литературой, и возможности включения его в ее историю оказались не реализованными. Как и другой пионер из Немецкой слободы, основатель первого московского театра в "комидийной храмине" села Преображенского Иоганн-Готфрид Грегори⁵⁵, Глюк — вопреки его воле и в противоречии с его заслугами — оказался в историческом вакууме, в трагической изоляции от русской культуры (по крайней мере в ее собственном самосознании). Но, упущенный литературой и открытый литературоведением, Глюк должен быть оценен во всем объеме сделанного им. Только в этом случае будет удовлетворено чувство исторической справедливости.

помогай. || Побожно жити на земли, | концом блаженным в смерть ити; | из гроба в день судьбы | нас воскреси, к себе возми (№ 10); Ныне веселимся | сердцем радостны | ныне не боимся | не от пагубы, | ниже от геены, | наши бо враги | акуле одоленны, | осилены вси... (N11); Сердечно-любною, чим ты повинился, | ох Иисусе, чим же повинился? | Что тебе страшным судом осуждали и распинали || ... || Чия вина, что так тебе чинили? | ох, ох, мои грехи тебе побили; | я виноват, Христе, я повинился, ты обличился (№ 14); У тебя любовь сеятая, | крепость голубинная, | благодетство и прямая | милость обретается. | подари мне такожде | сердце милостивое | друзей и врагов любяти, | гневом никою [не] вreditи (N 27); Да дай нам хлеб вседневы | и что потребно к сытости, | храни от неприятеля, | от мора, глада, прения... (N31); День прошел и умалился; | ночь и темность в близости. | свет уже солнечным взырлся | Господи помилуй... (№ 38) и т.п.

⁵³ Среди воспитанников школы, учеников Глюка, тем не менее было немало видных впоследствии деятелей русской культуры (ср. Л. Блюментроста и других).

⁵⁴ В Марьиной роще, где ныне гулянье, тут было кладбище: Тут чужеземцы лежат, и видны могильные камни. Надписи стерты давно; а на них православный пирует, Не заботясь, чей сон он разгульно песню будит... (М.А. Дмитриев. Марьяна роща)

⁵⁵ В двухсотую годовщину постановки "Артаксерксова действия" А.Н. Островский с благодарностью вспомнил о нем в своей пьесе "Комик XVII столетия" (1872).

⁵⁰ См.: Перетц В.Н. Историко-литературные исследования... т. III, с. 425. Ср. также: "Строфы, употребленные Глюком и Паусом, представляют интерес еще и потому, что формулы некоторых из них воспользовался В. Тредиаковский и целый ряд стихотворцев XVIII в.; те же строфы встречаем и в XIX в. у Жуковского и у других — через подражание немецким поэтам. И заметим еще — строфы, впервые внесенные в нашу литературу Глюком, встречаются в ней гораздо чаще, чем те народно-песенные размеры, которые будто бы подали мысль Тредиаковскому перестроить систему нашего стихотворения..." (там же, с. 299, ср. также с. 88: "Благодарственная песнь" составляет замечательное явление своего времени. Не менее замечательны в том же отношении псалмы Глюка").

⁵¹ Ср.: "явно неверный перевод мы заметили лишь в очень немногих случаях" (там же, с. 96).

⁵² Ср. несколько характерных примеров: Спас в яслях возсияет, | свет ночью блистает, | тма погибнет грешная, | вера измывается (№ 1); От мест небесных прииду, | приятная поведаю, | благая вестя принесу, | о них реку да воспою: || родился всем вам отроча, | девицы от избранныя, | младенец дивной дал ся вам: | Господь же воплотился сам. || Христос он нарицается, | Снимаю от вас вся скорбная, | да будет вам в Спасителя, | прощай вся беззаконие (№ 3); Грехам дай отрицатися, | отрини беззакония, | ии прежних грехам приитай, | всей год во всех нам

Atlas gwar wschodniosłowiańskich Białostoczczyzny. Pod red. S. Glinki, A. Obrębskiej-Jabłońskiej i J. Siatkowskiego. T. I. Wrocław, 1980.

В рамках славянской лингвистической географии изучение пограничных диалектных зон составляет особую ветвь со своей специфической проблематикой и методикой, определяемой двумя главными задачами: 1) уточнения и интерпретации границ отдельных языковых и диалектных идиомов в связи с существующей языковой и диалектной классификацией и 2) изучения форм, направлений и результатов межязыковой и междиалектной интерференции. В этом отношении диалектная зона современно Белостокского воеводства интересна вдвойне или даже втрое: как пограничье славяно-балтийское, западнославянско-восточнославянское и белорусско-украинское. В разработке этих проблем в последние десятилетия сделано немало¹, хотя главным образом по каждой в отдельности.

"Атлас восточнославянских говоров Белосточчины" — итог многолетнего собирательского и исследовательского труда сравнительно небольшого коллектива варшавских белорусистов и полонистов, каждый из которых известен и своими индивидуальными исследованиями восточнославянских диалектов Белостокского воеводства. Первый том атласа включает небольшое введение, посвященное истории создания атласа (собирательская работа начата в 1950 г. по программе, составленной в Минске для ДАБМ), его диалектологической и лингвогеографической концепции, методике сбора и обработки материала. В качестве главных целей атласа названы следующие: "1) представить методом лингвистической географии важнейшие данные из области фонетики, морфологии и лексики восточнославянских говоров Белосточчины. Эти данные будут служить дополнением к другим славянским атласам и основой для изучения польского языка на восточнославянском субстрате; 2) показать белорусско-украинские языковые связи на крайнем западе; 3) осветить контакты изучаемых диалектов с соседними польскими диалектами и литературным языком; 4) показать влияние литовского языка на славянские диалекты Белосточчины" (с. 10). Таким образом, хотя и сквозь призму одних лишь восточнославянских (за исключением русских старожильческих) говоров, атлас так или иначе затрагивает весь комплекс ареалогической проблематики в этом регионе. Более того, имея в качестве объекта описания восточнославянские диалекты на разной ступени

¹См. составленную Э. Смулковой библиографию (в кн.: *Teksty gwarowe z Białostoczczyzny z komentarzem językowym*. Warszawa, 1972, s. 219–225), которую необходимо дополнить по крайней мере следующими трудами последних лет: *Kowalska A., Strzyżewska-Zaręba A.* Atlas gwar mazowieckich. Wrocław, t. II, 1973; t. III, 1975; t. IV, 1978; *Kowalska A.* Zróżnicowanie słowotwórcze gwar Mazowsza i Podlasia. Ręcznik. Wrocław, t. I, 1975, t. II, 1979; *Kondratiuk M.* Nazwy miejscowe południowo-wschodniej Białostoczczyzny. Wrocław, 1974; *Halicka I.* Nazwy miejscowe środkowej i zachodniej Białostoczczyzny. Warszawa, 1976; *Maryniakowa I.* Imięstowy w rosyjskiej gwarze starowierców mieszkających w Polsce. Wrocław, 1976; *Hasiuk M.* Fonologia litewskiej gwarzy sejneńskiej. Poznań, 1978; *Grek-Pabisowa I., Maryniakowa I.* Słownik gwary starowierców mieszkających w Polsce. Wrocław, 1980; *Grek-Pabisowa I.* Słownictwo rosyjskiej wyspy gwarowej starobrzędowców mieszkających w Polsce. Wrocław, 1983; *Studia nad gwarami Białostoczczyzny. Morfologia i słownictwo*. Warszawa, 1984; *Kondratiuk M.* Elementy bałtyckie w toponimii i mikrotoponimii regionu białostockiego. Wrocław, 1985.

их неуклонного стирания под влиянием усваиваемого молодежью польского языка и соседних польских говоров, атлас неизбежно в своих комментариях отражает сложную социолингвистическую картину функционирования восточнославянских диалектов на восточном пограничье Польши, в одних из которых белорусский язык (говор) до сих пор (70-е годы) широко используется в повседневном общении всеми жителями села, в других им пользуются лишь старшие жители при общении друг с другом, в то время как молодежь говорит по-польски; в третьих — повседневным средством общения служит польский язык, а к белорусскому прибегают лишь в особых случаях и т.д. Социолингвистическая ситуация, имеющая в данном случае исключительно большое значение, заслуживает специального изучения и более подробного освещения в атласе или в интерпретирующем его исследовании. В рецензируемом томе сведения экстралингвистического и социолингвистического характера содержатся лишь в кратких описаниях каждого села и выглядят достаточно лаконично и унифицировано: напр. "основным средством общения для большинства жителей служит белорусский говор".

В первом томе помещен ценный для лингвистов компактный очерк истории А. Вишневецкого, посвященный истории заселения белостокских земель с конца XIV в., характеристике политических, административных и этнических границ и отношений на этой территории на протяжении шести веков, на фоне и с учетом которых должна восприниматься отражаемая атласом современная языковая картина Белосточчины. Конкретные исторические сведения об отдельных населенных пунктах содержатся в кратких описаниях обследованных сел, каждое из которых включает следующие данные: местные названия села (и их словоизменительные формы), указание на современную административную принадлежность, число жителей и дворов, характер основных занятий населения, наличие школы, конфессиональную принадлежность; краткие исторические сведения об основании села, его общественно-хозяйственном типе и принадлежности крестьян, этническом составе и изменениях в нем, о наличии костела или церкви, о миграциях населения, его массовых эвакуациях во время первой мировой войны и т.п. Эти сведения почерпнуты и из имеющихся исторических документов, и из расспросов местных жителей.

В описаниях сел дается и общая языковая и экстралингвистическая характеристика говора (соотношение и функциональное, возрастное распределение используемых языковых идиомов); краткие сведения об основных информантах, время сбора материала и фамилии собирателей. К сожалению, чрезвычайно интересный, но и крайне сложный вопрос о языковом и этническом сознании носителей восточнославянских диалектов Белосточчины затронут лишь в самом общем плане во вступительной статье, где отмечается исторически объяснимая и сама по себе показательная неадекватность языкового и этнического сознания: "Так, пользующиеся в повседневном общении белорусским говором католики в окрестностях Сокулки и Дубровы Белостокской считают себя поляками; православные из-под Бельска Подляского или Семятыч — преимущественно белорусами, хотя в их говоре немало украинских черт. Случается, что говорящий по-польски считает себя белорусом, а происходит из семьи, говорившей на украинском диалекте" (с. 10). Как справедливо считают авторы, этот вопрос требует специального социологического и социолингвистического изучения.

В атласе впервые очерчен ареал восточнославянского элемента на территории Польши, и уже это имеет первостепенное значение для славянской лингвистической географии. До сих пор более или менее определена была лишь южная граница этого ареала (в довоенной работе В. Курашкевича²), теперь же с предельной точностью изучены западная и северная его границы вплоть до учета пунктов с исчезающе малым числом носителей восточнославянской речи (ср. № 5, 7, 13, 45 и др.). Материал атласа собран в 114 деревнях (среднее расстояние между пунктами сетки 9 км), почти покрывающих в целом территорию Белостокского воеводства (кроме западных окраин) и заходящих на севере в пределы Сувалского воеводства.

Самостоятельный интерес представляет публикуемый в I томе вопросник атласа. В данном случае он служит не только для общей ориентации в материалах атласа и

²*Kurashkevich W.* Najważniejsze zjawiska językowe ruskie w gwarach między Bugiem i Narwią. — *Sprawozdania z posiedzeń Komisji Językowej Towarzystwa Naukowego Warszawskiego. Wydział I językoznawstwa i historii literatury*, t. II. Warszawa, 1939.

облегчения восприятия карт, как это обычно бывает, но является по существу новым, удачно найденным жанром компактного представления результатов лингво-географического труда. Это не тот рабочий вопросник, которым пользовались собиратели, а фактически — указатель всех собранных материалов. Из практики лингво-географической работы хорошо известно, что далеко не каждому вопросу программы соответствует карта, и в случае невозможности картографирования собранных по данному вопросу материал либо вообще не принимается во внимание, либо лишь частично используется при установлении фонетических, словообразовательных и т.д. изоглосс. Предложенный в Белостоцком атласе способ представления материала путем перечня всех основных вариантов ответов на каждый вопрос программы (с минимальным обобщением, неизбежным, впрочем, и при картографировании) имеет то весьма существенное преимущество, что сразу же (с I тома) вводит в научный оборот весь собранный материал, который может быть использован для разнообразных фонетических, морфологических, словообразовательных, лексических, этнолингвистических, этимологических и т.д. исследований, независимо от его пригодности для целей картографирования.

Вопросник содержит 24 тематических раздела: 1. части тела, 2. животный мир, 3. животноводство, 4. рыболовство, 5. земледелие, 6. сад и огород, 7. растительный мир, 8. обработка льна, 9. сырье и его обработка, 10. рельеф местности, 11. транспорт и коммуникация, 12. строительство, 13. домашняя утварь, 14. приготовление пищи, 15. одежда, 16. болезни и их лечение, 17. отношения родства, 18. занятия и общественная жизнь, 19. человеческие качества, 20. верования и обряды, 21. атмосферные явления, время, 22. прилагательные (склонение, степени сравнения), наречия, 23. местоимения и числительные, 24. *varia* (всего 1600 вопросов, не считая вопросов, касающихся косвенных форм). По сравнению с белорусским вопросником, который на первых порах был использован для полевой работы на Белосточчине, в окончательном варианте вопросника значительно расширена лексическая часть, так что по существу он приобрел характер лексической программы, а фонетические и грамматические вопросы по преимуществу включены в лексические. В такой перераспределении вопросов сказалось и влияние весьма сильной польской лингвогеографической традиции (в частности, школы В. Дорошевского), и собственные интересы и опыт составителей атласа.

Первый том включает 8 вспомогательных карт (I. Территория атласа на фоне Польши, II. Физическая карта Белосточчины, III. Политическое и административное деление на территории атласа в 1569–1795, IV. Политическое и административное деление на территории атласа в 1795–1915 гг., V. Направления и границы заселения в XIV–XVIII вв., VI. Состояние лесного покрова на территории атласа в конце XVI и в начале XX в., VII. Административное деление до I.VI.1975 г. и сетка пунктов атласа, VIII. Административное деление, принятое I.VI.1975 г.) и 42 карты, посвященные фонетике.

Фонетические карты отличаются разной степенью обобщения материала. Наиболее обобщенный характер носит карта № 1, представляющая главные фонетические изоглоссы восточнославянских говоров на территории Белосточчины; остальные карты дают конкретизацию, уточнение и детализацию этих основных противопоставлений. К числу главных фонетических изоглосс относятся: 1. аканье — оканье, 2. диспалатализация губных перед *e*, 3. диспалатализация зубных перед *e*, 4. цеканье, дзеканье в оппозиции к мягким переднеязычным *i'd'*, 5. мягкость — твердость этимологического *s*, 6. диспалатализация зубных перед *i*, 7. мазурение. Если мысленно присоединить линии Белостоцкого атласа к соответствующим изоглоссам на территории Белоруссии, которые дает ДАБМ, то они сомкнутся с достаточно мощным пучком изоглосс северо-восточного направления, отделяющим прежде всего полесскую группу говоров, но также, хотя и в меньшей мере, с изоглоссami северного направления, северо-западного, юго-западного и юго-восточного направления³.

Если некоторые изоглоссы, отчетливо прослеживаемые на белорусской территории, имеют столь же четкое продолжение на Белосточчине (напр., изоглосса аканья/оканья, цеканья, рефлексов *é* и др.), то другие релевантные для белорусской терри-

тории границы и противопоставления как бы "затухают" в зоне белостоцких говоров, обнаруживая себя либо в островных ареалах, либо в лексикализованных формах (напр., изоглосса произношения *proda, dou* и т.п.). В будущем, по завершении белостоцкого атласа было бы крайне желательно проследить продолжение всех установленных в ДАБМ изоглосс, упирающихся в восточную границу белостоцких говоров, хотя возможности такого исследования будут, к сожалению, сильно ограничены различием программ и картографируемых элементов, а также несовпадающей ориентацией двух атласов (одного преимущественно на фонетику и морфологию, другого — преимущественно на лексику). Тем не менее даже сопоставление наиболее значимых изоглосс может выявить важные для лингвистической географии особенности ареальной структуры периферийных говоров, каковыми являются белостоцкие говоры по отношению к основному диалектному массиву Белоруссии.

Не менее интересны в зоне пограничья (восточнославянско-запднославянского) повые для восточнославянской изоглоссной области ареалы и границы, сформировавшиеся или формирующиеся под влиянием западнославянского диалектного соседства, такие как мазурение, формы с неполногласием и др.

Одной из наиболее ярких черт представленного в I томе Белостоцкого атласа фонетического материала является большая зависимость фонетики от лексики, большая степень лексикализации и лексических ограничений звуковых правил, размывающая четкость границ и прежних ареальных оппозиций. Выявлению этих характерных для диалектной периферии особенностей, безусловно, способствует применяемый в атласе метод репрезентации фонетических явлений через отдельные лексемы, но сами эти особенности, как кажется, обязаны именно характеру и условиям существования и функционирования диалектов в условиях пограничья, а не способу их описания. Особенно интересны в этом отношении карты, демонстрирующие отклонения (иногда весьма значительные) отдельных лексем от линий системного аканья и яканья.

Таким образом, Белостоцкий атлас, уже получивший известность и высоко оцененный славистами и прежде всего специалистами по восточнославянской и польской диалектологии, ценен не только тем, что он зафиксировал и сохранил для науки исчезающий в наше время диалектный материал (хотя и это, конечно, очень важно), но еще и тем, что он показал самостоятельную теоретическую и методическую значимость для лингвистической географии пограничных диалектных зон как особых объектов лингвогеографии, имеющих специфические признаки ареальной структуры, особый характер изоглосс, особые пути их формирования и изменения. Подобные опыты, а к ним может быть отнесен и только что изданный (созданный, однако, более 20 лет тому назад) "Лингвистический атлас нижней Припяти" Т.В. Назаровой, исследующий сложные ареальные отношения в другой (восточной) зоне украинско-белорусского пограничья, заставляют прежде всего отказаться от прямолинейного и упрощенного понимания языковой границы (даже если она определяется как более или менее широкий пучок изоглосс) и предположить ее понятие языкового пограничья (пограничной ареальной области) как живого лингвистического организма, как особого типа ареала, имеющего свою структуру, типологию, историю, и заслуживающего специального исследования. При таком понимании пограничья однозначные атрибуции говоров как принадлежащих одному из контактирующих языковых типов воспринимаются как грубое насилие над материалом. Применительно к белостоцким говорам, вероятно, следовало бы вовсе отказаться от их определения как белорусских или как украинских. Так собственно говоря и поступили авторы рецензируемого атласа, назвав его атласом восточнославянских говоров Белосточчины. Правда, как некоторое отступление от этой позиции выглядят комментарии к обследованным пунктам, где в определении каждого отдельного говора такие атрибуции все же применяются. Тем самым восточнославянское языковое пространство Белосточчины оказывается (по данным комментария) дифференцированным следующим образом: говоры 76 пунктов (1–68, 71, 72, 74, 75, 80, 81, 89, 92) интерпретируются как белорусские, 23 — как украинские (85, 91, 91а, 93–111), 2 — как переходные белорусско-украинские (73, 79, 13 — как говоры с украинскими чертами ("gwara o cechach ukraińskich"; 69, 70, 76–78, 82–84, 86–88, 90). Обобщающая карта (№ 1) лишь отчасти помогает понять такое расчленение, оно требует специального обоснования и объяснения тех крите-

³См. Лингвістычная геаграфія і групка беларускіх гаворак. Мінск, 1969, карты 2–16, 26–29, 36, 37, 48, 50, 60, 62, 63, 64.

риев, по которым проводится идентификация указанных языковых типов, тем более, что материал белостоцких говоров не подтверждает характерного для белорусской территории совпадения изоглоссы оканья с другими так называемыми "украинскими" диалектными признаками.

Белостоцкий атлас задуман как многотомное издание. В последующих его выпусках (каждый из них, как объявлено, будет содержать по 100 карт) специалисты ожидают увидеть не только результаты столь же тщательного, как в рецензируемом томе, обследования западной периферии континуума восточнославянских говоров, но и итоги исследования методом лингвистической географии сложной картины языковых контактов, отличающих Белостоцкий регион. Тот факт, что атлас создается в условиях серьезного внимания к межязыковой и междиалектной интерференции в этом регионе (ср. издание в 1972 г. комментированных диалектных текстов Белосточины, отражающих все три языковых идиома — восточнославянский, польский, литовский, а также изданные в 1984 г. исследования по морфологии и лексике белостоцких диалектов в том же духе), дает основание надеяться на адекватную концепцию лингвогеографического отражения этой уникальной языковой ситуации. Немало примеров, уточняющих конкретные детали языковых связей, содержит свод собранных диалектных материалов, представленных в вопроснике.

Пожелаем польским коллегам успешного продолжения их работы.

Т.М.Судник, С.М.Толстая

МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ БАЛТИСТОВ В ВИЛЬНЮСЕ

9–12 октября в Вильнюсском государственном университете им. В.Капсука состоялась Международная конференция балтистов, организованная кафедрой балтийской филологии ВГУ и Сектором структурной типологии Института славяноведения и балканистики АН СССР.

Конференция в новом статусе продолжила традиционные встречи балтистов. Три из предшествующих ей Всесоюзных конференций по балтийскому языкознанию состоялись в Вильнюсе (1964, 1970 и 1975), а четвертая в Риге (1980).

На двух пленарных заседаниях было заслушано 9 докладов. Проблема разграничения балтийских названий, отмеченных на зап. окраине расселения балтов (в исторической Померании), от прусских и других обсуждалась в докладе В.П. Шмидта (Геттинген); Ю.С. Степанов (Москва) развивал гипотезу о возможности соотнести три типа предикатов прото-и.-е. предложения с тремя группами и.-е. глаголов, определенными по категории диатезы; в докладе А. Гирдяниса (Вильнюс) обосновывалось предположение о том, что пралитовские слоговые интонации слабо различались между собой (даже в дифтонгических слогах); на важность использования диалектной лексики славянских языков для реконструкции балто-славянского лексического фонда указал Ю.В. Откупщиков (Ленинград); Вяч. Вс. Иванов (Москва) обосновал индоевропейское происхождение прусских "герундивных" форм на *-ntei-*; проблемы изучения балто-армянских параллелей обсуждались в докладе Дж. Болоньези (Милан), проблемы реконструкции балто-славянской фразеологии — в докладе Р. Эккерта (Берлин); доклад А. Блинка (Рига) был посвящен вопросам становления латышского литературного языка.

На секции "Взаимоотношения балтийских и других индоевропейских языков" (20 докладов) обсуждалась, в основном, проблема места балтийских языков в индоевропейской семье. Теория о центральном положении в ней балтийских языков, ранее выдвинутая В.П. Шмидом, критически рассматривалась в докладе В.П. Нерознака (Москва). На архаичность балто-славянской фонологической и просодической систем по отношению к моделям других и.-е. языков указал Л.Г. Герценберг (Ленинград). В докладе О.С. Широклова (Москва) обосновывалось отнесение балтийских языков к северной зоне и.-е. диалектного континуума и поздний характер сатемизации. Археологические данные о распространении балтийских племен в северной Европе были обобщены в докладе П.М. Долуханова (Ленинград). Много внимания на секции уделялось древнейшим лексическим и грамматическим изоглоссам, связывающим балтийские языки с албанским (В. Фидлер, Берлин; В.Э. Орел, Москва), армянским (Л.А. Сарджев, Ц.П. Арутюнян, Ереван), анатолийскими языками (Л.С. Баюн, Москва), а также взаимоотношениям балтийских диалектов (О. Буш, Рига). Большой интерес вызвало освещение развития категорий залога в докладе А.Н. Савченко (Ростов-на-Дону), в котором обосновывался первичный характер залоговых оппозиций в системе балтийских причастий. Формирование настоящего времени в прусском языке рассматривалось Ф. Кортландом (Лей-

ден). На основе сравнительного изучения балтийских языков были предложены реконструкции и.е. названий времен года (В. М а ж у л и с, Вильнюс) и инфинитивных конструкций (Д.И. Э д е л ь м а н, Москва; В. А м б р а з а с, Вильнюс).

На секции "Балто-славянские языковые отношения" обсуждались доклады Л. Б е д н а р ч у к а (Краков) о типологии балто-славянских отношений в рамках и.е. языковой семьи; В. М а н ь ч а к а (Краков) о методике установления степени родства между балтийскими и славянскими языками; В. Ч е к м о н а с а (Вильнюс) о причинах и времени возникновения праславянского языка, а также доклады, посвященные отдельным проблемам фонетики (В.К. Ж у р а в л е в и А.И. Ш а х м а й к и н, Москва), морфологии (В.И. Д е г т я р е в, Ростов-на-Дону), лексики и фразеологии (Б.Н. П р о ц е н к о, Ростов-на-Дону; С. К о л ь б у ш е в с к и й, Познань; И.И. Л у ч и ц-Ф е д о р е ц, Минск; В.И. К о в а л ь, Гомель) и нек. др.

На секции, посвященной языковым контактам древних балтов и отдельных балтийских языков с соседними языками, было прочитано 22 доклада. Особое внимание здесь уделялось ятвяжской проблематике. З. З и н к я в и ч ю с (Вильнюс) говорил о литовско-ятвяжских параллелях в описанном им польско-ятвяжском словаре, Е.А. Х е л и м с к и й (Москва) — о возможных финно-угорских словах в этом же словаре, М. Х а с ю к (Познань) — об общих проблемах изучения языка ятвягов. В других докладах рассматривались балтизмы в поволжско-финских языках (Л.Р. В а б а, Таллин), в белорусских и польских говорах (В.Л. В е р е н и ч, С.М. П р о х о р о в а, Минск; А.А. С т а н к е в и ч, Гомель), а также заимствования из других языков в балтийские (Б. Л а у м а н е, М. П о й ш а, Рига). Были заслушаны также доклады, посвященные проблемам интерференции как на фонологическом (А. Б р е й д а к, Даугавпилс), так и на грамматическом уровнях (Ф. Х и н ц е, Берлин). Л. Г р у м а д е н е (Вильнюс) показала, что разрушение оппозиции долгих и кратких гласных в городских социолектах литовского языка обусловлено внутренними причинами, а интерференция лишь стимулировала этот процесс. Структуру словообразовательных калек в языке литовцев США анализировал Л. П а ж у с и с (Вильнюс). Проблемы моделирования просодии в языках прибалтийского ареала рассматривали Э.К. Н и й т и М.Н. Р е м м е л ь (Таллин).

На секции диахронической фонетики и грамматики (16 докладов) обсуждались проблемы происхождения и эволюции отдельных форм балтийских языков, например, литовского инструменталиса (О. П о л я к о в, Вильнюс), латышского локатива (А. Р о с и н а с, Вильнюс), местоименных прилагательных (А. В а л е ц к е н е, Вильнюс), а также вопросы словообразования (С. А м б р а з а с, Вильнюс) и др. Следует отметить возросший интерес к проблемам морфо(но)логии балтийского глагола, которым были посвящены доклады А. Э р х а р т а (Брно), Г. М и к е л и н и (Парма) и А. Я к у л е н е (Клайпеда). На секции были также заслушаны доклады Л. П а л м а й т и с а о реконструкции (пра)балтийского текста, С. Т у м е н а с а о явлениях синтаксического аналитизма в северных литовских говорах (оба Вильнюс), К.Г. К р а с у х и н а (Москва) об истории глагольной флексии в балтийском и др.

Вопросам диалектологии, фонетики и лексикологии отдельных балтийских языков были посвящены 23 доклада на пятой секции. Здесь рассматривались проблемы акцентуации литовских говоров (В. Г р и н а в е ц к и с, Ю. П а б р е ж а, Б. С т у н д ж а, Вильнюс), отдельные вопросы семантики и фразеологии (Э. Я к а й т е н е, Г. Р о с и н е н е, Вильнюс; А. Г у д а в и ч ю с, Шяуляй; Е. К а г а й н е, Рига; Е. Х е м м е р л и н г, Лейпциг и др.), экспериментальной фонетики и др. Особый интерес на секции вызвал доклад В. С м о ч и н с к о г о (Краков) о новых прочтениях прусских слов и их этимологии.

На отдельной секции обсуждались доклады по балтийской ономастике. Здесь в центре внимания были вопросы балтийской этнонимии (Ю. Л а у ч ю т е, Ленинград; С. К а р а л ю н а с, Вильнюс). Были затронуты также проблемы изучения балтийских элементов в ойконимии и микротопонимии в польских говорах (М. К о н д р а т ю к, Варшава, и др.), сообщены результаты новейших исследований по топонимии и антропонимии отдельных балтийских языков (В.Э. С т а л т м а н е, Москва; Ю. Ю р к е к а с, Б. С а в у к и н а с, Вильнюс; А. Б у т к у с, Каунас). А.П. Н е п о к у п н ы й (Киев) выдвинул гипотезу о том, что суффикс славянских патронимов *-ович* является общим праславянско-западнобалтийским образованием.

Седьмая секция была посвящена проблемам изучения грамматики современных балтийских языков (22 доклада). По различным вопросам морфологии и семантики литовского глагола выступали Э. Г е н ю ш е н е, К. М у с т е й к и с, Н. С л и ж е н е, Д. Т е к о р е н е (все Вильнюс); общим проблемам этой области были посвящены доклады Т.В. Б у л ы г и н о й (Москва), А. П а у л а у с к е н е, В. Л а б у т и с а (Вильнюс) и др. Актуальные проблемы синтаксиса нашли отражение в докладах Й. К и л ю с а и Й. Б а л ь к я в и ч ю с а (Вильнюс). Следует отметить рост интереса к синхронной проблематике балтийского языкознания.

На восьмой секции слушались и обсуждались вопросы, связанные с изучением литературных балтийских языков. Й. П а л ё н и с (Вильнюс) подверг критике "интердиалектную" концепцию происхождения литовского литературного языка, В. Р у к е-Д р а в н я (Стокгольм) обратила внимание на частотность причастий как стилистическую черту литовского и латышского литературных языков. Доклады Й.Д. Р а н г е (Мюнхен) и П. Д и н и (Пиза) были посвящены вопросам перевода литовских памятников письменности. На этой секции доклады читали также Я.П. Л о х е р (Берн), Е. Л а у б е р т е (США), Я. Р о з е н б е р г, Б. Р е й д з а н е (Рига), В. Д р о т в и н а с и др.

Всего в работе Международной конференции приняло участие более 30 специалистов из Польши, ГДР, ФРГ, Италии, Чехословакии, Югославии, Норвегии, Голландии, США и Австралии, а также более 130 ученых из Вильнюса, Риги, Москвы, Ленинграда, Минска, Киева, Ростова-на-Дону и других научных центров. Опубликовано сборник тезисов.

В решениях конференции указано на необходимость активизировать типологические исследования литовского и латышского языков, исследования их говоров, языка фольклора. Следующую Международную конференцию по балтистике решено создать через 5 лет в Вильнюсе.

КОРРЕКТУРНОЕ ДОПОЛНЕНИЕ

Исправления к предыдущему выпуску
(Балто-славянские исследования 1983. М., 1984)

Страница	Строка	Напечатано	Должно быть
6	14 св.	<i>hantu</i>	<i>hantu f</i>
6	15 св.	<i>wendori</i>	<i>wendori f</i>
6	3 сн.	<i>milować</i>	<i>miłować</i>
7	14 сн.	<i>tuoti</i>	<i>tuoli f</i>
8	12 сн.	<i>astuōni</i>	<i>astuōni</i>
9	22 сн.	<i>*vavariksne</i>	<i>*vavariksne</i>
9	22 сн.	<i>drignis</i>	<i>drignis</i>
10	19 св.	<i>vēlu</i>	<i>vēlu</i>
10	25 сн.	<i>bēns</i>	<i>bēns</i>
10	11 сн.	<i>*au-kiem</i>	<i>*au-kiem-</i>
11	8 св.	вин.	(вин.
11	27 св.	<i>daīna</i>	<i>daīna</i>
11	23 сн.	168	188
11	19 сн.	<i>dzien'</i>	<i>dzien'</i>
12	17 св.	<i>ējo</i>	<i>ējo</i>
13	9 сн.	'здоровый'	'здоровый'
14	16 св.	<i>kraugi</i>	<i>kraugi f</i>
14	21 сн.	(о-живот-	(о живот-
14	1 сн.	<i>wola'</i>	<i>wola'</i>
15	6 св.	<i>laīve</i>	<i>laīve</i>
16	18 св.	<i>nūo-maras</i>	<i>nūo-maras</i>
20	11 св.	<i>wendori</i>	<i>wendori f</i>
20	28 св.	<i>wirps</i>	<i>wirps</i>
22	9 сн.	<i>il</i>	<i>ii</i>
22	6 сн.	<i>aulaut</i>	<i>aulaut</i>
23	27 св.	<i>*a и *o</i>	<i>*ā и *ō</i>
24	26 сн.	<i>tarytu</i>	<i>taryti</i>
24	11 сн.	<i>jauta</i>	<i>jauta</i>
26	26 сн.	<i>bessertum</i>	<i>dessertum</i>
29	9 св.	<i>*e в i</i>	<i>*ē в ī</i>
29	19 св.	<i>lietūs</i>	<i>lietūs</i>
184	12 св.	ведутты Гвардии	ведуты Гварди
184	12 св.	Беллото	Беллотто
156	19 св.	Βαυλος	Βάυλος
156	5 сн.	Πύων	Πύων
166	11 сн.	Cordon	Gordon
171	17 св.	"Воскресенье"	"Воскресение"

СОДЕРЖАНИЕ

Вяч.Вс. Иванов. О мифопоэтических основах латышских дайн	3
В.Н. Топоров. К реконструкции одного цикла архаичных мифопоэтических представлений в свете "Latvju dainas" (к 150-летию со дня рождения Кр. Барона)	29
Т.А. Сумникова. О словосочетании <i>лютый зверь</i> в некоторых памятниках восточнославянской письменности	59
А. Сабалаяускас. Литовское <i>liūtas</i> 'лев'	78
Вяч.Вс. Иванов. К проблеме 'лютого зверя'	79
В.Н. Топоров. Индоевропейский ритуальный термин <i>souh₁-etro-(-etlo-, -edhlo-)</i>	80
Ю.В. Откупщиков. О мнимых славизмах в балтийских языках	89
В. Виткаускас. Есть ли такая форма: <i>unduo</i> 'вода'?	103
Я. Янавичене. Лингвистическая ситуация в Жемайтю Науместис	106
В.А. Дыбо. Праславянское распределение акцентных типов в презенсе тематических глаголов с корнями на нешумные (материалы к реконструкции)	112
К.К. Богатырев. К вопросу о северолехитской акцентологической реконструкции (непроизводные имена существительные в словинском)	134
С.Л. Николаев. К исторической морфологии древнегреческого глагола	157
В.Н. Топоров. Кельтиберская надпись из Ботторриты в свете балто-славянского сравнения	209
Вяч.Вс. Иванов. Проф. М.Н. Петерсон и развитие балтийского языкознания	224
К. Карулис. 400 лет латышскому катехизису	226
В.Н. Топоров. 1685—1985. Памяти Фюркера, Адольфи, Дресселя и Лангтя	232
В.Н. Топоров. Эрнст Глюк, немецкий подвижник латышского и русского просвещения	243
Atlas gwar wschodniosłowiańskich Białostoczczyzny. Pod red. S. Glinki, A. Obrębskiej-Jabłońskiej i J. Siatkowskiego. T. 1. Wrocław, 1980. (Т.М. Судник, С.М. Толстая)	263
Международная конференция балтистов в Вильнюсе (В. Амбразас, Б. Стунджа, В. Чекмонас)	267
Корректурное дополнение	270

**Балто-славянские
исследования
1984**

*Утверждено к печати
Институтом славяноведения
и балканистики АН СССР*

Редактор издательства *Г.Н. Корозо*
Художественный редактор *Г.П. Валлас*
Технический редактор *О.В. Аредова*
Корректор *Л.А. Агеева*

Набор выполнен в издательстве
на наборно-печатающих автоматах

ИБ № 29757

Подписано к печати 29.04.86
Формат 60 × 90 1/16. Бумага офсетная № 1
Гарнитура Пресс-Роман. Печать офсетная
Усл. печ. л. 17,0. Усл. кр.-отт. 17,0. Уч.-изд. л. 21,8
Тираж 1400 экз. Тип. зак. 245
Цена 3 р. 60 к.

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство "Наука"
117864 ГСП-7, Москва В-485, Профсоюзная ул., д. 90

Ордена Трудового Красного Знамени
1-я типография издательства "Наука"
199034, Ленинград В-34, 9-я линия, 12

Зр. 60к.

БАЛТО-СЛАВЯНСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

